

Марина Сербинова

ЧЕРНЫЙ ТУМАН

ПРОКЛЯТЫЕ

...Вместе с необыкновенным даром, способностью видеть за гранью этого мира, мать передала ей и проклятие. Страшное проклятие, пришедшее через поколения и источник которого затерялся в далеком прошлом. Это сломало ее мать, лишив рассудка и превратив в чудовище. Сможет ли с этим жить она, дочь шлюхи и убийцы-психопатки, во власти страшных видений, которые открывали ей будущее, позволяли видеть мертвых... тех, кто уже пал жертвой ее проклятия и тех, кого это только ожидало? Невидимой тенью за ней следует беспощадная смерть, не прикасаясь к ней и забирая тех, кто рядом...

А может, эти смерти просто случайность, видения — не дар, а страшная болезнь, обрекшая ее мать провести остаток жизни в психиатрической клинике, болезнь, перешедшая по наследству? Может, ей суждено повторить судьбу матери, превратиться в такого же кровожадного монстра и также сгинуть за решетками среди сумасшедших?..

ЧЕРНЫЙ ТУМАН. Проклятые

Сильный холодный ливень, промокшая насквозь и прилипшая к телу одежда, расплывшаяся по лицу косметика, безнадежно испорченная прическа, которую всего несколько часов назад с таким старанием сделал парикмахер и которая сейчас превратилась в нечто, больше напоминающее своим видом вынутые из воды водоросли — все это ужасно не сочеталось с ликующим выражением лица девушки, с радостной улыбкой, время от времени появляющейся на ее губах.

На улицах почти никого не было, изредка пробежал редкий прохожий, пытаясь поскорее укрыться от дождя. Но девушка торопливо шагала по лужам в изящных туфельках на высоком каблуке, в которых плюхала вода. Несколько раз она подворачивала ноги, но все же умудрялась не упасть и идти дальше.

На другой стороне улицы, через дорогу, чуть позади девушки шел унылого вида молодой мужчина под большим зонтом, который не мог полностью защитить его от дождя, что, как заметила девушка, его явно раздражало. На нем был длинный плащ, темные брюки и начищенные до блеска туфли. Было видно, что он недавно вышел на улицу и очень старался не промокнуть и не заляпаться. Мужчина, очевидно, торопился, но все же ступал осторожно, чтобы не забрызгать брюки и обходил каждую лужу, а те, что были поменьше, с ловкостью перепрыгивал. Почти после каждого подобного акробатического трюка он опускал вниз глаза, проверяя, не нарушилась ли идеальная чистота его брюк.

Девушка, пребывавшая в прекрасном расположении духа, готова была расхохотаться, украдкой поглядывая на него. Понимая, что сама сейчас выглядит довольно комично, она посмеивалась над забавным парнем, гадая, как этот разодетый пижон оказался под дождем на улице.

Он поглядывал на нее и поджимал злобно губы, очевидно сообразив, что над ним забавляются. Что ж, он, в свою очередь, наслаждался ее более смешным видом, чем у него. Но, казалось, она не чувствовала никакого дискомфорта, и он невольно удивлялся ее счастливому выражению лица.

Одновременно подойдя к перекрестку, они остановились. Мимо промчалась машина, обляпав и без того промокшую девушку. Она вскрикнула, заметив насмешливый взгляд мужчины. Но его в то же мгновение окатило холодным потоком из-под колес той же машины. Он застыл, зажмурившись, и с досадой выругался сквозь сжатые зубы. Хохот девушки привел его в себя.

Он пронзил ее яростным взглядом.

— Извините, — она виновато пожала плечами.

Он опустил зонтик и, взглянув на себя, горестно вздохнул. Его лицо помрачнело, плечи огорченно поникли. И он не пытался больше защититься от дождя. Его расстроенный вид заставил девушку устыдиться своего поведения. Подняв голову, мужчина посмотрел на нее.

— Вы ужасно выглядите, — сказал он.

Голос у него был красивый и хорошо поставленный, как у превосходного оратора, но не очень приветливый.

Девушка лишь улыбнулась на его невинную попытку отомстить ей.

На лице его снова отразилось удивление. Перейдя через дорогу, он подошел к ней.

— Откройте мне секрет такого прекрасного настроения, как у вас, — серьезно попросил он. — Может, он и мне поможет?

— Я сдала в университете последний экзамен и получила самый высокий бал, — простодушно ответила она. — А в чем секрет вашего плохого настроения?

— У меня сломалась машина, и я уже, очевидно, не попаду на важную встречу.

— Очень обидно, — согласилась девушка.

— Вы совсем промокли, — он махнул рукой подъезжающей машине, и та притормозила. — Садитесь, прогулки в такую погоду лучше совершать в машине.

— Спасибо, но я уже дома, — она перебежала улицу и снова похлопала по лужам, скользя в мокрых туфлях.

Сев в машину, мужчина невольно улыбнулся, наблюдая за ней. Он видел, как она скрылась в дверях большого дома на углу.

Скинув у порога туфли, Кэрол босиком пробежалась по ковру и влетела в кабинет мачехи.

— Куртни! Я все сдала! На следующей неделе я могу приступить к работе! — сообщила она сидящей за письменным столом женщине.

— Иначе и быть не могло, — она поднялась, сдержанно улыбнувшись, но тут же нахмурилась. — Ты только взгляни на себя!

— Там жуткий ливень, — как бы оправдываясь, сказала Кэрол.

— Быстро в горячую ванну, — приказала Куртни, выходя из-за стола. — А я пока подогрею тебе молока.

Кэрол, которая никогда не спорила с мачехой, направилась к двери, но Куртни остановила ее.

— Тебе письмо от Даяны, — она протянула ей конверт.

— Сегодня воистину счастливый день! — воскликнула Кэрол, хватая конверт.

Позже, приняв горячую ванну, девушка сидела на пышных подушечках на диване в гостиной и, попивая горячее молоко, читала письмо.

— Она уже преодолевает милю бегом! — в восторге говорила она Куртни, расположившейся рядом. — Врачи запретили ей такие нагрузки, но она не слушает их. «Они говорили, что я не встану на ноги, а я теперь бегаю не хуже остальных здоровых людей» — пишет она.

Кэрол вспомнила, что три года назад, когда Даяна приезжала погостить, она поднималась с коляски и с огромным трудом делала несколько шагов. Трудно было представить резвую и бегущую Даяну, но, тем не менее, это было так.

На глаза Кэрол навернулись слезы радости. Даяна смогла. Она верила, боролась и сделала почти невозможное. Она мечтала стать моделью и уже посещала курсы для начинающих. Получила несколько приглашений из модельных агентств. Никто и не подозревал, что эта подающие большие надежды девочка столько лет была прикована к инвалидной коляске.

В конверте была фотография, которая заставила Кэрол широко улыбнуться.

— Смотри, она стала еще красивее! — девушка протянула фото Куртни, но женщина не успела его взять. Бесшумно подкравшийся сзади Рэй выхватил фотографию из рук Кэрол и, обойдя диван, присел на подлокотник, не замечая возмущенного взгляда девушки. Опустив

взгляд на фотографию, он мгновение молча ее разглядывал, пережевывая яблоко, которое держал в руках.

— Ну, да, ничего так! — кивнул он, словно кто-то спрашивал его мнения, и передал фотографию жене.

— Мне кажется, из нее выйдет отличная модель, как думаешь? — поинтересовалась Кэрол у Куртни. Та приподняла изящную бровь, разглядывая девушку на фотографии.

— Я тоже так думаю. Она очень красивая девочка.

— Она всегда была красивой. Самой красивой, — Кэрол забрала у Куртни фотографию и снова стала разглядывать. И незаметно вздохнула.

— А ты ей всегда завидовала? — поддел Рэй с усмешкой.

Кэрол покосилась на него, сердито насупившись.

— Ничего я не завидовала!

— Врешь! Ты даже сейчас завидуешь, — Рэй рассмеялся, и откусил большое яблоко, вонзив в него идеальные белые зубы. — Зря. Сейчас уже не нужно.

— Почему? — удивилась Кэрол, заставив его расхохотаться. Поперхнувшись, он закашлялся.

— Так тебе и надо! Нечего надо мной смеяться! — встав, Кэрол с силой стала бить его по спине, помогая прокашляться.

— Эй, хватит, позвоночник мне сломаешь, чего так сильно колотишь? — он вывернулся от ее ударов и поднял руку, защищаясь. — Я вовсе над тобой не смеюсь. Я просто хотел сказать, что ты у нас теперь тоже красавица, хоть куда! Ничуть не хуже своей подружки.

— Прикальываешься надо мной! — обиделась девушка и поднялась.

— Вовсе нет! Куртни, скажи! Разве нет?

Женщина улыбнулась и кивнула.

— Это правда. Ты и раньше была красивой девочкой, только забитой, неухоженной...

— Замухрышкой, — вставил Рэй и перехватил возмущенный взгляд жены. — Что? Так и было! Привез сюда, как котенка, которого на улице подобрал, худющую, замученную... Отмыли, одели, причесали, потом откормили — только тогда на человека и стала похожа. Зато сейчас — принцесса! Куда там твоей подружке! Уверен, теперь она тебе завидовать будет. И почему это ты больше доверяешь мнению Куртни, а не моему? Я мужчина, мне виднее!

— Зато Куртни честнее, — откровенно заявила Кэрол.

— Толку от ее честности, если она не разбирается в вопросе! Я в женской красоте лучше понимаю!

— Кто бы спорил, — отозвалась Куртни с невеселой усмешкой.

— А ну вас! — он встал, оторвавшись от подлокотника дивана. — Я серьезно говорю, могла бы и поддержать меня. Первый раз вижу, чтобы такая красивая девочка была так не уверена в себе, не видела свою красоту! Это же не правильно! Она, наверное, потому и не встречается ни с кем.

Схватив девушку за руку, он подтащил ее к зеркалу на стене и поставил перед ним.

— Смотри. Неужели сама не видишь?

— Кого я должна увидеть? Принцессу?

— Да!

— Нет, не вижу.

Кэрол захихикала, заметив досаду на его лице.

— Зато вижу принца. Вот если бы ты поделился со мной своей красотой, тогда бы и я была принцессой! А ты жадина, зажал, ни капли не дал!

— И правда... вообще ничего моего нет, — он озадаченно разглядывал их отражения в зеркале.

Кэрол тоже разглядывала его и себя, сравнивая. Единственное, что у них было общего — это то, что оба были светловолосые и светлоглазые. И все. Но и волосы и глаза по цвету тоже отличались. У отца волосы были более темного золотистого оттенка, теплого, красивого, как тягучий густой мед, они блестели и переливались, густые, красивые. У нее — намного светлее, как у матери, но, надо отдать должное, в красоте ему не уступали. Хотя сравнивать было трудно, у кого лучше, потому что он носил стрижки и волосы никогда не отпускал, она же свои отпустила до талии, а если выпрямить вьющиеся пряди — они окажутся еще длиннее. Волосы ей свои нравились, она тщательно за ними ухаживала, и всегда удовлетворенно любовалась в зеркало на свою объемную кудрявую шевелюру, шелковистую и блестящую. Роскошную, как у Элен. У Кэрол глаза были нежно-голубые, светлые и прозрачные, с характерной темной каймой вокруг радужки, тоже как у Элен. У Рэя — яркосиние, непередаваемо красивого, глубокого бархатного цвета. Кэрол никогда не видела больше ни у кого такого цвета глаз, он безумно ей нравился, и она хотела такой же. О, если бы у нее были такие глаза, она тоже была бы такой же неотразимой! Кожа у него была темнее, но это не в счет, потому что это был загар, который у него никогда не сходил, и который он всегда поддерживал. У него был теплый тип внешности, у нее — холодный. Нет, они совершенно разные. Все Кэрол взяла от Элен, и ничего — от него.

Кэрол в досаде поджала губы, смотря в зеркало.

Он был такой яркий, заметный, обладал дерзкой, бросающейся в глаза красотой. У Кэрол внешность была более мягкая, нежная, женственная и не такая вызывающая. А в чертах лица вообще ничего похожего даже и не проскальзывало. Единственное — у обоих были большие глаза и длинные темные ресницы, но при этом абсолютно не похожие. Высокий, широкоплечий, сильный, он возвышался над ней, и рядом с ним Кэрол выглядела маленькой и хрупкой.

— Ты так похожа на мать, — тихо сказал он вдруг охрипшим голосом. — Как две капли воды.

Кэрол уловила в его красивых глазах грусть, с которой он ее разглядывал.

— Моя мама очень красивая. Когда я была маленькая, она казалась мне похожей на настоящую принцессу из сказки. Вот она — да, она настоящая принцесса.

— Да, — он чуть кивнул, изучая ее каким-то странным взглядом, от которого Кэрол вдруг стало не по себе. — А ты — ее копия.

Поймав в зеркале взгляд Куртни, он спохватился и оттащил девушку от зеркала.

— Так, проблема не во внешности, — заключил он. — Так что тогда? Почему нет парня?

Кэрол вырвалась от него и подошла к Куртни. Присев рядом с ней, она бросила на нее умоляющий взгляд, прося защитить от нападков Рэя. Женщина ласково улыбнулась и успокаивающе погладила ее по щеке.

— Твоя подружка, наверное, меняет их, как перчатки, а ты в старых девах сидишь, не зазорно? Давай я сам найду тебе парня, — уже, наверное, в сотый раз предложил он.

— Спасибо за заботу, Рэй, но не надо, — Кэрол поморщилась.

— Чего ты кривишься? Думаешь, не справлюсь? Да я тебе такого жениха подкину, все

от зависти лопнут! Куртни, скажи ей! Почему она никогда меня не слушает? Я отец, как-никак! И я беспокоюсь!

— Ладно, Рэй, угомонись, — спокойно отозвалась Куртни, которая, в отличие от него, прекрасно знала причину, по которой Кэрол сторонилась мужчин. — Пинками ты ничего не добьешься. Придет время, и она сама найдет себе подходящего молодого человека, правда?

Кэрол кивнула, улыбнувшись ей.

— С такими темпами она найдет его лет эдак к ста пятидесяти, не раньше. Ты вообще уверена, что ты наша с Элен дочь? Может, перепутали в роддоме? У тебя явно не наш темперамент.

— Это уж точно, — ухмыльнулась девушка. — Если судить по тому, сколько было вам лет, когда я родилась.

— Вот и я о том же! Будь ты нашей дочерью, я бы уже в дедах ходил. Наверняка, ты дочь какой-нибудь старой девы, которая зачала в пятьдесят лет от святого духа, а нам тебя подсунули вместо нашего малыша-развратника.

— Наверное, — Кэрол засмеялась, ничуть не обидевшись. К шуткам и колкостям отца она уже привыкла и редко на них обижалась. Он по натуре был добрым, и даже когда подсмеивался и поддевал, то только забавы ради, а не с целью обидеть.

Она встала, захватив письмо, и, наклонившись, поцеловала мачеху в щеку.

— Я пойду к себе, напишу ответ Даяне, — проговорила она.

Куртни кивнула и тоже поднялась.

— Я в кабинет, поработаю. К ужину не опаздывайте.

Кэрол вышла из гостиной и направилась к лестнице. Рэй увязался следом.

— Если у тебя есть какие-нибудь вопросы... ну, любые, насчет парней, секса и... короче насчет всего, что только захочешь — я готов тебе ответить, обсудить любые темы. Ты не стесняйся. Я понимаю, что Куртни для тебя непоколебимый авторитет, но она женщина... и не может знать то, что знаю я, как мужчина. А совет мужчины может быть ой как полезен. Поняла?

— Поняла.

— Ну, так что... поговорим? Например, о том, что тебе мешает завести отношения? Ну, или о чем ты сама хочешь. Ведь наверняка есть, вопросы, которые тебя интересуют.

— Рэй, спасибо тебе, но давай не сейчас. Обещаю, если у меня возникнут вопросы, я обязательно к тебе обращусь за советом, к тебе, а не к Куртни, хорошо? — она чмокнула его в гладко выбритую благоухающую щеку, чтобы он не обиделся, и побежала вверх по лестнице.

— Врушка! Так я и поверил! С Куртни вечно шепчется, а я как не родной! Между прочим, я твой отец, а она твоя мачеха. Вообще-то принято мачеху ненавидеть. А ты любишь ее больше меня!

— Неправда! — Кэрол резко остановилась и обернулась к нему. — Я люблю вас обоих. Одинаково. Вы — моя семья. Семья, которой у меня не было, пока ты меня сюда не привез. И я тебе за это очень благодарна!

Она сбежала обратно вниз и прямо с лестницы прыгнула ему на шею, повиснув. Он со смехом подхватил ее, не опуская на пол.

— Ну ладно, подлиза, принято! Я же просто шучу, ты же знаешь. Я счастлив, что ты так любишь Куртни. И меня. Что мы стали семьей. Мы тоже тебя любим. Я жалею лишь о том, что не забрал тебя раньше.

— Ты забрал меня как раз вовремя. Раньше не надо было. Тогда бы у меня не было Эми. Он поставил ее на ступеньки и, развернув, хлопнул по заду, подтолкнув вперед.

— Ладно, беги уже, строчи письмо своей ненаглядной подружке. Но помни, о чем я тебе сказал... насчет того, что со мной можно обсудить любые темы и вопросы.

Легко взбежав по лестнице, Кэрол обернулась и перегнулась через перила, посмотрев на него.

— С удовольствием бы послушала твои советы, как разоблачать неверных парней. Ведь никто лучше тебя не знает, как водить нас, женщин, за нос! Поделишься своими хитростями?

— Ах ты... Да я понятия об этом не имею. Я же невинен, как агнец божий. Придержи свой ядовитый язычок, не дай бог, Куртни услышит! А то я тебе... — он размахнулся и молниеносно запустил в нее огрызком от яблока, который все еще держал в руке.

Кэрол, реакция и быстрота которой была превосходно развита благодаря постоянной игре с ним в теннис, ловко увернулась, и огрызок пролетел мимо. Выпрямившись, она снова свесилась вниз над перилами и показала ему язык. Он погрозил кулаком.

— У-у, натренировал на свою голову, посмотрите на нее, быстрая какая стала!

— Да уж побыстрее тебя!

— Что?! Совсем чокнулась, девчонка? Ну, кончится дождь, пойдем на корт, я тебе покажу, кто из нас быстрее!

— Покажи, покажи! — рассмеялась Кэрол и, взмахнув еще влажными после ванны длинными волосами, отвернулась и умчалась в свою комнату.

О, как она любила свою комнату!

Когда она впервые сюда вошла, она поверить не могла, что эта красота для нее. Большая, светлая, с огромным окном, выходящим на балкон, эта комната, как и весь дом, показалась ей королевской. Никогда она раньше не видела такой роскоши, такого богатства. Она и представить не могла, что ее отец, вернее, его жена, настолько богата. Их дом был великолепным. Красивым, стильным, отделанный и обставленный с непревзойденным вкусом, без излишеств и помпезности. И Куртни, и Рэй обладали превосходным вкусом. Куртни сама подготовила комнату для Кэрол, но когда девочка приехала, сказала, что если она хотела бы что-то изменить, то может это сделать. Но Кэрол и не думала ничего менять. Никогда она бы не смогла сделать лучше, чем это сделала Куртни.

Как сейчас, Кэрол помнила, как первый раз пришла в этот дом. С каким страхом и затаенным ужасом в сердце. Богатство и роскошь только напугали ее еще больше, окончательно заставив упасть духом.

Худая, дрожащая, в жалких потрепанных обносках она застыла перед огромным роскошным домом, ощущая себя жалкой, ничтожной... И если бы Рэй не схватил ее за руку и чуть ли не силой затащил в дверь, она бы ни за что не решилась войти сама.

— Любимая, мы приехали! — закричал зычным голосом Рэй. — Ты дома?

И тогда Кэрол увидела ее. От одного вида этой женщины Кэрол бросило в дрожь, она напряглась, готовая удрать, но сильные пальцы отца впились ей в плечи, он поставил ее перед собой, не позволяя сдвинуться с места. Его жена медленно приблизилась к ним и, остановившись от них на некотором расстоянии, задержала на девочке пристальный изучающий взгляд.

А сердце той ушло в пятки. О, эта женщина оказалась даже хуже, чем Кэрол себе представляла.

Было сразу видно, что она настоящая мегера. Ведьма.

Высокая, стройная, она была сама суровость и властность. Она раздавила Кэрол одним только взглядом, как скала мошку. Черные, как смоль, волосы, красивые, блестящие, были красиво подстрижены и уложены, строгое холодное лицо было ухоженным, холеным, с прекрасной кожей и красивым макияжем, отчего казалось красивым, хотя на самом деле таковым не являлось, если приглядеться к его чертам. Небольшие круглые глаза, черные и блестящие, над ними надменные изящные черные брови, нос, крупноватый для ее тонкого узкого лица, был испорчен горбинкой и выглядел крючковатым. Рот был очерчен тонкими, подкрашенными губами, слишком властный и твердый для женщины.

Сложив изящные красивые руки на груди, женщина внимательно разглядывала застывшую перед ней девочку. Невозможно было угадать по ее лицу или взгляду, что она думала и какова была ее реакция на появившуюся в ее доме, в ее семье девочку, незаконнорожденную дочь ее мужа, грех его молодости, его ублюдка, которого он осмелился притащить сюда. Так, по крайней мере, думала Кэрол, считая, что эта женщина думает именно так.

Набравшись мужества, она осмелилась поднять на женщину виноватый взгляд и посмотреть в ее глаза. Их взгляды встретились. И Кэрол удивилась, не увидев злобы или ненависти в глазах той, которая была теперь ее мачехой.

Каким-то шестым чувством она чувствовала, что отец, стоящий за ее спиной и продолжающий держать ее за плечи, тоже напряжен в ожидании реакции своей суровой жены. И в тот момент Кэрол поняла, что в этой семье решает все только она. И если она сейчас скажет, чтобы он увез ее обратно, он так и сделает. Это потом уже, со временем, узнав их поближе, Кэрол поняла, что Рэй на самом деле на такой послушный и покладистый, как кажется со стороны, и всегда неизменно добивался всего, что ему было нужно, не зависимо от мнения своей жены. Но тогда она этого еще не знала.

С другой стороны холла к ним вышла еще одна женщина, уже в возрасте, маленькая и юркая, но довольно крепко сбитая. На ней было надето чистое строгое платье, поверх которого был повязан передник. Эта женщина на вид оказалось гораздо приятней, сразу бросалось в глаза, что она добродушная и простая, не то, что эта мегера. Тщательно причесанная и очень опрятная, она была очень симпатичной и приятной.

Увидев Кэрол, она пораженно приросла к полу, резко остановившись на полдороги.

— Пресвятая Дева... — ошеломленно пробурчала она себе под нос, но Кэрол расслышала ее слова.

Жена Рэя, наконец-то, сдвинулась с места, подойдя к ним ближе. Протянув руку, она слегка коснулась изящными пальцами с красивым маникюром плеча девочки.

— Ну, проходи, Кэрол, — с неожиданной теплотой в голосе проговорила она, и эта теплота так не сочеталась с ее холодной, какой-то каменной внешностью, что девочка изумленно распахнула и без того огромные глаза, смотря на нее. — Я Куртни. А это Дороти, моя помощница. Она заведует всеми домашними делами в этом доме.

— Здравствуйте, — едва слышно выдавила Кэрол, робко посмотрев на пожилую женщину. Та энергично кивнула и подперла бока руками.

— А еще я мастер по откармливанию замученных детей. Что тебе приготовить, деточка? Что ты любишь кушать?

Кэрол растерялась.

— Говори, не стесняйся, — на губах Куртни мелькнула легкая улыбка, которая мгновенно преобразила ее лицо, сделав его живым и приятным. — Наша Дороти мастер на

все руки. И лучший кулинар. Она может приготовить все, что угодно.

— Я не знаю... что-нибудь, все равно. Я все ем, — промямлила девочка смущенно.

— Видать, не больно-то ты прихотлива. Не очень-то тебя баловали, погляжу, — Дороти покачала головой, разглядывая ее.

Кэрол заметила, как Куртни бросила на нее строгий взгляд, от которого женщина сразу же потупилась, виновато опустив голову.

— Так что на ужин-то готовить?

— Что-нибудь на твой вкус, Дороти.

Кивнув, та удалилась, не удержавшись и бросив напоследок на девочку еще один взгляд.

— Где твои вещи? Пойдем, я покажу тебе твою комнату. Рэй, принеси ее вещи, — Куртни подняла взгляд на притихшего мужа, без вмешательства наблюдающего за происходящим.

— Зачем? Сразу их в мусор, вещи эти! Этим тряпкам там самое место!

— Неси, — повторила Куртни и осекла дальнейшие возражения строгим взглядом. — Завтра мы поедем по магазинам и подберем тебе что-нибудь новенькое, — обратилась она к Кэрол.

— Я с вами поеду! — заявил Рэй.

— Хорошо, — не стала возражать Куртни и повела девочку показывать ее новую комнату. Рэй потащил следом потертый старый чемодан, который соизволила выделить Элен для вещей своей дочери. Он недовольно кривил губы, косясь на свою ношу, не понимая, зачем нужен этот хлам, который завтра все равно будет на свалке.

Он натолкнулся на застывшую у порога комнаты девочку, которая ошеломленно разглядывала свою новую комнату, не решаясь войти в нее.

— Я буду жить здесь? — не поверила она.

— Да. Тебе здесь нравится?

— Нравится, — удивленно отозвалась Кэрол.

— Вот и хорошо, — раздался у нее за спиной нетерпеливый голос отца. — Тогда заходи, чего застряла на пороге? Я занесу твой хлам, который мне придется завтра тащить обратно, чтобы выбросить.

Кэрол прошла в комнату и потупила взгляд. Ей было неприятно и обидно, когда он так говорил. Но, похоже, ее отец тактом и деликатностью не отличался. В отличие от своей жены.

— Не обращай внимания, Кэрол, это он так шутит, — сказала Куртни, изучая девочку внимательным взглядом. — Ты можешь оставить себе из своих вещей все, что считаешь нужным.

— Еще чего! — возмутился Рэй. — Моя дочь не будет больше носить обноски, я не позволю! Все тряпки на свалку без разговоров. Безделушки всякие свои пусть оставляет, если хочет, но одежду — нет! Поняла? Сегодня ты это надеваешь последний раз, потому что другого ничего нет, но завтра, после того, как купим новое, это все выкидываем.

— Хорошо, — покорно кивнула девочка.

Когда они оставили ее одну, Кэрол долго нежилась в роскошной ванне, потом тщательно вымылась, помыла голову, надела чистое белье, выбрала самые красивые из своих вещей, по ее мнению — короткую джинсовую юбочку и зеленую футболку. Долго смотрела на потрепанные старые тапочки, понимая, что в них выйти к ужину она не посмеет. И надела кроссовки, потому что ничего другого просто не было.

Куртни была очень ухоженной и аккуратной женщиной, дорого и со вкусом одетой, даже дома. Здесь не носили домашние тапочки, Кэрол это заметила. На Куртни были удобные элегантные туфли на маленьком каблуке, вне дома она носила только высокий каблук, преимущественно шпильку, как позже узнала Кэрол. Дороти тоже была обута в мягкие удобные туфли, которые не мешали ее работе.

Долго и уныло разглядывала Кэрол себя в большое зеркало во весь рост, которое висело в гардеробной, большой и просторной. Кэрол сначала подумала, что это шкаф, и когда открыла дверь, в изумлении приросла к полу. У нее была собственная гардеробная! Просторная, с огромным зеркалом, и с многочисленными зияющими пустотой полками, ящиками и вешалками.

«Господи, у меня никогда не будет столько одежды и обуви, чтобы и наполовину ее заполнить! Зачем мне она?» — подумала тогда она. Сейчас, вспоминая об этом, она лишь усмехалась, досадуя на то, что в ее гардеробной так мало места, и в ней не помещаются ее вещи.

Тогда же она аккуратно разложила и повесила свой скудный гардероб. Позорные тапочки засунула в мусорную корзину у большого письменного стола, не решившись положить их в роскошную гардеробную.

Потом все-таки решила снять футболку, расстроенная своим отражением в зеркале.

Во всей этой роскоши она смотрелась так же нелепо и чуждо, как и облезлые затертые тапочки, которые выкинула. А любимую футболку, подаренную Эми, она сняла, вспомнив о том, о чем постоянно забывала, еще не успев привыкнуть к тому — что носить одежду с короткими рукавами она больше не может из-за обезображенных уродливыми рубцами рук. Как же здесь, в Калифорнии, она будет жить, вынужденная носить только длинные рукава?

Разглядывая страшные шрамы на своих руках, она только теперь осознала, что наделала, обезобразив себя на всю жизнь. Она никогда не сможет пойти на пляж, живя рядом с прекрасным океаном, не сможет носить красивые платья. Теперь она всегда будет прятать свои руки, потому что это были не просто шрамы, это было вопиющее свидетельство попытки суицида. Каждый, кто увидит эти шрамы, будет знать, что она самоубийца, хоть и не состоявшаяся. И сама она никогда не забудет, о том, что произошло тогда в ее комнате, эти шрамы всегда будут ей напоминать об этом. Только ведь эти шрамы — следствие попытки спастись, избежать того кошмара, на который обрекла ее мать, отдав тому мужчине. Ведь это было только начало, Кэрол это знала. За этим мужчиной были бы другие. Она не хотела убивать себя, она хотела просто спастись от этого ужаса, от мук и страданий, издевательств. Просто иного способа это сделать у нее не было. По крайней мере, именно в тот момент, когда мужчина ломился к ней в комнату. Но ведь она не будет объяснять это каждому, кто увидит ее шрамы. Люди будут осуждать, не зная и не понимая. Она уже видела, что ее безобразные шрамы повергали людей в шок. Даже ее не отличавшийся деликатностью отец до сих пор не решился спросить ее об этих шрамах, хотя было очевидным, что он задавался этим вопросом, потому что она часто ловила его взгляд на своих руках, как будто он хотел разглядеть ее шрамы сквозь ткань рукавов. Она знала, что придет момент, и он спросит. А может, Пегги ему уже рассказала, и он знает, потому и не спрашивает.

Кэрол решила надеть вместо футболки школьную блузку, но она помялась в чемодане. Девочка тщательно обыскала комнату, но, к своему огорчению, утюга не нашла. Окончательно расстроившись, она натянула джемпер и вышла из комнаты. Робко оглядевшись, она медленно спустилась по лестнице, вышла в холл и пошла в ту сторону,

откуда выходила Дороти. Почувствовав аромат готовящегося ужина, она пошла на запах и вскоре нашла кухню, большую и просторную. Дороти проворно порхала по комнате, быстрая, ловкая, напевая потихоньку какую-то мелодию. Она не сразу заметила безмолвно застывшую у порога девочку, а когда наткнулась на нее взглядом, вздрогнула от неожиданности, выронив тарелку, которая вдребезги разлетелась по полу.

— Пресвятая Дева, как ты меня напугала! — выдохнула она.

— О, простите... — Кэрол бросилась на пол, упав на колени у ее ног, и стала торопливо собирать осколки. — Я не хотела вас отвлекать...

— Стой! Прекрати, что ты делаешь? — растерялась женщина, невольно повысив голос в удивленном возгласе.

Кэрол подняла голову, затравлено взглянув на нее, посчитав, что та на нее сердится.

— Ничего... Я сейчас все уберу. Простите, такая красивая тарелка, как жалко...

Наклонившись, женщина схватила ее за плечи и с силой рванула вверх, пытаясь поднять с пола, но девочка вдруг сжалась и вскинула руки, прикрыв голову, словно ждала, что на нее сейчас обрушатся удары.

Женщина тут же отдернула руки, отпустив ее, и пораженно застыла на месте, смотря на нее.

Поняв, что бить не будут, Кэрол опустила руки и, не поднимая голову, поползла по полу, торопливо собирая осколки. Женщина, не двигаясь, наблюдала за ней, растерянная и шокированная.

Девочка поднялась с пола и повернулась к ней, держа осколки в ладони.

— А где у вас мусорное ведро? И веник? Я подмету мелкие осколки.

— Не надо... я сама, — выдавила Дороти и протянула руки, чтобы забрать у нее осколки. — Давай, я выброшу.

— Нет, вы можете порезаться, — Кэрол отвела руку, не отдавая осколки.

Дороти развернулась и открыла дверцу шкафа, за которой стояло мусорное ведро.

— Сюда.

— А веник?

— Так, деточка, успокойся. Какой тебе веник? — немного пришла в себя женщина. — Всю работу по дому, включая уборку, делаю я. Тебе не положено.

Девочка уставилась на нее с таким недоумением и недоверием на лице, что Дороти чуть не рассмеялась.

— Пресвятая Дева, да откуда ж ты такая взялась! — с доброй улыбкой воскликнула она. — Так, а ну-ка, садись сюда.

Она отодвинула стул и властно указала на него пальцем.

Привыкшая подчиняться, Кэрол покорно присела за стол, наблюдая, как женщина открыла огромный холодильник и достала бутылку с соком.

— Веник ей подавай, ну надо же, — бормотала она тихо, словно сама себе, и, налив сока в стакан, поставила перед девочкой. — Пей. Я бы дала тебе чего-нибудь вкусенького, но до ужина всего час, испортишь аппетит. Ты голодная?

— Нет, — девочка качнула головой и пригубила сок. — Спасибо.

— Ты что-то хотела, или просто пришла?

— Я хотела попросить у вас уют. На десять минут. Я вам его верну.

— Какой еще уют? Если тебе что-то надо погладить, неси сюда. Я сейчас поглажу.

— Вы? — брови девочки удивленно взлетели вверх. — Нет, не надо. Я сама.

— У тебя в комнате есть гладильная доска? Где ты собралась гладить?

Вот проблема! Постелить на стол покрывало или сложенную в несколько раз простыню — и гладь себе на здоровье. Но Кэрол промолчала, не желая снова шокировать эту добрую женщину, которая и так, судя по всему, от нее была в шоке. Девочка это видела, но причину удивления этой женщины понять не могла. Что не так она делала или говорила? Кажется, ничего такого. Собрала осколки разбитой тарелки, попросила веник и утюг. И все. Что не так?

— Ладно. Но только первый и последний раз, договорились? И никому об этом ни слова, если не хочешь, чтобы меня уволили, — прошептала Дороти. — Неси сюда свои вещи, я покажу тебе, где ты можешь их погладить.

Улыбнувшись, Кэрол подскочила и, быстро допив сок, подбежала к раковине, открыла кран и проворно вымыла за собой стакан. Дороти только успела открыть рот, чтобы возразить, но она уже поставила стакан рядом с остальной посудой и, развернувшись, выбежала из кухни. Женщина проводила ее растерянным взглядом.

Немного позже, переодевшись в выглаженную школьную блузку, Кэрол почувствовала себя немного уверенней, спускаясь к ужину в столовую, которую ей уже успела показать Дороти.

Она навсегда запомнила первый ужин в этом доме, с Рэем и Куртни.

Смущенная, зажатая, она молча присела на указанное ей место. Напряженно выпрямившись на стуле, она застыла, широко раскрытыми глазами наблюдая за Дороти, которая проворно обслуживала их за столом. Кэрол с трудом подавляла в себе порывы подскочить, чтобы ей помочь. Растерянная, не зная, как себя вести и что делать, как себя показать, чтобы понравиться, она безмолвно страдала, оказавшись в такой непривычной и незнакомой обстановке, внимательно ловя каждый взгляд в свою сторону, пытаясь его разгадать и понять, чего ждут от нее эти чужие люди, о чем думают. Но это непросто было сделать. Куртни была непроницаемой и очень сдержанной. А голодный отец больше интересовался в данный момент едой, чем новоиспеченной дочерью.

— Чего застыла? — хмыкнул он, бросив на нее веселый взгляд. — Ешь, не отравим!

Кэрол молча взяла вилку, опустив взгляд в тарелку. Никогда в жизни у нее не было еще такого роскошного ужина, такого вкусного. Ее желудок сжался и заныл. Она заметила, что Куртни украдкой наблюдает за ней, и еще больше напряглась. Она ела только то, что ей положила в тарелку Дороти, не смея потянуться ни к чему вне своей тарелки.

К ее удивлению, отец это заметил. Подхватив со стола блюдо с салатом, он протянул его девочке.

— Попробуй, пальчики оближешь. И вот это. Бери что, хочешь. Это все наше. Можем есть, сколько хотим. Давай, лопай! Не пресстало девчонке быть такой тощей. Мальчишкам такие не нравятся.

— Да... я заметила, — едва слышно отозвалась девочка.

— Ничего. Исправим. Хорошее питание и спорт — и фигура у тебя будет такая, что слюной все парни захлебываться будут. Ты любишь спорт?

— Не знаю, — Кэрол застенчиво пожала плечами.

— Понятно. Полюбишь. В нашей семье так принято. Я раньше играл в футбол. Сейчас играю в теннис, занимаюсь серфингом, хожу под парусом, бегаю по утрам и посещаю тренажерный зал. Курни тоже ходит в тренажерный зал и занимается фитнесом, только в женском клубе. Ты будешь ходить с ней. Я научу тебя играть в теннис. И, если захочешь,

всему остальному. Кроме футбола, наверное, — он рассмеялся.

Смех у него был очень приятным, искренним, веселым, как у человека, любящего посмеяться. Кэрол невольно улыбнулась, смотря на него. Он нравился ей все больше. Ее отец оказался совсем не таким, как она себе его представляла, он был необычным и совсем не походил на отца. И, как не старалась, она не могла увидеть в нем папу. Слишком молодо он выглядел для ее отца, к тому же обладал озорством и проказливостью мальчишки. Но сердце ее наполнялось радостью и гордостью, когда она смотрела на него и думала о том, что этот потрясающе красивый мужчина — ее отец. Ее мама очень красивая, он — тоже. Значит ли это, что и она вырастет такой же красивой, как они? В ней загорелась робкая надежда, что придет время, и она заблестит так же, как они. У мамы было очень красивое тело, которое сводило мужчин с ума. Кэрол тоже хотела себе такое. Ее всегда восхищала внешность Элен. Она мечтала, чтобы у нее выросла такая же грудь, как у нее, полная, пышная, красивая. Хотела такую же, как у нее фигуру, с тонкой талией, широкими округлыми бедрами, великолепными длинными ногами. Пока что у нее от матери были только волосы и глаза, и это было единственное, на что Кэрол любовалась в зеркале.

— У тебя очень красивые волосы, — словно угадав ее мысли, вдруг сказала Куртни, заставив девочку изумленно посмотреть на нее. — Как ты за ними ухаживаешь?

— Э-э... мою.

— И все? А каким шампунем?

— Не знаю. Любым. Каким придется.

— Понятно. Тогда, когда я научу тебя, как нужно ухаживать за волосами, а за ними обязательно нужно ухаживать, как и за всем остальным, они у тебя станут еще прекрасней.

— Вы меня научите? Правда? — робко переспросила девочка, продолжая смотреть на нее с удивлением.

— Конечно.

— О, никто лучше Куртни в этом не разбирается! — заверил Рэй. — Слушай и учись у нее, и она из тебя бриллиант выточит... засияешь, как и она.

Он бросил на жену нежный взгляд.

Он был прав. Украдкой разглядывая Куртни, Кэрол поражалась тому, как эта женщина, не наделенная красотой от природы, могла выглядеть такой привлекательной. Несомненно, она знала многие секреты, о которых знали не все женщины, даже те, кто следил и ухаживал за своей внешностью. Быть красивой, будучи некрасивой — о, наверное, для этого нужно очень хорошо постараться. И знать кучу секретов, как этого достигнуть. Кэрол очень бы хотелось, чтобы эта великолепная женщина ее научила. Эту женщину трудно было разгадать, угадать ее мысли — вообще невозможно, но Кэрол почувствовала, что она не была злой. Строгой, сдержанной, требовательной, суровой, но не злой. И неприязни по отношению к себе Кэрол в ней не ощущала. Девочка еще не разобралась в ней, не поняла, что она за человек и как воспринимает ее, Кэрол, но то, что мачеха не злая и пока ее не ненавидит — это она поняла. И в ней появилась надежда, что эта женщина, может быть, примет ее в свою семью, что она сможет ей понравиться. Пока она еще не очень в это верила, это был лишь проблеск зародившейся надежды, на самом деле Кэрол на это не рассчитывала изначально, не видя причин, по которым эта совершенно чужая женщина, запретившая Рэю впустить ее в свою жизнь, теперь вдруг стала бы не против того, чтобы она вторглась в их семью.

После ужина ей разрешили удалиться в свою комнату.

Растянувшись на роскошной кровати, Кэрол улыбнулась, почувствовав, как напряжение

и страх немного отступили, уступая место приятному чувству, похожему на радость. Тихую, боязливую, как слабый, едва видимый лучик, пытающийся пробиться сквозь черные тучи. Лучик радости. Со дня смерти Эми впервые она почувствовала его, смутное, едва осязаемое чувство. Но она тут же отогнала его, загнав обратно за тучи, где он был до сих пор. Рано радоваться. Да, ее неплохо здесь встретили, но это еще ничего не значит. Не известно, что будет дальше.

Она взяла пульт и включила телевизор. Да, в ее комнате был собственный телевизор, который она могла смотреть, когда захочет и что захочет. Невероятно! Дома она редко смотрела телевизор, он был один, и вечно кем-то занят.

Переодевшись в ночную рубашку, Кэрол почистила зубы и улеглась в мягкую постель. Обняв Лимки, она смотрела мультики, не замечая, как улыбается. По обеим сторонам кровати стояли изящные тумбочки, входящие в спальный гарнитур, на них стояли две одинаковые лампы, которые Кэрол включила, потушив верхний свет. Комната наполнилась уютным приглушенным светом. Она теперь может спать, включив одну из ламп, и не бояться больше темноты, просьпаясь по ночам от своих кошмаров.

Единственное, что огорчило ее и привело в замешательство — это то, что дверь ее комнаты не запиралась. Она привыкла запирается, всегда. Само осознание незапертой двери внушало ей подсознательно чувство тревоги и опасности. Она не сразу привыкла к отсутствию замка. Лишь со временем. Хоть и понимала, что Элен здесь нет, и бояться некого. Попросить поставить замок она не решилась.

На тумбочки она поставила фотографию с друзьями и статуэтку Мэтта. И больше ничего. Лимки, фотография, нож Тимми, кулон, подаренный Мадлен и статуэтка Мэтта — это было все, что она взяла из дома в свою новую жизнь, не считая одежду, самое дорогое и единственное, о чем она хотела помнить.

Когда она уезжала, она попросила отца заехать попрощаться к Даяне.

Она не могла забыть, как плакала подружка, узнав, что она уезжает.

— И ты меня бросаешь. О, я теперь останусь совсем одна! — Даяна была безутешна.

— Я не бросаю. Я буду тебе писать. И ты не одна, у тебя есть Джоун.

Рэй растерянно смотрел на рыдающую красивую девочку, прикованную к кровати.

— Приезжай к нам в гости, как только сможешь, мы будем тебе рады, — сказал он, пытаясь утешить ее. — Мы оплатим все расходы. Приедешь?

Даяна подняла на него заплаканные глаза.

— Вы серьезно говорите?

— Конечно, — Рэй улыбнулся ей.

Девочка зачарованно смотрела на него, не отрывая глаз.

— Неужели вы и вправду папа Кэрол? — не верилось ей. — Но вы такой... молодой! И она совсем на вас не похожа. Вы такой... такой...

Она не закончила, так и сумев подобрать нужные слова. Но было видно, что она полна восхищения.

— Вы не будете ее обижать? — вдруг сказала Даяна просящим голосом.

— Нет, конечно. Не беспокойся. Ей будет у нас хорошо.

— А ваша жена?

— Она не против того, чтобы я привез Кэрол. Она хорошая. Они поладят.

— Вы обещаете? Обещаете, что не будете ее обижать? Что защитите?

Рэй кивнул.

— Обещаю. Приедешь к нам, и сама увидишь.

— Хорошо, — Даяна, наконец-то, улыбнулась, поверив ему.

Когда Кэрол уходила, она не смогла сдержать слезы.

— Она сможет приезжать к нам, когда захочет и сколько хочет, я лично оплачу ее дорогу, — повторил Рэй, покосившись на девочку. — Не расстраивайся.

— Спасибо, — Кэрол благодарно ему улыбнулась, вытирая слезы.

Тяжело вздохнув, он больше ничего не сказал.

И он свое обещание сдержал. Даяна действительно часто приезжала в гости, и он все оплачивал, как и обещал. Более того, давал деньги, чтобы Кэрол могла их тратить на свою подружку, покупать ей подарки.

Сказать, что Даяна была шокирована, когда приехала в первый раз — ничего не сказать. Шокирована тем, в какой роскоши теперь жила Кэрол, но еще больше тем — что эти чужие люди, взявшиеся из ниоткуда, ее любят. Разве так бывает? Она всегда считала, что такое возможно только в сказках. Кэрол повезло, и она оказалась в сказке. А она, Даяна, нет. Это опечалило девочку, повергло ее в уныние. В сердце ее зародилась зависть, а ее обиды на жизнь теперь распространились и на Кэрол. С одной стороны, она радовалась за подружку, потому что любила, но с другой... ощущала вопиющую несправедливость по отношению к себе, горькую обиду на жизнь, на людей, подругу и весь мир. И в довершение своих несчастий, она еще и влюбилась в ее отца. Это добавило ей страданий, потому что этот шикарный молодой мужчина не разделял ее чувств, видя в ней ребенка, а не юную влюбленную девушку. А Даяна украдкой лелеяла мечты о нем, о том, что вырастет, встанет с инвалидного кресла, станет потрясающей красавицей, и тогда он обратит на нее внимание. И бросит свою жену-мегеру, женится на ней. Куртни ей не нравилась. По мнению девочки, она совсем не подходила Рэю, сухая, черствая, мрачная, холодная, через чур серьезная и строгая. Какая-то слишком тяжелая. А Рэй, наоборот, был легким, светлым и теплым, жизнерадостным и веселым. И Даяна недоумевала, как он может жить с этим драконом в юбке, который мог сожрать кого угодно. Даяна Куртни побаивалась, хоть та никогда ее не обижала и была всегда приветлива, но эту женщину нельзя было не бояться. Рэй говорил, что ее все бояться, называл ее «железной леди». Она владела и руководила огромной строительной компанией, привыкла всеми командовать. Но Даяна также заметила, что ни Рэй, ни даже Кэрол почему-то ее совсем не боялись. Понятно, что после Элен Кэрол трудно было бы кем-то напугать, но все равно от этой женщины Даяну бросало в дрожь. Слишком великая сила чувствовалась в этой женщине, подавляющая, заставляющая ощущать себя жалкой и беспомощной. И она не понимала, почему Кэрол так ее полюбила. А может и не полюбила вовсе, а просто делала вид, подлизываясь.

— Я тоже сначала ее испугалась, но на самом деле она хорошая, — говорила ей Кэрол, и столько неподдельного восхищения и преклонения было в ее голосе, что Даяна была поражена. — Ты просто ее не знаешь.

— Ты говоришь так из чувства благодарности, потому что она приняла тебя. Но это не значит, что она такая хорошая. Ты что забыла, что она отобрала у твоей мамы Рэя, разбила их любовь и оставила тебя без отца? Что не позволяла все эти годы с тобой общаться? Неужели ты ее простила?

— Да, простила. Потому что поняла, как сильно она любит Рэя. Она делала это, потому что боялась его потерять, ведь он любил мою мать. Он мог бросить ее и уйти к нам. Если бы он не любил маму, она бы позволила ему общаться со мной. А он до сих пор к ней не

равнодушен.

— С чего ты взяла? — фыркнула ревниво Даяна.

— Потому что я вижу. По глазам. Видела бы ты, сколько печали и боли в них появляется, когда я или он сам упоминает о ней. Моя мама — единственное, что повергает его в грусть. Он сразу как-то потухает, сразу теряет свою жизнерадостность. Становится каким-то совсем другим.

— Ерунда! Если бы он ее любил, не бросил бы, не выкинул из своей жизни и не жил бы с этой мегерой столько лет. Тебе просто так хочется думать. А что касается Куртни, то любовь, какая бы она не была, не оправдание для того, чтобы оставить ребенка без отца. Твоя мама тоже его любила. Может, потому она и стала такой злой.

— Не надо так говорить, Даяна. Не нам их судить. Ни Рэя, ни Куртни, ни мою маму. Мы не можем судить, потому что не знаем еще, что такое эта любовь и какой она бывает. Да, я благодарна Куртни. Но я полюбила ее не только из чувства благодарности. А потому что она этого заслуживает. Потому что она мне нравится. Потому что она лучше всех, во всем.

Даяна только покачала она это головой. Она верила, что подружка говорит искренне, не из подхалимства перед богатой мачехой, но считала, что ее мнению доверять не стоит, потому что после Элен любая мегера, даже такая, как Куртни, могла казаться девочке хорошей. Она не била ее, не издевалась, не унижала, не убивала людей, не продавала ее мужчинам, не впадала в безумные приступы ярости — конечно, на фоне Элен Куртни выглядела в глазах Кэрол сущим ангелом! И для таких, как Кэрол, привыкшим к аду и демонам в нем, все, что не походило на этих демонов, было хорошим. Не бьют, не издеваются, не насилуют — значит хорошие. На так ли это было на самом деле? Рэй — да. Он был хорошим. Добрым. А насчет Куртни Даяна сильно сомневалась.

Но никто не подозревал даже о мыслях и чувствах этой робкой застенчивой девочки со сломанным позвоночником, и Кэрол, и ее опекуны, и даже Дороти всегда с радостью и теплом принимали ее, когда она приезжала. Первый раз Даяна смогла приехать только спустя два года после отъезда Кэрол. Она была поражена, когда увидела, как изменилась Кэрол. От той Кэрол, которую она знала, ничего не осталось, она преобразилась настолько, что Даяне с трудом верилось, что эта холеная, ухоженная и сияющая девушка — та самая тощая замухрышка с затравленным взглядом, носившая заношенные, вечно маленькие на нее обноски, из которых вырастала и которые ее мать заменяла только тогда, когда их уже невозможно было натянуть. О, теперь у Кэрол было много прекрасных вещей. Ее опекуны не скупились, не жалея для нее своих денег. И худой она больше не была. Даяна с завистью смотрела на ее фигуру. За эти два года Кэрол превратилась в уже сформировавшуюся девушку, тело ее налилось завидными формами, она стала стройной и изящной. Даяна же от малой подвижности располнела. А подружка щеголяла перед ней, словно дразня своей роскошной красивой фигурой. И тогда что-то окаменело в груди Даяны, затвердело все внутри нее, и эта твердость, эта зависть и досада заставили ее бороться с недугом, встать с коляски, привести свою внешность в порядок и превратиться в ту, какой она была сейчас — в ослепительную красавицу, готовую покорить мир. И мужчину, самого красивого и соблазнительного из всех, когда-либо ею виденных. Рэя. Уж теперь-то он обратит на нее свое внимание.

Сама Кэрол ничего не знала о планах подружки. Она подозревала, что Даяна не равнодушна к Рэю, хоть та и пыталась это скрыть, но ее чувства вызвали в ней только жалость к подружке. К тому времени Кэрол уже успела хорошо узнать Рэя, он был бабником,

менял любовниц одну за другой, без зазрения совести изменяя жене, что приводило Кэрол в полное негодование и что значительно подпортило ее отношение к Рэю. Она рассказала об этом подружке, чтобы та выбросила его из головы и сердца, и надеялась, что та так и сделала, как всякая благоразумная девушка. Рэй, конечно, не упустит случая уложить ее в постель, но на этом все и закончится. Он избавлялся от женщин быстрее, чем от закинутой в рот освежающей дыхание жвачки, которые любил. Пережевал, освежился и выплюнул. Так и с женщинами.

Куртни устроила Кэрол в престижную школу, которую та стала посещать уже спустя несколько дней после своего приезда, и в которую пошла с затаенным в сердце ужасом. Но в этой школе все было иначе. Никто не смотрел на нее с отвращением и презрением. По привычке Кэрол также сторонилась других, у нее не было друзей, но здесь ее никто не обижал. Разбалованные дети из богатых семей, каким являлись эти школьники, смотрели на нее с некоторым недоумением и любопытством, слишком сильно она отличалась от них. Никто в школе не знал, что Куртни и Рэй не ее родители, все считали ее таким же ребенком из богатой семьи, как и остальные дети этой школы, она носила дорогие вещи, ее отец, забиравший ее каждый день из школы на роскошных машинах, был очень видным и явно разбалованный богатством мужчиной, мать владела крупной строительной компанией. Но Кэрол совсем не производила впечатление баловня судьбы, и это приводило в недоумение всех, и преподавателей, и учеников. Кэрол не желала ни с кем сблизиться, ничего о себе не рассказывала. Ее считали странной, но не трогали. Лишь однажды один парень стал ее цеплять, забавляясь над ее нелюдимостью и странностями. Кэрол не доставляло особых переживаний поведение этого мальчишки, по сравнению с тем, что ей доводилось выносить в школе в родном городе, это заставляло ее лишь едва поморщиться. Она даже внимания на это не обращала.

Но об этом случайно узнал Рэй, приехав за ней в школу и став свидетелем того, как цепляет ее этот парень. В отличие от Кэрол, это не оставило его равнодушным. Кэрол впервые стала свидетельницей его ярости, и это ее поразило, потому что она даже не подозревала еще тогда, что мягкий и веселый Рэй может быть таким грубым и агрессивным. Лишь вспомнила, что Пегги как-то рассказывала, что он был очень драчливым мальчишкой, из-за чего не ужился ни в одной приемной семье. Протащив парня по капоту своего великолепного кабриолета, он с легкостью швырнул его на асфальт и, придавив ногой, пригрозил, что в следующий раз сломает ему нос. А если пожалуется родителям — то еще и зубы выбьет. Парень дал обещание, что больше так не будет, и слово сдержал. Обижать Кэрол перестал, но от своего внимания все равно не избавил. И тогда девочка с удивлением поняла, что он просто на нее запал, как любили говорить ее одноклассники. Это повергло ее в замешательство и напугало. Как по ней, так уже лучше бы он и дальше над ней подсмеивался. К этому она, по крайней мере, была привыкшей. А вот поклонники в ее жизни раньше не появлялись. Если не брать в расчет Тимми. Но это было давно, и он был совсем маленький. Кэрол не знала, как себя вести в подобной ситуации. И его внимание стало беспокоить ее гораздо больше, чем его подкалывания до этого. Она не понимала, чем могла привлечь такого рода внимание этого мальчишка. В той, другой школе, ни один мальчик не проявлял к ней подобного интереса. Почему вдруг это изменилось? Потому что она не жила больше в притоне, и никто не знал, что ее мать проститутка? Потому что она стала носить красивые вещи и все думали, что она из богатой приличной семьи?

Поступок Рэя, заступившегося за нее, окончательно покорила ее сердце, она прониклась

к нему доверием и благодарностью. В надежде, что он приструнит неожиданного воздыхателя, она осмелилась пожаловаться ему, делая это впервые в жизни.

Но на этот раз он только рассмеялся.

— Да я это еще тогда понял, что он не ровно к тебе дышит, потому и цепляет, — сказал он. — Он продолжает тебя обижать?

— Нет. Но он... как это сказать? Проявляет ко мне излишнее внимание. Меня это напрягает.

— Но, малыш, я же не могу его побить за то, что ты ему нравишься. Если он не обижает тебя, руки не распускает... не распускает? Не пытается полапать или там юбку задрать?

— Нет! — отшатнулась Кэрол и залилась краской.

— Вот и хорошо. Тогда ничего страшного.

— Но он же все равно меня достает, — в отчаянии прошептала девочка.

— Ну, милая, начинай привыкать. Ты хорошенькая. Вырастешь красавицей, я это вижу. Поэтому это только начало. Если он влюблен, он и будет тебя доставать, на то он и мужчина... хоть и мелкий пока. Это природой в нас заложено — добиваться женщины, которая нравится. Это естественно, и на это не надо обижаться. Это надо просто принять, вот и все. Если он тебе нравится, подружись с ним, если нет — просто не обращай внимания. Или скажи прямо, что у него нет шансов. Если он ведет себя прилично, не распускает руки и ни к чему не принуждает, то не стоит беспокоиться. Если, конечно, он что-то себе позволит, обязательно мне скажи, тогда я поставлю его на место. Такое допускать и терпеть девушке нельзя. Сразу пресекай, иначе потом только хуже будет. Я знаю, потому что был понаглее этого парня, — он засмеялся. — Чем больше девушка позволяет, тем больше позволяешь себе ты.

Казалось, его позабавила ее странная реакция на то, что она понравилась мальчику, ее недовольство. Он всегда был уверен, что девчонки и женщины любят, когда за ними бегают парни. А эту странную девочку неприязнь не пугала, когда она думала, что в ней причина того, что он ее донимает, а такого рода симпатия напугала! Почему? Пока эта девочка была для него сплошной загадкой, она была странной, он не мог угадать, о чем она думает, не всегда находил объяснение ее поведению. Как сейчас, например. Или когда она сторонилась других детей и упрямо не хотела заводить друзей. Ему это казалось странным. У него самого всегда было много друзей. Он легко находил общий язык с людьми. И даже не представлял, как можно предпочитать этому одиночество. Он надеялся, что теперь, когда она будет жить с ними, со временем все изменится, что она изменится. Позабудет свои одной ведомые страхи и неуверенность, преодолет скованность и замкнутость.

Но время шло, шли годы, но ничего не менялась. Разве что она стала менее зажатой, стала улыбаться и смеяться, даже шутить. Перестала стесняться своей внешности. Но стесняться было больше нечего. Она изменилась, превратилась в красавицу. К тому же Куртни передала ей все свое мастерство, все секреты красоты и ухода за собой, всему научила, что знала в этом, а знала она много. Как одеваться, как общаться, как себя вести. Даже шрамы на руках они ей убрали, после пластической хирургии от них остались едва заметные следы, всего лишь отличающиеся немного по цвету от кожи полоски, которые были заметны только при внимательном взгляде. И Рэй искренне недоумевал, почему у нее нет никакой личной жизни, почему она так сторонится мужчин? Он даже подумывал, не лесбиянка ли она?

Кэрол поделилась с Куртни тем, что была изнасилована, проданная матерью, но Рэю об

этом они не рассказывали, считая, что знать ему об этом ни к чему. И вообще у нее с Куртни было много своих тайн, с которыми они ни с кем не делились. Со временем Кэрол рассказала ей обо всей своей жизни, ничего не утаивая. И Куртни хранила ее секреты, не делаясь ими даже с Рэем. Привыкшая все держать в себе и ни с кем не делиться, Кэрол теперь ничего не утаивала от Куртни. Куртни стала исключением. Для Рэя она тоже иногда делала исключение и чем-нибудь делилась, но не так, как с Куртни. Куртни была не только ее мачехой и покровителем, она стала ей другом. И Кэрол на самом деле ее обожала.

И здесь, в этом доме, с ними, она обрела покой, забыла о страхе, который был постоянным спутником в ее прошлой жизни. Они стали ее семьей. Настоящей. Семьей, которой у нее никогда не было раньше, и о которой она даже мечтать не могла. Неужели кто-то свыше все-таки сжалился над ней, перестав наказывать за что-то, выдернув ее из ада и отправив в рай?

И единственное, чего теперь боялась Кэрол — это потерять свое так неожиданно обретенное счастье.

Ей настолько тяжело было поверить в то, что ее жизнь так изменилась в лучшую сторону, что она боялась, что это окажется сном, что в один момент она откроет глаза и увидит потолок своей комнаты в мотеле. Теперь *это* было ее ночным кошмаром.

Первый рабочий день Кэрол прошел удачно, не смотря на то, что она очень волновалась. Она все еще комплексовала в общении с людьми, искала в глазах, устремленных на нее, презрение, которое преследовало ее столько лет, ожидала, что от нее отвернутся, не захотят даже разговаривать. Она жила в уважаемой достойной семье уже не один год, но не могла избавиться от ощущения, что все знают о том, что на самом деле она собой представляет, кто ее мать. Она по-прежнему прятала взгляд, встречаясь чьими-либо глазами. Она настолько привыкла к ощущению, что у нее словно на лбу написано «дочь шлюхи», к людскому отвращению и неприязни, что ее подсознание не поддавалось никаким убеждениям. Да, теперь у нее была другая жизнь, но та, что была до этого, осталась у нее внутри. Кэрол научилась ее скрывать, но она все равно была, в ее голове, сердце. Являлась частью ее, от которой никогда не избавиться. Она выбралась из грязи и дерьма, в которых родилась и росла, отмылась, но только снаружи. Ей казалось, что люди все еще чувствуют исходящую от нее вонь прошлого.

Куртни научила ее общаться с людьми, держаться достойно и уверенно. Кэрол пыталась ей подражать, но незаметно. Она запомнила слова Куртни, которые та как-то ей сказала, и часто про себя их повторяла.

«Никто не знает о том, что было в твоей жизни, и никогда не узнает, если только ты сама этого не захочешь. Чего бы ни было раньше, теперь этого нет. Я не говорю, чтобы ты обо всем забыла, но не позволяй прошлому отравлять твою новую жизнь. Оно было и будет, и ты должна научиться с этим жить. С этим, запомни, а не этим! Это две большие разницы».

Но Кэрол и не собиралась отказываться от своего прошлого, потому что в нем было не только плохое. Оно хранило самое дорогое ее сердцу — Эмми, Тимми, Мадлен, Спайка. Она помнила о них и продолжала любить. У нее осталась только Даяна, а у Даяны — только она. Их прочно связывали одиночество, воспоминания и любовь к тем, кого они потеряли.

На тумбочке у кровати в комнате Кэрол в красивой рамке стояла фотография ее друзей, рядом — фарфоровая статуэтка, подаренная добрым дальнобойщиком. Часто Кэрол задавалась вопросом, помнит ли ее Мэтт?

Столько лет прошло, наверняка он давно позабыл о маленькой несчастной девочке, встреченной в мотеле — притоне. Он уже женат и у него есть дети. Наверное. И даже не догадывается, что та самая девочка помнит его, хранит его подарок. Давно уже Кэрол лелеяла мечту отыскать его, но не знала с чего начать, не могла решиться. Она знала, что стоило только обратиться к Куртни, и эта мудрая и всемогущая женщина поможет ей. Но как объяснить этот безрассудный порыв найти человека, с которым была всего пару часов и так давно, еще совсем малышкой? Кэрол сама не понимала, зачем ей это надо, и почему этот человек так прочно осел в ее сердце. Она хорошо помнила его лицо и голос, помнила добрые карие глаза. Какой он теперь? Тогда ему было не больше двадцати пяти лет, сейчас за сорок. Ей хотелось, чтобы он вспомнил ее, увидел, какой она стала, узнал, что она не пошла по стопам матери, что помнит его. Хотела поблагодарить за доброту, проявленную когда-то по отношению к ней, которая так была ей нужна, и которой так не хватало.

Она пыталась придумать, как найти его, не прибегая к помощи Куртни, но поняла, что это ей не под силу. Что она о нем знала? Только имя. И то, как он выглядел тринадцать лет назад. Возможно ли найти человека по такой информации?

Как бы поступила на ее месте Эмми? Та всегда действовала по схеме «Нужно? Реши и действуй! И не жуй сопли, не трать зря время!».

Ее образ по-прежнему стоял у Кэрол перед глазами. Подражание Эмми стало частью ее, она не делала ничего, не подумав прежде, так ли бы поступила Эмми, одобрила бы? Порой ей стало даже казаться, что в ней живет сама Эмми и по-прежнему руководит ею, помогает и подсказывает, придает храбрости в нужный момент и утешает, когда грустно.

Кэрол так и не научилась жить без нее. И не хотела. Она верила, что Эмми рядом, мысленно с ней общалась, спрашивала совет, делилась радостью и печалью. Кэрол отказывалась принять тот факт, что ее нет, не отпускала ее, преданно и беззаветно любя всем своим изболевшимся от тоски и боли сердцем. Как только к ней подкрадывалась коварная мысль, что ее Эмми нет с ней, нет в этом мире, нет вообще, что от нее остался только прах, и она не слышит ее, не видит, когда Кэрол начинала осознавать, что ее Эмми — мертва, она гнала эти мысли прочь, предпочитая жить в придуманном ею мире, где Эмми была жива и с нею. Вернее, ее душа. Так было легче. А от реальных мыслей ей становилось страшно, и охватывала смертельная тоска, от которой сразу все в жизни теряло смысл. Ее боль и тоска по Эмми не притупились временем. Она также плакала, смотря на ее веселое симпатичное личико, улыбающееся с фотографии, представляя, какой бы она была сейчас.

В Кэрол жила и ненависть. Страшная ненависть. Она помнила Кейт Блейз, убившую Эмми и Тимми. И никто не понес за это наказания, обе смерти признали несчастным случаем. Кэрол дала клятву Эмми, что она будет отмщена.

Кэрол поддерживала связь с родителями Эмми, звонила, присылала открытки и даже ездила в гости. Мистер и миссис Берджес всегда были рады ей. Совсем недавно они решились завести ребенка, и теперь у них был хорошенький толстенький карапуз, которого звали Эрни. И только с его появлением эти люди вернулись к жизни и снова обрели в ней смысл.

Кэрол полюбила малыша еще до того, как он родился, потому что это был братик Эмми, которая всегда мечтала о брате. Эмми бы очень любила его. И Кэрол была на седьмом небе, когда чета Берджес предложила ей стать крестной матерью мальчика. Теперь она чувствовала себя членом их семьи.

Прах Эмми был эксгумирован и перевезен в другой город, где поселились ее родители. Остаться там, где они жили, Берджесы не могли после произошедшей трагедии, но и покинуть могилу дочери тоже было для них неприемлемо, потому они и решились на такой отчаянный шаг.

Приезжая к ним, Кэрол всегда ходила на маленькое кладбище с миссис Берджес. Но Кэрол часто ездила только к Эмми, не заходя к ее родителям. Миссис Берджес знала о том, что она регулярно навещает могилку, но не обижалась на то, что не заходит к ним. Женщина понимала, что в такие дни Кэрол нужна только Эмми и никто больше.

Подолгу Кэрол сидела у могилки и плакала. Только здесь она видела страшную и жестокую реальность, заключенную в надгробном камне, ощущала, что Эмми нет в этом мире. И острое чувство потери заставляло ее страдать не меньше, чем в день похорон.

Если бы ей сказали: «Умри, и ты будешь с Эмми.», Кэрол бы даже не колебалась в своем решении. Только все равно у нее бы ничего не получилось. Если загробный мир

существует, то Эмми не пустит ее туда, как непустила уже когда-то. А если это был всего лишь сон, и за смертью скрывается лишь тьма и пустота, а жизнь — это только тело и ничего больше, то смерть не соединит ее с Эмми.

Но Кэрол не хотела так думать. Она верила в свой сон.

Кэрол приняла решение поговорить с Куртни и попросить помочь найти Мэтта.

Поцеловав Эмми на фотографии, она переделалась, отгоняя невеселые мысли, которые почему-то всегда посещали ее, когда сердце наполнялось радостью, словно желая омрачить ее. Причесавшись, Кэрол подправила макияж и только тогда отправилась в столовую на ужин. Куртни терпеть не могла, когда она показывалась ей на глаза растрепанной и неопрятной. Она придерживалась правила, что женщина всегда должна быть в форме и не выходить за пределы своей спальни, не приведя себя в порядок. К тому же в этом доме можно было в любое время дня и вечера натолкнуться на каких-нибудь важных персон или деловых партнеров Куртни. При этом, естественно, требовалось выглядеть так, чтобы Куртни, по крайней мере, не стало стыдно.

Если Куртни была дома, она никогда не опаздывала к ужину, поэтому, увидев за столом только отца, Кэрол расстроилась, поняв, что Куртни еще не вернулась с работы.

— Привет! — слегка улыбнулась ему Кэрол.

Он поднял на нее свои яркие синие глаза и улыбнулся в ответ.

— Привет.

Она села напротив него за стол и стала наблюдать, как Дороти, домработница, повар и прислуга в одном лице, накрывает на стол. Дороти была очень подвижной и проворной женщиной, в руках у нее все горело, и с возрастом ее сноровка и удивительная энергия ничуть не уменьшались. Вот уже двадцать пять лет она работала у Куртни, завоевав сердце этой суровой требовательной женщины. Кэрол тоже полюбила ее, ассоциируя с Мадлен. У Дороти не было семьи, но она, похоже, не сильно переживала по этому поводу, живя в этом доме и считая своей семьей Куртни, Рэя, а теперь и Кэрол.

Как-то Куртни предложила ей взять помощницу, но Дороти обиделась и распереживалась, что данное предложение вызвано тем, что она плохо справляется со своими обязанностями. И Куртни не смогла убедить ее, что просто хочет облегчить ей работу, сняв часть нагрузок и обязанностей. Дороти была непреклонна, заявив, что если претензий к тому, как она работает, нет, то никакие помощницы ей не нужны. Куртни не настаивала. Она не любила вводить в свое окружение, а тем более в дом, новых людей, отдавая предпочтение тем, кто рядом уже давно. В семейном бизнесе, перешедшем ей по наследству от отца, когда она была еще совсем молоденькой и только закончившей университет, но уже тогда работающей с отцом, ее доверенными людьми и партнерами были, в основном, проверенные годами и наделенные не дюжим опытом. Куртни высоко ценила каждого, и для нее было настоящей трагедией, если кого-то теряла. Но такое случалось редко. По доброй воле никто от нее не уходил. Вот сейчас, например, заболел ее личный адвокат. Он служил еще ее отцу, но его почтенный возраст ничуть не смущал Куртни. Старик не знал поражений, его боялись и уважали, склоняя перед ним голову. Многие прилагали немалые усилия, чтобы переманить непревзойденного юриста на свою сторону, но Уильям Касевес был не только умен и талантлив, но и очень предан, сначала Патрику, своему другу, а потом и его дочери. Старика и Куртни связывали не только деловые отношения, между ними была крепкая дружба и взаимная привязанность. В данный момент Уильям Касевес отдыхал и лечился в одном из лучших санаториев, куда его отправила, не

смотря на возражения, Куртни. Инфаркт, подкосивший так внезапно такого сильного и жизнестойкого человека, был для нее болезненным ударом.

Кэрол тоже любила его. Одни его насмешливые хитрющие глаза чего стоили, мгновенно покорив ее сердце! К симпатии добавилось еще и чувство благодарности. Через год после того, как Кэрол уехала с отцом из ненавистного городка, Элен вдруг потребовала вернуть ее назад. Не из любви или одиночества, а потому что не хотела, чтобы дочь купалась в роскоши и строила успешную жизнь, когда она прозябает на окраине городка в паршивом притоне, а ее жизнь — это грязь, болото, из которого ей никогда не выбраться, в котором она хотела утопить и Кэрол. Девочка ясно помнила, как она вопила, душа ее в унитазе: «Хлебай дерьмо, как я всю жизнь его хлебаю!». Она не хотела, чтобы Кэрол была счастлива, хотела ее погубить. Отпуская Кэрол с отцом, Элен делала это не по доброте душевной, а лишь из желания лишней раз поиздеваться над дочерью, отдав на растерзание его жене, уверенная, что та ни за что не захочет, чтобы девчонка прижилась в ее доме и сделает все, чтобы от нее избавиться. Она рассчитывала, что Кэрол сама взмолится забрать ее назад, даже если и нет, то она сама ее оттуда заберет через некоторое время. То, что она исчезнет пока и не будет мозолить ей глаза очень даже устраивало Элен на тот момент, когда Рэй за ней приехал. Это давало ей время на то, чтобы все обдумать и решить, что делать с девчонкой дальше. Она стала для Элен слишком опасна, зная все ее секреты о том, как и кого она отправила на тот свет. Она собиралась поломать девчонку, окончательно, раз и навсегда отбив в ней желание противиться своей судьбе и ей, своей матери. И сделать так, чтобы ей даже в голову не пришло хотя бы вспомнить о преступлениях матери, не говоря уже о том, чтобы кому-то о них поведать. Если поломать не получится, Элен планировала от нее избавиться. Так же, как раньше избавилась от тех, кто ей мешал. С удивлением она узнала от Пэгги, что Кэрол успешно прижилась в новом доме, и даже умудрилась понравиться жене Рэя, которая все-таки приняла ее в свою семью. И все трое были довольны, и Рэй, и Куртни, и даже Кэрол, тем, что она теперь жила с ними. Они баловали девчонку и осыпали своими милостями, обращаясь, как с принцессой, она жила в большом красивом доме, носила брендовые вещи и купалась в роскоши. О, это повергло Элен в страшную ярость! Совсем не для того она отпустила свою дочь туда, чтобы она осталась довольна, чтобы ей было хорошо. Пришло время вернуть ее на место и напомнить о том, что никакая она не принцесса. О, она горько поплатится за то, что продалась этой богатой мрази Куртни, за что, что лизала ей зад и возомнила, что будет жить в этой семейке, бросив свою мать в нищете и грязи. Эта хитрая неблагодарная стерва пожалеет о том, что купалась в роскоши, пока мать ее прозябала здесь, обслуживая грязных шоферюг. Эта маленькая дрянь отработает каждую минуту, проведенную в богатстве и удовольствии. Ее здесь затрахают до дыр, когда она заставит ее работать. Она уже достаточно выросла, и бездельничать Элен больше ей не позволит. Будет пахать, как проклятая, и Элен будет отдавать ее самым мерзким и неприятным клиентам в наказание. Она превратит ее в помойку за то, что возомнила из себя принцессу. Надо только потребовать, чтобы Рэй привез ее назад. Она мать, у нее все права, и они не посмеют ее удерживать. Что Элен и попыталась сделать.

Когда Куртни рассказала о том, что Элен требует вернуть ее, Кэрол затряслась от ужаса.

— Выгоните меня на улицу, убейте, только не отдавайте ей, — едва слышно прошептала она дрожащим голосом.

— Ты не вернешься, если сама не захочешь, — заверила Куртни, делая вид, что не замечает страха и отчаянья девочки, которая была на грани истерики. — И из этого дома

тебя никогда не выгонят, а если ты еще раз так скажешь, я обижусь.

— Простите меня... пожалуйста, простите, я не хотела вас обидеть, — пролепетала Кэрол, и из глаз ее потекли слезы.

— Забыли, — отрезала Куртни. — Не переживай и ничего не бойся. Ты останешься здесь.

— Но разве она не сможет меня забрать, ведь она моя мать, у нее есть все права? — беспокоилась девочка.

Куртни снисходительно улыбнулась, и столько уверенности и силы было в этой улыбке, что Кэрол успокоилась.

— Если я говорю, что она не заберет тебя, значит так и будет. Забудь об этом.

И действительно, все было так, как сказала Куртни. Она поручила Уильяму разобраться с этим делом, в результате чего, Элен не только не вернули дочь, но и лишили родительских прав. Кэрол опасалась, что для этого нужно будет рассказывать о том, как она жила с матерью и что между ними происходило, но даже этого не потребовалось. Уильям навестил Элен и после того, как она отказалась уладить конфликт миром, собрал показания у преподавателей в школе, где училась Кэрол, и у живущих поблизости от мотеля Элен людей, которые с радостью поведали о том, какой недостойный образ жизни она ведет, и что девочку неоднократно видели побитой. Показания были задокументированы и подписаны. Уильям побывал в местном полицейском участке и больнице, собрав сведения о попытке самоубийства девочки и, не смотря на то, что Кэрол тогда отказалась от обвинения матери в том, что это она подтолкнула ее к этому поступку, этот факт был приобщен к делу. Кэрол не знала, что Пэгги дала показания, рассказав о том, как Элен обращалась с дочерью, что ненавидит ее, а главное — продала девочку одному из посетителей, что и повлекло за собой попытку самоубийства. Ее слова подтвердились результатами обследования в больнице, куда попала девочка с перерезанными венами, где был отмечен факт потери девственности, и наличие мужского семени в теле. Кэрол также не знала, что Уильям был и у Берджесов, которые рассказали, как однажды зимой девочка прибежала к ним домой, заплаканная и без верхней одежды. От Кэрол потребовалось только подписать подготовленное Уильямом заявление о том, что она не желает жить с матерью. Всего этого было более чем достаточно, чтобы Элен лишили родительских прав.

Кэрол была уверена, что теперь мать ненавидит ее еще сильнее. Но пока у нее есть такой покровитель, как Куртни, Кэрол может не бояться Элен. И девочка была бесконечно благодарна и Куртни, и Уильяму за то, что они не позволили Элен ее погубить.

Видимо то, что Кэрол ускользнула из ее рук, переполнило чашу озлобленности Элен, лишив ее последних остатков разума. От Кэрол долго скрывали, но потом все-таки она узнала, что ее мать приговорена к пожизненному заключению в тюремной психиатрической больнице. Это повергло девочку в тяжелый шок. Оказалось, что в какой-то момент Элен впала в безумие, взяла нож и перерезала всех постояльцев. Смерти избежать удалось лишь тем, кто в ту ночь не спал. Она успела убить восемь человек, тихо, в постели, пока они спали, пока не вошла в номер, в котором Рут Ланкастер обслуживала клиента. Они не спали, и это их спасло. Увидев Элен, окровавленную и с ножом в руке, Рут молниеносно скатилась с кровати на пол, оставив между собой и обезумевшей своего клиента, на которого Элен, не мешкая, набросилась. Рут не знала, собиралась ли Элен напасть и на нее, но выяснять это не собиралась, выскочив из комнаты голышом, предоставив опешившему мужчине отбиваться самому. Он получил несколько ранений, но сумел справиться с женщиной, отобрал нож и

вырубил, со всех сил ударив по голове.

Позже, на допросах, Элен говорила что-то о черном тумане, который ее преследует, душит. Этот туман был переполнен мертвыми, она слышала их голоса постоянно, они все время ей что-то шептали. Говорила, что этот туман пожирает людей, он требует мертвых, от нее. Она должна приносить ему эти жертвы, кормить его, иначе он сожрет ее. Если она перестанет его кормить, она не будет ему нужна, он убьет ее. У него была еще ее дочь, она тоже приносила ему жертвы, хотя пока об этом не знала, считая случившиеся смерти в ее жизни случайностями. Если Элен перестанет его кормить, он убьет ее и продолжит жизнь в ее дочери. А вот если умрет ее дочь, тогда туман не тронет ее, Элен, потому что она будет единственной у него, и если она умрет, он сгинет вместе с ней, потому что может переходить только от родителя к ребенку. Элен говорила, что не знает, что есть этот туман, что это такое и откуда оно взялось. Но она верила в него и в то, что говорила. Элен рассказывала, что этот туман преследует ее с рождения, она помнит его столько же, сколько и саму себя. Он всегда являлся ей в ночных кошмарах, а потом стал преследовать и наяву. Она предполагала, что это что-то вроде проклятия. Ей так казалось, но на самом деле она не знала. Она плакала и умоляла пожалеть ее и не запирайте в тюрьме, утверждая, что она должна и дальше приносить жертвы, что должна убить свою дочь, чтобы этот туман не убил ее, Элен.

— Он будет питаться от нее, а потом от ее детей! И так до бесконечности, пока эта ниточка не прервется! А если ее убить, пока она не успела родить ребенка, то туман позволит мне жить очень долго, насколько только возможно, и умрет потом вместе со мной. Разве вы не хотите избавить мир от него? Для этого нужно сделать лишь так, как я сказала! Убить ее!

Элен признали невменяемой, и с диагнозом маниакальной шизофрении и пометкой «особо опасна» отправили за крепкие решетки в учреждение для особо опасных сумасшедших преступников.

Естественно, что Кэрол об этом рассказывать никто не захотел, и она узнала совершенно случайно, подслушав разговор между Куртни, Рэем и Касевесом.

— Нужно приглядывать за девочкой, — говорил последний. — Вероятность того, что шизофрения может перейти ей по наследству, имеет место быть. Факт наследственности подобных заболеваний давно уже доказан. И когда эта ненормальная говорила, что этот ее воображаемый кровожадный туман переходит от родителя к ребенку, то была не так уж далека от истины. Она вполне может наградить этим сумасшествием и свою дочь.

Сердце Кэрол тогда наполнилось ужасом. Ужасом, подобно которому она не испытывала никогда в жизни, не смотря на то, что страху за свои прожитые годы натерпелась предостаточно. Она никому не рассказала о том, что знала, о чем говорила ее мать, об этом тумане. Что уже давно видит его в своих снах, всю жизнь, сколько себя помнила. Как и ее мать. Что это значит? Что она тоже сумасшедшая, как и она?

А вдруг то, что говорила Элен — не безумие, а правда? Ведь еще будучи совсем маленькой она уже знала, что если увидела кого-то в этом черном тумане, тот обязательно умрет. И ведь так и случалось. Как это объяснить? Совпадением? Случайностью? Но это происходило неоднократно, и не могло быть случайностью. Все, кого она видела в этом тумане, умирали.

Кэрол затаила глубоко в себе свой зародившийся ужас, спрятав его ото всех, даже от Куртни. Пока она не могла найти ответ на этот вопрос. Она не знала, что было этим туманом

— безумие или что-то другое. Сумасшедшей она себя не ощущала. А Элен походила на сумасшедшую, особенно в последнее время. Разве сама Кэрол таковой ее не считала? Считала. И что бы она там не говорила, она была не только сумасшедшей, но и хладнокровной убийцей, потому что убивала по холодному расчету, как Мадлен и Розу, и туман здесь был явно ни при чем. Она убила их, потому что ей так было надо, потому что Мадлен стала обузой, а Роза угрожала. Может, нет никакого тумана, который она якобы видела? Может, она все выдумала, пытаясь выкрутиться? А о тумане узнала от Кэрол, ведь маленькой она рассказывала маме о нем и о своих снах. Вот и взяла за основу своей небылицы в качестве оправдания, рассчитывая на то, что ее признают невменяемой, подлечат в психушке, да и выпустят. Что ж, видимо в ее невменяемость действительно поверили, да настолько поверили, что приняли решения запереть в психушке навсегда. Да, все могло быть и так. Было бы хорошо, если бы это было так. Это бы значило, что никакого тумана, преследующего Элен, нет, что он существует только в воображении одной Кэрол, и это не наследственная болезнь или проклятие. Но и в этой версии Кэрол нашла неувязку. Зачем Элен напала на постояльцев? С какой целью? Кэрол бы поняла и не удивилась, если мать набросилась на кого-то, кто ее бы разозлил. Но не могли же ее так разозлить сразу все, кто находился в ту роковую ночь в мотеле.

Долго и мучительно Кэрол ломала над всем этим голову, но это было бесполезно. Тогда она перестала себя мучить и постаралась выкинуть это из своих мыслей. Все равно пока она не могла найти ответы. Придет время, и она все поймет. Наверное. А если постоянно об этом думать, можно и вправду спятить.

С тех пор, как Кэрол поселилась в доме Куртни и Рэя, туман ей ни разу не снился, и она постепенно успокоилась. Даже если он и существовал на самом деле, то, наверное, он терзал сейчас Элен, оставив ее, Кэрол, в покое.

Уже позже, таким же образом, подслушав разговор Куртни и Рэя, которые украдкой от нее наблюдали за течением болезни Элен, общаясь с ее доктором и с главврачом больницы, Кэрол узнала о том, что Элен продолжает убивать, уже в заключении. В первый раз она убила другую заключенную, засунув ей пальцы в глазницы. После чего надолго была изолирована. Потом, так как приступы агрессии не повторялись, ее изоляцию отменили. Она научилась хитрить и обманывать медперсонал, выплевывать таблетки, притворятся, что находится под действием препаратов. Пока ее разоблачили в подобных ловкостях, она успела совершить еще три убийства, не сразу, с большими перерывами, усыпляя бдительность врачей временем и примерным поведением. Последнее убийство она умудрилась совершить, уже находясь в постоянной изоляции — она напала на медсестру и перегрызла ей горло. После этого ее уже не выпускали, держа взаперти, и обращались только с повышенной предосторожностью, всегда в присутствии двух санитаров, готовых скрутить ее в любой момент. И покорное поведение больше не вводило никого в заблуждение. Поняв, что обмануть больше не удастся, Элен впала в ярость. Она вопила о том, что ей нужно кормить черный туман, а они ей не позволяют, что он все равно доберется до них. И без нее. И что самое странное — Элен была взаперти, как дикий зверь, но время от времени люди продолжали умирать. Эти смерти никто с ней не связывал, то заключенные подрались, то убило током рабочего. В другой раз заключенный напал на доктора. Другой заключенный покончил с собой. И так, периодически постоянно что-то случалось. Но все только удивлялись и недоумевали, что участились несчастные случаи, и приписали это халатности медперсонала и охраны. Сменили руководство. Но это не помогло. А Элен стали бояться еще

больше. Потому что она развлекалась тем, что предсказывала следующую смерть, называя имя того, кто умрет. И то, что она оказывалась права, повергало всех в ужас и недоумение. Найти логическое объяснение тому, что происходит, и как она угадывает, с кем произойдет несчастье, найти не могли. Она была всего лишь сумасшедшей. Никто не собирался прислушиваться к ее бреду и вникать в него. А тем более, принимать всерьез.

И опять Кэрол была единственная, кто над этим задумался.

Она поняла тогда, что мать не выдумывала. Она видела, так же, как она, Кэрол. Что это? Может, просто дар предвидения, который работал таким образом? Они просто могли предвидеть чью-то смерть, но сами с этими смертями не были связаны никоим образом?

И опять она не нашла ответ, и заставила себя не думать об этом.

— Ну, что приступим? Или подождем Куртни?

Голос отца вывел ее из задумчивости. Кэрол пожала плечами.

— Я голоден, как собака, а она может вернуться поздно, — взяв в руки вилку и нож, он решительно приступил к еде.

Кэрол последовала его примеру.

— О чем ты все время думаешь? — спросил он, бросив на нее любопытный взгляд.

— Да так... ни о чем, — снова пожала плечами Кэрол.

— Тогда почему все время такая задумчивая? Живешь на всем готовом, Куртни решает все твои проблемы — расслабься и радуйся жизни!

— Как ты? — ухмыльнулась девушка.

— Да, как я, — невозмутимо ответил он. — Не вижу в этом ничего плохого, — помолчав, он снова спросил. — Как прошел твой первый рабочий день?

— Хорошо. Мне понравилось.

— И зачем тебе это нужно, не понимаю! Куртни зарабатывает денег больше, чем мы можем потратить. Зачем тебе работать, да еще за гроши?

— А почему нет? Все должны работать, нельзя все вваливать на одного человека. Работа — это не только деньги. Это — занятие, альтернатива безделью и ненужности. Это независимость.

Он кисло улыбнулся.

— Ты становишься такой же занудой, как Куртни. Тебе это не идет. Лучше бы роман завела, чем умные речи толкать. Такая симпатичная девчонка — и до сих пор без парня! Почему?

Кэрол промолчала, разрезая ножом отбивную. Рэй доставал ее этим вопросом с тех пор, как ей стукнуло шестнадцать, и уже порядком поднадоел. Но, что поделать, если ее отца в жизни интересовали только три вещи — секс, спорт и дорогие машины!

— О чем ты только думаешь, крошка? Девятнадцать лет, а у тебя еще ни одного парня не было! Это же просто ненормально! Или, может, ты предпочитаешь женщин?

— Не пори чушь! — огрызнулась Кэрол. — Это ты их предпочитаешь, всех и без разбору!

— Неправда. Я люблю только Куртни, и кроме нее у меня никогда никого не было, — серьезно сказал он.

— Правда? А кто та грудастая крашенная блондинка, с которой я видела тебя вчера в машине?

— Я просто решил ее подвезти, и все! А ты на что намекаешь?

— А брюнетка, с которой ты сидел в ресторане в прошлый четверг?

— Это был не я, ты обозналась.

Кэрол внимательно изучала его взглядом, поражаясь его наглости.

— И почему Куртни тебя только терпит? — в который раз недоумевала она.

Он откинулся на спинку стула и, отхлебнув вина из бокала, бросил на девушку насмешливый взгляд.

— Потому что она любит меня. Тебе, соплячке, этого не понять.

Кэрол тяжело вздохнула, вынужденная согласиться. Да, она действительно не могла понять, почему такая женщина, как Куртни, сильная и независимая, не вышвырнет этого бездельника и шалопаю за дверь, позволяя ему наставлять ей рога. Не зная она об этом не могла, будучи слишком умной и проницательной, чтобы не замечать измен. Тогда почему? Кэрол давно мучил этот вопрос, но она не думала, что когда-нибудь осмелится задать его Куртни. Наверное, Рэй прав, и она просто действительно его любит, потому и прощает все. Куртни нельзя было назвать красивой женщиной, но она была очень ухоженной, всегда дорого и со вкусом одета. Никогда Кэрол не видела ее растрепанной и не подкрашенной, Куртни всегда находила время на посещения салонов красоты и спортзала, придавая уходу за собой не малое значение, и уча этому Кэрол. И, не смотря на то, что была наделена обычной внешностью, Куртни всегда выглядела шикарно и блистательно. Но суровое лицо и властный взгляд отпугивал сильный пол, ее боялись, перед ней трепетали. Мужчины не решались приблизиться к ней больше, чем на шаг, робея перед силой и умом этой женщины, боясь, что если приблизятся ближе, она их сомнет и растопчет. Не физически, конечно.

И только Рэй не боялся ее, уверенный в своей необходимости, зная о слабости этой «железной леди» перед ним. Бывало, конечно, когда Куртни выходила из себя и брала его за горло, и тогда он становился тише воды, ниже травы, делая все, что она от него потребует, покорный и безропотный. Но мальчишеский взгляд красивых синих глаз растоплял любое сердце, и Куртни не была исключением. Казалось, время не властно над ним, он был стройным и гибким, как юноша, улыбка дышала молодостью и избыточной энергией. С тех пор, как Кэрол впервые его увидела, он ничуть не изменился. Она так и не научилась воспринимать его, как отца. Порой она даже об этом забывала. Ни разу у нее не повернулся язык назвать его папой, она обращалась к нему по имени, для нее он был просто Рэй. И когда она думала о том, что он ее отец, не переставляла удивляться и сомневаться. Она не могла разобраться в своих чувствах к нему. Она не любила его, как отца, временами ненавидела за то, что он предает Куртни и так бессовестно и нагло пользуется ее любовью, может, слегка презирала за то, что сидит на шее у жены, за легкомыслие и беспечность, которые допустимы в юности, но не делают чести взрослому мужчине. Но порой она ловила себя на том, что любит его, восхищается этим красивым шикарным мужчиной, сожалея о том, что он — ее отец. Наверное, если бы он им не был, она бы точно в него влюбилась. Может, где-то в глубине души она и была немного влюблена, потому что абсолютно не ощущала себя его дочерью. Судя по всему, он тоже не пылал отеческими чувствами. Кэрол привыкла к нему, но родства не чувствовала. Может, это было из-за того, что он не старался стать ей отцом, не желая даже выглядеть им. Они довольно быстро подружились, он очаровал ее сразу же, раз и навсегда завоевав ее одинокое сердечко, и она любила его вместе со всеми его недостатками, как любила его Куртни. Он заезжал за ней в школу на своих шикарных машинах, шокируя преподавателей и учеников, даже пару раз сводил ее в кино и театр. И так как Кэрол проявила интерес только к теннису, отказавшись учиться серфингу и парусному спорту, он стал брать ее с собой только на корт, обучая. Иногда Кэрол ездила с ним на пляж.

Ей нравилось смотреть, как он катается. Ничего более великолепного она в своей жизни до этого не видела. Он много раз пытался уговорить ее поучиться, но она так и не поддавалась на его уговоры. Ей нравилось смотреть, это было красиво, особенно, когда это делал Рэй, но самой попробовать ей никогда не хотелось. В ней не было того задора, той энергии и неумности, как у Рэя, его склонности к авантюризму и приключениям, острым ощущениям. Острых ощущений она хлебнула достаточно в своей жизни. Больше ей не хотелось. Ей нужен был покой и ощущение безопасности. И никакой риск в любом своем проявлении ее не привлекал. А огромные волны казались ей опасными и устрашающими. Нет, уж, спасибо, лучше она посмотрит на эти волны с берега, и никогда на них не полезет, как Рэй.

Наверное, она показалась Рэю скучной, потому что его интерес к ней быстро иссяк, и он снова отдал предпочтение своим обычным занятиям. Он играл в теннис, пропадал в спортзалах, занимался серфингом, ездил на футбольные матчи и покорял женские сердца.

Когда Кэрол подросла, он снова обратил на нее внимание. Девушка не возражала, если он заезжал за ней в университет, не отказывалась прокатиться с ветерком на красивой машине с открытым верхом, или посидеть в ресторане. Он знал толк в еде и выпивке, хотя никогда не увлекался ни тем, ни другим. Он угощал ее восхитительными коктейлями, не задумываясь об их крепости, именно с ним Кэрол впервые попробовала спиртные напитки. Он предпочитал только дорогую выпивку, учил девушку разбираться в коньяках и винах. Он любил сорить деньгами, и это раздражало Кэрол, потому что из этих денег он сам не заработал ни цента. Но это его не волновало, он принимал это как должное. Он менял машины еще чаще, чем любовниц, одевался только у именитых кутюрье. Куртни не требовала у него отчета о потраченных деньгах, позволяя брать со счетов в банках столько, сколько ему было нужно.

Со временем Кэрол привыкла к этому, и тоже, как и Куртни, стала относиться к нему снисходительно. Он походил на разбалованного непутевого мальчишку, безнадежно испорченного и не поддающегося перевоспитанию. Вместе с тем он был чертовски обаятельным и приятным, чем всегда добивался неизменного прощения у них обеих.

Девчонки в университете умирали от зависти, наблюдая, как он галантно открывает перед Кэрол двери дорогой сияющей машины, а потом увозит в неизвестность. Никто даже подумать не мог, что он ее отец, а Кэрол почему-то не хотела разубеждать в этом. У нее с ним не было ничего общего, ни в характере, ни во внешности. Взрослея, она все больше походила лицом на Элен, и, не смотря на то, что мать была красива, Кэрол не нравилось это сходство. Почему она не переняла у отца хотя бы долю его блеска и очарования, не говоря уже об отдельных деталях, таких, как яркость глаз и красота улыбки? Какой бы красавицей она была, если бы он не пожадничал и поделился с ней своими внешними данными!

Может, ее отец все-таки не он? Ей казалось, что он тоже сомневался, но никогда не говорил об этом, по крайней мере, ей.

С тех пор, как он предложил научить ее играть в теннис, они каждые выходные, если только он никуда не уезжал из города, увлеченно сражались на теннисном корте, расположенном на заднем дворе позади дома.

Куртни не играла в теннис и никогда не проявляла желания начать. В будние дни он ездил играть с друзьями в профессиональный теннисный клуб, иногда они играли у него. Куртни не возражала, если он приглашал друзей, позволяла ему устраивать вечеринки. А он всегда закатывал грандиозные праздники, когда она уезжала в деловые поездки. Обычно Кэрол сидела в своей комнате и старалась не высовываться в такие моменты, особенно после

того, как однажды, отправившись на кухню попить воды, застала его целующимся с какой-то красоткой лет двадцати. Он бросился за Кэрол в ее комнату и чуть ли не на коленях умолял не рассказывать Куртни, сетуя, что бес попутал, что выпил лишнее, клялся — божился, что никогда такого не повторится. Говорил, что безумно любит Куртни, и не переживет, если потеряет ее. Кэрол было противно слушать его наглое вранье, он был ей отвратителен, и, не удержавшись, она тогда впервые высказала все, что о нем думает. А он смотрел на нее грустными глазами, как провинившийся побитый щенок, такой расстроенный и подавленный, что все-таки вытянул из нее обещание сохранить его глупый проступок в тайне. Дабы у Кэрол не возникало сомнений в его искренности, он немедленно выпроводил всех своих гостей.

Но после этого Кэрол не раз видела его с другими женщинами. Никто никогда из знакомых не видел, потому что он соблюдал большую осторожность, а у Кэрол прямо талант был наткаться на него в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время! Он даже как-то высказал предположение, что она специально за ним шпионит. Но, в основном, в ответ на ее обвинения он нагло, не моргнув глазом, все отрицал или ловко выкручивался.

Кэрол никогда не лезла в отношения Куртни и Рэя, не сомневаясь, что Куртни все о нем знает, и сама во всем разберется. Кэрол не нравилось то, что он доставал ее отсутствием любовных связей, задаваясь вопросом, какое ему до этого дело. Всякий раз, когда он заводил эту тему, ей хотелось убежать, потому что нечего было ответить. Она робела перед мужчинами и сторонилась их. В ней жили обида, горечь и страх после того, что с ней сделал один из них в мотеле, и она не могла преодолеть эти чувства. Всякий раз, когда мужчина или молодой парень начинал с ней флиртовать, Кэрол ретировалась и в дальнейшем старалась избегать его. А еще в ней был подсознательный страх, что стоит ей начать встречаться с мужчинами, как она превратится в такую же развратницу и шлюху, как Элен. С раннего детства она не любила мужчин, в ней плотно укоренилась привычка избегать их. И, не смотря на то, что теперь находилась не в ненавистном мотеле, где маленькой девочкой пряталась от ненавистных мужчин, и с тех пор прошел не один год, она по-прежнему ощущала себя той запуганной малышкой. Ей казалось, что ее хотят обидеть, посмеяться, сделать больно или того хуже. Желание в глазах мужчины вызывало в ней отвращение и страх, заставляя вспомнить о похоти и жестокости изнасиловавшего ее подонка. Как всякая девушка, она мечтала о любви, о парне, который будет отличаться от всех, которому она сможет доверять, и не будет бояться, о таком, как Мэтт. Но таких, как он, Кэрол больше не встречала. Том Фокстер, который когда-то так ей нравился, оставил о себе не лучшее впечатление, заставив ее глубоко разочароваться. Рэй тоже только подогревал ее негативное отношение к мужскому полу.

— Ты что, задалась целью умереть девственницей? — не отставал он.

Кэрол промолчала. Уж что-что, а это ей уже не грозит, но ему об этом знать не обязательно.

— Почему молчишь? Или ты уже не девственница? А ну, признавайся!

В этот момент в столовую вошла Куртни, и Кэрол облегченно вздохнула. Как вовремя!

— Добрый вечер. Извините за опоздание, — проговорила Куртни, садясь за стол, возле которого тут же появилась Дороти, проворно поставила еще один прибор и удалилась.

Кэрол поприветствовала мачеху теплой улыбкой. Рэй оторвался от стула и, подойдя к жене, поцеловал в щеку.

— Привет, любимая.

И вернулся на свое место. Просто изумительно выдрессированный муж в ее присутствии, сама нежность и внимание! Кэрол с трудом подавила улыбку. Вот лицемер, как его земля носит?

— Как дела на работе, Кэрол? — поинтересовалась Куртни.

— Хорошо. Не привычно только, люди все новые... и вообще...

— Ничего, освоишься.

Куртни была чем-то расстроена, Кэрол сразу это заметила.

— Мистер Касевес вернулся из санатория? — спросила она и попала прямо в точку.

— Да, — Куртни тяжело вздохнула.

— Ему лучше?

— Лучше.

Кэрол замолчала, не решаясь больше задавать вопросы. Грустно опустив глаза в тарелку, она почувствовала, как сразу померкло хорошее настроение перед печалью Куртни.

Некоторое время они все молча ели. Куртни задумчиво жевала, и создавалось впечатление, что она не замечает их присутствия. Покончив с ужином, она устало прислонилась к спинке стула и пригубила вина из высокого бокала.

— Врачи запретили ему работать, — тихим голосом проговорила она. — Для того чтобы он жил дальше, нужен покой. Полный покой и никаких волнений.

— Что ж, нашему неугомонному старику давно пора на пенсию, — попытался утешить ее Рэй. — Не расстраивайся. Он не сможет заниматься делами лично, но ведь он всегда может дать совет.

Куртни кивнула, но глаза ее оставались такими же печальными.

— Придется искать нового адвоката. У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Уилл порекомендовал мне одного, — Куртни вздохнула. — Это сын его знакомого, судья Джорджа Рэндэла. Джек Рэндэл.

Рэй скорчил сомневающуюся мину.

— Небось, молодой и неопытный, шагающий по протоптанной папочкой дорожке.

— Отнюдь.

— Ты его знаешь?

— Конечно, знаю. Но не лично. Его знают все, кто мало-мальски интересуется прессой, не говоря уже о людях посерьезней, — Куртни бросила на него неодобрительный взгляд. — Если бы ты хоть иногда смотрел новости или открывал газеты, ты бы тоже его знал.

Рэй равнодушно пожал плечами.

— Зачем? Если мне когда-нибудь понадобится адвокат, я положусь полностью на твой выбор. А все же, что это за знаменитый Джек Рэндэл, который метит на место Уилла?

— Он туда не метит. Это мы с Уиллом его наметили. Вполне возможно, что он может отказаться.

— Он что, дурак?

— Нет, он преуспевающий молодой адвокат. Настоящая акула, безжалостный и не знающий поражений. Несмотря на молодость, он — самый востребованный и дорогой адвокат в штате.

— Тогда хватай его руками и ногами, чего сомневаешься?

Куртни задумчиво постучала красивыми длинными ногтями по гладкой поверхности стола.

— Знаете, чем он прославился и как сделал такую карьеру? Он брался за самые

безнадежные дела, от которых отказывались другие адвокаты. У него нет совести, он топчет все и всех на своем пути к победе. И, что самое поразительное, он всегда побеждает, у него нет ни одного проигранного дела! Он защищал маньяков и психопатов, его стараниями на волю выпускали убийц, в чьей виновности ни у кого не было даже сомнений.

— Дорогая, ну это же его работа! На то он и адвокат, чтобы быть жестким, решительным и морально устойчивым. Щепетильность и мягкотелость не принесут успеха в этой жестокой профессии.

— Да, но при этом можно оставаться и человеком.

— Я не пойму, тебе нужен хороший профессионал, или ты выбираешь зятя? Совести и жалости нет — ну и что, тебе от этого только лучше будет. Порвет любого, на кого укажешь. С таким адвокатом ничего не страшно. С тобой все шепотом разговаривать будут. Главное, что он мастер своего дела, или я не прав?

— Прав.

— Ты же деловая женщина, разбираешься во всем этом лучше меня. А сейчас мыслишь, как простая женщина. У железной леди должен быть железный адвокат. Разве тебе не приходилось идти наперекор совести, разве мало ты людей растоптала, пробиваясь по дорожке в большой бизнес? Он — это именно то, что тебе нужно, я уверен. И не забывай, его порекомендовал Уилл! Или ты уже не доверяешь его мнению?

— У тебя потрясающий талант убеждать. Из тебя бы мог получиться превосходный адвокат, — Куртни улыбнулась.

Рэй засмеялся.

— Тогда зачем тебе этот Джек Рэндэл? Бери меня вместо Уилла!

— Я подумаю над этим.

Настроение Куртни заметно улучшилось. Рэй всегда мог ее поддержать и утешить, а иногда даже подсказывал верные решения. Может, поэтому она и прощала все его выходки и вранье. Он был неглупым мужчиной, с университетским образованием, но как Куртни не старалась затащить его в свой бизнес, упирался изо всех сил, ни за что не желая расставаться с легкой беззаботной жизнью. Он не любил думать, принимать решения, напрягаться и всячески избегал даже самых маленьких проблем. А бизнес штука рутинная и нелегкая. В нем напрочь отсутствовало честолюбие, он не мечтал о карьере и признании, считая, что все это нужно только для того, чтобы заработать деньги. А так как, благодаря Куртни, недостатка в них он не испытывал, то больше ничего от жизни и не требовал, будучи ею вполне доволен.

Кэрол так и не решилась завести разговор о Мэтте в этот вечер, впрочем, как и в многочисленные прошедшие и будущие.

Куртни все-таки сделала деловое предложение тому самому юристу-акуле, и он его принял. И вскоре она забыла о его недостатках, которые заставили сомневаться в том, стоит ли с ним связываться. На самом деле он оказался не таким уж монстром, и Куртни прониклась к нему глубоким уважением, как к умному, сильному и талантливому человеку. И со временем она привыкла к его жесткому напору и коварному прозорливому уму, благодаря которым он стал непобедимым в своей работе.

Однажды вечером Куртни после ужина пригласила Кэрол в свой кабинет. Оробев и немного нервничая, Кэрол устроилась в большом кожаном кресле. Что случилось? О чем Куртни хочет с ней поговорить, да еще наедине, бесцеремонно и жестко избавившись от

Рэя?

Куртни изменила привычке всегда садиться за свой письменный стол, расположившись в кресле рядом с Кэрол. Прикурив тонкую сигарету, она поставила на мягкий кожаный подлокотник пепельницу, и устремила на девушку внимательный вопросительный взгляд.

— Ну, выкладывай.

— Выкладывать? Что? — растерялась и еще больше напугалась Кэрол.

— Все. Я же вижу, что ты давно хочешь о чем-то со мной поговорить, а смелости не хватает.

Кэрол покраснела.

— Я не знаю, поймешь ли ты, — запинаясь, сказала она. — Это может показаться тебе глупостью, но...

Куртни молчала, терпеливо ожидая, когда она все объяснит.

— Когда мне было шесть лет, я познакомилась с одним человеком... Это был дальнбойщик, его звали Мэтт, — сбивчиво начала свой рассказ Кэрол. — Он пробыл у нас только одну ночь и рано утром уехал, и больше я никогда его не видела. Но я до сих пор не могу его забыть. Я даже помню его голос и лицо. Он был так добр ко мне, утешил, когда я плакала, отвел на кухню и накормил. Для меня это было просто чудом, потому что меня никто не замечал, а если и замечали, то только для того, чтобы обидеть или побить. Я никому не была нужна, и вдруг — он, такой добрый и ласковый. Мне так было с ним хорошо! Он подарил мне статуэтку прекрасной женщины и поцеловал на прощанье. Меня целовала только Мадлен, когда была жива. Он стал мне родным, понимаешь? Я так привязалась к нему, что люблю до сих пор.

— Невероятно! — покачала головой Куртни, выпуская дым густой струйкой. — Стало быть, теперь ты хотела бы снова его увидеть?

— Да, — Кэрол опустила голову, теребя край блузки. — Как ты догадалась?

— А ты подумала о том, что он мог давно тебя забыть, и что, если так и не вспомнит? Это было так давно. Пойми, это он тебя так поразил и запомнился, а не ты. Он дальнбойщик, в скольких мотелях он перебивал, скольких девочек видел за свою жизнь!

— Ну, и пусть, если забыл, если не вспомнит. Я-то помню. Я просто хочу сказать ему, что он самый лучший человек на свете. Хочу увидеть его добрые глаза. Посмотреть, каким стал.

Куртни изучала ее пристальным взглядом, и нельзя было ни по ее глазам, ни по лицу понять, что она обо всем этом думает.

— Что ты знаешь о нем?

— То, что его зовут Мэтт, что он работал дальнбойщиком тринадцать лет назад... как он тогда выглядел, — Кэрол покусала губы, понимая, как глупо и безнадежно искать человека по таким приметам. — Это невозможно, да?

Куртни пожалала плечами, гася окурок в красивой пепельнице.

— Я не знаю, Кэрол, — серьезно ответила она. — Наверное, невозможно.

Кэрол так расстроилась, что даже не смогла этого скрыть, хотя пыталась.

— Да, я знала. Просто хотела спросить у тебя, — она выдавила жалкую улыбку, поднимаясь с кресла. — Тогда я пойду?

Куртни кивнула, отпуская ее.

Но уже у самой двери ее голос остановил Кэрол.

— Можно попробовать.

Подойдя к столу, Куртни взяла ручку и, что-то написав в блокноте, вырвала листок и протянула Кэрол.

— Что это?

— Адрес офиса Джека Рэндэла. Я предупрежу его о твоём визите.

— Думаешь, он сможет что-нибудь сделать?

— Я знаю только одно — для этого чертенка не существует слова «невозможно».

Глава 3

За полчаса до назначенного времени Кэрол уже была у дверей высокого красивого здания, в котором находился офис Джека Рэндэла. Она очень боялась опоздать, поэтому и пришла так рано, и теперь бродила по улице, с нетерпением ожидая, когда подойдет время. Но стрелки ее часов ползли так медленно!

Кэрол нервничала перед встречей со знаменитым адвокатом. Во-первых, она переживала, как объяснить ему свою нелепую просьбу, как он отреагирует и сможет ли помочь. Во-вторых, она немного побаивалась этого человека, к которому прочно прилепилось прозвище «акула». Когда она пыталась нарисовать себе образ этого человека, у нее в голове неизменно появлялся зубастый морской монстр, пожирающий все на своем пути. Она понимала, что это глупо, воспринимать все так буквально, и надеялась, что, когда увидит, наконец-то, этого человека, акула исчезнет из ее воображения.

Когда до назначенного времени осталось ровно пять минут, Кэрол вдохнула поглубже, набираясь решительности, и поднялась на лифте на десятый этаж, который полностью занимал офис адвоката. Куртни рассказывала, что он начал разворачивать собственный бизнес, открыв юридическую контору, которая уже пользовалась успехом. У него работали молодые и талантливые адвокаты, такие же «зубастые», как он сам.

Офис был большим, строгим и красивым, в бледных голубых тонах, которые слегка охладили сердце, но радовали глаз своей нежностью и спокойствием.

«Ну, точно акулы, а это их море, в котором они преспокойненько плавают в ожидании очередной жертвы», — с усмешкой подумала Кэрол, оглядываясь. Вокруг было тихо и безлюдно. Где же все? Куда идти?

Осторожно ступая по скользкому натертому полу на высоких каблуках, Кэрол прошла дальше, и внезапно перед ней открылся просторный холл.

Она изумленно застыла, растерявшись от увиденной картины, совершенно не сочетавшейся со строгостью и серьезностью, которыми был пропитан офис. Одна из «страшных акул», а это был молодой мужчина, сидел верхом на столе, практически лежал на нем, зажав в зубах дымящуюся сигарету и уставившись в монитор компьютера. За столом сидела, лицом к Кэрол, миловидная девушка, и тоже внимательно смотрела в компьютер.

— Сюда! Направо! Теперь прямо! Налево! Да шевелись же! — увлеченно восклицал мужчина, обращаясь к девушке и тыча пальцем в монитор. — Господи, какие же вы, женщины, бестолковые! Дай сюда!

Он вырвал у нее «мышку» и защелкал клавишами.

— Смотри, как надо, больше показывать не буду.

Взгляд девушки остановился на Кэрол.

— Здравствуйте, — Кэрол натянуто улыбнулась.

— Здравствуйте, — немного смущенно ответила девушка и слегка подтолкнула мужчину в плечо. Тот оторвался от компьютера и обернулся.

— Добрый день! — он встал со стола и вытащил изо рта сигарету.

— Добрый, — Кэрол снова приветливо улыбнулась, гадая, где уже видела этого человека? Он был ей, несомненно, знаком.

Да это тот самый пижон, которого она не так давно встретила на улице под дождем! Только сейчас он выглядел далеко не так безупречно и идеально. На нем была рубашка цвета

слоновой кости, верхние пуговицы которой были расстегнуты, рукава закатаны на три четверти, а оттянутый вниз галстук небрежно болтался на груди. Не совсем презентабельный вид, несмотря на безупречно отутюженные черные брюки, к которым явно не хватало пиджака. Начальник наверняка не одобрил бы такого разгильдяйства в столь солидном офисе, не говоря уже о сигарете и бурной игре в компьютерные игры, лежа на рабочем столе секретаря!

— У меня назначена встреча с Джеком Рэндэлом, — невозмутимо сказала Кэрол.

— Пойдемте, — молодой человек потушил сигарету о пудреницу, лежащую на столе, проигнорировав возмущенный взгляд секретарши.

Кэрол прошла за ним через весь холл. Он открыл перед ней одну из дверей, окружающих холл, и вежливо пропустил вперед.

Кэрол вошла в уютный просторный кабинет и нерешительно остановилась.

— Надеюсь, вы не простудились после прогулок без зонта под дождем? — он бросил на нее насмешливый взгляд, проходя мимо к рабочему столу.

Кэрол улыбнулась, приятно удивленная тем, что он ее вспомнил.

— Нет. А вам удалось очистить свой плащ и брюки? — в тон ему ответила она.

— Удалось.

— Не думала, что вы меня запомните, — честно призналась Кэрол.

— Я не часто встречаю на улице девушек с подворачивающимися ногами, расплывчатым макияжем и прической «а-ля золотые водоросли», да еще при всем при этом смеющуюся с меня!

— Все еще злитесь?

— Уже нет. Присаживайтесь, Кэролайн.

Девушка опустилась на предложенный стул, стараясь вспомнить, когда это она сказала ему свое имя. Он сел за стол в кожаное кресло и, откинувшись на спинку, устремил на нее пронизательные темно-серые глаза.

— Мне нужен мистер Рэндэл, — напомнила Кэрол.

— О, прошу прощения, я забыл представиться. Джек Рэндэл, к вашим услугам, — он слегка привстал, затем снова опустился в кресло.

Брови девушки удивленно поползли вверх.

— Вы — Джек Рэндэл? — не поверила она. Уж не решил ли этот парень над ней подшутить?

— Да. А чем вы так удивлены, позвольте узнать?

Он облокотился о стол, недоуменно приподняв бровь и ожидая серьезного ответа.

Кэрол смутилась и спрятала глаза, чувствуя себя полной дурой и не зная, что ответить.

— Я просто думала, что вы старше, — нашла она.

— Мне двадцать шесть лет. Мой столь юный возраст не подходит для решения вашей проблемы? — с усмешкой поинтересовался он.

— Нет-нет, что вы! Вы неправильно меня поняли.

Он пожал плечом.

— Тогда изложите суть вашего дела, если вы все же не передумали обратиться с ним ко мне, — в его твердом, хорошо поставленном голосе зазвучали прохладные нотки. Кэрол окончательно упала духом.

— Мне очень нужно найти одного человека.

Он помолчал, разглядывая шариковую ручку в руках. Кэрол невольно обратила

внимание на то, что руки у него красивые и ухоженные.

— Вообще-то, я не занимаюсь розыском, — медленно проговорил он. — Видите ли, у меня несколько иная специализация.

Ну, вот и все. Она сама себе все испортила.

— Что это за человек?

Сердце Кэрол радостно вскинулось.

— Так вы мне поможете?

— Меня попросила Куртни, а я очень уважаю эту женщину. К тому же, я готов сделать исключение лично для вас.

— Спасибо.

— Пока не за что. Так я вас слушаю.

— Я почти ничего не знаю об этом человеке...

— Ну, хоть что-то вы о нем должны знать, иначе вы не стали бы его разыскивать.

— Его зовут Мэттью. Тринадцать лет назад он работал дальнобойщиком. Сейчас ему должно быть около сорока лет. Высокий, карие глаза, темные волосы.

Она замолчала. Он смотрел на нее, видимо ожидая продолжения.

— Это все? — в его голосе прозвучало удивление.

— Да, — Кэрол готова была провалиться сквозь землю, понимая, как глупо она сейчас выглядит.

— Вы надо мной издеваетесь?

Девушка мучительно покраснела.

— Нет, — чуть слышно выдавила она из себя.

— Скажите, — он подался вперед, положив локти на столешницу, — а как вы себе представляете его поиски?

— Если бы я знала, то не пришла бы к вам.

— Превосходный ответ! Что ж, продолжим. Кто вам этот человек?

— Никто.

Швырнув ручку на стол, он подскочил, пронзив ее яростным взглядом. Кэрол вздрогнула от неожиданности и испуганно вжалась в стул.

— Если он «никто», тогда какого черта он вам понадобился?

— Извините, — пролепетала Кэрол, тоже поднявшись. — Думаю, мне лучше уйти. Простите за беспокойство. Всего доброго.

Она поспешно направилась к двери.

— Подождите!

Он догнал ее и примирительно улыбнулся.

— Простите меня, пожалуйста. Моя вспыльчивость все время портит мне жизнь, но я пытаюсь с ней бороться. Иногда срываюсь. Мне просто показалось, что вы опять надо мной смеетесь. Но такого больше не повторится, обещаю. Давайте вернемся на свои места и продолжим разговор.

— Нет, наверное, не стоит. Вы правы, искать человека, ничего о нем не зная — пустая трата времени, — Кэрол покачала головой, отступая к двери.

— Я этого не говорил. Присядьте, — он настойчиво подвел ее к столу и усадил на стул. — Хотите кофе?

— Нет, спасибо.

Вернувшись в свое кресло, он взял ручку и подвинул к себе записную книжку.

— Так, Мэттью, примерно сорока лет, работал дальнобойщиком тринадцать лет назад, — повторил он, записывая. — Значит, это год...

Кэрол назвала точную дату, не дав ему закончить. Джек Рэндэл поднял на нее изумленный взгляд.

— А пятое апреля — это что? Или он работал дальнобойщиком только один день?

— Это день, когда я с ним познакомилась.

— Угу, — его глаза неожиданно заискрились весельем, изучая девушку. — А где и как это произошло?

— Мы встретились в мотеле. А на следующее утро он уехал.

— Продолжайте.

Кэрол пожала плечами.

— Все. Больше я его не видела.

Он растерянно моргнул, видимо, находясь в полном замешательстве.

— Угу, — снова промычал он, не разжимая губ и похлопывая по ним ручкой. — А что за мотель?

Кэрол внезапно побледнела.

— Точно не помню. А зачем это?

— А откуда и куда он направлялся, случайно не знаете?

— Знаю! В Бостон!

— Хорошо. Но все же, где находится этот мотель, хотя бы приблизительно?

— Северная Дакота.

— Ого, далековато. А город?

— Я не помню.

— А трасса большая?

— Да.

— А сам мотель был в городе или за пределами?

— Не помню. Как вроде, на окраине.

— А название трассы?

— Не помню, — Кэрол облизнула губы, нервничая все больше. О том, что она выросла среди шлюх знали только Куртни и Рэй, и ей совсем не хотелось, чтобы здесь об ее прошлом стало известно кому-нибудь еще.

Джек Рэндэл придвинулся ближе к столу и взялся за мышку, переключив свое внимание на монитор компьютера.

— Так, давайте-ка поглядим, — он что-то быстро набрал на клавиатуре и сосредоточенно уставился на экран. — Через Северную Дакоту проходят две крупные межштатные автомагистрали. I-29 и I-94. Думаю, по ним и проходит маршрут дальнобойщиков на крупных фурах. I-29 сначала проходит через Хэнкинсон, потом Фарго, где пересекается с I-94, далее направляется в сторону Гранд-Форкс. I-94 идет по южной границе национального парка Теодор-Рузвельт, далее — Дикинсон, Бисмарк, Стил, Досон, Таппен, Джеймстаун, в округе Барнс пересекает озеро Хобарт, потом — Валли-Сити, Касселтон, Мейплтон и Фарго. Ну, где из всего вышеперечисленного находился тот мотель? Вспомнили?

Он перевел взгляд на нее, и Кэрол опустила глаза, прячась от него. Она была растеряна. Она не ожидала, что ей придется отвечать на такие вопросы, и уже пожалела, что пришла сюда. Зря она начала ворошить прошлое. Зря попросила этого человека в этом помочь. На

кой черт ему сдался этот мотель? Для чего?

— А какое значение имеет, что это за мотель и где он? Все равно регистрационные данные там уже не сохранились, их не хранят столько лет. Вы ничего там не найдете о нем.

— Когда распутываешь клубок, нельзя, чтобы ниточка обрывалась, даже там, где это кажется незначительным. Когда провожу расследование, я не оставляю в нем белых пятен. И уж простите, но мне лучше знать, какая информация мне нужна, а какая нет. И я не работаю с клиентами, которые просят моей помощи, но при этом пытаются меня обмануть или утаить информацию.

— Но я действительно просто не помню, честное слово. Я была там проездом, только одну ночь, к тому же это было так давно, я была маленькая...

— Хорошо. Тогда оставим этот вопрос. Не помните, так не помните. Пойдем дальше. Его машину вы помните?

— Крайслер, огромный такой. Кабина красная.

— Номер, вы, естественно, не помните.

— Помню.

Он едва не выронил ручку. Подвинув к девушке записную книжку, он отдал ей ручку.

— Напишите.

Кэрол написала номер рядом со словами "Крайслер, красная кабина" и вернула ему ручку и книжку.

Пока она писала, Джек Рэндэл внимательно за ней наблюдал, и на его лице отражалось любопытство.

— Город не запомнили, а номер машины помните. М-да, память — штука странная, вы не находите?

— Да, так и есть, — кивнула Кэрол, стараясь не показать своего смущения. У нее было стойкое ощущение, что он понял, что она ему врет.

— Вы позволите не скромный вопрос?

— Спрашивайте, — разрешила Кэрол.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— Получается, что тринадцать лет назад вам было всего шесть лет. У вас удивительная память!

Кэрол не стала это отрицать. Пусть думает, что это так. Совсем не обязательно объяснять, что она, еще не умеючи писать, перерисовала номер на листик бумаги, чтобы узнать его машину, если когда-нибудь снова увидит, и бережно хранила все эти годы свою запись.

— А что он вез, знаете?

— Автомобили.

— Новые?

— Как вроде, новые.

— Хорошо, очень хорошо! — задумчиво протянул Джек Рэндэл, изучая сделанные в книжке записи. — Значит, он гнал машины или прямо от завода, или от какой-либо фирмы, занимающейся крупными поставками. Нам надо выяснить, какая организация поставляла партию автомобилей в Бостон в том году в первых числах апреля. У нас с вами только одна надежда, что данные такой давности еще не уничтожены. Если архив цел, то дальше все проще простого. Поднять кадры того года, собрать данные на всех шоферов, работавших в

это время в этой организации, и найти среди них Мэттью, высокого и кареглазого, — он откинулся на спинку кресла, улыбаясь.

На лице девушки отразилось восхищение, она не могла оторвать от него удивленных, широко раскрытых глаз, увидев этого человека совершенно в другом свете. Сначала перед ней был угрюмый пижон, потом легкомысленный повеса, затем грубиян, а теперь она видела перед собой поразительно умного серьезного мужчину! С какой легкостью он разрешил поставленную перед ним задачу, которую она считала просто невыполнимой! Как ловко по скупым обрывкам собрал нужную и правильную цепочку, ведущую к Мэтту, цепочку, длиною в тринадцать лет! Как просто в его устах звучало то, что для нее было всегда таким сложным и невероятным!

— Если организация, на которую он тогда работал, уже не существует, это осложнит дело, — продолжил Джек Рэндэл. — Допустим, что и организация и архив еще сохранились. Нам очень повезет, если он все еще работает там. Но есть вариант, что он уволился, и возможно, давно.

— И что тогда делать?

— Думать и искать дальше. Будет хорошо, если нам удастся выйти на кого-нибудь, кто его знал. Человек никогда не пропадает бесследно. Это как идти по снежному полю — впереди оно чистое и еще не пройденное, а сзади за тобой тянутся следы, показывающие, откуда ты пришел и как. Так и в жизни. Каждый человек оставляет за собой след, просто нужно его найти. Кстати, может быть, вы помните, там была она или две магистрали?

— Две, — машинально ответила Кэрол, даже не задумавшись.

— Фарго! — он откинулся в кресле и расплылся в довольной торжествующей улыбке, продемонстрировав ровные белые зубы и устремив на девушку насмешливый взгляд.

Кэрол невольно вздрогнула, услышав название родного города.

— Фарго? Почему вы так думаете? — как можно невозмутимее спросила она.

— Вы невнимательно меня слушали. Единственный город, где пересекаются эти две магистрали в Северной Дакоте — это Фарго. Детали — страшная сила! — он попытался подавить свою насмешливую улыбку, смотря ей прямо в глаза, прямо, твердо, как человек, который не ведает смущения, деликатности и никогда не отводит глаз первым.

Кэрол так не умела и не могла, никогда, поэтому снова отвела взгляд, не выдержав. Он ее просто облапошил. Отвлек, сделав вид, что тема о городе закрыта, а потом невинно так подкинул свой коварный вопрос, так, что она даже не успела сообразить, что к чему, не уловив подвох, ответив на автомате.

— Да, наверное, Фарго, раз так, — согласилась она, понимая, что отрицать или спорить уже бессмысленно.

Вот дотошный. Все-таки вытянул у нее, что было нужно. Против воли, обманом.

— Что ж, в Фарго не так уж много мотелей, а на окраине — тем более, — он снова уставился в монитор. — Ага, нашел! Хотите взглянуть на этот загадочный мотель, освежить память, так сказать?

— Нет, спасибо, — отозвалась Кэрол. И еще больше расстроилась от того, как подавленно прозвучал ее голос, с которым она не смогла справиться. Она не видела, но почувствовала, что он бросил на нее внимательный взгляд, оторвавшись от монитора. Повисло напряженное молчание.

— Что ж, пока у меня больше нет вопросов. Если, конечно, вам нечего самой добавить, — первым прервал тишину он.

Девушка отрицательно качнула головой.

— Хорошо. Тогда дальше я уже сам.

— И вы действительно за это возьметесь? — с сомнением спросила она, решившись посмотреть на него, и тут же снова столкнулась с его упертым твердым взглядом.

— Да. Я найду его, но не обещаю, что это будет быстро. Мне нужно время. Тринадцать лет — большой срок. Если ваш Мэттью шел по жизни четкими и большими шагами, оставляя ясный след, я выйду на него быстрее. А если семенил и плутал, обрывая следы широкими прыжками, это займет больше времени. Извините, что я так выражаюсь. Это, чтобы вам было понятнее.

— Да, я понимаю. Я совсем вас не тороплю, я буду ждать столько, сколько понадобится. Я ждала тринадцать лет без надежды, а теперь, когда вы дали мне надежду... — она задохнулась от переполнявшей ее радости, не закончив предложение. Настроение ее поднялось, она забыла о пережитых только что неприятных мгновениях. Джек Рэндэл сказал, что найдет его с такой уверенностью, что она безоглядно поверила в этого человека. Мысль о том, что она увидит Мэтта, что ее мечта осуществится, привела ее в неопишное волнение. Как же долго она его ждала, как долго!

— Скажите, вам действительно так необходимо отыскать этого человека?

— Да! — горячо воскликнула Кэрол, испугавшись этого вопроса. Уж не хочет ли он все-таки отделаться от этой кропотливой работенки, которую она взваливала на его плечи? Если задуматься, зачем ему это надо, ведь наверняка нехватки в работе и деньгах у него не было.

— Очень необходимо! — она устремила на него умоляющий взгляд.

— Я, конечно, лезу не в свое дело, и меня это совершенно не касается, но я ничего не могу понять в этой ситуации! Если бы вы были постарше, когда познакомились с этим человеком, я бы мог предположить, что вы в него влюблены и потому так стремитесь отыскать. Может, он сделал вам что-то очень плохое, и вы хотите отомстить?

— Наоборот, — с глубокой нежностью проговорила Кэрол. — Что-то очень хорошее, и я хочу его поблагодарить.

Джек Рэндэл удовлетворился ответом, хотя в глазах его все еще было любопытство. Надо же, какой любопытный! Какое ему дело? Надо порасспросить о нем у Куртни, всегда ли он сует нос в то, что его не касается? Стоит ли ей опасаться, что этот человек полезет туда, куда бы ей не хотелось? Она бы предпочла сохранить свои тайны от кого бы то ни было. Она оставила свои секреты далеко отсюда, сбежав от них почти за полторы тысячи миль, и хотела, чтобы ее прошлое осталась там, где она его оставила и не вторгалось в ее настоящую жизнь никоим образом. Кэрол была уверена, что ему очень интересно узнать, что же кроется за всей этой таинственной и, мягко выражаясь, очень нестандартной ситуацией. Он был заинтригован, она это заметила. Что может так прочно привязать шестилетнюю девочку к совершенно постороннему чужому человеку за несколько часов и на всю жизнь, и привязать так, что в памяти ее отложились все детали, окружающие его, вплоть до номера машины? Что все тринадцать лет она помнила его и жаждала найти? Ее глаза сияли от переполнявших ее чувств, когда она о нем говорила, с такой любовью и теплотой!

Но Джек Рэндэл умел не задавать лишних вопросов. А если ему уж очень нужно было что-то знать, он сам находил ответы на свои «лишние» вопросы.

— Ну, что ж! — подвел он итог их разговору. — Ждите. Когда у меня будут результаты, я вам сообщу.

— Может, я тоже могу что-то сделать, чтобы как-то вам помочь? Ведь у вас есть еще

дела, наверное...

— Не беспокойтесь. У меня здесь целый офис помощников.

Он проводил девушку до двери.

— Если вспомните что-нибудь, обязательно доложите мне, даже если вам будет казаться, что это незначительная деталь, — сказал он, открывая перед ней двери.

— Хорошо. Большое вам спасибо, — Кэрол признательно улыбнулась.

— Поблагодарите, когда я его найду.

— До свидания.

— Всего хорошего, — с улыбкой кивнул он и неожиданно добавил ей вслед. — И не гуляйте больше под дождем без зонта!

Прошло два дня. У Кэрол был выходной. От души выпавшись, она приняла душ, распевая любимые песни в свое удовольствие. В этом доме петь ей никто не запрещал, но все равно она делала это только в своей ванной комнате. Из-за того, что Элен в детстве постоянно затыкала ей рот, у Кэрол выработался комплекс, что она плохо поет, и голос у нее отвратительный.

Поэтому пела только, если была уверена, что никто не слышит.

Куртни была в отъезде, и Кэрол, воспользовавшись этим, нарушила правила, выскочив из своей комнаты в махровом банном халате и с полотенцем на голове.

Дороти возилась на кухне, и, увидев Кэрол, появившуюся в дверях, приветливо улыбнулась.

— Выспалась?

— Угу, — отозвалась девушка, ныряя в холодильник.

— Я приготовлю тебе завтрак.

— Я сама, можно?

Дороти пожалала плечами. Когда Куртни отсутствовала, девушка предпочитала сама готовить себе завтрак, набрав в огромном холодильнике все, что только душа пожелает. А потом, разложив все на подносе, уходила в свою комнату. Привычка есть в одиночестве, спрятавшись ото всех, все еще жила в ней, но Кэрол не видела в этом ничего плохого.

По дороге она встретила Рэя, причесанного, гладко выбритого и благоухающего дорогим одеколоном. В отличие от нее, он приводил себя по утрам в порядок всегда, в независимости от того, дома Куртни или нет. Кэрол видела его растрепанным и небритым только после грандиозных вечеринок, когда он, чуть живой и больной до мозга костей, выползал из спальни и жалобно звал Дороти, которая прибегала на его зов и принималась за лечение, нянча его, как ребенка. Рэй пил редко, а когда напивался, то неизменно болел потом целый день.

Бросив на Кэрол веселый взгляд, он улыбнулся.

— Опять тащишь поднос к себе? И охота таскать его туда-сюда? И, я не понял, почему это ты в таком виде? — он строго сдвинул брови. — Вот все расскажу Куртни!

Кэрол знала, что он шутит и ничего никогда не расскажет, как не рассказывала она об его более тяжелых «нарушениях». Не рассказывала не потому, что хотела прикрыть его, а, не желая расстраивать Куртни. К тому же, Куртни никогда ее не спрашивала о том, что делал Рэй в ее отсутствие. Если бы спросила, возможно, Кэрол бы и рассказала. Во-первых, она никогда бы не смогла солгать Куртни, а во-вторых, боготворила ее и всегда была на ее стороне, а не Рэя.

— Какие планы на сегодня? — поинтересовался Рэй.

— Да, в общем, никаких, — Кэрол пожалала плечами.

— Тогда пошли на корт.

— А как же мой завтрак?

— Кто играет на полный желудок? Съешь бутерброд и спускайся. Нечего было дрыхнуть столько времени, давно бы уже позавтракала.

— Ну, ладно.

Расположившись в своей комнате прямо на постели и поставив перед собой поднос, Кэрол включила телевизор. В новостях рассказывали о каком-то маньяке, но девушка слушала в пол уха, не очень-то интересуясь подобными страстями. Ей своих в жизни было с лихвой, включая и мамашу — маньячку. Но вдруг она услышала знакомое имя, произнесенное журналистом, и торопливо прибавила звук, мгновенно забыв о завтраке.

— Дастину Смитту уже предъявлялись обвинения в жестоких преступлениях, и доказательства его вины были на лицо, но благодаря стараниям адвоката Джека Рэндэла, который выступал защитником обвиняемого на судебном процессе, убийца был снова выпущен на волю, следствием чего стали новые жестокие убийства ни в чем не повинных людей, — комментировал приятный мужской голос мелькавшие на экране отрывки судебного процесса, в которых Кэрол увидела Джека Рэндэла.

— Что чувствует сейчас адвокат, по вине которого погибло еще несколько людей? Раскаялся ли он в том, что помог убийце избежать наказания, позволив совершать новые преступления? Но, как выяснилось, Джека Рэндэла абсолютно не волнует разыгравшийся вокруг его имени скандал. Вот что он ответил на волнующие всех вопросы...

На экране появился Джек Рэндэл, которого, судя по его недовольному лицу и торопливому поведению, журналисты застали врасплох и очень не вовремя прямо в здании суда. Бросив взгляд на часы, он соизволил приостановиться и обернулся к микрофонам, которые нагло лезли ему в лицо. На все бесцеремонные вопросы и обвинения, посыпавшиеся на него со всех сторон, он дал один короткий ответ, возмутив журналистов своей невозмутимостью и хладнокровием.

— Каждый человек имеет право на защиту. Это — моя работа, и я привык делать ее хорошо. Вы обвиняете меня в смерти этих людей, но не я совершил эти убийства. Не надо вешать на меня чужие преступления. А о совести спросите лучше у того, кто это сделал.

И Джек Рэндэл отвернулся, игнорируя новые вопросы и напористых,седающих на него со всех сторон журналистов. Он вел себя так достойно и уверенно, что они расступились, давая ему дорогу. Повернувшись к камерам спиной, адвокат спокойно отправился по своим делам, казалось, мгновенно позабыв о журналистах, их осуждающих взглядах ему в спину и мало приятных обвинениях.

Далее кто-то рассуждал о том, что таких адвокатов, как Джек Рэндэл, надо не только лишать прав на работу, но и сажать в тюрьму вместе с теми преступниками, для которых они добиваются оправдания. Что Джек Рэндэл не только подрывает авторитет правосудия, вынуждая выпускать на волю преступников, но и позорит профессию. Что путь к карьере и славе он выложил трупами невинных людей, и тому подобное... Короче, ажиотажа вокруг адвоката было больше, чем вокруг самого преступника, о котором, казалось, вообще забыли. Злодеем был именно Джек Рэндэл.

Кэрол сделала вывод, что всех бесит именно то, как безразлично и легко он выдерживал такой напор со стороны прессы и множества неприятелей. Отмахнулся, как от назойливых мух, и, как ни в чем не бывало, снова принялся за работу, защищая очередного преступника.

Джек Рэндэл был самой скандальной и знаменитой личностью в своей профессии.

Но Куртни, не смотря на то, что когда-то разделяла мнение о том, что Джек Рэндэл — чудовище, теперь рьяно выступала в его защиту.

— Почему так мало говорят о том, сколько невинных людей он вытащил, не позволив попасть за решетку? Он брался за дела людей, которых намеренно по каким-либо причинам пытались заставить отвечать за преступления, которых они не совершали, из мести, или с целью скрыть настоящего преступника, и нередко за этим стояли могущественные люди. И он не боялся идти против них. Четыре раза покушались на его жизнь, два из которых заставили его угодить в больницу. Почему об этом не упоминалось прессой? — негодовала Куртни.

К счастью, как говорила она, у него довольно могущественный отец, который, по неофициальным источникам, имеет авторитет в криминальном мире, и в его силах защитить безбашенного сынка. Джека больше никто не трогал, но известно, что ему приходилось защищать тех, кого ему приказывали бандиты, не раз он вытаскивал из цепких капканов закона криминальных авторитетов и просто их шестерок, что не добавило ему любви в народе.

Так говорила Куртни, рассказывая Кэрол о своем адвокате. Его не любили, осуждали и бранили, но каждый, перед кем появлялась угроза отправиться за решетку, мечтали именно о нем, забывая о том, что его все считали плохим человеком и помня только то, что он — лучший адвокат, непревзойденный профессионал, который может все. Джек Рэндэл занимался не только уголовными делами, хотя они и преобладали. В списке его постоянных клиентов были деловые люди, как Куртни, но таких было не много. Он был один, а желающих заполучить его было много, его рвали на части, и он решил эту проблему, когда открыл собственную юридическую фирму. Он сам набирал адвокатов, сам их натаскивал, а они пытались во всем ему подражать, перенимая его методы и стиль. И репутация Джека Рэндэла, лестная и нелестная одновременно, вскоре распространилась и на его людей.

Кэрол ни разу не видела его по телевизору или в газетах до того, как два дня назад не познакомилась, наконец-то, с ним. Несмотря на то, что она знала о том, что он молод, она не могла представить его себе таким. В ее воображении это был солидный представительный мужчина, суровый, не умеющий улыбаться и шутить, с жестоким лицом и беспощадным взглядом.

Поэтому она так опешила, когда настоящая внешность адвоката — злодея оказалась несколько иной. Вопреки ее ожиданиям, он не обладал внушительными фигурой и ростом, какими должен был обладать, в представлении Кэрол, человек с такой силой и напором, а оказался стройным, немного выше среднего роста, и самого обычного телосложения. У него были красиво подстриженные густые каштановые волосы, умные серые глаза, обаятельная улыбка. В общем, он производил довольно приятное впечатление, и даже его резкость и некоторая заносчивость не могли препятствовать чувству симпатии, которое возникало в общении с ним. Те, кто говорил о нем плохо, явно не общались с ним ближе, осуждая и ненавидя со стороны и на расстоянии. Куртни он тоже не нравился, пока она не познакомилась с ним поближе.

Но общаться с ним было нелегко, по крайней мере, Кэрол. Его глаза словно сверлили душу, на губах часто мелькала насмешка и снисхождение, даже презрение, он подавлял своим умом и внутренней силой, которая ощущалась в каждом движении, в каждом взгляде, даже в голосе. Рядом с ним появлялось ощущение собственной ничтожности и глупости. У

него было привлекательное и приятное лицо, оно не обладало такой ярко выраженной суровостью и твердостью, не было таким тяжелым, как у Куртни. С первого взгляда он показался Кэрол симпатичным, но ничем особо не выдающимся парнем. Но стоило ей присмотреться повнимательнее, и это обманчивое впечатление исчезло под внутренней жесткостью и твердостью, которые она разглядела в каждой черточке его лица. Скорее не разглядела, а ощутила. Эти качества на его лице не отражались, а ощущались, потому и не бросались в глаза сразу. Этот человек был жесток и непоколебим, он мог раздавить, если это ему было нужно, но обманчивая внешность часто заставляла людей об этом забывать.

То, как отзывалась о нем Куртни, его популярность, его качества и головокружительная, растущая с невообразимой скоростью карьера заставили Кэрол восхищаться им еще до того, как увидела его воочию. Если не брать в расчет то, что встретила его на улице задолго до этого, еще до того, как он стал работать с Куртни, но это не считалось, потому что ей никогда бы и в голову не пришло, что это и был тот самый Джек Рэндэл. При знакомстве она, конечно, была немного разочарована в первые минуты, но лишь потому, что представляла его совсем другим. Это разочарование быстро исчезло во время разговора, и она поняла, что он именно такой и есть, как она представляла и каким рисовала его Куртни, и только внешностью немного не соответствовал своей репутации. Но теперь ей уже так не казалось. Если приглядеться, очень даже соответствовал. Он ей понравился. Но она ощущала, что немного побаивается его, хотя она была не из тех, кого легко запугать после всего того, через что ей довелось пройти. После ее матери. Было в нем что-то такое, что отзывалось где-то глубоко в ней смутным, едва уловимым страхом. Внутренний голос шепнул ей, что этот человек опасен. «Может и так, мне-то что, — подумала она в ответ на это предостережение. — Ему до меня нет никакого дела. Может, кому и стоит его опасаться, но только не мне». И она напрочь потом забыла о том, что он показался ей опасным.

Еще никто и никогда не производил на нее такого сильного впечатления, как он. Джек Рэндэл был самым интересным, самым необычным и захватывающим человеком из всех, кого она когда-либо встречала за свою жизнь.

Эти два дня она постоянно думала о нем. Гадала, сколько времени потребуется ему для того, чтобы найти Мэтта, и что он ей о нем расскажет. Боялась, что он отложит ее дело в долгий ящик, и оно покроется там пылью от времени, или забудет, увлекшись другими, более важными делами. Звонить и напоминать ему, было не только неудобно. Она могла нарваться на грубость, на которую он был вполне способен, как ей уже довелось убедиться. Поэтому оставалось только ждать и надеяться на его слово.

Выключив телевизор, Кэрол быстро застелила постель и переоделась.

Стянув светлые волосы на затылке в конский хвост, она зажала под мышкой подаренную Рэем ракетку, и, захватив поднос, вышла из комнаты.

Внизу разрывался телефон. Поставив поднос на телефонный столик, Кэрол сняла трубку.

— Алло!

— Кэролайн?

Ракетка выскользнула у нее из-под руки и упала на пол.

— Да.

— Добрый день. Это Джек Рэндэл.

- Здравствуйте, мистер Рэндэл, — она сразу узнала его твердый решительный голос, потому так и разволновалась.

— Я боялся не застать вас дома, а рабочий телефон вы мне не оставили.

— Но у меня выходной. Сегодня же воскресенье, — его рассеянность слегка удивила Кэрол.

— Ах, да! — в трубке раздался приятный тихий смех. — Совсем забыл, что у нормальных людей бывают выходные. Извините, закрутился.

— А что, у вас выходных не бывает?

— Бывают... иногда, — он резко перевел дружелюбный разговор в деловой тон. — Я звоню насчет вашего дела.

— Хотите что-нибудь еще узнать? К сожалению, ничего нового я не вспомнила.

— Нет, ваши воспоминания мне больше не нужны. Я нашел его.

От удивления Кэрол едва не выронила трубку.

— Как?! Так быстро?

— Это оказалось проще, чем я думал. К сожалению, я не могу с вами сейчас встретиться, у меня через два часа самолет.

— А по телефону нельзя?

— Простите, но у меня нет времени.

— А когда вы вернетесь?

— Это зависит от того, насколько затянется процесс... судебный, — добавил он, очевидно решив, что она может не понять о чем он. — Но как только буду здесь, я вам позвоню, и мы сразу встретимся.

— Просто дайте адрес, где я могу его найти, — не выдержала Кэрол, понимая, что ожидание будет для нее невыносимым.

Он хмыкнул в трубку, немного смущенно, как ей показалось, и у девушки появилось неприятное ощущение, что что-то не так.

— Ладно, давайте так. Я сейчас дома, укладываю чемодан. Если хотите, приезжайте, я все вам расскажу. Только вам придется поторопиться.

— Хорошо. Куда? — без колебаний согласилась Кэрол и, схватив ручку, быстро записала адрес. Уже положив трубку, она подумала о том, как на все это посмотрит его жена, когда она заявит к нему домой. Если он, конечно, женат. Она не могла вспомнить, было ли у него на пальце обручальное кольцо, не обратив тогда на это внимание. Нужно было все-таки подождать, когда он вернется из поездки, а не напирать на него так. Он, бедный, даже забыл, что существуют выходные, а тут еще она со своими глупыми проблемами. И теперь, вместо того, чтобы спокойно подготовиться к поездке или просто отдохнуть перед самолетом, он вынужден потратить свое время на нее. Если бы Кэрол знала его телефон, она сейчас же перезвонила бы и отменила встречу. Но уже было поздно. Он ждет.

Времени на раздумье не было, и, забыв о подносе и валявшейся на полу теннисной ракетке, девушка помчалась в свою комнату. Ну почему она сегодня не сделала так, как учила ее Куртни, не привела себя в порядок сразу? Заявиться к Джеку Рэндэлу непричесанной и не накрашенной — это было недопустимо! Она уже и так произвела на него впечатление своим нелепым видом тогда, под дождем, что он даже ее запомнил.

Быстро подкрасившись, она стащила резинку с волос, распустив хвост, и причесалась. Оставив волосы распущенными, она быстро переделалась и, захватив сумочку, сломя голову бросилась вниз по лестнице к выходу.

Уже у самой двери она налетела на Рэя.

— Эй, ты что, с ума сошла? Чуть не убила! — возмущенно воскликнул он. — Куда это ты летишь? А как же теннис?

— Отменяется! Рэй, дай пройти, я спешу! — Кэрол раздраженно попыталась отодвинуть его от двери, но он не сдвинулся с места.

— Куда ты спешишь? Ты же никуда не собиралась.

— У меня встреча с Джеком Рэндэлом, а он не любит, когда опаздывают, — Кэрол толкнула его в плечо. — Ну же, Рэй, отойди!

— С Джеком Рэндэлом? Разве ты с ним знакома? Даже я его еще не знаю, — не отступал Рэй.

— А я уже знаю. Рэй, он улетает через два часа, если я не успею с ним встретиться, я тебя убью!

— Это так важно?

— Да! — закричала Кэрол, потеряв терпение.

— Ну, ладно-ладно, не нервничай так. Давай, я тебя отвезу, раз это так важно. Только переоденусь. Да не смотри ты на меня такими глазами, я быстро! Не могу же я в таком виде, — он был одет в майку и шорты для игры в теннис.

Кэрол в отчаянии теребила ручки сумки, ожидая его на улице. Ну, вот, теперь она точно опоздает, надо было брать такси! Пока Рэй будет прихорашиваться перед зеркалом, она уже успела бы доехать до места.

Но, к ее облегчению, он вышел ровно через три минуты, элегантный и красивый, как всегда. Поигрывая ключами, он направился в гараж.

Выехав из гаража, он приостановился и, подобрав девушку, не спеша, выкатил на дорогу.

— Рэй, пожалуйста, побыстрее!

— Да не дергайся ты, успеем, — отозвался он, открывая верх машины. — Адрес говори.

Кэрол достала из сумочки бумажку и вслух прочитала название улицы и номер дома.

— Что-то не припомню, чтобы, там были офисы, — заметил он.

— Это не офис. Это домашний адрес.

— Мы едем к Джеку Рэндэлу домой? У тебя с ним свидание, что ли?

— Иди ты, Рэй! Следи лучше за дорогой.

— А все-таки? Я, как-никак, твой отец, вот возьму и не пущу! Говори, что ты забыла у него дома? — потребовал он. — Какие дела у тебя могут быть с этим адвокатом? У тебя проблемы с законом?

— Да нет у меня никаких проблем! Куртни попросила меня передать ему срочно какой-то документ, а так как он улетает через полтора часа, мне пришлось взять документ ему домой.

— А что за документ?

— Я откуда знаю? Я не имею привычки копаться в чужих бумагах. И тебе показывать ничего не собираюсь.

— Врешь ты все! Я никогда еще не видел тебя такой взволнованной. А, ну, колись, что вы там с этим адвокатом мутите?

— Не веришь, спросишь у Куртни, — Кэрол отвернулась, не желая с ним больше разговаривать. Какого черта он лезет в ее дела? Вспомнил вдруг о том, что он ее отец, надо же!

Рэй был прекрасным ловким водителем, не боялся превышать скорость, объезжая

дорожный патруль, который словно носом чуял. Поэтому они очень скоро оказались на месте. Притормозив у нужного дома прямо перед парадной дверью, он посмотрел на Кэрол.

— Ну, я же сказал — домчу за минуту!

— Спасибо! — забыв о том, что только что сердилась на него, девушка благодарно чмокнула его в щеку. — Никто во всем мире не водит лучше тебя!

Он самодовольно улыбнулся и посмотрел вверх.

— Неплохое зданье! Квартирки здесь, наверное, бешеных бабок стоят! Этот адвокат неплохо зарабатывает.

Пока он говорил, Кэрол выскочила из машины и захлопнула дверцу.

— Я подожду тебя! Ты же не долго? — крикнул он ей вслед, высунувшись из машины.

— Нет, не долго, — кивнула Кэрол и заскочила в здание. Поднявшись на лифте на нужный этаж, она остановилась перед дверью квартиры Джека Рэндэла. Достав из сумочки зеркальце, она убедилась, что с макияжем и волосами все в порядке, и только тогда нажала на кнопку звонка. Сердце ее взволнованно билось в груди при одной только мысли, что она скоро увидит Мэтта, ей хотелось визжать от радости и хлопать в ладоши. А Джека Рэндэла она готова была расцеловать за то, что он воплотил ее мечту в реальность.

Как, как ему удалось так быстро отыскать Мэтта, имея такую скудную информацию тринадцатилетней давности? Это было просто невероятно!

Этот человек просто чародей какой-то! Восторгу Кэрол не было предела. Сколько она мучилась, сколько переживала, боясь даже думать о том, чтобы попробовать разыскать Мэтта, считая это невозможным, а Джеку Рэндэлу понадобилось всего два дня, чтобы сотворить это чудо!

Красивая дубовая дверь приоткрылась, и Кэрол увидела, как он отступает назад, чтобы дать ей дорогу.

— Проходите, Кэролайн.

Девушка нерешительно вступила внутрь квартиры. Рэй был прав, когда говорил о самом здании и квартирах в нем — здесь действительно было великолепно. Просторный холл был обставлен дорогой мебелью, Кэрол было любопытно посмотреть и остальные комнаты, но Джек Рэндэл позвал ее не для того, чтобы показывать свои роскошные апартаменты.

— Присаживайтесь, — он жестом пригласил ее сесть в кресло, и девушка покорно это сделала. Стараясь не пялиться по сторонам, она устремила на него горящий нетерпением взгляд.

Она обратила внимание на его влажные волосы, он был гладко выбрит, и от него исходил приятный резкий аромат одеколona. Из всего этого Кэрол сделала вывод, что он только что принимал душ. На нем была бледно-голубая рубашка и темные брюки. Он даже успел завязать галстук и уже расхаживал в начищенных до зеркального блеска черных туфлях. Кэрол заметила аккуратно висевший на спинке стула в углу комнаты пиджак из той же ткани, что и его брюки. Судя по всему, он был уже готов к отъезду.

— Быстро вы доехали, — заметил он, убирая с софы небольшой чемодан, который, видимо, только закончил собирать. Бросив взгляд на часы, он присел на краешек софы напротив девушки и посмотрел ей прямо в глаза.

— Кофе? Чай? Что-нибудь покрепче? — вежливо предложил он.

Кэрол отрицательно качнула головой, отводя взгляд. Почему-то она не могла смотреть на него так, глаза в глаза. Она и без того робела перед этим человеком, чувствовала себя неуверенно, а, встречаясь с его пронзительным взглядом, вообще терялась. Одно его

присутствие выбивало ее из колеи. Трудности с общением у нее всегда были, но еще никогда ей не было так тяжело, как в обществе этого человека, под прицелом его цепких серых глаз.

А сейчас, оказавшись у него дома, один на один, в неофициальной обстановке, она внутренне вся сжалась от неприятного чувства смущения и растерянности. Она боялась сказать даже слово, почти уверенная, что он считает ее глупой и ничтожной девчонкой, что про себя смеется над ее желанием разыскать мужчину, которого в шесть лет встретила в мотеле и больше никогда не видела. Но Кэрол подбодрила себя тем, что самое важное то, что она вскоре увидит Мэтта, а что думает об этом Джек Рэндэл совершенно не должно ее волновать.

Протянув руку, он взял лежащую тут же на софе тонкую папочку и положил на столик перед девушкой. Кэрол поймала взглядом его кисть, но обручального кольца не обнаружила. Не женат.

— Здесь вся информация о вашем кареглазом красавце, начиная с самого рождения. Я не буду вас утомлять рассказом о том, как я его отыскал, это не имеет значения для вас. Его имя — Мэттью Ландж, тридцать семь лет, разведен, детей нет. Водителем больше не работает. Прописан в Сиэтле, где всегда и проживал. Работая дальнбойщиком, успел исколесить всю страну. Характеристики работодателей хвалебные, очень трудолюбивый, всегда брался за самые тяжелые и дальние рейсы, не конфликтный, нареканий никогда не имел. По характеру описывают, как миролюбивого, доброжелательного, честного и ответственного.

Открыв папку, он вынул фотографию и протянул девушке.

— Он?

Лицо Кэрол осветилось радостной улыбкой, когда она узнала знакомое лицо, которое так долго хранила в памяти, увидела добрые, тронутые грустью глаза. Сердце ее мгновенно наполнилось нежностью, она с трудом сдержала порыв осыпать фотографию поцелуями и прижать к груди.

— Это он, — она, продолжая улыбаться, посмотрела на Джека Рэндэла. — Можно я оставлю себе эту фотографию?

— Это все ваше. Мне оно ни к чему, — он подтолкнул папку к ней. — В папке вы найдете адрес, по которому он прописан.

— Спасибо, мистер Рэндэл!

— Можно просто Джек.

— Как мне вас отблагодарить? Я стесняюсь говорить о деньгах...

— И не надо. Я не возьму денег. Это было просто одолжение для Куртни... и для вас. Но все же, я попрошу вас решить мою маленькую проблему. Тогда мы будем квиты, — он улыбнулся.

— Я? Решить вашу проблему? — Кэрол недоуменно уставилась на него, забыв о своем смущении. Всемогущий Джек Рэндэл просит ее решить его проблему, ее девятнадцатилетнюю девчонку, которая не в состоянии справиться даже со своими?!

— Да, — невозмутимо подтвердил он. — Обернитесь, вон моя маленькая проблема.

Девушка посмотрела назад. Через комнату к ним бежал, смешно скользя по натертому паркету, крохотный белоснежный котенок.

— Ой, какой хорошенький! — воскликнула Кэрол и, наклонившись, подхватила маленький пушистый комочек с пола. — Вы любите животных, мистер Рэндэл? То есть, Джек...

Он пожал плечами.

— В детстве у меня была собака, но ее сбила машина. После этого я не заводил домашних животных. Да и не до них мне, честно говоря.

— А как же этот котенок оказался у вас?

— Я нашел его вчера под своей машиной. А теперь не знаю, что с ним делать. Может, возьмете его себе? Он здоровый, чистый. Я сам его вчера купал, — он поморщился, поглядывая на свои красивые руки, на которых Кэрол только сейчас заметила тонкие царапины.

— Конечно, возьму, — она опустила голову и сжала губы, чтобы сдержать смех, когда представила, как Джек Рэндэл, славившийся своим бессердечием, этот якобы черствый и непробиваемый человек, выпускающий в свет маньяков и убийц, купает крохотного котенка.

Вот потеха, хотела бы она на это посмотреть!

— Вы опять надо мной смеетесь?

— Нет-нет, что вы! — поспешно возразила Кэрол, не поднимая лица и играя с котенком. — Это котенок смешной. Правда?

— Котенок, значит? — Джек Рэндэл гневно постучал пальцами по столу.

— Угу, котенок, — кивнула девушка, еще больше пряча лицо. — А имя у него есть?

— Я назвал его Аккурсио*. Но можете дать другое имя, какое вам самой нравится. Ну, так что, забираете?

— Конечно! Если вам он не нужен. Пусть будет Аккурсио. Необычное имя.

— С вами ему будет лучше, — он слегка прищурил глаза, изучая девушку внимательным взглядом. — А, все же, Кэролайн, зачем вы искали этого человека?

— Я же вам ответила на этот вопрос еще тогда, в офисе.

— Да, я помню. Я вижу, что вы искренне рады тому, что я нашел его. Вижу, что вы действительно хорошо к нему относитесь. Даже слишком хорошо, я бы сказал. Это и сбивает меня с толку.

— Почему?

— Я еще не все вам рассказал. По тому адресу, где он прописан, вы не найдете его. Там живет его мать. Одна.

— А Мэтт? Где он? Он... жив?

— Жив. Он в тюрьме.

Кэрол замерла, ошеломленно смотря в лицо Джека Рэндэла.

— Как в тюрьме? За что?

На мгновение он опустил глаза, потом снова поднял их на девушку, еще пристальней впившись взглядом в ее расстроенное лицо.

— Его осудили на пожизненное заключение за изнасилования и убийства трех девочек, тринадцати, пятнадцати и шестнадцати лет.

На мгновение Кэрол потеряла дар речи от того, что услышала.

— Этого не может быть, — с трудом выдавила она.

— Тем не менее, это так. Он в тюрьме уже семь лет. Поэтому я и отыскал его так быстро.

Кэрол резко подскочила, забыв о котенке, который свалился на пол с ее колен.

— Я не верю!

— Думаете, я вас обманываю?

— Нет, я не верю, что он это сделал! Он не мог, я знаю!

— Как вы можете знать? Ведь вы видели этого человека всего несколько часов. Может, вы неверно истолковали его внимание, проявленное к вам? Он не пытался к вам приставать?

— Нет!

— Вы уверены? Я понимаю, что вы были тогда совсем ребенком и не могли понять намерения этого человека правильно. Вам могло казаться, что он просто добрый хороший дядя, которому нравится общаться с детьми. В таком возрасте дети еще не могут понять, что за всем этим может скрываться обыкновенный больной извращенец.

Кэрол побледнела. Взяв ее за руку, Джек Рэндэл усадил ее в кресло.

— Вам плохо?

Не услышав его вопроса, девушка протянула руку и взяла со столика фотографию.

— Разве у убийцы детей могут быть такие добрые глаза? — изумленно спросила она, разглядывая лицо на фотографии.

Джек Рэндэл тяжело вздохнул.

— Могут. Поверьте моему опыту. Вам просто повезло, что тогда вы избежали той страшной участи, которая постигла потом тех девочек. Послушайте моего совета. Забудьте обо всем, забудьте его. Это было давно. А он уже обезврежен и понес наказание.

— Он не убивал этих девочек. Он не мог!

— Кэролайн, я понимаю, что вам тяжело в это поверить, ведь вы всегда считали его другим...

— Я считала его тем, кто он есть на самом деле! Добрый, отзывчивый, мягкий человек — вот он кто! Я знаю его. И эти убийства — не его рук дело. Посмотрите же на него, Джек и вы тоже поймете, что он не мог убить этих девочек, — Кэрол протянула ему фотографию, но он отвернулся.

— Я уже видел. Внешность часто бывает очень обманчива, Кэролайн. Вам уже не шесть лет, смотрите на вещи реально! — в его голосе появились резкие жесткие нотки. — Не будьте так наивны, из этого случая можно кое-чему научиться! А именно, не судить о человеке по его внешности.

— А я не по внешности сужу, а по поступкам.

— Поступки тоже бывают обманчивы.

— Вы не понимаете и не поймете! Можете считать меня наивной, дурой, идиоткой, если вам так угодно, только я все равно не изменю своего мнения. Мэтт не виновен!

Она схватила папку дрожащей рукой и положила в нее фотографию.

— Как вам угодно. Я свою работу выполнил, — Джек Рэндэл поднялся, бросив взгляд на часы. — Извините, мне пора.

— Джек, спасибо вам большое. И простите меня, если я была резка, я не хотела, — Кэрол заискивающе заглянула ему в глаза.

— Я все понимаю, — он подхватил котенка и протянул ей. — Не забудьте, пожалуйста.

Сняв со стула пиджак, он надел его. Захватив ключи и чемодан, он подошел к молча ждущей его девушке.

— Пойдемте.

Кэрол последовала за ним, грустно понуриив голову и погрузившись в свои мысли. Когда они спускались в лифте, она тихо спросила.

— А в какой он тюрьме?

Адвокат повернул к ней удивленное лицо.

— Надеюсь, вы не собираетесь туда поехать?

— Именно это я и хочу сделать.

— Зачем?

Она не ответила, опустив глаза.

— В Уолла-Уолла. В папке есть все необходимые данные, — холодно проговорил Джек Рэндэл. — Только я не думаю, что вам разрешат с ним увидеться. Ему не разрешены свидания, даже с матерью.

— Это так жестоко, — шепнула Кэрол сквозь слезы.

— Не более, чем убийство девочек, — жестко отрезал он.

— Это жестоко по отношению к его матери.

— Она тоже должна расплатиться за то, что произвела на свет такого урода. Между прочим, в штате Вашингтон еще никто не отменял смертную казнь.** Ему повезло, что он ее избежал. Скорее всего, его приговорили к пожизненному только потому, что не было прямых доказательств против него. Иначе бы вздернули, как Джейка Берда.***

Он пропустил девушку вперед в открывшиеся двери лифта.

— Я все равно попытаюсь, — сказала Кэрол.

— Поразительное упрямство! — Джек Рэндэл остановился и посмотрел на нее.

— Пожалуйста, скажите, как мне это сделать, к кому обратиться с просьбой о свидании? — попросила Кэрол. — Я ничего не знаю. Я никогда в жизни тюрьму даже в глаза не видела.

Некоторое время он молча смотрел на нее, как будто пытался понять.

— Когда вернусь, я вам позвоню. Поедем в Уолла-Уолла вместе. Я попытаюсь вам помочь со свиданием, но не обещаю. Без меня ничего не предпринимайте. Ясно?

Лицо девушки посветлело.

— О-о, спасибо...

— А теперь пойдете, иначе я точно сегодня никуда не улечу!

Они вышли на улицу.

— Я не могу вас подвезти, мне в другую сторону, извините, — проговорил Джек Рэндэл, замедляя шаг. — Если бы чуточку раньше...

— Не беспокойтесь, меня ждут, — Кэрол посмотрела в сторону машины Рэя, стоявшей от них в паре метров у тротуара. Рэй, присев на сияющее крыло и сложив руки на груди, смотрел на них. Джек Рэндэл окинул мрачным взглядом Рэя и его роскошную машину, затем снова повернулся к Кэрол.

— До встречи.

— Удачного полета!

Рэй выпрямился, собираясь поздороваться, но Джек Рэндэл прошел мимо, словно не заметил его, и, открыв заднюю дверцу черного «Феррари», бросил чемодан на сиденье. Обойдя машину, он сел за руль, и через мгновение исчез за поворотом.

Рэй проводил его раздосадованным взглядом.

— Почему ты меня не представила?

— Извини, он опаздывал на самолет. Еще познакомишься.

С обидой на лице Рэй сел в машину. Кэрол уселась рядом.

— Это еще что такое? — Рэй бросил взгляд на котенка.

— Это Аккурсио.

— Боже, где ты слово-то такое откопала?

— Это Джек его так назвал. Он попросил за ним присмотреть.

— Ага, он уже просто Джек! Что-то долго ты документы передавала. Чем вы там занимались, а?

Кэрол не заметила намек. Задумавшись, она смотрела на мелькавшие мимо улицы. Она была слишком поражена тем, что рассказал ей адвокат, и отвечать на глупые вопросы Рэя у нее не было никакого желания. Она хотела одного — поскорее остаться наедине со своими мыслями, чтобы обдумать эту очередную насмешку судьбы над нею. Как жестоко ее Мэтт, которого она так боготворила, был низвергнут со своего пьедестала лучшего в мире человека в грязь и кровь! Она искала того, кого с такой любовью пронесла в сердце через долгие годы, кто был ее идеалом, одна мысль о котором согревала ее душу теплым немеркнущим огоньком. А нашла убийцу детей, извращенца, давно гниющего в тюрьме! Неужели она так могла ошибаться? Неужели она совсем ничего не понимает в людях? Разве мог тот, кто так жестоко и безжалостно расправлялся с юными девочками, так покорить ее сердце, так понравиться?

По лицу Кэрол побежали слезы. Ей было больно. Никогда раньше она не чувствовала такого горького, страшного разочарования. Ну почему она теряет все хорошее в жизни, которого и так было слишком мало?

Судьба дает и отбирает, да так жестоко, разрывая ей сердце. Подарила и отняла Эмми, нанеся ее смертью глубокую неизлечимую рану, заставляя страдать по сей день. А теперь Мэтт. Все хорошее в ее жизни рано или поздно оборачивается плохим, болью, слезами. Это «хорошее» — замаскированное горе, выжидающее момент, чтобы побольнее цапнуть, подлю, исподтишка. Эмми и Мэтт — самое светлое, самое дорогое, две половинки ее сердца, олицетворение того, какими бы она хотела видеть людей. Два ангела хранителя, которые всегда поддерживали ее, вселяли надежду. Они были частичкой прекрасного, озарявшего ее мрачное невеселое детство, как два сокровища, найденные в грязи и мраке. Но даже этого она была теперь лишена.

У нее был отец, была Куртни, она жила в роскоши, как Золушка, горькое существование которой вдруг превратилось в сказку. Не об этом ли она мечтала? Да, теперь у нее есть все. Но нет самого дорогого. Эмми и Мэтта. Без них внутри была темная холодная пустота. Видит Бог, всю эту «сказку» она, не задумываясь, обменяла бы на жизнь в мотеле, если бы с ней были Эмми и Мэтт. Не тот Мэтт, который сидел в тюрьме, а тот, что жил в ее сердце. О, Господи, ну зачем она его разыскала, лучше бы ничего не знать! Она нашла его, о чем мечтала всю жизнь, а, найдя, потеряла.

Примечания:

**Аккурсио — знаменитый флорентийский юрист Средневековья.*

***Смертная казнь в Штате Вашингтон была отменена только 11 октября 2018 года.*

Методы казни — смертельная инъекция или повешение.

****Джейк Берд — известный заключенный, осужденный за двойное убийство, предполагаемый серийный убийца, был повешен в Уолла-Уолла 15 июля 1949 года.*

Когда вернулась Куртни, Кэрол не смогла сказать ей правду. На вопрос, нет ли новостей от Джека Рэндэла, она ответила, что он продолжает заниматься поисками. Рассказала, что встречалась с ним, и он попросил присмотреть за котенком. Они с Куртни вместе смеялись, обсуждая сцену купания котенка мистером Рэндэлом.

— Оказывается, нашей акуле не чуждо чувство сострадания! Это приятное открытие! — смеялась Куртни. — Неужели он прячет от всех нежное сердце, скрывая его за колючками и камнями своего характера?

— Только не вздумай ему что-нибудь сказать, — попросила Кэрол. — А, тем более, подколоть.

— Ну, что ты, думаешь, я Джека не знаю? Он не из тех, кто понимает шутки, а в свой адрес — особенно.

Поколебавшись, Кэрол протянула ей фотографию, которую прятала в книге, которую, как бы случайно, захватила с собой.

— Он где-то достал фотографию. Вроде как в личном деле, хранившемся в архиве той организации, где Мэтт работал водителем.

Куртни внимательно посмотрела на фотографию. С мукой в глазах Кэрол украдкой наблюдала за ней, ожидая, что она скажет. Куртни превосходно разбиралась в людях, и часто ей было просто достаточно посмотреть на человека, чтобы понять, что он из себя представляет. И она редко ошибалась.

— Так вот он какой, парень, покоровивший твое сердце за пару часов, — улыбнулась Куртни. — Что ж, теперь я не удивляюсь.

— Почему?

— В такого грех не влюбиться.

Кэрол покраснела.

— Но я не говорила, что я в него влюблена.

— А какие у тебя к нему чувства? Как к брату или отцу?

— Нет... наверное. Я не знаю. Маленькой девочкой я мечтала о том, чтобы он был моим отцом. А потом... — девушка растерянно пожала плечами. — Он был вроде кумира, идеала.

Куртни не стала ее больше мучить и вгонять в краску, лишь бросила на нее лукавый, все понимающий взгляд. Но девушка вернулась к волнующему ее вопросу — что думает о нем Куртни.

— Почему ты говоришь, что не удивляешься больше тому, что я так привязалась к нему? Ты же это имела в виду?

Куртни кивнула, снова опустив взгляд на фотографию.

— А почему тебя это волнует? — задала она встречный вопрос.

— Я часто думаю о том, что могла воспринять его не совсем таким, какой он есть на самом деле. Боюсь разочароваться, когда увижу его.

— Ну, он, естественно, уже не тот молодой парень, каким ты его помнишь. И фотографии уже не один год, здесь ему еще и тридцати нет.

— Я не о внешности.

— Я поняла, о чем ты. Но я не думаю, что ты могла сильно ошибиться, — Куртни мягко улыбнулась, изучая образ на фотографии. — У него очень приятное, открытое лицо. И во взгляде есть какая-то искренность, даже наивность. Глаза такие добрые, проникновенные. Ты, знаешь, они даже мое сердце растопили. Про таких людей я говорю — светлые, теплые. К ним доверчиво тянется все живое. А наивная девочка тем более падет жертвой подобных чар.

Последняя фраза резко разрушила чувство тихой затаенной радости, которой отзывались в сердце Кэрол слова Куртни о Мэтте. Эта фраза прозвучала для нее, как страшное доказательство, Кэрол восприняла ее буквально, каждое слово. Куртни даже не подозревала, какое ужасное значение может таить в себе это выражение. Три наивные девочки пали жертвами его чар, доверившись красивым добрым глазам их убийцы.

Кэрол ни на минуту не расставалась с фотографией Мэтта, смотрела на него день и ночь, пытаясь понять, мог ли он действительно совершить эти страшные преступления. Пыталась увидеть в нем убийцу, извращенца, и не могла. Чем больше она смотрела, тем труднее было поверить в его виновность. Затаенная печаль в его глазах брала ее за сердце, он как будто заранее грустил о своей разбитой жизни. Еще тогда, много лет назад, в мотеле, она заметила эту тихую непонятную печаль. Он больше походил на жертву, чем на злодея. Его глаза, смотрящие на нее с фотографии, как будто умоляли: «Верь мне. Ты же знаешь, что я этого не делал. Я не такой».

Она пыталась вспомнить каждое слово, каждый взгляд, искала что-нибудь подозрительное, настораживающее в его поведении, что могло бы выдать его ужасные склонности к насилию. Она не могла помнить все, время многое стерло из ее памяти, но то основное, что осталось никак не подтверждало то, в чем его обвинили, даже наоборот. Если это он убил тех девочек, то почему не сделал то же самое с ней? Лучшей жертвы и не придумаешь — никому не нужная, всеми забытая девочка, жившая среди шлюх мотеле на окраине города. В ту ночь у него была прекрасная возможность сделать с ней все, что только захочет. Стоило всего лишь вывести ее из дома и отвести куда-нибудь подальше, чтобы никто не услышал ее криков.

Он мог это сделать как обманом, так и силой. Что стоит взрослому мужчине зажать шестилетней малышке рот и потихоньку унести из дома?

Почему же он этого не сделал?

Потому что он не такой. Он — хороший, добрый человек, который попал в беду, кем-то несправедливо обвиненный в том, на что он попросту не способен. Он *нормальный*. Не большой извращенец, не убийца.

Она — живое тому доказательство. Будь иначе, ее бы давно уже не было на этом свете.

А «повезло», как сказал Джек Рэндэл, ей только в том, что той ночью в мотель приехал Мэтт, а не тот, за чьи преступления он расплачивается.

За неделю Кэрол извелась от этих мыслей, от сомнений. Она не изменила решения увидеть Мэтта, надеясь, что это поможет ей разобраться и понять, где правда. Она ждала Джека Рэндэла, как бога, но он не звонил. Она утешала себя тем, что он еще не вернулся, что он не передумает помочь ей со свиданием. Она понимала, что без него у нее нет никаких шансов увидеть Мэтта. Если даже матери не позволяют встречаться с ним, то ее тем более никто даже слушать не станет.

На выходные Кэрол купила билет на самолет до Сиэтла. Она не могла больше сидеть и

ждать, и решила встретиться с матерью Мэтта. Только эта женщина может поставить все на свои места. Уж она-то должна знать своего сына. Кэрол необходимо было знать правду, определиться, наконец, с тем, как воспринимать человека, которого любила всю жизнь, узнать, кто он на самом деле — чудовище или жертва?

Куртни она сказала, что летит к Берджесам. Она знала, что Куртни не из тех, кого можно легко обмануть, но все же надеялась, что та ничего не подозревает или, по крайней мере, не станет за ней шпионить, а терпеливо дождетя, когда Кэрол будет готова все объяснить.

Кэрол не догадывалась, что после их разговора о Мэтте, Куртни связалась с Джеком Рэндэлом и поинтересовалась, как продвигаются поиски.

— Они уже закончены, — ответил он. — Разве Кэрол тебе не сказала? Я нашел его и передал ей всю информацию о нем, которую сумел раскопать.

— Это я уже поняла. Только она скрыла это от меня. Она никогда меня не обманывала. Что происходит, Джек? Она сама не своя. Что ты там накопал такого об этом Мэтте?

— Спроси об этом у нее.

— Я спрашиваю у тебя!

— У меня спрашивать не надо. Я ничего тебе не скажу. Ты попросила меня ей помочь, я помог, разыскал этого принца из прошлого, — он презрительно усмехнулся. — Остальное меня не касается. А дела своих клиентов я не разглашаю. Но могу дать бесплатный совет.

— Говори!

— Приглядывай за девчонкой. С такой доверчивостью, как у нее, до беды не далеко.

— О чем ты?

— О том, что слишком она у тебя наивная и доверчивая, — терпеливо повторил адвокат. — Да еще и упрямая. И ни хрена не разбирается в людях.

— Это ты в них ни хрена не разбираешься, Джек, иначе бы так не говорил. Я знаю Кэрол. Она чувствует людей. В ней нет ни капли наивности. А чего ей не хватает, так это доверчивости. Я очень старалась научить ее хоть немного любить и доверять людям, но это бесполезно. Поздно. Жизнь научила ее другому, и я не в силах изменить ее взгляд на мир. Но почему ты сложил о ней такое мнение? Меня это очень удивило. Я считала, что ты видишь людей насквозь.

— Я не рентген. Я не знаю, чему там учила ее жизнь, и меня это не интересует, но сейчас она ведет себя именно так, как я тебе сказал — глупо и наивно. Поговори с ней, думаю ей это сейчас необходимо.

Но Куртни не стала лезть с расспросами к Кэрол, она никогда этого не делала. Бывают в жизни моменты, когда человек должен сам разобраться с тем, что его тревожит. И Куртни терпеливо ждала, когда Кэрол сама решит с ней поделиться. А если нет, то так тому и быть. Куртни всегда готова была ей помочь, но давить на девочку и лезть в душу было не в ее правилах.

Мать Мэтта, Моника Ландж, жила в грязном, заваленном мусором квартале, который Кэрол отыскала с большим трудом, в убогом обшарпанном домишке в несколько квартир.

Отыскав нужную дверь, Кэрол позвонила.

— Кто там? — раздался за дверью тихий вкрадчивый голос.

— Меня зовут Кэролайн Мэтчисон. Мне нужно поговорить с Моникой Ландж.

За дверью воцарилась тишина, и Кэрол подумала, что женщина ушла.

Поколебавшись, она снова потянулась к звонку, но опустила руку, услышав, как щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и Кэрол увидела маленькую изможденную женщину, почти старушку, с большими грустными глазами, так похожими на глаза Мэтта.

— Вы Моника Ландж?

— Да, это я.

— Можно мне войти?

— Входите, — женщина равнодушно пожала плечами и, отвернувшись, пошла вглубь квартиры, оставив дверь открытой.

Кэрол решительно последовала за ней, украдкой изучая маленькую квартирку. Всего две комнаты, прихожая и кухня. Давно не было ремонта.

Все здесь кричало о нужде и бедности, но везде было чисто и прибрано. И хозяйка выглядела аккуратно, хоть и была одета в старое поношенное платье, но чистенькое и тщательно выутюженное.

Кэрол прошла за ней на кухню и замялась у порога.

— Присаживайтесь. Чай будете?

— Да, спасибо, — девушка нежно улыбнулась, опускаясь на ободранный стул у маленького кухонного стола, застеленного потертой, но, опять же, безупречно чистой, скатертью.

Она молчала, не зная с чего начать разговор, наблюдая, как хозяйка разливает чай.

— Сахар?

— Нет, спасибо.

Моника Ландж поставила перед ней чашку и подвинула поближе вазочку с печеньем.

— Угощайтесь.

— Спасибо.

— Ну, что вы заладили — спасибо да спасибо! — мягко сказала она, присаживаясь напротив. — Вы журналист?

— Нет. Я к вам по личному делу.

— Какое же отношение я могу иметь к вашим личным делам? Я точно помню, что мы никогда раньше не встречались.

— С вами — нет. С вашим сыном.

Лицо ее мгновенно осунулось, а добрые глаза наполнились болью.

— Вы знаете Мэтта? Откуда?

— Мы познакомились с ним случайно и очень давно. Я тогда была еще девочкой. А теперь у меня появилась возможность найти его, и я узнала... узнала, что он в тюрьме.

— Я не совсем понимаю. Зачем он вам понадобился?

— Ваш сын был самым прекрасным, самым добрым человеком, которого я когда-либо встречала. Он... необыкновенный, удивительный! Я не смогла его забыть. Я полюбила его тогда, будучи маленькой девочкой, как отца, которого у меня не было. Он был так добр ко мне. Все эти годы я мечтала его найти, чтобы сказать, что он — самый лучший!

Глаза Моника Ландж наполнились слезами.

— Когда я узнала, в чем его обвинили, я... я была поражена! Я не могу поверить в то, что он это сделал. Поэтому я приехала к вам. Мне нужно знать правду.

— Расскажите мне все о том, как вы познакомились. Чем он вас так зацепил, чем заслужил такого доверия и любви?

И, неожиданно для себя, Кэрол рассказала ей все. О своей жизни в мотеле, о матери.

Рассказала всю свою жизнь, от рождения до сегодняшнего дня. Все, что она хранила в душе, в памяти, вдруг полилось из нее неудержимым потоком откровенности, остановить который было невозможно. Никогда с ней такого не было — вот так взять и выложить перед кем-то все свое прошлое, открыв избитую больную душу.

А эта совершенно чужая женщина молча ее слушала, согревая нежным добрым взглядом печальных, все понимающих глаз. Почему-то ей хотелось рассказать обо всем. Кэрол не ощущала стыда перед этой женщиной, который вызывала всегда у нее та жизнь. Даже то, что мать ее продала в тринадцать лет, она не смогла скрыть.

Когда она замолчала, Моника Ландж прикрыла лицо ладонями и горестно вздохнула. Кэрол достала из сумки статуэтку и поставила на стол перед ней.

— Посмотрите. Это он мне подарил. И сказал, что когда-нибудь я буду выглядеть такой же красивой и счастливой, как эта девушка.

— А ты счастлива... теперь?

— Не то, чтобы счастлива... Сбылось то, о чем я мечтала. Но моя мать — душевнобольная, убийца, запертая в психушке, куда все время грозились отправить меня, когда я была маленькой. Она ненавидит меня, и я очень ее боюсь. Меня разъедает ненависть к той, которая погубила мою Эмми. Я тоскую по Эмми. А теперь еще и Мэтт... Все это омрачает мое счастье.

Слушая ее, миссис Ландж разглядывала статуэтку, и лицо ее медленно озарилось улыбкой.

— Я вспомнила эту вещицу! Он сделал ее для своей девушки, которая жила в Бостоне. Да, точно! Значит, не довез, тебе подарил. Узнаю своего мальчика, он всегда таким был. Минуточку, — встав, она вышла из кухни и вернулась через минуту с фотоальбомом.

— Вот, смотрите, это он маленький. Хорошенький, правда? А вот здесь уже постарше, — самозабвенно рассказывала она, показывая фотографии, которые Кэрол с интересом разглядывала.

— А это его отец, — женщина сразу как-то погрузилась, увидев на фотографии того, кого называла отцом Мэтта.

— А где он сейчас? — поинтересовалась ненавязчиво девушка.

— Он умер, в прошлом году.

— О, простите, — растерялась Кэрол.

— Мэтт всегда был очень добрым, ласковым мальчиком, и остался таким же, когда вырос. Мягкий, безотказный. И сердце у него чувствительное, всем открытое, а потому легко ранимое. Никогда я слова грубого от него не услышала. Его не возможно было не любить. Его любили в школе, и преподаватели, и одноклассники. И девчонки за ним всегда бегали. Но невезучий он по жизни, все время в неприятности попадал, все беды и проблемы к нему цеплялись. И ничего у него не получалось, за что бы ни взялся. Безответный такой — ему гадость сделают, подставят, обидят, а он слова не скажет. Все шутил да улыбался. Юморной был. Шутил, что, если на Землю упадет комета, то на его голову и ничью больше. Не унывал никогда.

— Значит, не убивал он этих детей?

— Ну, что вы! Он за всю жизнь мухи не обидел. А детей очень любил, просто души не чаял, и дети его любили.

— Тогда как же так получилось, что его обвинили в таких страшных преступлениях?

— Да я даже не знаю толком. Ворвались однажды прямо сюда, скрутили его, наручники

надели и увели. В суде его потом только увидела. Но я так ничего и не поняла — там несли какую-то нелепицу, улики, доказательства всякие предъявляли. Я в шоке была, не понимала, что происходит. Моего сына называли извращенцем, убийцей детей! Моего мальчика, вы представляете? Этого ангела! Как они могли так с ним поступить, за что? Неужели никто не видел, что он просто не способен на жестокость и насилие?

Спрятав лицо в ладони, Моника Ландж горько расплакалась.

— Мой бедный мальчик, ну почему именно он? Почему именно его заставили расплачиваться за чужие преступления? Он не заслужил такой несправедливости, такой жестокости! За что его погубили? Они даже не позволяют мне увидеть его. Мне кажется, что прошла уже целая вечность с тех пор, как я видела его в последний раз. Ему плохо там, очень плохо, он страдает, я чувствую это. Он же такой безобидный, безответный, а там столько негодяев и подонков. Они его обижают.

— Я намерена добиться разрешения на свидание с ним. Я спрошу у своего адвоката, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы вам позволили видеться. Я хочу разобраться во всем. И я сделаю все, чтобы помочь ему. Я вам обещаю.

— О, — только и смогла вымолвить миссис Ландж и, крепко обняв девушку, разрыдалась.

— Помогите ему, умоляю вас! Он не виновен, жизнью своей клянусь! Спасите его, спасите! Никто и никогда ему не поможет, никто не верит в его невиновность. Все отвернулись от него. Жена с ним развелась сразу, как только его посадили. Не потому, что поверила всем этим обвинениям, а просто не желая быть женой того, кто никогда не выйдет на волю. Она даже фамилию поменяла, и уехала, потому что боялась, что люди будут называть ее женой убийцы детей. Знаете, что она сказала мне перед тем, как уехать? «Я знаю, что он не виновен, но никому этого уже не докажешь. Он проведет остаток жизни в тюрьме, и ему уже ничем не поможешь. А я молода, и у меня вся жизнь впереди!». Она предала его, а он любил ее. Представляете, как ему тяжело? В один миг кто-то взял и сломал всю его жизнь, заживо похоронив.

Кэрл успокаивающе гладила ее по хрупкому согнутому плечу, и такая горечь переполняла ее сердце, что она с трудом сдержалась, чтобы не заплакать вместе с этой несчастной женщиной. Кэрл верила ей. Верила в то, что Мэтт не виновен. Но она не чувствовала облегчения, когда убедилась в этом, наоборот. Как больно, как тяжело было думать о том, что Мэтт уже семь лет расплачивается за чужие грехи, что обречен на это до конца жизни.

Она пообещала его матери помочь. Но что она может? Ничего. Этим миром правят сильные, топча тех, кто послабее, таких как она, как Мэтт. Она не сможет помочь Мэтту. Вытащить из тюрьмы осужденного на пожизненное заключение за такие страшные преступления казалось невозможным. Ей, ничего не понимающей в законах, молодой девчонке такое было не по зубам.

Ей — нет. Но она знала человека, который презирал выражение «невозможно». Вопрос лишь в том, захочет ли он помочь.

Джек Рэндэл позвонил через три дня после ее разговора с Моникой Ландж. Кэрл не смогла скрыть свою радость, услышав его голос.

— Как я понимаю, вы не передумали навестить своего друга, — не одобряюще проговорил он.

— Нет. А вы не передумали мне помочь?

— Обижаете, я никогда не отказываюсь от своих слов. Могу вас даже порадовать — я уже договорился с начальником тюрьмы. Он согласился сделать для нас маленькое исключение и разрешил свидание. Ваш Мэттью Ландж тихий и примерный заключенный, поэтому начальник не сильно сопротивлялся. Я заказал билеты. В четверг, в 8.00 мы вылетаем. Я заеду за вами в 6.00, будьте готовы.

Кэрол пришлось отпроситься с работы, и ей без возражений предоставили выходной.

В четверг, как и обещал, Джек Рэндэл в назначенное время подъехал к дому на своем черном «Феррари». Двери ему открыла Кэрол, взволнованная, с блестящими радостью глазами.

— Доброе утро! — она весело ему улыбнулась.

— Доброе. Вы готовы?

— Да!

— Тогда поехали.

Кэрол вышла и хотела закрыть двери, но на порог вдруг выскочил котенок. Джек Рэндэл наклонился и взял его на руки.

— Эй, привет, дружок! Ну, как тебе здесь живется? — улыбнулся он, заглядывая в маленькую белоснежную мордочку.

— Вы не передумали, может, все-таки заберете его себе?

— Нет. Лучше я буду навещать его у вас. Заносите его в дом, нам пора.

— Иди ко мне, Кустик, — Кэрол взяла у него котенка. — Мистер Рэндэл обещал тебя навещать, не расстраивайся.

— Кустик? — на лице адвоката появилась кислая гримаса. — Какое нелепое имя! Какое отношение кусты имеют к этому котенку?

Кэрол рассмеялась.

— Его по-прежнему зовут Аккурсио, как вы его назвали, а Кустик — это ласково, сокращенно. Вам не нравится?

Он пожал плечами и усмехнулся.

— Как вам угодно. Это ваш котенок. Кустик, значит Кустик. По-крайней мере, я уверен, что такого имени нет больше ни у одного котенка.

Кэрол занесла котенка в дом и, прикрыв за собой двери, вышла к дороге, где у машины ее ждал Джек Рэндэл. Галантно открыв перед ней дверцу, он подождал, пока девушка сядет, и закрыл дверь.

Всю дорогу до аэропорта они ехали молча. Он задумчиво управлял машиной, словно забыв о присутствии девушки. Было заметно, что его мысли сейчас витали где-то далеко. Кэрол решила, что он думает о работе, о каких-то своих важных делах. А о чем еще ему думать? Семьи нет, совершенно один, если не считать отца. Куртни сказала, что он не женат, не был и, как вроде, не планирует. И женщины постоянной у него нет. Из слов Куртни было ясно, что Джек Рэндэл нравится женщинам, не смотря на свой знаменитый непростой характер и несколько высокомерное отношение к слабому полу. Он не обладал легким и веселым нравом, ему не доставало чувства юмора, он был надменен и невыносимо честолюбив, заносчив и резок. Но все эти весьма непривлекательные черты характера компенсировались его острым умом, удивительным талантом, внутренней силой и поразительным успехом, который никогда не покидал его. Его побаивались, перед ним трепетали, им восхищались, ему завидовали.

Кэрол смотрела на дорогу, на проносящиеся мимо улицы, старалась расслабиться, но не могла. Глаза ее все время тянулись к нему. Ей хотелось повнимательнее его рассмотреть, но только чтобы он этого не заметил. В ней смешались чувства благодарности и некоторого преклонения. Он помогал ей, совершая чудеса, как это выглядело в ее глазах. Почему он решил помочь ей со свиданием, тратит на нее свое драгоценное время, ничего не требуя взамен, даже от денег отказываясь? Потому что его попросила об этом Куртни, или из жалости?

Он вел машину аккуратно, не спеша, в абсолютной противоположности тому, как это делал Рэй.

Оставив машину на стоянке в аэропорту, они вскоре разместились в удобных креслах в самолете. Джек Рэндэл, наконец-то, обратил внимание на девушку, проявив желание пообщаться. Когда они начали набирать высоту, он замолчал, и как-то весь сразу напрягся. Взглянув на него, Кэрол заметила, что он побледнел.

— Вам плохо? — встревожилась она.

— Нет. Все в порядке, — отозвался он, не смотря на нее. — Просто я очень не люблю летать. Мне все время приходится это делать, а привыкнуть никак не могу.

— Не волнуйтесь, все будет хорошо, — Кэрол ободряюще улыбнулась и положила ладонь на его красивую напряженную кисть, вцепившуюся в подлокотник. — Человек в небе — это противоестественно, не предусмотрено природой, потому и возникает чувство дискомфорта.

Кэрол деликатно назвала его состояние дискомфортом, а не страхом, чтобы не ранить его самолюбие.

Он бросил на нее слегка удивленный взгляд.

— Наверное, — пробормотал он смущенно.

Постепенно он расслабился. Глотнув бренди, который принесла стюардесса, он окончательно пришел в себя. Улыбнувшись, он взял руку девушки, успокаивающе держащую все это время его за кисть, и, поднеся к губам, поцеловал.

— Спасибо.

Кэрол залилась румянцем, почему-то ужасно смутившись, не ожидая от него ничего подобного.

— Скажите, а сколько времени мне выделяют на свидание?

— Не вам, а нам. Вы будете общаться с ним только в моем присутствии. О времени договоримся на месте.

— Вам не стоит беспокоиться, я не боюсь оставаться с ним наедине...

— Это не обсуждается, — отрезал он. — Одна с этим отморожком вы не останетесь. Только так. Или мы возвращаемся.

— Хорошо-хорошо, как скажете! — поспешно согласилась Кэрол.

Он помолчал, затем устремил на нее хитрый взгляд.

— Как поживает Моника Ландж?

Девушка растерянно застыла в кресле, смотря на него широко раскрытыми от удивления глазами.

— Откуда вы знаете?

— Догадался. Я был уверен, что вы поедете к ней. И что? Она плакала, рассказывала что ее мальчик добренький и безобидный, уверяла, что он не способен на зло? Надеюсь, вы не поверили?

— Мэтт действительно не виновен, — Кэрол упрямо поджала губы, готовая спорить сколько угодно, защищая Мэтта.

— Ага, а те, кто упекли его за решетку, выходит, или злодеи, или дураки, — на губах его появилась саркастическая ухмылка. — Не стоит так доверять словам этой женщины. Она мать, и просто отказывается принять правду. Я не говорю, что она лжет. Вполне возможно, она на самом деле верит в невиновность своего сына. Бывает, что члены семьи не догадываются, что их сын, либо муж или отец — маньяк. В семье маньяк может быть добрым и ласковым, пай-мальчиком, находя выход своим низменным наклонностям на стороне. Поэтому семье зачастую тяжело поверить в то, что на самом деле представляет собой тот, кого они, как они считают, хорошо знают.

— Может быть, но только не в этом случае.

— Да что вы в этом понимаете? — вдруг сорвался Джек Рэндэл, потеряв терпение. — Уперлись в свое, ничего не слышите! Снимите, наконец, розовые очки, посмотрите на факты и послушайте, что я вам говорю! Я столько перевидал этих уродов, что кое в чем разбираюсь!

— Но его-то вы не видели, и вы его не знаете! Вы так категорично утверждаете, что это сделал он, только потому, что так решил суд? Но разве не бывает так, что правосудие ошибается?

В его глазах неожиданно вспыхнули лукавые огоньки.

— Бывает, — он слегка улыбнулся, откидываясь на спинку кресла, и спор был окончен. В его практике правосудие «ошибалось» не однократно, оправдывая некоторых его подзащитных, в виновности которых у него не было никаких сомнений.

— А как вы думаете, возможно ли добиться некоторого смягчения условий его заключения? — осторожно спросила Кэрол. — Ведь вы сами сказали, что он примерный заключенный, разве нельзя сделать для него небольшое снисхождение?

— Смотря, что вы имеете в виду, — отозвался Джек Рэндэл, разглядывая журнал.

— Я о возможности видеться с матерью. Почему запрещены свидания, чем и кому это может навредить, если к нему придет мать? Она же не похитит его из тюрьмы!

Адвокат молчал, скользя взглядом по ярким глянцевым страницам.

— Совсем недавно у нее умер муж. Кроме Мэтта, у нее больше никого нет. Она такая добрая, нежная женщина, замученная своим горем. В ее глазах столько одиночества и боли! Мне даже показалось, что она больна. Семь лет она не видела сына. Она уже не молода, понимаете? Неужели она так и не увидит сына?

— Думаете, ей будет легче, если она его увидит? За семь лет он мог очень измениться. Тюрьма меняет людей. А ему там было не сладко, поверьте мне. Насильников там не очень любят, не говоря уже о педофилах, убивающих детей. Я вообще удивляюсь, почему он до сих пор живой.

Кэрол вжалась в кресло, боясь даже представить, через что пришлось пройти Мэтту, оказавшемуся среди ненавистных беспощадных подонков, клейменому кровью детей. И она вдруг испугалась того, что может увидеть совсем не того Мэтта, каким его знала. Ведь жизнь в тюрьме могла превратить его в такое же чудовище, как те, кто его окружают уже семь лет! Тем более если жизнь его была наполнена страданиями и болью.

Но девушка отогнала страшные мысли. Может, потому Джек Рэндэл согласился устроить ей с ним свидание? Чтобы образ теперешнего Мэтта разрушил прежний, выбил у нее из головы наивную детскую любовь, чтобы она освободилась, наконец, от этого человека и мыслей о нем?

А вдруг так и будет? В ее памяти жил красивый молодой парень, улыбчивый и нежный, и Кэрол поймала себя на том, что подсознательно ожидает увидеть его именно таким.

Всю оставшуюся дорогу она настраивалась на то, что Мэтт теперь другой, пыталась себя подготовить, чтобы это не стало для нее шоком. Сердце ее взволновано колотилось, радость смешалась в ней со страхом. Она боялась, что он не вспомнит ее, выставив тем самым на посмешище перед Джеком Рэндэлом. Ей очень не хотелось, чтобы адвокат присутствовал на свидании, но другого выбора у нее не было. Естественно, что он не хочет брать на себя ответственность за ее безопасность, оставляя ее наедине с убийцей. Боялась отвратительного чувства разочарования от встречи с Мэттом.

Но ей приходилось держать себя в руках, чтобы Джек Рэндэл не заметил, как она переживает и волнуется. Интересно, что он на самом деле думает обо всем этом? Потешается, наверное, про себя, считая ее глупой, ненормальной, капризной девчонкой, влюбившуюся в шесть лет в первого встречного мужика, который построил ей глазки, в больного извращенца, и продолжает считать его богом, лелея давнюю мечту, отказываясь принять действительность. Может, Джек Рэндэл и прав, думая так. Наверное, она действительно ненормальная.

В аэропорту они взяли такси. Кэрол сидела на заднем сиденье и украдкой наблюдала за Джеком Рэндэлом рядом с водителем. Он безмятежно дымил сигаретой, убедившись, что никто не возражает. Как хорошо быть таким уверенным в себе, так спокойно и хладнокровно идти по жизни, не зная поражений и разочарований. Кэрол хотелось бы иметь хотя бы частичку его характера. Она всегда восхищалась сильными людьми, они всегда ее притягивали. В них она искала защиту и опору. Она была из тех людей, которые нуждаются в покровителе, который бы направлял по жизни, поддерживал. Сама она этого не осознавала, считая, что ей просто нравятся сильные люди.

Потеряв Эмми, она почувствовала себя беспомощной и одинокой, испугавшись огромного жестокого мира, в котором осталась одна. Но постепенно она научилась жить без нее, уже неосознанно подражая своей подруге, переняв черты ее характера. Она научилась быть веселой и настойчивой, не позволяла себе бояться и отступать, пыталась быть сильной и решительной. Она верила, что Эмми видит ее, и не хотела разочаровывать ее. Но бывало, когда она снова ощущала себя слабой беспомощной девочкой, когда ее переполняла неуверенность и страх, как сейчас. В такие моменты ей хотелось опереться о чье-нибудь сильное плечо.

Словно почувствовав ее взгляд, Джек Рэндэл бросил взгляд через плечо.

— Вы не передумали? Еще не поздно отказаться.

— Нет, — твердо ответила Кэрол.

Пожав плечом, он отвернулся.

Через минуту такси остановилось у высокой каменной ограды, по верхнему краю увитой кольцами колючей проволоки. Выйдя из машины, Кэрол больше ни на шаг не отходила от Джека Рэндэла, следуя за ним по пятам, через вооруженную охрану, потом по коридорам двухэтажного здания в кабинет начальника тюрьмы. Она не сказала ни слова за все это время, безучастно слушала разговор между адвокатом и начальником, Феликсом Боном.

По тому, как благосклонно и с каким уважением мистер Бон относился к Джеку Рэндэлу, Кэрол поняла, что он, если и не лично с ним был знаком ранее, то наслышан о знаменитом адвокате и явно симпатизирует ему. Когда Джек Рэндэл попросил разрешения взглянуть на дело Мэттью Ланджа, Бон не стал возражать.

Захватив папку с документами, вежливо предоставленную начальником тюрьмы, Джек Рэндэл последовал за офицером, который провел его и девушку по мрачным запутанным коридорам и оставил в небольшой комнате без окон, к которой находились только стол и два стула.

Через минуту тот же офицер принес еще один стул.

Усевшись за стол, Джек Рэндэл открыл папку и погрузился в изучение ее содержимого. Изучая взглядом его серьезное лицо, Кэрол ждала, когда он что-нибудь скажет, и так и не дождавшись, собралась спросить сама о том, что он там вычитал.

Но она не успела это сделать, потому что открылась тяжелая дверь, и в комнату ввели заключенного.

Сердце ее встрепенулось и забилось быстрее.

Она затаила дыхание, не отрывая глаз от высокого мужчины, закованного в наручники, который растерянно остановился у порога, увидев незнакомых людей. Джек Рэндэл оторвался от бумаг и с интересом взглянул на того, из-за которого они проделали такой неблизкий путь.

Кэрол сразу узнала его. Это был именно тот Мэтт, каким она его помнила, только намного старше. Теперь она нашла его не менее привлекательным, чем тогда, много лет назад. Только сейчас он был не таким крепким, стройная фигура стала худощавой, а плечи подавлено согнулись, словно под тяжким бременем. Вокруг рта залегли горестные морщинки, а губы были так плотно сжаты, что трудно было поверить в то, что они могли улыбаться. Но Кэрол-то помнила, что улыбка постоянно озаряла его красивое лицо, помнила, как он смеялся... тогда, очень давно.

Невозможно было представить его жестоким, убийцей, извращенцем. Правильные чистые черты его лица по-прежнему располагали к доверию и симпатии, не было в них ни тени порочности и злобы. Лишь смертельная усталость отражалась в каждой черточке, а в спокойных темных глазах застыла безнадежность. У него был взгляд человека, смирившегося с тем, что он обречен, человека, который еще жил, но уже считал, что жизнь его окончена.

— Садись! — резко приказал офицер, указывая дубинкой на стул.

Мэтт подошел к столу и сел на указанное место.

— Когда закончите, постучите, — обратился офицер к Джеку Рэндэлу и, выйдя, захлопнул дверь.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Откинувшись назад, адвокат слегка прищуренными глазами изучал неподвижно сидевшего перед ним человека.

Недоверчиво покосившись на него, Мэтт перевел взгляд на девушку.

Сердце Кэрол защемило, когда она встретила с его необыкновенными, берущими за душу глазами.

Она нежно ему улыбнулась, чем ввела еще в большее замешательство. Он уже не помнил, когда ему в последний раз улыбалась девушка, да еще так. Он вообще не видел женщин вот уже семь лет.

— Здравствуй, Мэтт, — охрипшим от волнения голосом сказала Кэрол.

— Здравствуй, коль не шутишь, — тихо ответил он, пристально вглядываясь в ее лицо, недоумевающая, что понадобилось этой молодой девушке от него и чем вызвана ее столь откровенная симпатия и теплота, от которых он давно уже отвык. Он молчал, ожидая, что будет дальше, уверенный в том, что за всем этим скрывается какой-то подвох.

Джек Рэндэл не вмешивался и, видя смущение девушки, снова уткнулся в папку на

столе, напустив на себя безучастный вид.

Дрожащими руками Кэрол достала из кармана плаща маленькую статуэтку и протянула Мэтту, надеясь, что он вспомнит эту вещицу. Ведь даже его мать ее помнила. Протянув над столом скованные руки, он осторожно взял из хрупких нежных рук статуэтку.

— Ты подарил мне это тринадцать лет назад, — сказала Кэрол. — Мне тогда было шесть лет. Ты сказал мне, что когда-нибудь я буду такой же красивой и счастливой. Возможно, ты меня не помнишь, но, может, помнишь эту прекрасную вещь?

И неожиданно лицо его озарилось светлой нежной улыбкой.

— Я помню эту статуэтку. И помню девочку, которой ее подарил.

Подняв глаза от статуэтки, он недоверчиво посмотрел на девушку.

— Неужели ты та самая малышка? Тот несчастный забитый котенок, которого я обнаружил среди...

— Да, это я, — перебила его Кэрол, не дав договорить.

Бросив взгляд на незнакомого мужчину, который, по-видимому, не собирался принимать участия в разговоре, и даже не соизволил представиться, Мэтт понимающе промолчал и снова посмотрел на девушку.

— Я не помню твоего имени, — извиняющимся тоном признался он.

— Кэрол.

— И ты все еще меня помнишь? — он спросил это с таким удивлением, что Кэрол не удержалась и тихо засмеялась, невероятно счастливая оттого, что он все-таки ее не забыл.

— Если помнишь ты, то почему должна забыть я?

Он погладил статуэтку огрубевшими пальцами, и выражение изумления никак не покидало его лицо.

— Ты сохранила мой подарок, — чуть слышно шепнул он. — Поверить не могу. Чудеса, да и только!

Его пристальный взгляд ничуть не смущал Кэрол.

— Что ж, вижу, я был прав, когда говорил, что ты вырастишь красивой. А как насчет моего второго предсказания?

Девушка неопределенно пожала плечами.

— Ты все еще живешь там?

— Нет! — слишком запальчиво возразила она, и заметила, как Джек Рэндэл украдкой бросил на нее быстрый пронзительный взгляд.

— Нет, — уже спокойно повторила она. — Отец забрал меня, когда мне было тринадцать лет.

Ей было неприятно обсуждать эту тему при Джеке Рэндэле, но она не могла допустить, чтобы Мэтт подумал, что она стала такой же шлюхой, как и мать.

— Я же говорил, что все у тебя будет хорошо.

— А я тебе верила. Я знала, что ты не мог меня обмануть.

Некоторое время они молчали, неотрывно смотря друг другу в глаза.

Кэрол не могла понять, о чем он думает. Она чувствовала этого совершенно чужого человека таким родным, таким близким, как будто все эти тринадцать лет он был рядом. Она хотела, чтобы он понял, как много значила для нее их встреча в мотеле, как он дорог ей.

Ей хотелось остаться с ним наедине, чтобы все это ему сказать. В эти минуты она мечтала о том, чтобы Джек Рэндэл вдруг взял, да и провалился бы куда-нибудь.

— А как ты меня нашла? — поинтересовался Мэтт.

— Это мистер Рэндэл нашел тебя, по моей просьбе, — Кэрол кивнула на молодого адвоката, который никак не отреагировал на ее слова.

— А зачем? — в голосе Мэтта промелькнула грусть.

— Тогда ты очень поддержал меня. Я не смогла забыть твою доброту и внимание. И я хочу поблагодарить тебя за это. Тогда для меня это очень много значило, так много, что я никогда об этом не забуду.

— Теперь забудешь. Ведь ты знаешь, за что я здесь?

— Знаю.

— И все равно пришла.

— Да. Потому что я не верю. Я знаю, что ты не такой.

Мэтт не поверил собственным ушам, пораженно приоткрыв рот. Потом горько усмехнулся и потупил голову. Кэрол ждала, что он на это скажет, но он молчал, и она почувствовала, как в груди разливается неприятный цепенящий холод.

— Мэтт, — голос ее дрогнул. — Скажи мне это. Правду.

Она не заметила ехидную ухмылку, скривившую губы Джека Рэндэла, который при ее словах поднял взгляд на Мэтта. Зато заметил Мэтт, и в его глазах, встретившихся с холодным взглядом незнакомца, загорелась неприязнь.

— Милая девочка, мой преданный маленький котенок, ты единственная, кто усомнился в моей вине, — он потянулся к ней скованными руками, желая прикоснуться к ее пальцам. Кэрол без колебаний вложила руку в его крепкую ладонь. Нежно сжав ее одной рукой, он другой погладил нежную гладкую кожу.

Джек Рэндэл напрягся, с трудом сдержав порыв вырвать руку девушки из пальцев этого больного извращенца. Он бросил на нее гневный взгляд, удивляясь, как ей не противно, что он прикасается к ней?

Неужели она не видит вожделения в этих прикосновениях, которое сразу заметил он? Его это, конечно, не удивило, ничего другого от мужчины, семь лет не видевшего женщин и оказавшегося рядом с красивой молодой девушкой, и ожидать не приходится. Но ведь он не просто мужчина — он насильник и убийца, и этими самыми руками, которыми он к ней прикасался, он убивал детей.

Но девушка не замечала возмущенного взгляда адвоката, погружившись в прекрасные бездонные глаза Мэтта. В них затаилось столько боли, что Кэрол почувствовала безграничную жалость к этому человеку.

Когда-то он пожалел ее, теперь настал ее черед.

— Скажи мне, Мэтт, — умоляюще прошептала она.

— Мои слова ничего не значат, — он удрученно покачал головой. — Все считают меня убийцей, я признан виновным и осужден за эти преступления. Я буду здесь до конца своих дней. Какая разница, виновен я на самом деле или нет? Лично мне уже все равно.

— А мне — нет.

— Я этого не делал, — равнодушно сказал он, смотря на девушку ясными искренними глазами.

— Если ты этого не делал, то как получилось, что обвинили тебя? — не выдержал Джек Рэндэл, сверля его колючим неприветливым взглядом. — Помимо твоих слов и невинных глазок, есть что-нибудь еще, подтверждающее твою невинность?

Мэтт не ответил ему, даже не посмотрел в его сторону. Лицо его сразу как-то ожесточилось, и он крепче сжал кисть девушки, словно боялся, что после этих слов она

захочет вырваться.

— Джек, — Кэрол с упреком повернулась к адвокату.

— Что? — он вскочил. — Смотреть не могу, как он вешает вам лапшу на уши, а вы ему верите! Я задал ему вполне естественный вопрос, почему он не хочет ответить? Если он действительно не виновен, то не может такого быть, чтобы не было ничего, что он мог бы предъявить в свою защиту, чтобы попытаться убедить нас в правдивости своих слов!

— Тебя я не собираюсь ни в чем убеждать, — Мэтт смерил его ненавистным взглядом. — Что тебе до того, верит она мне или нет? Ее вера не выпустит меня на свободу и не снимет клейма убийцы детей. И, вообще, кто ты такой, чтобы требовать от меня оправданий?

— Он адвокат, — примирительно сказала Кэрол. — Очень хороший адвокат. Самый лучший.

— Он что, собирается меня отсюда вытащить?

— Нет! — рявкнул Джек Рэндэл.

— Тогда заткнись и дай мне поговорить с Кэрол.

Кэрол обмерла, смотря на адвоката. Лицо его окаменело, а глаза жестоко сузились. Наклонившись к Мэтту, он уперся ладонями в край стола и приблизился к его лицу.

— Разговоры окончены.

— Джек, ну, пожалуйста... — в отчаянии вскричала Кэрол.

Но он уже подошел к двери и решительно ударил по ней ладонью.

— Я все испортил, извини, — Мэтт поник, брови его печально сдвинулись над переносицей. — Спасибо тебе. Спасибо за то, что не забыла меня, что веришь мне. Теперь я не буду чувствовать себя таким одиноким и никому не нужным. Знай, отныне ты всегда будешь здесь, — он прижал руку к сердцу. — Я буду помнить о тебе, пока не сдохну в этой помойной яме.

Девушка отчаянно сжала его кисть.

— Я помогу тебе, — шепнула она так тихо, что Джек Рэндэл не мог ее услышать.

— Сам Бог мне уже не поможет, котенок.

— Встать!

Резкий голос офицера грубо вклинился между ними. Мэтт тяжело поднялся, Кэрол тоже вскочила и, повинувшись внезапному порыву, подбежала к нему и обняла. Офицер растерянно застыл на месте. Но Джек Рэндэл быстро разрешил эту ситуацию, оттащив девушку от заключенного.

— Будь счастлива, — нежно сказал Мэтт. — Прощай, котенок!

Отвернувшись, он вышел в сопровождении офицера.

— Отпустите! — обиженно буркнула Кэрол, стряхивая с плеч сильные цепкие руки адвоката. Опустившись на стул, она спрятала лицо в ладони, с трудом сдерживая слезы.

— Ну, зачем вы так? — чуть слышно выдавила она.

Он промолчал, нахмурившись.

— Неужели вы не видите, что он не виновен? — опустив руки, Кэрол посмотрела на него.

— Я вижу, что вы окончательно потеряли голову! — резко бросил он.

— С моей головой все в порядке. Просто мне до боли его жалко! Он же хороший человек, а с ним такое сделали!

Она вдруг решительно поднялась и, подойдя к нему вплотную, в упор посмотрела в

серые глаза.

— Он не виновен, и его нужно освободить. Помогите, Джек, умоляю. Только вы на это способны. Вы ведь можете все.

Он ошеломленно приподнял брови.

— Кэрл, опомнитесь! Это невозможно!

— Только не для вас, я знаю! Прошу вас...

— Нет!

Его ответ прозвучал решительно и категорично. Кэрл отошла от него и повернулась к столу. Взяв в руки статуэтку, она с печальной улыбкой погладила ее и спрятала в карман. Теперь, когда она твердо знала, что Мэтт не виновен, в груди ее занозой поселилась тупая боль. Как жить дальше, зная, что он здесь, заживо погребенный, лучший из людей в ее жизни?

Как жить, помня, сколько боли и отчаянья в его ласковых глазах? Человек с разбитой жизнью, с разбитым сердцем, поставивший на себе крест, а не тот веселый добродушный парень с открытой душой, теперь стоял у нее перед глазами. И его безнадежность, его тоска, обида на несправедливый мир передались ей, наполняя ее невыносимой горечью. И сейчас, за него, она возненавидела весь этот мир.

Кэрол потребовалось два месяца, чтобы найти адвоката, согласившегося взяться за дело Мэттью Ланджа. Даже Куртни не смогла ей в этом помочь. Кэрол искала, не смотря на постоянные отказы, на которые натыкалась везде. С каждым таким отказом ее охватывало еще большее отчаянье, но именно оно и подстегивало ее. Она словно бросала вызов всему миру, восстав против всех. Вся ненависть и неприязнь отвергнутой обществом девочки вернулись к ней. Впрочем, они никуда и не уходили, просто отступили и затаились в последнее время, притупленные благополучным пребыванием в доме Куртни. Требовался лишь толчок, чтобы она вспомнила о несправедливости и жестокости, преследовавших ее, когда она жила с матерью, о своей роли изгоя, которую отвели ей люди. Теперь жертвой несправедливости стал Мэтт. Он — изгой, всеми отвергнутый, презираемый. Она понимала его боль, потому что помнила свою. Из всех только он отнесся к ней с теплом и пониманием, без отвращения и брезгливости, с которыми смотрели на нее другие.

И теперь она, одна из целого мира, сделает для него то же самое. Она не боялась осуждения и непонимания, потому что для нее это уже вошло в привычку. В душе она продолжала оставаться все тем же изгоем, затаившим обиду и злобу. Только что-то в ней изменилось, ей не хотелось больше убегать и прятаться, потуплять взгляд и безответно страдать. Возмущение и негодование превратились в огонь, который жег ее грудь, и она готова была дать ему выход. Она ощущала себя маленьким затравленным зверьком, которого боль и отчаянье побудили, наконец-то, защищаться, пробудили силы и храбрость, заставляя драться и кусаться, чтобы отстоять право на жизнь в этом мире. И даже более того — защитить такого же, как она сама.

Сначала были хорошие дорогие адвокаты, но планка опускалась ниже и ниже, пока она в грязном обшарпанном офисе не нашла того, кто ей не отказал. Почему-то он не понравился ей, но выбор был невелик, точнее, его вообще не было. Это был мужчина примерно сорока пяти лет, толстый до отвращения, с хитрым лоснящимся лицом. Он сразу попросил аванс, Кэрол отказать не могла.

Вот уже месяц, как она наняла его, а он только и делал, что просил финансы на расходы, связанные с расследованием тяжелого дела. Он объяснял, что дает взятки, чтобы Мэттью Ланджу немного облегчили тюремную жизнь, что для того, чтобы добиться хотя бы разрешения на свидания с заключенным, необходимо подкупить нужных людей, и ни как иначе. Везде и все делают только деньги. Но за все это время он не предоставил никаких результатов своей работы.

— Я работаю и делаю все возможное. Вы знаете, сколько времени требуется, чтобы рассмотрели прошение и приняли решение? Таких прошений поступает тысячи. Вы должны запастись терпением... и деньгами, если хотите помочь своему другу. Вы ведь хотите ему помочь?

— Хочу, — грустно ответила Кэрол, морщась от отвратительного ощущения, вызванного подозрением, что этот адвокат просто тянет из нее деньги и не торопится делать свою работу.

Она приняла решение не давать ему больше ни цента, пока он не представит ей

доказательства того, что он действительно что-то делает. А пока снова занялась поисками адвоката, чувствуя, что с этим она мало чего добьется. Да и деньги у нее кончались — она потратила почти все свои сбережения. И теперь она еще ломала голову над тем, где взять деньги. Зарплаты будет не достаточно, чтобы оплачивать услуги адвоката и необходимые для дела расходы. Просить у Куртни Кэрол не могла, совесть не позволяла. Эта совершенно чужая женщина сделала для нее столько, что большего требовать было бы сверх наглости. Можно было бы попросить у Рэя, но деньги Рэя — это деньги, заработанные Куртни. Он, скорее всего, не отказал бы, но потребовал бы объяснений, а, узнав, что она собирается выпустить на свободу маньяка, непременно бы передумал.

Когда Кэрол рассказала все Куртни и попросила помочь найти хорошего адвоката, та не поделила ее энтузиазма, особенно после того, как узнала, что Джек Рэндэл отказался заниматься этим делом.

— Послушай этого парня, девочка. Если он говорит, что этот человек виновен, то лично я склонна ему верить. Я понимаю, что тебе тяжело поверить. Я сама никогда бы не подумала, глядя на этого симпатягу, что он на такое способен...

— А он и не способен, — стояла на своем Кэрол, глотая слезы от того, что даже Куртни не поддержала ее в такой важный и отчаянный момент.

— Ты не должна это утверждать так непреклонно. Ты совсем не знаешь этого человека. А честный и искренний взгляд может быть всего лишь уловкой хитрого монстра, как и вызывающее доверие, красивое лицо, которое на самом деле — просто маска. Подумай, что будет, если ты ошиблась, а он выйдет на свободу? Тебе самой не страшно выпустить чудовище из клетки?

Но даже Куртни не смогла убедить Кэрол и поколебать ее решимости во что бы то ни стало помочь Мэтту.

Она снова одна. Одна во всем мире, который снова пытался ее подавить, навязать свои правила и мнения, заставить отказаться от сопротивления и опять склонить голову.

Но не этому учила ее Эмми, которая никогда не потупляла взгляд, не прогибалась под напором более сильных, не боялась драк и споров, никогда не сомневающаяся в себе. Она могла постоять не только за себя, но и за других, и всегда так и делала.

«Эмми, дай мне силы, — взывала Кэрол, смотря на милое личико подружки на фотографии. — Я снова одна, и то, что я задумала, мне не под силу, я знаю. Но я все равно буду пытаться, даже если на это потребуется вся жизнь, даже если все равно ничего не добьюсь. Только бы он не сдавался и жил. Только бы с ним ничего не случилось. Если бы ты была со мной, ты бы поверила мне и ему, поддержала бы нас, я знаю. И добила бы больше, чем я. Ты всегда знала, что нужно делать и как. Ты обещала никогда меня не покидать. Помоги мне».

Кэрол ни сколько не смущало то, что обычно люди обращаются с подобными просьбами к Богу, а не к мертвым. Эмми была ее богом.

Фотография Мэтта теперь стояла в красивой рамке рядом с фотографией ее единственных друзей, из которых осталась только Даяна. Больше друзей у Кэрол не было. Она по-прежнему очень тяжело сходилась с людьми, оставаясь одинокой. У нее были Даяна, Куртни с Рэем, да еще семья Берджесов. Только эти люди были за пределами враждебного ей мира, в ее маленьком кругу, которым она отгородилась от всех остальных. Но раньше всех в ее «кругу» появился Мэтт, именно он был первый чужой, которого она впустила в свое сердце, основатель ее взаимоотношений с посторонними.

Она думала о нем постоянно. Его глаза преследовали ее и днем, и ночью. Она видела его в своих снах, и это были печальные сны.

Он был окутан черным туманом, густой осязаемой пеленой, стоял и смотрел на нее. Просто смотрел, совсем один в непроглядной тьме, и молчал.

А из глаз по бледному лицу медленно текли капли крови, оставляя на коже красный след. И эти страшные слезы пугали Кэрол и бросали в бездонную пропасть отчаянья и тоски. Она чувствовала, как по лицу тоже бегут слезы. Проведя рукой по щеке, она увидела на пальцах кровь.

А между ними непреодолимой преградой светились желтым пламенем две зловещие точки. Она звала Мэтта, но он не мог подойти к ней, эти глаза не пускали его.

— Я не отдам тебе его! Не отдам! — кричала она.

А потом появлялись три девочки. Они скакали вокруг Мэтта и смеялись, хватали его за руки, пытаясь увлечь за собой, глубже в непроницаемый мрак за его спиной.

— Пойдем! Пойдем с нами! — весело звали они.

Он растерянно мялся на месте, улыбаясь девочкам и смотря на них окровавленными глазами.

— Не ходи с ними! Не ходи! — вопила в отчаянии Кэрол. — Иди ко мне! Не бойся, иди! Они тебя не тронут, потому что ты не виновен! Ты не принадлежишь им, твое место не здесь! Тебя сюда загнали силой. Ты должен выбраться!

Она просыпалась в холодном поту. Каждую ночь ей снился один и тот же сон, и это становилось невыносимым. Почему всю жизнь она видит этот туман, эти ужасные, ненавидящие ее глаза? Это видение преследует ее с самого раннего детства. Этот туман, эти точки — это горе, страх, смерть.

Но самое ужасное заключалось в том, что эти сны отображали реальность, то, что уже произошло или произойдет в ближайшем будущем. Возможно, такое восприятие реальности укрепилось в ее подсознании еще в раннем детстве, мрак и невидимое зловещее чудовище, подкарауливающее ее, каким-то образом стали ассоциироваться у нее с несчастьем, смертью.

Но со временем для нее это перестало быть снами. Так она видела реальность и будущее. Она верила в то, что желтые глаза и этот туман — настоящие, что ей просто дано это видеть, мир за пределами этого мира. Кровожадный монстр, жаждущий крови и смерти, поджидающий в засаде, чтобы загнать кого-нибудь в свою обитель, и темная мгла, поглощающая человеческие жизни. А она это видела. Видения, сны, но те, кто попадали в эту мглу в ее снах, никогда не возвращались из нее в реальной жизни. Все, кого она любила, исчезли там — Мадлен, Спайк, Тимми, Роза, Эмми. Но Кэрол знала, что главная жертва — это она. И когда-нибудь черный туман доберется и до нее...

Мэтт еще не там, но уже почти. Его не выпускают, его затягивают. Она должна его вытащить. Она должна что-то сделать, чтобы не позволять этой мгле отбирать у нее самых дорогих.

Она никому и никогда не рассказывала о своих снах. Она была уверена, что ее не поймут, даже обсмеют, а могут посчитать ненормальной. Кэрол не могла забыть тот день, когда Куртни предложила ей поговорить с психологом. Возможно, она не пыталась этим показать, что она чокнутая, а просто хотела помочь ей избавиться от детских страхов и комплексов, по-другому взглянуть на мир, на людей. Но Кэрол вспомнила о том, как мать всегда грозилась упрятать ее в «психушку», куда, надо заметить, в конце концов, угодила

сама, и потому девочка боялась всего, в названии чего слышала «психо».

Испугалась, что ее, как и Элен, запрет в этом ужасном месте. Она не поняла добродушного и благоразумного порыва мачехи, ее предложение отозвалось в ее душе обидой и горечью. И Куртни не смогла убедить ее, что психолог — это не психиатр, что он лечит не сумасшедших, а последствия душевных травм и стрессов. Что к этому врачу обращаются люди не с больной головой, а с израненной и истощенной душой.

— Со мной и с моей душой все в порядке, — заверила тогда Куртни она. Они больше не возвращались к этому разговору. Куртни не могла заставить девочку силой встречаться с психоаналитиком, но по-прежнему считала, что девочка очень в этом нуждается. Она видела, что ребенок был душевно искалечен, и даже время и благополучная жизнь, в которой не было ни стрессов, ни проблем, не могла искоренить то, что было заложено ранее.

Это стало менее заметно, девочка изменилась, тревога и печаль постепенно исчезли из ее красивых голубых глаз, в них появились веселые насмешливые искорки. Она стала менее замкнутой, но все равно не подпускала к себе незнакомых людей, относясь с опаской и недоверием. Но глубоко-глубоко в ее глазах навсегда застыла печать тяжелого страшного прошлого, и Куртни была уверена, что то же самое было и в ее душе. Она несет с собой все свои страхи, обиды, разочарования и боль. Даже комплексы были не подвластны времени и переменам. Хороший психолог мог бы помочь ей справиться со всем этим, скинуть тяжелый груз прошлого, который давил на нее, увлекая на дно, откуда Куртни хотела ее вытащить, чтобы девочка смогла выпрямиться, вдохнуть полной грудью, с доброй и искренней улыбкой взглянуть на мир по-другому. Увидеть в окружающих не врагов, а друзей, которых у нее не было. Куртни пошла на хитрость. Она нашла молодую женщину — психолога, но от Кэрол ее профессия была скрыта, чтобы та попыталась подружиться с девочкой, разобраться в ее душевном состоянии и незаметно, ненавязчиво помочь.

Но у девочки была поразительная интуиция на людей. Она охотно общалась с молодой женщиной, но ни на секунду не приоткрыла перед ней завесу в свой внутренний мир, даже на самую малость, чувствуя неискренность. Куртни оставалось только надеяться, что со временем девочка все же оправится и избавится от влияния прошлого. Детская психика гибка и легче подвергается восстановлению, чем взрослая, но она гораздо ранимее и хрупче, и если ее сломать, последствия могут быть необратимы. Но Куртни верила, что Кэрол со всем справится, сама.

Кэрол писала Мэтту письма и отправляла, не зная, разрешена ли переписка с ним. Но ни одно письмо не вернулось, и это очень порадовало девушку. Моника Ландж сказала ей позже, что переписка разрешена, и только так она общается с сыном. Кэрол навещала ее два раза в месяц по выходным.

Ни разу больше девушка не переступила порог ее квартиры с пустыми руками. Она тащила с собой огромные сумки с продуктами, не слушая смущенные возражения робкой женщины. Покупая ей одежду, она с радостной улыбкой дарила каждую вещь. Миссис Ландж растерянно сопротивлялась, краснея каждый раз, но девушка почти силой натягивала на ее тощую маленькую фигурку очередную обновку и тащила к зеркалу.

— Вы такая красивая! И молодая еще! Смотрите, как вам идет! Нравится?

Моника Ландж смотрела в зеркало сквозь слезы, застилавшие глаза.

Да, ей нравилось, очень нравилось. Впервые с тех пор, как осудили Мэтта, ей захотелось распрямить согнутые горем плечи, поднять голову и улыбнуться. Качественная красивая одежда преображала ее. Сразу захотелось сделать прическу, подкраситься. Она вдруг снова

почувствовала себя человеком, женщиной.

— Вы должны поправиться, обязательно! — говорила Кэрол, разгружая сумки с продуктами. — Вы просто обязаны хорошо выглядеть, когда поедете к Мэтту. Если вы не поправитесь, он решит, что вы умираете здесь от голода, поймет, как вам плохо, еще подумает, что вы нездоровы — и будет переживать! А ведь ему там и так нелегко. А, увидев, какая вы у него красивая и сильная, что вы держитесь и верите, что мы отстоим правду, он обрадуется. Вы должны его поддерживать.

Миссис Ландж нечего было возразить. Эта девушка, свалившаяся из ниоткуда, как снег на голову, вернула ее к жизни, подарила надежду на то, что она хотя бы сможет видеть своего сына. Женщина считала ее ни кем иным, как посланницей Божьей, который решил все-таки проявить немного милосердия по отношению к ним. И она рыдала у этой девочки на коленях, благодаря за доброту, называя ее дочкой.

Кэрол часто звонила ей, и они просто болтали. Одинокая женщина всегда так радовалась, когда она приезжала или звонила, что с каждым разом Кэрол делала это все чаще.

— Как мой мальчик? Как он выглядит? Не болеет? А синяков ты у него не заметила? — спрашивала миссис Ландж при каждой встрече, и девушка терпеливо повторяла то, что уже рассказывала не один раз.

— Он хорошо выглядит, вполне здоровым. Улыбается. И синяков у него никаких нет. Такой же красивый. Разве что похудел немного, но это дело поправимое.

— О, наверное, его там плохо кормят! — расстраивалась миссис Ландж.

Кэрол помогала ей не только потому, что она была матерью Мэтта, хотя именно это подтолкнуло ее к этому. Моника Ландж нравилась ей, и она жалела эту маленькую добрую женщину.

Впервые в жизни она о ком-то заботилась, помогала. Ей очень нравилось то, что она при этом чувствовала. Она была сильной, значимой, нужной.

Всегда она зависела от других, нуждалась в поддержке, которую ей оказывала Эмми, защищая и помогая. А теперь она почувствовала себя на месте Эмми, а эту несчастную беспомощную женщину — на своем.

С того дня, когда она виделась с Мэттом, прошло три месяца, но за это время Кэрол так и не продвинулась к своей цели, и это очень ее удручало.

Позвонил адвокат и назначил встречу. Скорее всего, опять будет вешать лапшу на уши и требовать денег. Ей так и не удалось найти другого адвоката. Кэрол не знала, что делать. Если она откажется от услуг Скотта Херта, у нее не будет адвоката, а другого она может и не найти.

За ужином она не произнесла ни слова, не поднимая глаз и с трудом сдерживая слезы. Пожелав Куртни и Рэю спокойной ночи, она ушла в свою комнату, и там дала волю слезам.

Она даже не сразу услышала стук в дверь. Поспешно вытерев лицо, она подошла к двери. На пороге стояла Куртни.

— Можно войти?

— Конечно, — Кэрол потупилась, отступая назад, понимая, что она поймет, что она плакала.

— Что-нибудь случилось? Чем ты так расстроена?

— Ничего не случилось, — девушка улыбнулась, пожимая плечами. — Просто немного грустно.

— Почему?

Обычно Куртни не была так настойчива и не лезла с вопросами сама.

— Грустно и все, — безжизненным голосом ответила Кэрол, опускаясь на стул. Улыбка сошла с ее лица, и оно снова помрачнело.

Некоторое время Куртни изучала ее пристальным взглядом. Кэрол молчала, опустив голову. Куртни случайно наткнулась глазами на фотографию Мэтта на комодке.

— Ты все так же уверена в его невинности? — без обиняков спросила она.

— Да.

— Ты нашла адвоката?

— Да.

— Как его имя?

— Скотт Херт.

— И как продвигаются ваши дела?

— Потихоньку.

— Что ж... желаю вам удачи.

— Спасибо, — подавлено отозвалась Кэрол.

Куртни ушла. Закрыв лицо ладонями, Кэрол расплакалась еще сильнее. Она не хотела так вести себя с Куртни, но ничего не могла с собой поделать. Ее душила обида на весь мир. Все были против нее, даже Куртни.

Выйдя из ее комнаты, Куртни прошла в свой кабинет. Несколько минут она задумчиво сидела за письменным столом, затем решительно взяла трубку телефона и набрала номер.

На следующий день, после работы, Кэрол отправилась в адвокатскую контору, где работал Скотт Херт.

В душе ее теплилась слабая надежда, что он порадует ее сегодня хоть какими-нибудь результатами.

Но ее ожидало то, что и всегда. Одни обещания и заверения, что «все делается». Она уныло слушала его возлияния, сидя в обшарпанном грязном кабинете, который свидетельствовал о том, что дела адвоката идут не лучшим образом. Рабочий стол был завален бумагами и обертками от конфет, которые толстяк даже не посчитал нужным убрать, принимая ее в своем кабинете. В Кэрол росли злоба и отвращение. Хотелось сказать этому жирному ублюдку все, что она о нем думает, встать и уйти. Но куда? Он единственный, кто согласился помочь. И может, в конце концов, он не врет, и для получения разрешения на свидания, для расследования дела Мэтта действительно требуются время и деньги. Что она от него требует? Чтобы Мэтта сразу же выпустили на свободу по первому же требованию?

«Вы знаете, ведь Мэттью Ланж не виновен!»

«Правда? О, тогда приносим свои извинения, и немедленно его освобождаем!».

Бред.

В дверь требовательно постучали, и, не дожидаясь разрешения, в кабинет ворвался нетерпеливый нахальный посетитель.

Сидя спиной к двери, Кэрол не обернулась, не интересуясь, кто пожаловал еще к адвокату. Она увидела, как расширились поросычьи глазки Скотта Херта, который вскочил с места, изумленно таращась ей за спину.

— Джек? Чем могу? — растерянно проямлил он.

Кэрол бросила взгляд через плечо и чуть не подскочила от неожиданности, увидев Джека Рэндэла.

— Привет, Скотт. Кэролайн, — он приветливо кивнул ей и, взяв стул, стоявший в углу, поднес его к столу и поставил рядом с девушкой. Усевшись, он положил ногу на ногу и улыбнулся коллеге, который тоже медленно опустился в кресло.

— Присаживайся, Джек.

— Благодарю, я уже сижу.

— Вы знакомы? — спросил Скотт, не понятно к кому конкретно обращаясь из двоих.

— Знакомы, — ответил Джек Рэндэл.

— Что ты хотел, Джек? — Херт бросил на девушку извиняющийся взгляд, просящий подождать, потому что Джек Рэндэл этого делать не станет. Кэрол понимающе пожала плечами. Что поделать? Есть люди, хамство и напор которых обезоружит кого угодно, и благоразумнее и легче им уступить, чем противостоять. И, судя по всему, Джек Рэндэл был одним из таких.

— Как работаете, Скотти? — фальшиво мягким голосом проговорил тот. — Есть интересные дела?

— Да, нет. Так, ничего особенного.

— Разве? А я слышал, что ты занялся педофилом, убивающим детей.

— С чего ты взял?

— Земля слухами полнится, — уклонился от ответа Джек Рэндэл.

Сердце Кэрол упало. Неужели он пришел, чтобы убедить Херта отказаться от этого дела? Он не только не хочет помочь, но и намерен ей помешать?

— Ну, и как идут дела? — продолжал Джек Рэндэл наседать на ничего не понимающего адвоката.

— А почему тебя это интересует?

— Просто профессиональное любопытство. Ты же знаешь, я не равнодушен к маньякам. Херт напряженно рассмеялся.

— Хочешь сам заняться этим делом?

— Я уже от него отказался.

Этот ответ ошеломил Скотта Херта.

— Вот как? Почему?

— Отстойное, бесперспективное дело. Народ и без того меня ненавидит, и, думаю, порвет на части прежде, чем я что-либо смогу сделать для освобождения этого урода, — шуточно ответил Джек Рэндэл. — А ты, стало быть, не боишься людского гнева?

Херт побледнел.

— Джек, хватит юлить, скажи прямо, что тебе нужно! — посуровел он.

Но Рэндэл проигнорировал его вопрос и переключился на сидящую рядом девушку.

— Как давно вы его наняли? — его голос изменился, став приветливым и мягким, без фальши.

— Месяц назад, — ответила Кэрол, сбитая с толку его теплым взглядом союзника.

— Сколько заплатили?

Скотт Херт возмущенно подскочил, негодуяще раздув ноздри.

— Не отвечайте ему! Какого черта, Рэндэл?

Но Джек даже не взглянул на него, невозмутимо ожидая ответа девушки.

— Почти десять тысяч, — призналась Кэрол.

— Вперед, за всю работу?

— Нет. Четыре — аванс за работу. А остальные на дополнительные расходы?

— Дополнительные расходы? — он устремил на Херта насмешливый взгляд, ехидно улыбнувшись. — Что же это за расходы?

Толстые щеки адвоката задрожали от ярости.

— Тебя это не касается! Ты суешь нос не в свои дела, Рэндэл!

— Работа у меня такая.

— Тогда убирайся отсюда и занимайся своей работой, только не в моем кабинете! — брызжа слюной, завопил Херт, потеряв над собой контроль.

— Сядь! — неожиданно грубо рявкнул Джек Рэндэл таким тоном, что толстяк плюхнулся в кресло, подчинившись.

— Я пришел сюда не для того, чтобы полюбоваться твоей жирной мордой! Мне нужен полный отчет о том, как ты ведешь дело Мэттью Ланджа. Так же меня интересует финансовая сторона дела.

— На каком основании? — задыхаясь от негодования, прошипел Херт.

— Я объясню. Я представляю интересы Куртни Мэтчисон, матери этой девушки. И она хочет знать, как и на что потрачены ее деньги, а так же ее интересует, что ты сделал за месяц работы.

Кэрол хотела было возразить, что это ее личные деньги, а не Куртни, которые она насобираала за пять лет, но строгий взгляд Джека Рэндэла заставил ее промолчать.

— Джек, ты же знаешь, дело это сложное, за один день ничего не решишь, — завилял хвостом Херт. — Это дело отнимает у меня все время, а мне же надо как-то существовать, иначе я просто умру с голоду.

— Конечно, Скотт, — примирительно согласился Рэндэл. — Я объясню это своей клиентке.

Херт расслабился, и по лицу его растеклась улыбка облегчения.

— Да, кстати, как поживает Феликс Бон?

— Феликс Бон? — Херт нахмурился, тщетно пытаясь вспомнить это имя. — А кто это?

Кэрол ахнула, а Джек Рэндэл лениво улыбнулся, как кот, сцапавший мышку.

— Это начальник тюрьмы, в которой содержится Мэттью Ландж, твой подзащитный.

Лицо Херта пошло бардовыми пятнами, когда он понял, что угодил в ловушку этого хитрого мерзавца, который с такой легкостью его проколол!

Рэндэл повернулся к девушке.

— Я навел справки. Ваш адвокат палец о палец не ударил за все это время. Он даже не звонил в тюрьму, не говоря уже о том, чтобы съездить туда и взглянуть на дело Мэттью Ланджа.

Кэрол нечего было сказать на это, она лишь опустила голову, чувствуя себя облапошенной дурочкой. И это было довольно мучительное ощущение.

— Скотти-Скотти! — вздохнул Джек Рэндэл. — Теперь я понимаю, почему ты сидишь в этой конуре, в таком гадюшнике!

Он брезгливо передернул плечами, поморщившись.

— Обманывая клиентов, карьеру не сделаешь! Из-за таких, как ты, подрывается доверие к нашему брату. Нехорошо.

— Хватит морали мне читать, щенок! Нечего меня учить, я был адвокатом, когда ты еще в пеленки ссался!

— Тем более, мог бы и поучиться кое-чему. Чего добился ты за всю свою долгую жизнь, а чего — я. По-моему, объяснения излишни. Ты — ничтожество. Я — профессионал. Даже сравнивать смешно, — он презрительно ухмыльнулся. — Вернемся к делу. Во-первых, ты уволен, и Мэттью Ланджем больше не занимаешься. Во-вторых, ты возвращаешь этой девушке все до последнего цента, плюс неустойка и компенсация за потерянное время.

— А она мне еще ничего не платила, ни цента! — гнусно засмеялся Херт. — Попробуй, докажи обратное. И, вообще, она просто приходила со мной поболтать, а о деле Мэттью Ланджа я вообще впервые слышу.

— Договор в письменной форме вы, естественно, не заключали? — осведомился Рэндэл у Кэрол. — И расписки не составляли, когда платили?

Та сжалась и отрицательно качнула головой.

— Вот так-то, Рэндэл, не подкопаешься!

Молодой адвокат смерил Херта уничтожающим взглядом.

— Что ж, в таком случае, у нас только один вариант — ты вернешь деньги добровольно, сам.

— И не подумаю!

— А ты, все-таки, подумай. Потому что иначе у тебя не останется даже этого гадюшника. Меня все знают, к моему мнению прислушиваются. Если я ненароком скажу, что Скотт Херт — не компетентен, у тебя не будет отныне ни одного клиента. Сомневаешься? Давай поспорим.

Джек Рэндэл подался вперед, испепеляя Херта беспощадным взглядом.

— Я тебя уничтожу, — тихим проникновенным голосом пообещал он.

Лицо Херта исказилось, но он взял себя в руки.

— Хорошо. Но дай мне время, у меня нет сразу такой суммы, — сдался он.

— Конечно, — благосклонно улыбнулся Джек Рэндэл, поднимаясь. — Два дня. Всего хорошего, Скотт!

Взяв девушку за руку, он поднял ее со стула и вывел за собой в коридор, не обращая внимания, как снова перекосило Скотта Херта от «щедрого» срока, который он ему предоставил на то, чтобы собрать такую огромную сумму.

Кэрол была слишком ошеломлена и подавлена, чтобы вмешиваться.

Она даже не сопротивлялась, когда Джек Рэндэл бесцеремонно вытащил ее из кабинета, словно маленькую капризную девчонку. Она ожидала насмешек и нравучений, но, оказавшись в коридоре, он лишь тяжело вздохнул и выпустил из сильных пальцев ее руку.

— У меня с утра крошки во рту не было, — сказал он устало. — Здесь поблизости есть ресторанчик. Составите компанию?

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Он снял с вешалки в углу свой длинный черный плащ.

— Ваше? — он вопросительно глянул на Кэрол, снимая с крючка светлую коротенькую ветровку. Девушка снова кивнула.

— Вы так расстроились, что разучились говорить? — улыбнулся он, помогая ей надеть куртку. — Забудьте вы об этой свинье. Не стоит он того.

— Я подозревала, что он меня обманывает, — тихо призналась Кэрол.

— Тогда почему не послали его к черту?

— Потому что он был единственный, кто согласился мне помочь. Я пыталась найти другого адвоката, но безуспешно.

— Не жалейте о нем. Теперь у вас будет лучший адвокат на всем белом свете, — он открыл двери на улицу, пропуская девушку вперед.

Кэрол решила, что он подшучивает над ней.

— Кто? — она горько усмехнулась, проходя мимо него.

— Как это — кто? — обиженно протянул он. — Я!

Кэрол остановилась, не веря ушам своим.

— Правда? Но вы же не хотели...

— Я передумал.

Расстроенное лицо девушки озарилось такой счастливой улыбкой, что даже такой избалованный славой и признанием человек, каким являлся Джек Рэндэл, почувствовал себя польщенным.

Выйдя на улицу, Кэрол увидела черный «Феррари», дерзко припаркованный у самого входа в это неказистое здание.

Адвокат вежливо распахнул перед девушкой дверь машины.

— Ненавижу холод! — проворчал он, поежившись.

— Я тоже, — улыбнулась Кэрол, усаживаясь на мягкое сиденье.

— Никогда бы не подумал, — хмыкнул он, окинув взглядом ее короткую юбку, ноги в тонких капроновых колготках и в изящных коротких сапожках, и захлопнул дверь.

Кэрол смущенно натянула юбку на колени, пожав плечами.

Проехав несколько кварталов, Джек Рэндэл припарковался и заглушил мотор.

Они зашли в небольшой уютный ресторанчик и выбрали самый дальний и уединенный столик. Вернее, его выбрал Джек Рэндэл, а Кэрол было абсолютно все равно.

Сделав заказ, он достал сигареты.

— Не возражаете?

Кэрол качнула головой. Прикурив, он устремил на нее свои хитрые пронизательные глаза.

— Значит, вы все-таки не отказались от своей безумной затеи? Удивляюсь вашей непреклонности. Чем же этот Мэттью Ландж заслужил такого отношения?

— Всем.

— М-да, понятно... что ничего непонятно. Надо заметить, ему очень повезло. Хотел бы я иметь такую преданную защитницу.

— А вам-то зачем? Вы не создаете впечатления незащитного человека.

Принесли заказ, и, пока официант накрывал на стол, они молчали.

— Что ж, давайте выпьем за успех нашего очень непростого дела, — Джек поднял бокал с вином. Улыбнувшись, Кэрол прикоснулась к его бокалу и с удовольствием глотнула прекрасного вина.

— Вы не смеетесь надо мной, Джек? Вы действительно мне поможете? — не могла поверить она.

— Я не знаю, чего мы сможем добиться, но попытаться можно. И уж если я ничего не смогу сделать, то не сделает никто другой, и вам придется смириться. Или и тогда вы не успокоитесь?

— Как можно смириться с такой несправедливостью? Нет, я никогда не смогу этого сделать, — она погрустнела, разглядывая рубиновое вино в бокале. — Скажите, Джек, почему вы передумали?

— Из-за глаз.

— Каких глаз? — не поняла Кэрол, взглянув на него.

— Ваших. Они очень красивые и очень печальные. Поэтому вам невозможно отказать.

Совесть потом загрызет, — с самым, что ни есть, серьезным видом ответил он.

Девушка продолжала растерянно смотреть на него.

— А еще потому, что допускаю возможность, что ваш Мэтт действительно не совершал этих преступлений.

— Как?! Но вы же сами меня уверяли...

— Я был не совсем искренен с вами, каюсь! Я, конечно, не успел изучить его дело более подробно, но могу сказать, что все доказательства и само обвинение притянута за уши. Если бы более-менее грамотный адвокат взялся тогда за его защиту, все это обвинение рассыпалось бы, как карточный домик. Я склонен считать, что кому-то было очень нужно посадить кого-нибудь за эти преступления. Может быть, именно Мэтта, а может — кого угодно, лишь бы закрыть дело. Видимо, ваш Мэтт подошел для этого больше остальных.

— Почему же вы мне этого не сказали?

— Потому что у меня не было никакого желания, чтобы этот голодранец вышел на свободу, — откровенно признался он. — Я не люблю, когда мне грубят. Я и сейчас не горю желанием надрываться, чтобы ему помочь. По мне, так пусть гниет в этой тюрьме и дальше. А что до справедливости — я на этот счет не очень щепетилен, вам, должно быть, известно.

— Да, известно, — тихо ответила Кэрол. — Значит, есть надежда?

— Надежда есть всегда. Только я должен вас предупредить. Наше намерение снять с него обвинение вызовет нешуточную бурю. Учитывая мою репутацию, в невиновность Мэтта могут и не поверить, посчитав, что я снова хочу выпустить на свободу маньяка. Но это не самое страшное. Я вам уже говорил, что то, что Мэтт остался жив в тюрьме — это самое настоящее чудо. Но когда туда просочится информация, что его пытаются освободить, его тут же убьют. Заключение не допустят, чтобы он вышел на волю.

Кэрол побледнела.

— Боже, мне это даже в голову не пришло. И что же делать?

— Вы готовы рисковать его жизнью?

— Я — нет. Думаю, это должен решить он сам, а не я.

— Почему-то мне кажется, что он готов будет рискнуть. Лично я бы так и сделал. Кроме тюремной камеры и решеток, терять ему нечего. Я не знаю, как можно защитить его за тюремными стенами. Скорее всего — никак! Но я подумаю. Иначе нет смысла заваривать всю эту кашу, только разве, если прекратить его мучения и побыстрее отправить на тот свет.

Он вытер рот салфеткой и улыбнулся.

— Ну вот, вы опять приуныли. Для начала, мы займемся тем, чтобы разрешили свидания. Это дело левое. А пока я с моими ребятами начну потихоньку копать. То есть, займусь расследованием этого дела, осторожненько и как можно незаметнее, не привлекая внимания, пока не приму меры для того, чтобы мой подзащитный все-таки остался в живых. И скажите спасибо своему бывшему адвокату, этой неуклюжей и ничего не умеющей свинье, что он не полез все-таки в это дело, иначе Мэтт был бы уже на том свете. С этого дня вы ничего больше не предпринимаете и держите ротик на замке.

— А как насчет... финансовой стороны дела?

— Никак. Я достаточно зарабатываю на других делах.

— Но, я не понимаю...

— Не нужны мне ваши деньги, что непонятного?

— Это тоже из-за моих глаз?

Он засмеялся и отхлебнул вина.

— Вы хотите, чтобы я была вам обязана?

— Ну, хорошо! — сдался он. — Если это для вас так принципиально, мы это обсудим, когда я сделаю свою работу.

— А как же «дополнительные расходы»?

Они вместе рассмеялись.

— Я включу их потом в счет, — заверил Джек Рэндэл и снова поднял бокал. — За успех?

— За успех!

Поставив бокал на белоснежную скатерть, он помолчал, наблюдая украдкой, как девушка доедает свой ужин.

— Я, может, лезу не в свое дело, но как на все это смотрит ваш молодой человек? — на его губах промелькнула ядовитая улыбка. — Как вы объяснили ему свое столь рьяное желание помочь постороннему мужчине...

— Подождите, какой молодой человек? — в замешательстве перебила его Кэрол.

— Ну, тот красавчик на шикарном «Ягуаре», с которым вы приезжали ко мне домой.

Кэрол с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться.

— Это Рэй. Мой отец.

— Забавная шутка! — не поверил он.

— Это не шутка.

— Да ему от силы двадцать пять!

— Тридцать четыре. Рэй Мэтчисон, мой отец, муж Куртни, если вам так угодно.

— Ну-у, на роль мужа он тянет, но вашего отца — нет, — в полном смятении заметил Джек.

— Да, абсолютно с вами согласна, вы не первый, кто так подумал. Нас все время принимают за влюбленную парочку, мы даже привыкли. Это долгая история. Ему и моей маме было всего по пятнадцать лет, когда я родилась.

— Занятная история. Похоже, ваш папаша тогда был шустр и горяч не по годам. Да по нему и видно. Представить страшно, каким он стал теперь. Наверное, у него есть еще сотни две детишек?

— Нет, насколько мне известно, я единственная.

— Ваш отец... Никогда бы не подумал, — покачал головой он.

Не выдержав, девушка прыснула от смеха. Джек Рэндэл покраснел.

— Опять вы надо мной смеетесь! Что смешного-то? Разъезжаете со своим папочкой — подростком, и насмехаетесь над теми, кто не догадался, что он зачал вас в младенческом возрасте!

Кэрол притихла, испугавшись, что он опять разозлился, но адвокат снисходительно улыбнулся, а затем помрачнел.

— Вернемся к делу. Меня все-таки кое-что смущает.

— Что?

— Моя интуиция. Никогда раньше меня не подводила моя интуиция, и она склонна считать, что Мэтт причастен к этим убийствам.

— А моя интуиция считает, что — нет! — парировала Кэрол.

— Прямых доказательств его вины нет. Он был единственным подозреваемым. Он

работал водителем школьного автобуса, убитые девочки учились в одной школе, и именно он возил в школу их и других детей. Сначала пропала одна девочка. Через три месяца — вторая. Через месяц — третья. Первую, Джессику Торн, нашли через три дня после исчезновения. Ее тело было спрятано под аттракцион в парке. Сару Берон обнаружили на следующий же день после того, как она из школы не вернулась домой — прямо на обочине дороги. Следствие предполагает, что ее тело было выброшено из машины... или автобуса. Барбару О'Нил — через два дня в школьном подвале. Все девочки были избиты, изнасилованы и задушены.

Заметив, что Кэрол слушает его с широко распахнутыми глазами, в которых застыл откровенный ужас, Джек Рэндэл прервал свое повествование.

— Вы уверены, что хотите все знать? — с сомнением спросил он.

— Да, — бесцветным голосом отозвалась девушка.

Пожав плечами, он прикурил сигарету и продолжил.

— По составленному психологическому портрету убийцы было заключено, что это больной человек, неуравновешенный, подверженный внезапным приступам агрессии. Преступления совершал спонтанно, не планируя заранее, бросая свои жертвы на месте преступления и даже не пытаясь замести следы. Это не расчетливый хладнокровный убийца, это — псих, не отдающий себе отчета в своих действиях, не задумывающийся и не опасющийся последствий. В городе началась паника, родители не пускали детей в школу. Не смотря на то, что убийца не старался замести следы, улик было мало, а подозреваемых не было вообще, кроме водителя школьного автобуса. То, что Мэтт не подходил под портрет убийцы, признанный вполне вменяемым, не повлияло на ход дела. Он уделял детям внимания больше, чем требовалось от простого водителя автобуса. Дети отзывались о нем хорошо, говорили, что он их друг. А к убитым девочкам питал особенную симпатию. Это утверждали родители девочек, судя по рассказам своих детей. Девочки рассказывали о Мэтте, какой он добрый и хороший, угощает их сладостями, веселит всю дорогу, пока везет в школу или домой, рассказывает смешные истории. Но уже тогда родителям не нравилась и настораживала эта дружба с взрослым мужчиной, а когда погибли девочки, обрушили свою ненависть и обвинения именно на странного водителя, не равнодушного к детям. Вот так Мэттью Ландж оказался на скамье подсудимых. Вся ярость и ненависть города обрушилась на него, и, не смотря на недостаточность улик, его признали виновным и осудили, — Джек помолчал. — Когда его признали виновным, он заплакал. Вот такая сентиментальная подробность.

Некоторое время Кэрол не произносила ни слова, пораженная услышанным. Потом проглотила стоявший в горле ком, и тихо поинтересовалась:

— Все это вы прочитали в его деле?

— Нет, что вы! После нашего с вами визита в тюрьму, я из любопытства покопался в архиве, изучил сводки. О его слезах, например, я прочитал в одной из статей какой-то газеты.

— Вот видите, он не виноват, а псих, который это сделал, до сих пор гуляет на свободе!

— После того, как Мэтт был арестован, аналогичных преступлений больше не было. Но это ни о чем не говорит. Настоящий преступник мог уехать или погибнуть. А может, настоящий преступник сидит в тюрьме, а мы планируем его освободить.

— Но вы же сами сказали, что убийца — это больной психопат, невменяемый и неуравновешенный. А Мэтт нормальный, врачи это признали!

— Чужая душа — потемки. А человеческая психика непостижима, — скептически

заметил адвокат.

— То, что вы мне рассказали, лишь подтверждает, что Мэтт не виновен! Его посадили за его чрезмерную доброту, за то, что любил детей! А еще потому, что больше сажать было некого, настоящего убийцу вычислить не смогли, и взвалили все на Мэтта! Если он любил этих девочек, представьте, как тяжело ему было, когда его обвинили в их убийстве! Вот он и плакал.

Кэрол почувствовала, как у самой на глаза навернулись слезы, и опустила голову, ковыряя вилкой в тарелке, чтобы Джек не заметил. Повисло тягостное молчание. Он лениво докуривал сигарету, о чем-то размышляя, а Кэрол была слишком подавлена, чтобы говорить.

— Есть простой способ развеять наши сомнения и уладить разногласия, — задумчиво прервал он затянувшуюся паузу.

— Какой?

— Вы знаете, что такое детектор лжи?

Кэрол оскорбилась.

— Вы совсем меня за дуру держите?

— Я вообще вас за дуру не держу, — невозмутимо ответил он. — И я надеюсь, что вы поняли, что я хочу сказать. Проверив Мэтта на детекторе лжи, мы сможем, наконец-то, решить для себя, виновен он или нет. Если все пройдет гладко, потом это может послужить в пользу оправдания. Если он не виновен, он не откажется.

— Поспорить готова, что не откажется.

— Что ж, поспорим. На желание. Бойтесь?

— Нет, потому что вы проиграете.

— Хм! Вы подавляете меня своей уверенностью, — ухмыльнулся он. — Что ж, в таком случае, я выкрою на недельке время и навещу нашего друга.

— Я с вами!

— Кто бы сомневался! Но только на этот раз, чтобы вы своими ушами услышали, если приборчик покажет, что ваш кареглазый красавец врет. А потом, уж извините, этим делом я буду заниматься без вас, а вы будете терпеливо ждать результатов и не вмешиваться.

— Вы даже не будете мне рассказывать, что делаете, и как продвигается расследование? Но я хочу знать все, до мельчайшей детали.

— Я буду доводить до вашего сведения основное, а отчитываться за каждый свой шаг я не привык. Если вас это не устраивает...

— Устраивает! — быстро заверила девушка. — А как вы собираетесь расследовать это дело? Ведь столько времени прошло...

— Понимаете, в данном случае доказать невиновность Ланджа мало. Снять с него обвинения можно только найдя того, кто сделал это на самом деле. Найти и заставить признаться. Тогда Мэтт выйдет на свободу. Я вам не обещал наверняка освободить его, я сказал, что можно попытаться. Это сложно, может быть невозможно, даже для меня. Помните, что я вам говорил про следы в жизни? Они есть всегда, но в нашем случае их просто можно не найти — вот и все. Ну, опять приуныли?

— Если их не нашли тогда, когда они были еще свежие, эти следы, как вы говорите, то как вы найдете их теперь? Вы же адвокат, а не сыщик.

Он лукаво улыбнулся.

— Хотите, я открою вам секрет своего могущества? У меня очень обширные связи, много полезных и самых разных друзей. Везде! И в криминальном мире, и в федеральных

органах, не буду вдаваться в подробности. Я бессовестно пользуюсь этими людьми в своих целях, а они с радостью мне помогают, потому что считают меня тоже полезным и нужным, а также, потому что я плачу им неплохие деньги за услуги. Так вот, среди моих друзей числятся превосходные детективы, которые не раз помогали мне с каким-нибудь слишком сложным и запутанным делом. Я собираюсь обратиться к ним и сейчас. А еще я попытаюсь что-нибудь узнать в преступной среде. Никто и ничто лучше криминального мира не знает, что в нем происходит.

Угасшая было надежда, снова загорелась в сердце Кэрол, и она уже, наверное, в сотый раз подумала о том, как ей повезло, что она встретила Джека Рэндэла. И Мэтту повезло, что он взялся за то, чтобы спасти его загубленную жизнь.

— Я хочу, чтобы вы мне ответили на один вопрос.

Его тон заставил ее напрячься, потому что она поняла, что это будет важный и серьезный вопрос, а ее ответ определит его дальнейшие действия.

— Вы хотите, чтобы я освободил Мэтта... любой ценой?

— Что вы имеете в виду? — насторожилась Кэрол.

— Что для вас самое важное — чтобы он был оправдан, и ничего больше не имеет значения?

— Да, но я не совсем понимаю...

— Просто скажите, вы хотите добиться для него оправдания любой ценой — да или нет?

— Да, — тихо ответила Кэрол. — Я хочу спасти его. Любой ценой.

Откинувшись на спинку стула, Джек Рэндэл удовлетворенно кивнул.

И вдруг Кэрол показалось, что в глазах его мелькнул какой-то холодный огонь, которого раньше она никогда не замечала. И этот огонь почему-то вызвал у нее на коже неприятные мурашки, как будто в глаза ей заглянул сам морской монстр, с которым его все время сравнивают — равнодушная, безжалостная акула, почуявшая кровь, цель которой — растерзать все на своем пути.

Но неприятное наваждение было тут же снято его обаятельной улыбкой.

— Одобряю вашу решительность и твердость, и разделяю их. Любой ценой — только этому убеждению я обязан своей карьерой. В работе я не знаю поражений, и только потому, что добиваюсь победы любой ценой.

— Надеюсь, что вы победите и на этот раз.

— Иначе и быть не может. Кстати, не пора ли нам перейти на «ты»?

Допив вино, они покинули ресторан. Джек Рэндэл вызвался отвезти ее домой, и Кэрол не возражала.

Холодный ветер заставил ее задрожать, как только они вышли на улицу, и Кэрол пожалела о том, что так легко сегодня оделась. Ноги в тоненьких колготках покрылись гусиной кожей, холод забрался под юбку и ледяной рукой сжал ее тело.

Кэрол украдкой поежилась. Она ненавидела холод. Он вызывал страшные болезненные воспоминания, о которых она пыталась забыть.

В машине, где Джек немедленно включил отопление, она почувствовала себя намного лучше. Не спеша, они ехали по вечернему городу, освещенному многочисленными яркими огнями. Чувство дискомфорта, которое сковывало ее в обществе Джека Рэндэла, немного отступило, она поняла, что даже испытывает некоторое удовольствие от его присутствия. Он

заряжал своей неумной энергией, уверенностью, силой. Рядом с ним она ощущала себя всемогущей. Когда тебя поддерживает такой человек, как он, сразу появляется ощущение, что тебе, как и ему, море по колено. И Кэрол это нравилось. И мужчина этот ей тоже нравился.

Нравился его всегда безупречный внешний вид, из-за которого она когда-то про себя называла его пижоном. Он был очень симпатичен и обаятелен, обходителен и вежлив... когда не бывал груб и резок, что, к сожалению, не было редкостью, как позже узнала Кэрол. Тогда, уже потом, когда ей пришлось сталкиваться с этими чертами его характера, в такие моменты ей хотелось немедленно убежать, и она мстила ему тем, что вспоминала его потерянный и напуганный вид в самолете, забавляясь в душе. Если бы он догадался об этом, наверное, лопнул бы от злости. Кэрол готова была терпеть его нрав, только бы он помог Мэтту. За это она заранее прощала ему все, даже если он будет орать, хамить и насмехаться.

Когда они приехали, он вежливо вышел из машины и проводил ее до дверей.

— Вы обещали Аккурсио навещать его, но так ни разу и не пришли. Он обижается, — с улыбкой заметила Кэрол. — Зайдете?

— Зайду, — просто ответил он. — Если перестанешь мне «выкать». На «вы» ко мне обращаются только малознакомые или незнакомые люди.

— Хорошо.

Они вошли в теплый освещенный холл. Кэрол торопливо скинула куртку и повернулась к Джеку, но он отрицательно качнул головой.

— Я на минутку. Чертовски сегодня устал.

— Кустик! Кустик, ты где? — позвала она, не став настаивать, чтобы адвокат разделся. Он действительно выглядел усталым.

Со стороны кухни показался котенок и резво подбежал к ним. Подобрал плащ, Джек присел и с улыбкой погладил белоснежную пушистую спинку котенка.

— Привет, малыш! Как ты подрос...

— Кэрол, где тебя черти носят? Я уже испереживался! На свидание бегала, что ли? Предупреждать надо! Приедет Куртни, все расскажу!

Кэрол подняла голову на Рэя, спускающегося с лестницы.

— Привет, Рэй. У меня были дела, — примирительно ответила она.

— Да ладно, рассказывай! Дела! С кем? — с издевкой усмехнулся он. — С каким-нибудь молодым ловеласом, желающим залезть тебе под коротенькую юбочку?

Он засмеялся. Кэрол уже давно привыкла к подобным шуткам и колкостям с его стороны, но сейчас она покраснела от неловкости и стыда.

Джек Рэндэл медленно поднялся и посмотрел на Рэя, который до сих пор не мог его видеть. От изумления тот приоткрыл рот.

— Здравствуйте, — растерянно выдавил он. — Джек Рэндэл, если не ошибаюсь?

Адвокат одним кивком одновременно поприветствовал его и подтвердил его предположения. Рэй улыбнулся и подошел к нему, протягивая руку.

— Рэй Мэтчисон.

— Очень приятно, — вежливо, но немного прохладно проговорил Джек, пожимая его руку.

— Давно хотел с вами познакомиться, да все никак не получалось. Столько о вас слышан! Кэрол, почему держишь гостя в дверях? Проходите, прошу вас. Выпьете что-нибудь?

— Нет, спасибо. К сожалению, я должен идти.

— К сожалению, я вас не отпускаю. Я слишком долго ждал знакомства с вами. Десять минут, более я вас не задержу, если сами того не захотите. Хорошо?

Кэрол была уверена, что Джек Рэндэл откажется, но он молча снял плащ, который она тут же взяла у него. Она заметила, что он смотрит на Рэя со скрытым удивлением и любопытством, и, пока тот доставал из бара стаканы, внимательно изучал его заинтересованным взглядом. Он пытался представить его отцом взрослой девушки, и не мог. И чем больше он его разглядывал, тем тяжелее было в это поверить. Сомнение было на его лице все время, пока он смотрел на Рэя, устроившись в большом кожаном кресле.

Кэрол присела напротив, ощущая неловкость из-за того, что Рэй его задерживает. Кустик заискивающе терся о ноги Джека, оставляя белую шерсть на темных брюках.

— Виски, коньяк, вино, холодное пиво? — поинтересовался Рэй, проигнорировав то, что гость уже отказался от выпивки.

— Коньяк, — невозмутимо отозвался Джек.

Кэрол знала, что Рэй выберет для него лучший коньяк из своей коллекции.

— Кэрол, организуй-ка быстренько что-нибудь к коньячку, — скомандовал он.

Девушка поднялась и послушно отправилась на кухню. Кустик бросился следом. Готовя закуску, она думала о том, не обидели ли Джека слова Рэя, которые тот ляпнул, не догадываясь о его присутствии. Когда она встала, чтобы идти на кухню, то заметила, как взгляд адвоката скользнул по ее короткой юбке и ниже. Видимо, слова Рэя не остались незамеченными. Она с удовольствием треснула бы Рэя за это по башке. Он думает, что если у него в голове только одна мысль — залезть кому-нибудь под юбку, то и у других тоже! Идиот!

Вернувшись в гостиную, она поставила закуску на столик и растерянно посмотрела на Рэя, не зная, как поступить — уйти или остаться.

— Садись, что стоишь?

Она присела и взяла на руки следовавшего за ней по пятам Кустика.

— Кэрол опять передавала вам документы Куртни? — поинтересовался Рэй.

Встретившись с вопросительным взглядом Джека, она сконфужено опустила голову.

— На этот раз нет, — с улыбкой ответил он.

Но Рэя этот неопределенный ответ не устроил.

— Тогда что?

Джек смерил его мрачным взглядом. Ему явно не понравилась настойчивость Рэя, сующего нос в их дела. Он понял, что Рэй ничего не знает о Мэттью Ландже.

— Я просто заехал к Кэрол в университет и пригласил в ресторан, — спокойно сказал Джек, но в его голосе был лед.

— Ага! Значит, все-таки, свидание! — Рэй, не замечая недовольства собеседника, бросил на Кэрол возмущенный взгляд, негодуя на то, что соврала. — Она тебе нравится, Джек?

Кэрол с радостью провалилась бы сейчас сквозь землю. Почему Рэй так себя ведет, как он смеет лезть в ее дела? Она уже сто раз пожалела, что пригласила Джека зайти, не подумав, что они могут столкнуться с Рэем.

— Нравится.

Кэрол надеялась, что Рэй не станет задавать ей такие нелепые вопросы. Она не сможет так невозмутимо себя вести, как Джек Рэндэл. Вообще удивительно, как это он до сих пор не

послал Рэя куда подальше?

Но Рэй успокоился, удовлетворив свое любопытство, и сменил тему.

Кэрол перевела дыхание, немного расслабившись. Украдкой она покосилась на Джека, ожидая увидеть сердитое недовольное лицо, но он перехватил ее взгляд веселыми смеющимися глазами и ободряюще подмигнул. В отличие от девушки, его эта ситуация позабавила. Кэрол выдавила извиняющуюся улыбку и обескуражено пожалала плечами.

— Джек, как ты смотришь на то, чтобы на выходных сразиться на корте?

— Я не играю в теннис.

— Жаль, — искренне расстроился Рэй. — А начать не желаешь?

Джек улыбнулся и пожал плечами.

— Можно было бы, но работа отнимает у меня все время и все силы.

— Знаешь, какой прилив бодрости получишь после того, как разомнешься на корте? Это стоит того, чтобы выделить время! Кэрол тоже по — началу не хотела, помнишь, Кэрол? А теперь дает мне такого жару на каждые выходные, что я начинаю чувствовать себя старым и неуклюжим. И, вообще, мужчине нужен спорт! Ну, что, Джек, по рукам?

— Я подумаю, — деликатно ответил тот и бросил взгляд на часы. — К сожалению, мне пора. Приятно было познакомиться, Рэй.

Он поднялся, пожав руку Рэю.

— Я провожу, — Кэрол тоже встала, спустив котенка на пол.

— Спасибо за коньяк. Откровенно говоря, никогда не пробовал ничего подобного! — искренне восхитился Джек.

Рэй мгновенно просиял.

— Ты еще мою коллекцию не видел!

— Надеюсь, ты мне ее покажешь... как-нибудь.

Джек вышел в холл за девушкой и взял из ее рук плащ, который она ему подала.

— Джек, извини, пожалуйста... если бы я знала...

— Это ты извини, что я позволил ему подумать, что между нами иные отношения. Но мне кажется, что в данной ситуации это единственный выход, если ты не хочешь, чтобы он знал о Мэттью Ландже. Нам придется общаться по ходу дела, мне придется звонить сюда, да и встречаться будем довольно часто, поэтому тебе будет сложно объяснить, что тебя связывает с таким адвокатом, как я. Думаю, он замучает тебя вопросами.

— Да уж! — вздохнула Кэрол. — Спасибо. Ты не только помогаешь мне, но еще и прикрываешь.

— Конфиденциальность — право любого, кто обращается к адвокату.

— Но не таким же образом! — засмеялась девушка.

— А что такого? Подумаешь! Пусть думает, что у нас роман, и не достает своими вопросами! А что до меня, так от этого от меня не убавится. Я тебе позвоню. Спокойной ночи!

Кэрол закрыла за ним дверь и направилась в свою комнату, пребывая в прекрасном расположении духа.

— Ну, и зануда! — услышала она голос Рэя, который появился из гостиной и поспешил сообщить ей свое мнение о Джеке Рэндэле. — Куда пошла? А ну-ка, расскажи, как это ты умудрилась сразу подцепить такого мужика, а? То ни одного простого парня не было, а то вдруг сам Джек Рэндэл!

— Считаешь, что я не могу понравиться такому, как он? Я что, такая дура и уродина? —

обиделась Кэрол.

— Да, нет, ты очень даже хорошенькая. Чем черт не шутит, наверное, и вправду приглянулась, раз он не побоялся в этом признаться. И давно это у вас?

— Нет.

— Думаешь, у него это серьезно? Может, просто развлечься хочет?

Кэрол промолчала, подумав, что опять Рэй судит о других по себе.

— Переспали уже?

— Отстань, дурак!

Она побежала вверх по лестнице, желая скрыться от него поскорее в своей комнате.

— А мне он не понравился! — закричал ей вслед Рэй. — Темный тип! Поосторожней с ним, слышишь, глупая? Я бы с таким не связывался!

Он отхлебнул коньяка и задумчиво сказал уже сам себе:

— Может, адвокат он и хороший, но человек — хреновый!

Как и в прошлый раз, Джек Рэндэл заехал за ней утром и, минуто пообщавшись с Аккурсио, отошел к машине, ожидая, пока Кэрол занесет котенка в дом и запрет двери. Присев на крыло идеально чистой сияющей машины, он неторопливо курил, наблюдая за девушкой.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — заметил он, когда она подошла. Кэрол зарделась от удовольствия, но его следующие слова обидели ее.

— А если бы ты оделась, как девочка, хвостики бы бантиками завязала, ты понравилась бы ему еще больше. Но, думаю, сексуальные муки его замучают и без этого.

Кэрол залилась румянцем, и улыбка растаяла у нее на губах. Джек распахнул перед ней дверь, и она села в машину, ничего не ответив. Похоже, он сегодня был не в настроении. Не выспался, что ли? Или злится, что приходится откладывать другие дела и весь день тратить на эту поездку? Может, не хочет заниматься этим делом, а отказаться уже не может, потому что пообещал?

— Джек, если не хотите, давайте никуда не полетим. У вас, наверное, есть более важные дела, — робко, пытаясь не показать обиду, проговорила она. — А если вы передумали...

— Я не передумал! — резко отозвался он.

Помолчав, он глубоко вздохнул и бросил на девушку раскаивающийся взгляд. Она смотрела в окно, пряча от него грустное лицо. Протянув руку, он коснулся ее пальцев.

— Ну, прости меня. Просто я вдруг подумал, если он все-таки и есть тот больной извращенец, и, когда я добьюсь для него свободы... что он может сделать с тобой, подумать даже страшно.

— Не стоит беспокоиться, — холодно заверила Кэрол, так и не простив ему хамства. — Я уже не девочка и бантиков не ношу, так что я вне опасности.

— Надеюсь, — мрачно проговорил адвокат и замолчал, не желая далее поддерживать разговор.

Кэрол тоже не хотелось с ним разговаривать.

Она действительно сегодня очень постаралась над своей внешностью, ей хотелось понравиться Мэтту.

Страшно как хотелось.

Смотря утром на свое отражение в зеркале, она долго не могла заставить себя оторваться от него. Ей не нравилась своя внешность из-за сильного сходства с Элен, но, если отбросить неприятные воспоминания о матери и посмотреть беспристрастно, то Кэрол не могла быть недовольна. Она не знала, можно ли ее назвать красивой, но «симпатичной» она была точно.

Конечно, ей хотелось бы иметь яркие синие глаза Рэя, которые способны были растопить самое холодное сердце, но ей достались большие глаза матери прозрачного голубого оттенка с темной серой каймой вокруг радужки, отчего взгляд казался пронзительным и проникновенным. Различие было лишь в том, что у Элен в глазах была злоба и ненависть, а у нее — тихая таинственная печаль. Кэрол не нравилось грустное

выражение своих глаз, и она всеми силами пыталась это изменить. Ей очень хотелось иметь такие глаза, как у Эмми — смеющиеся и озорные.

Высокие скулы, нежный румянец, красивой формы брови, аккуратный носик, чувственные розовые губы, чистая бархатистая кожа, тонкий овал лица — все вместе это выглядело довольно неплохо, особенно в сочетании с умело нанесенным макияжем.

Когда Кэрол любовалась в зеркало с хорошим настроением и довольная собой, она с радостью признавала себя красавицей. Когда настроение было обычное, снисходительно называла свое отражение «милашка». А дурное расположение духа вообще не располагало к созерцанию себя в зеркале, потому что оттуда смотрела угрюмая Элен, и Кэрол в сердцах бросала ей ненавистное «чудовище».

Как-то раз, случайно услышав как Кэрол, проходя мимо зеркала, обозвала себя чудовищем, Куртни пришла в такое замешательство, что решила немедленно выяснить, почему это такая красивая девочка такого нелестного о себе мнения.

— Потому что я похожа на мать. А она — чудовище, — объяснила тогда ей Кэрол.

— Она — может быть, но не ты! — горячо возразила Куртни.

— Откуда ты знаешь? Может, я такая же, как она.

Эти слова обескуражили Куртни. Она поняла, что девочка боится быть похожей на мать, стать таким же «чудовищем». И она потратила немало сил, чтобы убедить Кэрол, что ее страхи беспочвенны, что мать отдала ей лучшее, что у нее было — свою красоту, а жестокость и ненависть оставила себе.

Вьющиеся светлые волосы Кэрол отливали красивым золотистым оттенком. Девушке нравились озорные завитушки, потому что они развеивали грусть, лучащуюся из глаз. Она с любовью заботилась о них, разделяя локоны на вьющиеся пряди с помощью мусса для волос, старательно укладывая каждую. Их с Куртни личный парикмахер был непревзойденным мастером и безошибочно определял, кому какая прическа и цвет волос подойдет лучше всего. Кэрол часто его посещала, как и салоны красоты, и тренажерный зал, но, благодаря ему, научилась сама неплохо справляться со своими волосами. Куртни выработала в ней привычку всегда, несмотря на настроение и недомогания, через не хочу, в крайнем случае, следить и ухаживать за собой. Она научила Кэрол одеваться, со вкусом и соответственно случаю, научила выглядеть дорого, красиво и изысканно. Даже в самой скромной и простой на вид одежде, где только знающий глаз мог определить, что она, на самом деле, стоит не малых денег, они выделялись и привлекали внимание выхоленной, отточенной до мелочей внешностью. Таковой была Куртни, и Кэрол она вылепила подобно себе. Кэрол всегда пыталась ей в этом подражать, не уставая учиться и постигать науку женской привлекательности, потому что такими женщинами всегда восхищались, им завидовали и пытались подражать. И ей нравились полные зависти и скрытой злобы взгляды девушек в университете, заинтересованные и заискивающие — женщин постарше, и одобрительные и восхищенные — мужчин. Она делилась секретами красоты с теми, кто не изрыгал на нее ядовитую зависть, искренне уважали в ней умение так хорошо выглядеть и не считали зазорным поучиться этому у молодой девчонки.

У Кэрол была хорошая фигура, подтянутая и стройная, и молодость, конечно, играла в этом не последнюю роль, но и регулярные занятия в тренажерном зале внесли в это свой немалый вклад. Она не придерживалась диет, как Куртни, ела, что хотела и сколько хотела, не задумываясь пока над тем, что не набирает лишний вес, потому что не перебарщивает с пищей, или благодаря тренировкам и игре в теннис.

Но, в основном, она себя недооценивала. К ухоженной аккуратной внешности она привыкла и уже не замечала этого, редко вспоминая о том, что это сильно выделяет ее на людях. Ей хотелось быть более красивой, что противоречило желанию не привлекать внимания мужчин, которое ее пугало.

Но теперь, наконец-то, появился тот, которому ей захотелось понравиться, заинтересовать. Тот, кого она так долго ждала. Он не такой, как все, она ему верила, не боялась, что он обидит или причинит боль.

Она старательно нанесла макияж, уложила каждую кудрявую прядь длинных шелковистых волос, коснулась шеи и запястий любимыми духами, которые подарила ей Куртни на День рождения и о стоимости которых Кэрол старалась не вспоминать. Кэрол берегла эти духи и пользовалась только по особым случаям.

Ей хотелось быть сегодня красивой, как никогда, но она не забывала, куда едет, и выбирала одежду, подходящую случаю, никогда не изменяя этому непреклонному правилу. Она выбрала узкие брюки нежно — голубого цвета, превосходно сидящие на ее стройной фигуре, белую блузку и короткую ветровку, гармонирующую по цвету с брюками. Небо было серым и мрачным, сильный ветер гнал по нему тяжелые темные облака, и Кэрол не исключала возможность холодного ливня, поэтому не стала рисковать, решив накинуть куртку и захватив большой зонт. Ее сомнения по этому поводу пропали, когда она увидела, что Джек Рэндэл разделял ее мнение и нежелание мокнуть под дождем и дрожать под пронзительным ветром, накинув плащ.

Обув белые короткие замшевые сапожки на высокой шпильке, она довершила свой образ изящной сумочкой. Покидая комнату, Кэрол была крайне довольна собой. Но Джек Рэндэл быстро вывел ее из этого приятного состояния. Может, он действительно считал, что ей не стоило бы привлекать излишнего внимания Мэтта, опасаясь за ее безопасность? Но во второй фразе, где он упомянул о муках определенного характера, Кэрол ясно услышала осуждение. Наверное, он, по-своему, был прав. Ей хотелось быть красивой и понравиться Мэтту именно как женщина, но она не подумала о том, что он — мужчина, семь лет не прикасавшийся к женщине. Джек Рэндэл воспринял это как жестокое издевательство над заключенным, и, как мужчину, его это возмутило.

Благодаря ему, Кэрол теперь чувствовала себя сконфуженно и виновато. Ей совсем не хотелось дразнить Мэтта, а тем более, причинять какие-либо «муки», ей просто хотелось понравиться. А Джек Рэндэл все испортил, включая и ее настроение.

После его слов Кэрол с трудом подавила желание развернуться и уйти, послав его к черту. Чтобы там ни было, ничто не дает ему право так с ней разговаривать. Но она потерпит. Если она что и умела в жизни, так это терпеть. Грубость, боль, унижения. По сравнению с тем, что ей довелось вытерпеть от матери, вспышки отвратительного нрава Джека Рэндэла — ничто.

Она выкинула из сердца обиду, заставив себя думать только о том, что он очень помог ей и продолжает это делать. И это был весьма веский аргумент для извинения его поведения.

В самолете, когда тот начал набирать высоту, он положил ладонь на ее кисть и непроизвольно вдавил в ручку кресла, на этот раз сам ища у нее поддержки. Украдкой взглянув на него, Кэрол почувствовала, как внутри шевельнулось сочувствие, и, развернув ладонь вверх, нежно сжала его красивую руку. Он ответил тем же, и получилось, что пальцы их переплелись, что сильно смутило Кэрол. Было в этом что-то, нарушающее их деловые поверхностные отношения и даже не укладывающиеся в рамки дружеских, хотя таковыми их

тоже назвать нельзя, что-то интимное, волнующее.

Но Джек, видимо, не чувствовал того, что почувствовала она, продолжая сжимать ее руку, как спасительную соломинку. Кэрол откинула голову на мягкое кресло и закрыла глаза, пытаясь подавить легкое головокружение от взлета и думая о том, как странно видеть то, что такой сильный человек, как Джек Рэндэл, не может справиться со страхом, ища поддержки у хрупкой девушки, словно она могла удержать самолет от падения.

Самолет выровнялся, Кэрол почувствовала, как пальцы его немного расслабились. Подавив тяжелый вздох, он прижался затылком к спинке кресла и отвернулся к иллюминатору. Кэрол ждала, когда он освободит ее руку, но время шло, а он этого не делал, сама же она не решалась, боясь его обидеть. Осторожно, стараясь остаться не замеченной, она заглянула ему в лицо.

Он спал. Улыбнувшись, она попыталась вытащить руку из-под его ладони, но стоило ей пошевелиться, как он проснулся и повернулся к ней.

— О, извини, я не хотела тебя будить, — виновато улыбнулась она.

Сообразив, что она хотела освободить руку, он отпустил ее и устало потер пальцами глаза, сгоняя сон.

Он выглядел очень усталым, и Кэрол почувствовала угрызения совести оттого, что не дала ему отдохнуть. Судя по всему, ночью он не спал или спал очень мало.

Но уже через десять минут он снова вырубился. Не пожелав откинуть спинку кресла, чтобы подремать, он упрямо боролся с усталостью, но та быстро взяла над ним верх, сморив глубоким сном.

Медленно он сполз по креслу и уронил голову на плечо девушки.

На этот раз Кэрол не посмела пошевелиться, боясь опять прервать его чуткий сон. К тому же, если она отодвинется, он попросту свалится ей на колени. Он, конечно, проснется, но все равно получится конфуз.

Закрыв глаза, она расслабилась, невольно приюхиваясь к резкому приятному запаху его одеколона, смешанному с запахом табака. И почему-то сердце ее билось сильнее, чем обычно. Наверное, это потому, что никогда еще мужчина не был так близко, как сейчас. Подонка, с которым ей пришлось столкнуться в мотеле, и по вине которого она шарахалась до сих пор от всех мужчин подряд, она не считала.

И вдруг она почувствовала, как остро ей не хватает всего этого — мужской любви, нежных рукопожатий, этой интимности, этого волнения, этого мужского запаха и ощущения близости. Ей хотелось большего. Всего.

Настоящей полноценной любви, которая может быть между мужчиной и женщиной, о которой судила пока только со стороны, и чего никогда не было с ней. Господи, стыдно подумать, что в ее годы она еще не знает, что такое поцелуй мужчины. Она, конечно, сама в этом виновата.

Когда самолет приземлился, Кэрол нерешительно коснулась плеча своего спутника.

— Джек!

Подняв голову, он сонно посмотрел на нее.

— Мы прилетели.

Сообразив, что спал на ее плече, он поспешно выпрямился и бросил взгляд в окно, словно хотел убедиться, что она говорит правду.

— Надо же! — пробормотал он себе под нос, расстегивая ремни безопасности. — Впервые в жизни заснул во время полета!

Кэрол видела, как слипаются его веки, а под глазами залегли темные тени, и почувствовала укол совести. Было очевидно, что он нуждается в отдыхе. Но, если так, какая необходимость была лететь с ней именно сегодня, а не отложить на завтра, например? Почему нельзя сделать себе выходной и не отдохнуть, ведь он сам себе начальник? Кэрол не понимала, зачем заниматься работой вот так, до изнеможения, когда в этом не было острой нужды. Он не доедает последний кусок хлеба, карьеру уже сделал, он знаменит, богат, имеет собственное агентство — к чему работать на износ?

Кэрол думала об этом всю дорогу до тюрьмы, украдкой наблюдая за ним с заднего сиденья, и, в конце концов, не удержалась от вопроса.

— Джек, ты по-прежнему работаешь без выходных?

Он встрепенулся и оторвал голову от спинки кресла, и девушка поняла, что он опять задремал.

— Что вы... ты спросила?

— Я спросила о том, что меня не касается — ты когда-нибудь отдыхаешь?

— Конечно, я же не робот! К сожалению.

— Я же вижу, что ты не спал и очень устал. Почему бы не сделать себе выходной?

— Зачем?

— Ну, хотя бы затем, чтобы выспаться.

— Терять целый день на то, чтобы спать? Нет уж, отосплюсь на том свете.

— Но так нельзя! Человеку нужно отдыхать, для этого и придумали выходные!

— На отдых отведена ночь.

— Но, как мне кажется, ты и этим пренебрегаешь.

— Совсем нет. Иногда.

— Неужели не хочется отвлечься от работы и провести день в свое удовольствие?

— Мое удовольствие — это моя работа, — он улыбнулся. — Ты, наверное, будешь удивлена, но больше меня ничего не интересует. Для меня нет ничего более невыносимого, чем сидеть дома. Тоска зеленая.

Кэрол недоверчиво смотрела на него. Она представить себе не могла, чтобы не хотелось поваляться в постельке утром, посмотреть телевизор, или просто заняться чем-нибудь, не имеющим никакого отношения к работе. Это, должно быть, ужасно, когда вся твоя жизнь — это только работа! Вот где тоска зеленая!

Он засмеялся, прочитав ее мысли у нее на лице.

— Таких, как я, называют трудоголиками. Фанатики любимого дела, приносящие ему в жертву все и лишаящие себя всего остального, без чего не могут обойтись другие люди.

— Семьи, например, — робко заметила Кэрол.

— Да, — он невозмутимо пожал плечом.

— Неужели не хочется иметь семью? Жену, детей? — не удержалась девушка, все больше его не понимая и не одобряя.

— Может быть, когда-нибудь... потом! А пока они мне будут только мешать. Успеется, я только жить начал! Всему должно быть свое время.

Кэрол оставалось только пожать плечами, потому что слов у нее не было. Такому, как он, трудоголику, говоря его словами, вообще жениться не стоит, раз кроме работы его ничего не интересует в этом мире. Не говоря уже о его бешеном нраве и мерзком темпераменте, которыми он славился не меньше, чем талантом и умом. А если он все-таки «может быть когда-нибудь потом» надумает жениться, то Кэрол уже заранее сочувствовала его

избраннице. Тяжело ей с ним придется. Попробуй ему слово поперек сказать или не угодить — пожалеешь сразу обо всем на свете.

«Нет, его лучше иметь в друзьях», — сделала вывод Кэрол.

Да, ей бы очень хотелось, чтобы он стал ей другом. В желании этом была корысть и расчет, но она этого не стыдилась. Что плохого в том, что ей хочется иметь поддержку такого сильного и надежного человека?

Только она, скорее всего, не единственная, кто этого хочет. И Джек Рэндэл вряд ли разделял ее желание связаться узами дружбы. Он человек корыстный, и друзей заводил по расчету. А она вряд ли чем-нибудь сможет быть ему полезной. Единственное, что она никак не могла понять — почему он ей помогает. У Кэрол было только два ответа на этот вопрос — или его попросила Куртни, или ему самому интересно дело Мэттью Ланджа. Но это не имело значения. Главное, что он помогает.

Когда они оказались на территории тюрьмы, у Кэрол вылетели из головы все мысли, кроме одной — о Мэтте. Она трепетала от радости, предвкушая их встречу. Она торопливо следовала за Джеком, приноравливаясь к его широкому энергичному шагу, чувствуя себя немного сконфужено из-за звонкого стука своих каблуков, которые резко нарушали тишину коридоров.

Офицер, сопровождающий их, бросал в ее сторону недвусмысленные взгляды, но она делала вид, что ничего не замечает. Как всегда.

Когда они оказались в небольшой глухой комнатке, отведенной им для встречи с заключенным, и офицер остался за дверью, девушка облегченно вздохнула и сразу расслабилась. Поймав насмешливый взгляд адвоката, она смущенно отвела глаза.

— Ты ему понравилась, — он кривил губы, пытаясь сдержать улыбку.

— А он мне — нет! — резко парировала она.

— Почему? Довольно симпатичный молодой человек.

— Мне так не показалось! — огрызнулась Кэрол, возмущенная тем, что он так открыто смеется над ней.

— Ах, ну да, совсем забыл, *нормальные* парни не в вашем вкусе, — ужалил он.

Кэрол проигнорировала его слова, спокойно присев на стул, и стараясь не обращать внимания, как в груди снова поднимается обида, на этот раз уже вперемежку с тихой яростью. Он выбьется из сил, если решил испытывать ее терпение. Наверное, он хочет, чтобы она сорвалась, дабы у него появился повод отказаться ей помогать. Не дождется.

Сняв курточку, она повесила ее на спинку стула.

— Здесь есть вешалка, — сказал он, пристраивая свой плащ на крючок на стене.

— Благодарю, моей курточке вполне удобно и здесь, — отозвалась Кэрол.

Открылась дверь, и она увидела Мэтта. Радостно подскочив, она шагнула ему навстречу.

— Приближаться к заключенному запрещено, — остановил ее голос офицера.

Изможденное лицо Мэтта осветилось такой радостью, когда он увидел девушку, что она зарделась от удовольствия.

— Боже, котенок, ты здесь! Глазам не верю! — воскликнул он. — Я даже не надеялся увидеть тебя когда-нибудь.

Офицер велел ему сесть, и Мэтт послушно опустился на стул, не отрывая сияющих глаз от девушки.

— Как ты? — участливо поинтересовалась Кэрол.

— С того дня, когда появилась ты — хорошо. А когда принесли твои письма, мне снова

захотелось жить.

— Значит, все-таки, получил, — улыбнулась она. — Я боялась, что это тоже запрещено.

— Нет. Спасибо, котенок. Особенно за это, — он вынул из нагрудного кармана ее фотографию, которую она вложила в одно из писем. — Теперь я не один. Со мной всегда ты.

Подождав, когда офицер выйдет за дверь, Кэрол придвинула свой стул поближе к Мэтту, и взяла его за грубые, скованные наручниками руки.

— Послушай меня, Мэтт, — она пристально посмотрела ему в глаза. — Ты не должен сдаваться. Помнишь Джека Рэндэла?

— Помню, — угрюмо ответил Мэтт, бросив на адвоката недружелюбный взгляд.

— Этот человек умеет творить чудеса. И он согласился помочь нам. Ты понимаешь, о чем я говорю? Он попытается дать тебе свободу.

— Побег устроит, что ли? — усмехнулся Мэтт.

— Нет. Он...

— Кэрол, позволь мне, — перебил Джек, подходя к столу.

Опершись о столешницу одной рукой, он другую спрятал в карман брюк и слегка наклонился к заключенному, поймав его под прицел своих колочих глаз.

— Я попытаюсь тебе помочь, Ландж. Скажу больше, я вытащу тебя отсюда. С тебя снимут обвинение, и ты будешь чист и свободен.

— Как это? — опешил Мэтт, недоуменно смотря на него.

— Как — тебя не касается. Это уже мое дело.

— Но... это невозможно, — заикаясь, возразил Мэтт в полной растерянности.

— Мне лучше знать, что возможно, а что нет.

Кэрол горячо закивала, подтверждая его слова.

Мэтт подозрительно сощурил глаза, пристально изучая адвоката.

— А зачем тебе мне помогать?

— Этим ты обязан только этой девушке, — Джек повернулся к Кэрол. — Тебе повезло, приятель, что повстречал ее. Иначе гнить бы тебе здесь до конца жизни.

— Нет, Мэтт. Я ничего не могу сделать, чтобы спасти тебя. Это будет делать Джек. Без него у нас нет шансов.

— Сомневаюсь, что они есть даже с ним, — покачал головой Мэтт.

— Сомневаешься — сиди здесь и дальше, — Джек выпрямился и с совершенно равнодушным видом прикурил сигарету.

— Можно? — Мэтт протянул руки к пачке с сигаретами, которую адвокат уже почти спрятал в карман. Джек молча положил пачку с зажигалкой перед ним на стол и сел на стул.

— И что ты хочешь за свою помощь? — спросил Мэтт, прикурив и с удовольствием затаившись.

— Что обычно хотят люди за свою работу?

— Сколько?

Джек безразлично пожал плечами.

— Сколько? — требовательно повторил Мэтт.

— А тебе-то какое дело? Меня наняла Кэрол, а не ты, с ней мы уже этот вопрос решили.

— Нет, я так не согласен! Ты помогаешь мне, и платить тебе буду я!

— Послушай, мы тратим время попусту, обсуждая не то, что нужно! Мне все равно, кто мне будет платить. Я вообще не хочу брать денег, это Кэрол настаивает.

— Не хочешь? Почему?

Джек начал терять терпение.

— Я готов заниматься твоим делом бесплатно, потому что оно мне интересно, ясно? Профессиональный интерес. Люблю сложные запутанные дела, люблю бросать вызов, шагать по головам и плевать в морду тем, кто сомневается в моем успехе. Достаточно понятно объяснил? А про деньги тебе советую помалкивать. Мои услуги стоят столько, что тебе до конца жизни не расплатиться со мной. А размеры гонорара я никогда не занижаю, принцип у меня такой, гордость, честолюбие, называй, как хочешь. Но я не всегда беру деньги. Будешь мне должен, и когда-нибудь я тебе об этом напомню, попросив об услуге. Договорились?

— Если ты вытащишь меня отсюда, я буду должен тебе до тех пор, пока дышу. И я сделаю все, о чем бы ты ни попросил, — Мэтт крепко сжал неопрятной грубоватой рукой изящную кисть адвоката.

— У меня два условия, — заявил тот. — Первое — ты делаешь все, что я скажу. Второе — не достаешь меня вопросами. Согласен?

— Ради возможности вернуться к жизни, я согласен на все, — с затаенной грустью ответил Мэтт.

— Что ж, тогда начнем с детектора лжи.

— Зачем?

— Так, ты сразу начинаешь нарушать правила. Так нужно, ясно?

— Сомневаетесь в том, что я невиновен, — Мэтт горько ухмыльнулся.

— Чтобы чего-то добиться, я должен знать всю правду. Какой бы она не была. Об этом деле я должен знать *все*. Только так я смогу тебе помочь. И только на таких условиях. Если ты говоришь правду, тебе нечего бояться. Показания на детекторе лжи пойдут только тебе на пользу.

Джек пронзал его пристальным взглядом, но Мэтт больше не смотрел на него, не отрывая глаз от встревоженного лица девушки.

— Ты можешь отказаться. Тебя никто не принуждает, — заметил адвокат.

— Нет, я согласен, — Мэтт нежно улыбнулся Кэрол, которая устремила на Джека торжествующий взгляд.

— Тогда не будем терять время, — адвокат поднялся и, пройдя через комнату, нетерпеливо постучал в металлическую дверь. Лязгнул замок, и на пороге появился офицер.

— Будьте добры, пригласите сюда Майка Карри. Он ожидает в приемной. Мистер Бон дал свое разрешение. Можете уточнить, если желаете.

Кивнув, офицер снова закрыл дверь. Кэрол услышала его сильный голос, отдающий кому-то распоряжение осведомиться у начальника о некоем Майке Карри.

— Джек добьется разрешения на свидания. Ты сможешь увидеть маму, — сказала Кэрол, лаская взглядом красивое лицо Мэтта. — Она очень скучает по тебе.

— Она мне писала, как ты о ней заботишься. Спасибо, котенок, у меня просто нет слов. Я даже не знаю, чем это заслужил.

— Знаешь.

Он протянул к ней открытые ладони, положив скованные руки на стол. Кэрол с трепетом прикоснулась к его рукам, разглядывая их и невольно сравнивая с руками Джека Рэндэла. Как они отличались! Сильные и крепкие, с грубой мозолистой кожей на ладонях, с ясно выделяющимися и немного выступающими венами. Руки профессионального водителя, руки работника, руки мужчины. Может, не такие красивые и ухоженные, но от их

прикосновения Кэрол бросало в жар.

От него не пахло дорогим одеколоном, волосы не блестели здоровьем и не были красиво подстрижены, а грубая тюремная одежда не придавала шарма и элегантности, подобные тем, которыми был наделен Джек Рэндэл. Худое лицо с потемневшей кожей, впалые щеки, появившиеся раньше времени тонкие морщинки между бровей, вокруг глаз и в уголках печального рта, усталый потухший взгляд, в котором явно не доставало самоуверенности и оптимизма. Кэрол не знала, зачем она сравнивает этих двух таких разных мужчин. Несмотря на то, что Мэтт в этом сравнении проигрывал Джеку, в ее глазах все было наоборот. Она видела перед собой красивого, но измученного и отчаявшегося мужчину, изрядно потрепанного жизнью. Она рисовала в своем воображении, как он изменится, когда выйдет отсюда. Ему всего лишь нужно немного поправиться, сделать подходящую стрижку и хорошо модно одеться. И мужчина будет — просто зашатаешься! Она сама об этом позаботится.

И сейчас, чувствуя, как мечты переполняют ее, как нежно и сладко бьется сердце, как дрожит рука в его крепкой жесткой ладони, она поняла, что Куртни была права. Похоже, она действительно влюблена.

Сделав для себя это неожиданное и волнующее открытие, Кэрол опустила глаза, заливаясь румянцем. Но он по-прежнему не отрывал от нее взгляд, и когда Кэрол осмелилась поднять глаза, ласково и немного грустно улыбнулся ей. Она поняла, что он знает. Он догадался об ее чувствах раньше, чем она сама.

Приподняв ее руку, он робко коснулся губами тонких пальчиков.

И вдруг в глазах его молнией вспыхнула страсть, но он тут же опустил взгляд, чтобы она не заметила. Но она заметила.

Джек Рэндэл раздраженно подкатил глаза, как человек, презирающий подобные сентиментальные сцены. Он чувствовал себя лишним, но его этот факт ни чуть не смущал. Наоборот, он без зазрения совести открыто наблюдал за ними, небрежно прислонившись плечом к стене и попыхивая сигаретой. Мэтт не видел его, но зато он был в поле зрения Кэрол, которую задел и смутил его пристальный, не лишенный иронии взгляд. Он демонстративно провел пальцем под глазами, делая вид, что вытирает слезы.

Кэрол отвела от него взгляд, пытаясь не обращать внимания на его насмешки. Что он понимает, этот человек, заменивший работой все радости жизни, даже любовь! Наверное, и не влюблялся никогда, иначе отнесся бы к ее чувствам хотя бы с пониманием и уважением, как все нормальные люди.

Интересно, он всегда такой, или только с ней?

Офицер впустил в комнату маленького суетливого человечка с кошачьим личиком, который что-то держал в руках.

— Здорово, Джеки! Как жизнь молодая? — бодро и весело поприветствовал он Рэндэла, который оторвался от стены и шагнул ему навстречу, приветливо улыбаясь.

— Привет, Майк! Надеюсь, я не оторвал тебя от каких-нибудь важных дел?

— Что может быть важнее нашей дружбы, парень? И твоих денежек! — лукаво добавил мужчина и засмеялся. — Шучу! Всегда к твоим услугам, ты же знаешь.

Джек представил его, не упомянув ни о профессии, ни о роде занятий.

— Как я понимаю, слушаем этого молодого человека? — Майк Карри окинул любопытным взглядом заключенного, не ожидая ответа на поставленный вопрос. — Официально или нет?

— Официально, с твоим заверенным отчетом. Короче, как положено, сам знаешь, — ответил Джек.

— Ясно, вопросов нет, — вынув из портфеля лист бумаги, он положил его перед Мэттом. — Подпиши.

— Что это? — Мэтт заглянул в документ.

— Это твое согласие на показания с использованием детектора лжи.

— Его всегда применяют только с разрешения подозреваемого? — ухмыльнулся Мэтт, ставя подпись на бумаге.

— У подозреваемых разрешения не спрашивают, а те, кто отсидел семь лет, в этой процедуре, в основном, уже не нуждаются, — сострил Джек. — Дело закрыто, ты осужден — этим все сказано. И правда никого больше не интересует. Это теперь нужно только тебе.

Мэтт промолчал, и без этого все прекрасно понимая. Он не шевелился, наблюдая, как Майк Карри проворно закрепляет на нем проводки, и казался абсолютно спокойным.

Джек попросил Кэрол отойти. Девушка стояла рядом с ним, находясь за спиной Мэтта, который не мог ее видеть.

— Я готов, — Майк Карри кивнул Джеку, который немедленно подошел к ним и сел на стул, развернув его спинкой перед собой.

— Готов? — спросил он у Мэтта.

— Да.

Майк Карри наклонился к нему и тепло улыбнулся.

— Вы волнуетесь. Вдохните поглубже и постарайтесь успокоиться. Эта штука вас не укусит. Забудьте о ней. Просто отвечайте на вопросы. Только «да» и «нет». Понятно?

— Да, — глухо ответил Мэтт и закрыл глаза, пытаясь расслабиться.

Майк Карри нажал кнопку диктофона, включив запись.

— Ваше имя Мэттью Ландж? — спросил Джек, сложив руки перед собой на спинке стула.

— Да.

— Вам тридцать семь лет?

— Да.

— Вы женаты?

— Нет.

— Были?

— Да.

— Дети есть?

— Нет.

Джек задавал вопросы ровным беспристрастным голосом, смотря на допрашиваемого почти безразличным взглядом, в котором отражалось лишь тень любопытства. Ни насмешки, ни недоверия — полная нейтральность. Простые вопросы и правильно поставленное поведение адвоката позволили Мэтту постепенно расслабиться, но не до конца. Он знал, что невинные вопросы когда-нибудь закончатся.

— Вы были знакомы с Джессикой Торн, Сарой Берон и Барбарой О'Нил?

— Да.

— Они нравились вам?

— Да.

— Вы испытывали к ним сексуальное влечение?

— Нет! — голос Мэтта зазвенел от возмущения.

— Вы когда-нибудь приглашали кого-нибудь из этих девочек пойти с вами куда-либо, в парк, например, или в кафе, либо просто погулять?

— Да.

— И они с вами ходили?

— Да.

— Вы знали, что родители девочек против?

— Нет.

— То есть, девочки не говорили вам, что родители запретили им с вами дружить?

— Нет.

— Вы любите детей?

— Да.

— И находите удовольствие в общении с ними?

— Да.

— Бывало такое, что вам хотелось причинить им боль?

— Нет.

— Есть что-то, что вас раздражает в детях?

— Нет.

— Вы любили этих девочек?

— Да.

— И вы их убили?

— Нет.

Кэрол не видела лица Мэтта, но слышала, как задрожал его голос.

— А вам хотелось когда-нибудь это сделать?

— Нет.

— Вы обижали животных в детстве?

— Нет.

— А хотелось?

— Нет.

— Вам хотелось бы иметь собственных детей?

— Да.

— Вы считаете себя неудачником?

— Да.

— Вы чувствуете злобу по отношению к благополучным людям?

— Нет.

— Зависть?

— Да.

— Вас часто обижали?

— Да.

— Вы испытывали желание отомстить?

— Нет.

— То есть, вы прощали тех, кто причинил вам какую-либо боль?

— Да.

— Вы знаете, кто мог убить этих девочек?

— Нет.

— Вы находились дома, когда совершались эти преступления?

— Да.

— Один?

— Да.

— Вы знаете человека, который бы мог подтвердить ваше алиби?

— Нет.

— Вы злоупотребляли алкоголем?

— Да.

— Из-за этого вас едва не выгнали с работы?

— Да.

— Вы садились за руль школьного автобуса в нетрезвом состоянии?

— Нет.

— Вы общались с этими девочками в нетрезвом состоянии?

— Нет.

— Вы пили, в основном, дома?

— Да.

— Когда вы пьяны, вы чувствуете агрессию?

— Нет.

— Когда были убиты девочки, вы находились в нетрезвом состоянии?

— Да.

— Вы были сильно пьяны?

— Да.

— Вы покидали свою квартиру?

— Нет.

Мэтт отвечал уверенно и быстро, не задумываясь. Джек Рэндэл задавал много вопросов, среди которых, как показалось Кэрол, были пустые и ненужные. К чему столько вопросов, когда достаточно только одного — убивал или нет. По ее мнению, Мэтт достойно выдержал эту процедуру, не смотря на то, что адвокат подбрасывал ему коварные и подковыристые вопросы. Мэтт не терялся и не запинался, не смотря на все усилия Джека.

Когда Джек закончил, наконец-то, эту пытку, и Майк Карри освободил его от проводов, Мэтт облегченно вздохнул.

— Ну, каков вердикт? Лгун я или нет? — Мэтт посмотрел на Майка Карри. Джек и Кэрол тоже смотрели на него, ожидая ответа.

— Подробный отчет я составлю позже и пришлю тебе, Джек. На словах могу сказать, что тест пройден почти безупречно. Вывод — этот человек говорит правду, или умеет перехитрить мой любимый и непобедимый «врульник». Но, судя по тому, как он волновался, он не способен до такой степени владеть собой. Поэтому последний вариант я исключаю.

Когда Майк Карри ушел, Джек только развел руками и предложил Мэтту сигарету. Кэрол ликовала, язык так и чесался сказать: «Я же говорила!». Но она сдержалась. Ну, теперь этот самоуверенный адвокат не будет относиться к ней, как к ненормальной глупой девчонке, влюбившейся в извращенца и убийцу! Теперь он понял, что она была права, а он со всем своим умом, опытом и знаниями — нет! И интуиция его подвела.

Кэрол мгновенно почувствовала себя увереннее, одержав эту победу над Джеком Рэндэлом. Он проиграл спор.

Но сам Джек ничего не сказал по этому поводу. По нему невозможно было определить,

признал ли он свое поражение, отметя сомнения и смирившись с тем, что даже он может ошибаться. Скорее всего, так оно и было, потому что с тех пор он перестал называть Мэтта большим извращенцем, и открыто сомневаться в его невиновности. Если в нем и были все-таки сомнения, то теперь он держал их при себе. И над ней посмеиваться тоже перестал.

Усевшись на стул, Джек снова закурил. Сев рядом, Кэрол мельком подумала о том, как он много курит. Видел бы Рэй, он бы прочитал ему лекцию о том, как вреден никотин для здоровья и внешнего вида, когда портится кожа и темнеют зубы, не говоря уже о не для всех приятном запахе табака. А Джек, скорее всего, выпустил бы ему в лицо струю дыма и послал куда подальше.

Кэрол улыбнулась собственным мыслям, забавляясь над созданной в воображении ситуацией.

— А теперь расскажи-ка мне поподробнее о твоих отношениях с убитыми девочками, — попросил Джек Мэтта.

— Да, в общем, и рассказывать-то нечего, — Мэтт пожал плечами. — Я возил их вместе с другими детьми в школу и домой. Так и сдружились. Иногда девочки пропускали занятия, и мы ходили гулять.

— Куда?

— В парки, или просто по улицам. Сидели в кафе, ели мороженное...

— Девочки всегда ходили с тобой все вместе?

— По-разному.

— Поодиночке тоже?

— Да.

— То есть, они тебе полностью доверяли?

— Наверное.

— А почему ты пил?

Мэтт помолчал, разглядывая свои руки. Джек терпеливо ждал ответа.

— Не знаю. Пил и все.

— А почему, когда совершались убийства, ты был один? Где была твоя жена?

Мэтт насупил еще больше, не поднимая глаз.

— Что ты ломаешься, как девица? Отвечай! — начал раздражаться Джек.

— Не знаю, где она была! Таскалась с очередным любовником, скорее всего. Неделями дома не появлялась.

У Кэрол ошеломленно отвисла челюсть. Повисла неловкая пауза.

— Любил ее? — ненавязчиво, с сочувствием в голосе спросил Джек.

— Любил, — подавлено шепнул Мэтт. — Пытался бросить — не смог. Жить без нее не хотелось. Надеялся, что перебесится, одумается.

«А сейчас ты тоже ее любишь?» — захотелось спросить Кэрол, но она, естественно, промолчала, чувствуя после слов Мэтта неприятный осадок в душе. Даже сейчас в его голосе слышалась боль, когда он говорил о своей жене. Как же несчастен он был тогда? Было ли в его жизни хоть что-то, чем можно похвалиться, или вся его жизнь — это сплошное несчастье? Видимо, Моника Ландж не преувеличивала, когда говорила, что ее сын — хронически невезучий человек, собирающий на своем пути все возможные беды.

— Ты можешь мне подробно и точно рассказать, что ты делал вечером и ночью, когда совершались эти преступления? — попросил Джек.

— Я пришел с работы, поужинал... и напился. Так было во время первого, второго и

даже третьего преступления. Так было почти каждый день, когда отсутствовала моя жена.

— А потом? Ты заснул? Во сколько это было?

— Я не помню. Наверное, я пил, пока не отключился.

— Ты хочешь сказать, что был в таком состоянии, что отшибло память?

— Ты что, никогда не напивался до такой степени?

— Да нет, не приходилось пока, — растерянно ответил Джек.

— Ты просто пьешь, пока тебя не вырубит, и просыпаешься на следующий день с жутким похмельем. И как-то не задумываешься о том, когда ты уснул.

— И в те вечера ты напился именно так сильно?

— Вообще-то, я выпил тогда не так уж и много. Устал, наверное, вот и сморило так, что не заметил.

— Потому и не смог дать твердых и определенных показаний. Сам себя под петлю подвел. Соврал бы уже, что ли! Проще было сказать, что пришел с работы, поужинал, смотрел телевизор, например, и в уснул в девять часов.

— От меня требовали правды, вот я и сказал правду. Если я пил, это еще не значит, что я убивал.

— Это значит, что есть повод усомниться в твоих расплывчатых показаниях, и того хуже, вызвать подозрения, что ты мог совершить эти преступления под влиянием алкоголя. Может, когда ты пьян, в тебе агрессия просыпается, и ты ищешь кого-нибудь, на ком можно выместить свои обиды и злость. И выместил их на этих девочках.

— Я никогда и ни на ком ничего не вымещал! Потому я и пил, что не мог ответить злом на зло, наказать, отомстить...или хотя бы не допускать, чтобы мне делали больно. Тряпка я, понимаешь? Тряпка! Все терпел, все прощал, только душа моя истощилась, изболелась. Не осталось сил, руки опустились. Тяжело постоять за себя, но быть безответным еще тяжелее.

Джек с легким недоумением смотрел на него. Наверное, он не мог понять этого человека, потому что ему неведомо было то, что мешало Мэтту «ходить по головам и плевать в морды», как это делал он, Джек. Не понимал, зачем терпеть, зачем прощать. Зачем жить с потаскухой и страдать от этого? Зачем говорить правду, если ложь выгоднее?

Но Кэрол понимала. Как долго ей тоже приходилось быть безответной, терпеть и не показывать своих обид, загоняя их внутрь, где они своей горечью все разъедали. Разве могла она помешать матери ненавидеть, а окружающим людям — презирать ее, ничем не заслужившую этого девочку? Разве могла призвать их за это к ответу, наказать? Нет. Поэтому ничего другого просто не оставалось, кроме как проглотить все это, как ни противно бы было. А Мэтт был из тех, кто предпочитал промолчать, нежели ответить на обиду, он не сопротивлялся, не боролся, а принимал все, что выпадало на его долю. Он верил в лучшее, и в людях, и в жизни, и старался игнорировать плохое. Так, по крайней мере, думала Кэрол. А может, он был просто слабаком, у которого не хватало мужества даже на то, чтобы избавиться от жены-шлюхи.

Джек Рэндэл подозрительно сощурил глаза, изучая его заинтересованным взглядом.

— Извини, парень, но я тебе не верю, — заявил он. — Ты или зачем-то пытаешься показать себя таким слабым и безвольным, или сам привык так считать, ошибочно, могу тебя заверить. Человек, который не только выжил здесь с таким обвинением, но и не сломался за эти семь лет, не может быть таким, как ты говоришь. А то, что жизнь не ладилась, еще не говорит о том, что ты «тряпка». Жену, конечно, следовало отлупить и вытолкать в шею, ну да Бог с ней! Судьба улыбнулась тебе, она дает тебе шанс начать новую

жизнь. Теперь у тебя все будет хорошо.

Джек ободряюще хлопнул его по плечу и поднялся.

— От тебя требуется только продержаться еще немного, пока тебя не освободят. И держи язык за зубами, иначе сам знаешь, что твои тюремные дружки с тобой сделают. А пока подумаю над тем, как этого не допустить, потому что когда я начну это дело раскручивать, об этом станет известно и здесь. Но, не волнуйся, пока я не обеспечу тебе безопасность, о наших планах никто не узнает. А теперь нам пора. Мы с тобой еще увидимся. И мать свою ты тоже скоро увидишь. Я уже подал прошение, как твой адвокат, и думаю, что нам не откажут...если ты по-прежнему будешь таким же примерным заключенным.

— Спасибо, Джек. Сам Бог, видимо, мне вас послал, — Мэтт тоже поднялся, с признательностью смотря на адвоката.

— Ладно! Еще сочтемся, — небрежно бросил тот, снимая с вешалки плащ.

Кэрол встала и нерешительно приблизилась к Мэтту.

— Потерпи еще немножко, — шепнула она, смотря в его ласковые глаза. — Он вытащит тебя отсюда, он мне пообещал.

Подняв скованные руки, он погладил ее золотистые локоны и улыбнулся.

— Ты похожа на ангела. Ангела, который спустился с небес, чтобы спасти мою никчемную жизнь. Я до сих пор не могу поверить в то, что происходит. Слишком уж это невероятно и похоже на сказку.

— Я не ангел. И скорее, поднялась из ада, чем спустилась с небес, — чуть слышно проговорила она, надеясь, что Джек ее не услышит. Но даже если услышит, все равно не поймет, о чем она говорит. Только Мэтт мог это понять, и он понял.

Бросив взгляд на Джека, она увидела, что он, отвернувшись, сосредоточенно копается в карманах, пытаясь что-то отыскать. Воспользовавшись этим, она шагнула к Мэтту и быстро обняла. Чуть отстранив ее, он перекинул скованные руки через ее голову и снова прижал к себе, нежно обняв.

Прислушиваясь, как взволнованно колотится ее сердце, Кэрол подумала о том, как, оказывается, могут быть приятны мужские объятия. Она не чувствовала страха и отвращения, наоборот, ей хотелось прижаться к нему еще сильнее.

Так и не найдя то, что искал, Джек с досадой обернулся и возмущенно кашлянул, нарушая представшую перед его глазами идиллию.

Мэтт нехотя убрал руки, выпуская девушку из объятий. Джек тем временем постучал в металлическую дверь, которая немедленно открылась, впуская офицера.

— Забирай, — велел Джек, кивнув в сторону заключенного.

— На этот раз я с тобой не прощаюсь, котенок! — улыбнулся Мэтт перед тем, как уйти.

Тоска и пустота заполнили сердце Кэрол, когда его увели. Сняв со стула куртку, она надела ее и поправила волосы. Поймав не одобряющий и ехидный взгляд Джека, она спрятала глаза, заливаясь румянцем, и прошла мимо него к выходу. Он вышел за ней, и, прикрыв двери, быстро догнал девушку.

— Как насчет того, чтобы пообедать? — спросил он, поправляя воротник плаща.

— С удовольствием, — Кэрол тепло ему улыбнулась, позабыв о своих обидах.

Он не захотел идти в кафе в аэропорту, и попросил таксиста отвезти их в какой-нибудь приличный ресторанчик, где можно нормально и вкусно поесть.

Разместившись в уютном заведении за красивым аккуратным столиком, они не спеша ели принесенные официантом горячие ароматные блюда, запивая красным вином. Молчание угнетало Кэрол, но она не знала, о чем говорить с Джеком.

— Ну, и каким будет твое желание? — с улыбкой спросил он.

Девушка поняла, что он имеет ввиду проигранное пари.

— У меня сейчас только одно желание — чтобы Мэтт вышел на свободу.

— Ну, это само собой, и в расчет не берется.

— А можно желание останется за мной, чтобы я потом коварно им воспользовалась при подходящем случае?

— Как пожелаешь, — засмеялся он. — Как отец, не достает расспросами?

— Пока нет.

— Он всегда сует нос в твои дела, даже в личную жизнь?

— Ну... вообще-то, да. А в личную жизнь особенно.

— Волнуется о тебе, стало быть. Переживает.

— Ага! — ухмыльнулась с горечью девушка. — Наверстывает упущенное!

И тут же прикусила язык, сообразив, что ляпнула лишнее.

— Это хорошо, — заметил Джек. — Моя мать бросила меня с отцом, когда мне было двенадцать лет, и даже не пытается «наверстать упущенное», как ты выразилась.

Не ожидавшая от него такой откровенности, Кэрол растерялась, не зная, что ответить.

— И вы с ней не видите? — робко спросила она.

— Нет. Да мне это и не нужно. Я ее никогда не прощу, и если она когда-нибудь сунется ко мне, вышвырну за дверь, — в его спокойном голосе не было бравады или напускной злобы, даже обида не слышалась, только жесткость и непреклонность. И Кэрол почему-то не усомнилась в том, что он сделает именно так, как говорил.

Она задумчиво разглядывала салат в своей тарелке, удивившись тому, что у нее с Джеком обнаружилось что-то общее. Этим «что-то» было отсутствие любви между ними и их матерями. Они оба были лишены в детстве материнской заботы и тепла. Но Кэрол никогда не задумывалась над тем, может ли она простить свою мать, и как бы поступила, если бы Элен раскаялась и захотела наладить между ними отношения. Наверное, простила бы, обняла и поцеловала, и долго-долго бы плакала в ее объятиях. Она мечтала о любви Элен всю свою жизнь, даже сейчас, и ради ее ласкового взгляда готова была забыть обо всем, даже о сотни долларов, за которые она ее продала.

— Я сказал что-то не то? — озадачено поинтересовался Джек. — Почему ты так загрустила?

Кэрол поспешно подняла голову и улыбнулась.

— Совсем нет, тебе показалось.

— Твоя мать тоже тебя бросила? — прямо спросил он.

— Нет. Скорее, наоборот, — тихо призналась девушка.

Джек недоуменно приподнял брови.

— Почему? Она тебя обижала?

Кэрол совсем не нравилась тема их разговора, и она думала о том, как бы не слишком заметно и грубо закончить обсуждение ее прошлого.

— Мы с ней не ладили. Я всегда ей мешала, вот я и уехала с Рэем. Точнее, это она заставила меня уехать с человеком, которого я видела впервые в жизни, сказав, что это мой отец.

— И она не пыталась тебя вернуть?

— Пыталась, только я не захотела. Извини, я отойду на минутку.

Взяв сумочку, она отправилась в дамскую комнату. Наверное, это было некрасиво и невежливо с ее стороны, но она больше не выдержала его расспросов. С чего это вдруг его заинтересовала ее жизнь? Или это простое праздное любопытство? Может, он просто хотел поговорить по душам, найдя человека по несчастью, а она так грубо дала ему от ворот поворот? Она готова была выслушать его, но не рассказывать о себе.

Когда она вернулась за столик, он не стал продолжать прерванный разговор, к ее великому облегчению. И, вроде бы, совсем не обиделся.

В самолете он снова взял ее за руку, как само собой разумеющееся, не стесняясь требовать от нее поддержки. Кэрол отказать ему в этом не могла и не хотела. Положив ее кисть на свою ладонь, он выпрямил ее пальцы, без смущения разглядывая.

— Надо же, какие красивые руки, — восхитился он и большим пальцем погладил ее кожу. — Всегда преклонялся перед женщинами, умеющими всегда выглядеть безупречно и блестяще. Как Куртни и ты.

— Кто бы говорил, — улыбнулась девушка, демонстрируя ему его собственные руки. — Ты такой же, только мужчина.

Он засмеялся.

— У тебя нет ощущения, что мы просто созданы друг для друга? — шутливо спросил он. На лице девушки застыло растерянное выражение.

— А у тебя есть? — сказала она первое, что пришло в голову, опешив от его слов, не зная, шутит он или не совсем.

— Да, промелькнула сейчас такая мысль, — легко ответил он и откинулся на спинку кресла.

Кэрол так и не поняла, серьезно он говорил или нет, но все равно была просто поражена таким заявлением. Даже для шутки не было оснований — как она, слабая и никчемная девчонка, может стать парой для такого умного и успешного мужчины, не говоря о том, чтобы его просто хотя бы заинтересовать? Чем она может заинтересовать такого мужчину — ничем! Она не обладала исключительным умом или такой же красотой, у нее даже образования пока не было. Ей нечем было похвастаться, разве что богатыми опекунами, да взбалмошными безумными идеями, в которые втянула самого лучшего из адвокатов. Только этим она и могла произвести на него впечатление, сначала своей неадекватной просьбой «пойди туда, не знаю, куда и принеси то, не знаю, что», а потом еще более сумасшедшим намерением вытащить из тюрьмы настоящее чудовище. Теперь, он так, наверное, не считает, но тогда-то думал именно так.

Наверное, он в очередной раз просто подсмеялся над ней. Не может такого быть, чтобы он действительно так подумал.

Выйдя из аэропорта, они направились к стоянке, где он оставил свою машину. У Кэрол было превосходное настроение. Она беспечно шла рядом со своим спутником, небрежно помахивая сумочкой. Джек, как обычно, предложил подвезти ее домой, сказав, что на сегодня у него больше не запланировано никаких дел, и спешить ему некуда. Только сначала хотел заехать в офис и забрать ключи от квартиры, которые забыл утром. Кэрол тоже не торопилась, ей вообще домой не хотелось, если разобраться, поэтому она совершенно не

возражала, если он не сразу доставит ее туда.

Они уже были почти рядом с его машиной, когда за ними увязалась грязная старуха, выпрашивая денег.

— Сынок, дай на хлеб, я судьбу твою расскажу.

— Не надо мне ничего рассказывать. Держи! — сунув руку в карман, он достал десять долларов и вручил их старухе. Отвернувшись, он пошел дальше. Кэрол поспешила за ним. Но старуха снова их догнала.

— Мне дано видеть то, что не видят другие, сынок. Остановись на минутку, я хочу тебе помочь...

Джек раздраженно стряхнул вцепившуюся в него руку, разозлившись.

— Тебе что, мало? Проваливай, чего привязалась!

Старуха остановилась, пронзая его безумным взглядом.

— Ты умрешь молодым, умрешь насильственной смертью, я вижу это, вижу!

Кэрол почувствовала, как по спине прошел неприятный холодок. Глаза старухи вдруг впилась в нее с такой ненавистью, что девушка испуганно отшатнулась от нее.

— Это она! — пронзительно завизжала ненормальная, указав на девушку кривым трясущимся пальцем и наступая на нее. — Она тебя погубит! Она!

Кэрол отступила от нее назад и наткнулась на Джека. Взяв его под руку, она спряталась за его плечо на всякий случай. Успокаивающе положив ладонь на держащуюся за него руку, он другой рукой обнял девушку за плечи и повел к машине.

— Не обращай внимания. Это просто сумасшедшая. Безобидная, выжавшая из ума старуха, — проговорил он, открывая дверцу машины. Кэрол побыстрее нырнула внутрь и перевела дух.

— Держись от нее подальше! — вопила старуха, подбежав к машине и заглядывая в лобовое стекло. — Вокруг нее тьма и смерть, я вижу это!

Джек подал назад и, осторожно объехав ее, неторопливо выехал на дорогу.

— Спасайся! Спасайся! Еще не поздно! Прогони ее от себя, и ты будешь жить! Прогони! Ты должен ее отпустить! Отпусти, или умрешь! Отпусти! Отпусти!

Старуха уже скрылась из вида, оставшись где-то позади, но Кэрол казалось, что она все еще слышит ее пронзительный, переполненный ненавистью голос.

— Эй, ты чего так побледнела? — Джек похлопал ее по коленке, пытаясь привести в чувства. — Испугалась этой чокнутой, что ли?

— Немного, — призналась девушка и поежилась. — Не по себе как-то.

— Брось! Бред сумасшедшей, и только!

Но почему-то Кэрол не могла успокоиться. Она сразу вспомнила сон, приснившийся прошлой ночью. Плохой сон, который напугал ее.

Ей приснился Джек, впервые со дня их знакомства. Элегантный, в дорогом, прекрасно сидящем на его стройной фигуре костюме. Он просто стоял и не шевелился, а сзади к нему подползал черный туман. Она кричала ему, чтобы он убегал, но он не слышал ее. Она в ужасе наблюдала, как черная дымка медленно окутывает его, но ничем не могла ему помочь. А потом она проснулась, и долго не могла уснуть, охваченная тревожным предчувствием.

А теперь еще эта старуха. Она говорила о тьме и смерти. И Кэрол стало очень страшно. Разве не права была эта старуха? Смерть и несчастье всегда шли с ней бок о бок, все, кто был ей близок, либо умирали, либо попадали в беду. Мадлен, Тимми, Эмми, Роза, даже Мэг Блейз — погибли. Элен сошла с ума. Мэтт попал в тюрьму. И всю жизнь она видит во сне

тму и загадочные жестокие глаза. Кому принадлежат эти глаза? Может, это и есть смерть?

Наверное, она тоже такая же сумасшедшая, как эта старуха, раз так думает. У каждого человека умирают близкие и окружающие, у кого-то больше, у кого-то меньше. А сны — это всего лишь воображение. И то, что они совпадали с реальностью — просто совпадение, случайность. Или у нее развито шестое чувство, и она способна предчувствовать беду. А принимать за истину бред сумасшедшей стыдно и глупо.

Кэрол немного расслабилась и взяла себя в руки, твердо решив выкинуть из головы свои сумасбродные и нелепые мысли раз и навсегда. И упрямо старалась не замечать, что на душе все же не спокойно, списывая это на счет своей впечатлительности.

Джек припарковал машину у тротуара на противоположной стороне улицы недалеко от здания, в котором находился его офис.

— Я быстро, — бросил он Кэрол, выходя из машины. — Только возьму ключи и назад.

Девушка наблюдала, как он перешел дорогу и исчез за высокой стеклянной дверью огромного великолепного здания. Набравшись наглости, она включила радио, и стала уныло наблюдать за прохожими.

Минут через десять, она увидела Джека, который вышел на улицу и твердой походкой уверенного в себе человека шел к машине. Судя по довольному выражению его лица, он все-таки нашел свои ключи. Кэрол не сдержала улыбку, почему-то умиляясь его рассеянности, вспомнив о том, как он потерялся в днях недели и забыл о выходных.

Пропустив проезжающие машины, он зашагал через дорогу.

Поймав взгляд девушки, он улыбнулся и помахал ключами, демонстрируя, что нашел их. Кэрол улыбнулась в ответ.

Она оторвала от него взгляд и посмотрела на дорогу, услышав визг колес. Метрах в двадцати от них от обочины резко оторвалась одна из припаркованных машин и на бешеной скорости, громко визжа колесами, рванулась вперед.

Джек быстро обернулся, и в ту же секунду его подбросило вверх сильным ударом бампера, швырнуло на капот и ударило о лобовое стекло, а затем отбросило в сторону.

Соскользнув по крылу машины, Джек упал на асфальт. А водитель, сбивший его, умчался прочь.

Кэрол казалось, что она сидела и смотрела на его неподвижную, распластанную на дороге фигуру целую вечность, прежде чем выскочила из машины и подбежала к нему.

Но ей только так казалось. На самом деле, прошло не больше секунды пред тем, как она среагировала на произошедшее.

Упав рядом с ним на колени, она в отчаянии застонала, увидев кровь на сером асфальте.

— Джек! Господи, Джек! — закричала она, и слезы хлынули из ее глаз, потому что он не отозвался.

Она обернулась на собиравшихся вокруг людей.

— Кто-нибудь, вызовите «Скорую», скорее, умоляю!

И вдруг она услышала его голос, яростно изрыгающий отборные ругательства. Упершись ладонью в асфальт, он приподнял голову, оторвав лицо от кровавой лужицы, и попытался перевернуться на спину.

— Ты жив! — воскликнула Кэрол, наклоняясь к нему.

— Сомневаюсь... — отозвался он и застонал от боли.

— Не двигайся, Джек, потерпи, сейчас приедет «скорая».

— Помоги, — шепнул он, упрямо пытаясь повернуться.

Кэрол с трудом перевернула его на спину и положила его разбитую, залитую кровью голову себе на колени. Он тяжело и хрипло дышал приоткрытым ртом, закрыв глаза. По перепачканному в грязь и кровь лицу медленно разливалась смертельная бледность, заставляя Кэрол трястись от ужаса.

— Джек, держись, пожалуйста, — плакала она, глядя его по щеке.

Он открыл глаза и взглянул на нее.

— Проклятая старуха, накаркала! — с усилием проговорил он. — Не плачь. Живой же пока.

Он снова закрыл глаза. Голос его прозвучал так слабо и тихо, что походил на шелест листьев, когда он снова сказал:

— Пятый раз.

— Что? — не поняла Кэрол.

Веки его дрогнули, приподнявшись, а губы тронула улыбка.

— Забыл сказать тебе, что ты очень красивая.

Девушка улыбнулась, вытирая слезы. Он обмяк у нее на руках, и Кэрол почувствовала, как вдруг отяжелела его голова. Вглядевшись в его лицо, она увидела, что глаза его снова закрыты. Она прислушивалась к его дыханию, пытаясь понять, жив ли он или уже нет, но шум вокруг и возбужденные голоса окружившей их толпы не позволяли ей что-либо услышать.

Она продолжала гладить его по лицу и волосам. Поддавшись внезапному порыву, она наклонилась и прижалась щекой к его высокому холодному лбу.

— Джек! Джек! — тихо стонала она. — Не умирай. Не надо... не надо...

Чьи-то сильные руки подняли ее и оттащили от него.

Словно во сне видела она, как над ним склонились люди в форме врачей «неотложки», как положили его на носилки и отнесли в машину.

Приехала полиция. От всего этого шума и гама, мелькавших перед глазами людей, у Кэрол кружилась голова.

Джека увезли, а что теперь делать ей?

Что-то хрустнуло под ее сапогом и, убрав ногу, она увидела ключи. Те самые, которые он ей показывал за секунду до того, как его сбила машина.

Наклонившись, она подобрала их и положила в карман. К ней подошел полицейский.

— Вы были с пострадавшим?

Кэрол рассеяно кивнула, думая о том, что делать с его машиной. Не бросать же ее здесь! Она обругала себя за эти мысли. Она даже не знала, жив ли Джек, а думает о его машине! Что это железяка в сравнении с его жизнью...

Только из репортажей, передаваемых по телевидению, Кэрол узнала, что значили слова Джека Рэндэла «пятый раз», и удивилась, как не догадалась сама. Это было пятое покушение на жизнь знаменитого адвоката.

— ...Кому на этот раз Джек Рэндэл перебежал дорожку? Компетентные органы отказываются комментировать произошедшее. Но и так ясно, что профессиональные киллеры так не действуют. Марка и номер машины, сбившей знаменитого адвоката, известны, и она уже в розыске. Может, это был кто-то из простых людей, обиженных суровым адвокатом? Не связано ли это покушение с нашумевшим делом о Даistine Смитте, маньяке, оправданном, благодаря стараниям Джека Рэндэла, который после освобождения совершил новые убийства? Может быть, это была месть Рэндэлу за эти смерти? Или это какой-нибудь народный мститель, решивший избавить мир от чудовища в образе адвоката, дабы помешать ему творить зло и предотвратить новые несчастья, как плоды его работы?..

Покушение на Джека Рэндэла было сенсацией, которую не переставали перемалывать по всем каналам злые языки злорадствующих репортеров, питавших особую нелюбовь к адвокату, выказывающему пренебрежение и даже презрение к прессе. Они удивлялись и, казалось, что даже досадовали на живучесть молодого юриста, высказывая по этому поводу всевозможные предположения, даже бредовые, такие, как то, что он заключил сделку с дьяволом, который сохраняет ему жизнь, чтобы он помогал преступникам избегать наказания и изолирования от общества, и творить зло.

Кэрол с раздражением слушала весь этот бред, начиная постепенно тихо ненавидеть прессу. С того дня, когда Джека сбила машина, прошла неделя. Кэрол ничего не знала о нем, кроме того, что сообщали средства информации. Она звонила его секретарю, но девушка наотрез отказалась давать какую-либо информацию.

— Оставьте свои координаты, и мистер Рэндэл свяжется с вами, как только это станет возможным, — прозвучал в трубке вежливый, но холодный голос.

— Скажите, пожалуйста, хотя бы в какой он больнице...

— Ничем не могу помочь. Перезвоните недели через две. Всего доброго.

Кэрол ужасно расстроилась, услышав короткие гудки в трубке.

Она обзвонила все больницы города, но и там ей отказали в информации. Девушка понимала, что во избежание возможных дальнейших попыток расправиться с адвокатом, его местонахождение скрывают. Даже всезнающая и вездесущая пресса до сих пор не разнюхала, где прячут пострадавшего.

Джордж Рэндэл, отец Джека, отказывался от общения с прессой, как бы настойчивые акулы пера не напирала на него. Никто не знал, жив ли адвокат вообще, но всеобщее мнение склонялось к тому, что все-таки жив, потому что вряд ли бы Джордж Рэндэл стал скрывать кончину сына.

Кэрол места себе не находила. Она не позволяла себе думать о том, что, если Джека не станет, Мэтт никогда не выйдет на свободу. Но ее страх и беспокойство были вызваны не только этим фактом. Она искренне переживала о Джеке, хотела узнать, что с ним, где он, чтобы навестить его и поддержать.

Куртни была в командировке и не могла ей помочь. Рэй, пренебрегающий телевидением и прессой, находился в полном неведении. Но однажды он случайно услышал по радио в машине о том, что произошло с Джеком Рэндэлом, и, приехав домой, с порога набросился на Кэрол, обиженный и возмущенный тем, что она ничего не сказала ему об этом.

Девушка подавленно рассказала ему о том, как все произошло, и призналась, что не может узнать, где Джек и что с ним.

— Ты, что, ненормальная? Прошла целая неделя, а ты не только ни разу не навестила своего парня, но даже не знаешь, жив ли он! Если после этого он тебя не бросит, значит, он круглый дурак!

Кэрол, естественно, не собиралась признаваться в том, что Джек вовсе не ее «парень», и что его, Рэя, они просто за нос водят, дабы скрыть правду. Поэтому она только пожалала плечами и грустно вздохнула.

Рэй осуждающе покачал головой, смотря на нее.

— Я надеюсь, еще не поздно исправить такую чудовищную ошибку с твоей стороны. Я помогу тебе узнать, где он. На каком этаже его офис?

— На десятом. А как ты собираешься узнать?

— Очень просто — спросить у его секретарши.

— Она ничего тебе не скажет, — Кэрол безнадежно махнула рукой и разочаровано поникла.

— Думаешь? — лицо его осветилось озорной и самоуверенной улыбкой. — Одевайся, мы выезжаем через десять минут. Я только переоденусь.

Кэрол послушно побрела в свою комнату и поспешно сменила домашнюю одежду на узкие черные бриджи из бархата и синюю водолазку. Набросив на шею шарфик, она натянула изящные сапоги на высокой шпильке и, захватив короткий легкий плащ и сумочку, спустилась вниз.

Усевшись на диван, она закинула ногу на ногу и стала терпеливо ждать Рэя. Он появился минут через десять. Кэрол поднялась ему на встречу, невольно им залюбовавшись. На нем был дорогой темный костюм, превосходно сидевший на стройной крепкой фигуре. Пиджак и верхние пуговицы рубашки были щегольски расстегнуты. На ногах поблескивали кожаные туфли.

— Ну, что скажешь? Солидно ли я выгляжу? — поинтересовался он.

— Солидно — это не твое слово. Шикарно и превосходно — это подходит тебе больше, — улыбнулась Кэрол. — А денди и ловелас в тебе чувствуется за версту. Так что даже если ты застегнешь пиджак и рубашку, затянешь на шее галстук, примешь самое серьезное выражение лица и начнешь толкать заумные речи — все равно даже последний дурак... или дура на это не поведется.

— А я и не собираюсь изображать скучную и заумную офисную крысу, — огрызнулся он. — Просто я знаю, что пиджаки мне очень идут.

Кэрол не могла с этим поспорить. Ему так же шел темный цвет, подчеркивающий легкий ровный загар, который он поддерживал даже в холодное время года, а также на фоне темной одежды сильнее выделялись яркие синие глаза, золотистый блеск густых волос и белоснежная улыбка. Он умел выглядеть так, что дух захватывало, знал все свои недостатки и достоинства, знал, как скрыть первые и подчеркнуть последние.

Знал, что нужно сказать, как посмотреть, как улыбнуться, чтобы растопить самое твердое сердце.

— Ну, что смотришь? — усмехнулся он. — Скажи уже, что я чертовски хорош, не жмись!

Девушка закатила глаза и обескуражено покачала головой.

— Ты чертовски самовлюблен!

Скривившись, он показал ей язык и направился к входной двери.

— Боже, и ведешь себя как мальчишка! — проворчала девушка, выходя за ним во двор.

— Тебе-то откуда знать, как ведут себя мальчишки? Да ты в глаза их никогда не видела! — засмеялся он, подначивая девушку, намекая на то, что она всегда избегала общения с противоположным полом.

— Я тебя вижу каждый день. Это одно и то же, — парировала Кэрол.

Продолжая перепалку, они сели в машину и покатали по городу.

— Ну что, ты уже переспала с этим адвокатишкой?

— Не твое дело!

— Хоть понравилось или так себе?

— Не спала я с ним, отстань! — не выдержала Кэрол, краснея.

— Почему? Не хочется? — искренне удивился Рэй. — На вид он вроде ничего. Не тяни, терпеть этого не могу в женщинах! Роман без секса, это все равно, что теннис без ракетки! Такого, как я все равно не найдешь. А адвокат твой сбежит к другой, более сговорчивой — это я тебе как мужик говорю.

— А с чего ты взял, что я ищу такого, как ты? — поразились Кэрол.

Он лукаво улыбнулся.

— С того, как ты смотришь на меня. Не была б моей дочерью, подумал бы, что хочешь меня.

Челюсти девушки отвисли от таких слов, а глаза шокировано раскрылись. Рэй бросил на нее смеющийся взгляд.

— Хочешь, да?

— Ты что, больной? — пришла в себя она и ударила его по плечу.

— Я не больной. Просто я не ощущаю никакого родства. И ты тоже, я знаю. Мы совсем разные, ничем не похожи. Я все время таскался по приемным семьям, а Элен всегда была горячей штучкой. Может, пока меня не было, она еще с кем-нибудь зажигала? С чего она взяла, что твой отец именно я? На тебе это не написано.

Кэрол отвернулась к окну, глотая подступивший к горлу горький ком.

Не выдержал, все-таки сказал.

— Я знаю еще меньше, чем ты, — холодно сказала она, не поворачиваясь. — В тебя ткнули пальцем и сказали мне, что ты мой отец. А я подумала, что это шутка, потому что мой собственный папочка пытался поднять меня полчаса назад!

— Не сочиняй! Темнело, вот я и решил тебя подбросить.

— Да, конечно! — огрызнулась Кэрол. — Видел бы ты свое лицо, когда узнал, что я твоя дочь.

Он промолчал, раздраженно тарабаня длинными пальцами по рулю.

— И что теперь? — тихо спросила девушка. — Мне следует собрать вещи и уехать обратно в Фарго?

— Зачем? — встрепенулся он.

— Ну, если ты не считаешь меня своей дочерью, значит, мне нечего делать в вашей семье. Думаю, нужно рассказать Куртни о том, что в ее дом прокрался ублюдок, не

имеющий к тебе никакого отношения.

— Закрой рот, дура! Даже если ты не моя дочь, ты уже давно стала членом нашей семьи, мы твои официальные опекуны, и никуда ты не уйдешь! И я, и Куртни... мы любим тебя. И то, моя ли ты дочь или не моя, теперь уже не имеет значения. Может, оно и к лучшему, если ты не моя, все равно отец из меня никудышный.

Повинуясь внезапному порыву, Кэрол обняла его, крепко и нежно.

— Я тоже вас люблю. И тебя, и Куртни. Она мне не мать, и твоей дочерью я себя никогда не ощущала, но вы все равно моя семья.

Рэй зарделся и небрежно обнял ее за плечи одной рукой.

— Рад это слышать, малышка, — он поцеловал ее в висок, и снова устремил взгляд на дорогу. — Знаешь, мы можем провести маленький и несложный опыт, чтобы узнать родные мы или нет.

— Правда? — обрадовалась Кэрол. — Давай! А как?

— Если мы поцелуемся, мы должны это почувствовать. Если я твой отец, а ты моя дочь, природа оттолкнет нас друг от друга.

Отстранившись от него, девушка опять пораженно уставилась ему в лицо.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Нет, не надо таких опытов. Ерунда это все, ничего мы не почувствуем. И вообще, как тебе только в голову это пришло!

— Я в кино видел. Там двое пытались таким образом выяснить, правда ли они были братом и сестрой.

— И что, выяснили?

— Да, они были братом и сестрой, и поцелуй у них не склеился. В конце фильма все подтвердилось.

— Бред какой-то!

— Давай попробуем, чего боишься? Подумаешь, всего один безобидный поцелуйчик!

— Спятил, что ли? Перестань сейчас же, иначе я расскажу Куртни об этих опытах!

Насупившись, Рэй замолчал.

В полном молчании они подъехали к зданию, в котором находился офис Джека Рэндэла. Рэй вышел из машины и, хлопнув дверцей, с недовольным видом скрылся за прозрачными дверями роскошного небоскреба.

Кэрол ждала его в машине, сильно сомневаясь, что у него получится чего-нибудь добиться от непреклонной секретарши Джека. Глаза ее невольно устремлялись на то место, где был сбит Джек, и страшная картина возникала перед ее мысленным взором, как бы она не гнала ее от себя прочь.

Кровь на асфальте, тяжелое дыхание и смертельно бледное лицо адвоката преследовали ее днем и ночью. Как уязвима и хрупка человеческая жизнь, и не имеет значения, сильный ты или слабый мира сего — удар бампера, и Джек превращен в слабое беспомощное существо, которому только и остается, что цепляться за жизнь. Успешная карьера, прославленное имя, все цели и достижения — все это в один миг может обратиться в прах под безжалостной рукой смерти. На него покушались пять раз. Вполне достаточно и одного, чтобы задуматься. Иной бы все бросил и занялся каким-нибудь другим делом, менее опасным, или хотя бы изменил что-то в своей жизни и работе, чтобы не провоцировать чье-либо недовольство до такой степени, что хотят его смерти. Почему же Джек игнорирует эти

покушения? Упрямство, безрассудство?

Ведь не может быть, чтобы ему не было страшно или все равно. Его ненавидят до такой степени, что пытаются убить, а он продолжает «шагать по головам и плевать всем в морды», не понимая или не обращая внимания, что уже пять раз наступил на голову самой смерти и плюет в лицо ей. Если он выживет и на этот раз, неужели он опять оставит все по-прежнему в своей жизни? Да, пока ему везло, но ведь когда-нибудь удача может отвернуться, и кому-нибудь из его врагов все-таки удастся его убить.

То, что он до сих пор жив — это просто небывалое везение.

А чем может обернуться его намерение выпустить на свободу Мэтта?

Весь город ополчится против него, борцы за справедливость захотят ему помешать. Джек был прав, когда говорил, что из-за его репутации в невиновность Мэтта не поверят, посчитают, что он освобождает очередного маньяка. Он собирался позаботиться о безопасности Мэтта, а о своей он задумывался? Кэрол почувствовала себя виноватой. А вдруг этот наезд на адвоката уже был попыткой помешать дать свободу убийце детей, вдруг об их намерении уже стало известно? Вдруг Джек Рэндэл одумается, наконец-то, после того, как его пятый раз чуть не отправили на тот свет, и откажется помочь Мэтту? И разве можно его за это судить? Любой здравомыслящий человек бы поступил именно так. Что, если ее доброе побуждение помочь невиновному человеку обернется тем, что Джек погибнет, а Мэтт так и останется в тюрьме?

Ее невеселые мысли были прерваны появлением Рэя. С грациозностью юноши он подошел к машине и опустился в кресло. На губах его играла самодовольная улыбка, отчего сердце Кэрол забилось сильнее от радости.

— Не может быть! Она тебе сказала?

— Конечно, — хмыкнул он.

— Как ты это сделал?

— Я просто знаю подход к женщинам.

— Да уж, это точно! — усмехнулась Кэрол. Кому, как ни ей и Куртни это знать!

— Ну, и что ты узнал?

— Узнал, где его прячет отец.

— А еще?

— Тебе этого мало?

— Значит, он жив?

— Выходит, что жив. Был бы он мертв, его не прятали бы в больнице. Ну, что едем?

— Прямо сейчас?

— А чего тянуть? Ты и так уже целую неделю прошляпила!

— Ну, хорошо, поехали. Рэй, ты просто волшебник! Спасибо! — девушка обняла его и горячо поцеловала в щеку.

Рэй остался равнодушен к ее благодарности и восторгу, угрюмо смотря на дорогу. Кэрол в замешательстве заглянула ему в лицо.

— А почему мы стоим?

— А мы никуда не поедem, пока ты мне кое-что не пообещаешь.

— Что?

— Что мы проведем опыт, о котором я говорил. И Куртни ничего об этом не узнает.

— Нет... Ты что, Рэй, действительно серьезно?

Он промолчал, упрямо поджав губы.

— Я не хочу! — растерянно и жалобно протянула Кэрол.

— Как хочешь. Только тогда я не скажу тебе, где твой ненаглядный адвокат.

— Рэй, ну, пожалуйста, не издевайся! Это совсем не смешно.

Он включил зажигание и резко тронулся с места, взвизгнув колесами.

— Дело твое.

— Куда мы едем?

— Домой.

— Нет! — девушка в отчаянии закусил губу. — Вези меня к Джеку.

Понуриив голову, она тихо продолжила:

— Я согласна.

Рэй молча развернул машину.

Но не все было так просто. Кэрол не пустили дальше приемного покоя, сказав, что никакого Джека Рэндэла у них нет. Расстроенная, девушка вернулась в машину и поведала о неудачи Рэю.

— Они врут. Секретарша не могла меня обмануть.

— Почему ты так уверен?

— Знаю, и все! Так, слушай, что мы сделаем. Я беру на себя дежурную, а ты незаметно проскальзываешь, поднимаешься на восьмой этаж, в 110 палату, ясно? Да будь осторожна.

— А вдруг не получится?

— Не получится, значит не получится. Попробуем завтра, только придумаем какой-нибудь план похитрее. И не будь трусихой! Подвиги ради любви должны совершать не только мужчины! Нужен он тебе — вперед, а нет — другой разговор.

— Нужен, — сказала Кэрол, но имела в виду совсем не Джека Рэндэла.

Ей нужен был Мэтт, и ради него она готова на все.

Рэй шел впереди, она спряталась за углом. Девушка наблюдала, как он подошел к дежурной и о чем-то заговорил. Глаза его заблестели, на губах заиграла обаятельная, немного игривая улыбка. Дежурная, женщина уже не молодая, смущенно заулыбалась в ответ, что-то приветливо отвечая ему. Рэй сказал что-то такое, отчего женщина залилась румянцем, засмеялась, застенчиво отмахиваясь от него ладошкой. Наверняка, кинул какой-нибудь хитрый беспронигрышный комплимент. Видимо, он о чем-то попросил ее, потому что дежурная вышла из-за стойки и куда-то его повела. Обернувшись, Рэй подал знак Кэрол, и та немедленно пробежала мимо поста к лифту, поднявшись на носочки, чтобы не стучать каблуками.

Она быстро отыскала нужную палату, но дорогу ей внезапно преградила девушка в белом халате, очевидно, медсестра.

— Вы почему без халата? Разве вы не знаете, что посетителям нужно его надевать?

— О, простите, я в первый раз... — пролепетала Кэрол извиняющимся голосом.

— Пойдемте, я дам вам халат. И не нарушайте больше правил.

Кэрол согласно кивнула, и послушно последовала за медсестрой.

Через пару минут она снова подошла к нужной палате, уже одетая в белоснежный чистый халат. Открыв дверь, она быстро скользнула в палату никем не замеченная.

На высокой больничной койке кто-то неподвижно лежал, укрытый белой простыней. На лице была кислородная маска, поэтому Кэрол не смогла сразу разглядеть, тот ли это, кого она искала.

Осторожно, словно боясь потревожить больного, она подошла к нему.

Еще до того, как она смогла увидеть его лицо, Кэрол узнала его. По рукам. Хорошо сложенная кисть с длинными стройными пальцами, безжизненно лежащая на белой простыне, могла принадлежать только Джеку Рэндэлу. Она хорошо помнила эти руки, потому что они всегда привлекали к себе ее внимание. Холеные, не знающие тяжелой и грязной работы, возможно слишком нежные и красивые для мужчины, но, тем не менее, они вызвали желание прикоснуться к ним. Прикосновение таких рук не может быть неприятным, особенно для женщины.

Подойдя вплотную к кровати, Кэрол посмотрела ему в лицо и с трудом узнала. Бледное, неподвижное, прикрытое прозрачной кислородной маской. Глаза его были закрыты, дыхание ровное, спокойное. Спит или без сознания?

Голова его была перетянута бинтами. Как узнать, что с ним, какие травмы получил, в каком состоянии?

Если попытаться узнать что-либо у доктора, ей не только не ответят на ее вопросы, но и вышвырнут из больницы.

Кэрол не знала, что делать дальше. Вот, она пришла, увидела его, и что теперь? Уйти, так ничего и не узнав? Она в замешательстве стояла и изучала взглядом его лицо. Она же хотела внимательно рассмотреть его так, чтобы он этого не заметил, вот и исполнилось ее желание. Смотри — не хочу.

«Будь осторожен в своих желаниях, а то они могут сбыться» — вспомнила она слова какого-то мудрого человека.

И внезапно слезы выступили у нее на глазах, и она осторожно взяла в свои руки его кисть. Как тяжело и непривычно было видеть этого сильного, уверенного в себе человека в таком состоянии. Это словно был не он. Кэрол все еще не могла поверить в то, что этот бледный и недвижимый незнакомец — Джек Рэндэл.

И вдруг веки его задрожали и медленно приоткрылись. Серые пронизательные глаза сосредоточились на ее лице, и, узнав ее, он чуть заметно улыбнулся уголком рта. Кэрол наклонилась к нему.

— Привет, Джек!

Он слегка кивнул в ответ, отвечая на приветствие.

— Как ты? — участливо спросила она.

Он скривился под маской, выражая досаду и недовольство своим состоянием.

— Тебе... очень больно?

Джек отрицательно качнул головой.

— Врешь, — не поверила девушка, ласково улыбаясь.

Вынув руку из ее ладоней, он с усилием потянулся к ее лицу и большим пальцем вытер слезу, застывшую на ее щеке. Внимательно посмотрев на свой мокрый палец, словно на нем было нечто очень интересное, он поднял на девушку глаза и неодобрительно покачал головой.

— Извини, — Кэрол поспешно вытерла щеки и, ощущая неловкость, опустила взгляд. — Жалко тебя, сил нет. Ты такой хороший, добрый. За что они тебя так?

Брови его изумленно поползли вверх, а глаза неожиданно засмеялись, заблестев, наконец-то, своим обычным энергичным, полным жизни огнем.

И вдруг резко распахнулась дверь, впуская высокого крепкого мужчину с кобурой под мышкой. Увидев девушку, он растерянно застыл на месте.

— Вы кто? Как вы... — он запнулся и, решив не тратиться на пустые слова, гаркнул со злостью. — Сюда нельзя! Немедленно выйдите!

Подняв руку, Джек привлек к себе его внимание и жестом велел убраться за дверь.

— Все в порядке? Вы уверены? — решил все же проявить осторожность охранник.

Джек нетерпеливым и очень непристойным жестом послал его куда подальше. Учтиво кивнув, громила скрылся за дверью. Кэрол улыбнулась.

Ну, вот, теперь она ни чуточку не сомневалась в том, что перед ней действительно Джек Рэндэл, а не чья-то безжизненная мумия.

— Я не могла узнать, где ты, иначе пришла бы раньше. Я бы хотела навещать тебя иногда. Ты не против?

Он улыбнулся.

— А мне позволят?

Он уверенно кивнул. Девушка достала из сумочки ключи и положила на столик.

— Твои ключи от квартиры. Ты их обронил... А машину забрал кто-то из твоих сотрудников.

Он снова кивнул, показывая, что знает об этом.

— Помнишь, ты должен мне одно желание? — улыбнулась Кэрол. — Так вот, пришло время его выполнить. Я хочу, чтобы ты поскорее поправился.

Он пожал плечами.

— Ничего не хочу знать! Проиграл спор — плати! Иначе я всем расскажу, что Джек Рэндэл не держит слово, — она коснулась его руки. — Пожалуйста, Джек, выздоравливай. Ты же такой сильный, тебе все по плечу.

Он с неожиданной нежностью сжал пальцами ее кисть. Кэрол поняла это, как выражение признательности за ее беспокойство, но почему-то это пожатие очень смутило ее. Было в нем что-то еще, что-то, заставившее ее сердце биться сильнее.

— Я пойду. Меня Рэй ждет. Кстати, это именно он помог мне попасть сюда, без него у меня ничего бы не получилось. Он передавал тебе привет и просил напомнить, что все еще ждет, когда ты проявишь желание сыграть с ним в теннис. До встречи! Поправляйся.

Рэй ждал в машине, слушая радио.

— Ну, как он?

— Не знаю. Выглядит плохо, но живой, улыбается, даже матерится, правда жестами. Ему не понравилось, что его телохранитель попытался меня выпроводить. В кислородной маске. Голова перевязана.

— Жить будет, — поставил собственный диагноз Рэй, вырuling на шоссе. Кэрол неуверенно пожала плечами и подавлено опустила голову. Он бросил на нее быстрый взгляд.

— Да не страдай ты, глупая! Выкарабкается! Этого сучонка ничего не берет, — утешил он.

Когда они подъехали к дому, заехав в высокие ворота, Рэй заглушил мотор. Салон погрузился во тьму.

— Ну, что, ты помнишь о нашем уговоре?

Глаза Кэрол постепенно привыкли к темноте, и в свете луны она ясно видела его. Его глаза блестели в темноте, как у кошки. Она сжалась, почувствовав, как в сердце заползает неприятный страх.

— Ты, что боишься меня? — поразился он. — Дурочка! Я действительно хочу просто

проверить свои чувства. Неужели тебе не интересно узнать, кто мы друг другу на самом деле?

— Интересно, но не таким образом, — прошептала она, не смотря на него.

— Послушай, если мы родные, у нас ничего не получится. А если нет, то ничего страшного в одном поцелуе нет. Мы просто забудем об этом и все.

Он подался к ней и повернул к себе ее лицо.

— Посмотри мне в глаза. Неужели ты думаешь, что я могу сделать тебе что-то плохое? Неужели ты боишься меня?

Кэрол внимательно смотрела в его глаза, и страх оставил ее. Нет, она не боялась его. Она знала его, как облупленного, и, как ни странно, он занимал в ее сердце свой уголок. Ни как отец, ни как друг, ни как брат. Просто она привязалась к нему, как к человеку, по-своему полюбила. Его нельзя было не любить, даже зная обо всех его недостатках. Он не был злым или коварным, не был из той категории людей, которых следует опасаться, если не брать во внимание опасность быть соблазненной и брошенной. Да, он был хитрым, изворотливым, бессовестным, лжецом и сладострастцем, обожающим мелкие любовные интрижки, как разнообразие и приключения.

Но вместе с тем, у него было открытое и отзывчивое сердце, он никогда не мог отказать, если его с умом о чем-то попросить. Беспутный избалованный мальчишка в теле взрослого мужчины, способный лишь на мелкие проделки, такие, как измены жене и кутеж в ее отсутствие. На большее зло он был попросту не способен. И Кэрол верила в то, что он не может ее обидеть, потому что знала, что он тоже по-своему ее любит, также успел привязаться к ней, как она — к нему и к Куртни.

— Нет, Рэй, я не боюсь тебя, — улыбнулась она ему.

Он тоже улыбнулся и обнял ее за плечи, наклоняясь все ближе.

— Тогда попробуем, а?

— Ну, ладно...

— Готова? — спросил он шепотом, медленно приближаясь к ее губам.

Кэрол зажмурилась, чувствуя, как взволнованно забилось сердце. Он осторожно прикоснулся к ее губам, слегка, словно пробуя на вкус.

— Ну, что? — спросила девушка, приоткрывая глаза. Его лицо было так близко, как никогда, почти касаясь ее кожи. Веки были опущены, он смотрел на ее губы.

— Не знаю... не разобрался, — ответил он, вдруг сжал объятия и впился в ее рот в глубоком поцелуе.

Настоящем первом поцелуе в ее жизни.

Любопытство взяло над ней верх, и Кэрол не стала вырываться, позволив ему себя целовать. Она даже попыталась ответить на его поцелуй, чтобы научиться это делать, и поняла, что ей очень нравится, прежде чем опомнилась. Она оттолкнула его, чувствуя, как пылает лицо.

— Тс-с-с, спокойнее! Все нормально, не паникуй! — поспешил успокоить ее Рэй. — Ну, теперь расскажи, что ты чувствовала?

— Я не знаю... А ты?

— Одно из двух, — вздохнул он, опуская красноречивый взгляд себе ниже пояса. — Либо ты не моя дочь, либо я извращенец.

Кэрол вылетела из машины, как из пушки, и бросилась в дом.

О том, что произошло в машине, Кэрол старалась не вспоминать, потому что этот поцелуй вызывал в ней еще больший стыд и отвращение, чем воспоминание о первом сексуальном опыте в мотеле. Она ужасно злилась и обижалась на Рэя, но на себя — еще больше. Как она могла пойти у него на поводу и согласится на такое? О чем думал он, зачем ему это надо? Ему-то, конечно, все равно, но как она посмотрит в глаза Куртни, когда та вернется?

Кэрол стала его избегать, опасаясь его очередных выходов. Но он, казалось, совершенно забыл о постыдном поцелуе, и вел себя, как обычно, словно ничего и не было. Это немного успокоило девушку, и она позволила себе наивно надеяться, что все пойдет по-прежнему. Только вопрос оставался открытым — отец он или нет? Если все-таки да, то от мысли о том, что она целовалась с собственным отцом, ей становилось дурно. А если не отец, тоже было не легче — тогда она целовалась с мужем Куртни, женщины, которая дала ей другую жизнь, легкую и беспечную, вытаскала из грязи, спасла ее от участи грязной шлюхи или гибели от руки собственной матери; женщины, подарившей ей семью, любовь, заботу и поддержку. Только благодаря ей, Кэрол почувствовала себя человеком.

Никогда в жизни Кэрол не простит себе этот поцелуй, ощущая себя неблагодарной и подлой дрянью. А еще — глупой дурочкой, позволившей Рэю запудрить себе мозги.

Кэрол навещала Джека Рэндэла через каждые три дня, чтобы не показаться навязчивой, но и не желая выглядеть равнодушной. Ей казалось, что она выбрала «золотую середину», не надоедая, но и проявляя участие, показывая, что ее волнует его здоровье.

С каждым ее посещением Джек выглядел все лучше. Он уже не только дышал самостоятельно, но и всюду дымил сигаретами прямо в палате, не обращая внимания на недовольство медперсонала.

Он упрямо отмалчивался, когда Кэрол расспрашивала о полученных травмах. Девушке оставалось делать выводы только из своих собственных наблюдений. Она поняла, что у него сломано ребро, и, скорее всего, не одно. Гипс был на правой руке и бедре. Судя по повязке, досталось и голове. А еще она мельком услышала из беседы врачей под дверью его палаты о каких-то внутренних разрывах и кровоизлиянии. Оказалось, что его оперировали. Это было все, что ей удалось узнать. Но и этого было достаточно, чтобы сердце ее обливалось кровью. Досталось же ему, и хорошо досталось.

Он почти не изменился, только стал более раздражительным и злым, но менять что-то в своей жизни так и не собирался. Его угнетало пребывание в больнице, а также свое неподвижное времяпрепровождение в постели. Бесила собственная беспомощность, скованность движений, тяжелый гипс.

Но более всего он страдал от скуки и безделья, привыкший к активному образу жизни. От телевизора ему уже тошнило, да и смотреть его долго он не мог из-за травмы головы. По той же самой причине он не мог пока читать.

Каждый день к нему приходила секретарь. Джек отдавал распоряжения, решал вопросы, даже на больничной койке не забывая о работе.

Приходили и его адвокаты. В этом Джек шел наперекор отцу, который пытался полностью отгородить его от посетителей, опасаясь за его безопасность. Не потому, что его коллеги могли причинить ему вред, а из-за возможности слезки, которая может привести сюда врагов или прессу.

Но Джек всегда был своенравным и непослушным сыном, всегда поступая по-своему, чем очень раздражал отца. Джордж Рэндэл сокрушался безрассудности и упрямству сына, но

очень любил его и гордился своим отпрыском, хотя и был весьма скуп на проявление чувств. Он сам воспитал сына, и был доволен результатом. Он уважал его стойкость и мужество, гордился тем, что ничто и никто не может сломать его сына, заставить струсить и отступить, но отеческое сердце болело. Джордж Рэндэл не хотел потерять его.

И если этот упрямый мальчишка не боялся за свою жизнь, то о Рэндэле — старшем этого сказать нельзя, и он прилагал все усилия, чтобы защитить своего сына. А того это только раздражало. Они постоянно спорили и ссорились, не желая уступать друг другу, и признавая каждый только свою правоту. Они никогда не проявляли любовь, презирая сентиментальность и «телячьи нежности», как выражались оба, никогда не признаваясь один другому в том, как на самом деле дороги друг другу. С тех пор, как их бросила мать Джека, их сплотила сама жизнь. Они остались вдвоем в целом мире, так было и по сей день. Из-за матери Джек недолюбливал женщин и не доверял им, Джордж Рэндэл так больше и не женился. Никто из них не хотел впускать в свою жизнь женщин, оба глубоко раненные всего лишь одной, которая была самой любимой и дорогой. Но Джордж Рэндэл не поддерживал нежелание сына завязывать серьезных отношений. Он считал, что теперь, когда карьера сделана, есть успех, собственная организация, признание и деньги, можно подумать и о женитьбе. Но Джек даже слышать об этом не хотел. Его жизнь — это сплошной холодный расчет, где женитьбе отводилось самое последнее место. Сейчас это ему не было нужно. А может, ему просто еще не встретилась женщина, которая перевернула бы все его планы и расчеты и побудила завести семью. И Джордж Рэндэл с нетерпением ждал, когда, наконец, его непутевый сын влюбится так, что в их семье появится женщина и ребятишки.

Он мечтал о внуках, уже заранее обожая их всем сердцем.

Поэтому, когда увидел, как в палату к сыну пришла девушка, принял ее с распростертыми объятиями, озадачив своей радостью и излишней приветливостью.

Кэрол же, наткнувшись на отца Джека, слегка растерялась.

— О, очаровательная барышня, проходите, прошу вас, не обращайтесь на меня внимания.

Я уже удаляюсь. Только сперва позвольте представиться. Джордж Рэндэл. А как зовут вас?

— Кэрол Мэтчисон, — ответила девушка, улыбнувшись.

— Мэтчисон? Уж не родственница ли вы Куртни Мэтчисон?

— Родственница, — ответил за нее Джек. — Не приставай к девушке. Она моя клиентка. *И все!*

Рэндэл — старший горестно вздохнул, бросив на сына угрюмый взгляд.

— Вы замужем? — поинтересовался он у Кэрол.

— Нет.

— Прекрасно. У меня к вам деловое предложение. Даже просьба.

— Какая?

— Выходите замуж за моего сына.

Кэрол чуть не выронила сумочку, недоуменно уставившись на странного мужчину.

— Хоть вы сжальтесь надо мной, милая девушка! Посмотрите на меня. Я старый больной человек. Моего сына все время пытаются отправить на тот свет, и я боюсь, что так и останусь без внуков, без сына, совсем один. Взгляните, он довольно симпатичный, к тому же обеспеченный. По-моему, очень даже достойный кандидат в мужья. Правда, характер — не подарок, но, думаю, вам с ним недолго мучится. Боюсь, быстро овдовеете. Только успейте мне родить хоть одного внука или внучку, прежде чем этого непутевого придурка прибьют. Вам достанется неплохое состояние, к тому же я буду заботиться о вас, будете жить, как в

сказке. Ну, что, согласны?

Кэрол молчала, пытаясь понять, шутка это или что?..

— Он шутит, Кэрол. Не обращай внимания, — ухмыльнулся Джек. — Отец, тебе не стыдно? Взгляни, как перепугал девушку!

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда не шучу, — огрызнулся Рэндэл — старший. — Плюешь на себя, позаботься хотя бы о своем старике. Хочешь умереть — твое дело, только меня не обрекай на одинокую старость! Оставь мне внуков!

— Не хорони меня раньше времени, я не собираюсь умирать!

— Насколько мне известно, никто перед тем, как попытаться отправить тебя на тот свет, не спросил, собираешься ли ты туда или нет! И, поверь мне, не спросят! И отправят, если не одумаешься! Девушка, — мужчина повернулся к Кэрол, — хоть вы скажите ему, чтобы прислушался к отцу, хоть раз в жизни!

— Ладно, отец, хватит! Кончай этот цирк! — разозлился Джек. — Без тебя разберусь, не маленький. У тебя своих дел хватает — вот и займись ими.

— Боже, как ты меня бесишь, отморозок! И откуда ты свалился на мою голову? И почему мамаша не забрала тебя с собой? Награждал бы ее седыми волосами и расшатанными нервами, а не меня!

— Иди на хрен, старый зануда!

— Сам иди на хрен, идиот!

Кэрол открыла рот, шокированная этой перепалкой.

— Сам найму толкового киллера, чтобы, наконец-то, прикончили тебя. Достал уже нервы трепать! — проворчал Рэндэл — старший, прикурил сигарету и невозмутимо протянул сыну. Тот спокойно взял и затянулся.

— Нет такого киллера, чтобы меня одолел, — усмехнулся Джек. — Только деньги на ветер выкинешь!

— И в кого ты уродился таким чудовищем?

— Ясно, в кого!

Лицо Джорджа Рэндэла расплылось в улыбке, и он дружелюбно хлопнул сына по плечу.

— Эй, осторожней, больно же! Забыл, что я весь переломанный?

— Ладно, не ной, «переломанный»! Найдем этого ублюдка и переедем пару раз, размазывая его кишки по асфальту, — утешил отец. — Что б другим неповадно было! А то распоясались, имеют моего сыночка, как хотят, да еще и калечат.

— Слушай, ты, кажется, собирался уходить. Иди уже, надоел.

— Ладно, пойду. Постарайся продержаться до завтра и не попасть опять под колеса или пулю, — съязвил Джордж Рэндэл и учтиво поклонился девушке. — Леди, приятно было познакомиться. Обязательно обдумайте мое предложение, оно стоящее, даю слово.

Кэрол снова улыбнулась ему.

— До свидания.

Джордж Рэндэл удалился, оставив ей незабываемое впечатление.

Джек, спокойно докуривая сигарету, улыбнулся девушке.

— Не обращай на него внимания. Мой папаша любит совать нос в мои дела и личную жизнь, как и твой — в твою.

— Вы похожи, — только и смогла сказать Кэрол.

— Даже слишком, — хмыкнул он. — Будь добра, подай пепельницу.

Потушив сигарету, он оперся о здоровую руку и приподнялся. Губы его слегка

скривились от боли.

— Помоги мне. Я хочу встать.

— Зачем? Тебе же, наверное, нельзя!

— Можно, — упрямо возразил он, откидывая одеяло и спуская здоровую ногу на пол. Со второй, скованной тяжелым гипсом, он не мог справиться, и, наклонившись, Кэрол помогла ему.

— Пожалуйста, подай-ка мне эту штуку, — он указал на стоявшие в углу костыли. — Один.

Девушка, сильно сомневаясь в том, что он поступает благоразумно, все же выполнила его просьбу. Держась за костыль здоровой рукой, он сделал усилие, пытаясь оторваться от постели, но только застонал от боли и с яростью отшвырнул ненавистный костыль.

— Не злись, за меня держись, — ласково сказала Кэрол и, присев, подставила плечо ему под мышку. Обняв его за талию, она не без усилия подняла его на ноги. Джек пошатнулся и зажмурился.

— Что?

— Голова кружится.

— Я же говорила, не надо. Давай, осторожно садись...

— Нет! Дай мне этот чертов костыль!

— А ты не упадешь?

— Нет.

Отпустив его, Кэрол быстро наклонилась, подобрала костыль и подставила ему под мышку. Стоя на одной ноге, опираясь здоровой рукой на костыль, Джек горестно вздохнул. О том, чтобы попробовать сделать хотя бы шаг, и речи быть не могло.

— Ну, и как я смотрюсь? — невесело хмыкнул он.

— Молодец, уже стоишь. Если бы не поломанная рука, мог бы и походить.

— На костылях? Не хочу!

Лицо его перекосилось от досады и злобы, и он снова отбросил костыль. Потеряв от резкого движения равновесие, он начал падать.

Кэрол успела его подхватить, но удержать не хватило сил, лишь смягчила и задержала его падение. Упав поперек кровати на спину, он скривился от боли.

— Ой, Джек, прости!

А он вдруг тихо засмеялся.

— Боже, как больно... мои помятые ребра, — простонал он, пытаясь подавить смех, который отзывался в поломанных костях острой болью. Не выдержав, Кэрол тоже засмеялась, помогая ему разместиться в кровати.

— Ничего, Джек, потерпи, скоро все заживет.

— Скорей бы! Будь проклят этот негодяй... Подтяни, пожалуйста, повыше подушку.

Наклонившись над ним, девушка поправила подушку.

— Удобно?

— Да вроде как... Спасибо.

Он бросил на нее благодарный взгляд.

— Не привык я к женской заботе... не по себе как-то.

— Почему?

— Боюсь, понравится, привыкну.

— И что в этом плохого?

Он не ответил, задумчиво смотря в окно. Кэрол тоже молчала, присев на стул рядом.

— Мне, конечно, очень приятно, что ты навещаешь меня, проявляешь участие, — проговорил он. — Понимаю, почему ты это делаешь. Только хочу сказать, что я не отказался бы от дела Мэттью Ланджа, даже если бы ты всего этого не делала.

— Ты думаешь, что меня волнует только благополучие Мэтта?

— Конечно, что еще? Можешь расслабиться и не напрягаться так. Я не отказываюсь от своих обещаний, поэтому тебе вовсе не обязательно заискивать передо мной. Кстати, детективы уже взялись за расследование. Есть и вторая приятная новость — получено разрешение на свидания.

Девушка благодарно кивнула, опустив голову и ковыряя длинным ногтем застёжку сумочки. Джек удивился, не увидев радости.

— Разве ты не рада?

— Рада... очень. Спасибо.

Она встала и поставила стул, на котором сидела, к стенке.

— Уже уходишь?

Кэрол показалось, что услышала в его голосе расстроенные нотки. Вот именно, что показалось.

— Да, мне пора. Поправляйся, — она вскользь ему улыбнулась и, так и не подняв к нему глаз, отвернулась и направилась к двери. Подобрав с пола костыль, она поставила его рядом со вторым, и вышла из палаты.

Проводив ее взглядом, Джек снова отвернулся к окну. Он понял, что она больше не придет. И, как всегда, он оказался прав. Но ошибся в другом, приняв искреннее беспокойство за корысть, и обидев эту бесхитростную добрую девочку. Это он тоже понял.

В больницу к Джеку Рэндэлу Кэрол больше не ходила. Даже когда приехала Куртни и предложила навестить его вместе, девушка отказалась, сославшись на важный зачетов университете. Но вечером она поинтересовалась у Куртни, как его самочувствие и здоровье. Куртни рассказала, что он рвется домой, но врачи категорично его пока не отпускают.

От Куртни Кэрол позже узнала, что Джек все-таки покинул больницу, наплевав на протесты врачей, и теперь потихоньку набирается сил дома.

Куртни дала ей его домашний номер телефона, предложив самой позвонить и справиться о здоровье.

Кэрол долго думала, звонить или нет, и так и не позвонила. Слишком уж неприятно было то, что ее желание помочь и облегчить его страдания, было воспринято, как заискивания ради Мэтта. Во всем Рэндэл видел корысть, потому что сам таким был. Кэрол считала, что пытаться его переубедить в чем-то — пустая трата времени, поэтому даже не пыталась. Пусть думает так, если такой дурак. Только больше «заискивать» перед ним она не хотела.

Кэрол ездила к Мэтту, поначалу с его матерью, а потом решилась увидеться с ним наедине. Узнав, что адвокат в больнице, Мэтт очень расстроился. Нельзя было сказать, чтобы Джек Рэндэл особо ему нравился, но Мэтт проникся к нему глубоким уважением и признательностью. Этот самоуверенный парень обнадеживал, но почему-то Мэтту хотелось быть осторожным с ним. Даже более — Мэтт побаивался его каким-то шестым чувством, ощущая в этом человеке силу, способную не только спасти, но и погубить. И в иной ситуации он ни за что не стал бы связываться с этим человеком. Рэндэл держал слово и, не смотря на случившееся с ним несчастье, дела его не остановились. Детективы ворошили прошлое, пытаясь разобраться в запутанных преступлениях. И о безопасности Мэтта адвокат уже позаботился. Это Мэтт понял, когда неожиданно его взял под свою опеку сам Крис Бартес со своими безжалостными убийцами. Этот человек держал зону изнутри, главенствуя над заключенными. Его боялись и уважали все, без исключения, даже начальник тюрьмы. Феликс Бон никогда не препятствовал правилам и законам, установленным между заключенными. Он знал, что за Бартесом на воле — люди серьезные, мафия, проще говоря, которые через таких, как Бартес, контролировали места заключения, чиня свои законы и расправы. Тех, кого Бартес брал под свою защиту, становились неприкосновенными. И только самые отчаянные могли покушаться на избранных, готовые отдать за это свои жизни. Таких находилось мало. Умирать, к тому же страшной мучительной смертью, не хотелось никому, даже тем, кто был обречен провести остатки жизни за решеткой. А у Мэтта не было здесь смертельных врагов, ненавидевших его настолько, чтобы расплатиться за это жизнью. Поэтому у него было достаточно оснований считать себя в полной безопасности, пока Бартес стоит за ним.

То, как Джек Рэндэл позаботился о его безопасности, лишний раз подтвердило то, что думал о нем Мэтт — этот адвокат далеко не прост. Он вхож в бандитский мир, более того, в его верхушки. Сильные мира сего взяли под свою защиту ничтожество, обгаренное кровью детей, до которого им нет никакого дела, потому что это было нужно этому странному

адвокату.

Видимо, Рэндэл действительно чего-то стоит, раз ему навстречу идут такие люди. И сомнения Мэтта по поводу того, удастся ли адвокату вытащить его из тюрьмы, быстро иссякали, уступая место надежде. Он позволил себе мечтать о свободе, о другой жизни. Рэндэл был прав, когда говорил, что это шанс начать все заново. Ему нравилось мечтать об этом. Единственное, о чем он не позволял себе мечтать — это о девушке, вернувшей его к жизни.

Ее любовь приводила его в полное смятение и растерянность. Сколько бы он не думал об этом, он так и не мог понять, откуда эта преданность и привязанность. Она совсем его не знала. Чем он так покорила ее сердце, что она запомнила его и разыскала, а теперь всеми силами пыталась помочь? Кому скажешь — не поверят. Слишком невероятно. Он сам до сих пор не верил.

Ни на секунду он не расставался с ее фотографией, подолгу рассматривал, любясь юным девичьим личиком. Он почувствовал влечение к ней с первого взгляда, но предпочитал это отнести как тягу к женщинам, а не к ней конкретно. Но, как бы ему этого не хотелось, он вскоре вынужден был признать, что это очень даже «конкретно». Он думал о ней постоянно, с нетерпением ждал встречи, чувствуя, что снова хочет жить, бороться. Мрак и пустота внутри него медленно, но верно отступали.

И однажды, во время очередного свидания, смотря на Кэрол, он понял, что одна ее любовь способна сделать его счастливым. Даже если он останется здесь. Он будет счастлив, ощущая себя любимым. И он сделал то, о чем потом пожалел. Он сказал ей, что она стала для него смыслом существования, что думает о ней, что стал мечтать о воле, как о возможности быть с нею. Сказал, что любит. И услышал то же от нее.

А позже, лежа глубокой ночью в камере, он упрекал себя в том, что поддался чувствам и разоткровенничался. Даже если он выйдет на свободу, какая он ей пара? Неудачник с поломанной жизнью и истерзанной, истощенной душой рядом с юной девушкой, достойной светлого и счастливого будущего. Разве сможет он ей это дать? А еще между ними целых восемнадцать лет. Весьма значительная разница в возрасте.

Зачем ей это, когда она может найти себе избранника помоложе и поудачливее? Незачем. Она молода, влюблена и может этого не понимать. Влюбленность может пройти, и она осознает ошибку. Только тогда может быть уже поздно.

Он дал себе слово поговорить с ней об этом, открыть ей глаза, вразумить, объяснить, что она достойна лучшего, чем он. Зарекся не думать о любви и поставить все на свои места, не позволить, чтобы между ними завязался роман, свести их отношения на дружеские. Но все время откладывал этот разговор, не в силах заставить себя уничтожить нечто прекрасное и светлое, зародившееся между ними. Наверное, это было любовью. И он так и не смог сказать ей, что ничего между ними не может быть, и убедить отказаться от него.

Он понял, что без любви и нежности в ее грустных глазах его жизнь станет еще более пустой и темной, чем была. Он позволил и ей, и себе поверить в их любовь, и не стал ничему препятствовать, подавляя в себе чувство вины за собственный эгоизм перед ней, за свою любовь к этой наивной и чистой девочке, почти в два раза младше него.

Он поделился своими переживаниями с матерью, когда та пришла на очередное свидание одна. Но та только порадовалась тому, что он не остался равнодушен к Кэрол, которую сама уже успела полюбить.

Моника Ландж не разделяла сомнения сына по поводу этой любви и единственной

помехой признавала только тюремные стены. Женщина с удовольствием стала воспринимать девушку, как будущую невестку, и уже строила планы об их совместном будущем, делясь ими с сыном. Он слушал ее с грустной задумчивой улыбкой, вспоминая о том, сколько раз убеждался, что в жизни не все так просто, как рисует перед ним его мама, и не веря в то, что даже после освобождения его ждет счастливая жизнь. Там, за толстыми тюремными стенами, точат зубы на него старые подруги — несчастье и неудача. Они оставили его в покое только здесь, и стоит ему выйти на волю, они тут же снова набросятся на него, свою излюбленную жертву. Такие вот мысли витали в его голове, мучимой частыми головными болями. Мигрень была еще одним его проклятием с детства. Никакое лечение не помогало. Иногда боль становилась такой невыносимой, что он терял сознание.

Поначалу, здесь его в таких случаях относили в лазарет, но потом стали просто укладывать на койку, предоставляя самому приходить в себя.

После таких приступов он некоторое время находился как в тумане, плохо понимая происходящее вокруг него и потом, обычно, не помня ничего из того, что происходило с ним, пока он был в таком состоянии, между небом и землей. И тюремщики, и заключенные привыкли к этим приступам мигрени, и не трогали его, позволяя отлежаться и прийти в чувства. Мэтт подавал прошение на обследование, предполагая, что причиной таких приступов может быть что-то посерьезнее мигрени, но ему отказали. Он не очень сокрушался по этому поводу. Если в его голове засела какая-нибудь опухоль — что ж, он смотрел на это, как на освобождение от бессмысленного существования без дальнейшего будущего в ненавистной тюрьме. Но так он думал, потому что был уверен, что никогда не выйдет отсюда. Сейчас он изменил свое мнение, и теперь, когда появилась надежда стать свободным, он очень переживал за свою жизнь, которую ему расхотелось терять. Он не рассказывал ни матери, ни Кэрол о том, что беспокоит его, но твердо решил, что если освободится, немедленно обратится к врачу и пройдет нужные обследования, чтобы узнать, что за недуг точит его мозг. А если не освободится, то это сразу теряло для него значение, как, впрочем, и все остальное.

Вокруг Джека Рэндэла снова разгорелся очередной скандал, затронувший и его отца.

Кэрол узнала об этом из новостей. Некая Анджела Верон обратилась в прокуратуру с заявлением, что отец и сын Рэндэлы убили ее мужа. Эта женщина истерически орала в камеру оператора, что муж ее бесследно пропал и винила в этом именно судьбу и его сына адвоката. Она призналась, что это ее муж совершил наезд на Рэндэла — младшего, уверяя, что сделал это из благих побуждений, чтобы наказать за все зло, которое тот чинил и предотвратить новое, остановить этого бандита — адвоката, помогающего преступникам избегать наказания. И за это Рэндэлы расправились с ним. Она требовала смертной казни для обоих.

Джордж Рэндэл отказался даже ответить перед прессой на эти обвинения, давая понять, что не собирается препираться с какой-то истеричкой. Мало того, что ее муж едва не убил его сына и заставил так его пострадать, так она еще обвиняет их в расправе над этим «мстителем», таким добрым и хорошим, делая преступников из них, а не того, кто пытался совершить убийство.

Верона — «мстителя» так и не нашли. А доказательств в причастности к его исчезновению Рэндэлов не было. Им даже не было предъявлено официального обвинения. Предположений Анджелы Верон для этого было мало, и вскоре об этом скандале было забыто.

Но Кэрол об этом забыть не могла. Она помнила слова Джорджа Рэндэла, когда он говорил сыну, что они найдут его обидчика и «размажут его кишки по асфальту». И почему-то ей казалось, что Рэндэлы вполне способны учинить собственную расправу над обидчиком. Возможно, так казалось не ей одной, но только ни ей, ни всем остальным, кому «казалось», не дано узнать правду. Кэрол не могла осуждать Джека и его отца за то, что ответили ударом на удар. Стоило только вспомнить, с какой жестокостью и ненавистью этот человек ударил Джека машиной, как страдал молодой человек от полученных травм и еще не известно, по крайней мере Кэрол, какой вред его здоровью они нанесли — и ей совсем не жалко было Верона.

Если он решил, что вправе расправиться с Джеком, то почему Джек не может сделать то же самое с ним? Жестоко и беспредельно, но так же, как поступил Верон.

Так думала обо всем этом Кэрол. От Куртни она узнавала о состоянии здоровья Джека. Он быстро шел на поправку. Кэрол решила не беспокоить его, пока он полностью не оправится от травм. Ранее говорить о работе, по ее мнению, было не приемлемо. Хотя ей страшно хотелось узнать, добились ли чего-нибудь в своем расследовании детективы.

Джек позвонил сам. Кэрол сама себе удивилась, когда запрыгала на месте от радости, услышав его бодрый непринужденный голос, тепло ее поприветствовавший через трубку.

— Как твое здоровье, Джек? — смущенно спросила она, чувствуя стыд за то, что все-таки не позвонила и не поинтересовалась раньше.

— Избавился от гипса, пытаюсь отвыкнуть от костылей, — с усмешкой поведал он. — А ты все еще сердисься?

— Сержусь? — девушка сделала вид, что не поняла, о чем он.

На мгновенье в трубке повисла тишина, потом Кэрол расслышала тяжелый вздох.

— Я бы хотел извиниться. Признаю, что был неправ. Я болван и грубиян, да?

— Ну, в общем... есть немного.

Он засмеялся.

— Никто меня не любит! Хоть ты не собираешься меня прикончить за нанесенную тяжкую обиду?

— Нет, мне кажется, тебе и без меня хватает таких желающих. А я из тех, кто на твоей стороне.

— Правда? Это радует. Постараюсь не потерять твоего расположения.

— Не потеряешь. Ты так много сделал для меня, помогаешь... и ничего не требуешь взамен.

— Постой, ты что, передумала мне платить? — пошутил он.

— Нет, — засмеялась Кэрол, а потом застенчиво продолжила. — Я хочу сказать тебе, что, даже если у тебя ничего не получится, я все равно буду очень благодарна и никогда не забуду того, как ты помогал.

— Помнишь, ты сказала, что я хороший и добрый? Ты, правда, так считаешь?

Кэрол улыбнулась, услышав в его голосе удивление и сомнение.

— Да! А что?

— Да... ничего... Просто первый раз это слышу.

— Наверное, другие стеснялись сказать тебе об этом.

— Зато не стеснялись говорить о том, какой я бессердечный и бессовестный, — он хмыкнул. — Как Мэтт? Видитесь?

— Да. Он меня уверил, что ты уже обеспечил ему полную безопасность. Это так?

— Полную безопасность обеспечить нельзя никому и никогда. Но я сделал все возможное.

— А что именно?

— Можно сказать, что я приставил к нему самую лучшую охрану, какая только может быть. Будь спокойна. И верь мне. Я сделаю все, как надо.

— Я верю тебе. А есть какие-нибудь новости от детективов?

— Они работают.

— Спасибо, Джек.

Наступила неловкая пауза.

— Как ты справляешься один дома? — поинтересовалась Кэрол, не придумав иного способа продолжить разговор.

— У меня домработница со всем справляется. И обо мне, калеке, заботится, дай бог ей здоровья.

— Я понимаю, что мое предложение запоздало, но все же... Тебе не нужна помощь?

— Как догадалась? Как раз именно сейчас очень даже нужна. Моя домработница заболела и покинула меня. То есть, я не хочу сказать, чтобы ты побыла моей домработницей, — спохватился он. — Просто, если тебе не трудно...

— Мне не трудно, — со смехом перебила его Кэрол.

— Я бы мог попросить свою секретаршу, но она в последнее время страшно меня раздражает. Я не вынесу, если она будет мелькать у меня перед глазами. Собираюсь ее уволить.

— Она мне тоже не нравится. Еда у тебя дома есть?

— Я заказываю в ресторанах...

— Понятно. Ладно, жди, «скорая женская помощь» уже выезжает.

— Ты приедешь прямо сейчас? У тебя же занятия в университете.

— Я все равно уже опоздала.

Кэрол была безумно рада тому, что может хоть в чем-то быть ему взаимно полезной, отплатить за все, что он для нее сделал и делает, помочь, как он помогает ей и Мэтту. К тому же это была хорошая возможность укрепить с ним отношения. Кэрол все еще надеялась заполучить его в друзья, или хотя бы в хорошего приятеля. Сама судьба предоставляла ей такой шанс.

По дороге она заехала в продуктовый магазин, и продолжила свой путь уже с двумя набитыми сумками.

Ей пришлось ждать, как минимум, минут пять, прежде чем Джек открыл ей двери. Кэрол прошла за ним из прихожей в просторную комнату, исподтишка разглядывая его. Он сильно хромал, опираясь на палочку, и было заметно, что ему все еще очень тяжело передвигаться. Немного непривычно было видеть его в том, во что он был одет — майку и джинсы.

Он казался моложе и совершенно терял свой деловой и серьезный вид адвоката — акулы. А с палочкой он выглядел беспомощным и потерянным. Кэрол не могла не заметить, что, не смотря ни на что, он был безупречно выбрит и причесан.

Вопреки ее ожиданиям, в квартире царил полный порядок, в который не вписывался только стоявший посреди комнаты пылесос.

— Домработница забыла убрать? — ненавязчиво поинтересовалась Кэрол. Джек смущенно отвернулся.

— Да нет, это я пытался прибраться.

— Зачем? А я тогда для чего приехала?

— Ну не думаешь же ты, что я позвал тебя для того, чтобы ты занималась домашней работой? Мне просто ужасно скучно и одиноко здесь одному.

— Мне вовсе не зазорно было бы помочь тебе с уборкой, и совсем не обязательно было издеваться над собой и самому все делать!

— Ну, да! — он хмыкнул. — Да я бы ни за что не впустил бы тебя в неприбранную квартиру!

— Выходит, что именно мой визит заставил тебя так напрягаться. Знала бы, не пришла.

— Да не очень-то я и напрягался, не кори себя. Всего лишь пыль смахнул, да пропылесосил.

— А обед, случайно, не приготовил? — съязвила девушка.

— Нет, не умею. Могу только пожарить или сварить яйца... ну, еще бутерброды сделать. А еще кофе умею варить. Кстати, а что у тебя в пакетах?

— Твой будущий обед. Где у тебя кухня?

— Там, кажется, — он указал здоровой рукой направление. — Но тебе совсем не обязательно что-то готовить, я позвоню в ресторан...

— А это куда? В мусорное ведро? — Кэрол подняла пакеты с продуктами. — Раз уж я приехала и все это сюда притащила, тебе придется попробовать мою стряпню. Это тебе будет наказанием за то, что обманул меня.

— Не пугай меня. Ты так плохо готовишь?

— А с чего ты взял, что я вообще умею готовить? Я этого не говорила.

— Тогда, может, все-таки не будем рисковать и положимся на старый добрый ресторан?

— Ну уж нет. Позвал помочь, теперь терпи, — Кэрол направилась по указанному направлению на кухню.

— Ну, ладно, — сдался он. — А можно я посмотрю?

— Можно.

Убрав пылесос, он прихромал на кухню и уселся на стул у окна. Дымя сигаретой, он с любопытством наблюдал за девушкой.

— Ты меня обманула. Для человека, не умеющего готовить, ты слишком ловко орудуешь ножом. Даже ногти свои красивые не повредила.

Кэрол лишь улыбнулась в ответ.

— Ни за что не поверю, что Куртни умеет готовить.

— Не умеет. Для этого у нас есть Дороти.

— Тогда как вышло, что ты умеешь? Научилась для общего развития, так сказать?

— Я не всегда жила у Куртни, — тихо ответила девушка, не смотря на него. — Я с пяти лет помогала на кухне, кое-чему успела научиться.

— С пяти лет? Не рановато ли?

— Нет, наверное.

— А чему ты еще успела научиться, когда жила не у Куртни? С матерью, я полагаю?

— Да, с матерью.

— Вы жили вдвоем, и тебе приходилось во всем ей помогать?

— Да, примерно так.

— А теперь?

Нож замер в ее руках, Кэрол невольно напряглась, ощущая поднимающуюся в груди

горечь.

— А теперь нет! — резко ответила она, пытаясь подавить всколыхнувшееся чувство вины, которое все чаще в ней просыпалось. Элен была больным, одиноким, никому не нужным человеком, а она — ее дочерью.

Можно ли таить обиду и злость на психически больного человека? Возможно всему тому злу, что Элен причинила, была виной эта болезнь. Кэрол часто задумывалась об этом в последнее время. И чем старше она становилась, тем больше грызла ее совесть за то, что отреклась от матери, что бросила ее. Она регулярно пересылала деньги в клинику, где находилась Элен, но теперь ей казалось, что этого мало. Она думала о том, чтобы навестить ее, но не могла преодолеть страх. И еще не была уверена, что Элен будет ей рада, что ей нужна забота своего ненавистного ублюдка.

Покосившись в сторону, она заметила, что Джек слишком уж пристально смотрит на нее. Какого черта он задает ей такие вопросы, и почему она должна ему отвечать? Неужели поговорить больше не о чем, кроме как о ее детстве?

— А что еще, помимо домашней работы, твоя мама заставляла тебя делать?

Острое лезвие ножа соскользнуло и больно резануло Кэрол по пальцу, из которого мгновенно хлынула кровь. Бросив нож на столешницу, девушка обернула вокруг порезанного пальца салфетку.

— Что ты имеешь в виду? — как можно равнодушнее спросила она Джека, пытаясь не показать своего раздражения.

— Принесу аптечку, — он поднялся и медленно вышел, опираясь на палочку.

Кэрол опустила на стул. По телу гуляла нервная дрожь. Глубоко вздохнув, девушка заставила себя успокоиться. Вернулся Джек и, сев напротив, освободил ее палец от салфетки, которую отправил в мусорное ведро.

— Я сама, спасибо, — Кэрол отняла у него свою руку, но он поймал ее за запястье и, не говоря ни слова, стал осторожно вытирать кровь. Девушка больше не стала возражать, позволив ему позаботиться о ней, раз ему так уж этого хотелось.

— Просто я подумал, что раз вы жили с матерью вдвоем, без мужчины, ей, наверное, нелегко приходилось? — невозмутимо продолжил он прерванный разговор.

— Нелегко.

— С деньгами, должно быть, трудности были?

— Иногда.

— И ты, наверное, пыталась как-то ей помочь?

— Я подметала в парке с друзьями, нам за это платили.

— Тяжело было?

— Да нет, весело, — Кэрол мечтательно улыбнулась, вспомнив Эмми, Тимми и Даяну и то, как хорошо им было вместе.

— А чем занималась твоя мама?

— Она была управляющей мотеля.

— Тяжелое детство у тебя было? — не отставал он, накладывая на порез пластырь.

— Обычное, как у всех.

— Правда? Не все дети режут себе вены, — он развернул ее запястье и бесцеремонно задрал рукав, обнажив едва заметные следы, оставшиеся от безобразных шрамов. Лицо девушки запылало, и она грубо вырвала из его пальцев свою руку, одернув рукав.

— Просто нервный срыв после похорон самого дорогого человека.

— Бой-френда, что ли?

— Нет.

— Глупо.

— И без тебя знаю.

— Больше суицидные мысли не появлялись?

— Нет, — тихо ответила Кэрол, грустно понуриив голову. — Еще вопросы есть?

Он покачал головой и оставил, наконец-то, ее в покое. Кэрол вернулась к столу и взялась за нож. Глаза застилали слезы. Она могла вообще не отвечать ему, но тогда он заподозрил бы неладное. Лучше сделать вид, что ей нечего скрывать. Уж очень ей не хотелось, чтобы Джек удовлетворил свое любопытство сам, копаясь в ее прошлом. Одного она не могла понять — какое ему дело до ее детства? Отвратительная привычка везде совать свой нос!

Но больше эту тему он не затрагивал, видимо удовлетворив свой интерес. Они вместе пообедали, и он искренне похвалил ее стряпню. Похоже, он был очень доволен, находился в прекрасном расположении духа, улыбался, шутил, смеялся. Настроение у Кэрол приподнялось, она забыла про неприятный разговор.

— Мне кажется, ты хочешь о чем-то меня спросить, — заметил он, тщательно натирая бокал хлопчатобумажной салфеткой, пока девушка домывала посуду.

— Нет. С чего ты взял?

— По глазам вижу. Валяй, не стесняйся.

— Говорю, не хочу.

— А я говорю — спрашивай. Не укушу, не бойся.

Кэрол колебалась.

— Это не мое дело.

— Ну, как хочешь, — он открыл шкаф и поставил на полочку бокал.

— Что ты думаешь об исчезновении Верона? — выпалила Кэрол, не сдержавшись. Он пожал плечами.

— Понятия не имею. Наверное, струсил и сбежал. А может, нашелся такой же «мститель», возмущенный его поведением, и решил наказать.

— И ни ты, ни твой отец не имеете к этому отношения? — набравшись наглости, спросила девушка. В конце концов, если он лезет к ней с расспросами, почему и ей не спросить?

Сложив руки на груди, он устремил на Кэрол насмешливый взгляд.

— Считаешь, что мы его нашли и прикончили?

Девушка втянула голову в плечи, уже жалея о том, что завела этот разговор, и спрятала глаза.

— Нет, но твой отец же говорил... Значит, нет?

— Нет. Мы не убийцы.

— Прости, Джек.

— Ничего. Я бы на твоём месте тоже усомнился. А если говорить откровенно, то я очень надеюсь, что он сдох.

— Я понимаю. Ты из-за него столько выстрадал.

— Не потому. Просто я не умею прощать.

— А если он не умер, а все-таки сбежал, как ты говоришь?

— В таком случае, его жена не устраивала бы такой скандал, а молчала бы «в

тряпочку».

— А может, она сама не знает, что он сбежал? Если он ничего ей не сказал, чтобы не оставлять следы?

Джек снова пожал плечами.

— И ты не собираешься это проверить?

— Я пытался. Но он исчез бесследно.

Кэрол не поверила ему. Она знала его не так давно и хорошо, но в одном была уверена — если бы дело обстояло так, как он говорил, он бы не сдался так просто. Он бы землю зубами рыл, чтобы найти своего обидчика, живого или мертвого. А то, что он так легко потерял к нему интерес, говорило только об одном — он за себя уже отомстил.

— Дело твое, можешь не верить, — спокойно проговорил он, как будто прочитал ее мысли. — Только мне незачем тебе врать. Даже если бы это было наших рук дело, и ты об этом бы узнала, ничего не смогла бы сделать. Ты против нас — это даже смешно. Ты не представляешь никакой угрозы, и, если бы мы с ним расправились, я бы не стал это скрывать. От тебя.

— Потому что считаешь меня полным ничтожеством? — оскорбилась Кэрол. — А себя и своего отца — всемогущими и неприкасаемыми?

— Ты не правильно поняла мои слова, — он мягко улыбнулся. — Я бы сказал тебе, потому что знаю, что ты никогда и никому бы это не рассказала. Во-первых, потому что я тебе нужен, а во-вторых, ты просто не такая.

— Откуда ты можешь знать, какая я?

— Знаю. Не обижайся, но тебя насквозь видно.

— Правда? — удивилась Кэрол.

— Угу. Ты считаешь, что я расправился с Вероном, но на самом деле не осуждаешь меня за это. Разве я не прав?

Девушка смущенно промолчала. Неужели она действительно вся такая «понятная»? Или это он чересчур проникательный? В любом случае, ей совсем не нравилось, что он умеет читать ее мысли.

— Я обязательно с ним расправлюсь, если он жив, но другим способом — отправлю его за решетку. Я могу не только вытаскивать оттуда, но и затолкать туда, и сделать его пребывание там таким не сладким, что он пожалеет, что на свет родился.

— Может, это сделал твой отец, а от тебя скрывает? — предположила Кэрол.

— Мой отец тоже не сторонник таких методов. Со своими врагами мы вполне способны расквитаться в рамках закона.

Поспорить с этим было трудно, и Кэрол начала думать, что, скорее всего, ни он, ни его отец действительно не причастны к исчезновению Верона. Но сомнение все же осталось. Чтобы ни говорил Джек, он — человек умный. А умный человек никогда не стал бы рассказывать всем подряд о своем преступлении, наоборот, попытался бы разубедить слишком подозрительных.

И, надо признать, у Джека это вышло блестяще! Он почти ее убедил.

Разговор на этом был окончен. Кэрол не стала об этом больше задумываться. Зачем ломать голову, если все равно никогда не узнаешь правду? К тому же, излишнее любопытство до добра не доведет. Если Рэндэлы, все же, хладнокровные убийцы, то ничто не помешает им отправить и ее следом за Вероном, чтоб не совала нос, куда не следует. С другой стороны, зачем им обагрять свои руки кровью, если в их силах уничтожить врагов

чисто и красиво, в рамках закона, как говорил Джек? В том, что они могли это сделать, Кэрол даже не сомневалась.

В общем, она попросту выкинула все эти мысли из головы, понимая, что задачка эта не для ее ума.

Перед тем, как уйти, она пообещала Джеку, что забежит завтра после занятий.

Она приходила к нему каждый день, удивляясь про себя тому, что его домработница так долго болеет.

Но потом Джек объяснил, что у бедняжки болезнь обострилась тяжелой пневмонией. Кэрол готовила ему еду, и даже пару раз он позволил ей пропылесосить и вытереть пыль с мебели. Вещи и белье он сам отдавал курьеру из прачечной, наотрез отказавшись поручить это «грязное» дело Кэрол.

В один из таких вечеров, когда Кэрол уже заканчивала с приготовлением ужина, а Джек умывался в ванной, зазвонил телефон.

— Джек, телефон!

— Возьми трубку, пожалуйста!

Звонили из прачечной и просили забрать вещи, так как курьер заболел. Кэрол узнала адрес и решила заскочить завтра в прачечную. Не успела она положить трубку, как снова раздался звонок.

— Алло!

В трубке повисла тишина. Никакого ответа.

— Я слушаю, говорите! — Кэрол решила было уже положить трубку, подумав, что что-то со связью, но на том конце провода все-таки заговорили:

— Вы кто?

Кэрол узнала голос секретарши Джека и, попросив ее минутку подождать, вынесла трубку из кухни.

— Джек, секретарь звонит!

Он уже вышел из ванной и, не спеша подойдя к девушке, взял у нее трубку. Кэрол отправилась снова на кухню, невольно слыша его разговор.

— Что, Ванесса? — недовольно спросил он, даже не поприветствовав девушку. Молчание, затем снова его раздраженный голос. — Я же сказал, пошли этого мистера Титерсона... не перебивай, Титерсон он или Питерсон — мне до одного места! Его делом заниматься мы не будем! И ребятам скажи, чтоб не брались, ясно? Еще вопросы? Что?! Нет, это не новая домработница, — он понизил голос, но Кэрол все равно было слышно каждое слово. — Так, девочка, истерик мне не закатывай, твои сопли мне уже поперек горла! Уволю к чертям собачьим!

На этом, видимо, разговор был окончен. Джек бросил трубку.

Вот те на! Никак, премиленькая секретарша пыталась устроить ему сцену ревности! Для Кэрол это было неожиданностью. Видимо, Джек не такой уж одинокий мужчина. Неужели спит со своей секретаршей?

Кэрол было ужасно любопытно, но перед Джеком она сделала вид, что абсолютно ничего не слышала.

Она украдкой изучала его взглядом, пока он стоял у окна и неторопливо курил, задумчиво смотря на улицу. Такой интересный мужчина, умный, привлекательный — неужели не может найти женщину, зачем опускаться до связи с собственной секретаршей? Кэрол почувствовала, как в ней поднимается разочарование. Она была уверена в том, что

стоит ему только захотеть, и у него будет хоть десяток женщин. Только дура или та, чье сердце уже занято, может отвергнуть его, молодого, знаменитого, преуспевающего. Обычно таких мужчин не отвергают, наоборот, за ними охотятся. Кто его знает, может за ним и охотятся представительницы прекрасного пола.

Кэрол так мало знала о его жизни, а о личной — и подавно. Может, у него на самом деле много женщин, и он меняет их, как перчатки, предпочитая необременительные и не затягивающиеся связи. А может, он действительно одинок. Об этом говорило присутствие Кэрол в его доме — совершенно чужой и посторонней. А домработница — единственная женщина, которая могла о нем позаботиться, другой, судя по всему, не было.

Кэрол очень хотелось спросить его об этом, но она не решилась.

Они, вроде бы, немного сблизились, и отношения между ними стали покрепче, почти дружеские, но не настолько, чтобы лезть друг другу в душу.

По крайней мере, Кэрол позволить себе этого не могла. Это он мог позволить себе все, от бесцеремонных вопросов до копания в чьей-либо жизни, не спрашивая ни у кого разрешения. Но у Кэрол, помимо тех нескольких вопросов о ее детстве, он больше ничего не спрашивал. Ее личной жизнью не интересовался, поэтому Кэрол не могла спросить об этом и его.

Занятия в университете отменили из-за какой-то водопроводной аварии, и Кэрол решила воспользоваться неожиданно освободившемся днем, чтобы навестить семью Берджесов. И Эмми. Пробежав по магазинам, она купила подарки, заранее радуясь предстоящей встрече. Заехав в прачечную, она забрала вещи Джека, планируя завести их ему и заодно предупредить, что сегодня вечером не придет. Она собиралась остаться у Берджесов на выходные.

Дверь открыла секретарша Джека, и Кэрол растерялась от неожиданности. Девушка смерила ее уничтожающим взглядом.

— Тебе кого?

— Здравствуй, Ванесса, — Кэрол приветливо улыбнулась, стараясь не замечать ее задиристый грубый тон. — Джек дома?

Глаза девушки вдруг налились кровью, она стояла на пороге, всем своим видом давая понять, что не собирается впускать гостью в квартиру.

— Я узнала твой голос. Это ты была здесь вчера вечером, — сказала Ванесса и неприятно улыбнулась. — Ты заменяешь домработницу, Джек мне сегодня объяснил. А я, дура, приревновала, представляешь? Глупо, правда?

Она засмеялась.

— Да, наверное, — пробормотала Кэрол, выдавив улыбку, и передала ей пакет с вещами Джека. — Вот, это из прачечной...

Девушка поставила пакет за дверь и протянула Кэрол деньги.

— Что это? — Кэрол в замешательстве посмотрела на нее, встретившись с зелеными кошачьими глазами.

— Ты плохо видишь, милочка? Это деньги.

— Зачем?

— За услуги.

— Какие услуги?

— Домработницы.

В груди у Кэрол закипело, но девица быстро отправила ее в нокаут следующими словами:

— Джек просил передать тебе эти деньги, а так же сказать, что в твоих услугах больше не нуждается.

Увидев на лице Кэрол сомнение, девушка начала терять терпение.

— Что-то не понятно? Пожалуйста, бери деньги и уходи. Неужели не понимаешь, что не вовремя? — она недвусмысленно улыбнулась, понизив голос.

— Понимаю... Прошу прощения.

— И не суйся сюда больше! — с внезапной злостью прошипела Ванесса, сузив глаза. — Я сама о нем позабочусь. Это мой мужчина, и я порву любую, кто попробует его у меня отобрать, ясно?

Швырнув Кэрол деньги, она захлопнула дверь, не интересуясь ответом. Пожав плечами, Кэрол отвернулась и пошла к лифту, но услышала, как дверь снова открылась.

— Кэрол! Подожди!

Нажав кнопку вызова лифта, она обернулась на голос Джека и улыбнулась.

— Привет, Джек!

— Привет, — он тоже улыбнулся и подошел к ней.

С крайним изумлением Кэрол увидела, что он прекрасно передвигается без палочки, когда еще вчера, как казалось, не мог без нее обходиться.

— Рада, что тебе уже лучше, — сказала она.

Он смутился, видимо только теперь заметив, что забыл свою палочку.

— Да, представляешь, попробовал сегодня походить без палки, и у меня получилось. Поначалу было тяжело и непривычно, но потом нога разработалась... Здорово, правда?

— Угу. Теперь на работу?

— Ну, да. А ты... сегодня пораньше?

— Занятия отменили, и я решила съездить на выходные в гости. Думала сначала занести тебе вещи из прачечной, у них там курьер заболел, — она смущенно отвернулась. — Я не хотела вот так, неожиданно. Ты извини. Хотела как лучше.

— О чем ты говоришь?

— О том, что помешала вашей... работе.

Открылись двери лифта, и Кэрол вошла внутрь, не заметив, как вытянулось лицо Джека от ее слов. Она указала ему на пол площадки со словами:

— Вон деньги, они упали... нечаянно. Не забудь собрать.

— Какие деньги? — не понял он и обернулся.

— За услуги домработницы.

Он снова повернулся к ней, но двери лифта уже закрылись.

Ванесса вжалась в стену в прихожей, увидев, как его лицо побагровело от ярости. Он влетел в квартиру, с силой захлопнув за собой дверь, и остановился напротив девушки, пронзая ее таким взглядом, что она испуганно втянула голову в плечи.

— Что ты ей сказала? — хрипло спросил он и внезапно голос его сорвался на крик. — Что ты сказала, я спрашиваю!

— Ничего! Ничего такого! Она принесла вещи из прачечной, и я подумала, что это курьер, ну, и, естественно, хотела расплатиться за работу.

— Идиотка! Какого черта вообще лезешь двери открывать?

— Но ты же говорил по телефону, вот я и открыла.

— А что еще ты сказала?

— Больше ничего. Клянусь, ничего! — вскричала она жалобно, когда она больно схватил ее за руку. — Наверное, она сама не так поняла...

— Что она поняла не так?

— Не знаю...

— Отвечай! Или я тебя сейчас... — он угрожающе потянулся к ее горлу.

— Мне кажется, она подумала, что между нами что-то есть! — девушка схватила его за руку и осыпала ее поцелуями. — Пусть думает, что хочет, Джек, тебе какое до этого дело? Кто она для тебя? Почему ты так злишься?

— Она так подумала, потому что ты ей это сказала или дала понять, дрянь! — он грубо оттолкнул ее и вдруг ударил тыльной стороной ладони по лицу. Вскрикнув, девушка прикрыла лицо руками.

— Ты уволена! Пошла вон! — схватив ее за руку, он вытолкнул девушку за дверь. Следом вылетели ее сумочка и жакет.

Опустившись на пол перед закрывшейся дверью, Ванесса горько разрыдалась.

— Джек, не гони меня! Я люблю тебя! — выла она, размазывая слезы и косметику по лицу. — Джек! Джек!!!

Ее вопли привлекли внимание соседей, которые с любопытством выглядывали из своих дверей. Девушка радостно улыбнулась, когда он вышел, но радость ее была не долгой, потому что Джек поднял ее на ноги и бесцеремонно затащил в лифт.

— Закрой рот, дура! Не позорь меня перед людьми!

Она набросилась на него с поцелуями, и чем с большей злостью он ее отталкивал, тем с большим отчаяньем она пыталась его обнять.

— Успокойся, ненормальная! — ему ничего другого не оставалось, как просто прижать ее вытянутой рукой к стене, потому что даже со своей мужской силой не мог иначе справиться с обезумевшей девушкой.

— Я покончу с собой, клянусь!

— Ха, напугала! — усмехнулся он, выводя ее из лифта, и махнул рукой охране. — Плакать за тобой я не буду, и совесть меня не замучает, если на это надеешься. Зато вздохну с облегчением — это я могу тебе пообещать.

— Я не шучу!

— Я тоже. Подыхай, если хочется. Мне все равно. Уберите отсюда эту чокнутую, — велел он подоспевшим охранникам. — И не пускайте больше!

Проследив за тем, как девушку вывели за дверь, он, успокоившись, отправился к себе. Разместившись в удобном кресле, он позвонил одному из своих помощников.

— Зак, подыщи-ка нам новую секретаршу. Ванессу в офис не пускать. Да не бери больше молоденьких дурех! Мне нужна серьезная замужняя женщина, желательно с детьми. Чего смеешься? Мне совсем не смешно!

День был мрачным и хмурым. Тяжелые серые облака быстро плыли по небу, затмевая солнце и не позволяя ни одному теплему лучику пробиться на землю. С запада дул холодный пронизывающий ветер, колыхая ветви высоких деревьев. Вокруг было очень тихо. Лишь редкий крик ворона пронзал тишину, навевая еще большую тоску.

Кэрол была совершенно одна на аккуратном небольшом кладбище.

Сидя у могилки, она с отстраненным видом вслушивалась в завывание ветра, гуляющего меж надгробных плит, не замечая, как сгущаются сумерки. Сжавшись под порывами ледяного ветра, она смотрела на фотографию Эмми. И плакала. Так было всегда, каждый раз, когда она приходила сюда. Дрожащим тихим голосом она рассказывала ей о том, что произошло в ее жизни с того момента, когда она была здесь в последний раз. О Мэтте, Джеке, Рэе и Куртни. О Даяне. Об Элен.

— Если бы ты была со мной, ты бы поддержала меня, и мы вместе бы поехали в клинику. С тобой мне не было бы так страшно. Ты бы утешила меня, если бы она меня прогнала, смягчила бы мою боль. Я поняла, что люблю ее, несмотря ни на что, люблю такой, какая она есть. Она — единственный родной человек для меня. А я — для нее. Мы ведь семья, одни во всем мире. У меня есть Куртни и Рэй, но они все равно чужие. Только с ней мы плоть от плоти, кровь от крови. И я хочу быть с ней, заботиться, любить. Она моя мама, другой нет и никогда не будет. Рэй настоял на анализе ДНК, хочет знать, его ли я дочь. Я согласилась. На следующей неделе Куртни уезжает, и мы получим результаты обследования. А Мэтт сказал, что любит меня. Я молюсь, чтобы он вышел на свободу. Не знаю, получится ли у нас с ним что-нибудь. Надеяться боюсь. Слишком все в моей жизни ненадежное, хрупкое, все рушится, не успев даже наладиться. Боюсь его потерять, я всех теряю, кого люблю. Ну, ладно, вру, не всех. Люблю твоих родителей, братика твоего, Куртни, Рэя, Дороти, Даяну. А Мэтта люблю больше всех. Никого не хочу больше терять. Мне кажется, что больше я этого не выдержу. А Мэтт... он почти не изменился, старше только стал. Знаешь, какой он? Красивый, очень красивый. И глаза у него необыкновенные, за сердце берут, словно в самую душу глядят. Он бы тебе тоже понравился. Болит сердце за него, покоя мне нет, пока он там. А когда он рядом, мне так хорошо становится, как никогда хорошо не было. Ты там, на небесах, наверное, все знаешь. Знаешь, что нас ожидает, только сказать не можешь. Как бы я хотела с тобой поговорить, Эмми. Если бы ты только знала, как мне тебя не хватает, как тоскую по тебе. До встречи с тобой моя жизнь была пуста, опустела она после того, как тебя не стало. И никто никогда не сможет заполнить эту пустоту на том месте в моей жизни, которое занимала ты. Кроме Даяны, у меня нет друзей. Никого. С Даяной мы видимся очень редко. Друзей нет. Мужчин боюсь. Так одиноко было. Но теперь у меня есть Мэтт. Есть, наконец-то, любовь. Случилось чудо, я вернула его в свою жизнь, через тринадцать лет, но все-таки вернула. Только тебя мне не вернуть, никогда. Моя Эмми, ну почему ты не живешь, почему? Никогда не прошу Всевышнему твою смерть. Все прошу, но только не это. И пусть он покарает меня за эти слова, мне все равно, ничего страшнее и больнее твоей смерти для меня уже не будет. И время не лечит, совсем не лечит. Мои слезы о тебе никогда не иссякнут. Я знаю, ты сейчас сердись на меня и ругаешь, обзываешь

слабачкой и нюней, но я все равно буду плакать о тебе. Я буду сильной в чем-нибудь другом, а здесь, у твоей могилы, позволь мне быть самой собой — слабой и никчемной, выпрашивать у тебя помощи и защиты, как когда-то, когда мы были вместе, и я всегда пряталась за твою спину, потому что ты была сильной и смелой, а я... Что говорить, сама знаешь. Думаешь, я изменилась с тех пор? Нет. Я по-прежнему прячусь за чьи-либо спины, ищу поддержки и помощи от тех, кто что-то может в этой жизни. Как бы я хотела быть такой, как ты, как Куртни или Джек.

— Как я? Почему?

Кэрол подпрыгнула на месте, вскрикнув от неожиданности.

— Боже мой, Джек, как ты меня напугал! Ты как здесь очутился?

— Извини, не хотел тебя испугать. Просто когда подошел, нечаянно услышал твои последние слова, и так удивился, что забылся.

— Как ты меня нашел?

— Трудно, что ли? Куртни адрес дала, а твои друзья Берджесы направили меня сюда.

— Что-то случилось?

— Нет.

— Тогда я не понимаю... Зачем ты здесь?

— Хотел извиниться за поведение своей ненормальной секретарши. Я ее уволил.

— Ты проделал такой путь, чтобы извиниться за секретаршу? — брови девушки изумленно приподнялись.

— Да. А почему ты так удивляешься? Никто никогда не заботился обо мне так, как ты, и мне было очень неприятно, что какая-то наглая девица обидела тебя у моего порога.

— Ты что, из-за меня ее уволил?

— Да, в общем, к этому и шло. А что она тебе наговорила?

— Ну, что ты ей сказал, что я заменяю домработницу, — Кэрол пожала плечами. — Что просил передать мне деньги и то, что мои услуги больше не требуются. Кажется так.

— Вот дрянь! И ты ей поверила?

— Нет... Не знаю. От тебя можно все что угодно ожидать, — откровенно заявила она. Джек засмеялся, ничуть не обидевшись.

— Значит, я не зря приехал. Это ложь и клевета!

— А то, что вчера ты еле передвигал ноги с палкой, а сегодня даже не хромаешь — это что?

Он смущенно потер пальцем переносицу, лукаво улыбаясь.

— Ну, не обижайся. Просто мне так понравилось, как ты готовишь, что решил немного продлить удовольствие. Так приятно, когда о тебе кто-то заботится и беспокоится! Не сердись больше?

Девушка отвернулась, негодуя скрестив руки на груди.

— Обманщик и притвора!

— И ты хочешь быть такой же? — подколот он, вернувшись к тому, с чего начался разговор.

— Нет, меня привлекают другие твои качества.

— Это какие же?

— Сильный характер и вера в себя и свои возможности. Как раз то, чего мне недостает.

Он вдруг искренне рассмеялся над ее словами.

— Вот уж ни за что не поверю! Характер, посильнее твоего, еще поискать, и

самоуверенности такой я еще не встречал, как у тебя. На фоне твоей самоуверенности даже моя пошатнулась, когда ты мне доказывала, что ошибаюсь я в отношении Мэтта, а не ты! И почему-то я из кожи вон лезу, чтобы освободить твоего Мэтта, когда мне совсем не хотелось этого делать. Слабый характер, говоришь? Ну-ну!

Щеки Кэрол порозовели от удовольствия. Неужели он действительно считает ее сильной? Может, он прав, а она себя недооценивает? Привыкла думать о себе, как о ничтожестве, и не замечает, что изменилась?

Присев, Джек стал внимательно разглядывать фотографию на плите.

Кэрол улыбнулась про себя, смотря на него. Он опять изменил своему имиджу, она даже не сразу узнала его в короткой кожаной куртке и черных джинсах, подчеркивающих стройные линии узких бедер. Где же роскошный дорогой костюм, безупречно отутюженная рубашка, галстук, в конце концов? Или костюм — это его «рабочая» одежда?

Кэрол заметила неподалеку черный «Феррари». О чем это она? Какой костюм, какой галстук для поездки за город, в поселок?

Надо же, а она думала, что он даже спит в галстуке! Оказывается, адвокат признает и другую форму одежды. Приятное открытие!

Не догадываясь о том, что над ним забавляются, он пробежал взглядом по надписи на надгробье.

— Какая симпатичная девочка, — грустно заметил он. — Что же произошло?

Веселье Кэрол как рукой сняло.

— Пожар, — выдавила она с трудом, чувствуя, как сдавило горло, а от страшного воспоминания в груди медленно начала разливаться ноющая душевная боль.

— Твоя подружка? — Джек снизу вверх посмотрел на нее.

— Да.

— Шесть лет прошло... а ты до сих пор плачешь. Это после ее похорон у тебя был нервный срыв?

Кэрол не ответила, но ее наполнившиеся слезами глаза сказали все лучше всяких слов. Тяжело вздохнув, Джек опустился на скамейку рядом с ней.

— Самым дорогим человеком в твоей жизни была подружка?

— Да. Была и будет.

— Ты всех своих друзей так любишь?

— У меня нет друзей. Те, что были... я их потеряла, а других больше не было. Осталась у меня одна подружка, но она живет в другом городе.

— Скажи, а как получилось, что подружка стала для тебя самым дорогим человеком? Дружба, это, конечно, хорошо, но чтобы до такой степени... Обычно, есть более дорогие люди, чем друзья, например, родители, родственники.

— Не было у меня никого. А мать меня ненавидела, — неожиданно для себя разоткровенничалась Кэрол. — Эмми... она была необыкновенная. Я никогда и никого не любила так, как ее.

— А что с другими друзьями?

— Тимми... он тоже умер.

— Господи, какие страсти ты рассказываешь! Тоже при пожаре?

— Нет. Немного раньше.

— Ты говоришь с неохотой, не буду тебя допрашивать. Только послушай, что я тебе скажу. Как бы не были они тебе дороги, их не вернешь. Забывать их не нужно, но и убиваться

давно пора прекратить. Сама себя понапрасну мучаешь — и все! Зачем? Побереги нервы, они тебе еще пригодятся в этой жизни.

Кэрол промолчала. Он, конечно, прав. Но что делать, если боль потери и тоска по Эмми живут в ее сердце? Как от этого избавиться? Как заставить себя смириться с тем, что ее любимой Эмми больше нет, что она, Кэрол живет, а она — нет? Как избавиться от вопроса, засевавшего ей в сердце — почему она выжила, а Эмми нет? Кем или чем в этой жизни решается, кому жить, кому умереть? Если бы Эмми не пропустила вперед ее и Даяну, она бы спаслась, а погиб бы кто-нибудь из них, кто был бы последним. Но самые храбрые и сильные всегда идут последними, уступая путь к спасению другим. Выходит, Эмми сама определила свою судьбу. Только она не знала, что не успеет спастись, не знала, что судьба поставила перед ней выбор — кто последний, тот умрет.

— Пойдем, здесь очень холодно, ветер, — вывел ее из задумчивости Джек и поежился, поднимаясь со скамейки.

Кэрол пошла за ним к машине, гадая, действительно ли он слышал только последние ее слова? Она не заметила, как он подошел, он мог сделать это раньше, чем дал о себе знать, мог стоять за ее спиной и подслушивать. Она этому бы не удивилась, зная о его излишней любознательности и пренебрежении правом каждого человека на тайны. И то, что он мог слышать ее душевные излияния, очень ей не понравилось, и отложилось в ней неприятным осадком.

Распахнув перед ней дверь машины, он улыбнулся. Сев в мягкое кресло, Кэрол только теперь заметила, как замерзла под холодным ветром. Тело била мелкая дрожь. Она почувствовала усталость и голод. Как хорошо, что Джек здесь и отвезет ее к Берджесам. Уже почти стемнело, и Кэрол поежилась, представив, что возвращалась бы в сумраке, по такому холоду.

— Джек, как ты поедешь назад? — спохватилась она. — Уже стемнело, а путь не близкий.

— Ничего, как-нибудь доеду.

Кэрол помолчала, чувствуя, как ее грызут сомнения и тревога.

— Мне кажется, ты еще не достаточно окреп для таких дальних поездок за рулем, — робко проговорила она. — Не успел на ноги встать, а уже такие нагрузки. Разве ты не устал?

— Ну, устал. А что делать? Гостиниц, я думаю, поблизости нет...

— Зачем же гостиницу? Берджесы — очень хорошие и гостеприимные люди. Они всегда рады гостям, и будут не против, если ты останешься у них.

— Нет, это не входило в мои планы. Может, они и гостеприимные люди, но я им никто, и они мне — тоже. Я вернусь домой. Все будет хорошо, не волнуйся, — он улыбнулся, бросив на девушку нежный взгляд, тронутый ее беспокойством.

Кэрол тревожно вглядывалась в темноту, чувствуя, что душа не на месте. И ей вдруг стало казаться, что мрак медленно шевелится, и, как во сне, перед глазами поплыл черный туман.

— Джек... — осипшим от ужаса голосом тихо позвала она.

Он повернулся к ней и проследил за ее взглядом.

— Что с тобой?

— Ты видишь... *это*?

Он вгляделся в темноту.

— Что — *это*?

Он не видит. Если бы видел, не спрашивал. Широко раскрытыми глазами она продолжала смотреть вперед, боясь увидеть самое страшное, воплощение ее кошмаров — две светящиеся точки. Она оцепенела, утратив ощущение реальности, не понимая, спит она или нет.

— Кэрол, ты меня пугаешь... Куда ты смотришь? Что ты там увидела?

Она не слышала его, шокированная тем, что видела. «Я сплю. Я сплю. Я сплю. Просыпайся, и все исчезнет, — Кэрол закрыла глаза, мысленно повторяя одни и те же слова в попытке вырваться из страшного наваждения.

И вдруг она почувствовала, что кто-то трясет ее за плечи, а затем резкая боль обожгла щеку. Слава Богу, она просыпается. Страх отступил, когда она поняла, что это всего лишь сон. Надо же, она чуть с ума не сошла, когда подумала, что видит этот проклятый туман на самом деле! Но, Боже, кто же ее так трясет? Кто ее ударил так больно по лицу? Это Элен, кто же еще? Наверное, она опять кричала во сне, и мать просто в ярости. Кэрол испуганно сжалась, заслоняясь от нее руками, понимая, что сейчас не поздоровится.

— Я не хотела! Не бей! Я не буду больше кричать!

Сильные пальцы вцепились ей в руки, пытаясь разжать, и Кэрол сжалась еще сильнее.

— Это просто страшный сон, мамочка... Прости, я нечаянно!

До ее затуманенного сознания вдруг дошел странный звук. Это был мужской голос, зовущий ее по имени. Открыв глаза, Кэрол подняла голову и замерла от изумления. Осознав, где находится и кто перед ней, она медленно приходила в себя, недоуменно смотря во взволнованное лицо Джека. Подняв руку, она погладила горящую щеку. Ну, хоть пощечина ей не привиделась.

Она старалась вспомнить, что случилось, но не могла разобраться, где была реальность, и когда начался сон. Когда ей привиделся за окном черный туман, она уже спала или еще нет?

— Что случилось? Я заснула? — чуть слышно спросила она у Джека.

— Заснула?! Да ты до смерти меня перепугала! Сначала уставилась куда-то за окно, как будто привидение увидела, а потом вырубилась.

— Как это... вырубилась? Уснула?

— Уснула? Сознание ты потеряла! Я чуть в кювет не въехал, — Джек откинулся на спинку кресла и достал сигарету. Пока он прикуривал, Кэрол заметила, как дрожат его руки. — Я пятнадцать минут не мог привести тебя в чувства. Уже собрался везти в больницу. Что с тобой, а?

— Я не знаю, — растерянно ответила девушка, оглядываясь по сторонам. Машина была прижата к обочине, освещая фарами темную дорогу, подобно тоннелю уходящую во мрак. Кэрол отвела глаза, боясь снова увидеть то, что так ее напугало.

— Такое с тобой раньше бывало?

— Нет, никогда.

— Что ты там увидела, на дороге?

— Я не знаю... не знаю! — Кэрол сжала виски ладонями. — Пожалуйста, Джек, перестань задавать вопросы. Я ничего не могу объяснить, потому что сама не знаю, что произошло. Наверное, я просто устала.

— Если так, то ты *очень* устала! — резко бросил он, но тут же пожалел об этом и сменил тон. — Как ты себя чувствуешь?

— Да, вроде, ничего. Не пойму только, почему щека болит.

— Это я тебя ударил, извини.

— Тяжелая у тебя рука, — заметила Кэрол без обиды.

— Это у тебя слишком глубокий обморок, — парировал он. — Легкие шлепки не помогли, пришлось ударить посильнее.

— Прости меня, Джек, я не хотела тебя пугать. И спасибо... что помог, — Кэрол опустила глаза, ощущая неловкость и стыд.

— За что спасибо — за то, что отхлестал по лицу? — усмехнулся он и взял ее за руку. — Ты дрожишь. Говорю, побереги нервы. Думаю, будет лучше, если на какое-то время ты прекратишь свои визиты на это кладбище.

— Наверное, ты прав, — подавлено согласилась Кэрол.

Затушив сигарету, он вдруг привлек девушку к себе и обнял.

— Сама испугалась, да? Ничего, это просто нервное перенапряжение. Все эти слезы, грустные воспоминания не проходят даром. Так и с ума сойти недолго.

Кэрол мгновенно напряглась, подумав о том, а не сходит ли она действительно с ума? Ладонь Джека успокаивающе гладила ее по плечу, а девушка думала о том, разговаривала ли она с Элен вслух или только в мыслях.

Боже, что за представление она устроила перед Джеком! Что он о ней подумает? Как стыдно...

— Ну, можно продолжить путь? — он улыбнулся, заглядывая ей в лицо. — Больше в обмороки падать не будешь?

Кэрол смущенно улыбнулась, встретившись с его насмешливыми глазами, которые были так близко, как никогда. В груди вдруг всколыхнулось сердце, и она, отведя взгляд, отстранилась.

— Поехали, — легко сказала она.

Она разглядывала приборную панель, наблюдала за стрелками, показывающими скорость, изучала свои ногти, а потом сумочку — только не поднимала глаз на окна, в темноту. Теперь, когда в голове окончательно прояснилось, она точно знала, что ей не приснилось то, что она видела. Скорее всего, померещилось. В темноте кому угодно может что-нибудь померещиться. А она, дурная, так испугалась, что в обморок свалилась. Это же надо быть такой дурой!

Она ругала себя, но заставить посмотреть снова в темноту — не могла. Боялась, что опять что-нибудь привидится. Страшно подумать, что с ней было бы, возвращайся она одна в такой темноте. Наверное, точно бы спятила от страха после такой шутки собственного воображения. Или замерзла в этом глубоком обмороке.

А если это опять предчувствие? Если это не просто игра воображения, а ее шестое чувство? Вспомнив, как Джека сбила машина, Кэрол почувствовала, что становится дурно. Нельзя его отпускать. Ни в коем случае нельзя! Она чувствует несчастье, и это невозможно отрицать.

— Джек, я тебя очень прошу... никуда сегодня не езжай.

— Почему? — он бросил на нее удивленный взгляд.

— Не надо, и все!

— Не очень убедительное объяснение.

— Я понимаю. Но другого у меня нет. Просто... останься, и все.

Он окинул девушку внимательным взглядом и повернулся к дороге.

— Ну, хорошо, — приглушенно проговорил он. — Если ты так настаиваешь. И если твои

друзья не будут против.

Но Берджесы сами предложили гостю остаться. Джон узнал знаменитого адвоката, и был польщен тем, что столь важная персона посетила его скромное жилище. Они с любопытством поглядывали на Кэрол, и не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять их безмолвный вопрос.

— Это совсем не то, что вы думаете, — засмеялась Кэрол, отвечая на вопрос Кармен, который та осмелилась задать, когда они остались наедине.

Она помогала хозяйке накрывать на стол, пока мужчины курили на веранде, и объяснила, что Джек — адвокат Куртни, а с ней, Кэрол, они просто приятели, даже не друзья.

— Тогда зачем он приехал?

— У меня с его секретарем вышло небольшое недоразумение, и он приехал, чтобы исправить эту неприятность.

— А что, это было так срочно? Подождать, когда ты вернешься, нельзя было?

— Ну, не знаю. Можно, конечно. Но он вообще человек непредсказуемый, и терпением не отличается. Стукнуло в голову — и приехал.

Кармен с сомнением покачала головой.

— Странно это все. Мне кажется, он к тебе равнодушен.

Кэрол засмеялась.

— Да, ну что ты! Из-за благодарности это все, что позаботилась после больницы, когда домработница его заболела. Сам сказал, что никто так о нем не заботился, как я.

— Вот-вот! Этим, должно быть, и зацепила. Что бы они сами там не говорили, эти мужчины, а женская забота им нужна, и любовь, и внимание. Порой, они сами об этом не догадываются.

— Когда болел — возможно. А теперь, когда займется работой — все это ему больше не нужно. Он помешан на своей работе, понимаешь? Дом для него существует только для того, чтобы переночевать. А женщина со своей любовью и заботой будет только обузой. Он сам так говорил.

— Ну, не знаю, тебе, конечно, виднее. Я-то его не знаю. Но я пока еще способна разглядеть в глазах мужчины особый интерес.

— Тебе показалось.

— Нет, милая, не показалось. Ты просто не видишь, как он смотрит на тебя. А я сразу заметила.

— И как же он на меня смотрит?

— Как влюбленный мужчина.

Кэрол расхохоталась, окончательно развеселившись.

— Чтобы в меня влюбился такой мужчина?! Это невозможно. Я по сравнению с ним — глупая маленькая девочка.

— Не понимаю, почему ты так упираешься? Говорю тебе, ты ему нравишься! Воспользуйся этим, окрути его так, чтобы уже не выпутался.

— Вот еще! Зачем?

— Как, зачем? Детка, такие мужчины на дороге не валяются. Это же предел мечтаний любой женщины — знаменитый, преуспевающий, и ко всему еще молодой и привлекательный! Чего тебе еще надо, дуреха? Хватай, пока не увели! Слушай, а почему он один, без женщины? Как-то этостораживает. Может, он голубой?

— Не знаю, — снова залилась смехом Кэрол. — Может, и голубой.

— Жаль! А так всегда и бывает — самые классные мужики оказываются голубыми! Ты бы узнала как-нибудь потихоньку...

— Не буду я ничего узнавать.

Кармен нахмурилась, изучая ее недоуменным взглядом.

— Неужели он тебе не нравится?

— Нравится. Но я люблю другого.

Лицо женщины вытянулось от изумления.

— Вот это новость! Ну, наконец-то, давно пора! Кто он? Почему молчишь, как партизан, ничего не говоришь?

Кэрол неопределенно пожала плечами.

— Когда познакомишь? Интересно — жуть!

— Познакомлю, надеюсь. Но чуть позже. Он сейчас... в отъезде.

— Как вернется, обязательно тащи к нам в гости, ясно?

Настроение у Кэрол было легким и веселым. Как только Джек отказался от поездки, отвратительная гнетущая тревога исчезла. А убежденность Кармен в том, что он в нее влюблен, развеселила и значительно приподняла настроение. Кэрол ни на секунду не допускала мысли, что это может быть правдой. Возможно, он симпатизирует ей, но не более, а Кармен навдумывала сама себе любовь до гроба... А вот мысль о том, что он голубой все-таки осела в ее голове. Если так рассудить, то действительно, очень странно то, что такой мужчина сторонится женщин. О его личной жизни никто не знал, даже пресса ничего не могла накопать. Куртни, например, ни разу не была свидетельницей хотя бы какого-нибудь намека на то, что у него есть интимные связи с женщинами.

За ужином Кэрол все время украдкой поглядывала на него, пытаясь представить его гомосексуалистом.

А когда он поймал ее взгляд, поспешно спрятала глаза, чувствуя, как заливается румянцем.

После ужина все расположились в зале. Джек о чем-то тихо разговаривал с Джоном, расположившись в мягком кресле и попивая с хозяином холодное пиво. Кэрол и Кармен радостно возились с малышом на большом широком диване тут же.

Кэрол обожала маленького пухленького мулатика, ей казалось, что он все больше становится похожим на Эмми. Тот же насмешливый озорной взгляд черных блестящих глаз, почти те же черты лица. Кармен сама как-то сказала, что он очень напоминает ей Эмми. Кэрол мечтала о том, когда он достигнет того возраста, когда она познакомилась с Эмми, надеясь увидеть в нем горячо любимый образ подруги. А из-за того, что Эмми одевалась и выглядела, как мальчик, различия в поле сильно заметно не будет. В этом мальчике она снова увидит свою Эмми. Пусть это будет не она, но Кэрол всего лишь хотела снова увидеть дорогие сердцу черты, не на фотографии, а в жизни. И, может быть на какое-то мгновение, всего лишь мгновение, представить, что ее Эмми жива...

Джон отправился на кухню за холодным пивом, оставив гостя в обществе женщин, если не считать малыша. Но Кармен тоже вдруг подскочила со словами:

— Ах, совсем из головы вылетело... Кэрол, пойдём, поможешь мне, — забрав ребенка у девушки, Кармен повернулась к Джеку. — Прошу вас, присмотрите за ним, мы на пару минут отлучимся...

Прежде чем он успел бы возразить, она вручила ему ребенка.

— Нет, я не могу, — Джек смотрел на малыша с таким ужасом, будто ему бомбу подсунули, держа его вытянутыми руками на расстоянии от себя. — Я ребенка никогда в руках не держал, и не испытываю такого желания! Заберите.

— Джек, это всего лишь ребенок, не волнуйтесь так. Мы вернемся через минуту.

Схватив Кэрол за руку, Кармен вывела ее из комнаты. Спрятавшись за дверь, они стали наблюдать за молодым человеком, зажимая рты ладонями, чтобы не рассмеяться.

Усадив ребенка на краешек колена, суровый адвокат растерянно смотрел в маленькое щекастое личико и изучающие его глазки.

— Ну, что ты на меня смотришь? Я тоже не в восторге от твоего общества. Только попробуй меня обмочить...

Не успел он договорить, как малыш, подарив ему очаровательную невинную улыбку, сделал именно ту самую маленькую подлость...

Джек подскочил, оторвал от себя ребенка, но было уже поздно — на джинсах красовалось мокрое пятно.

Выругавшись сквозь стиснутые зубы, он в ярости уставился в улыбающееся личико.

— Ах, так, да? Ты специально это сделал, лопоухий маленький засранец? Сейчас выкину тебя в окно, пока мамаша твоя не вернулась! Думаешь, если маленький, то все можно, да?

Крохотный ротик скривился, и, поняв, что он собирается заплакать, Джек перепугано прижал его к груди и затряс, пытаясь успокоить.

— Т-с-с, только вот этого не надо! Я же пошутил! Ты что, шуток не понимаешь? Не реви, а то твоя мама подумает, что я что-нибудь не так с тобой сделал! Ну, ты же мужик, — он заглянул в маленькое личико, — а мужику плакать стыдно!

Малыш ударил его ладошками по лицу, и, придя в восторг от новой игры, с веселым смехом стал лупить Джека по щекам.

— Правильно, лучше дерись, чем плачь, — скривился тот, отворачиваясь. — Ну-ну, не увлекайся!

Он бросил на дверь мученический взгляд.

— Ну, куда они пропали? Фу на тебя, ты весь мокрый! Я же весь провоняюсь, гляди, рубашка уже намочилась! Где твои чистые штаны, а?

Он склонился над диваном и нашел среди пеленок аккуратно сложенные ползунки.

Уложив малыша на спину, он безуспешно пытался поймать в штанины брыкающиеся крохотные ножки, раздражаясь все больше.

Кэрол задыхалась от душившего ее смеха, переглядываясь с Кармен.

— Учись сам штаны надевать! — сердился Джек. — Как научишься — значит, уже мужчина. И вот тебе мой совет на будущее по поводу штанов — следи за ними, а то они имеют склонность падать перед красивыми женщинами. Усек?

Он поднял малыша на руки, и в этот момент вошли Кармен и Кэрол, решив, что испытаний на сегодня с него достаточно.

— Ну, вот, Джек, я вижу, ты прекрасно справился, — озарилась улыбкой Кармен.

— Мы немного побеседовали, — молодой человек с радостью избавился от своего «собеседника», вернув матери. Взгляд Кармен остановился на пятне на его джинсах.

— О-о, — расстроено протянула она. — Простите, ради Бога, Джек! Позвольте, я стираю. Сейчас, я найду, во что вам пока переодеться.

— Не беспокойтесь, ничего страшного.

Отдав ребенка Кэрол, Кармен вышла.

— Ты не обиделся? — с улыбкой спросила у него Кэрол.

— Еще как обиделся! Если бы знал, что из меня здесь сделают няньку, ни за что бы не остался!

— Ну, пожалуйста, не сердись.

Он отвернулся, недовольно промолчал.

Кармен проводила гостя в отведенную для него комнату, вручив чистые рубашку и джинсы Джона. Переодевшись, Джек отдал ей свою одежду, и вернулся в зал. К радости и облегчению Кэрол и Кармен, одежда Джона пришлась ему впору, и настроение Джека заметно улучшилось. Он даже с удовольствием и интересом разглядывал фотографии в семейном альбоме, который предложила посмотреть Кармен.

— Это наше девочка, Эмми, — Кармен улыбнулась, пытаясь не показать свою боль при виде фотографий дочери. — О, а вот здесь посмотрите, они все вместе! Наша любимая фотография. Друзья — не разлей вода! Это, справа, Кэрол. Узнали, Джек?

Он внимательнее всмотрелся в фотографию.

— Нет, не узнал, — признался он удивленно и бросил взгляд на девушку. — Совсем здесь на себя не похожа. Что худая-то такая, не кормили, что ли?

Кэрол слегка улыбнулась, пожав плечом.

— Это Тимми. Такой мальчик был — засмотришься! На ангелочка был похож, — продолжала рассказывать Кармен. — Помню, всем подряд говорил, что женится на Кэрол, когда вырастет.

Она улыбнулась, но улыбка медленно растаяла на ее губах.

— Это его сестра, Даяна. Такие красивые дети были, и такие несчастливые. Родителей похоронили, с бабушкой остались. Трагедию с Тимми бабушка не пережила, и эта девочка осталась совсем одна. А после пожара осталась калекой...

— Ну, сейчас-то она уже не калека, — мягко возразила Кэрол. — Бегаёт не хуже нас.

— И слава Богу! Малышка заслужила милости Божьей после всех своих страданий. Надеюсь, она сможет собрать по оставшимся осколкам свою разбитую жизнь.

— А что случилось с мальчиком? — спросил Джек.

— О, Джек, даже вспомнить об этом страшно, — Кармен покачала головой, горестно вздохнув. — И не при Кэрол.

— Почему — не при Кэрол?

— Потому что он погиб из-за меня, — спокойно проговорила Кэрол. — Хотел за меня заступиться, а на него натравили собаку.

Джек не стал больше задавать вопросов, лишь еще раз всмотрелся в мальчика на фотографии.

— И, правда, на ангела похож, — тихо сказал он сам себе. — Надо же, такой маленький, а отвага, какую не у каждого взрослого найдешь... поступок настоящего мужчины.

— Да, — дрогнувшим голосом сказала Кэрол. — Он мог стать поразительным мужчиной. Но не стал.

«Из-за меня» — закончила она свою речь, только мысленно, не догадываясь, как видно по ней, что она считает себя причиной его гибели.

«Когда я стану высоким и красивым, ты выйдешь за меня замуж?».

«Да», а потом, во сне: «Ты не станешь, Тимми».

«Стану! Стану!».

Но Господь распорядился иначе, забрав своего ангелочка, случайно оказавшегося на грешной земле...

Из-за того, что одежда его не высохла к утру, Джек не смог уехать.

Ему пришлось ждать до вечера, а там уже было решено ехать завтра вместе с Кэрол. Но его это, вроде бы, не очень огорчило. Он наслаждался загородной тишиной, уютом и спокойствием гостеприимного дома, радушными хозяевами. Кармен напекла пирогов, баловала гостя разнообразной домашней кухней. А Джек уплетал за обе щеки, не скрывая своего восторга.

С любопытством наблюдал он за работой Джона на ферме, разглядывал домашний скот и птицу, признавшись, что видел их только по телевизору. Недоумевал, как военный офицер мог превратиться в фермера.

— Со смертью дочери все изменилось. Я не хотел больше переезжать с места на место, у меня было только одно желание — быть рядом с нашей девочкой, не покидать ее ни на минуту, ухаживать за ее могилкой и оплакивать. Горе меня сломало. Оно сломало нас с Кармен. Мы не жили, мы существовали, мертвые, обезвоженные...пока у нас не родился малыш. Все, что я хочу теперь в этой жизни — это заботиться о своей семье. Для меня нет ничего важнее. Бог дал мне второй шанс, подарил сына, а вместе с ним смысл в жизни.

Джек с уважением слушал его, задумавшись над тем, как странно устроены люди. Кому-то дети не нужны, их бросают, запросто выкидывают из своей жизни, а для кого-то потеря ребенка — потеря жизни. Одни не задумываются, где их дети и что с ними, а для других — это смысл жизни, это — сама жизнь.

Джек подумал о своей матери. К сожалению, она относилась к той категории женщин, у которых отсутствует инстинкт материнства. По крайней мере, по отношению к нему. Своего второго сына, рожденного уже от второго брака, насколько было ему известно, она очень даже любила. И этого Джек не мог понять еще больше. Как можно одного ребенка любить, а другого нет? И почему? Когда-то ему было очень больно, но боль осталась в прошлом, в юности. Теперь было все равно. К женщине, которая волею судьбы была его матерью, он испытывал лишь холодную неприязнь и глубокое презрение. Мама была нужна в детстве, а теперь, став взрослым самостоятельным мужчиной, он в ней не нуждался. А свою неприязнь и презрение он обратил на всех женщин, как на одну. И немногие представительницы прекрасного пола заслуживали его уважения и симпатии. Таких он выделял и ставил выше остальных, готовый всегда поддержать и помочь.

Кармен Берджес очень понравилась ему, пополнив его «клуб избранных». Понравилась своей мягкостью, открытостью, добротой, преданностью своей семье и любимым. Такой, по его мнению, должна быть женщина и мать. Понравился и Джон. И даже их малыш перестал его раздражать и показался довольно милым. Настоящая крепкая семья.

То, чего никогда не было у него. И у Кэрол.

Через несколько дней жизнь Кэрол вновь резко перевернулась, как шесть лет назад, когда Рэй забрал ее в свою семью. Как она и ожидала, сказка рухнула, оказавшись просто нелепостью, забвением, которое вдруг развеялось, открыв шокирующую действительность.

Анализ ДНК показал, что Рэй не ее отец. Несмотря на то, что она допускала такую возможность, этот неоспоримый факт выбил у нее почву из-под ног. Она была так

подавлена, так расстроена, что заперлась в своей комнате, решив не выходить до возвращения Куртни из командировки. На занятия она не ходила.

Как бы Рэй не пытался с ней поговорить и убедить, что ничего страшного не произошло, у него ничего не получалось. Кэрол была иного мнения. Может, для него это и не трагедия. А она все эти шесть лет считала его отцом, она привыкла к этой мысли. Она думала, что ее мечта обрести папу осуществилась. И пусть он был не таким, как она ожидала, пусть не было между ними отечески-дочерних отношений, но он все равно был отцом для нее. А теперь оказалось, что отца у нее как не было, так и нет. Вернее, он где-то есть, наверное, только она никогда не узнает, кто он, никогда не увидит. Потому что сама Элен этого не знала. Почему-то она всегда и непоколебимо была уверена в том, что ее отец — Рэй. И фамилию его ей дала.

Кэрол считала себя плодом неудавшейся любви. Грешной, незаконной, но все же любви. Элен всегда любила Рэя, и за свою разбитое сердце и неудавшуюся жизнь ненавидела весь мир. Будучи маленькой, Кэрол считала, что мать ненавидит ее отца и свою ненависть к нему вымещает на ней.

Теперь она понимала, что причиной этой ненависти была любовь и боль, которую причиняло Элен это чувство. Не это ли сделало ее мать такой злой? Любовь к мужчине, который ее покинул, дочь, постоянно напоминающая о нем, грязная унижительная жизнь, которую она ненавидела. Жизнь продажной женщины. По-другому жить она не умела и не пыталась попробовать. Кэрол никогда не спрашивала мать о прошлом, но из разговоров между ней и ее подругами, Рут, Меган и Пегги, девочка знала, что Элен росла в детском доме и никогда не видела тех, кому обязана своим появлением на свет. О том, как Элен оказалась на панели, Кэрол ничего не знала. Но догадаться было не трудно. Никому не нужная, одинокая девочка, пытавшаяся выжить в этом жестоком мире, и не нашедшая для этого иного пути — так она представляла себе Элен в прошлом. У нее не было ничего, кроме молодости и красоты, и она вольно или невольно стала использовать эту единственную милость господню, чтобы заработать. И у нее это неплохо получалось, раз она смогла открыть собственный мотель и набрать для работы девочек. Только в какой-то момент что-то надломило ее, и жизнь потеряла для нее смысл, она перестала бороться и пытаться наладить свою жизнь, и даже как-то ее изменить. Кэрол подозревала, что этим «что-то», заставившим Элен опустить руки раз и навсегда, был Рэй.

Два дня Кэрол думала обо всем этом, а потом пришла в комнату к Рэю и попросила рассказать о нем и об Элен. Все. Как познакомились, как были вместе, как расстались.

Он был несколько ошеломлен ее неожиданными вопросами и, сев в кресло, долго молчал, понутив голову. Никогда Кэрол не видела на его лице столько печали, как в эти минуты. Устроившись напротив, девушка терпеливо ожидала, когда он что-нибудь скажет.

— Что ты хочешь знать, я не понимаю? — тихо спросил он.

— Все.

— Разве мать тебе ничего не рассказывала?

— Я ничего не знаю о прошлом своей матери. Знаю только то, что она тебя очень любила... и ненавидела тоже.

— Ну, хорошо. Мы росли с ней в одном детском доме. Дружили. Потом, когда постарше стали... ну, сама понимаешь. Любовь была. Первая, настоящая, — он задумчиво улыбнулся. — Я неплохо играл в футбол в нашей детдомовской команде, и однажды меня заметил один тренер и забрал к себе. Мне тогда четырнадцать было. Хотел сделать из меня

профессионального футболиста, взял в свою команду. А через год... родилась ты, сама знаешь. Нам с Элен было всего по пятнадцать лет, и лично я не вполне осознавал того, что произошло, я был скорее просто ошеломлен. Но, конечно, был уверен, что ребенок мой... чей же еще? До сих пор задаюсь этим вопросом. Но теперь ясно, что я был у нее не единственным, — он горько усмехнулся. — После рождения тебя, естественно, забрали у нее, потому что она сама была еще ребенком. Я часто навещал Элен. Все свои скудные деньги на карманные расходы, которые мне выделял тренер, откладывал и покупал ей подарки. Мечтал о том времени, когда буду играть в настоящей команде, зарабатывать много денег, став профессионалом. Мне нравился футбол, это единственное, что у меня получалось, и мне тогда казалось, что свой жизненный путь я уже определил. Все казалось мне таким простым — стать хорошим футболистом, зарабатывать этим... жениться на Элен. Я много тренировался. Потом познакомился с Куртни. Она влюбилась в меня по уши. Стали встречаться. Она училась и работала с отцом, готовясь заменить его в бизнесе. Он болел и из последних сил работал, спеша натаскать Куртни настолько, чтобы она смогла продолжить его дело. Они помогли мне поступить в университет. Ну, а потом мы поженились. Похоронили ее отца, и Куртни заняла его место. Футбол я постепенно бросил.

— А как же моя мама? — с обидой и упреком спросила Кэрол.

— Мы все равно не были бы счастливы вместе. Чтобы зарабатывать деньги футболом, нужно быть не только хорошим профессионалом, но и удачливым человеком. Сколько их, таких, как я, талантливых и никому не нужных. Это только в кино все легко и просто выглядит, когда из говна вылезают в богатые и знаменитые, — голос его стал злобным и резким. — А кроме футбола я ничего больше не умел! Ну, копошились бы с ней дальше вдвоем в дерьме, в нищете, так и сгинули бы! Судьба предоставила мне шанс, который бывает раз в жизни и не у каждого!

Он подскочил и заметался по комнате. Кэрол молча следила за ним глазами. «Почему он так нервничает? — думала она. — Неужели чувствует за собой вину перед Элен за то, что предал, бросил и забыл?».

— Почему же ты ей не помог, имея столько денег? — только и спросила Кэрол.

— К тому времени, как женился, я уже потерял ее из вида. Детский дом она покинула, тебя забрала и куда-то уехала.

Кэрол хотела спросить, пытался ли он ее найти, но не стала.

— А как вы снова встретились?

— Совершенно случайно. У Куртни был какой-то крупный заказ, она уехала в Миннесоту в командировку, и застряла там из-за каких-то сложностей. Я приехал к ней. Я знал, что в соседнем штате жила моя сестра, Пегги. Мы не теряли друг друга из вида, но отношения особо не поддерживали. Я не знал, что она... чем она занимается. Не знал, что живет у Элен. И, приехав в Фарго, не сразу все узнал, про нее, про Элен. Вот так и встретились. Думал, что Пегги работает горничной в мотеле, так она мне говорила, приехал туда ее повидать, и увидел Элен. Они радушно меня встретили, устроили настоящий праздник. Ты, наверное, не помнишь меня, малышкой совсем была, — он помолчал. — А Элен была такой красивой, что я как будто заново влюбился в нее. А может, ожила та, давняя любовь, что была между нами. Я не знаю. А они тщательно скрывали от меня то, какие услуги предоставлялись в их мотеле, помимо сдаваемых комнат. Я потом узнал, от людей. Шокирован был. И Куртни узнала о моей связи с Элен, поставила мне условие — или я забываю об Элен, или получаю развод. Мы уехали, и я больше не видел Элен до того дня,

когда приехал за тобой.

— А почему ты приехал за мной? Пегги мне говорила, что ты знаешь обо мне, но ведь ты не хотел видеть меня до этого?

— Я не мог. Мне позвонила Пегги и рассказала, что у Элен плохо с головой, и ты в опасности. Сказала, что если я не заберу тебя, она тебя убьет. В общем, все рассказала. Как она тебя ненавидит, как тебе плохо. Мы поговорили с Куртни. Я не ожидал, но она согласилась забрать тебя к нам. Не сразу, правда. Мне кажется, она наводила справки, чтобы убедиться, что Пегги не лжет.

— А когда убедилась, вот так запросто согласилась?

— Да. Я даже помню, что она мне сказала. Пропадет, девчонка, говорит, забирай. Вот так все и получилось.

— А теперь оказалось, что я тебе не дочь. Что сейчас она скажет на это?

Он встал с кресла и, присев у ее ног, взял ее руки в свои ладони.

— Ты воспринимаешь это слишком близко к сердцу. Я, конечно, понимаю, что тебе хочется иметь отца, но если так уж вышло, что не суждено — просто выкинь это из головы. Ты уже взрослая, скоро у тебя появится своя семья, муж, дети. У меня тоже не было отца, да и матери тоже, и, как видишь, не смотря на это, я вполне счастлив и доволен жизнью. Чего нет — того нет, и не стоит об этом жалеть, — он поцеловал ее кисть и погладил, утешая. — Это ничего не меняет. Мы с Куртни любим тебя, ты член нашей семьи, и так будет и далее. Мы никогда не отвернемся от тебя. Не моя дочь — ну и что? Это не имеет значения. И Куртни скажет тебе то же самое.

Кэрол подалась к нему и обняла. Слезы бежали по щекам.

— Честное слово, я уже тысячу раз пожалел о том, что мы сделали этот анализ. Если бы я знал, что это тебя так ранит... — он погладил ее волосы. — Не плачь, золотко, а то я тоже расплачусь.

Он вытер слезы с ее лица и снова прижал к груди, успокаивающе покачивая, как ребенка. Кэрол почувствовала, как горечь в душе отступает.

— Я тоже тебя люблю, Рэй. Ты дороже мне всякого отца. И, знаешь, мне уже не так грустно, — она улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ и чмокнул ее в кончик носа.

— Я вот подумал... Давай не будем говорить Куртни. Пусть это останется нашей с тобой тайной, хорошо?

— Но почему? — возразила Кэрол.

— Зачем ее лишний раз расстраивать, и вообще, все усложнять? Хватит того, что мы уже наделали из-за проклятого любопытства, сами усложнили, чуть не разрушили этим нашу семью. Уж лучше бы оставалось все, как есть. Давай так и сделаем, а? Как будто мы не делали этого проклятого анализа, просто забудем об этом и все. И Куртни не будем впутывать в нашу ошибку.

— Нет, — Кэрол закачала головой. — Куртни должна знать. Я не стану ее обманывать. Никогда и ни за что! И даже обсуждать это не хочу!

— Но, подумай, зачем ей это знать? Разве нам это принесло пользу, стало легче от этой правды? Ты плачешь, я тоже весь издергался. Хочешь расстроить Куртни — расскажи. Я не запрещаю, я просто хочу, как лучше. Не вся правда нужна человеку, иной раз без нее спокойнее и легче.

Не смотря на все убеждения Рэя, Кэрол не изменила своего намерения рассказать

Куртни об анализе ДНК и его результатах. И будь, что будет.

А Рэю бы только врать. Но больше у него на поводе она не пойдет. К тому же, ей очень не понравилось то, что он хочет скрыть от Куртни такое важное обстоятельство. Что-то раньше Кэрол не замечала, чтобы он так рьяно оберегал Куртни от огорчений. Он считал ее «железной», непробиваемой, и никогда не проявлял искреннего интереса к ее моральному состоянию, уверенный, что она в этом не нуждается. Возможно, так оно и было.

Поэтому Кэрол насторожило его поведение. Что на самом деле скрывается за его стремлением скрыть от Куртни то, что она не его дочь?

Ох, неспроста это, чувствовало ее сердце, в котором занозой поселились смутные подозрения.

Внешне Куртни очень спокойно отреагировала на то, что рассказала ей Кэрол. На ее непроницаемом лице даже удивление не отразилось. Но она долго молчала, задумчиво разглядывая картину на стене. Кэрол не отрывала от нее глаз, мучительно ожидая того, что она скажет. И чем дольше молчала Куртни, тем сильнее девушка падала духом.

— Зря вы это сделали, — наконец, прервала молчание Куртни, обратив взгляд на Кэрол. — Не нужно было.

Девушка подавлено сжалась, виновато понурилась.

— Расстроилась?

— Да, — чуть слышно ответила Кэрол.

— Подойди.

Кэрол на дрожащих ногах приблизилась к ней и растерянно остановилась. Не поднимаясь с кресла, Куртни усталым жестом велела ей присесть.

Девушка послушно опустилась на пол и застыла на коленях, боясь посмотреть ей в глаза. Куртни положила ладонь ей на склоненную голову и погладила.

— Он не относился к тебе, как к дочери, даже когда считал себя твоим отцом. И у тебя не было отца, когда ты считала, что он рядом. Даже если бы результат анализа был иным, вы все равно никогда бы не были друг для друга отцом и дочерью. Зато ты стала дочерью для меня, и я люблю тебя так, словно сама родила...

Кэрол вскинула голову и устремила на нее широко раскрытые глаза, в которых засветилась радость.

Улыбнувшись, Куртни погладила ее по щеке.

— Я никогда не говорила тебе об этом, но ты заполнила пустоту в моем сердце... пустоту на том месте, где должна была быть материнская любовь. Бог не дал мне детей. И я счастлива, что ты появилась в моей жизни, — поцеловав Кэрол в лоб, Куртни обняла ее. — Девочка моя, знай, чтобы не случилось, я никогда не оставлю тебя, пока дышу. Пообещай, что всегда будешь помнить об этом.

— Это невозможно забыть, — Кэрол самозабвенно прижалась щекой к ее коленям. — Я тоже хочу тебе сказать...

— Я все знаю, — мягко перебила ее Куртни.

— Знаешь? Знаешь, как сильно я тебя люблю, как восхищаюсь тобой, боготворю?

— Знаю.

— И как благодарна за все, что ты для меня сделала — тоже знаешь?

— Все знаю.

— Это хорошо, — улыбнулась Кэрол. — Ты тоже не забывай об этом, пожалуйста.

Они долго так сидели и молчали — Куртни в кресле, а Кэрол на полу, у ее ног. Каждая думала о своем, но мысли их были схожи. Обе понимали, что созданное ими мирное гнездышко разрушено, что так, как прежде, уже не будет. Они слишком хорошо знали Рэя, и это не оставляло надежды на то, что они смогут дальше жить все вместе. Рэй и молодая девушка под одной крышей — это просто несовместимо.

Кэрол знала, как она должна поступить. Ради Куртни, ради Рэя, ради их семьи. Пришло

время уйти, как бы тяжело это ни было. Ибо с этого дня она может стать причиной разлада, причинить боль и беспокойство Куртни, когда та заметит у Рэя совсем иной интерес к Кэрол. Если бы на месте Рэя был другой мужчина, такого бы, возможно, не произошло. А Рэй есть Рэй, и рано или поздно все так и будет. Лучше не рисковать и не доводить до этого.

— Куртни, я хотела тебе сказать... — не поднимая головы с ее колен начала Кэрол, стараясь сдержать дрожь от слез в голосе.

— Что?

— Ты не обидишься, если я скажу тебе, что хочу попробовать жить самостоятельно?

Наклонившись, Куртни горячо прижалась губами к ее макушке и долго молчала. Конечно, она все поняла. Поняла, чем вызвано это неожиданное желание.

— Почему я должна обижаться? — с улыбкой ответила она. — Ты уже достаточно взрослая и умная девушка, чтобы принимать такие ответственные решения. Только не спеши. Я помогу тебе. Я долго ломала голову над тем, что подарить тебе на двадцатилетие, а теперь знаю. Как ты смотришь на то, чтобы у тебя появилась собственное жилье?

У Кэрол от восторга перехватило дыхание.

— Ты подаришь мне квартиру?!

— Ну, думаю, что дом тебе ни к чему, по крайней мере, пока ты одна. А вот на свадьбу, наверное, я подарю тебе дом, чтобы моим внукам было, где разгуляться.

— О, Куртни, спасибо! — Кэрол крепко ее обняла и звонко поцеловала в щеку.

— Мое единственное условие — не бросай университет. Учись, ты ни в чем не будешь нуждаться. Я открою тебе счет в банке, будешь брать столько, сколько тебе нужно.

— Куртни, какая же это самостоятельная жизнь? Совсем не самостоятельная, а просто отдельная от вас.

— Успеешь еще нажиться самостоятельно. Сначала выучись.

— Даже не знаю, что сказать...

— Не надо ничего говорить, — Куртни грустно и как-то виновато посмотрела в голубые глаза Кэрол. — Мне больше не о ком заботиться, кроме как о тебе. Твои глазки покорили меня с первого взгляда, и теперь я понимаю, что не ошиблась в тебе. Ты стала настоящей женщиной.

Она словно говорила ей спасибо за то, что все поняла, за самоотверженный поступок. Словно извинялась за то, что не остановила, что позволяет покинуть их дом. Куртни больше не смотрела на Кэрол, как на девочку, нет.

Сейчас, в этой комнате, находились две женщины, которые без объяснений поняли друг друга и приняли, может быть, самое болезненное в их жизни, но единственно верное решение.

И если обе они страдали, тщательно скрывая это друг от друга, то Рэй, как всегда, выглядел очень довольным жизнью и даже не догадывался о том, что происходит в их семье, и какие последствия понесли его любопытство и жажда истины. Зато он сразу заметил, что Кэрол стала сторониться его, став очень сдержанной в общении с ним, и больше не проявляла к нему прежних нежных и теплых чувств, не говоря уже о том, чтобы обнять и поцеловать, как делала раньше. А когда он сам как-то положил руку ей на плечи, девушка отстранилась, ясно давая понять, что ему не следует этого делать.

Все, Кэрол создала между ним и собою непреодолимую дистанцию, и это не вызвало в нем восторга. Более того, он глубоко обиделся, почувствовав, наконец, произошедшие

изменения в их отношениях.

Кэрол не хотела его обижать, но иначе быть не могло. Да, она так же его любила, успев крепко привязаться к этому взбалмошному, но теплому и обаятельному человеку. Он стал частью ее жизни, близким, родным сердцу.

Это был их Рэй, ее и Куртни, ужасный и прекрасный одновременно.

Отец для Кэрол, муж для Куртни. Теперь он только муж Куртни, и то, что раньше было естественным, теперь стало недопустимым. Кэрол сразу дала ему это понять, и злилась из-за того, что он не хочет принять новые правила. Может, это была сила привычки, может, он делал это назло. Но то, что он этого не понимал, быть не могло. Рэя можно было назвать беспечным, но никак не глупым. Он упрямо не желал ничего менять. Все так же мог ущипнуть ее или хлопнуть по ягодицам, обнять, расцеловать, как в детстве, подхватить на руки и, положив на плечо, куда-то потащить. Раньше Кэрол были приятно его внимание, забавляли и веселили его проделки, а теперь вынуждали его избегать. Она так боялась, что он выкинет нечто подобное в присутствии Куртни, но опасения ее были напрасны. Под всевидящим взглядом жены он вел себя, как подобало в сложившейся ситуации — не подкопаешься. Хитрый и лживый лис! Даже во внешности его есть что-то лисье. Сделав для себя это открытие, Кэрол удивилась, как не заметила этого раньше.

Действительно — лис, как пить дать, и изнутри, и снаружи!

Джек не звонил, не сообщал ей, как идут дела, продвигается ли расследование. Кэрол волновалась, переживала, а он отмалчивался, а на ее вопросы отвечал только, что работает над этим, и призывал набраться терпения и не давить на него. Кэрол сердилась, что он ничего не хочет ей говорить, и гадала, по какой причине. Может, ему пока попросту нечего ей сказать, но девушка надеялась, что он пока просто не считает нужным рассказывать ей подробности.

Мэтт спрашивал, а она ничего не могла ему рассказать. Кэрол не могла забыть, как его это расстроило.

Он промолчал, но она поняла по выражению его лица, что он усомнился в адвокате. Кэрол его сомнений не разделяла. Она была уверена в честности Джека, как и в том, что у него все получится. Просто нужно ему довериться и ждать. То, что Мэтт упал духом, огорчило ее, и она еле дождалась следующего свидания, стремясь утешить его и подбодрить.

Но свидание не состоялось. Кэрол сказали, что Мэтт в лазарете, но объяснить, что с ним случилось, отказались. Девушка попросила проводить ее к начальнику тюрьмы, но снова получила отказ, обоснованный тем, что Феликс Бон в данный момент отсутствует, и, скорее всего, сегодня уже не появится на рабочем месте.

Вернувшись домой, Кэрол, не раздеваясь, бросилась к телефону и набрала рабочий номер Джека. Новая секретарша, приятная и вежливая женщина средних лет, ответила, что начальника в офисе нет, что он уехал по делам еще с утра. Поблагодарив, Кэрол нажала на рычаг и набрала другой номер, домашний. Но ответом ей были бесконечные гудки. Бросив трубку, Кэрол заметалась по комнате, нервничая все больше.

Ну, где же Джек, когда он так ей нужен! Сегодня она еще раз убедилась в том, что без него она не может ничего, даже узнать, что произошло с Мэттом!

Она звонила ему домой снова и снова, пока, наконец, ей не ответили.

Услышав незнакомый мужской голос, она раздраженно швырнула трубку на рычаг, решив, что ошиблась номером, и снова набрала нужные цифры. К ее немалому изумлению,

ей снова ответил тот же голос.

— Слушаю вас!

— Э-э...Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— А Джек дома?

— Нет, но, думаю, скоро будет. Что-нибудь передать?

— Да. Попросите его перезвонить Кэрол Мэтчисон.

— Хорошо.

— Спасибо.

Но Джек так и не перезвонил. Кэрол снова пыталась ему дозвониться, но безуспешно. Телефон был отключен.

Рано утром, взяв такси, она решительно поехала к нему домой, стремясь застать его до того, как он уйдет на работу или еще куда-нибудь. Можно было, конечно, чуть позже позвонить в офис, но Кэрол боялась его там снова не застать. Конечно, это было некрасиво с ее стороны, ни свет ни заря заявляться к человеку домой, да еще без предупреждения, но, изведясь за ночь переживаниями о Мэтте, она даже не сомневалась, стоит ли так поступать.

То, что несколько дней назад двери квартиры Джека ей открыла Ванесса, заставив ее так растеряться, было ничто по сравнению с тем, какой сюрприз ее ожидал на этот раз.

Кэрол даже оглянулась, проверяя, не ошиблась ли она дверью. Нет, не ошиблась. Тогда почему перед ней стоит незнакомый заспанный мужчина в одних трусах, смотревший на нее сонными глазами?

— Доброе утро, — невозмутимо проговорил он и сладко зевнул. — Чего так рано-то? Не спится?

— Извините, мне нужен Джек, — пролепетала Кэрол, смущенно пряча глаза. — Он здесь?

— А где еще ему быть в такую рань? — мужчина пожал плечами, совершенно равнодушно относясь к тому, в каком виде стоит перед девушкой.

— Проходите, — он отступил, приглашая войти, и крикнул куда-то вглубь квартиры. — Эй, Джек, к тебе пришли!

Кэрол сконфуженно застыла у двери, украдкой поглядывая на мужчину. Он широко ей улыбнулся и протянул руку.

— Я Билл.

— Кэрол.

Высокий и стройный, с крепкими мускулами, этот Билл неплохо смотрелся в negligé. Растрепанные кудрявые волосы задорными колечками ниспадали на широкие плечи, а улыбка завораживала. Красавец, ничего не скажешь, словно с обложки «Плейбоя» сошел.

Кэрол почувствовала, что краснеет, и опустила голову, но тут же снова подняла, услышав удивленный голос Джека.

— Кэрол? Что-то случилось?

Он подошел к ней, взволнованно ловя ее взгляд. В отличие от этого Билла, он уже успел привести себя в порядок и, судя по всему, уже собирался уходить. По крайней мере, свой «рабочий костюм» он почти надел, за исключением галстука и пиджака. Верхние пуговицы светло-серой рубашки были расстегнуты, и Кэрол невольно разглядела темные волоски на его груди. На черных брюках поблескивал красивый кожаный ремень. Отведя взгляд, она сконфуженно пробормотала:

— Джек, прости меня, что я так вот врываюсь... Я искала тебя вчера, звонила и на работу, и сюда. Просила передать, чтобы ты мне перезвонил...

— Постой, мне никто ничего не передавал, — Джек негодуяюще впился вопросительным взглядом в стоящего рядом мужчину.

— Ой, дико извиняюсь, совсем вылетело из головы! — Билл виновато развел руками и примирительно улыбнулся.

— Из какой — такой головы? Она у тебя вообще есть? Неужели так трудно запомнить такую элементарную вещь?

— Я тебе не секретарша! — огрызнулся красавчик. — И не обязан ничего запоминать! Джек окинул его уничтожающим взглядом с головы до ног.

— И вообще, ты чего выперся сюда без штанов? А ну, быстро проваливай!

— Откуда я мог знать, что к тебе заходят молоденькие барышни по утрам? — бросив на Джека ехидный взгляд, «плейбой» ленивой раскованной походкой направился вдоль прихожей и скрылся за поворотом.

— Пойдем, я как раз сварил кофе, — Джек стащил с девушки плащ и, повесив его на вешалку, повел Кэрол на кухню.

— Это мой друг, Билл, — проговорил он, не поднимая глаз и разливая кофе в маленькие чашечки.

— Мы познакомились, — Кэрол следила за его руками, стесняясь посмотреть на него и ощущая страшную неловкость. Боже, ну и конфуз!

Но, Джек внешне был совершенно невозмутим, и казалось, никакой неловкости не ощущал.

— Так что случилось?

— Я вчера ездила к Мэтту, но мне сказали, что он в лазарете. И ничего не объяснили, к начальнику не пропустили, сказали, что его нет! А у меня даже нет его телефона, чтобы позвонить и узнать, что случилось с Мэттом. Я не знала, что мне делать, вот и пришла к тебе...

— Что ж, правильно, что пришла, — задумчиво отозвался Джек. — Я сейчас.

Он на минуту вышел из кухни и вернулся с толстой записной книжкой. Присев на стул, быстро отыскал нужный номер и взял в руки телефонную трубку.

— Ты хочешь позвонить Феликсу Бону?

— Естественно.

— Но еще рано, он вряд ли уже на рабочем месте.

— Я тоже так думаю, поэтому звоню ему домой.

— У тебя есть его домашний номер? Постой, Джек, а это удобно?

Он ответил ей жесткой холодной улыбкой, нетерпеливо слушая гудки.

— Доброе утро, Феликс. Рэндэл беспокоит, — тон его, когда он заговорил, был не менее жестким и холодным. — Объясни мне, будь добр, почему мне не сообщили о том, что мой подопечный в лазарете? Ах, ты как раз собирался... — он некоторое время молчал, слушая. — И когда это произошло? Долго же ты собирался! Что важно, а что нет, буду решать я, а твое дело держать меня в курсе всего, что происходит с Ланджем! Разве я не ясно выражаюсь? Вот, и хорошо! Я еще позвоню. И я надеюсь, что впредь ты найдешь время связаться со мной, если с Ланджем возникнут какие-либо проблемы.

Положив трубку на стол, Джек недовольно фыркнул.

— Болван!

— Ну, что с Мэттом? — нетерпеливо выпалила Кэрол, заглядывая ему в лицо. — Его хотели убить?

Слегка прищуриив веки, он искоса изучал девушку каким-то странным взглядом, словно наблюдал за тем, как она переживает.

— Да нет, все не так страшно, — лениво растягивая слова, ответил он и глотнул горячего кофе. — Он просто свалился в обморок.

— Как — в обморок?

— Да вот так, как обычно. Бон сказал, что такое с ним уже неоднократно случалось. Только на этот раз слишком уж долго не приходил в сознание, вот его и отправили в лазарет.

— Но в чем причина этих обмороков? Ведь это же ненормально, чтобы здоровый мужчина ни с того, ни с сего терял сознание, причем не один раз.

— Вроде мигрень у него сильная.

— А разве от мигрени теряют сознание?

— Понятия не имею, я не врач.

Кэрол тревожно закусила губу, забыв об остывающем кофе. Джек с равнодушным видом допивал свой кофе.

— Что, не понравился?

— Что?

— Кофе.

— Нет, понравился, очень хороший, спасибо, — взяв чашечку, девушка рассеяно пригубила кофе.

— Не нравятся мне эти обмороки, — вдруг заявил Джек, помолчав. — Добьюсь для него обследования. Может, окажется, что и не стоит так надрываться ради его свободы.

Его жестокие слова пригвоздили Кэрол к стулу. Взяв себя в руки, она поднялась и улыбнулась.

— Спасибо, Джек. И еще раз, извини, что побеспокоила. Я пойду, не буду тебя задерживать.

Он проводил ее до двери. По дороге они встретили Билла, соизволившего натянуть джинсы и что-то с удовольствием пережевывающего.

— Уже уходите? — поинтересовался он у Кэрол.

— Да.

— Приятно было познакомиться.

— Мне тоже.

— Заходите еще! — уже вслед крикнул он.

Кэрол повернулась к Джеку.

— Ты сообщишь мне о том, что скажут врачи?

— Конечно, сразу, как только узнаю.

Он проводил девушку до лифта задумчивым взглядом, разглядывая бледное расстроенное лицо, и, ободряюще улыбнувшись ей напоследок, закрыл двери.

Он позвонил через несколько дней и все так же равнодушно сообщил, что Мэтт здоров, что врачи не нашли ничего такого, что угрожало бы его здоровью и жизни. А мигрень, скорее всего, как сказал Джеку врач, и эти боли психологические, а не физические.

— Как это? — не поняла Кэрол.

— А черт его знает! Я так понял, что это все нервы, стрессы всякие, переживания.

Патологий в мозге у него не выявлено, а что там творится в его извилинах — не известно. И почему это с ним происходит — тоже.

— Ну, слава богу! — выдохнула Кэрол облегченно, измученная переживаниями за эти несколько дней, которые были для нее настоящей пыткой.

Она горячо молилась за Мэтта, и на этот раз Господь откликнулся на ее мольбы. Джек ее переживания и волнение не разделял, даже не пытаясь скрыть своего безразличия. Но Кэрол не обижалась на него за это. Вполне достаточно того, что Джек помогал им, а требовать от него еще и душевного участия было бы слишком. Главное, что с Мэттом все в порядке.

У Кэрол не выходил из головы Билл, «друг» Джека. Вся эта ситуация шокировала ее больше, чем она сама отдавала себе в этом отчет. Как все это понимать? Почему этот красавчик находится в квартире Джека, ведет себя, как дома, ночует? Неужели Кармен была права? Джек — гей? Поначалу эта мысль казалась Кэрол дикой, но, чем больше она об этом думала, тем меньше у нее оставалось сомнений. Если сопоставить все факты, все сводилось именно к этому. Прохладное и пренебрежительное отношение к женщинам, одиночество, упрямое нежелание заводить семью. Он молод, и у него должны быть какие-то сексуальные потребности, естественные или неестественные, но должны быть. Если они естественные, то почему он делает из этого такую тайну, что такого страшного в том, что люди будут знать о том, что у него есть женщина... или женщины? Все нормальные мужчины интересуются женщинами, встречаются с ними. Как и с кем — это уже личное дело каждого. Версия, что Джек не может найти себе женщину, хотя бы для времяпрепровождения, отпадает. Желающих, как говорила Куртни, пруд пруди. Женщины его побаиваются, но трепещут перед ним и преклоняются. Многие посчитали бы за счастье обратить на себя его внимание.

А еще этот Билл. Оказывается, всему есть объяснение. И Кэрол разгадала все эти страшные тайны, вторгшись невольно в его личную жизнь, которая, как оказывается, все же имела место, только она была несколько иная.

Теперь все становилось на свои места, вполне понятно теперь, почему Джек так скрытен в этом смысле, почему так относится к женщинам. Они ему попросту не нужны. И нельзя не заметить, что он даже проявляет некоторую долю презрения к слабому полу. Впрочем, многие из мужчин вызывают в нем то же чувство. Он вообще презирает всех, за исключением тех, кто, по его мнению, достоин уважения. И здесь уже не имело значения, мужчина это или женщина.

Что ж, теперь нужно просто свыкнуться с тем, что этот вполне нормальный с виду мужчина немного «другой», как бы тяжело это не было. А представить его таким было очень тяжело, по крайней мере, Кэрол. Она была растерянна и изумлена, но ее отношение к нему почти не изменилось — ни уважение, ни симпатия даже не пошатнулись в ней, и она по-прежнему им восхищалась. Ну и что, что гей? Прежде всего, он умный и сильный человек, а кого он предпочитает любить — его личное дело.

Так думала Кэрол обо всем этом. И она никому не сказала о своем открытии, даже Куртни. Если Джек не хотел, чтобы об этом кто-нибудь знал, пусть так и будет. По крайней мере, от нее никто ничего не узнает. Она не собиралась вмешиваться в его жизнь. А, поразмыслив, она даже нашла в этом положительные стороны — Джек может теперь стать ей настоящим другом.

И то, что он — мужчина, а она — женщина, теперь не помеха для этого. И Кэрол, поняв это и отойдя от потрясения, была даже рада тому, что все так обернулось. Возможность

заполучить его в друзья значительно возросла в ее глазах, тем более, когда она не без удовольствия стала замечать, что чем-то все-таки заслужила его расположения и симпатии, которые Кармен, не разобравшись, приняла за влюбленность. Что ж, выходит, не зря она посмеялась тогда над словами Кармен.

Куртни подобрала для Кэрол квартиру по своему усмотрению, но, прежде чем купить, решила узнать мнение девушки. Осмотрев свое будущее жилье, Кэрол пришла в восторг, а когда Куртни сказала, что она может обустроить свою квартиру так, как пожелает, радости девушки не было границ. Было решено оформлять на квартиру все соответствующие документы.

Куртни заверила, что ко Дню рождения ключи будут у Кэрол.

Рэй по-прежнему ничего не знал об их планах.

Готовясь к сессии, Кэрол как-то раз засиделась в библиотеке, а, вернувшись домой, обнаружила, что Рэй закатил очередную вечеринку. Куртни снова была в отъезде, поэтому Кэрол ничуть не удивилась.

Она очень устала и хотела есть. Приглашение Рэя разделить веселье с ним и его гостями категорично отвергла. От громкой музыки и пьяных криков сразу разболелась голова, и Кэрол, разогрев себе ужин, поспешила скрыться в своей комнате.

Включив телевизор, она расположилась на кровати и, поставив перед собой поднос, принялась за еду.

Потом, прополоскав посуду в ванной под краном, аккуратно сложила на подносе. Но относить на кухню не стала. Завтра. Уж очень не хотелось выходить из комнаты и сталкиваться с подвыпившими гостями.

Приняв душ, она расстелила постель и блаженно развалилась на мягких нежных простынях. Наслаждаясь мыслью, что завтра выходной, она предвкушала, как будет до обеда нежиться в постельке. И вообще, решила устроить день настоящей лентяйки — спать, есть и смотреть телевизор. Никуда не идти, ничего не делать, ни о чем не думать. Только отдыхать. Благо, Рэй не потащит ее завтра на корт — после вечеринки сам проваляется весь день, сотрясая стены жалобными и мучительными стонами.

Тихий стук в дверь заставил ее оторваться от телевизора.

— Да? — отозвалась она, настороженно смотря на дверь.

— Это я, можно? — донесся до нее голос Рэя.

Тяжело вздохнув, Кэрол встала и, накинув шелковый халатик, присела на кровать.

— Можно.

Ввалившись в комнату, Рэй сердито уставился на нее.

— Ну, и чего ты здесь сидишь в гордом одиночестве? В твоём возрасте только и надо, что развлекаться да веселиться! Что ты уставилась в этот телевизор, как бабка старая? Оглянуться не успеешь, как молодость пройдет, захочется разгуляться, да поздно будет!

— Рэй, я очень устала, и у меня болит голова, — примирительно ответила Кэрол, видя, что он уже пьян. В таком состоянии он становился очень обидчивым, а она не любила, когда на нее обижались, тем более без причин.

— Да, конечно! — фыркнул он и, подойдя, уселся на угол кровати. — У тебя всегда болит голова, когда ко мне приходят гости. Тебе не нравятся мои друзья? Не нравится, что я устраиваю вечеринки? Почему ты всегда прячешься в этой комнате?

— Ну, ты же знаешь, я не люблю шумные компании. К тому же это твоя компания, и

мне кажется, что мне там не место. Я же уже объясняла тебе это, Рэй. Забыл?

— Нет, ты просто хочешь меня обидеть. Особенно теперь, когда выяснилось, что я тебе не отец. Ну, я же не виноват в этом! Зачем ты со мной так? Избегаешь, шарахаешься, как будто я чужой. Холодная стала, аж мороз по коже... Чем же я это заслужил? — он горестно шмыгнул носом, понурился. — Ты что, больше меня не любишь? Я стал тебе не нужен?

— Рэй, — ласково протянула Кэрол, подвигаясь к нему, и погладила по плечу. — Ну что ты такое говоришь? Мое отношение к тебе ничуть не изменилось, только теперь мы должны вести себя немного по-другому. Куртни может не так понять, если мы будем хлопать друг друга по попе и обниматься. Ведь можно обойтись и без этого.

— Но если я хочу, чтобы все оставалось, как было? Хочу, чтобы ты меня целовала и обнимала! Я привык, мне это приятно! Почему я должен отказываться от этого?

— Не притворяйся, Рэй, ты сам все прекрасно понимаешь.

— Да, я понимаю, — его тон резко изменился, став серьезным и искренним. Помолчав, он поднял голову и устремил на девушку красивые пьяные глаза. — Понимаю, что теперь ничто нам с тобой не мешает.

— О чем ты?

— О том, что ты очень мне нравишься. Как женщина.

Кэрол убрала ладонь с его плеча, пораженно приоткрыв рот и не в силах вымолвить ни слова.

— Поэтому я и решил проверить нашу кровь. Я знал, что ты не можешь быть моей дочерью, потому что хотел тебя...

— Рэй, ты просто пьян...

— Я ведь тоже тебе нравлюсь? Ты так на меня всегда смотрела, что во мне все переворачивалось. Ты тоже меня хочешь, я знаю.

— Нет! — вскричала Кэрол возмущенно. — Что ты себе навывдумывал? Совсем рехнулся на этой почве, что ли?

— Я знаю, ты сопротивляешься своим чувствам из-за Куртни. Забудь о ней. Есть только ты и я.

— Рэй, прекрати немедленно! Ты пьян, ты не понимаешь, что говоришь! И, пожалуйста, уходи! Уходи!

— Не отталкивай меня, не надо, прошу тебя, — он сжал пальцами ее затылок и приблизился к ее лицу. — Ты стала такой красивой...

Увидев в его глазах вождление, Кэрол почувствовала, как холодеет в жилах кровь. Она хорошо знала это выражение в глазах, этот горящий жадный взгляд. Так смотрел на нее подонок, которому ее продала Элен.

— Отпусти, — севшим от страха голосом потребовала она.

— Не бойся, солнышко, все будет хорошо, обещаю, — он набросился на ее губы, опрокинув девушку на спину. Вскрикнув, Кэрол попыталась его оттолкнуть, но он сжал ее в объятьях, прижав своим сильным телом к кровати. Распахнув халатик, он задрал коротенькую шелковую сорочку и стал жадно целовать молодую упругую грудь, нежно сжимая ее ладонями.

— Не надо! Перестань! — испуганно кричала девушка. — Рэй!!!

Но он словно не слышал ее. Кэрол закричала, осознав всю серьезность его намерений, но даже если бы кто-нибудь из пьяных гостей расслышал ее крики в грохоте музыки, то вряд ли обратил на них внимание.

Кэрол отчаянно вырывалась, но сил для борьбы с Рэем в ней было слишком мало. Он как будто даже не замечал ее сопротивления, поглощенный собственной страстью. Руки его нагло шарили по ее телу, но его движения не были грубыми, скорее, страстными, нежными. И ему не составляло никакого труда удерживать девушку...

— Отпусти, гад! Я не хочу!

— Хочешь, я знаю. Не волнуйся, Куртни не узнает, — успокоил он, уверенный в том, что ее сопротивление вызваны только этим.

— Нет!

Он заглушил ее вопль глубоким поцелуем, одновременно стаскивая с себя рубашку. Из горла девушки вырвались сдавленные рыдания.

— Кэрол, ты здесь?

Она подумала, что сходит с ума, услышав голос Джека. Но вдруг его яростные ругательства четко прозвучали совсем рядом. Нет, так ругаться мог только Джек!

— Черт побери, что здесь происходит?!

Рэй подскочил, словно его плетью стегнули, и обернулся. Кэрол сжалась в комочек, всхлипывая и поспешно поправляя на себе одежду.

В дверях стоял Джек, а, узнав Рэя, на мгновение застыл от изумления.

Бросив на него взгляд, Кэрол увидела, как вытянулось его лицо, он в замешательстве смотрел на Рэя, как будто не мог поверить глазам своим. Потом медленно перевел взгляд на заплаканную девушку, которая тут же спрятала покрасневшее от стыда лицо, уткнувшись во взъерошенные простыни.

— Ты что делаешь, придурок? — поразился Джек. — Хочешь трахнуть собственную дочь? А ну, отойди от нее, извращенец хренов!

— О, привет, Джек! — Рэй улыбнулся, пошатываясь, и помахал ему рукой. — Как дела?

— У меня — отлично, а вот у тебя будут проблемы, — заверил адвокат жестко. — Кэрол, где Куртни?

— Ее нет... в командировке, — заикаясь, ответила девушка дрожащим голосом.

— Одевайся, пойдешь со мной, — велел Джек тоном, не допускающим возражений. Но Кэрол и не думала возражать. Вскочив, она бросилась к гардеробной, схватила первое, что под руку попало, и скрылась в ванной.

— Джек, ты все неправильно понял, — начал Рэй. — Давай присядем, спокойно поговорим, как мужчина с мужчиной.

— Не получится, мужчина здесь только я, и с падалью говорить не собираюсь.

— Ну-ну, парень, подбирай выражения! Я с тобой по-хорошему, а ты... Я же говорю, ты все неправильно понял.

— Ты хочешь меня убедить в том, что не пытался изнасиловать свою дочь? Что мне померещилось все это?

— Как, разве она тебе не сказала? — Рэй засмеялся. — Она мне не дочь. И я не больной извращенец, ясно тебе?

Кэрол прекрасно слышала их голоса, торопливо переодеваясь. Руки ее дрожали и не слушались. Одевшись, она выскочила из ванной.

— Джек, я готова!

Рэй вдруг поменялся в лице, глаза его налились кровью.

— Ты никуда не пойдешь! — в ярости прорычал он и повернулся к Джеку. — Убирайся, она с тобой не пойдет! Я не пушу! Ты ей не нужен, ей нужен я, понял? Кэрол, солнышко, ну

чего ты так испугалась? Я не хотел тебе сделать ничего плохого, честное слово.

— Отойди, Рэй, — с неприязнью потребовала девушка. — Дай пройти!

— Ну, прошу тебя, давай поговорим... наедине. Клянусь, я больше не прикаснусь к тебе, если ты сама не захочешь. Но ведь ты хочешь, мы же оба это знаем. Скажи это ему, и пусть он уйдет.

Кэрол посмотрела на Джека умоляющим взглядом. Он протянул руку, призывая подойти, и девушка метнулась к нему мимо Рэя. Схватив руку Джека, как спасительную соломинку, и, почувствовав, как он уверенно сжал ее кисть сильными пальцами, Кэрол осознала, что страх мгновенно покинул ее.

Джек пропустил ее к двери, и, смерив Рэя предупреждающим взглядом, повернулся к нему спиной и вышел. Подойдя к двери, Рэй высунулся из комнаты и посмотрел им вслед.

— Ну, и катись, дура! Иди с ним, иди! Не того боишься, глупая, его надо бояться, его, а не меня! Открой глаза, он же настоящая сволочь! Он тебе всю жизнь ломает, вот тогда вспомнишь мои слова, да поздно будет!

Кэрол не видела, как Джек обернулся и красноречивым жестом послал Рэя кой-куда. Тот побагровел от ярости и на заплетающихся ногах бросился за ними.

— Эй, ты, стой, сучонок! Я тебе шею сверну!

Кэрол испуганно посмотрела назад. Было чему пугаться — Рэй находился в прекрасной физической форме, и, скорее всего, если решит померяться силами с Джеком, последнему не поздоровится. Высокий, крепкий, спортивный, он явно имел перед Джеком неоспоримые преимущества.

— Скорее, Джек, пойдем! Не связывайся с ним, — и она побежала вниз по лестнице, уверенная, что Джек идет за ней. И вдруг он схватил ее за плечи и резко сдвинул в сторону, прижав к перилам. А мимо, охнув от изумления, кубарем скатился вниз потерявший равновесие Рэй. Гости, толпившиеся в комнате, все как один бросились к нему, оглашая пространство перепуганными криками.

Сжав руку Кэрол, Джек быстро спустился с лестницы, ведя за собой опешившую девушку. Растолкав сгрудившихся у подножья лестницы людей, он нагло переступил через распластанную фигуру Рэя, нечаянно или намеренно наступив ему на руку. Тот, взвывая от боли, оторвался от пола.

— Живой? Вот и прекрасно. Пойдем, Кэрол, с ним все в порядке.

Убедившись, что Рэй действительно жив и невредим, девушка позволила Джеку вывести себя на улицу.

— Садись, — спокойным голосом сказал он, открывая перед ней дверь машины. Опустившись в кресло, Кэрол согнулась пополам, и, не удержавшись, расплакалась. Тело била нервная дрожь. Потрясенная, она не могла совладать с собой. Она словно оказалась в пережитом когда-то давно страшной кошмаре, из-за которого стала сторониться и бояться мужчин. Она вспоминала об этом с ужасом и отвращением, пыталась забыть... Только женщина никогда не сможет об этом забыть, а ребенок, каким она тогда была — тем более.

Мигом ожили все чувства, которые испытала она тогда — страх, боль, отчаянье... Если бы это случилось с ней снова, она бы не пережила. А сейчас, на почве прошлого, произошедшее вызвало у нее сильнейший стресс, превратив снова в трясущегося от страха ребенка с безумной болью в глазах.

В голове все смешалось. Элен, берущая из рук незнакомого мужчины деньги, темная комната, хватающие ее сильные руки, оглушительная боль, крики, кровь, разбитое зеркало,

горячая вода, слезы, невыносимая обида... И снова сжимающие ее мужские руки, тяжелое дыхание, похотливый взгляд и полное равнодушие к ее крикам и слезам.

«Работай, дочка!». «Извини, малышка, но я уже заплатил!». «Куртни не узнает... Ты хочешь, я знаю!». «Мама! Мамочка!». «Отпусти! Рэй!!! Я не хочу!».

Эти голоса разрывали ей уши, и она даже не сразу поняла, что они раздаются у нее в голове. Она зажала уши руками, но продолжала слышать собственные крики, которые не слышали те, к которым она взывала, потому что никого не волновали ее чувства. Она была вещью, которую можно продать и купить, или просто взять, без души, без сердца. Как могли так относиться к ней люди, которых она любила? Как могла Элен отдать ее на растерзание того животного в человеческом облики? Как мог Рэй так с ней поступить? Как он мог?!

Джек взял ее за плечи и, заставив разогнуться, мягко привлек к себе.

Крепко обняв девушку, он прижал белокурую головку к груди и успокаивающе погладил по затылку. И она прижалась к нему так, словно просила защиты, спрятавшись в его объятьях от всего мира. Постепенно она успокаивалась. И ощущение собственной загнанности и беспомощности перед людьми отступало. Джек словно передавал ей часть своей силы, спокойствия и уверенности. Когда он был рядом, любые страхи рассеивались. Он ее спас. Он снова ей помог. Словно сам Бог его послал. Когда-то она считала своим ангелом-хранителем Эмми. Может, теперь он явился к ней в образе Джека?

Иначе, как он мог оказаться у нее в комнате именно в тот момент, когда ей так требовалась помощь?

Вытерев слезы, Кэрол подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Джек, а как ты здесь оказался?

— Вообще-то, я приехал поговорить с тобой. Я звонил, но трубку никто не брал, вот я и решил заехать. Гляжу, двери нараспашку, полный дом каких-то пьяных людей, музыка, крики. Спросил у кого-то, где хозяева, говорят — не знаем. Пошел искать. Не понравилось мне все это, сразу понял, при Куртни здесь такой вечеринки не было бы. А потом показалось, что вроде бы голос твой услышал. Прислушался, и правда — кричишь. Подумал, что кто-то из пьяных гостей обижает... А когда увидел, что это твой отец, честно говоря, язык проглотил.

— Он мне не отец, — тихо призналась Кэрол, отстраняясь от него.

— Значит, правда?

Вместо ответа она тихо всхлипнула, теребя край юбки.

— Так показал анализ ДНК. Мы совсем недавно узнали об этом.

Тяжело вздохнув, Джек включил зажигание.

— А я что тебе говорил? А ты еще меня обсмеяла. У меня глаз — алмаз и потрясающая интуиция, и они никогда меня не обманывают.

Кэрол промолчала. Грустно наблюдала она за проносящимися мимо машинами, и вдруг спохватилась:

— А куда мы едем?

— А куда ты хочешь? — улыбнулся ей нежно он.

— Отвези меня, пожалуйста, куда-нибудь, где я могла бы переночевать. Завтра Рэй протрезвеет, и я вернусь домой.

— Ты уверена, что тебе стоит возвращаться, пока Куртни не приедет? А если он опять начнет приставать?

— Нет, не думаю. Сегодня он просто был пьян.

— Ну, и что с того? Что у трезвого на уме, то у пьяного...

— Нет. На самом деле он неплохой, добрый. Не знаю, что на него нашло... Это все из-за того, что он выпил много.

Джек неожиданно рассмеялся.

— Ну-ну! — усмехнулся он.

Кэрол покраснела и подавлено опустила голову.

— Может, ты не понимаешь, — резко заметил он, — но он чуть тебя не изнасиловал! И изнасиловал бы, если бы не я. А ты мне здесь доказываешь, какой он хороший! Противно слушать! Если он «неплохой» и «добрый», что же ты сбежала? Может, отвезти тебя обратно?

Кэрол отрицательно качнула головой и отвернулась, прикрыв лицо ладонью, чтобы скрыть слезы.

— Ладно, извини, я не хотел быть резким. Только ты неправа. Он — подонок, который хотел над тобой надругаться. Хороший человек даже в нетрезвом состоянии не сделает такого. И я хочу, чтобы ты это поняла. Ты не должна больше рисковать и возвращаться туда. Если он осмелился на это, он повторит попытку. Ты должна позвонить Куртни и все рассказать.

— Рассказать Куртни? Ты представляешь, как больно ей будет об этом узнать? Нет. Я потерплю. Совсем немного осталось. Она уже покупает для меня квартиру, и я скоро смогу уйти.

— Значит, он и раньше тебя домогался? И Куртни об этом знает?

— Нет, до сегодняшнего дня все было в порядке. Просто мы с ней знаем Рэя, какой он легкомысленный и любвеобильный, и решили не испытывать судьбу.

Джек покачал головой, но Кэрол не поняла, что он хотел этим сказать.

— Что ж, смотри сама. Ты уже взрослая девушка.

Кэрол отвернулась и уставилась в окно. По щекам бежали слезы, и она не могла их остановить. Глубокая обида на Рэя отзывалась в сердце ноющей болью. Никогда она не думала, что он может так с ней поступить, так обидеть. Она любила его. Как теперь к нему относиться? Ненавидеть?

Неужели она снова теряет того, кто стал дорог ее сердцу? Кто виноват в этом — Рэй, или она? Может, она спровоцировала его, ввела в заблуждение? Ведь ей на самом деле иногда казалось, что она немного в него влюблена, может, действительно что-то такое отражалось в ее глазах? Может быть, он не хотел ее обижать, а просто решил ответить взаимностью, уверенный в ее чувствах и желаниях, считая, что протесты ее вызваны только любовью и благодарностью к Куртни?

Чтобы не говорил Джек, Кэрол не верила в то, что Рэй способен намеренно причинить ей боль. Джек судил по тому, что видел, и на его месте она сама, наверное, подумала бы о Рэе самое плохое. Но она знала Рэя не один день, знала, что он по-своему любит ее, и это давало повод сильно усомниться в его намерении сознательно причинить ей зло.

Кэрол, не знала, что думать. Она запуталась.

Ясно одно — так, как раньше, никогда не будет. Все рухнуло, прежние отношения с Рэем уничтожены. Он и Куртни больше не ее семья. У нее нет семьи. Только бы не потерять Куртни. Это в данный момент было для нее самым важным. К черту Рэя! Нельзя допустить, чтобы из-за него у нее разладились отношения с Куртни. Если Куртни возненавидит ее, если по ее вине Куртни будет страдать — Кэрол не простила бы себе этого. Ради Куртни она готова была на все. Если бы Куртни сказала ей — умри, она бы умерла. Ее преданность и

преклонение перед этой женщиной были безграничны. Куртни подарила ей не только жизнь, похожую на сказку и дала дорогу в будущее — она подарила ей чувство собственного достоинства, заставила поверить в то, что она не хуже других, не отбросок общества, отвергнутый и презираемый всеми, что она достойна уважения и любви. Благодаря Куртни, в ее разрушенном и черном внутреннем мире появился свет, он стал заново возрождаться. Куртни сделала из нее человека, личность, из загнанной замухрышки превратила в красивую ухоженную женщину, научив тому, чему может научить только женщина, чему должна была научить ее мать.

Мысли о Куртни постепенно успокоили ее и наполнили сердце теплом и нежностью. Кэрол не знала, как будет жить отдельно от нее. Наверное, будет очень тяжело без нее, очень грустно и одиноко. Но она привыкнет. Ведь они будут видеться. Не все так плохо.

— Подожди, Джек, а куда ты меня везешь? — выйдя из задумчивости, Кэрол всмотрелась в улицы, которые они проезжали.

— К себе.

— Как к себе?

— Но ты же попросила отвезти тебя туда, где ты можешь переночевать, — улыбнулся он, мельком взглянув на нее.

— Но я имела в виду отель или гостиницу.

— Я прекрасно понял, что ты имела в виду, — сбросив скорость, он прижал машину к обочине и остановился. Не глуша мотор, он повернулся к девушке и в упор посмотрел ей в глаза.

— Я считаю, что одной тебе сейчас оставаться не следует. Ты напугана, расстроена. Гляди, у тебя до сих пор руки дрожат, — он взял ее кисть в свою ладонь, и Кэрол заметила, что он смотрит на то место, где под рукавом у нее были шрамы. Не трудно было догадаться о его мыслях. Думает, что она может опять сорваться и наделать глупостей.

— Со мной все в порядке, — заверила она, мягко убирая руку.

— Рад это слышать. Но все равно нечего тебе делать в отеле... одной. Я уступлю тебе свою спальню, сам лягу на кушетке в кабинете. У меня есть превосходное вино, один из клиентов подарил, все поглядываю на бутылку, но одному такое вино пить не хочется. Так вот, попробуем вместе. Ты любишь вино?

— Люблю.

— Вот и отлично. Заодно и поговорим.

— Но, Джек... а как же твой друг, Билл? — сопротивлялась Кэрол.

— Билла там нет, не волнуйся.

— Все равно, Джек, неудобно как-то. Спасибо за предложение, но, пожалуйста, отвези меня в отель.

— Ты стесняешься или боишься? — Джек сверлил ее своими пронзительными серыми глазами. — Что такого в том, если ты останешься у меня? Или ты думаешь, что я такой же, как Рэй?

— Нет, что ты! Я знаю, что ты не такой, — девушка вдруг осеклась, подумав, что он поймет, что именно она имела в виду, когда сказала «не такой». Не такой, потому что женщины его не интересуют. А действительно, почему бы ни поехать к Джеку? Остаться наедине со своими невеселыми мыслями ей не хотелось, а компания Джека ей приятна. Конечно, если бы он был мужчиной в полном смысле этого слова, она бы ни за что не согласилась. Не потому, что боялась, а просто считала, что вот так оставаться у чужого

мужчины на ночь, когда можно переночевать в отеле, было как-то не совсем правильно, что ли. И мужчина мог расценить это согласие немного иначе. Но теперь-то ситуация была иной. Джек не воспринимал ее, как женщину, смотрел на нее совсем другими глазами — глазами гомосексуалиста. И естественно, не видел никаких причин, почему она не может поехать к нему.

Что ж, тогда она тоже не видела их.

— Я не настаиваю. Как скажешь, так и будет, — он устремил взгляд на дорогу, в ожидании ее решения нетерпеливо постукивая стройными ухоженными пальцами по рулю. Разглядывая его руки, Кэрол подумала о том, что по одним только его рукам можно было предположить, что он не совсем обычный мужчина. Где это видано, что бы мужчина так педантично и тщательно следил за своей внешностью, вплоть до мелочей, если, к тому же, он сторониться женщин?

— Хорошо, Джек, поехали.

— Куда?

— К тебе.

Он улыбнулся и резко рванул с места, взвизгнув колесами, чем немного удивил девушку, потому что раньше за ним такого озорства она не замечала. Это Рэй обожал резкие повороты, визг колес, сумасшедшую скорость, «перегонялки» на дорогах. Но на Джека это было не похоже.

«Обрадовался», — пришла к выводу Кэрол и была крайне польщена этим открытием. Похоже, он отвечает взаимностью на ее желание стать друзьями. Ну, хоть что-то радует. Видимо, есть в жизни все-таки какое-то равновесие. Что-то рушится, а что-то строится. Что-то теряем, что-то находим.

Заехав в подземный гараж, Джек поставил машину на свое место и заглушил мотор. Похлопав себя по карманам, проверяя наличие ключей от квартиры, он вышел из машины. Кэрол поспешно заглянула в зеркало и вздохнула, оставшись очень недовольна своим отражением. Бледное заплаканное лицо, покрасневшие влажные глаза и взгляд, как у побитой собаки.

Хорошо, что Джеку до ее внешнего вида нет никакого дела, подумала она, выбираясь из машины. Перед другим мужчиной сгорела бы от стыда.

Он улыбнулся, поглядывая на ее сумочку, зажатую в руках.

— Ах, женщины! Наверное, эта вещь для вас самая важная, если вы не забываете о ней в любых ситуациях?

Кэрол засмеялась.

— Наверное!

Джек подставил ей локоть, предлагая взять его под руку. Приняв его предложение, Кэрол легко зашагала рядом с ним по просторным безлюдным коридорам. И вдруг страх снова сжал ее сердце. Она почему-то всегда боялась подземных гаражей и всячески старалась избегать.

Джек словно почувствовал ее напряжение и бросил на девушку быстрый косой взгляд. Кэрол смутилась, решив, что он может подумать, что она боится его.

Выйдя из гаража, они поднялись на лифте и вошли в квартиру Джека.

Пройдя за ним в гостиную, девушка нерешительно застыла на месте, словно оказалась здесь впервые.

Джек снял пиджак и галстук, и, расстегнув верхние пуговицы рубашки, обернулся и,

наконец-то, заметил, что его гостя робеет.

— Проходи, — улыбнулся он и, захватив свои вещи, вышел из комнаты.

Кэрол присела на край кушетки, чувствуя себя почему-то весьма скованно.

— Джек, а можно мне в ванную? Хочу умыться, — крикнула она ему.

— Будь, как дома, — отозвался он.

— Спасибо, — тихо проговорила Кэрол и направилась в ванную, захватив сумочку.

Она долго умывалась холодной водой, и почувствовала себя бодрее.

Потом слегка припудрилась и нанесла немного румян, чтобы не казаться такой бледной.

Причесавшись, она тщательно изучила себя в зеркале.

Что ж, так гораздо лучше. Посвежевшее, приведенное в порядок лицо сразу приподняло ей настроение, и ощущение дискомфорта исчезло. Оставшись довольна своим отражением, она улыбнулась ему, и покинула ванную.

Джека она нашла на кухне.

— Ужинать будешь? — спросил он, заглядывая в кастрюльки, в которых была еще теплая свежеприготовленная еда, оставленная заботливой домработницей Норой. — М-м-м, как пахнет! Я голоден, как зверь!

— Нет, я ужинала.

— Напрасно отказываешься. Нора готовит — пальчики оближешь! Попробуй, не пожалеешь. К тому же и мне компанию составишь.

— Ну, ладно. Давай, помогу разогреть.

Они вместе накрыли на стол, весело разговаривая, шутя и даже смеясь. Настроение у Кэрол заметно улучшилось, глаза заблестели весельем, и она почти забыла о случившемся. И она была рада тому, что согласилась приехать сюда. Джек мог быть веселым и мягким, когда хотел. Почему он не всегда такой? Зачем прячет это легкое очарование, почему, если умеет быть таким приятным человеком, отдает предпочтение отрицательным чертам своего характера, таким, как бесцеремонность, резкость, грубость, высокомерие?

После третьего бокала вина Кэрол осмелилась задать ему этот вопрос.

— Я человек настроения, — он пожал плечами.

— Ты хочешь сказать, что в основном, у тебя плохое настроение?

— Да, нет. Просто я такой, какой есть. Если мне хочется ругаться, я ругаюсь, если мне человек неприятен, я не собираюсь изображать обратное. Характер у меня такой. Не очень, говорят. Ты тоже так считаешь?

— Нет, — не моргнув, солгала Кэрол.

Он засмеялся, и девушка покраснела, поняв, что ее обличили во лжи.

— Знала бы ты, сколько раз я замечал в твоих глазах желание убежать от меня подальше или, наоборот, отослать подальше меня.

— Совсем забыла, что ты умеешь читать мои мысли, — отшутилась Кэрол. — Ты бываешь невыносимым... временами. Но это только снаружи, я поняла теперь, а внутри ты хороший, отзывчивый, добрый.

Он снова рассмеялся, весело, неудержимо, до слез. Кэрол не видела, чтобы он так смеялся. Ей показалось, что он смеется над ней, над ее наивностью, как волк забавляется над тем, что его принимают за ягненка. Его смех вызвал у нее в груди неприятное ощущение.

— Честное слово, когда ты рядом, мне хочется быть именно таким!

— Так будь, — тихо сказала она, обиженно опустив глаза в тарелку.

— Постараюсь. Помнишь, как в сказке — благодаря красавице чудовище превращается в

принца! — он сжал губы, пытаясь подавить смех.

— Был бы ты чудовищем, меня бы здесь сейчас не было. Зачем ты так о себе говоришь?

— Да шучу я, не принимай за правду. Ты, безусловно, права. Я хороший, и не пойму, почему меня никто не любит. Слепые все, что ли, раз не видят этого?

Кэрол поглядывала на него, удивленная внезапно проснувшимся в нем чувству юмора, немного странному, правда.

Убрав со стола и вымыв посуду, они расположились на диване и включили телевизор.

— Кстати, Джек, ты хотел о чем-то поговорить со мной, — напомнила Кэрол. Он поморщился.

— Ой, давай отложим дела на завтра. Я так от них устал. Поговорим о чем-нибудь другом. Например, о тебе.

— Обо мне? О, это совсем не интересная тема.

— Извини, что напоминаю, но что ты собираешься делать... в отношении Рэя?

— Не знаю. А что я могу сделать?

— Подать заявление о попытке изнасилования. А уж я позабочусь о том, чтобы он очень пожалел о своем поведении.

— Нет.

— Такие вещи не прощаются, Кэрол.

— Прощаются, и не такие, если кого-то любишь, — чуть слышно возразила Кэрол. Джек устремил на нее пристальный взгляд.

— И кого же ты любишь — его, что ли?

— Куртни.

Он вздохнул, но ничего больше не сказал.

— Джек, пообещай мне, что ты ничего ей не скажешь.

— Я не собираюсь вмешиваться в ваши семейные дела... если ты сама меня об этом не попросишь.

Кэрол улыбнулась.

— Извини, конечно, но у меня создается впечатление, что ты готов выполнять все мои просьбы.

— Так и есть.

— Почему?

Он не ответил, задумчиво разглядывая свой бокал. Кэрол наблюдала за ним, и ей показалось, что он смутился. Что же она такого спросила, чтобы вогнать в краску непробиваемого Джека Рэндэла? Или ей просто показалось?

— Ты мне нравишься, — признался он с улыбкой.

— Ты мне тоже нравишься, — Кэрол улыбнулась в ответ, обрадованная его словами. Забрав у нее бокал, он поставил его вместе со своим на столик, и добавил в оба вина.

— Ты искренняя, преданная... какая-то настоящая, что ли. Я очень мало встречал таких людей. Я совсем другой. Мне хотелось бы, чтобы рядом со мной был такой человек, как ты, чтобы верил в меня, любил таким, какой я есть, никогда бы не предал, не отвернулся. Я долго не мог понять, почему ты так хочешь помочь Мэтту, почему так веришь в него, так предана ему. Неужели это всего лишь за доброту, проявленную когда-то очень давно? Неужели так бывает? Ты помогала мне, в больнице и потом. Я думал, по привычке, что это из корысти, только потому, что от меня зависит судьба Ланджа. Потом понял, что ошибался. Только ради того, чтобы не расстраивать Куртни и не внести разлад в ее отношения с Рэем,

ты готова проглотить обиду, промолчать.

— Просто я умею быть благодарной.

— Нет, ты умеешь быть преданной тем, кого любишь, и ставишь это превыше всего, даже превыше себя самой. Для меня это дико, я это не одобряю... Но мне очень хочется, чтобы кто-то тоже ставил меня превыше всего. Хочу знать, что если от меня отвернуться все, будет кто-то, кто не отвернется, не смотря ни на что. Что, если меня будет ненавидеть весь мир, этот «кто-то» все равно будет меня любить. Я хочу быть на их месте, на месте Куртни и Ланджа.

— А разве ты сейчас на другом? Сам говоришь, никто тебя не любит, и еще смеешься надо мной за то, что я отношусь к тебе иначе, верю в то, что у тебя тоже есть сердце, и оно не из камня, как думают многие.

— Хочешь сказать, что я для тебя на том же месте, что и Куртни с Ланджем? Что мне ты тоже можешь ответить такой преданностью?

— А почему нет? Как иначе, если ты столько для меня сделал, если обратил внимание на мои проблемы, берешь их на себя, когда я тебе совершенно чужой человек? Я отвечу тебе тем же, — Кэрол нежно засмеялась. — И если тебе нужен преданный человек, то никого лучше меня ты не найдешь!

— Это я уже понял, — голос его вдруг взволновано охрип, он подался к девушке и, трепетно коснувшись ее волос, прильнул к ее губам в горячем нежном поцелуе. От неожиданности Кэрол растерялась, застыв от изумления, но, почувствовав, как его руки обвивают ее, заключая в крепкие объятия, она пришла в себя и отстранила его.

— Джек... ты не понял, — заплетающимся языком пролепетала она, отодвигаясь от него. — Вернее, ты понял неправильно.

подавив тяжелый раздраженный вздох, он впился в нее пронзительным взглядом. Девушка вздохнула с облегчением, поняв, что он не собирается настаивать... как Рэй. Господи, что же это за вечер такой? С ума все сегодня сошли, что ли?

— Когда я говорила о наших отношениях, я не имела в виду... это.

— Вот как? А что же ты имела в виду? — спокойно поинтересовался он.

— Совсем другое. Я не думала, что ты... — Кэрол осеклась, так почему-то разволновавшись, что не могла связать и двух слов. Сознывая всю нелепость ситуации и не зная, как теперь из нее выпутаться, она спрятала лицо в ладонях, краснея от стыда, и виновато прошептала. — Боже, какая же я дура!

— Почему — дура?

— Потому что думала, что ты гей.

— Кто я?! — поразился Джек.

— Гей.

Он подскочил и с негодованием сунул руки в карманы брюк. Кэрол сжалась. Может, кто-то другой на его месте посмеялся бы над ее предположением, но только не Джек Рэндэл. Когда дело касалось его личности непосредственно, чувство юмора в нем напрочь отсутствовало.

— Я похож на педика? — оскорбился он.

— Нет, но... — она замолчала, не зная, что сказать.

— Тогда с чего ты взяла?

Кэрол взволновано поднялась, ломая руки.

— Джек, ну, прости, я не хотела тебя обидеть. Просто кое-кто заикнулся, и я

задумалась, почему такой интересный, привлекательный мужчина один... А потом еще Билл...

Джек закатил глаза и пораженно покачал головой.

— Боже, ушам своим не верю! Билл просто мой друг, я же говорил тебе. Он остановился у меня на несколько дней, пока не подыскал себе жилье. Его жена выгнала, с любовницей застучала. Так что он тоже «нормальный».

— Послушай, чего ты на меня орешь? — вдруг разозлилась Кэрол. — Что еще я могла подумать о мужчине, в жизни которого нет женщин, а в его квартире разгуливает красавчик в трусах, ночует и вообще, ведет себя как дома! Я, честно говоря, не очень-то задумывалась над этим, потому что не мое это дело.

— Ясно, — он обескуражено всплеснул руками. — Ну, ладно, может, ты и права, наверное, если ты так подумала, я сам в этом виноват.

Он примирительно посмотрел на нее и опустился на диван.

— Извини, я не хотел повышать голос, просто ты меня шокировала. Садись.

Кэрол присела рядом, не поднимая на него глаз.

— Ты не сердишься?

— Нет. Я даже рад, что это недоразумение разъяснилось. И что ты так подумала, ведь иначе ты бы не согласилась провести ночь у меня, верно?

— Верно.

— Надеюсь, ты не задумала уйти?

Девушка неопределенно промолчала.

— Напряглась сразу, отодвинулась на край дивана, — с улыбкой заметил он. — Сдается мне, в образе гея я вызывал у тебя большее доверие. А то, что ты мне говорила... до этого, теперь не считается?

— Ну, почему же? Считается. Но...

— А если без «но»? — он обаятельно улыбнулся, обнажив ровные белые зубы и, взяв девушку за плечи, мягко откинул на спинку дивана. Как замороженная, Кэрол смотрела в его серые острые глаза, не в силах отвести взгляд. Он словно схватил ее своим пронзительным цепким взглядом и не отпускал, так удав гипнотизирует взглядом кролика...

Сердце ее учащенно билось, но не от страха. Она не боялась его, а почему — сама не знала. Он был так близко, что она чувствовала на губах его дыхание, а запах табака и одеколона вдруг подействовал на нее, как дурман.

И смотрел он на нее по-другому, так, как никогда не смотрел. Так смотреть может только мужчина, и от такого взгляда можно запросто потерять голову. Кэрол показалось, что именно это с ней и происходит, когда снова очутилась в нежных объятиях, когда почувствовала прикосновение теплых губ. Мышцы ее расслабились, по телу разлилась странная слабость, словно своим поцелуем он отбирал у нее силы. Она сомкнула веки от удовольствия и помимо воли ответила на его глубокий поцелуй, который показался ей просто волшебным... Руки его медленно заскользили по ее телу, дыхание участилось, а поцелуи стали более страстными и настойчивыми. Кэрол почувствовала, как перехватило дыхание, и поймала себя на мысли о том, что всем своим существом жаждет продолжения...

Эта мысль привела ее в чувства получше всякой пощечины. Она ловко выскользнула из объятий Джека, удивившись собственной быстроте и проворству. Но не успела она вскочить, как он уже стоял рядом, и его быстроте Кэрол удивилась еще больше. Схватив девушку, он прижал ее к себе так, что она почувствовала сквозь одежду его напряженные мускулы... и не

только мускулы, отчего лицо ее запылало. Глаза его горели огнем, на щеках гневно играли желваки.

— Почему? — сдавленным, севшим от страсти и негодования голосом выдавил он. Кэрол не делала попыток вырваться, ощутив заключенную в его руках силу, с которой он ее держал.

— У меня есть Мэтт... ты же знаешь, — спокойно, но твердо ответила она. — И я его люблю. Пожалуйста, Джек, отпусти.

Глаза его вдруг заметно потемнели, став почти черными, и кровь у Кэрол похолодела от внезапного ужаса. Никогда в жизни она не видела такого страшного взгляда!

Но руки его медленно разжались, выпуская девушку из железных объятий. Подавляя порыв отскочить подальше и убежать, Кэрол неторопливо отступила от него и отвернулась. Отыскав взглядом сумочку, она подобрала ее, решив, что лучше всего уйти. Куда, она пока не знала, но оставаться после того, что произошло, было просто неприемлемо.

— Нет, уходить никуда не надо, — остановил ее окрепший голос Джека. — Я приготовлю тебе постель в своей комнате. Сам лягу здесь или в кабинете. Можешь быть спокойна, я тебя не потревожу. А завтра поговорим. Мне есть, что тебе сообщить.

Кэрол не стала ему возражать. Сердце ее упало, когда она подумала о том, что Джек откажется от дела.

На мгновение, ее охватило такое отчаянье, что она готова была на все ради того, чтобы он не отказался.

Он — это единственный шанс Мэтта, и какое она имела право лишать Мэтта этого шанса?

— Комната готова, — объявил Джек холодно, вернувшись.

— Спасибо, — подавлено проговорила Кэрол и нерешительно направилась к двери. Остановившись, она медленно обернулась.

Джек сидел на диване, лениво откинувшись на спинку, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу, и наблюдал за ней. Встретившись с его глазами, девушка печально опустила голову.

— Джек, скажи мне честно...

— Что, Кэрол? — спросил он, хотя она была уверена, что он обо всем догадался.

— Ты будешь дальше заниматься делом Мэтта?

Он изучал ее внимательным взглядом, не торопясь с ответом. Он знал, что стоит ему сказать всего лишь «не знаю» или «я подумаю», и этого будет достаточно, чтобы она сама вернулась в его объятия. И она знала, что он это знал.

Он встал и подошел к ней. Сердце Кэрол вскинулось и затрепыхалось, как птица в кошачьих лапах. Она не поднимала головы, боясь посмотреть ему в глаза. Коснувшись ее подбородка, он сам поднял к себе ее лицо.

— Я никогда не отказываюсь от своих обещаний и не бросаю начатое дело. Я хотел сообщить тебе, что нашел настоящего убийцу. Иди и спи спокойно. Скоро твой возлюбленный будет на свободе.

Несмотря на мягкую удобную постель, Кэрол плохо спала ночью.

Может, сказалось то, что слишком много было волнений этим вечером, может, ее лишила сна новость о том, что найден тот, за чьи преступления расплачивается Мэтт. Она была безумно этому рада, но все равно чувствовала, что в душе появилась какая-то неприятная заноза. Она знала, что это из-за того, что произошло между ней и Джеком. Она не поняла, чего он хотел — просто секса или чего-то большего. Если учесть его предпочтение легких, не обязывающих связей с женщинами и категоричное нежелание отношений более-менее серьезных — то, скорее всего, первое. Но какие бы ни были у него намерения, Кэрол в любом случае чувствовала себя ужасно оттого, что обидела его. А в этом сомневаться не приходилось, стоило только вспомнить его взгляд. Его реакция говорила о том, что он был не из тех мужчин, которых можно вот так запросто отвергнуть. Впрочем, Кэрол это и раньше знала.

Нет, он не будет настаивать, он выше этого. Слишком много в нем гордости и высокомерия, чтобы заискивать перед женщиной. Как он вообще не послал ее к чертям? Кэрол именно этого и ожидала от него.

А потом устыдилась, что так подумала о нем. Возможно, отношения между ними теперь изменяться не в лучшую сторону, а после освобождения Мэтта вообще прекратятся. Иначе и быть не могло, и глупо было с ее стороны рассчитывать на другое. Она, конечно, была польщена тем, что такой мужчина нашел ее достаточно привлекательной для того, чтобы удостоиться чести оказаться в его постели, и к такому обороту дела была не готова. И если бы не ее чувства к Мэтту, она бы там и оказалась, чего греха таить. И влюбилась бы по уши. А потом страдала бы, как Ванесса, когда он без церемоний выкинул бы ее из своей жизни. Интересно, а у него с ней все-таки что-нибудь было или нет? Что ж, зато она убедилась, что он не гей, даже более — он далеко не такой холодный мужчина, каким кажется. И теперь она была уверена, что секс и женщины в его жизни занимают далеко не последнее место.

Она встала рано утром и сонно поплелась в ванную, находившуюся непосредственно в спальне Джека.

Приняв душ, она привела себя в порядок — оделась, накрасилась, причесалась.

Аккуратно застелив постель, она вышла из комнаты и направилась на кухню. И вдруг дверь во вторую ванную распахнулась у нее прямо перед носом, едва не задев, и оттуда вышел Джек. Бедра его были перевязаны полотенцем, другим, поменьше, он торопливо вытирал мокрые волосы. Не заметив девушку, он скрылся в одной из комнат, в которой тихо играла музыка, как раз в той, где вчера пытался ее соблазнить. Видимо, он здесь и ночевал.

Кэрол не знала, что побудило ее к этому, но она бесшумно подошла к комнате и осторожно заглянула в нее. Джек стоял перед зеркалом, спиной к ней, и причесывался, насвистывая в такт мелодии. Убедившись, что он не видит ее отражения в зеркале, Кэрол продолжала за ним наблюдать, улыбаясь.

Затаив дыхание, она разглядывала стройное мужское тело, заморожено наблюдая, как переливаются мускулы под гладкой, все еще немного влажной после душа кожей. Глаза ее расширились, когда он сорвал полотенце с бедер и, бросив на кресло, повернулся к дивану,

на котором аккуратно была разложена одежда.

Кэрол спряталась за стену, испугавшись, что он ее заметит. Облизнув пересохшие губы, она переждала несколько секунд и, снова поддавшись искушению, заглянула в комнату одним глазом. Она никогда не видела раньше обнаженных мужчин вот так, вживую, и не могла справиться с любопытством. Но он уже застегивал брюки, и Кэрол почувствовала разочарование оттого, что так и не увидела то, что вчера так вогнало ее в краску.

Устыдившись своего поступка, она вернулась в спальню, раздумав идти на кухню, чтобы, не дай Бог, он не подумал, что она могла его видеть по дороге туда.

Минут через десять она снова вышла и приостановилась, прислушиваясь. Из прихожей доносились приглушенные мужские голоса. Один принадлежал Джеку, а другой...

Кэрол рванулась к прихожей.

— Рэй, что ты здесь делаешь?

Рэй бросился к ней, оттолкнув Джека.

— Я пришел за тобой! Кэрол, пожалуйста, вернись домой, — он упал на колени и прижался к ее бедрам, не очень заботясь о том, что подумает Джек. — Прости меня, солнышко! Я не хотел тебя обидеть, не хотел! Ты же знаешь, как я тебя люблю! Знаешь, что никогда не причиню тебе зла. Не знаю, что на меня нашло, бес попутал...

Кэрол грустно улыбнулась. Сколько раз он оправдывался этим «неоспоримым» аргументом!

— Тебе не нужно меня бояться. Такого больше не повторится, обещаю, — он поднял на нее ясные чистые глаза, в которых блестели слезы.

Кэрол отвернулась, зная, что никогда не могла устоять перед его умоляющим взглядом. Лис, хитрый, бессовестный лжец, но ни она, ни Куртни не могли перед ним устоять. Наверное, и женщины, способной на это, еще не родилось.

— Рэй, прекрати этот цирк! Встань, мы потом поговорим, — процедила она сквозь зубы, бросив быстрый взгляд на Джека. Тот опустил голову, поглаживая подбородок и ухмыляясь.

— Это не цирк! — обиделся Рэй. — Я прошу прощения, потому что виноват... очень виноват! Я был пьян, ты это понимаешь?

— Понимаю. Рэй, мы же не одни, давай будем выяснять отношения потом...

— Но здесь нет посторонних, — Рэй поднялся и посмотрел на Джека. — Он тоже должен это слышать. Ведь ты его девушка, и он имеет право потребовать у меня объяснений. Только ему я объяснять ничего не намерен! — в голосе Рэя появилась неприязнь. — Мне плевать, что он здесь стоит и что думает. Только ты имеешь для меня значение, самое важное для меня — чтобы ты меня простила. А он тебе не пара, я всегда так говорил, и буду говорить!

— А кто пара — уж не ты ли? — не удержался от насмешки Джек.

Глаза Рэя заискрились злостью. Кэрол редко видела, чтобы он злился, но, похоже, Джек выводил его из себя одним только своим видом. Взгляд Джека тоже не предвещал ничего хорошего.

— Напрасно ты вытирал штанами полы в моем доме, в суде это тебе не поможет. И то, что ты был пьян, послужит никчемным оправданием, — холодно сказал Джек.

— В каком суде? — Рэй побледнел и вопросительно посмотрел на девушку.

— В самом обычном, где тебе придется держать ответ за свое поведение, только уже не перед этой девушкой. А я буду представлять ее интересы. И, будь уверен, я сделаю все, чтобы

навсегда отбить у тебя желание «быть пьяным». А знаешь, что делают в тюрьме с такими красавчиками, как ты? Тебе польстит, если я скажу, что ты там будешь пользоваться успехом?

— Кэрол, о чем он говорит? Ты что, собираешься написать заявление... на меня? Хочешь меня посадить?

— Рэй, успокойся, никто не собирается тебя сажать.

— Ах ты, гаденыш, забавляешься, да? Тебе весело? — протянув руку, Рэй схватил Джека за рубашку и замахнулся, но вовремя понял, что тот того и ждет. Отпустив его, Рэй отступил. Кэрол в ярости толкнула его к двери.

— Ты зачем сюда пришел, скандал устраивать?

— Он же меня провоцирует. Опять я виноват?

— А кто же еще? Врываешься в чужую квартиру, руки распускаешь...

— Ага, распустишь здесь... — буркнул Рэй. — Он же драться не станет, потому что не мужик, а посадит. Кодексная крыса! И на фиг он тебе такой нужен? Нормальный мужик за свою девушку морду бы сразу разбил. А он защищать только в суде и может!

— Рэй, перестань! — взвизгнула Кэрол.

— Хочешь, чтобы я тебе морду разбил? — Джек оторвался от стены и метнулся к нему, но дорогу ему преградила перепуганная Кэрол.

— Джек, не надо!

— Отойди!

— Нет! Хватит! Рэй, так ты просишь у меня прощение, да? Устроил здесь Бог знает что!

— Я не хотел, солнышко, он сам...

— Выйди! Немедленно! За дверь, я сказала!!! — закричала она на него, покраснев от гнева.

— Я не уйду без тебя.

— Подожди меня на улице.

Рэй покорно открыл дверь и переступил порог.

— Я жду, — напомнил он, обернувшись. — Пока, адвокатишка! Приятно было с тобой потолковать.

— Считай, что на этот раз ты выкрутился, — бросил ему Джек. — Но если тронешь ее, Казанова хренов, будешь иметь дело со мной, ясно?

— Ясно, можешь не пугать, о том, какая ты сволочь, я слышан. Натравишь на меня маньяков, которых на свободу выпустил?

Вытолкав Рэя за порог, Кэрол быстро захлопнула дверь. Прижав руку к сердцу, на мгновение замерла, переводя дух.

— Джек, прости, ради Бога, — хрипло выдавила она. — Не знаю, что с ним, сам на себя не похож. Впервые в жизни вижу, чтобы он так себя вел.

Джек пожал плечами.

— Обычная ревность.

— Нет, ты ошибаешься, — неуверенно возразила Кэрол, качая головой.

— Не ошибаюсь. Других причин меня так ненавидеть у него нет. Он же до сих пор думает, что мы встречаемся, так?

Девушка кивнула.

— Ну вот, делай выводы. Они просты, проще не бывает. Он будет ненавидеть всех, с кем ты будешь встречаться. Подумай над этим. Он может разрушить твою личную жизнь. А

нашего безобидного Мэтта затравит и сожрет, как мышонка. Тебе придется его защищать.

Кэрол смотрела на него, пытаясь понять, говорит он серьезно или смеется над ней. В любом случае, его слова ей не понравились.

— Я пойду, — подавлено сказала она. — Спасибо тебе, Джек, за все.

— Пожалуйста, всегда к твоим услугам.

Всю дорогу домой она молчала, отвернувшись к окну.

— Ты расскажешь Куртни? — не выдержал Рэй, подъезжая к дому.

— Нет.

— Спасибо.

— Ты здесь ни при чем. Ее не хочу расстраивать.

— А меня ты простила?

— Нет.

— И что, никогда не простишь?

— Не знаю. Сегодня ты разозлил меня еще больше. Что ты на Джека кидаешься? Что он тебе сделал? Ты разве не понимаешь, что он может с тобой сделать? Это не тот человек, с которым можно конфликтовать. Сам же говорил, что с ним нельзя связываться, так зачем же связываешься?

— Знаю я, что он из себя представляет. Поэтому хочу, чтобы ты от него избавилась, пока еще не поздно.

— Я сама буду решать, от кого мне избавляться, а от кого нет.

— Конечно, сама. Я прошу только, чтобы ты, наконец, прислушалась ко мне. Брось его. Он нехороший человек. Ты знаешь, почему я упал вчера с лестницы? Он подставил мне подножку! Не повернулся, не встретил лицом к лицу, а исподтишка подставил подножку! В этом он весь и есть! А ведь я мог сломать себе шею! И никто бы и не узнал, что это его рук дело, все бы решили, что пьяный Рэй не устоял на ногах и сам слетел с лестницы. Он подлый и жестокий!

— Ты не знаешь, что говоришь. Ты судишь о том, что слышишь о нем по телевидению, а не по тому, какой он на самом деле.

— И какой же он «на самом деле»?

— Отзывчивый, благородный, человек слова...

— Боже, девочка, да открой же ты глаза! Чем он тебе их так прочно залепил, а? Посмотри ему в глаза, внимательно посмотри, и ты увидишь все сама! Человека видно по глазам, как бы он не притворялся! Сволочь он, умная, хитрая сволочь! Он не просто плохой человек, он страшный человек. Он никого и ни во что не ставит, люди для него — не более, чем навозные жуки, которых он с удовольствием давит.

— Ну хватит, Рэй, больно ты разошелся! Я не хочу больше слышать о Джеке ничего подобного. Если тебя интересует мое мнение, то я считаю его настоящим мужчиной. И это не он хотел меня вчера изнасиловать, так что помолчи лучше, пока я не сказала, кто из вас кто.

— И так понял. Я — сволочь, а он благородный рыцарь на белом коне, спасший тебя и утешивший. Я плохой, а он хороший. Ладно, посмотрим, когда твой рыцарь покажет свое настоящее лицо и обернется монстром.

Кэрол вышла из машины, с силой хлопнув дверцей, назло, зная, как не любит этого Рэй. Противно было слушать весь этот напыщенный бред о монстрах и навозных жуках. Джек был

прав — Рэй не даст ей покоя.

Страшно было подумать, что он скажет о Мэтте, отсидевшем столько лет за такие ужасные преступления.

До приезда Куртни Рэй все-таки сумел смягчить сердце Кэрол. Правда, ему пришлось разбиться для этого в лепешку, но он готов был на все, чтобы замолить свою вину и сгладить конфликт. Кэрол сменила гнев на безразличие, не обращая внимания на его заискивания и стараясь избегать.

Он смотрел на нее страдальческими глазами, но она не верила ни ему, ни его глазам. Если на то, как он обошелся с ней, она решила посмотреть сквозь пальцы, то его нападок на Джека простить не могла и не хотела. Джек ничем не заслужил того, что он о нем говорил.

Она постоянно ловила себя на том, что думает о Джеке. Думает больше, чем следует, и о том, о чем не должна. О его красивом обнаженном теле, о сильных руках, о губах... Это все просто из-за того, что у нее до сих пор не было мужчины, что ей очень этого хочется, хочется ласки, любви, удовольствий... Потому и реагирует на все это так остро. Из-за того, что Мэтт кажется таким далеким и недоступным, из-за того, что ничего еще между ними не было, даже поцелуя. А Джек целовался так, что дух захватывало, поразив ее так, как только может поразить неопытную девочку искушенный в любви мужчина. Она чувствовала себя ужасно виноватой перед Мэттом, даже за одни свои воспоминания о другом мужчине, и запретила себе думать о том вечере в квартире Джека, выкинув из головы все, что считала лишним. Нельзя быть такой впечатлительной, подумаешь, голого мужика увидела, подумаешь, целуется хорошо — и что с того? Один он такой что ли?

Скоро выйдет Мэтт, и она сможет смотреть на него столько, сколько захочет. Будет наслаждаться его поцелуями, и не только ими. И это будет любовь, а не просто секс. А ей нужна была именно любовь. И она у нее уже есть.

Стоило ей снова оказаться рядом с Мэттом, как она забыла обо всем на свете, оказавшись во власти чар его глаз, голоса, улыбки. Когда она смотрела на него, сердце ее переполнялось какой-то особенной нежностью и теплом, подобно которым никто и никогда у нее не вызывал.

Он так обрадовался, когда узнал, что найден настоящий убийца.

Кэрол даже на мгновение показалось, что в глазах у него появились слезы. А потом они долго молчали и просто смотрели друг другу в глаза.

Скоро. Скоро они смогут быть вместе. И больше этому ничто не помешает. В его красивых печальных глазах она видела любовь. Они улыбались друг другу, все смотрели и не могли насмотреться. Оба они заслужили немного счастья и любви, потому что судьба обделила этим и ее, и его.

Им казалось, что стоит ему только обрести свободу, и уже ничто не разлучит их, никогда. И лишь иногда появлялся неприятный страх, что это счастье может оказаться слишком хрупким и не продержится долго.

Но они готовы были рискнуть, особенно теперь, когда счастье казалось таким близким.

Кэрол всегда с болью смотрела, как он уходит, и в душе разливалась тоска. Ей его не хватало, без него вокруг нее была пустота. С каждой встречей, она привязывалась к нему все сильнее. И вскоре она уже не представляла свою жизнь без него.

Накануне ее Дня рождения он преподнес ей потрясающий подарок.

Кэрол вообще не ожидала этого, прекрасно понимая, что подарок здесь купить негде. Но он умудрился ее поразить так, что она язык проглотила. Его подарком была всего лишь статуэтка, но в ней Кэрол узнала себя.

— Это была ее точная маленькая копия.

— Мэтт, она так похожа на меня! Где ты нашел эту потрясающую вещь?

— Я сам ее сделал. И это не похожая на тебя фигурка, это — ты.

— Да, действительно, я. Значит, ту статуэтку ты тоже сам сделал?

— Да.

— А что же ты мне не говорил? Ты же настоящий художник, у тебя волшебные руки! А у тебя есть еще какие-нибудь работы, помимо этих?

— Немного.

— Я хочу посмотреть!

— Посмотришь... немного позже, когда выйду.

Его уверенный тон пришелся Кэрол по душе.

— Почему же эти золотые руки, способные создавать такие прекрасные хрупкие вещи, всю жизнь продержали руль вместо того, чтобы заниматься своим истинным предназначением?

— Этим предназначением не прокормишься. Для меня это, скорее, хобби. Я не смог воспользоваться своим талантом. А когда-то я мечтал стать великим скульптором, — он улыбнулся. — Но художник во мне постепенно зачах, а мечта так и осталась мечтой. Тебе правда нравится?

— Спрашиваешь! Конечно! Я никогда не видела ничего подобного!

Кэрол задумчиво разглядывала фигурку.

— А знаешь, ты осуществил мою мечту. Я хранила твою статуэтку и мечтала, что когда-нибудь стану такой же красивой и счастливой, как изображенная тобой девушка, такой, как ты предсказывал мне. Теперь вот смотрю на эту статуэтку, на себя, и понимаю, что твоими руками я запечатлена еще более красивой, чем она.

— А так и есть на самом деле.

— Да, я вижу. Теперь увидела. Ты предсказал, и сам же выполняешь свои предсказания.

— Почему? — засмеялся он. — Разве я сделал тебя красивой?

— Да, ты, — она продемонстрировала ему статуэтку. — Кто эта красивая девушка — разве не я?

— Ты.

— Ну, вот, — она помолчала. — И мне кажется, что и счастливой ты тоже можешь меня сделать.

— Я постараюсь, — он положил ладонь на стекло между ними.

Кэрол коснулась его руки, но из-за холодной безжалостной преграды не почувствовала ее. Тепло его ладони осталось там, за стеклом. Как и он сам. Кэрол ненавидела эту преграду, которая не позволяла им прикоснуться друг к другу. Но им недолго осталось ждать. Совсем чуть-чуть.

На День рождения Кэрол пригласила Берджесов и Даяну.

На то, что Даяна придет, она не очень рассчитывала, но подружка согласилась, когда Кэрол предложила оплатить ей дорогу. Встретив ее на вокзале, Кэрол была просто поражена тем, как преобразилась Даяна с тех пор, как они виделись в последний раз. Более

прекрасной девушки Кэрол еще не видела за всю свою жизнь. Ухоженная, модно одетая, она просто блистала на фоне окружающих ее людей, которые рядом с ней казались серыми и блеклыми. Длинные пепельные волосы сияли ярче солнца, удивляя своей красотой, большие синие глаза с лиловым отливом кокетливо глядели из-под покрашенных черных ресниц. Высокая, стройная, изящная.

С приоткрытым ртом наблюдала Кэрол, как она идет к ней уверенной раскованной походкой манекенщицы, словно по подиуму, легко, непринужденно, не смотря на высоченные шпильки, которые делали ее еще выше. Кто бы мог подумать, что она столько лет провела в инвалидном кресле, что совсем недавно училась ходить заново. Со стороны казалось, что она родилась уже с высокими каблуками — так уверенно она ступала.

Даяна вот уже год работала в модельном агентстве, и довольно успешно. Кэрол собирала журналы с ее фотографиями, очень гордясь своей подругой, радуясь ее успеху. Кэрол искренне любила ее, жалела. Еще недавно это была несчастная одинокая девочка с взглядом обреченного, не видевшего в жизни смысла человека. Она очень изменилась. Теперь она производила впечатление сильной, уверенной в себе женщины.

А в ее взгляде появилось высокомерие и гордыня. Но улыбка ее была по-прежнему нежной и ласковой.

Она крепко и с чувством обняла Кэрол, искренне радуясь их встрече.

— Ну, вот, и свиделись, — улыбнулась Даяна. — Сестричка, потрясающе выглядишь! Да на тебе как минимум пол «Мерседеса»! Куртни приучила к дорогим шмоткам? М-м-м, а духи какие, слов нет! Кто бы мог подумать, что ты станешь такой «дорогой» штучкой, а? Видели бы тебя в нашем городке — в обморок бы все попадали! А твоя мамаша вообще бы умерла от злости! Парень есть?

Уже дома Кэрол показала ей фотографию Мэтта и рассказала о том, как нашла его, как они друг друга полюбили и теперь добиваются освобождения. Рассказала все, ничего не утаив. О том, в каких страшных преступлениях его обвинили, как бросила жена, и ополчился весь штат на него одного.

Даяна слушала с интересом, долго разглядывала фотографию Мэтта.

— Ты молодец, подружка, — сказала она. — Ты изменилась. Стала напоминать мне нашу Эмми, отчаянную, решительную. Думаю, этот парень стоит того, чтобы за него побороться. Красавец, ничего не скажешь! И глаза такие необыкновенные, аж сердце щемит. А ты уверена в этом адвокате? Уж слишком много от него зависит. Может, стоит нанять еще парочку адвокатов, для надежности?

Кэрол засмеялась.

— Нет. Джек Рэндэл один стоит тысячи лучших профессионалов. Он делает невозможное возможным с такой легкостью, что у меня даже появляются предположения, что он наделен сверхъестественными способностями.

— Может, он чернокнижник? — пошутила Даяна. — Постой, имя-то знакомое... Рэндэл. Он молодой, темноволосый, весь такой из себя, вид у него ужасно высокомерный... он?

— Ну, по описанию похож.

— Я видела его по телевизору! Но о нем плохо говорили, вроде, маньяков он на волю выпускает, с бандитами связан...

— Не слушай, его пресса не жалуется, вот и поливает, как только может. Скажу тебе, он уникален. Я никогда не встречала такого удивительного человека, как он.

— Да, я тоже заметила, что он необычный. Это сразу в глаза бросается. И он недурен собой. Слушай, а он женат?

— Нет.

— Познакомь меня с ним!

— Зачем? Он категорично избегает серьезных отношений с женщинами, а мысли о женитьбе ему даже в голову не приходят.

— Просто не появилась еще женщина, которая эти мысли в его умную головушку-то и впихнет. Надо же, такой мужик, а до сих пор никто к рукам не прибрал! У вас здесь что тряпки, а не женщины? Ни одной не нашлось, чтобы стоящего мужика по-настоящему заинтересовать? Он же не голубой?

— О, нет, далеко не голубой!

— А что это ты покраснела? Уже что-то с ним было?

— Нет, что ты! Меня кроме Мэтта никто не интересуется. И вообще, я мужчин боюсь, ты же знаешь.

— Ну, так что, познакомишь меня с этим Рэндэлом?

— Но как, ты же завтра уезжаешь?

— Зато сегодня я здесь. Надеюсь, он значится в списке приглашенных на твой юбилей?

— Нет.

— Так пригласи его немедленно! Вот увидишь, он по уши в меня влюбится, если не с первого взгляда, то за вечер — точно! Не веришь? Поспорим?

Под давлением Даяны Кэрол все-таки позвонила Джеку. Даяна взяла другую трубку, чтобы слышать его голос.

— Хорошо, что ты позвонила — у меня хорошая новость, — сказал он сразу после приветствия. — Наш маньяк сегодня подписал признание. Теперь дело за малым!

— Боже мой, Джек, и как у тебя все получается?

Он засмеялся.

— Кстати, нас подслушивают, — заметил он.

— С чего ты взял? — растерялась Кэрол, бросив на Даяну быстрый взгляд.

— Лучше поинтересуйся, кому это надо. Кстати, как поживает ваш Казанова? Не обижает тебя?

— Нет.

Даяна подавала ей нетерпеливые знаки, требуя прекратить пустую болтовню и перейти к главному.

— Джек, у меня сегодня День рождения...

— Правда? Прими мои поздравления! — Кэрол почему-то показалось, что он притворяется, что не знал этого.

— Вечером я собираю друзей. Если у тебя будет время...

— Я бы с удовольствием, но, к сожалению, я уезжаю через полчаса. Неотложное дело.

Кэрол огорчил его отказ. Он просто не хочет, подумала она. А кто она, собственно, такая, чтобы он приходил на ее праздник? Наверное, она слишком много о себе возомнила. Она с досадой поняла, что не смогла скрыть своего огорчения. Даяна, прикрыв трубку ладонью, шепотом велела настоять. Но Кэрол не стала этого делать. Даяна разочарованно бросила трубку, когда разговор закончился.

— Не умеешь ты с мужчинами разговаривать! — фыркнула она. — Могла бы и немного постараться для меня! Мне так понравился его голос, в нем столько силы, уверенности... Я

даже возбудилась, представляешь?

— Ну, ты же слышала, он уезжает. Он действительно очень занятой человек.

— Ладно, что уж теперь? Попробуем в другой раз. Лишь бы его не прибрала к рукам какая-нибудь шустрая дамочка!

— Не переживай, чего-чего, а этого не случится! — усмехнулась Кэрол.

— Такой неприступный, что ли?

— Нет, просто не хочет. Самое большее, на что ты можешь рассчитывать — это его постель.

— Любовников у меня и так предостаточно. А ему я отведу роль мужа.

— Хм, ну, что ж, попробуй! — скептически усмехнулась Кэрол, поражаясь ее безграничной самоуверенности.

А пока ее заботило то, что Даяна и Рэй обменивались недвусмысленными взглядами, и она не на минуту не отходила от подружки. Рэй произвел на Даяну впечатление еще, когда та была прикованной к коляске девочкой. Кэрол подозревала, что она даже была в него влюблена. Только тогда Рэй не замечал ее, чего нельзя было сказать теперь. Рэй был бы не Рэй, если бы позволил, чтобы красивая, а, тем более, очень красивая девушка прошла мимо него. А Даяна, похоже, была совсем не против. Поэтому Кэрол весь день, а тем более вечер не спускала с них глаз. Слава Богу, что в присутствии Куртни Рэй вел себя совершенно равнодушно, ничем не выказывая своего интереса к госте. Кэрол молилась про себя, чтобы Куртни ничего не заметила.

— Даяна, что ты задумала? — скрывая раздражение, обратилась Кэрол к подруге. — Рэй самый жуткий бабник, которого я когда-либо видела, оглянуться не успеешь, как он тебя трахнет! Я тебе не позволю, слышишь? Почему ты так себя ведешь? Хочешь разрушить мою семью?

— О чем ты, Кэрол?

— С каких это пор ты стала притворяться? Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю! Ты изменилась, Даяна, очень изменилась! Та Даяна, которую я знала раньше, никогда бы так не поступила! Ты же моя лучшая подруга! Мы остались с тобой вдвоем...

— Прости меня, — вдруг всхлипнула Даяна, превратившись снова в тихую кроткую девочку, какой была раньше. — Я не хотела ничего плохого. Он просто такой красивый, такой обаятельный и так смотрит, что я...

— Опомнись Даяна! Он — пустышка. Да, красивый, и что? Ведь ты же не такая, как он ты не пустышка, чтобы отвечать на его пошлые заигрывания. Его любит Куртни. Они — моя семья, а ты — моя подруга, единственная, между прочим. Для тебя это еще что-нибудь значит?

— Конечно. Роднее тебя у меня никого нет. Не волнуйся, сестренка, все будет в порядке. Ты плохо обо мне подумала, но, наверное, я сама дала повод. Я не такая, ты же знаешь.

И Даяна перестала даже смотреть в сторону Рэя, что его очень озадачило. Кэрол не сердилась на нее, прекрасно понимая. В своей жизни Даяна видела только боль и одиночество, оставшись одна во всем мире. Красавица, которую приговорили врачи к жизни калеки, в чью сторону даже не смотрели парни — можно только догадываться, что она могла чувствовать. И вполне естественно, что теперь она упивается мужским вниманием, неосознанно мстя им за свою боль отверженной. Кэрол всегда ее жалела, понимая, что в душе Даяны так же пусто и темно, как было у нее, что в ее сердце так же есть жестокие

неизлечимые раны, что поломанная жизнь и сломленная душа — это не поправимо. Да, она боролась, и она победила, пытается возродить и устроить свою сломанную жизнь. Возможно, она найдет то, что потеряла — счастье, любовь, семью. Но никогда не забудет она о том, что довелось пережить. Единственный шанс стать после всего счастливой — это научиться с этим жить. Кэрол все это знала, знала по себе. Она молилась пресвятой Богородице за Даяну с того дня, как увидела ее в больнице после пожара. Это уже вошло у нее в привычку. И она не собиралась прекращать свои молитвы.

Вечером посыльный принес великолепный букет, сказав, что это для Кэрол Мэтчисон. Изумленная и заинтригованная, она заглянула в прикрепленную к цветам открытку, и лицо ее тут же озарилось радостной улыбкой.

«Хорошего настроения. Джек».

На следующий день Кэрол потихоньку начала упаковывать вещи.

Ключи от квартиры она получила, оставалось только подождать, когда привезут мебель. Сердце щемила такая тоска, что Кэрол не могла сдержать слез. Она чувствовала себя потерянной и ужасно одинокой. То, что она будет жить одна не вызывало в ней радости, наоборот. Она привыкла к тому, чтобы рядом были люди. В мотеле она жила с матерью и ее подругами. Потом — с Куртни, Рэем, Дороти. И вдруг — одна, впервые за всю жизнь. Пустая квартира, где не будет ни голосов, ни шагов. Только она одна. Ни Куртни, ни Рэя.

Она знала, что их ей будет очень не хватать, что будет скучать за ними, страдать оттого, что оторвана от них, что их нет рядом. Она не будет больше жить в своей семье, со своими ставшими такими дорогими Куртни и Рэем. Эти мысли причиняли сильную боль.

Она страдала оттого, что придется покинуть свою комнату, которая стала частью ее жизни, этот дом. Все в ней противилось этому.

«Не хочу! Не хочу!» — кричала она про себя, собирая вещи. Но Бог не слышал ее криков. Она должна уйти. И она уйдет. Так надо.

Вскоре все вещи были перевезены в квартиру. И страшный день настал. Собрав в маленький чемоданчик оставшиеся мелочи, Кэрол вышла из своей комнаты и спустилась вниз. Следом легко сбежал по ступенькам Рэй, одетый в теннисный костюм, с ракеткой в руке.

— Кэрол, пошли на корт! Сто лет уже не играли с тобой, — он обнял ее за плечи одной рукой и поцеловал в лоб, и, заметив чемоданчик, удивился. — Ты куда это собралась?

— Я ухожу, Рэй.

— Ну, это я уже понял. Лучше скажи, куда и когда вернешься. Ты же знаешь, я буду очень волноваться, если ты мне не скажешь. Я понимаю, что ты уже взрослая, но все же...

— Рэй, я ухожу. И я не вернусь.

Он нахмурился.

— Это еще что за шутка такая? Куда это ты уходишь? К своему Джеку, что ли?

— Нет. У меня теперь есть своя собственная квартира. И с сегодняшнего дня я буду жить там. Одна.

— Слушай, ты что, прикалываешься надо мной? Какая квартира? Откуда? — он засмеялся.

— Куртни подарила.

Он смотрел на нее, и улыбка медленно растаяла на его губах.

— Ты что, серьезно? Так, похоже, ты просто спятила. А ну-ка, пошли к Куртни, она тебе быстро мозги вправит, — он взял ее под руку и повел в кабинет.

— Пошли. Я как раз собиралась зайти к ней.

Открыв двери, Рэй завел девушку в кабинет. Куртни подняла голову, оторвавшись от документов, разложенных на письменном столе. Увидев в руках Кэрол чемодан, она побледнела, но, как всегда, взяла себя в руки.

— Куртни, любимая, ты только послушай, что она несет! Уходить она от нас собралась, представляешь? Все, мы ей больше не нужны!

Куртни смотрела на девушку, словно не слыша Рэя.

— Уже? Сегодня? — севшим голосом выдавила она.

— Да. А чего тянуть? — Кэрол постаралась улыбнуться, но голос ее дрожал от слез.

— Что ж, — Куртни поднялась и вышла из-за стола. Остановившись напротив Кэрол, она заглянула ей в глаза. — С богом, девочка. И не забывай нас. Мы тебя очень любим.

Рэй растерянно переводил взгляд то на одну, то на другую.

— Подождите, кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

— Ты что, не понял до сих пор? — холодно отозвалась Куртни, не поворачиваясь к нему. — У Кэрол теперь есть свое жилье, и она начинает самостоятельную жизнь.

— Какая самостоятельная жизнь? Кэрол, ты что, действительно хочешь уйти? Но почему? Разве тебе плохо у нас?

— Помолчи, Рэй, — резко приказала Куртни.

— Молчать? Я не собираюсь молчать, и не понимаю, почему молчишь ты! Скажи ей, запрети, в конце концов! Кэрол, ты никуда не уйдешь, мы тебя не отпустим! Дай сюда свой чемодан!

Он попытался вырвать у девушки чемодан, но та отдернула руку с такой силой, что он не сумел удержать ручку. Рэй повернулся к Куртни, ожидая поддержки, и был ошеломлен тем, что она молчит и не возражает.

— Да что это с вами, а? — вскричал он. — Вы что, охренели обе?

Он схватил Кэрол за руки.

— Я не отпущу! Я не позволю, ясно вам? Ты будешь жить здесь, с нами, как и прежде! Мы же семья, вы что, забыли? Мы должны быть вместе!

— Рэй, прекрати скандал. Мы уже все решили, — сказала Куртни.

— Решили? Без меня? Я что, никто в этом доме, да? Меня ни во что здесь никто не ставит? Или меня это не касается? Это я привез ее сюда, и я буду решать, когда ей уходить! Я говорю вам — она не уйдет отсюда никогда! Пусть живет здесь со своим Джеком, я согласен...

— Рэй, угомонись, ты несешь полную чушь.

— Чушь? Чушь?! Чушь — это то, что сейчас происходит! Вы обе сошли с ума! Что вы делаете, опомнитесь! Куртни! — он умоляюще заглянул ей в глаза. Но на этот раз его всепобеждающий взгляд наткнулся на ледяную стену, которой отгородилась от него Куртни.

— Я позвоню, — Кэрол улыбнулась ей.

Губы ее задрожали, когда она увидела в глазах «железной леди» слезы. Никогда не видела она ни одной слезинки у этой сильной женщины.

Отвернувшись, Кэрол вышла из комнаты, и слезы ручьем побежали по ее щекам.

А Куртни продолжала стоять, как каменная, смотря на закрывшуюся дверь.

— Ты выгнала ее! Как ты могла? Я никогда тебе этого не прощу, слышишь? Ну, зачем,

зачем ты вынудила ее уйти? — стонал Рэй в отчаянии.

Куртни медленно устремила на него взгляд, в котором вдруг вспыхнули ярость и ненависть.

— Пошел вон! — сквозь зубы прорычала она.

Рэй шарахнулся к двери, как будто она отбросила его своим взглядом, и как побитый пес поплелся на кухню за бутылкой. Наткнувшись по дороге на висевшее на стене зеркало, он приостановился и посмотрел в него.

— Это ты виноват, урод! Ты! — рявкнул он своему отражению и в сердцах ударил кулаком по зеркалу.

Кэрол стояла под высокими воротами и взволнованно покусывала губы. Спрятавшись от дождя под большим зонтом, она вот уже два часа сверлила эти ворота умоляющим взглядом, то и дело поглядывая на часы. Вокруг не было больше ни души, и, наверное, девушка нелепо смотрелась под устрашающими тюремными ограждениями, которые грозно возвышались над ней, такой маленькой и хрупкой на их фоне.

Почему так долго? Может, что пошло не так? А вдруг в последний момент что-то не получится? Тревожные мысли терзали ее, и, нервничая все больше, Кэрол ходила взад-вперед по мокрому асфальту.

Услышав, как скрипнули открывающиеся ворота, она резко обернулась. Медленно и неуверенно тот, кого она ждала, переступил границы тюрьмы, и, оказавшись за воротами, растерянно замер. Тяжелые железные створки с грохотом захлопнулись за его спиной, заставив вздрогнуть.

Обернувшись, он посмотрел на высокую ограду, как будто не веря в то, что находится за ее пределами.

— Мэтт!

Повернувшись на знакомый голос, он улыбнулся. Подскочив к нему, Кэрол на мгновение остановилась, жадно ловя его взгляд, не веря, что между ними больше нет никакой преграды. Неужели это действительно случилось?

Неужели, если она сделает еще один шаг, она не наткнется на невидимую преграду, и прозрачное стекло не остановит ее? И она сделала этот шаг, бросившись в его объятия, о которых так мечтала. Он прижал ее к груди и глубоко вздохнул. Это был вздох невероятного облегчения, вздох обреченного, измученного человека, которому вдруг вернули жизнь. Свободу.

Вот так, сжимая друг друга в крепких объятиях, они, казалось, простояли вечность... а может быть всего лишь мгновение. Оторвавшись от его плеча, Кэрол подняла лицо и улыбнулась. И он, не удержавшись, наклонился и страстно поцеловал девушку. Обвив руками его шею, она прижалась к нему, отвечая на горячий поцелуй.

— Я люблю тебя... люблю так, как никогда и никого за всю свою жизнь, — прошептал он.

— Я тоже люблю тебя!

— До сих пор не могу в это поверить.

— Почему? Разве я не доказала свою любовь?

Он улыбнулся. Подобрав зонтик, который она уронила в порыве радости, он встряхнул его и поднял над головой. Взглянув на небо, тихо шепнул:

— Дождь. Небо черное. словно Он не рад моему освобождению.

— Ну, что ты, совсем наоборот! — возразила Кэрол и взяла его под руку, прижавшись щекой к плечу. — Дождь — хорошая примета. Он промывает твою дорогу, дорогу в новую жизнь. Значит, она будет чистой и гладкой. Ну же, почему ты такой печальный? Ты что, не рад тому, что свободен?

— Рад, рад так, что даже страшно. Кажется, что это сон, и когда я проснусь, окажусь

снова там, — он бросил опасливый взгляд на высокую ограду.

— Пойдем отсюда. Тебе просто надо свыкнуться с мыслью, что «это», — она кивнула туда, на что он смотрел, — осталось позади.

— Я отвык от воли, я не знаю, что мне теперь с ней делать. Я мечтал, а теперь, когда снова оказался в этом огромном мире, я теряюсь. Мне даже страшно, — признался он.

— Конечно, страшно, но это пройдет, ты привыкнешь, — заверила девушка, уводя его от этого проклятого места, которое способно так ломать людей. — У тебя есть мама. И я. Мы поможем тебе.

Ее слова, ее уверенность приободрили его. Его походка стала уверенней. Он вступал в мир, от которого отвык, шел навстречу новой жизни. Что ждет его в этой жизни? Почему ноги не хотят идти, почему как-то странно сжимается сердце? Если признаться самому себе, он до последней минуты не верил в то, что будет свободен. Он был шокирован, ошеломлен, растерян.

Как странно, но, оказывается, освобождение после длительного заключения потрясает и выбивает из колеи не меньше, чем когда впервые оказываешься в тюрьме. А осужденный пожизненно, свыкшийся с этой мыслью, для которого вдруг обретенная свобода — настоящее чудо, может вообще не оправиться от такого шока.

Кэрол изумленно поглядывала на него, не понимая, что с ним происходит. Да и как она могла понять?

Он сам этого не понимал.

А когда они вышли из такси возле аэропорта, Кэрол увидела грязную оборванную старуху, которая когда-то прицепилась к ней и Джеку. Схватив Мэтта под руку, она поспешила к аэропорту, и вдруг с ужасом заметила, что старуха направилась к ним.

— Подайте несчастной бездомной на хлеб, дети мои, — запричитала старуха на ходу, быстро приближаясь. — Не дайте умереть с голоду!

Мэтт приостановился и посмотрел на нее.

— Нет, Мэтт, пойдем, скорее. Я знаю ее, она чокнутая и злая. Гадости говорит. Не разговаривай с ней.

Тем временем старуха уже преодолела разделяющее их расстояние.

— Ах, сынок, какой красавец — глаз радуется! — затараторила нищенка. — Судьбу твою предскажу, дай денежку, не пожалей для несчастной старухи!

— Мэтт, пойдем, пожалуйста! — взмолилась Кэрол.

Но он подарил старухе добрую улыбку и положил в ладонь зеленую купюру. Согнув ее кривые пальцы, он прикрыл их своей крепкой ладонью.

— Возьми, мать.

Она ослабилась, обнажив беззубые десны, с любопытством разглядывая его лицо, и вдруг ее всю перекосило, она отскочила от него, уронив деньги в грязь.

— Проклятый! Проклятый! — завизжала она в припадке, прижав трясущиеся руки к дряблым щекам. — Убийца!

Мэтт смертельно побледнел и попятился от нее назад.

— Кто допустил, кто?! — вопила ненормальная, обращаясь к прохожим. — Хватайте его! Это убийца!

Люди удивленно поглядывали в их сторону, подозрительно присматриваясь к Мэтту. Схватив его за руку, Кэрол быстро повела его прочь.

— Беги, беги, от судьбы все равно не убежишь! Ты проклят, проклят самим Господом!

Беги, беги к своей смерти, она уже ждет тебя, поспеши!

Старуха залилась невыносимым звонким хохотом.

— Потерпите, девочки, он скоро будет с вами, — сказала она кому-то невидимому перед собой. — Он уже бежит, к вам бежит!

За все время посадки Мэтт не сказал ни слова. Расстроенная до слез, Кэрол пыталась «достучаться» до него, объясняла, что эта старуха ненормальная, рассказала, что она всем желает смерти, что то же самое она кричала Джеку. Что нельзя обращать внимание на ее слова, потому что это всего лишь бред сумасшедшей.

— Но как она узнала? — наконец-то, подал голос Мэтт, когда они уже взлетели.

— Мэтт, о том, что Джек боролся за твое освобождение, писали во всех газетах, передавали по всем каналам. Я сама видела в газетах твои фотографии, сделанные еще во время суда, которые достали из долгого ящика и снова поместили на первые полосы. Есть люди, которые не хотят признавать факты, не желают принять правду, привыкнув к тому, что убийца — ты. Ты не должен обращать на это внимание. Они скоро успокоятся, забудут, а пока просто не слушай... Будь, как Джек, он всегда игнорирует нападки в свой адрес, говорит, что обращать внимание на недалеких идиотов — себя не уважать. А слушать такую сумасшедшую, как эта старуха — просто глупо.

Кэрол попросила у стюардессы коньяка и попросила Мэтта выпить.

Он не возражал. Вскоре Кэрол с облегчением заметила, что он успокоился.

— Эту бы старуху да в зону, всех заключенных разогнала бы за минуту, — пошутил он. — Или они бы ее прихлопнули...

— И правильно бы сделали! Представь, что она вот так на всех кидается и пугает! И куда только полиция смотрит?

— А деньги-то выбросила. Выходит, не такая уж голодная.

— Да подобрала она их, когда мы ушли, руку даю на отсечение, — усмехнулась Кэрол.

Она смотрела на него и не могла насмотреться. Он был гладко выбрит и причесан, но все равно почему-то выглядел несколько неряшливо, может из-за старой потертой одежды. За последние месяцы он поправился, и теперь не выглядел таким худощавым и замученным.

Ничего, Кэрол собиралась его преобразить так, что его родная мама не узнает. И не далее, как сегодня.

Когда она предложила поехать сначала к ней, чтобы он переоделся в то, что приготовила для него Кэрол, и вообще привел себя в порядок, он согласился так быстро и без колебаний, метнув в ее сторону загоревшийся взгляд, что щеки девушки медленно залились румянцем. Ее предложение привело его в прекрасное расположение духа, и Кэрол не могла не понять, с чего это вдруг он так повеселел, забыв о противной старухе, о страхе и неуверенности перед обретенной свободой.

Кэрол была только рада, что он начал приходить в себя.

— На меня все смотрят, — заметил он. — Наверное, от меня прет зоной за версту.

— Тебе только так кажется. Никто на тебя не смотрит. И не надо забивать себе голову всякой ерундой, — отозвалась Кэрол.

— Ну, ладно, слушаюсь! — нежно улыбнулся он и погладил ее по руке.

Помолчав, он снова проговорил:

— Они, наверное, удивляются, что такой потрепанный жалкий тип делает рядом с прекрасной молодой девушкой...

Кэрол возмущенно втянула в себя воздух, всем своим видом осуждая его за такие слова.
— Удивляются, — уверенно повторил он, не обращая внимания на ее недовольство. — Я сам этому удивляюсь.

Взяв такси, они помчались по городу в новую квартиру Кэрол.

Но сначала заехали в одно место...

Мэтт вышел из машины, оглядываясь по сторонам. Теперь глаза слепило яркое горячее солнце, играя лучами на чистеньких улицах. Кэрол улыбнулась, наблюдая, с каким восторгом и интересом он разглядывал все вокруг, улицы, дома, витрины, людей. Так может смотреть на все только тот, кто не видел этого вечно и не рассчитывал увидеть снова. Глаза его горели и светились, и это был огонь и свет вернувшегося к жизни человека. Он, наконец-то, почувствовал свободу, и был опьянен этим ощущением.

— Ты здесь живешь? — поинтересовался он, шаря цепким взглядом вокруг.

— Не совсем. Здесь работает мой друг, — девушка загадочно улыбнулась. — Зайдем, я хочу тебя с ним познакомить.

Мэтт нахмурился.

— Какой друг? И зачем мне с ним знакомиться?

— Так надо.

Он послушно последовал за ней и оказался в роскошном холле. Пока он изучал взглядом обстановку, пытаясь понять, куда она его привела, к ним подошла красивая молодая девушка.

— Привет, Джесс! — поприветствовала ее Кэрол.

— Здравствуйте, Кэролайн. Жорж ждет вас, — приветливо улыбнулась девушка.

— Спасибо.

Мэтт заметил недоуменный и презрительный взгляд, которым его наградила девица украдкой от Кэрол, и, чувствуя, как в груди начинает разливаться горечь, пошел за Кэрол дальше. Он ей не пара. Такому, как он, даже стоять рядом с ней должно быть стыдно, а он замахнулся на большее. Реакция окружающих вполне естественна, и не стоит обижаться. Надо просто знать свое место. А оно очень далеко от этой девушки. Он знал это раньше, и будет убеждаться в этом снова и снова, пока не исправит эту ошибку.

Навстречу им вышел маленький мужчина с копной огненно-рыжих курчавых волос, ниспадающих на плечи. Манерный кривляка, строящий из себя невесть что, напыщенный и самодовольный — такое произвел на Мэтта впечатление этот странный Жорж. К тому же, он походил на голубого. Мэтт был очень удивлен такому «другу» Кэрол. Окинув Мэтта оценивающим взглядом, он поморщился, игнорируя то, какой злостью загорелись его глаза.

— Запущен ужасно, но не безнадежно, — высказал свое мнение Жорж. — Пойдемте, молодой человек, потолкуем.

— Иди, Мэтт. Я подожду тебя в холле.

— Кэрол, но о чем мне с ним разговаривать? И вообще, я не пойму...

— Вы ошибаетесь, молодой человек, нам есть, о чем поговорить. И наш разговор будет длиться как минимум два часа.

Кэрол ободряюще улыбнулась на его растерянный взгляд и, погладив по плечу, направилась обратно в холл. Тяжело вздохнув, он поплелся за странным человечком, не смея возразить девушке.

Устроившись в кожаном кресле, Кэрол заняла себя разглядыванием журналов. Не

прошло и двух часов, как Жорж и Мэтт вышли в холл.

— Вуаля! Принимай работу, Кэрол! Он ужасно сопротивлялся поначалу, но я его переубедил! — Жорж отступил в сторону и поднял руки, демонстрируя «свою работу».

Кэрол поднялась с кресла, не отрывая взгляд от Мэтта.

Результат превзошел все ее ожидания — перед ней стоял совершенно другой человек. Красивая модная стрижка, в которой сразу чувствовалась рука непревзойденного мастера, посвежевшая преобразившаяся кожа, подвергшиеся тщательной обработке руки, засиявшие здоровьем волосы, отбеленные зубы, стильный щеголевский темный костюм, великолепно сидевший на высокой стройной фигуре, рубашка цвета слоновой кости с легкомысленно расстегнутыми верхними пуговицами и приподнятым воротником, качественные кожаные туфли, легкий аромат дорогого одеколора...

Сердечко Кэрол защемило от восторга.

— Ну, разве не картинка? Можно прямо сейчас на обложку журнала! — восхвалял сам себя Жорж. — Ведь совсем другое дело! Ну, скажи, парень, что тебе не нравится!

— Не скажу, — Мэтт смущенно улыбнулся.

— Еще бы! Бездомный подранный кот и то выглядел лучше, у меня сердце кровью облилось, когда увидел тебя. Такие превосходные внешние данные — и так себя запустить! Это же немыслимо, просто преступление! Теперь следи за собой, парень.

— Постараюсь, — пообещал Мэтт. — Сколько я должен?

— А! — отмахнулся стилист. — Это мой подарок тебе и Кэрол. Будьте счастливы, ребята!

Мнение Мэтта об этом смешном человечке кардинально изменилось.

А вытянувшееся от изумления лицо девушки, которая незадолго до этого обидела его своим взглядом, вызвало у него улыбку. Теперь она смотрела на него по-другому, приоткрыв рот от восхищения.

Направляясь к выходу, он бросил взгляд в зеркало и улыбнулся собственной удивленной физиономии.

Неужели в зеркале действительно его отражение, может, это галлюцинации?

Нет, ему это вовсе не кажется. Как только он оказался на улице, то не мог не заметить, как оборачиваются на него прохожие, как кокетливо улыбнулась идущая навстречу девушка.

Что ж, теперь, по крайней мере, ему не будет стыдно находиться рядом с Кэрол. Ее замороженный и восхищенный взгляд был лучшей наградой за те мучения, которым подвергал его педантичный Жорж целых два часа.

— Ну, теперь и ко мне ехать незачем. Давай пообедаем где-нибудь, и можно смело ехать к твоей маме. Она собиралась приготовить праздничный ужин, будем отмечать нашу победу. Жаль только, Джека с нами не будет — занят очень.

— Как же так? — расстроился Мэтт. — Ты даже не покажешь мне, где живешь?

Кэрол опустила глаза, делая вид, что смотрит на часы, пытаясь скрыть то, как бросает ее в дрожь при мысли о том, что они останутся наедине в ее квартире...

— Ну, хорошо, поехали, — тихо сказала она. — Заберешь вещи, которые я купила для тебя. И заодно позвоним Джеку, может он все-таки поедет с нами. Ведь это в основном его победа.

На первый взгляд казалось, что эта победа далась знаменитому адвокату довольно легко. Под давлением неоспоримых фактов и добровольном признании настоящего убийцы, дело было пересмотрено. Джек разбил в пух и прах все, на чем строилось обвинение Мэттью

Ланджа. С Мэтта вынуждены были снять обвинение и отпустить на свободу. Его место занял другой.

Единственное, чего не удалось Джеку Рэндэлу, это избежать огласки.

Как бы не старался он скрыть от прессы это скандальное дело, акулы пера все равно каким-то образом о нем пронюхали. Страшно вспомнить, что тогда началось! Не обладай Джек таким сильным характером, его бы попросту сожрали и журналисты, и народ! Устраивались многочисленные акции протеста, с помощью которых люди требовали у власти не допустить, чтобы Джек Рэндэл выпустил на волю очередного маньяка и убийцу. Отсылались письма самому президенту с требованием лишить Джека Рэндэла прав на адвокатскую деятельность. Адвоката обливали грязью, ему угрожали, его ненавидели. Это был страшный скандал.

Но Джек Рэндэл был невозмутим, он спокойно и уверенно отвечал на вопросы журналистов, утверждая, что люди не отдадут себе отчета в том, чего требуют, а именно — оставить невиновного за решеткой, а больного психопата — убийцу — на воле, среди них.

— Если вы хотите, чтобы он оставался среди вас и убивал ваших детей — что ж, стойте на своем, делайте, как считаете нужным, — с презрением говорил Джек в камеру. — Истинный убийца чудом найден, он сам признался в совершенных преступлениях, рассказал такие подробности об убийствах, которые мог знать только тот, кто их совершил. А вы уперлись как тупые бараны в свое, не желая видеть факты, доказательства! Раскройте глаза, и не мешайте мне затолкать эту мразь за решетку! И если у меня это не получится, запомните, об этом в первую очередь пожалеете вы, а не я, когда будите смотреть на изуродованные тела ваших детей!

Многих слова Джека Рэндэла убедили, заставили поменять мнение, принять его сторону. Но были и такие, которые не верили пользующемуся дурной славой адвокату. Как в прессе, так и в народе произошел раскол, два противоположных мнения грозили столкновением масс, страсти накалялись.

И та, и другая стороны боялись одного и того же — что страшный маньяк будет среди них, только одни считали, что это Мэттью Ландж, а другие — признавшийся в преступлениях Адам Стоун. Но, несмотря ни на что, Джек добился своего. Это был поразительный успех, огромный скачок вверх по карьерной лестнице на уровень, которого достигали лишь избранные. И если до этого все еще были те, кто сомневался в том, что Джек Рэндэл — избранный, то после громкого скандального дела Мэттью Ланджа, таких не осталось.

Теперь Кэрол понимала, почему Джек взялся за дело Мэтта. Победа принесла ему еще большую славу и авторитет. И он знал, что так будет. Учужал своим поразительным профессиональным нюхом в этом деле дорожку вверх, которая еще больше возвысит его над коллегами. И пусть им двигали корысть и собственная выгода, а не благородство и жажда справедливости, в глазах Кэрол это ничуть не уменьшало его заслуги.

Что побудило его помочь, не имело значения, главное, что он это сделал. И не смотря ни на что, его поступок был красивым и похвальным. Он заставил большую часть осуждающих его ранее людей поверить в невиновность несправедливо обвиненного Мэттью Ланджа. Борьба за справедливость и блестящая победа Джека Рэндэла повлияли благотворно на всеобщее мнение о нем. Многие забыли о его возмутительных поступках в прошлом, сменив гнев на милость. Даже пресса смягчилась, предполагая, что беспринципный адвокат раскаялся и теперь пытается искупить свою вину перед обществом и справедливостью,

которыми так малодушно пренебрегал.

Сам Рэндэл не стал этого отрицать, согласившись, что не всегда поступал правильно, что понял, что его работа должна приносить пользу обществу и отныне будет только так, ибо он не хочет быть врагом народа.

Были, конечно, такие, кто не поверил в искренность адвоката, но большинство мнение свое о нем изменили.

Что ж, Кэрол была, конечно, удивлена тем, как выгодно сумел воспользоваться для себя Джек делом Мэтта, снискав еще большую славу, и сгладить конфликт с обществом, поправив свою репутацию. Кэрол сильно сомневалась в том, что Джек действительно раскаивался в своих темных делишках и бессовестных поступках, это просто был хитрый и ловкий ход, пыль в глаза. Ведь он прекрасно понимал, что общественная неприязнь ему сильно вредит. Лучше быть героем в наивных глазах народа, чем опасным монстром, угрозой их благополучию и спокойствию.

Но Кэрол не видела ничего зазорного в том, что он извлек какую-то выгоду для себя, помогая Мэтту и ей. Это даже хорошо. Обе стороны довольны. Факт остается фактом — Мэтт на свободе. И это сделал Джек.

Самый умный, самый хитрый, самый талантливый, самый загадочный. Просчитать то, что творится у него в голове, было практически невозможно. Понять можно было только те мысли, которые он сам давал понять. А когда нельзя предугадать человека, и его мысли — потемки, это невольно настораживает, если не сказать больше — вызывает опасения. Наверное, это и являлось основной причиной того, что ему не верили и боялись. Но теперь он сумел это исправить. Одним махом. Одним делом, невероятно сложным и тяжелым, безнадежным и грязным. Тот факт, что адвокат сам распутал этот клубок страшных убийств, нашел убийцу спустя восемь лет, был известен всем. Это казалось невероятным. И этого было достаточно для того, чтобы покорить миллионы сердец и поразить столько же умов.

А пока Джек купался в лучах заслуженной славы, Кэрол и Мэтт наслаждались тишиной и спокойствием в небольшой уютной квартирке, лежа на помятых простынях в объятьях друг друга.

Когда они переступили порог квартиры, в Кэрол внезапно ожили все ее страхи перед мужчинами. Она задрожала, испугавшись, что он набросится на нее как голодный зверь, причинит боль, унизит.

Но Мэтт скромно попросил кофе, с улыбкой заметив, что мечтал о хорошем кофе все восемь лет. Они расположились на кухне за столом, попивая горячий ароматный кофе. Кэрол украдкой наблюдала за Мэттом. Он как-то виновато прятал от нее глаза, был весь напряжен. Она даже заметила, что у него дрожат пальцы. Он старался не смотреть на нее. Протянув руку, Кэрол коснулась его кисти. Он вдруг вздрогнул и выронил чашку. Резко подскочил, чтобы разлитый кофе не сбежал по столу на брюки, и смущенно бормоча извинения.

— Ничего, я уберу, — улыбнулась ему Кэрол и, взяв хлопчатобумажную салфетку, стала вытирать стол.

— Можно... мне в ванную? — он пулей вылетел с кухни и спрятался в ванной. Кэрол изумленно присела на стул.

Потом нерешительно подошла к ванной комнате и прислушалась.

— Мэтт, с тобой все в порядке?

Дверь медленно приоткрылась, и Кэрол отступила, позволяя ему выйти.

— Все в порядке... просто я обжегся.

— Да? — с сомнением девушка попыталась заглянуть ему в глаза. — Покажи.

— Не стоит — ерунда. Ну, может, уже пойдем?

Кэрол ожидала чего угодно, только не этого. Он украдкой бросил на нее взгляд, но она его поймала, и он обжег ее, заставив затрепетать. А еще в его глазах отразилась мука.

— Пойдем, — девушка лукаво улыбнулась и, взяв за руку, повела за собой. В спальню. Он остановился.

— Но я имел в виду... — он не договорил, встретившись с ее глазами... и сломался. Притянув ее к себе, он со стоном прижался к ее губам.

«Что же я делаю? Что делаю?! Так нельзя, это неправильно... она же совсем молоденькая...». Эти мысли молнией пронеслись в его голове, но не остановили. Руки его дрожали и не слушались, когда он снимал с нее одежду, увлекая в спальню. Кэрол не отставала, успев избавить его от пиджака и рубашки, прежде чем он опустил ее на постель.

Она забыла о своем страхе перед мужчинами, потому что сейчас все было иначе. Не было силы, принуждения. Была любовь, нежность, страсть.

Как он ее целовал, как ласкал, с таким обожанием, даже с преклонением. И Кэрол почувствовала, как просыпается и оживает ее тело, впитывая в себя его страсть и желание. Ощутила, как в ней пробудилась женщина, чувственная, страстная. И она ответила на его любовь с не меньшим пылом...

— Нам надо собираться. Твоя мама уже ждет, — проговорила Кэрол, лежа в нежных объятиях. С неохотой думала она о том, что пора выбираться из мягкой постели, из его объятий. Ей даже шевелиться не хотелось.

Она даже не предполагала, что секс может отбирать столько сил. Что ж, наверно иначе и быть не могло, под таким напором истосковавшегося по женщинам мужчины не мудрено потерять все силы. Он, похоже, сам утомился, и не спешил подниматься.

— Не охота никуда ехать. Так и провел бы с тобой в постели всю оставшуюся жизнь.

— Я бы тоже, но твоя мама ждет.

— А ты уверена в этом?

— В том, что твоя мама нас ждет?

— Нет, в том, что тоже хочешь провести свою жизнь в постели со мной?

— Конечно! — Кэрол засмеялась.

— Тогда выходи за меня замуж.

Оторвав голову от его груди, девушка ошеломленно уставилась ему в лицо.

— Ты серьезно?

— Конечно! — в тон ей ответил он.

— Ну, если серьезно, то тогда я согласна! — и она снова засмеялась, легко, непринужденно и счастливо.

Когда Моника Ландж открыла двери, она не поверила глазам своим.

— Сынок, неужели это ты? Господи, совсем не узнать!

Сложив ладони, она на мгновение замерла, смотря на него наливающимися слезами глазами, а потом с рыданиями бросилась ему на грудь, порывисто обхватив тонкими руками. Обняв ее хрупкие плечи, Мэтт успокаивающе погладил мать по голове.

— Ну, что же ты плачешь? — ласково проговорил он. — Я дома, с тобой — давай

радоваться! Неужели мы не наплакались?

— Наплакались, сынок, ох как наплакались!

— Тогда оставим слезы в прошлом. Теперь у нас все будет хорошо.

Моника кивнула и, отстранившись от сына, посмотрела на Кэрол.

— Здравствуй, доченька. Спасибо тебе. Ты вернула нам жизнь, и мне, и ему, — роняя слезы, она обняла девушку, а потом спохватилась, радостно засутилась.

— Ой, что же это я вас у порога держу! Совсем очумела, старая! Проходите! У меня все готово, сейчас быстро накрою стол.

Мэтт отдал ей пакет с бутылками вина и коньяка.

— Возьми, поставишь на стол. Напьемся сегодня от радости.

Он рассмеялся. Моника улыбнулась.

— Напьемся, сынок!

Они дружно накрыли на стол и расселись по местам.

— А почему не приехал ваш адвокат разделить с нами праздник? — спросила Моника, раскладывая еду по тарелкам.

— Я приглашала его. Два раза. Но он занят, — ответила Кэрол.

— Жаль. Ну и ладно, обойдемся без него.

— У меня тост, — Мэтт поднялся, взяв стакан с коньяком. — Я хочу выпить за тебя, Кэрол, и за Джека. Никто и никогда не делал для меня хотя бы сотую долю того, что сделали вы. Вы дали мне новую жизнь, предоставили шанс изменить свою судьбу. А ты подарила мне любовь, я чувствую себя сейчас самым счастливым человеком на земле. И я хочу, чтобы ты поделила со мной мою новую жизнь. За тебя, Кэрол, самую удивительную и необыкновенную женщину на свете!

Моника горячо закивала головой, поддерживая сына.

— Мама, а у нас для тебя новость, — Мэтт хитро улыбнулся, сев на место, и, положив руку на стол, сжал пальцами кисть девушки. — Я сделал Кэрол предложение... набрался наглости. И она согласилась. Так что скоро мы поженимся.

— Это прекрасная новость! Вы чудесная пара, и вы будете счастливы!

Моника даже не пыталась скрыть своей радости. С любовью погладив сына по руке, она добавила:

— Я всегда знала, что ты встретишь достойную тебя девушку, просто нужно было немного подождать.

— Я ждал восемнадцать лет, когда она родится, а потом еще двадцать, когда она, наконец-то, будет со мной, — пошутил Мэтт. — А она сама меня нашла, вытащила из грязи, вычистила, заставила потерять голову от любви.

— Ничего, из-за такой девушки голову терять не страшно, — сказала Моника и мечтательно вздохнула. — Господь услышал все мои молитвы! Он не только вернул мне сына, но еще и внуков теперь подарит! А я уже и не надеялась. Ах, счастье-то какое на голову свалилось, как бы не раздавило...

Мэтт и Кэрол весело рассмеялись.

Да, это было счастье. Одно общее, на троих, и у каждого свое личное.

Кэрол смотрела сияющими глазами на Мэтта и на Моника. Это — ее будущая семья. И в этой семье она найдет счастье и покой, она знала это.

Они все заслужили этого покоя и счастья.

Кэрол планировала вернуться вечером домой, но Моника и Мэтт категорично этому

воспротивились. Без ложной скромности и ненужных церемоний, Моника отправила сына и будущую невестку в свою спальню, а сама легла в зале. Как не краснела и не отпиралась девушка, Моника с первого взгляда поняла, что размещать их в разных комнатах, на разных постелях уже нет смысла. Но она была только рада тому, что у них все так хорошо. И даже была благодарна Кэрол за то, что та не стала мучить ее и без того настрадавшегося сына. Ему хорошо, и это для матери самое главное.

Кэрол не знала, что ночью в ее квартире тревожно разрывался телефон, а Джек Рэндэл с трубкой метался в своих комнатах, нервно куря одну за другой сигареты. Потом, не выдержав, набрал домашний номер своей секретарши.

— Сара, мне нужен номер телефона, зарегистрированный по адресу... — он замялся, напрягая память, и вспомнив, продиктовал нужные координаты. — Немедленно!

— Конечно, мистер Рэндэл, дайте мне минутку, я вам перезвоню, — невозмутимо отозвалась сонным голосом Сара, как будто сейчас было не половина третьего утра, а разгар рабочего дня.

Она перезвонила меньше, чем через минуту, и сообщила нужный номер. Поблагодарив ее, Джек нетерпеливо стал давить кнопки телефонной трубки. Ему ответил сонный женский голос.

— Алло!

— Моника Ландж?

— Да. А вы кто?

— Джек Рэндэл, адвокат вашего сына.

— О, мистер Рэндэл, здравствуйте. Как жаль, что вы не смогли вчера присутствовать на нашем семейном празднике...

— Да, мне тоже жаль. А Кэрол... она у вас?

— Да. Что-нибудь случилось, мистер Рэндэл?

Джек подавил вздох невероятного облегчения.

— Нет, ничего не случилось. Просто хотел убедиться, что у вас все в порядке.

— Спасибо за беспокойство, — в голосе женщины послышалось недоумение. — У нас все хорошо.

— А вы не знаете, когда она собирается домой?

— Нет, не знаю. Может нам с Мэттом удастся уговорить ее остаться у нас еще на несколько дней, а может, и навсегда.

— Как это — навсегда?

— Да вот так, мистер Рэндэл. Чего уж бегать туда-сюда, раз свадьба на носу!

— Какая свадьба? — обомлел Джек.

— А такая! Жениться они решили. Любовь!

— Понятно. Извините, что побеспокоил.

Швырнув трубку на диван, он выругался.

— Какая, к черту, любовь?! Какая свадьба?! Спятила, что ли?

Прикурив очередную сигарету, он задумался.

Не ожидал он, что так быстро все пойдет, что она останется ночевать в этой семейке, что задумает замуж. Что ему придется сходить с ума от страха, искать ее среди ночи. Он уже рисовал в воображении ее бездыханное обезображенное тело, и если бы это случилось, виноват был бы только он.

Значит, действовать нужно немедленно, раз их «великая и нетерпеливая любовь» совсем не оставляет ему времени, пока он глубоко не пожалел, что подверг ее такой страшной опасности, отдав в руки убийцы-шизофреника.

Глубокой ночью Кэрол разбудили тихие стоны. Разлепив тяжелые веки, она приподнялась, пытаясь разобраться, что происходит. Ей не показалось — рядом стонал во сне Мэтт, беспокойно крутя головой. На лице его отражалась боль.

— Мэтт! Мэтт, что с тобой?

Он застонал еще громче и сжал ладонями виски. Кэрол не могла понять, проснулся он или все это происходит с ним во сне. Происходит... что происходит? Что с ним?

— Мэтт, ты меня слышишь? Посмотри на меня, пожалуйста.

Она отпрянула от него от неожиданности, когда он вдруг весь изогнулся и закричал... Страшно закричал, не громко, но так, что у Кэрол застыла в жилах кровь. Вскочив с кровати, она дрожащими руками накинула халат, который одолжила ей Моника и который Кэрол сама ей подарила не так давно.

В этот момент распахнулась дверь и в спальню забежала Моника.

— Что случилось? — увидев Мэтта, корчащегося в постели в странном приступе, она бросилась к нему. — О, Боже, сынок, что с тобой? Ты слышишь меня? Это мама! Сынок, посмотри на меня, скажи, что с тобой? Что у тебя болит?

Она пыталась разжать его руки, судорожно вцепившиеся в волосы, но он как будто ничего не слышал и ничего не видел вокруг себя. Стоны и крики сменились сиплым протяжным воем сквозь стиснутые в агонии зубы.

— Голова... У него бывают страшные приступы мигрени, — сказала Кэрол, растерянно ломая руки. — Может, у него есть какие-нибудь лекарства? Где его сумка с вещами?

— Какая сумка?! — в истерике закричала Моника. — «Скорую» вызывай!

— Его уже обследовали и ничего не нашли. Врачи сказали, что это не физическая болезнь.

— А какая же еще? Посмотри, как ему больно, и это боль физическая. Надо ему помочь! Что же мы стоим и смотрим, как он мучается? Мы не врачи, вызывай бригаду, пусть они разбираются!

— Хорошо, — Кэрол бросилась к двери, но остановилась и обернулась.

Мэтт замолчал так же неожиданно, как начал стонать. Пальцы его разжались, и руки, как у мертвого, упали на простыни. Моника в ужасе застыла, смотря на него широко раскрытыми глазами, словно окаменела. Казалось, она сама сейчас упадет замертво.

Кэрол подскочила к Мэтту и приблизилась к его лицу.

— Дышит, — с облегчением сообщила она Монике, почувствовав на щеке его дыхание. — Кажется, все закончилось. Боль ушла.

— Он без сознания?

— Не знаю. Похоже.

— Принеси воды. И захвати мне лекарство... там, в шкафчике над раковиной, — Моника сжала грудь рукой, болезненно поморщившись.

Ее бледность напугала Кэрол, и она побежала на кухню за лекарством. Как бы не пришлось вызывать «скорую» ей.

Пока Моника принимала свое лекарство, Кэрол склонилась над Мэттом и, плеснув немного воды из стакана на ладонь, коснулась его лица.

— Мэтт, — тихо позвала она.

Веки его дрогнули и приоткрылись.

— Выпей воды, — Кэрол поднесла стакан к его лицу и, положив ладонь под затылок, попыталась осторожно приподнять его голову.

С каким-то звериным рычанием он вдруг подскочил и отшвырнул ее от себя с такой силой, что девушка пролетела чуть ли не через всю комнату и, наткнувшись на стул, упала на пол. Ошеломленная, она приподнялась и обернулась.

Мэтт стоял босиком на полу, и его высокая фигура и сильные плечи вырисовывались темным силуэтом на фоне освещенного луной окна. Кэрол не могла разглядеть его лица, но почему-то ясно видела, как сверкают его глаза. Странно сверкают. Он не в себе.

— Мэтт, ты что? — дрожащим охрипшим голосом выдавила из себя Кэрол. — Ты меня не узнаешь?

— Узнаю, любовь моя, — в темноте сверкнули его зубы. — Уже вернулась, шлюха?

— Что?!

— Не притворяйся, Кэт! — его мягкий голос вдруг изменился, став злобным и яростным. Кэрол расслышала какой-то странный звук, и вздрогнула, когда поняла, что это скрежет зубов.

Краем глаза она увидела, как Моника в ужасе прижала дрожащую ладонь к губам. Мэтт зашатался, и, как подкошенный, с грохотом рухнул на пол.

Моника бросилась к нему.

— Сынок, сыночек! Да что же это с тобой? — плача, запричитала она. — Что происходит, Господи, что?! Он без сознания, Кэрол!

Кэрол начала приходить в себя и почувствовала, как что-то больно впивается в ладонь. Разжав пальцы, она обнаружила, что сжимает разбитый стакан. Стряхнув осколки на пол, она поднесла поближе к глазам окровавленную ладонь.

— Порезалась, — чуть слышно пробормотала она.

— Помоги мне положить его на кровать, — Моника попыталась приподнять его плечи.

Поднявшись с пола, Кэрол подошла к ней.

— Не поднимайте, не надо, у вас же сердце больное. Давайте, я попробую, а вы помогите, — девушка присела и, протянув руки у него под мышками, немного приподняла.

— Тяжелый... я не смогу. И вместе мы не сможем. Лучше попробуем привести его в сознание.

Кэрол аккуратно положила его обратно на пол и заглянула ему в лицо. С удивлением она обнаружила, что глаза его приоткрыты, и тихо окликнула. Никакой реакции.

— Включите свет, — обратилась она к Монике.

Когда комната озарилась внезапным светом, Мэтт сощурился.

— Не надо... уберите! — простонал он, зажмурившись.

Моника выключила свет и зажгла ночник.

— Сыночек, ты можешь встать? Пожалуйста, помоги нам положить тебя на кровать.

Кэрол снова обхватила его руками и попыталась поднять. Он подобрал ноги, помогая уложить себя в постель, и, оказавшись на мягких простынях, снова перестал двигаться. Сквозь полуприкрытые веки он без всякого выражения смотрел куда-то перед собой.

— Не трогай его, пусть полежит, — прошептала Моника, заглядывая ему в глаза. — Сынок, ты слышишь меня? Не слышит. И, кажется, даже не видит, — добавила она тревожно.

— У него так бывает после сильных приступов, он мне рассказывал. Он ничего не помнит, но ему говорили, что он так по несколько часов лежал, как в прострации какой-то, между небом и землей. В таких случаях ему просто давали отлежаться, пока он сам в себя не придет.

— Господи, — заплакала Моника, прижав кулак к губам. — Страшно-то как смотреть на него! Как безумный...

Кэрол вздрогнула от ее слов. Безумный.

— Нет, не безумный, не говорите так. Это просто шок такой после приступа, может из-за сильной боли. Организм включает защитный рефлекс, таким образом восстанавливает силы.

— Откуда ты знаешь?

— Слышала где-то, что так бывает. Не переживайте, он скоро придет в себя.

— Как не переживать? Горе-то какое! — запричитала Моника. — Сыночек мой, что же они с тобой там сделали? Что же это за напасть к тебе опять прицепилась? Мало настрадался за свою жизнь, что ли, зачем же ты с ним так, Господи?

Обняв Кэрол, она уткнулась лицом ей в грудь и безутешно разрыдалась.

— Ты ведь его не бросишь?

— Не брошу, — ответила Кэрол.

— Обещай, что не бросишь моего мальчика. Сердце у меня плохое, что со мной случится, у него же никого больше нет. Он тебя любит, сильно любит, не разбивай ему сердце, он этого не переживет. Он такой слабый, ранимый. А теперь еще эта странная болезнь... Пообещай, что будешь заботиться о нем, что не оставишь его!

— Я обещаю. Я люблю его, и я буду с ним, чтобы не случилось.

— Я верю тебе, деточка. И душа моя будет спокойна, пока ты с ним.

— Скажите, а кто такая Кэт?

Моника отстранилась, и лицо ее исказила ненависть.

— Жена его. Бывшая. Она во всем виновата, только она! Сломала она его, загубила. Так и не оправился, бедный. Видела, что с ним творится? До сих пор она ему мерещится! Забыть не может, сколько из-за нее выстрадал!

— Думаете, он все еще ее любит? — осторожно спросила Кэрол.

— Ненавидит он ее, разве не видишь? Как можно любить человека после такого? Он же к ней со всей душой, дышать без нее не мог, а она... — голос Моника задрожал от боли и ярости. — Говорить о ней даже не хочу! Хватит! Не стоит она того, чтобы вспоминать о ней. Теперь у него есть ты, и это главное. С тобой он забудет о своей боли. И болезнь у него эта пройдет, потому что из-за нее все. Не сомневаюсь даже.

Кэрол слушала ее, грустно наблюдая за Мэттом. Губы его были плотно сжаты, в уголках рта пролегли горестные морщинки. Пустой блуждающий взгляд из-под полуоткрытых век вызывал у нее нервную мелкую дрожь.

Перед ее мысленным взором стоял другой Мэтт. Человек, который ее толкнул с такой невероятной силой, с лихорадочным невразумительным блеском в глазах, с хриплым от ненависти голосом — это был кто-то другой. Это был не Мэтт. Он ее не узнал, более того, он видел в ней кого-то другого.

Это было страшно. Но, наверное, все можно объяснить, если постараться. Возможно, при приступах у него случаются галлюцинации. Он увидел жену, вот и разозлился. Ведь он не знал, что перед ним Кэрол. Ее ему не за что так ненавидеть.

Не известно, что он видит сейчас, скользая взглядом по стенам и потолку. Медленно поворачивает голову, куда-то смотрит. Долго смотрел сквозь Кэрол, не видя ее. Девушка отвернулась, не вынеся этого.

Сердце неприятно сжималось в груди.

Ему нужно помочь. Если проблема не в физической патологии, если его душевная боль настолько велика, что материализовалась в физическую, значит нужно прежде нейтрализовать боль в его душе. Тогда исчезнет и физическая. Болезнь не в теле, она в душе, в его мыслях, подсознании.

Нужно будет очень осторожно предложить ему проконсультироваться у психоаналитика. Но не так-то легко сказать человеку об этом. Например, Кэрол очень ранило, когда подобное предложила ей Куртни. И она наотрез отказалась. А Мэтт, который вообще склонен воспринимать все слишком близко к сердцу, может решить, что она считает его сумасшедшим.

Нужно подумать, как подобрать такие слова, чтобы он понял правильно. И, чем бы ни были вызваны эти мучения, непременно его от них избавить.

Примерно через час Мэтт погрузился в глубокий тихий сон. Настолько тихий, что порой казалось, что он не дышит. Моника, сидя на полу у кровати, тоже уснула, уронив голову на руки.

Только Кэрол не спала. Держа Мэтта за руку, она любовалась его лицом, задавая себе вопрос, почему такой красивый и добрый мужчина так несчастен? Почему ему изменяла жена? Разве могли быть ее любовники лучше него, привлекательнее? Зачем убегать к кому-то от здорового, молодого, полного сил мужа, который безумно тебя любит, сознательно причинять ему жестокую боль? Или дело не в нем, а в его жене? В том, что она просто не может довольствоваться одним мужчиной, любовью, семьей? Но если ты от рождения потаскуха, зачем нужно было выходить замуж и ломать человеку жизнь? И бегала бы от одного к другому сколько душе — или чему там еще — угодно, живя сама по себе и никого не мучая!

Кэрол ни разу не видела эту женщину, она даже не могла нарисовать себе в воображении, как она выглядит, но она ненавидела эту дрянь, ненавидела так, как могла ненавидеть только Кейт Блейз.

Но ничего, все еще можно поправить. Если эта потаскуха сломала Мэтта, то она, Кэрол этот «надлом» исправит.

Она так и не уснула, смотря в окно, на темное небо. Она вспоминала веселого молодого парня, с которым подружилась в далеком прошлом. Вот он подмигивает ей, сидя с друзьями за столом, а она прячется от него, уверенная, что он хочет ее обидеть. Вот он протягивает ей маленькое яблоко и улыбается. Она никогда раньше не видела такой красивой, такой доброй улыбки. Наверное, именно в этот момент он покорила ее сердечко.

Улыбалась, вспоминая, как делал дорожку в ее комнату из сырных крошек, чтобы Кейси по ней вернулась. Как они вдвоем разбойничали на кухне, обедаясь всякой вкуснятиной и тихо хихикая.

Как жизнь меняет людей...

Рано утром Мэтт открыл глаза и с недоумением некоторое время смотрел на прикорнувших рядом женщин. Протянув руку, он нежно сжал пальцами ладонь Кэрол. Крупно вздрогнув, девушка выпрямилась.

— Что с вами? Почему вы спите сидя на полу? — он изменился в лице. — У меня был приступ?

Моника, услышав его голос, проснулась.

— О, сыночек, слава Богу, очнулся! Как ты себя чувствуешь?

Мэтт не ответил на вопрос.

— Что произошло?

— Плохо тебе было, стонал, — Моника украдкой бросила на девушку предостерегающий взгляд, веля не упоминать о Кэт. — Помнишь?

— Нет, не помню. Я никогда не помню. А что у тебя с рукой, Кэрол?

— Порезалась... нечаянно.

— А что ты делала такого ночью, чтобы порезаться? И чем?

— Воду в стакане принесла, чтобы лицо тебе промокнуть. А стакан упал. Ну, я когда осколки собирала, порезалась, — объяснила Кэрол, не смотря на него. Врунья из нее была никудышная, она знала об этом, поэтому и посмотрела в сторону, чтобы не покраснеть. Но, кажется, Мэтт ей поверил.

А что, вполне разумное объяснение. Не мог же он догадаться о том, что заставил ее пролететь через всю комнату...

— Ну, и чего вы сидите надо мной, как над покойником? — улыбнулся он.

— Бог с тобой, не говори такие страшные слова! — испугалась Моника. — Накличешь беду.

— Хм, от меня она приглашения не дожидается! — пошутил Мэтт. — И визитами своими балует, как никого, наверное. Нравлюсь я ей.

Моника покачала головой, не одобряя юмор сына, который никогда ему не изменял. На кухне зазвонил телефон.

— Да, кстати, ночью Джек Рэндэл звонил. Спрашивал, все ли у нас в порядке, — вспомнила Моника, выходя из комнаты. — Станный он какой-то.

— Да, странно, — согласилась Кэрол и недоуменно пожала плечами, смотря на Мэтта. — Может, во времени запутался, подумал, что вечер? Он бывает таким рассеянным.

— Кэрол, иди, опять он! — окликнула Моника.

— Может, случилось чего? — Кэрол разволновалась и поспешила к телефону.

«Господи, только бы с Куртни и Рэем все было в порядке!» — взмолилась она про себя и взяла трубку.

— Алло!

— Доброе утро!

— Доброе, Джек. Что-нибудь случилось?

— У нас — нет. А у вас?

Кэрол удивленно приподняла брови, замешкавшись с ответом. Он что, ясновидящий?

Откуда он все знает?

— Нет, у нас тоже все хорошо.

— Врешь! — резко и грубо оборвал ее он. — Я не выношу, когда мне врут! Говори, что там у вас?

Кэрол обидел его тон.

— У Мэтта был приступ, — понизив голос до шепота, сказала она.

В трубке повисла напряженная тишина.

— И что?

— Все прошло.

Снова молчание.

— Он пил вчера?

— Да. А что?

— Передай ему, чтобы ни капли в рот не брал. Алкоголь провоцирует приступы.

— Правда? А ты откуда знаешь?

— Откуда-откуда — от верблюда! — огрызнулся он. — Доктора сказали, которые его обследовали.

— Я передам. Спасибо, — холодно поблагодарила его Кэрол, не понимая, почему он так злится. Опять не в духе, и не считает нужным сдерживать свое плохое настроение?

— А зачем ночью звонил?

— Хотел узнать, как прошло освобождение, нервы не трепали там напоследок?

— Мэтт ничего об этом не говорил. Спасибо за беспокойство, Джек, — смягчилась Кэрол. — А почему ночью-то?

— Как нашел время, так и позвонил!

Девушка опять обижено замолчала. Да что с ним, почему грубит?

— Когда собираешься возвращаться? — спросил он.

— Не знаю. Посмотрю, как будет чувствовать себя Мэтт.

— У него есть мать, она его пусть и нянькает! А ты дуй сюда, у меня разговор к тебе. Важный и срочный.

— А по телефону нельзя?

— Нельзя!

— Но, Джек...

— Без «но»! Кэрол, я что, в бирюльки с тобой играюсь? Что за детский сад ты мне устраиваешь? Говорю, поговорить надо.

— Почему ты со мной так разговариваешь, Джек?

— А как с тобой еще разговаривать? — сорвался он. — Пока Мэтт за решеткой сидел, прохода мне не давала, а теперь у тебя появились более важные дела, и нет времени на то, чтобы встретиться со мной и поговорить? Я не о погоде с тобой собираюсь разговаривать, и вообще, думаешь мне заняться больше нечем, как разыскивать тебя, звонить и упрашивать?

— Хорошо, Джек, я сейчас же приеду. Не сердись, просто я волнуюсь за Мэтта...

— Он не дитя малое, чтобы ты ему сопли подтирала. А если и так, у него для этого мама есть. Давай, собирайся. Как будешь дома, позвони.

Он бросил трубку. Поджав от обиды губы, Кэрол медленно положила трубку на рычаг и отправилась в ванную.

Приехав домой, она тщетно пыталась дозвониться Джеку. Дома он трубку не снимал, в

офисе сказали, что сегодня он еще не появлялся. Озадачено она сидела у телефона и ждала его звонка, гадая, что все это значит.

Неужели он обиделся и передумал с ней встречаться? О чем он хотел так срочно поговорить?

Поднявшись, она отправилась на кухню, чтобы сварить себе кофе.

Бессонная ночь дала о себе знать, слипая ее веки сном.

Кэрол прилегла на кушетку и поставила возле себя телефон. Допив кофе, она поставила чашечку на стол.

Да, Джек обиделся. Это наверняка. И правда, не хорошо как-то получилось с ее стороны. Он прав, если бы Мэтт все еще был в тюрьме, она бы помчалась сломя голову хоть на край света, бросив все свои дела, чтобы встретиться с Джеком и узнать, что он скажет. А теперь вышло так, что вроде бы теперь он стал ненужным, так, будто она использовала его и знать теперь не желает.

Он, конечно, вел себя при последнем разговоре ужасно, и Кэрол продолжала на него за это обижаться.

Но она не хотела, чтобы он думал так, как говорил. Ни в коей мере она не собиралась его обижать или дать понять, что теперь он должен отстать от них с Мэттом. Ну почему он такой бескомпромиссный и категоричный? Ведь можно же было поговорить с ней по нормальному, объяснить все толком, а не набрасываться, как на тупую и неблагодарную девчонку. Или, в конце концов, попытаться ее понять, что она переживает за Мэтта и хочет побыть с ним, пока не убедится, что с ним действительно все в порядке. Боже, какой же сложный и тяжелый человек! Ужасный характер — слишком мягкое определение.

Кофе не помог в борьбе со сном — Кэрол сама не заметила, как крепко уснула. Она преспокойненько проспала до вечера. Ее никто не потревожил. Телефон молчал.

Прежде чем открыть дверь, Моника Ландж предусмотрительно заглянула в глазок, чтобы узнать, кто это к ним пожаловал. Кроме Кэрол и наглых журналистов, к ним вряд ли кто мог прийти, но девушка недавно ушла, а акулам пера отрывать двери Моника не собиралась.

Ее ждал приятный сюрприз. В молодом, хорошо одетом человеке, терпеливо ожидающем под дверью, когда ему откроют, Моника узнала Джека Рэндэла и поспешила отпереть замки.

— Здравствуйте. Моника Ландж, я полагаю?

— Здравствуйте, мистер Рэндэл. Проходите, прошу вас, — Моника взволнованно засуетилась вокруг него, улыбаясь искренней радостной улыбкой и смотря восхищенным и бесконечно благодарным взглядом. Она видела знаменитого адвоката только по телевизору, она смотрела на него, как на бога, преклоняясь перед его умом и силой. Он сделал невозможное — освободил ее сына, выдержав настоящую бурю, обрушившуюся на него со стороны разъяренного народа и беспощадной прессы, он не только устоял, он продолжал идти наперекор и против всех, и никто не смог помешать ему добиться своего. И Моника Ландж готова была пасть перед ним на колени, настолько сильны были ее признательность и восхищение этим совсем еще молодым, не по годам всемогущим, мужчиной.

— О, мистер Рэндэл, как мне отблагодарить вас за то, что вы сделали для нас? Какими словами выразить благодарность матери за спасенную жизнь сына?

Она попыталась опуститься на колени, но он не позволил.

— Ну, зачем вы так, миссис? Хотите меня смутить? — скрывая раздражение, улыбнулся он. — Не надо мне ничего объяснять и доказывать, я прекрасно понимаю ваши чувства, и знаю все, что вы хотели бы мне сказать.

— Правда знаете? — вытирая слезы, усомнилась Моника.

— Догадываюсь. И вы, и ваш сын — хорошие люди, и достойны немного счастья. Я хочу вам помочь. Я приехал поговорить об этом с Мэттом.

— Он сейчас спит, — извиняющимся тоном проговорила Моника. — Слаб очень после этого приступа. Ох, мистер Рэндэл, видели бы вы, как он корчился, как стонал! За что это ему, за что? Откуда у него эта напасть взялась? Как ему помочь?

— Не будем его пока будить. Я могу сначала поделиться с вами своими мыслями и узнать, что вы об этом думаете.

— Конечно-конечно! Пойдемте на кухню, я вас покормлю, заодно и поговорим, — она повела гостя по узенькому короткому коридорчику, усадила за стол, и не обращая внимания на слабые протесты, поставила перед ним роскошные блюда, над которыми так старалась вчера.

— Вино или коньяк? Вы же выпьете за ваш успех и за свободу моего сына?

— Грех не выпить, — сдался Джек. — Коньяк, пожалуй.

— Тогда я тоже буду коньяк, — глаза женщины искрились таким счастьем, что он, подавив тяжкий вздох, отвел глаза. В нем вдруг проснулось чувство, которого он раньше никогда не знал — сочувствие или, скорее, жалость к этой милой доброй женщине. За какой страшный грех ее так жестоко наказала судьба? Как возможно, чтобы такая светлая и добродушная женщина произвела на свет чудовище? Или как допустила, чтобы ее дитя таковым стало? И неужели она на самом деле ни о чем не догадывается?

Не смотря на то, что был не голоден, Джек все же не смог отказаться от ее угощений, чем доставил ей огромное удовольствие.

— Вы себе не представляете, что Кэрол сделала с Мэттом! Когда я его вчера увидела, я с трудом его узнала! — щебетала радостно она. — Даже не знала, что человека можно так преобразить! Словно не из тюрьмы вышел, а с картинки сошел! Костюм на нем дорогуший, сразу видно, весь такой из себя, красивый... даже слово не могу подобрать... шикарный, что ли! Что ж, какова женщина, таков и ее мужчина. Вы согласны со мной, мистер Рэндэл?

Он неопределенно пожал плечами.

— Простите за нескромный вопрос, а вы женаты?

— Нет.

— Вам подошла бы такая женщина, как Кэрол, это я вам говорю, как женщина, прожившая целую жизнь. Только вы не обижайтесь, что я так говорю, — Моника нежно улыбнулась. — Я имела в виду, что рядом с таким элегантным красивым мужчиной, как вы, должна быть и женщина соответствующая, а не какая-нибудь серая мышь. Мужчина и женщина должны смотреться вместе, вы согласны? Мне всегда казалось нелепостью, когда рядом с роскошной женщиной идет плюгавенький мужичок, или наоборот. Вот Кэрол и Мэтт — просто идеальная пара, вы не находите?

— Я в таких вещах не очень разбираюсь. Наверное, вам виднее.

Моника мечтательно вздохнула.

— Вы просто не видели их вчера — тут и разбираться ни в чем не надо. Он восемь лет заживо был погребен в тюрьме, а она за несколько часов смогла превратить его в такого холеного красавца, каким я никогда его не видела за всю жизнь!

— То, что снаружи поправить легче, чем то, что внутри, — заметил Джек. — И то, что у него сейчас внутри гораздо важнее.

— Да, вы правы, мистер Рэндэл.

— Джек, пожалуйста.

— Как скажете, Джек.

— Я консультировался с врачами, которые его обследовали. Его болезнь, все эти приступы, боль — все это у него только вот здесь, — адвокат слегка постучал указательным пальцем по виску.

— Я не совсем понимаю... Вы хотите сказать, что мой сын — сумасшедший?

— У него небольшое психическое расстройство. После того, что ему довелось пережить, это не удивительно. Ему нужно помочь. Вы должны уговорить его пройти лечение. Я знаком с первоклассным специалистом, я уже говорил с ним, и он согласился помочь Мэтту. Само по себе это не пройдет, сами понимаете, а может только усугубиться.

— Да, я понимаю, — безжизненным голосом согласилась Моника.

— Во-вторых, вам нужно уехать. Хотя бы на время, пока здесь все не забудется. Среди населения остался немалый процент тех, кто до сих пор, не смотря ни на что, считает вашего сына виновным в этих преступлениях. Ему будет тяжело здесь жить, поверьте мне. К тому же, учитывая его и без того нестабильное психическое состояние, ему могут сильно навредить новые душевные переживания и стрессы. Его, по возможности, нужно оградить от всякого негатива, от волнений и тому подобного. Я оплачу его лечение, предоставлю вам хорошую квартиру, устрою его на достойную работу. Там, где вы будете жить, никто не будет знать о его прошлом, вы сможете начать новую жизнь.

— О, мистер Рэндэл... Джек! — Моника прикрыла рот ладонью, не в силах сдержать слезы. — Вы правда сделаете это для нас? Все, о чем говорите?

— Разве я похож не человека, впустую бросающегося словами?

— Нет, вы не такой, я знаю. Вы — самый лучший из людей! И я буду молиться за вас до последнего своего вздоха! Скажите, почему вы все это делаете... для нас? Чем мы это заслужили перед вами?

— Мне нечего вам ответить.

— Люди говорили о вас столько плохого, ума не приложу — почему? Как можно называть вас бессердечным и бессовестным циником, когда вы помогаете людям в самых безнадежных и тяжелых ситуациях?

Джек промолчал, задумчиво помешивая горячий кофе. Казалось, он вообще не слышал ее вопросов, или просто пропустил их мимо ушей, озабоченный чем-то другим. А комплементы в свой адрес его, судя по всему, волновали не белее, чем и оскорбления.

— Значит, вы за то, чтобы уехать? — уточнил он у Моника.

— И вы еще спрашиваете? Разве от такой помощи, какую предлагаете вы, отказываются?

— Я почти уверен, что ваш сын откажется.

— Почему вы так думаете? — удивилась женщина. — Мэтт, так же как и я, будет очень рад возможности начать новую жизнь, на новом месте, на новой работе...

— Видите ли, есть одна загвоздка. Кэрол. Он, наверное, не захочет уезжать без нее.

— Конечно, не захочет! Мы уедем все вместе. Они поженятся, и мы заберем девочку с собой.

— Оторвете от людей, которые ее любят, и которых любит она? Заставите бросить

университет? К тому же у нее больная мать, о которой она должна заботиться.

— Мать? Какая еще мать? — губы Моника скривились от презрения. — Да вы хоть знаете...

Она резко замолчала и не стала продолжать. А он не настаивал.

Встретившись с пронзительными серыми глазами, она поняла, что он знает. Знает все. Неужели Кэрол ему рассказывала?

— И, тем не менее, — спокойно продолжил адвокат. — Она хочет быть рядом с матерью, потому что любит ее... как ни странно. Кэрол вообще немного странный человек, не находите? Ладно, сейчас не об этом... Я считаю, что пока вы должны уехать с Мэттом вдвоем. О том, что он будет проходить лечение ей знать не обязательно, как и о его психологических проблемах. Мэтт вылечится, начнет работать, встанет на ноги, и тогда вы можете делать, что захотите — играть свадьбу, забрать Кэрол к себе.

— Вы, конечно, правы, так было бы лучше. Но мне кажется, что она сама не захочет ждать и решит уехать с нами сразу.

— А я в этом уверен! Она так и сделает! Но она — молодая и горячая, в таком возрасте идут на поводу у чувств, а не руководствуются разумом и логикой, не задумываются о последствиях. И бесполезно пытаться в чем-то убедить. Вы женщина мудрая, знаете жизнь и должны все понимать. Она сейчас все бросит, сорвется и уедет. А если что-то пойдет не так? Если болезнь Мэтта окажется более сложной, чем мы предполагаем, если на его лечение потребуется больше времени? Если, в конце концов, у них ничего не получится — что тогда? Вы-то ничего не теряете, а вот она окажется у разбитого корыта, ее жизнь окажется поломанной — ни образования, ни профессии. Почему же вы молчите, глаза спрятали? Разве я говорю что-то не правильно?

— Она не бросит его, она мне обещала, — тихо, но твердо проговорила Моника. — Без нее он будет страдать. Она должна быть с ним при любых обстоятельствах, должна помочь ему выздороветь, встать на ноги, как вы выражаетесь.

— Должна? — глаза адвоката недобро сузились, а в голосе появился лед. — Она вытащила вашего сына из тюрьмы, и мне кажется, это не она вам должна, а наоборот. Я понимаю, вас волнует, прежде всего, благополучие вашего сына, чтобы ему было хорошо. Это очень эгоистично с вашей стороны. Вы только послушайте себя — получается, что Кэрол вам чем-то обязана. Обязана выволить вашего сына из тюрьмы, обязана заботиться о его лечении, поднимать его на ноги! Оказав вам помощь один раз, она «должна» отныне делать это всегда? Так вы считаете? Не вы должны как-то отблагодарить, а тот, кто вам помог, должен, обязан заботиться о вас и решать ваши проблемы далее. Может, я тоже что-то вам должен? Вы говорите, не стесняйтесь!

Моника залилась краской стыда. Неожиданное изменение в поведении адвоката, его резкость, напор, которым, казалось, он готов вот-вот пригвоздить ее к стене, удивили ее и заставили растеряться.

— Мистер Рэндэл... Джек, вы неверно истолковали мои слова, — пролепетала она заискивающе. — Кэрол, она сама хочет быть с Мэттом. Она любит его.

— И вы решили этим воспользоваться! Не хорошо. Если вы испытываете хоть какое-нибудь чувство признательности к ней, вы должны думать не только о своем сыне, но и о ней.

— Да, да, конечно, вы правы!

— Меня очень огорчили ваши слова. Я считал вас другими, — Джек сердито отодвинул

от себя чашку с кофе. — Не обижайтесь, но мне расхотелось помогать вам. Забудьте все, что я вам предлагал. Я хорошо отношусь к Кэрол, я очень уважаю Куртни, а вы для меня абсолютно чужие люди. Оставайтесь здесь, стройте свою жизнь как вам нравится, и Кэрол не придется бросать учебу и расставаться с теми, кто ей дорог и нужен.

— Значит, вы не поможете нам, как говорили? — губы Моники задрожали.

— Если это приведет к тому, что Кэрол бросит университет и Куртни, и очертя голову помчится за вами — то нет, я не стану вам помогать. Извините, я хотел как лучше, — Джек поднялся.

— Подождите! — Моника в отчаянии схватила его за руку, умоляюще смотря на адвоката блестящими от слез глазами. — А если она не поедет... пока? Если я постараюсь убедить Мэтта и ее, что так будет лучше?

— Тогда я сделаю все, о чем говорил.

— Я сделаю все, что в моих силах, обещаю! Вы правы, Кэрол нужно доучиться, а Мэтту вылечится, начать работать. И тогда у них все будет хорошо. Ведь так? Просто нужно еще немного подождать, да? — она вдруг прижалась к его плечу и расплакалась.

Джек сдержанно погладил ее по плечу.

— Так будет лучше. Для них.

Она кивнула, соглашаясь, и отстранилась.

— Ой, простите! — смущенно улыбнулась она. — Что это я...

Моника поспешно вытерла слезы.

— Я объясню все Мэтту, — сказал Джек. — Если он заупрямится, тогда дело за вами. Остаться или уехать решать только вам с ним. Здесь я при всем желании вряд ли смогу что-либо для вас сделать.

— Я понимаю. Пойду, посмотрю, не проснулся ли Мэтт.

— Поговорите с ним сами, думаю, так будет лучше. А я подожду здесь.

— Что, прямо сейчас?

— А зачем тянуть? Чем раньше вы уедете, тем скорее начнется лечение Мэтта. Чем быстрее он вылечится, тем быстрее я смогу устроить его на работу. Но если вы хотите наблюдать, как он мучается от приступов и рисковать тем, что его состояние может ухудшиться, то...

— Нет-нет, вы снова правы! Я поговорю с ним немедленно!

— Еще один вопрос — мне можно здесь покурить?

— Конечно, курите, сколько хотите, — улыбнулась Моника. — Может, еще кофе?

— Не откажусь.

Поставив перед ним пепельницу и чашку с кофе, Моника отправилась в спальню. Джек лениво курил, попивая дымящийся кофе, и задумчиво разглядывал капли дождя на оконном стекле.

Когда он докурил и потушил окурок в пепельнице, Моника вернулась. Закрыв лицо руками, она снова расплакалась. Она не сказала ни слова, но Джек и так понял, каким был ответ Мэтта. Джек не удивился, он знал, что так и будет. Только отказ Мэтта его не устраивал. Мэтт должен убраться отсюда, и он сделает это сегодня же. Так решил Джек. И так будет.

— Не плачьте, я поговорю с ним. Я умею убеждать людей.

— Пожалуйста, будьте с ним помягче, он такой ранимый!

— Конечно, не беспокойтесь, — улыбнулся Джек, но как только он отвернулся, улыбка

исчезла с его лица.

Захватив свой кейс, который оставил в прихожей, Джек вошел в спальню.

— Привет, — бросил он Мэтту. — Как самочувствие?

— Нормально. Привет, Джек. Рад тебя видеть, — Мэтт улыбнулся и, поднявшись, пожал ему руку. — Присаживайся.

Джек сел на стул, Мэтт присел на краешек кровати.

— Мать мне рассказала, что ты хочешь мне помочь. Спасибо. Признаться, я очень хотел бы уехать куда-нибудь подальше, мне не дадут здесь спокойно жить. Я уверен, что никто не примет меня на работу с таким «резюме», — Мэтт усмехнулся. — И от приступов своих я очень устал. Если это можно вылечить, я готов лечиться. Я готов на все, чтобы наладить свою жизнь. На все, кроме разлуки с Кэрол. Я не оставлю ее, ни на один день. Я не вижу для этого причин. Разве нельзя перевестись в другой университет, и доучиться там, где мы будем жить? Можно. А что до Куртни — Кэрол все равно уже не живет с нею. Да и Куртни этой она не больно-то и нужна, раз она предпочла ей мужика! Ну, если Кэрол будет скучать за ней, пусть летает сюда, к ней, сколько хочет. Я не собираюсь лишать ее тех, кого она любит. А что до ее матери... она не заслужила того, чтобы Кэрол о ней даже вспоминала, не то, чтобы заботилась. Поверь, я видел эту женщину, видел, как она обращалась с маленькой Кэрол. Видел, сколько тоски и одиночества было в ее детских глазках, а сколько там было страха! Я никогда не видел такого страха ни у кого другого! И я никогда не позволю, чтобы Кэрол встретила с ней. Эта женщина способна причинять ей только боль, и я этого не допущу!

— Ты окончательно решил, что без Кэрол не уедешь? — спокойно спросил Джек, терпеливо выслушав его.

— Об этом и речи быть не может. Твое предложение очень заманчиво, но слишком велика цена. Кэрол сама не захочет расстаться со мной, чтобы мы здесь не говорили и не решали. Я вчера сделал ей предложение, и она дала мне согласие. Мы не намерены больше ждать и откладывать. Мы поженимся, — заметив, как темнеет лицо Джека и тяжелеет его взгляд, Мэтт подозрительно сощурился, изучая его внимательным взглядом. — Одного не пойму, почему ты не хочешь, чтобы она поехала со мной? Почему не хочешь этого *на самом деле*? Ведь дело не в институте, и не в Куртни. В чем же?

— Ты умнее, чем я предполагал. Но в данном случае, это тебе пользы не принесет. И ответ на твой вопрос — тоже.

— А все же?

— Чего я хочу, а чего — нет, не имеет значения. Это здесь совершенно ни при чем. Ты должен уехать, уехать далеко и навсегда. Без нее. Ты сделаешь это сегодня же. Вот билеты, — Джек достал из кейса авиабилеты и положил перед ошеломленным собеседником на столик. — И ей ты ничего не скажешь. Впрочем, нет. Ты позвонишь и скажешь ей, что уезжаешь навсегда, что у вас ничего не получится, что ты не любишь ее, в конце концов! В общем, что-то вроде этой дребедени, сам придумашь. Главное, чтобы она не пыталась тебя найти и забыла как можно быстрее. Ясно?

Мэтт смотрел на него, приподняв от изумления брови, а потом резко рассмеялся.

— Джек, я очень благодарен тебе за то, что ты для меня сделал, но то, что ты сейчас говоришь, похоже на бред. Ты, наверное, решил надо мной подшутить?

— Что ж, можешь думать, что я пошутил, когда будешь садиться вечером в самолет. Мне все равно. Лишь бы ты улетел.

Перестав улыбаться, Мэтт долго смотрел на него.

— Я никуда не полечу. Без Кэрол.

— Любишь ее?

— Люблю.

— Тогда полетишь. У тебя просто нет выбора. За тобой должок, приятель, и пришло время платить по счетам. Помнишь наш уговор? Ты обещал сделать все, о чем бы я тебя не попросил.

— Я помню! — Мэтт подскочил, не в силах сдержать эмоции. — Но ты не можешь требовать от меня, чтобы я отказался от Кэрол!

— Могу. И именно это я сейчас делаю, если ты не понял.

— Но почему?

— На то есть веская причина, поверь мне.

— Нет такой причины, из-за которой я откажусь от нее!

— Есть. Присядь, я тебе все объясню, если ты так жаждешь знать правду.

Мэтт опустил на край кровати и напряженно замер, не отрывая глаз от адвоката. Глаза его горели упрямым и злобным огнем, на лице возмущенно играли желваки. «Что бы ты ни говорил, ты зря тратишь время, — говорил его взгляд. — Я послушаю тебя, только чтобы узнать, почему ты хочешь нас разлучить».

— Видишь ли, Мэтт, — начал Джек с ядовитой улыбкой. — Все дело в том, что ты болен. Ты болен серьезно. У тебя параноидальная шизофрения. Ты знаешь, что это такое? Это значит, что ты псих, сумасшедший. Ты не только псих. Ты убийца. Ты убил трех девочек.

— Ну, это я слышу уже восемь лет, — отмахнулся Мэтт. — Только с чего это ты решил сказать мне об этом теперь, когда я свободен? Мне казалось, ты поверил в мою невиновность.

— Я бы с огромным удовольствием поверил, если бы это было так.

— Значит, ты все же считаешь, что это я совершил те убийства. Тогда зачем же ты добился моего освобождения?

— Это уже мое личное дело. Мои мотивы тебя не касаются. Я дал тебе свободу, но я не могу допустить, чтобы ты был рядом с Кэрол. Это опасно для ее жизни.

— Ты это серьезно? — Мэтт рассмеялся. — Думаешь, что я ее убью?

— Я вижу, ты не понимаешь, о чем я тебе говорю. Мэтт, я провел расследование, я выяснил и могу доказать, что ты болен, что ты убийца. Я знаю, ты сам об этом не догадываешься. Но, тем не менее, это так. Ты думаешь, что я узнал о твоих приступах, когда мне сказала об этом Кэрол? Я знал о них еще до того, как мы впервые с тобой встретились. А когда решил взяться за твое дело, я приставил к тебе хорошего психиатра. Каждый раз, когда у тебя случались приступы, он работал с тобой. Ты этого не помнишь. Ты ведь вообще не помнишь своих приступов и того, что было непосредственно после них. Так вот, я тебе это сейчас расскажу. Я пару раз присутствовал при этих представлениях. Очень интересно, должен тебе заметить. Постараюсь объяснить тебе простым языком. Во время приступов, или, если выражаться точнее, после них, ты становишься другим. Ты помешался на своей жене, ты ненавидишь ее, хочешь отомстить, наказать. У тебя случаются галлюцинации. Любое напоминание о ней делает тебя агрессивным, неуправляемым. Ты одержим жаждой расправы. Так ты и совершал убийства. Тебе казалось, что ты убивал свою жену, ты хотел таким образом избавиться от нее. Но она возвращалась, и тебе приходилось делать это снова.

— Бред! — фыркнул Мэтт.

Джек заметил, как дрожат его руки.

— К сожалению, нет. Доктор подвергал тебя гипнозу. Все, что я тебе сейчас рассказываю — я лишь повторяю то, что ты сам говорил. Про свою жену, как она тебя преследует, как ты ее ненавидишь, как убивал ее, а она опять появлялась. Ты даже в подробностях рассказал, как и что именно ты с ней делал, как расправлялся. Один раз ты убил ее в парке. В тот вечер она зашла к тебе домой, и позвала погулять в парк. Это была Джессика Торн. Только ты видел не ее, а свою жену. Незадолго до ее прихода у тебя был приступ, который, возможно был спровоцирован алкоголем. И ты еще не успел прийти в себя, что и послужило причиной гибели девочки. Потом ты расправился с Сарой Берон прямо в своем автобусе, выбросил ее на трассу и вернулся домой. И только потом напился, как ты говорил. Другой раз «жена» попала тебе возле школы, и ты затащил ее в подвал и там задушил. Ты рассказывал, что у тебя очень сильно болела голова, Кэтрин увидела и подошла. Ты подумал, что она хочет посмеяться над тобой, и очень разозлился. Так погибла третья девочка. Все это доктор под гипнозом вытащил из темного уголка твоего подсознания, который в обычном твоём, нормальном состоянии плотно блокировался. Настолько плотно, что ты не можешь помнить об этом.

— Бред, — повторил Мэтт, но на этот раз голос его прозвучал слабо и сдавлено, словно ему сжали горло.

— Я понимаю, поверить трудно. Посмотри сам, — Джек открыл кейс и достал видеокассету. Поднявшись, он вставил кассету в магнитофон. — Все сеансы, проводимые доктором с тобой, записывались на видеокамеру и диктофон.

Вернувшись на место, Джек нажал кнопку на пульте, и стал украдкой внимательно наблюдать за реакцией Мэтта. Словно каменный, чуть дыша, тот уставился в экран широко раскрытыми глазами.

На экране в странном припадке корчился человек, хрипя и постанывая... Джек немного перемотал пленку вперед, где Мэтт под гипнозом раскрывал свои страшные тайны. Потом еще вперед... Два сильных охранника тщетно пытались справиться с каким-то взбешенным мужчиной. Он рычал и кричал страшным голосом, лицо его было перекошено отвратительной гримасой ненависти и слепой ярости.

— Будь ты проклята, грязная шлюха! Убери от меня своих кобелей! Ненавижу тебя! Ненавижу вас всех! Вы мне ответите... вы пожалеете! Убью, убью тебя! Всех убью! Захлебнетесь собственной кровью, твари!

Он отшвырнул от себя полицейских, как котят, и набросился на застывшего от ужаса доктора. Свалив его на пол, он вцепился в его горло, оскалившись, как зверь, и скрипя зубами. С губы по подбородку сбежала слюна... Охранники схватили его за руки и грубо оторвали от посиневшего доктора. Безумец в ярости обернулся.

Джек нажал на паузу, оставив на экране этот кадр, где лицо пациента запечатлелось крупным планом, как говорит ся, во всей своей красе. Джек сделал это намерено, давая возможность Мэтту оценить весьма впечатляющую «картинку».

Мэтт не мог оторвать глаз от этого ужасного человека, так похожего на него... и так не похожего! Иступленный безумный взгляд, неестественный лихорадочный блеск в глазах, искаженное дикой злостью и слепой жестокостью лицо, кровожадный оскал...

— Это кто? — с трудом прохрипел Мэтт и, соскользнув с края кровати, тяжело и неловко рухнул на пол, задев рукой столик. Но он, казалось, даже не заметил, что «пересел» с кровати на пол, впившись взглядом в страшное лицо на экране.

— Это... я?!

Джек глубоко вздохнул и с сожалением развел руками.

— Боже... Боже! — застонал Мэтт и закрыл лицо ладонями. — Я — чудовище? Я убил этих девочек, я? Но я не мог, не мог!

— Ты болен, Мэтт. Ты не осознавал, что делал, поэтому ты не можешь отвечать за свои поступки. Теперь ты понимаешь, почему ты должен уехать... без Кэрол?

Мэтт сжался так, будто хотел превратиться в маленький незаметный комочек, и тихо заплакал, уткнувшись лицом в колени.

Джек беспристрастно смотрел на него, ожидая, когда он успокоится, и лишь уголки его губ презрительно опустились.

— Я помогу тебе, — спокойно проговорил адвокат. — Ты болен, ты не виноват в том, что сделал. Если ты сам пожелаешь, я устрою тебя в хорошую клинику, где тобой будут заниматься первоклассные доктора. Тебе помогут. Ты сможешь жить, как нормальный человек.

— Не смогу. Не только как нормальный, а вообще жить не смогу, — тихо отозвался Мэтт, оставаясь в прежней позе.

— Сможешь. Ты сильный. Подлечишься, и все будет хорошо.

— Как можно жить после *такого*?

— Каждый несет свой камень за пазухой.

— Мой камень слишком тяжел...

— Что ж, тогда он тебя просто раздавит, — Джек пожал плечами. — Тебе решать, как жить дальше. Для меня главное, чтобы ты находился далеко отсюда. Ты должен улететь, сегодня же. Ты меня слышишь? Если что-нибудь случится с Кэрол, ни ты, ни я себе этого не простим.

— Я никогда не причиню ей зла, никогда!

— Не причинишь. Потому что никогда ее больше не увидишь, — отрезал Джек. — Не делай глупостей, Мэтт. Если ты не сделаешь так, как я говорю, я перестану быть таким добрым. Я запру тебя до конца твоих дней в самую хреновую психушку на глазах у твоей любимой. Я покажу ей эти записи. Как ты думаешь, будет ли она любить тебя после того, как узнает, что ты больной извращенец, изнасиловавший и задушивший трех девочек?

Мэтт глухо застонал, сжав пальцами волосы.

— Хватит убиваться! Лучше начинай собирать вещи. Найдешь себе другую наивную дурочку, с твоей внешностью и ангельскими глазками это не проблема. И подумай над тем, что скажешь Кэрол, чтобы раз и навсегда выбить у нее из головы мысли о тебе.

Джек поднялся и положил рядом с билетами вырванный из блокнота лист.

— Вот адрес квартиры, в которой вы можете поселиться. На обратной стороне мой рабочий телефон. Если решишься на лечение, позвонишь.

Он присмотрелся к Мэтту, который так и не разогнулся, скрючившись на полу в жалкой позе.

— Ты меня слышишь? Ты все понял?

— Понял, — отозвался он безжизненным голосом.

— Вот и прекрасно! Пленку я тебе оставлю, — Джек положил на столик еще несколько кассет, в том числе и от диктофона. — Посмотришь на досуге, послушаешь, если будет желание узнать себя поближе.

Подавив усмешку, Джек застегнул кейс и поправил галстук.

Оторвавшись от колен, Мэтт медленно поднял голову и пристально посмотрел на него покрасневшими от слез глазами. Сердце его гневно заклокотало в груди, а пальцы нервно сжались в кулаки.

— Ты хочешь избавиться от меня не потому, что тебя волнует чья-то безопасность. Ведь тебе глубоко наплевать на всех, кроме себя самого. Ты вытащил меня из тюрьмы, провернув такую поразительную аферу и всех одурачив, только ради собственной карьеры. И ты собирався избавиться от меня сразу, как только я окажусь на свободе, и, хочешь, я скажу тебе почему? Думаешь, я большой придурок, ничего не соображаю?

— Ну, скажи, блесни проницательностью, — хмыкнул Джек.

— Тебе нужна Кэрол — вот почему!

Джек засмеялся и направился к двери, бросив снисходительно через плечо:

— Это паранойя, парень. Лечись!

Кэрол снова видела ненавистный туман. Черный, подвижный, осязаемый, как нечто живое. А в тумане различались очертания странного холмика.

Кэрол присмотрелась, пытаясь понять, что это такое.

И вдруг ей показалось, что холмик зашевелился. Испугавшись, она отвернулась и бросилась прочь, но вдруг услышала голос Мэтта, жалобно зовущий ее. Обернувшись, она посмотрела назад. Голос исходил из странного холмика, очертания которого начали меняться, пока она не разглядела коленапреклонённую мужскую фигуру.

— Мэтт, что с тобой?

Она приблизилась к нему и протянула руку.

Он медленно поднял голову и посмотрел на нее. По щекам его бежали кровавые слезы. О, Боже, она уже видела этот сон! Нужно проснуться, немедленно!

Она наклоняется к нему и вытирает с лица кровь, но из его глаз появляются новые слезы, которые беспрестанно бегут и бегут...

— Мэтт, пожалуйста, перестань! Мне страшно! Ну почему ты плачешь? Ведь теперь у нас все хорошо.

За его спиной появляются три девочки.

— Убей ее! Убей! — смеются они, подпрыгивая на месте.

Позади них Кэрол разглядела сумасшедшую старуху, которая, вытянув перед собой руку, истошно завопила жутким голосом:

— Проклятый! Проклятый! Проклятый Господом!

Ее скрюченный палец направился на Кэрол.

— И ты проклятая! Проклятая матью в момент рождения! Весь твой род проклят! Рядом с тобой сама смерть! Твоя мать, ты, он — все вы проклятые! Проклятые!

— Кэрол! — слабый, как шелест листьев и дуновение ветра, донесся откуда-то детский голосок. — Оставь его!

Кэрол растеряно оборачивается, пытаясь увидеть ту, чей голос слышала так давно, но могла узнать из тысячи даже через века...

— Эмми!

Но вместо Эмми видит Монику. Прижимая ладонь к груди, она шепчет посиневшими губами:

— Не бросай его! Ты мне обещала!

И вдруг Мэтт резко меняется в лице, превращаясь в монстра, и с диким рычанием

бросается на нее...

Кэрол кричит от ужаса.

И просыпается, ударившись о пол. Открыв глаза, она испуганно начала озираться, пытаюсь сообразить, где находится. В своей квартире, на полу возле кушетки. Глубоко вздохнув, Кэрол изможденным движением убрала волосы с лица. Господи, когда же это закончится? Неужели ее всю жизнь будут преследовать эти кошмары?

Тяжело поднявшись с пола, она побрела к выключателю.

Когда яркий свет озарил комнату, Кэрол почувствовала себя намного легче. Она боялась темноты. Боялась из-за своих кошмаров. И еще не могла привыкнуть жить одна. Она не любила эту уютную квартирку, ей было здесь очень одиноко, тоскливо и страшно.

Каждый вечер, скучая в одиночестве, она грустила о привычной для нее комнате в доме Куртни, об ушедшем счастливом и беспечном времени.

Вспоминала, как хорошо было вместе, втроем. Она, Куртни и Рэй.

Она плакала о них, о разрушенном мирке, в котором они жили семь лет, и за пределами которого она вдруг очутилась безвозвратно...

Вспоминала о былых днях, о Куртни, пропадающей по вечерам в кабинете, о Рэе, разгуливающим по дому с ракеткой и зовущем ее, Кэрол, на корт. Куртни уделяла ей меньше времени, чем Рэй, из-за работы и частых командировок. Кэрол она водила на всевозможные выставки, в театры, а когда девочка подросла, они вместе стали ходить в салоны красоты и женские клубы. Рэй катал ее на своих роскошных машинах, вихрем носясь по трассам и заставляя ее сердечко замирать от восторга и страха. Сколько интересных и веселых часов они провели на корте, состязаясь и не уступая друг другу в азарте. А до этого он учил ее, как правильно держать ракетку, как подавать мяч, как отбивать. Он терпеливый и мягкий учитель. Ни разу у нее не возникло желание бросить ракетку и убежать с корта, когда ничего не получалось. Он не только научил ее игре, но и заставил полюбить теннис.

Теперь Кэрол часто подолгу держала ракетку, подаренную им, мечтая об ушедшем времени. С тех пор, как ушла из дома Куртни, она ни разу не была на корте. Странно, но она вдруг поняла, что без Рэя ее интерес к теннису исчез. Она не хотела другого партнера, Рэй и теннис стали для нее чем-то единым, одним целым, и одно без другого для нее не существовало.

Она скучала о нем не меньше, чем о Куртни. Да, она часто навещала их, а по воскресеньям, если Куртни не была в отъезде, они собирались в большом доме за ужином. Созваниваясь, Кэрол и Куртни по-прежнему посещали вместе салоны и женские клубы, бродили по магазинам, сидели в кафе.

Но этого было мало. Этого Кэрол не хватало. Она хотела, чтобы они были рядом, каждый день, как раньше. Она никогда не говорила об этом Куртни, не жаловалась на то, как ей плохо одной. Куртни тоже скрывала свои чувства, но Кэрол все равно знала, что она так же страдает, если не больше.

Зато Рэй не пытался скрыть свои «страдания». Первое время он проходу не давал Кэрол, умоляя, требуя, чтобы она вернулась домой. Клялся — божился, что никогда не преступит дозволенные рамки, что понял, что был неправ, готов исправиться. Ползал перед ней на коленях, плакал. Но на этот раз он оказался бессилем, и, сколько бы усилий не прилагал, так и не смог повлиять ни на Куртни, ни на Кэрол. Обе оказались негибаемы, глухи и слепы к его мольбам и слезам. Скорее всего, он не притворялся на этот раз, и действительно очень страдал. Возможно, впервые за всю свою жизнь.

Кэрол только внешне казалась равнодушна к тому, как он бьется, пытаясь все исправить и вернуть ее, она только делала вид, что не видит боли в его красивых синих глазах, которые на самом деле давно уже растопили ее сердце, как было всегда. Ей очень хотелось обнять его, утешить, пригласить в свою квартиру на чашечку кофе, сказать, как сильно она его любит, как ей его не хватает, как она по нему страдает. Но она не делала этого, понимая, что если позволит это себе хотя бы раз, то он уже не отстанет. Даже если он будет держать слово, не переступая «дозволенные рамки», Куртни вряд ли понравится то, что он будет бегать к Кэрол в гости.

Отчаявшись вернуть ее домой, Рэй как вроде бы смирился, но все равно не собирался оставлять девушку в покое. Он ждал ее возле университета, чтобы отвезти домой, как раньше, только теперь в другую сторону.

Кэрол очень больно было ему отказывать, видя, как сильно его этим ранит. Казалось бы, нет ничего плохого и страшного в том, если он подвезет ее, как раньше. И она соглашалась. Он не напрашивался в гости, боясь, что она станет его еще сильнее отталкивать и не позволит даже встречать после занятий.

Но одно дело, если он время от времени будет подвозить ее домой, и совсем другое — каждый день, как он и стал делать. Кэрол пыталась ему объяснить, что это ни к чему, но он упрямылся, не понимая, что такого недозволительного в его желании встречать ее после занятий. Мол, переживает он, что она по вечерам сама домой добирается, боится, что кто-нибудь обидит.

Но и здесь Кэрол была непреклонна. Иногда — можно. Каждый день — нет. Иначе она вообще откажется от его «заботы». Рэй сник, но подчинился. Он каждый день звонил ей, пытался вести непринужденный дружеский разговор, интересуясь, как прошел день, чего новенького, как дела в университете, и тому подобное. Кэрол не отказывалась от разговоров с ним, ей самой доставляло это удовольствие, эти частые звонки скрашивали ее одинокие тоскливые вечера. Он приглашал ее покататься по городу на машине, посидеть в ресторане, сразиться на корте, словом, все, что они делали раньше, но Кэрол мягко отклоняла его предложения, ссылаясь то на усталость, то на занятость, то на плохое самочувствие. Он понимал, что это всего лишь отговорки, и горько обижался.

— Ведь ты же встречаешься с Куртни, вы вместе куда-то ходите, общаетесь, — говорил он ей. — Почему ты отказываешься в этом мне? Разве я не имею на это право, такое же, как и Куртни? Я тоже тебя люблю, тоже хочу с тобой общаться. Зачем ты так со мной? Или ты решила окончательно вычеркнуть меня из своей жизни?

Он даже не догадывался, как мучает Кэрол всем этим. Она хотела быть с ним не меньше, чем он с ней, и больше всего на свете ей не хотелось его обижать и причинять боль. А потом он вдруг обозлился настолько, что заявил ей такое, от чего у нее едва не остановилось сердце.

— Это все из-за Куртни! Из-за нее ты рушишь наши отношения, из-за нее причиняешь мне такую боль, чтобы твоей обожаемой Куртни не дай Бог что-то не понравилось! Главное, чтобы она была спокойна, а на меня наплевать! Наплевать на то, что рвешь мне душу! Ведь я же вижу, что ты сама хочешь, чтобы все у нас с тобой было по-прежнему, я тоже тебе нужен, ты тоже страдаешь! Я знаю, что нужно делать — я уйду от Куртни, раз она препятствует нашим с тобой отношениям. Я все равно ее не люблю! Почему все должны под нее прогибаться? Пусть нам будет плохо, зато ей одной хорошо! Тебя выжила из-за своей идиотской ревности, и я тоже уйду! Надоело все, к черту! Не буду я больше ее ручной

собачкой на коротком поводке!

Его агрессивный и решительный настрой так напугал Кэрол, что она пообещала, что не будет его больше отталкивать, что они будут общаться. С большим трудом ей удалось его успокоить и убедить не делать глупостей. Он не лукавил, чтобы заставить ее таким образом встречаться с ним, он говорил серьезно. Он готов был бросить Куртни, так и не простив ей того, что она выгнала Кэрол, как он продолжал считать, не слушая возражений самой Кэрол, он возненавидел жену за то, что из-за нее девушка его отталкивает. Это Куртни отобрала у него Кэрол, к которой он так крепко привязался, так привык к ней, что теперь не представлял себе жизни без нее, Куртни встала между ними.

Кэрол, в свою очередь, пригрозила, что если из-за нее он бросит Куртни, она никогда ему этого не простит, и об ее существовании он, в таком случае, вообще может забыть. Это немного охладило пыл Рэя.

Удовлетворившись ее обещанием больше его не отталкивать, он вроде бы успокоился и оставил намерение разводиться. Точку во всем поставила сама Куртни.

— Кэрол, если ты думаешь, что я возражаю против твоего общения с Рэем, то ты заблуждаешься. Единственное, о чем я хочу тебя попросить — не позволяй ему увлекаться. Я не доверяю ему, но я уверена в тебе. Да сыграй ты с ним в этот чертов теннис, позволь похвастаться своей новой машиной, прокатись с ним по городу! Видеть уже не могу его кислую физиономию! Слишком мы с ним жестко поступаем, забыли о том, что он тоже тебя любит. Да и ты, наверное, сама по нему скучаешь. Как-никак не один год вместе прожили!

«Сам во всем виноват», — подумала тогда Кэрол, но промолчала.

Со счета в банке, который открыла для нее Куртни, Кэрол снимала ровно столько, сколько требовалось на то, чтобы не умереть с голоду. Питалась она скромно, ездила на автобусе, отказавшись от привычного такси, не посещала больше дорогих элитных бутиков и салонов красоты, за исключением тех случаев, когда ее приглашала Куртни. В общем, отвыкала от беспечной роскошной жизни. Узнав о том, как мало денег она снимает со счета и лишает себя даже посещения салонов красоты, что для Куртни было смерти подобно, женщина задала ей такую взбучку, как никогда.

— Это что значит? Гордость свою решила передо мной демонстрировать? Считаешь теперь зазорным принимать мою заботу и помощь? То, что ты живешь отдельно, не значит, что ты больше не член нашей семьи. Я твой официальный опекун, и я обязана и хочу о тебе заботиться!

— Куртни, но мне уже двадцать лет. Сколько же можно тебе обо мне заботиться?

— Столько, сколько нужно. Окончишь университет, устроишься на хорошую работу — тогда делай, что хочешь! Можешь демонстрировать мне свою независимость и самостоятельность. Только глупо это. И твое поведение мне не нравится, оно меня обижает, ясно? Так что не выделывайся, моя девочка.

Спорить с Куртни было невозможно. Да и Кэрол вообще была не сильна в спорах, а с ней — тем более.

Она всегда подчинялась Куртни, подчинилась и теперь. Она подозревала, что Куртни планирует затащить ее в свой бизнес, но Кэрол сильно сомневалась в том, что из нее получится деловая женщина, что ей хватит ума и сил для такой работы. Но попробовать она не откажется. Испыток — не убыток, как говорится.

Не получится, значит не получится. А может Куртни так ее натаскает и обучит, что, глядишь, что-нибудь из нее и выйдет. Но это после того, как она окончит университет.

Переводится же на заочное отделение, что Кэрол хотела сделать уже не раз, Куртни категорично запрещала.

Но жизнь ее снова меняется. Мэтт теперь будет с нею, ее одиночеству пришел конец. Они поженятся, у них будет семья. Тоска о Куртни и Рэе постепенно пройдет, она привыкнет к тому, что их нет рядом. У нее будет любимый муж, они будут жить вдвоем, или втроем, с Моникой. Кэрол уже мечтала об этом. Ей не хотелось расставаться с Мэттом больше ни на минуту, хотелось жить в одной квартире, спать в одной постели, заботиться о нем, любить. Это был мужчина ее мечты, ей так казалось. Тот, с кем ей будет хорошо, кто сделает ее счастливой. Он любит ее, это так заметно. И она любит его. Что еще для счастья нужно?

Кэрол посмотрела на часы. Джек так и не позвонил. И Мэтт почему-то не звонит. Кэрол набрала его номер, но трубку никто не брал. Странно, где они могут быть в девять часов вечера? Может, отключили телефон, чтобы журналисты не беспокоили? А вдруг Мэтту опять плохо и его увезли в больницу, а Моника с ним? Но тогда Моника сразу бы ей сообщила. Кэрол жалела, что уехала, оставила его. Ну что за человек, этот Джек? Сначала орет на нее, требуя, чтобы она приехала, а потом исчезает, словно и не было такого разговора. Как приедешь, позвони! Ну, позвонила, раз, два, а его и след простыл. Что вообще все это значит?

Подхватив на руки Аккурсио, который возмущенно мяукал, напоминая о том, что его давно пора покормить, Кэрол отправилась на кухню.

Наполнив миску кота, она принялась разогревать еду для себя.

Легкая улыбка играла на ее губах. Девушка рисовала в воображении свою свадьбу, думала о том, какое платье выберет. Она обязательно посоветуется с Куртни. Она будет самая красивая невеста на всем белом свете. И жених у нее тоже будет самый красивый. Куртни, наверное, не удивится, когда узнает о том, что она выходит замуж. А вот для Рэя это будет шокирующая новость, тем более, когда он узнает, что ее жених не Джек Рэндэл, а кто-то, о ком он до сих пор ничего не знал. Он, конечно, очень обидится на нее, но Кэрол обнимет его и поцелует, и он растает и все ей простит.

Завтра она позвонит Куртни, чтобы договориться о семейном ужине, на который она придет с Мэттом и представит, как своего жениха. Ей не терпелось их познакомиться. Обязательно пригласит на свадьбу Даяну и Берджесов. Вспомнив о матери, Кэрол грустно посмотрела в темное окно. По стеклу барабанили капли дождя, сбегали вниз, точно слезы. Мысли об Элен всегда причиняли ей невыносимую боль. А сейчас она почувствовало ее более остро, как никогда. Как ей хотелось, чтобы мама была на ее свадьбе. Чтобы увидела, как она выросла, изменилась, как стала на нее похожа. Познакомилась бы с ее избранником, порадовалась бы за ее счастье и дала свое благословение. Но порадует ли она? Ненавидит она свою дочь, как прежде, или уже нет? Может быть, Элен изменилась? Может, раскаялась? Или вместо благословения Кэрол снова получит проклятия? Может, она продолжает ей их посылать по сей день, по-прежнему желая, чтобы жизнь ее не сложилась, как у нее, Элен? Бывали моменты, когда Кэрол казалось, что она готова простить матери все. Но это было не так. Стоило подумать о Мадлен и Розе, как Кэрол возвращалась с небес на землю, от мечты к реальности, вспоминая о том, что ее мама — страшный человек. И ее Кэрол боялась больше всего на свете. Боялась по сей день. Элен получила то, что заслужила, она изолирована от общества и никогда не сможет больше никому причинить зло. Ее ненависть не достанет Кэрол, не будет губить ей жизнь, как раньше. Кэрол вспомнила свой

сон, где сумасшедшая старуха кричала, что она проклята матерью.

Пегги рассказала об этом Кэрол, когда еще она жила в мотеле. В страшных муках Элен действительно проклинала ребенка, появляющегося на свет, и причиняющего ей такие страдания. Кэрол никогда не задумывалась над этим, даже забыла обо всем. Но сейчас неожиданно вспомнила. Проклятая матерью. Звучит очень страшно. Но это только слова. Мало ли что человек может кричать под влиянием боли. Кэрол чувствовала себя проклятой, пока жила в мотеле. Как только мать исчезла из ее жизни, все изменилось.

Она жила в достатке, не зная насилия и обид, а теперь у нее есть любовь. И Элен не сможет помешать ее счастью ни своими проклятиями, ни ненавистью. Кэрол не повторит ее судьбу, у нее будет муж, семья, дети. Она будет очень любить своих детей, подарит им такую материнскую любовь, о которой так мечтала сама. И ее дети тоже будут любить ее.

Резкий телефонный звонок прервал ее мечты. Кэрол метнулась к телефону и схватила трубку.

— Привет, котенок. Не спишь?

— Нет! Я не могла вам дозвониться, где вы были? — Кэрол с трудом узнала голос Мэтта, хриплый, чужой. — Мэтт, что у тебя с голосом? Ты плохо себя чувствуешь?

— Плохо. Мама умерла.

Джеку пришлось принять неизбежное, и позволить Мэтту отложить вылет, чтобы похоронить мать. Более того, адвокат взял на себя организацию этого скорбного мероприятия, устроив похороны на следующий же день, чтобы поскорее избавиться от Ланджа. Мэтт ни в чем ему не перечил, замкнувшись в себе и, казалось, со всем смирившись. Он превратился в сломавшееся и раздавленное существо, еще более жалкий, чем в тюрьме.

Моника Ландж подслушала разговор адвоката с сыном, а потом, когда Мэтт пошел в душ, чтобы попытаться прийти в себя после потрясения, включила оставленную Рэндэлом кассету. Вернувшись в комнату, Мэтт нашел ее мертвой прямо в кресле перед телевизором. Он упал у ее ног, и пришел в себя только вечером, с мучительной болью в голове. Добравшись до телефона, позвонил Кэрол. Ни о визите Джека Рэндэла, ни о том, что послужило смертью матери, Мэтт ей не сказал. Потом только позвонил адвокату.

Джек мгновенно сориентировался в сложившейся ситуации. Завтра похороны, а следом — самолет. Кэрол ни слова. Но, узнав о том, что девушка уже все знает и собирается немедленно ехать к своему ненаглядному, пришел в ярость. Но Мэтт положил трубку, не став с ним больше разговаривать, чем еще больше разозлил адвоката.

Джек немедленно перезвонил Кэрол и успел застать ее дома. Сказав, что тоже едет к Ланджу, чтобы помочь с похоронами, предложил поехать вместе. Девушка согласилась, и вскоре они уже подъезжали к дому, в котором находилась маленькая квартира Моника Ландж.

Заметив, что в окнах нет света, Кэрол разволновалась еще больше.

Сердце ее сжалось от плохого предчувствия, и, забыв о Джеке, она заскочила в дом и побежала вверх по лестнице. Адвокат поспешил за ней, прося подождать его, но девушка не слышала или не хотела слышать.

Дверь была заперта. Кэрол нажала кнопку звонка и, не выдержав, застучала кулаками по двери.

— Мэтт! Мэтт, это я открой!

— Кэрол, спокойнее, — раздался за ее спиной голос Джека, который, взяв ее за запястья, мягко убрал ее руки от двери.

— Джек, с ним что-то случилось, я чувствую! Сделай что-нибудь! Выбей дверь! Быстрее, Джек, умоляю, не стой!

— Кэрол, успокойся! Что ты истерику устроила? Подумаешь, свет не горит, спит, наверное, не слышит.

— Нет его, увезли... вместе с матерью.

Кэрол и Джек одновременно обернулись. Из соседней квартиры вышел пожилой мужчина, прикуривая сигарету.

— Куда... увезли? — выдавила Кэрол, чувствуя, как закачался под ногами пол.

— Ну, так, куда увозят в таких случаях? — невозмутимо отозвался мужчина. — В морг, наверное.

Кэрол покачнулась, и Джек придержал ее, испугавшись, что она упадет.

— Что ты мелешь, идиот? — набросился он на соседа. — Какой морг? Объясни толком,

что здесь произошло?

— Ну, так, выбросился он из окна, — мужчина, обидевшись на грубость, затушил сигарету и скрылся за своей дверью.

Кэрол застонала и обмякла в руках Джека. Прижав ее к стене, он схватил ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Держи себя в руках, слышишь меня, Кэрол? Мы сейчас все узнаем. Пойдем, выйдем на улицу, тебе станет легче, — крепко обняв девушку за плечи, он повел ее вниз по лестнице.

У подъезда их ждало такси, на котором они только что приехали. Открыв дверцу, Джек усадил девушку на сиденье.

— Подожди меня здесь. Я только сделаю пару звонков вон из той будки, видишь? И вернусь.

Обойдя машину, он наклонился к водителю и тихо велел присмотреть за девушкой, чтобы она никуда не ушла. Водитель кивнул, и Джек поспешил к телефонной будке.

Вскоре он вернулся и опустился на сиденье рядом с девушкой. Помолчал, о чем-то задумавшись, потом посмотрел на нее.

— Он в больнице.

Медленно до Кэрол дошел смысл его слов. Подняв голову, она повернулась к нему.

— Где?

— В больнице.

— Значит, жив?

— Жив. Более того, отделался синяками и царапинами.

Кэрол закрыла лицо руками, не в состоянии справиться с эмоциями, а также, чтобы скрыть слезы, которые вдруг брызнули из глаз. А потом порывисто обняла Джека, словно это он совершил это чудо и воскресил Мэтта из мертвых. Как хорошо, что он снова рядом. Если бы она приехала сюда одна, чтобы она делала? Как бы справилась со всем этим?

— Джек...

— Что? — шепотом откликнулся он, нежно обнимая ее, и прижимаясь щекой к кудрявым шелковистым волосам.

— Спасибо.

Невеселая улыбка коснулась его губ, но Кэрол не видела ее. Отстранившись, она посмотрела ему в глаза.

— И, пожалуйста, прости меня... сам знаешь, за что. Я не хотела тебя обидеть.

Он промолчал и, отвернувшись, достал сигарету и неторопливо прикурил. Назвав шоферу адрес больницы, он откинулся на спинку и устремил взгляд в приоткрытое окно, выпуская в него из легких густые струйки дыма.

Кэрол тоже отвернулась к окну, озадаченная и раздосадованная. Одно из двух — либо он просто проигнорировал ее слова, не посчитав нужным ответить, либо до сих пор не простил и не собирался прощать то, что отвергла его. Тогда почему продолжает ей во всем помогать?

Как она и предполагала, после того вечера отношения между ними изменились, став холодно-официальными. Более того, возникло какое-то напряжение и натянутость. Джек сразу отдалился, как будто и не было между ними почти сформировавшейся дружбы. А ее действительно не было, этой дружбы. Это она по своей наивности воспринимала все, как дружбу.

Кэрол глубоко переживала из-за того, что все так вышло, но понимала, что исправить

ничего уже нельзя.

Сейчас она пожалела о том, что вспомнила об этом. Ну, кто ее за язык потянул? Повела себя, как дура!

Прости, Джек, не хотела тебя обидеть! Какого ответа она ждала, зная его характер?

Одного она не могла понять — почему он сейчас с ней, здесь?

На какое-то мгновение ей показалось, что их теплые отношения, разрушенные в тот роковой вечер, стали прежними. Но это наваждение быстро развеялось. Он, как всегда, поддержал и помог, но потом снова стал прежним, колючим и чужим.

Кэрол украдкой наблюдала за ним через его отражение в стекле.

Трудно было разобраться в чувствах, которые она испытывала к этому человеку. Когда они стали общаться намного реже и, в основном, по телефону, она поняла, что ей его не хватает. Он нравился ей, очень нравился. Она даже привыкла к его характеру. С ним было интересно, не смотря на то, что многие считали его занудой. Она восхищалась им.

Он всегда волновал ее своим присутствием, и Кэрол считала, что это из-за ее робости перед ним и ощущения его превосходства. Она находила его привлекательным, но не признавала, что он волнует ее именно как мужчина. Этого не может быть, потому что сердце ее отдано Мэтту. Так она считала. Только странно, что мысли о Джеке занимали в ее голове не меньше места, чем мысли о Мэтте, если не больше. Наверное, это объяснялось тем, что она испытывала к нему такое большое чувство благодарности, беспокоилась о том, что и как он сделает для освобождения Мэтта. Потому, что от него одного зависело все — ее любовь, счастье. Он держал в своих руках ее судьбу и судьбу Мэтта. Кэрол очень бы хотелось как-нибудь отблагодарить его, и если бы он только сказал, как она может это сделать... Но никакой благодарности он не требовал. Казалось, ему ничего от нее не нужно. Сделал свою работу, получил гонорар, и считал, что никто никому ничем не обязан.

Кэрол подумала о том, что обязательно пригласит его на свадьбу.

Ведь только благодаря ему эта свадьба состоится.

Вот только Моника так и не дождалась этого счастливого момента.

Отвернувшись к окну, Кэрол беззвучно плакала. Как же ждала эта несчастная женщина своего любимого сына, сколько выстрадала, а, дождавшись, сама его покинула. Почему так? Где справедливость? Каким страшным ударом это стало для Мэтта. Не успел выйти на свободу, как на него сразу обрушилось такое несчастье. Кэрол не терпелось оказаться рядом с ним, чтобы поддержать, утешить.

Когда она его увидела, сердце ее заныло от боли.

Он лежал в больничной палате, и несмотря на то, что, как заверили врачи, не получил никаких серьезных травм, выглядел очень плохо. Белый, как простыня, с темными кругами вокруг глаз и болезненным выражением лица. Кэрол даже не сразу его узнала. С ужасом она заметила, что он вдруг постарел. На лице залегли морщинки, сделав его старше сразу на несколько лет. По тому, как изумленно разглядывал его Джек, Кэрол поняла, что ей это не показалось.

Увидев девушку, он приподнялся. Глаза его заискрились нежностью, а на губах мелькнула тень улыбки.

— Котеночек, — шепнул он и протянул к ней руку. — Ты пришла.

Бросившись к нему, Кэрол сжала его в объятиях. Он прижал ее к груди и спрятал лицо в ее длинных волосах.

— Мэтт, зачем? Зачем ты выпрыгнул из окна? Ты не хочешь больше жить, да? — она

заглянула ему в глаза. — А как же я?

Он погладил ее по щеке, не ответив. Подняв взгляд, он наткнулся на острые глаза Джека Рэндэла, и опять помрачнел, поджав горестно губы. Отвернувшись от него, Мэтт крепче прижал к себе девушку, и это вызвало у Джека усмешку. «Как не держи, все равно не удержишь», — говорил его взгляд. Взяв стул, он подошел к постели Мэтта и уселся напротив, не собираясь оставлять парочку наедине.

— Прости меня, — шепнул Мэтт Кэрол. — Я просто сорвался. Сейчас мне уже лучше.

— Представляешь, сосед сказал нам, что тебя увезли в морг, — девушка дрожащими руками вытерла слезы. — Если бы не Джек, я бы до сих пор считала, что ты умер. Он все узнал и привез меня сюда, к тебе.

— Как великодушно с его стороны, — Кэрол не уловила злой иронии в голосе Мэтта и не заметила переполненный ненавистью взгляд, который тот устремил на Джека. Адвокат ответил ленивой пренебрежительной полуулыбкой. Глаза Мэтта горели ревностью, что говорило о том, что он все же остался при своем мнении, убежденный в том, что перед ним соперник, который отбирает у него его любовь, его женщину.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Джек невозмутимо.

— Ничего. Удар о землю привел меня в чувства, — мрачно пошутил Мэтт.

— Никудышный из тебя самоубийца! — хмыкнул Джек, протягивая ему сигарету.

— И слава Богу! — улыбнулась Кэрол.

Зажав сигарету в зубах, Мэтт подался вперед, потянувшись к рукам Джека, который услужливо подставил ему зажигалку.

— Мы разговаривали с доктором, — продолжил Джек. — Сегодня он тебя не отпустит, но завтра, если не будет замечено ухудшение твоего самочувствия, ты сможешь отлучиться ненадолго... на похороны. Кстати, как твоя голова, не беспокоит?

— Нет.

— Что ж, думаю, тебя не будут здесь надолго задерживать. День — два, как сказал доктор, пока тебя полностью не обследуют и не убедятся, что с тобой действительно все в порядке. Поверить не могут, что, свалившись с такой высоты, ты умудрился остаться целым и невредимым. Ты, должно быть, в рубашке родился?

Мэтт пожал плечами, угрюмо промолчав. Он прекрасно понял, на что намекал адвокат — его путь из больницы будет направлен напрямиком в аэропорт. Джек посмотрел на часы и устало вздохнул.

— Уже час ночи. Нас впустили к тебе только на пять минут, — он поднялся и отодвинул стул. — Отдыхай, Мэтт. Завтра увидимся. Пойдем, Кэрол, не будем раздражать медперсонал.

Девушка послушно кивнула.

— До завтра, — шепнула она Мэтту и погладила по руке. — Крепись.

Притянув Кэрол к себе, он поцеловал ее в губы, украдкой бросив взгляд на Джека. Мэтт сделал это специально, чтобы посмотреть на его реакцию. Адвокат отвернулся, и Мэтт расценил это по-своему.

— Кстати, чуть не забыл! — спохватился Джек и устремил на Мэтта насмешливый взгляд. — Ты не против, если мы с Кэрол переночуем в твоей квартире? Лететь домой уже нет смысла. Завтра с утра нам нужно заняться организацией похорон.

— Джек, думаю, будет лучше остановиться в гостинице, — возразила Кэрол.

— Послушай, я чертовски устал и не собираюсь мотаться по городу в поисках места для

ночевки! — раздраженно отозвался Джек. — Что такого, если мы переночуем в этой квартире, она все равно пустая!

Краска ярости медленно разлилась по лицу Мэтта.

— Ведь ты же не против, да, Мэтт? — Джек впился взглядом в его глаза, издеваясь над его ревностью и пользуясь тем, что тот на крючке.

Мэтт положил ключи в ладонь Кэрол, прожигая Джека предупреждающим взглядом. Наклонившись, девушка поцеловала его в щеку и заглянула в глаза.

— Все будет хорошо, — тихо шепнула она, заметив его взгляд и догадавшись, о чем он думает. — Спи спокойно.

Он немного расслабился, поверив ей.

— Эй, Джек! — тихо окликнул он, когда она уже вышла из палаты, а адвокат собирался закрыть за собой двери. — Прикоснешься к ней — убью!

Улыбнувшись, Джек прикрыл дверь.

Мэтт со стоном отчаянья швырнул подушку в дверь и свернулся калачиком на постели, закрыв лицо руками. Мозг пронзала острая пульсирующая боль. Ну почему ему так не везет? Даже смерть отвернулась от него, не пожелав избавиться от ставшего невыносимым существования. Подумать только, еще вчера он был так счастлив! Надеялся на то, что судьба дала ему шанс.

Разве многого он хотел? Всего лишь того, что имели многие другие — возможность жить, как простой человек, работать и заботиться о тех, кого любил. Зачем судьба дала ему свободу? Зачем снова заставила полюбить женщину? Зачем дала надежду? Чтобы дать почувствовать вкус любви, жизни, счастья, а потом сразу отобрать это все, окончательно его уничтожив?

У него не осталось ничего, даже самого себя. Он не тот, кем себя считал, в нем живет кто-то другой, тот, кому не место на этой земле. Мэтт его ненавидел и боялся. Он ненавидел и боялся себя самого. Он — чудовище. Он — зло. Он повинен в смерти матери, потому что ее убило то, что она узнала о нем. Кэрол возненавидит его, если тоже обо всем узнает. Для него это было самым невыносимым. Он понимал, что его жизнь разрушена, на этот раз полностью и окончательно. Да и имеет ли он право на жизнь после того, что сделал?

Ему одна остается дорога — в ад. Вот там ему самое место.

Но ему не хотелось умирать, он хотел жить, так хотел, как никогда!

И заставить себя отказаться от Кэрол он не мог, несмотря ни на что.

Он не верил, что опасен для нее, что может причинить ей боль, ведь дороже нее у него никого больше не было. Она, ее любовь — это все, что еще у него оставалось. Как отказаться от этого, когда вся душа, все сердце в безумном отчаянии цеплялись за нее в последней и единственной попытке спастись от себя самого и того ада, в который превратилась его жизнь?

Всю свою жизнь он склонял голову перед людьми и судьбой, не пытаясь противиться и идти наперекор.

Может, именно в этом заключались все его несчастья? Из-за того, что не давал отпор, не стоял на своем, не боролся за себя? Прогибался, прогибался под этот жестокий мир, пока не сломался.

У него есть два выхода. Снова смириться, позволив себя погубить, или воспротивиться и, наконец-то, побороться, с самим собой, с судьбой, с Джеком Рэндэлом, в конце концов. Рэндэл презирает его, считает ничтожеством, которым он может распоряжаться, подчинив

себе, указывать, что и как делать, сломать ему жизнь, все отобрать, выкинуть подальше отсюда, как собачонку, путавшуюся под ногами, и которая при этом даже не вякнет, трусливо поджав хвост. Возможно, так бы и было, Мэтт бы уехал, не желая рисковать безопасностью Кэрол, пожертвовав собой, позволил бы уложить себя в клинику для душевнобольных, питая надежду, что там из него снова сделают нормального человека, и он сможет вернуться к Кэрол. Да, так бы и было, если бы он не понял, что как только он уедет, Рэндэл приберет Кэрол к рукам. Эта акула нацелилась на молоденькую девушку, и уничтожает все на своем пути. Кэрол доверяет Джеку, она им восхищается, бесконечно благодарна, и этот коварный мерзавец сумеет этим воспользоваться. Он все рассчитал, все продумал, затеяв свою игру, где люди — всего лишь пешки, которыми он распоряжается по своему усмотрению. Решил сразу убить двух зайцев — и карьере себе сделать на деле Мэтта, и девушку получить. Конечно, ведь в ее глазах он стал героем. Мэтт тоже так считал, пока не раскусил его, поняв, что он просто аферист, холодный и опасный, который осознанно выпустил на волю убийцу — психопата, не заботясь о том, какие это повлечет за собой последствия, а на его место запихнул ни в чем не повинного человека. Страшно было подумать, каким образом он заставил этого несчастного взять на себя эти ужасные преступления. А Мэтту всего лишь ненавязчиво предложил отправиться в психушку, мол, хочешь — лечись, не хочешь — убивай дальше, мне все равно. Освободил, чтобы немедленно избавиться от него. Конечно, оставайся Мэтт за решеткой, Кэрол никогда бы не забыла его, даже если бы Джек открыл ей правду о том, что собой представляет ее возлюбленный, продолжала бы его жалеть, как жертву страшной психологической болезни. И наверняка стала бы добиваться, чтобы его из тюрьмы поместили в лечебницу, где он и должен был бы находиться и где ему, может быть, помогли бы преодолеть болезнь. Конечно, лучше представить все так, что Мэтт всего лишь воспользовался девушкой, чтобы выйти на свободу, и сразу же бросил ее, сбегав, обманув. Он, Мэтт, подонок, неблагодарная скотина, разбивший наивное девичье сердечко, а Джек Рэндэл — благородный герой, весь такой хороший и порядочный, который непременно бы попытался утешить ее.

Здрав край простыни, Мэтт стал медленно, но яростно рвать ее на мелкие кусочки. При одной мысли, что он сейчас с ней, наедине, в этой квартире, Мэтт испытывал желание разорвать этого мерзавца на куски.

Нет, ничего у этого парня не получится, он не отдаст ему Кэрол, не отдаст! Джек заблуждается, если думает, что он испугается его угроз, ошибается, считая его жалким и ничтожным. Наоборот, это адвокат играет с огнем, рискуя разбудить в нем зверя, которого сам Мэтт боялся. Адвокат, конечно, не прост, но теперь Мэтт знал, что сам он намного опаснее. Может, это было странным, но Мэтт вдруг почувствовал себя увереннее и смелее, как никогда раньше. Что-то в нем изменилось после того, как он увидел себя на кассете.

Этот человек был ужасен, но это был он, и это нужно признать.

Мэтт не боялся больше адвоката. Ох, не поздоровится этому самонадеянному Джеку Рэндэлу, если не оставит его в покое! Останутся от этой акулы одни плавники, если столкнется с тем чудовищем, что жило в нем, Мэтте.

За всю ночь Мэтт глаз не сомкнул. Все думал, думал.

Появилась мысль, что Джек мог обмануть его, что на самом деле он, Мэтт, вполне здоров и не совершал этих убийств. А все эти кассеты — всего лишь мастерски смонтированная подделка. От этого Рэндэла можно ожидать чего угодно. По одним его глазам видно, что он способен на все. Ну, не мог Мэтт поверить в то, что он психопат,

убийца. Если бы это было так, неужели за восемь лет, проведенных в тюрьме, этого никто не заметил, и даже для него самого это стало шокирующей новостью?

А если это, все же, правда, он мог бы рассказать обо всем Кэрол и спокойно отправиться на лечение с надеждой на выздоровление и ее терпеливое ожидание. Только это было безумием, надеяться, что Кэрол не изменит своего решения быть с ним после того, как узнает, что он есть на самом деле.

Как, как можно сказать любимой женщине, этой доброй чистой девочке, что ты изнасиловал и убил трех ни в чем не повинных детей? Нет, никогда он ей не скажет. И сделает все, чтобы она не узнала. Лучше сразу умереть, чем увидеть в ее глазах страх и отвращение, которые он сам сейчас к себе питал.

Боль в голове становилась невыносимой, а вместе с ней в нем росла злоба. Что там сейчас происходит, в этой маленькой квартирке? Он, Мэтт, здесь, а Джек там, с его женщиной. Мэтт верил Кэрол. Но что, если этот паршивец ее домогается, пристаёт, воспользовавшись ситуацией?

Но Мэтт переживал напрасно, мучаясь от дикой ревности.

Оказавшись в квартире, Джек отправился в душ. Пока он купался, Кэрол приготовила ему постель на кушетке в зале, думая о том, что одна ни за что бы не осталась здесь — умерла бы от страха.

Обнаружив на кухне коньяк, оставшийся после вчерашнего праздничного ужина, Кэрол плеснула его в стакан и залпом выпила. Зажмурилась, прижав тыльную сторону ладони к губам и переводя дыхание от опалившей все внутри огненной жидкости.

— Можно закусить чем-нибудь, если так противно, — прозвучал за ее спиной голос Джека.

Кэрол бросила на него смущенный взгляд и поставила стакан на стол.

— Есть будешь? — спросила она.

— Нет, не хочу. А вот выпить с тобой за компанию могу. Или ты предпочитаешь пить в одиночку?

— Я, вообще-то, никак не предпочитаю. Просто захотелось вдруг, — пробормотала девушка.

— Что ж, не удивительно, — Джек по-хозяйски открыл шкафчик и достал еще один стакан. Потом, заглянув в холодильник, отыскал там лимон и, аккуратно нарезав прозрачными кружочками, разложил на тарелочке.

Кэрол наблюдала за ним, устало сидя на стуле за столом.

Разлив коньяк, он протянул один стакан девушке.

— Выпей, иногда это полезно. И спать будешь лучше.

Кэрол не возражала и одним большим глотком осушила стакан.

Улыбнувшись ее скривившемуся личику, Джек протянул ей лимон.

Положив кружок в рот, девушка подняла на него печальный взгляд.

— Поверить не могу, что Моники больше нет! Как могло такое случиться, почему она умерла?

— Мэтт говорил, что у нее сердце большое было.

— Да. Наверное, слишком много волнений сразу... И еще этот странный приступ у Мэтта, — Кэрол опустила голову и как-то вся сжалась. — Знаешь, Джек, она мне приснилась сегодня. Я, как домой приехала, заснула, и такой сон странный видела. Страшный.

— Расскажи, — Джек присел напротив, устремив на нее любопытный взгляд.

— Меня часто мучают кошмары, — уклончиво ответила Кэрол. — Монику видела, бледная, губы синие, руку к сердцу прижимает и говорит мне, чтобы не бросала Мэтта, чтобы не забывала о своем обещании. А еще мне послышался голос Эмми, и она, наоборот, говорила, чтобы я его оставила. А потом Мэтт вдруг превратился в монстра и набросился на меня. Я так испугалась, что с кровати свалилась, представляешь? — Кэрол натянуто засмеялась.

Но Джек даже не улыбнулся в ответ, смотря на нее изумленными глазами. Кэрол опустила взгляд, подумав, что он, наверное, считает ее теперь слегка ненормальной. Странно, что она разоткровенничалась. Она никогда не рассказывала никому свои странные вещи сны, боясь, что ее не поймут.

— Никогда не обращал внимания на сны, — признался Джек.

— Я бы тоже не обращала, если бы... — Кэрол замолчала.

— Если бы что?

— Если бы они не несли за собой смерть, — чуть слышно продолжила она. — Или беду.

Джек задумчиво помолчал.

— Животные способны чувствовать смерть. Есть люди, которые тоже наделены подобной интуицией. Тебе не нужно этого стесняться. И игнорировать — тоже, — серьезно проговорил он, удивив Кэрол. Она-то думала, что он посмеется над ней!

Повисла неловкая пауза. Кэрол уткнулась взглядом в столешницу, делая вид, что задумалась. Почему-то она находилась в страшном напряжении, оказавшись с ним наедине, ночью, в этой квартире. Сразу вспомнился тот вечер и то, что между ними произошло. Вернее то, что едва не произошло.

Он расслабленно откинулся на стуле, лениво дымя сигаретой.

— Сделай мне кофе, — вдруг попросил он. — Пожалуйста.

— Кофе — на ночь? Спать не будешь, — ухмыльнулась Кэрол, но все же встала и достала из шкафчика турку.

Пока она варила кофе, ей казалось, что чувствует на себе его взгляд, но не решалась повернуться, чтобы в этом убедиться. Смотрит. Почему он смотрит, о чем думает? Кэрол разволновалась еще сильнее.

Когда она повернулась и поставила перед ним чашку с кофе, он поблагодарил ее легкой улыбкой. Потушив сигарету, он пригубил горячий напиток, прикрыв от удовольствия глаза. Когда он оторвался от чашки, она была пуста. Поднявшись, он сполоснул ее под краном.

— Пойдем спать. Завтра тяжелый день. Где я могу лечь?

— В зале.

— Тогда спокойной ночи, — он вышел из кухни и отправился в отведенную для него комнату.

— Спокойной ночи, — сказала Кэрол ему вслед и, выключив свет, пошла в спальню Моники.

Но она не смогла заставить себя лечь в ее постель. Подобрал ноги и укрывшись пледом, Кэрол устроилась в кресле.

Она вообще чувствовала себя не в своей тарелке здесь. Еще сегодня Моника провожала ее, когда она уходила, а теперь этой доброй женщины нет, а они с Джеком здесь, в ее квартире, хозяйничают.

Кэрол было страшно. Казалось, она все еще слышит голос Моники, ее шаги. Вот-вот

откроется дверь, и она войдет и спросит, что они здесь делают в ее отсутствие.

Не выдержав, девушка зажгла торшер.

Глупая трусливая девчонка, ведет себя как ребенок. Нагоняет сама на себя всякие нелепые страхи. Вот бы Эмми над ней посмеялась! Эмми никогда ничего не боялась. А она, Кэрол, так и не научилась бороться со своими страхами.

Кэрол планировала с утра отправиться в больницу, к Мэтту, но Джек вдруг возмутился тем, что она со своим женихом хотят взвалить на него все то, что обязаны делать сами.

— Это, вообще-то, не моя мать, чтобы я занимался ее погребением! — рявкнул он на Кэрол, когда они утром пили кофе на кухне. — Ну, до чего люди наглые пошли! Стоит предложить свою помощь, как тебе сразу же на голову садятся! Давай-ка, сделаем так, моя милая — я уезжаю отсюда к чертовой матери и занимаюсь своими делами, которых у меня по горло, а ты сама позаботься о своей несостоявшейся свекрови. Идет?

Кэрол покраснела, понимая, что он прав и его возмущение понятно.

Но, черт возьми, неужели нельзя сказать ей об этом не так грубо и не таким тоном?! В ней вспыхнуло желание дать отпор и сказать, что он может отправляться по своим делам, а она обойдется без его помощи.

В конце концов, его об этом никто не просил, он сам вызвался помочь. А теперь орет на нее, как будто она его заставила это сделать, оторвав от дел, которых у него «по горло».

Но, как всегда, она подавила в себе обиду. Во-первых, в ней не доставало решимости, чтобы попытаться дать ему «отпор», она была уверена, что его злой и острый язык отправит ее в нокаут в ту же секунду. А во-вторых, он слишком много для нее сделал, и продолжает помогать сейчас, и чувство глубокой благодарности не позволяло ей его обидеть, даже в ответ на грубость. В-третьих, сейчас он действительно был прав.

— Извини, Джек, — тихо проговорила она, спрятав от него глаза, чтобы скрыть обиду. — Я не хотела взваливать все на тебя. Просто я подумала, что нужнее сейчас Мэтту, чем тебе.

— А я и не говорил, что ты мне нужна, ни сейчас, ни потом! Нужно было твое участие в этих последних хлопотах об этой женщине, я так считал. И помочь решил не ради тебя, и уж тем более не ради Мэтта, — Джек поднялся и, упершись ладонями в столешницу, склонился над девушкой. — Я делаю это для Моники. Потому что она была хорошей женщиной, и мне ее по-настоящему жаль! Что еще остается делать, если ее единственный сын ни на что не способен, даже похоронить собственную мать! Конечно, какие могут быть похороны, о чем речь, когда нужно вытирать сопли бедненькому Мэттью! Ведь кроме тебя теперь больше никому!

Он резко выпрямился, прожигая Кэрол злобно сверкающими глазами.

— Беги скорее, так уж и быть! Я сам позабочусь о Монике. Да возьми побольше носовых платков для нашего несчастного страдальца! Я искренне сочувствую этой бедной женщине. Не хотел бы я, чтобы о моем погребении беспокоился абсолютно чужой для меня человек, в то время как близкие люди занимались бы чем-то поважнее.

Фыркнув, Джек вышел из кухни.

Сжавшись на стуле, Кэрол закрыла глаза, из которых вдруг полились слезы. Был ли на

свете еще человек, способный жалить языком так, как это делал Джек Рэндэл? Был ли кто-то более невыносимый, чем он?

Кто мог выстоять, когда он нападал, не говоря уже о том, чтобы дать отпор? Ведь он даже рта не дает раскрыть, шокируя своим хамством и бесцеремонностью.

Довел ее до слез, обидел, а за что? Что она такого сделала? И почему он позволяет себе насмеяться над Мэттом? Почему она ему это позволяет?

— Как, ты еще здесь? Я думал, ты уже летишь к своему ненаглядному на крыльях любви! — раздался у нее за спиной насмешливый голос Джека.

Кэрол поджала губы, не поворачиваясь, и чувствуя, как кипит в жилах кровь. Руки ее дрожали. Медленно она вытерла слезы, стараясь сделать это как можно незаметнее.

— Что, неужели передумала? Неужто до этой прелестной головки дошел смысл моих слов? — его ладонь легла ей на затылок и погладила.

Девушка резко подскочила, грубо отшвырнув его руку.

— Да пошел ты!

Ударив Джека в грудь, она оттолкнула его от двери, не замечая в приступе ярости, как вытянулось от изумления его лицо, и бросилась прочь. Но сильные пальцы больно вцепились ей в руку, резко остановив.

— Что ты сказала?

— Повторить? — Кэрол вызывающе перехватила его взгляд и попыталась вырвать руку.

— Повтори.

— Отпусти меня, чего вцепился!

Но он схватил ее за вторую руку и прижал к стене.

— За своими словами нужно следить, девочка, и знать, кому можно говорить такие вещи, а кому — нет! Мне, например, нельзя.

— Значит, тебе можно говорить все, что угодно, а остальные должны держать язык за зубами? Тебе доставляет удовольствие обижать и унижать людей, а меня, наверное, особенно, да? Считаешь, если ты мне помог, то можешь теперь все себе позволить? А если я что-то вякну в ответ, то буду неблагодарной дрянью. Да, может, я неблагодарная дрянь, но я больше не могу терпеть! Вымещай свой отвратительный нрав на ком-нибудь другом! Я этого не заслужила. И Мэтт — тоже. И не смей говорить о нем в таком тоне, ясно? Если ты собрался меня бить, то начинай, а если нет — отпусти!

Он выпустил ее тонкие запястья из своих пальцев, но уйти не позволил, уткнувшись руками в стену.

Низко опустив голову, тяжело вздохнул.

Вжавшись в стену, Кэрол замерла, чувствуя, как по щекам бегут слезы. Подняв голову, он посмотрел на нее.

— Ну, ладно, не плачь, — примирительно проговорил он. — Я погорячился. Что я такого сказал, что тебя так обидело? Разве я был не прав?

— Прав. Ты всегда прав. Только доказывая свою правоту, ты расшибаешь всех «неправых» в лепешку, даже если тебе не возражают и извиняются!

— Ну, извини, я не хотел «расшибать тебя в лепешку», — он улыбнулся.

— Тогда и ты извини, я не хотела тебя посылать, — огрызнулась Кэрол, все еще сердясь.

— Значит, мир?

— Может, ты меня сначала выпустишь, или мне весь день стенку подпирать?

Он убрал руки и отступил.

— Кстати, бить тебя я не собирался.

— И на том спасибо.

— Но если ты еще раз мне такое скажешь, то побью, — он ласково улыбнулся и по-мальчишески дернул ее за локон.

Кэрол улыбнулась ему в ответ, радуясь, что все так благополучно завершилось, и они помирились, чего она, если признаться, не ожидала. Она была уверена, что он хлопнет дверью так, что штукатурка посыпится, и она никогда больше его не увидит. А он улыбается! Этот Джек Рэндэл самый непредсказуемый из всех, кого она знала, и угадать, что он сделает в следующий момент просто невозможно.

А через десять минут они вместе отправились на такси в бюро ритуальных услуг.

В больницу они тоже приехали вместе. Кэрол привезла Мэтту черный костюм, принадлежности для бритья и одеколон. Пока Джек о чем-то разговаривал с доктором в ординаторской, Мэтт побрился, причесался и оделся.

Кэрол с ноющим сердцем смотрела на него. Сегодня он выглядел еще хуже, чем вчера. На осунувшемся лице была нездоровая бледность, тени вокруг глаз стали еще темнее, а глаза были какими-то больными, влажными и покрасневшими и казалось, что из них вот-вот побегут слезы. А в черном костюме, подчеркнувшем его бледность, он вообще выглядел так печально, что сердце Кэрол готово было разорваться жалости.

Подойдя к нему, она обняла его.

— Ты меня любишь? — тихо спросил он, прижимая к себе хрупкую фигурку.

— Конечно, люблю! Очень люблю!

— Правда?

— Правда. Разве ты сомневаешься? — девушка изумленно заглянула ему в глаза. — Почему ты так грустно меня об этом спрашиваешь?

— Поцелуй меня, котенок, — попросил он, проигнорировав ее вопрос. Привстав на носочки, Кэрол мягко наклонила его голову и с нежностью поцеловала в губы. Сжав ее в объятиях, он с внезапной страстью ответил на поцелуй, приподнял ее и, поднеся к кровати, опустился вместе с девушкой на покрывало.

— Мэтт, подожди... — начала слабо сопротивляться Кэрол, отстраняя его руку, забравшуюся под юбку. — Ты что, с ума сошел? Вдруг кто-нибудь зайдет? Я боюсь. Перестань!

Она захихикала, брыкаясь и отталкивая от себя его настойчивые руки.

Поднявшись, он подошел к двери и повернул замок.

— Никто не зайдет, — улыбнувшись, он набросился на девушку, которая все же перестала сопротивляться и, обняв его, самозабвенно прижалась к его губам.

Кэрол едва успела привести себя в порядок, как дверь кто-то толкнул.

Поправив покрывало на постели, Мэтт открыл двери. Встретившись с колючими глазами Джека, он улыбнулся ему.

— Вы готовы? — спросил тот, не предпринимая попытку войти в палату. — Время. Опоздаешь на похороны своей матери. Я понимаю, что есть дела поважнее, не терпящие отлагательств, но все же...

— Не язви, Рэндэл. Я должен был привести себя в порядок, не мог же я явиться на похороны небритым и...

— Если хочешь выглядеть достойно, для начала застегни штаны.

Мэтт опустил взгляд, одновременно потянувшись к «молнии» на брюках, но, обнаружив, что там все в порядке, понял, что попался на провокацию.

— Ха-ха, как остроумно, Рэндэл! — хмыкнул он.

— Я жду вас в машине, — отвернувшись, Джек направился к лифту.

Мэтт улыбнулся, и, не удержавшись, послал ему вслед непристойный жест. Кэрол подошла сзади и, заметив это, очень удивилась.

— Мэтт, что ты делаешь?

Он поспешно опустил руку, виновато улыбнувшись.

— Что он тебе сказал, что ты так реагируешь, а?

— Ты не правильно поняла, это я в шутку.

— Он не понимает шуток, а таких — тем более, — девушка смущенно опустила голову. — Как ты думаешь, он догадался?

— О чем?

— Ну, о том, что мы здесь делали.

— Конечно. А тебя это беспокоит?

— Неудобно, — сжав плечи, Кэрол густо покраснела. — Такое горе, похороны, а мы...

— Перестань. Мы любим друг друга, почти муж и жена, и если мы уделили друг другу немного времени, это не уменьшает нашего горя.

Джек ждал в такси, разместившись на переднем сидении и, как всегда, курил. Бросив взгляд через плечо, на Мэтта, он улыбнулся.

— Выглядишь намного лучше, чем когда мы приехали. Рад, что тебе полегчало.

Кэрол покраснела и отвернулась к окну, готовая провалиться от мучительного стыда, который сжигал ее перед Джеком. Сейчас она не выдержала бы его пронзительного насмешливого взгляда, и больше всего боялась, что он захочет высказать свое мнение об их возмутительном поведении.

Но на этот раз он воздержался от комментариев. Что ж, в конце концов, его это не касается, и Кэрол была рада, что он этим не пренебрег.

Стоя у гроба матери, Мэтт дрожал так, будто его бил озноб, но на лбу выступили капельки пота, создавая противоположное впечатление, что ему очень жарко. Кэрол стояла рядом, Джек — чуть позади.

Никто из них не слышал, как, прощаясь с матерью, Мэтт вымаливал у нее прощения. Низко склонившись над гробом, он ронял слезы ей на лицо, сжавшись под невыносимой тяжестью собственной вины.

Кэрол отвернулась, не в силах на него смотреть и пытаясь справиться с душившими ее рыданиями. Как тяжело было видеть его таким.

Когда он отошел от гроба и подошел к девушке, ей показалось, что в его глазах было безумие. Какой-то странный лихорадочный блеск, который напугал ее, как тогда, ночью, после приступа, когда он был не в себе.

— Мэтт, все нормально? — осторожно спросил Джек, пристально всматриваясь ему в лицо. Повернувшись к нему, Мэтт внезапно схватил его за пиджак и притянул к себе.

— Это ты виноват! Ты ее убил, скотина!

Он вздрогнул, почувствовав неожиданный укол в бок, и, зашатавшись, вдруг обмяк.

Джек придержал его, не позволяя упасть.

— Тс-с-с, дружок, я понимаю, что у тебя горе, но я-то тут при чем? — проговорил Джек.

— Мэтт, что с тобой? Тебе плохо? — Кэрол придержала его за руку, взволновано переводя взгляд с одного мужчины на другого, и пытаясь понять, что происходит.

— Он немного не в себе. Перенервничал, — объяснил Джек. — Наверное, опять приступ. Я отведу его в машину, пока он прямо здесь, у гроба матери, в обморок не свалился.

— Я помогу, — Кэрол обняла Мэтта за талию, помогая Джеку дотащить его до машины. Усадив Мэтта на сиденье, Джек заглянул ему в лицо.

— Эй, ты меня слышишь?

Мэтт медленно повернул голову и посмотрел на него.

— Так объясни, в чем моя вина? Ты сказал, что я убил твою мать, я не ослышался? Говорить можешь? Говори!

— Джек, не трогай его, он это сгоряча, — вмешалась Кэрол.

— Ну, уж нет! Пусть он объяснит, с чего это вдруг на меня набросился. Сгоряча или нет, такими словами нельзя разбрасываться. Ну, расскажи, Мэтт, в чем моя вина. Мы с Кэрол очень внимательно слушаем.

Смотря на Мэтта, Кэрол заметила в его глазах, устремленных на Джека, такую ненависть, что казалось, Мэтт готов его убить. Ее это привело в полное замешательство. Джек дал ему свободу. Почему же Мэтт его так ненавидит?

— Я не понимал, что говорил... голова сильно болит, — прохрипел Мэтт, еле ворочая языком. — Прости, Джек. Нервы.

Он отвернулся и закрыл глаза, пытаясь справиться с головокружением. Что еще он мог ответить? Заявить во всеуслышание, что это проклятые кассеты, которые притащил адвокат, убили его мать! Не заявившись Рэндэл в их квартиру со своими «доказательствами», Моника была бы жива! Но тогда пришлось бы объяснить Кэрол, что такого было на кассетах, что могло довести больную женщину до инфаркта.

Рэндэл знал, что Мэтт ни за что не откроет девушке правду, поэтому и вел себя так вызывающе.

— Думаю, с него на сегодня хватит, — заявил Джек, обращаясь к Кэрол. — Я отвезу его в больницу, а ты останься и проследи за тем, чтобы здесь нормально все закончили.

Вздыхнув, он посмотрел на маленькую часовню, из которой они только что вышли, и печально покачал головой.

— Эх, миссис Ландж, не повезло вам не только в жизни, но и после смерти. Оставайся, Кэрол, не бросать же ее. А я займусь ненаглядным сыночком, будь он не ладен! Даже мать свою не может в последний путь проводить, как следует! Устроил балаган, все испортил, скотина! Хотя бы немного уважения к матери проявил, гад!

Джек с чувством захлопнув заднюю дверцу машины, и сел рядом с водителем.

— Обижайся, не обижайся, Кэрол, но Мэтт твой — самое настоящее дерьмо! И пусть его похоронят так же, как он похоронил свою мать! Ничтожество!

Закрыв дверь, он велел водителю трогать.

Горько расплакавшись, Кэрол вернулась в часовню.

— Простите, Моника, что так вышло, — прошептала она покойной. — Мэтт не хотел. Он не выдержал, ему стало плохо. Он так вас любил. И я вас любила. Я не забуду о своем обещании. Я никогда не оставлю вашего сына. Никогда.

— Ну, что, очухался, герой? — ухмыльнулся Джек, присаживаясь на край кровати в палате, куда недавно доставил Мэтта.

— Что ты мне вколол, урод?

— Не переживай, это абсолютно безвредно. Ты был слишком напряжен, вот я и расслабил тебя немного. Понравилось, что ли?

— Испугался, да? — Мэтт растянул потрескавшиеся губы в издевательской улыбке. — Оказывается, боишься меня? Шприц с собой носишь со всякой дрянью, чтобы исподтишка в меня всадить. А по-мужски дать отпор — кишка тонка?

— По-мужски дают отпор мужчинам. А ты — животное. С бешеными тварями не дерутся, их просто усыпляют.

— Ах-ах! И давно ты с собой этот шприц таскаешь? В тюрьму ко мне тоже с ним приходил? — Мэтт расхохотался. — Страшно, да, Рэндэл? Не думал, что ты такой трусливый, с виду вроде бы не скажешь!

— По тебе тоже не видно, что ты насилуешь и убиваешь детей. Я не собираюсь сражаться с тобой в честном поединке, ты же псих, маньяк, убийца, и шансы наши не равны, потому что я не такой и с головой у меня все в порядке. Я просто подстраховался на тот случай, если ты вдруг захочешь меня трахнуть и придушить, как своих несчастных жертв. Вдруг тебе привидится, что я — твоя ненаглядная женушка?

— А что, очень даже похож, — Мэтт расхохотался еще громче.

Джек молча смотрел на него. Смех сумасшедшего. Страшный, отвратительный.

— Похоже, твоя болезнь прогрессирует, — серьезно сказал он. — Видел бы ты себя со стороны. Раньше тебя клинило только после приступов, а теперь окончательно крыша съезжает. Неужели ты сам этого не замечаешь?

— Я замечаю только то, что хочу тебя придушить.

— Вот-вот, об этом я и говорю. Только за что ты меня так возненавидел? Разве я виноват в том, что ты — сумасшедший?

— Ты отбираешь у меня Кэрол, ломаешь мою жизнь, меня! Ты убил мою мать своими чертовыми кассетами! И еще спрашиваешь, за что я тебя ненавижу?

— Да, я принес тебе кассеты, но в том, что их просмотрела Моника, виноват только ты один! Какого хрена ты их бросил, не спрятал, зная, что на них, а? И Кэрол я у тебя не отбираю, я просто пытаюсь ее защитить! А что до того, что я ломаю тебя и твою жизнь — там ломать уже нечего, все давно без меня поломано! Ты трус, Мэтт, ищешь виноватого, боясь признать, что во всем виноват только ты!

— Да, я виноват! Я! — вдруг истошно завопил Мэтт, подскочив на кровати. — И без тебя знаю! Убирайся отсюда, оставь меня в покое! Что ты издеваешься надо мной, что кровь из меня пьешь, сволочь? Удовольствие от этого получаешь, да? Я без тебя паршиво! Боже! — закатив глаза, из которых хлынули слезы, он сжал трясущиеся руки в кулаки. — Боже, сжался, дай мне сдохнуть! Я не могу больше, не могу!

— Мэтт, прекрати истерику. Возьми себя в руки...

— Да пошел ты к чертовой матери! Исчезни с глаз моих, пока я тебя не прибил! — Мэтт так кричал, что покраснел от напряжения, не замечая, что его крики превратились в невразумительный истеричный визг.

В палату вбежала перепуганная медсестра.

— Что с ним? — пробормотала она в замешательстве, уставившись широко раскрытыми

глазами на обезумевшего мужчину.

— Истерика. Уколи ему что-нибудь, чтобы успокоился и заснул.

Девушка выскочила из палаты и через несколько секунд вернулась, держа в руке шприц. С ней пришел доктор.

— Коли! — велел он медсестре без колебаний, бросив взгляд на пациента.

— Не подходите ко мне, суки! Поубиваю!

— Мэтт, это всего лишь успокоительное. Я понимаю, что тебе плохо, ты только что похоронил мать, очень убиваешься. Мы хотим только помочь. Вот увидишь, тебе сразу станет легче, — успокаивающе проговорил доктор.

— Не станет мне легче, никогда! Только, если сдохну!

— Ну, не надо так, мой мальчик. Ты молод, у тебя вся жизнь впереди, все еще наладится. Ты же мужчина, а закатываешь истерики, как слабонервная барышня. Стыдно.

— Иди к черту, пока я тебе шею не свернул! Не нравится — не смотрите! Оставьте меня все в покое, пожалуйста, оставьте!

Прижав кулаки к лицу, он зарыдал навзрыд, так горько и безутешно, что походил на маленького ребенка, а не на взрослого мужчину.

Вывхватив шприц у оробевшей медсестры, Джек подошел к Мэтту и сам сделал укол. Мэтт не сопротивлялся. Джек осторожно уложил его на подушки и похлопал, успокаивая, по плечу.

— Кэрл... Котеночек, — тихо звал он, пока веки его не сомкнулись в глубоком спокойном сне.

— Джек, что с ним?

Джек, удобно расположившийся на кушетке, неподалеку от палаты Мэтта, опустил газету и поднял взгляд на запыхавшуюся, взволнованную девушку.

— Ему вкололи снотворное, он спит. Присаживайся, отдышись. Зря так спешила, все равно его пока лучше не беспокоить.

Кэрл опустилась на кушетку и перевела дух.

— Как там все закончили, нормально? — поинтересовался Джек.

— Да, похоронили, — рассеянно ответила Кэрл, думая совсем о другом. — Так что произошло с Мэттом? Выяснили, почему ему стало плохо?

— А что тут выяснять? И так все ясно. Проблемы с головой.

— Мигрень?

— Угу, мигрень, — Джек сложил газету и встал. — Пойдем куда-нибудь, перекусим.

Заметив на лице девушки сомнение, он продолжил:

— Он проспит еще, по меньшей мере, часа четыре. Нет толку здесь торчать. Пойдем.

Вздыхнув, Кэрл поднялась и последовала за ним.

Пообедав в первом попавшемся ресторанчике, они заспорили, что делать дальше. Джек предложил поехать в квартиру Мэтта и отдохнуть, но Кэрл была настроена вернуться в больницу.

— К вечеру и поедешь, — возражал Джек. — Все равно под палатой сидеть будешь и ждать, когда он проснется.

— Ничего, подожду.

— А когда ты домой собираешься? Или ты хочешь сидеть возле него, пока его не выпишут, как наседка над яйцами?

Кэрол насупилась.

— Не начинай, Джек. Я буду делать так, как считаю нужным.

— С ним все в порядке, он даже не болен. Его просто обследуют и отпустят домой. А у тебя занятия в институте, хочу тебе напомнить.

— Я помню.

— Я полечу вечером. Советую тебе полететь со мной. На ночь тебе в больнице остаться не разрешат. Будешь ночевать одна в квартире Моники? Не знаю, как ты, а мне ночью там было как-то не по себе.

Кэрол промолчала, внутренне сжавшись от страха. Нет, одна в эту квартиру она ни за что не пойдет, а уж тем более, не останется на ночь.

— Ладно, дело твое. Поехали, сейчас немного отдохнем, а потом я с тобой наведаюсь в больницу, узнать, как наш горемыка, и отправлюсь в аэропорт. Если передумаешь, могу захватить тебя с собой.

Кэрол сдалась, согласившись поехать в квартиру. Она чувствовала себя усталой и разбитой. День был выматывающим и тяжелым, а ночью она почти не спала.

Джек засел в кухне на телефоне, а Кэрол включила в зале телевизор, устроившись на диване.

Когда Джек вошел в комнату, собираясь скрасить ее одиночество и тоже поглазеть в экран, девушка спала, уронив голову на мягкий подлокотник. Бесшумно подойдя к ней, Джек наклонился и, осторожно приподняв ее ноги, уложил на диван. Положив ей под голову подушку, он укрыл девушку пледом.

Убрав звук телевизора, он опустил на пол, на ковер, прислонившись плечом к дивану. Подперев голову ладонью, он устремил взгляд на девушку. Потом вдруг откинул плед и, осторожно положив руку ей на ногу, приподнял юбку и погладил стройное бедро. Кэрол никак не отреагировала, продолжая спать. Не почувствовала она и то, как горячие губы коснулись ее колени. Ей даже сны не снились, так она утомилась и физически, и морально.

Когда Джек разбудил ее, она чувствовала себя еще хуже. Голова раскалывалась, тело неприятно ломало.

С трудом она приподнялась и села, пытаясь разлепить тяжелые веки.

— Тебе нехорошо? — спросил Джек, присаживаясь рядом. — Выглядишь ужасно.

— Спасибо. Устала просто. Сейчас умоюсь и взбодрюсь, — Кэрол спустила ноги на пол и только сейчас заметила, что на ней плед. — Ой, это ты меня укрыл? И подушку положил... Спасибо.

— Это не усталость. У тебя жар. Ты вся горишь.

— Откуда ты знаешь? — удивилась девушка. Когда он ее будил, он к ней не прикасался. Не мог же он почувствовать это на расстоянии!

— У тебя щеки покраснели, и глаза блестят. Так бывает при высокой температуре. Вчерашний ливень, под который мы с тобой попали, дает о себе знать. Там опять дождь. Я быстро смотаюсь в больницу, а ты лежи.

— Нет, я тоже поеду, — Кэрол откинула плед и решительно встала.

— Кэрол, так нельзя. Тебе станет еще хуже. Я объясню Мэтту, что ты заболела. Уверен, он бы сам запретил тебе ехать, если бы знал.

— Джек, со мной все в порядке. Говорю же, я просто устала. И никакого жара у меня нет. Поехали, он, наверное, уже проснулся.

— Я сказал, что ты никуда не поедешь, — отрезал Джек резко. — Ты ведешь себя, как

капризная безрассудная девчонка! Твои подвиги во имя любви никому не нужны, это обыкновенная глупость, только воспаление легких заработаешь. Я запру дверь и заберу ключи с собой, чтобы ты не побежала следом. И не спорь со мной, сама знаешь, что бесполезно.

— Джек, не бросай меня здесь одну, — взмолилась Кэрол. — Мне страшно.

— Ладно, одевайся, — вдруг передумал он.

Радостно улыбнувшись, Кэрол с удовольствием подчинилась его приказу. Заскочив в ванную, она умылась теплой водой и быстро нанесла легкий макияж. Причесав волосы, собрала их на затылке и закрепила шпильками.

Джек, нахмурившись, наблюдал, как она, изящно присев на стульчик, стала обуваться.

— Не удивительно, что ты заболела! Погода такая ужасная, а ты так легко одета.

— Так весна же, почти лето! — весело отозвалась девушка, застегивая сапожки.

— Ага, лето! Ветер до костей пробирает, дождь, а ты даже зонт не взяла!

— Забыла. Не до зонта вчера было. И мне совсем не холодно.

— Разве мама... или Куртни не учили тебя, что, щеголяя в такую погоду в короткой юбке, ты рискуешь заработать не только насморк? Тебе детей еще рожать, поэтому надо поберечь свое здоровье.

Бросив на него удивленный взгляд, Кэрол засмеялась.

— А тебя кто этому учил? Мама? Или папа?

Джек фыркнул.

— Я не шучу, Кэрол! Я, конечно, понимаю, что грех прятать такие ноги, но не в такую погоду! Здоровье важнее!

Девушка выпрямилась и пораженно посмотрела на него.

— А какие «такие» у меня ноги?

Джек сердито сдвинул брови, напустив на себя грозный вид.

— Сама не знаешь, что ли?

— Ты считаешь, что у меня красивые ноги?

— Да, считаю. Красивые. А то ты не знаешь!

— Представь себе, не знаю! Ноги, как ноги, обыкновенные. Ты первый и единственный, кто сказал, что они у меня красивые.

— Ну да, конечно! Не знала она... Женщина, не уверенная в красоте своих ног, никогда не наденет короткую юбку... по крайней мере, женщина со вкусом, такая, как ты. А тем более — в такую мерзкую погоду! — добавил он сварливо.

— Послушай, Джек, не такая уж у меня короткая юбка, и я в колготках, так что моему здоровью ничего не угрожает.

— Колготки! Из чего они, эти ваши колготки — из крохотных дырочек! Паутина и то толще! А ночи еще холодные, не забывай, да еще когда такой ветер и эти ливни, будь они не ладны.

— Джек, ты ворчишь, как Мадлен, — Кэрол захихикала, окончательно развеселившись, и даже почувствовала себя лучше.

— Какая еще Мадлен?

— Старушка одна. Когда я была маленькая, она все время меня ругала, если я не хотела тепло одеваться. И, мне кажется, что я даже помню, как она мне говорила что-то о рождении детей, как ты сейчас.

— Ты, наверное, была очень непослушной девочкой. И такой и осталась! Управы на

тебя нет. Будь ты моей женой, я бы вправил тебе мозги.

— Запретил бы носить юбки?

— Не только.

— Кошмар какой! Слава Богу, что я не твоя жена! Ой... я что-то не то сказала, да? Ты обиделся?

— Нет, я с тобой полностью согласен. Слава Богу, что ты не моя жена. Слава Богу, что у меня вообще нет жены.

— Ты женоненавистник, что ли?

— Ужасный!

— Ну, и зря. Все равно придется когда-нибудь жениться. Могу тебя утешить — хороших женщин больше, чем ты думаешь. Только тебе нужно выбирать не хорошую, а ту, у которой будут стальные нервы и железное терпение — то, чего нет у тебя. Тогда вы уживетесь.

— Намекаешь на то, что я такой невыносимый?

— Нет, Джек, что ты! Я о том, что твоей жене придется постоянно сражаться с соперницами за такого привлекательного мужа. Ты совсем не невыносимый, ты — просто Божий одуванчик.

Джек рассмеялся.

— Я не понял, ты смеешься надо мной и хочешь поддеть, или подлизываешься?

— Почему же смеюсь? Разве ты не согласен с тем, что ты — Божий одуванчик?

— Ну, надо над этим подумать, — он почесал затылок. — Наверное, ты права. Я — Божий одуванчик, беленький, пушистенький, и только притворяюсь ядовитой колючкой. Поэтому, я отдаю тебе свой пиджак. Накинь.

— Не надо. Говорю же, мне не холодно.

Он набросил ей на плечи пиджак и плотно запахнул на груди так, что она не могла пошевелить руками.

Наклонившись к ее лицу, он улыбнулся.

— Ага, попалась!

Кэрол улыбнулась в ответ, почувствовав, как вскинулось сердце оттого, что он оказался так близко. Она опустила голову, завозившись с замком на сумочке, и залилась румянцем, устыдившись собственных мыслей — она подумала о том, что еще чуть-чуть приблизиться, и их губы бы соприкоснулись. Зачем он наклонился к ней так низко?

— Ну, ладно, если ты так настаиваешь. Сам-то не замерзнешь?

— Конечно, замерзну. Будем болеть вместе.

— Ну, Джек!

Открыв дверь, он вывел ее из квартиры.

— Такси ждет, я уже вызвал.

— Постой! Моя сумочка!

— Боже, самое важное забыли! Сейчас вернусь, ведь без этой вещицы ни шага не сделать!

— Захвати свой зонт... который ты забыл! — парировала ехидно Кэрол. — Без этой вещицы ни шага не сделать!

Она неторопливо стала спускаться по лестнице.

Через минуту Джек ее догнал и вручил сумочку.

— Держи свое сокровище.

— Спасибо.

Спустившись вниз, они вышли на улицу. Закутавшись в пиджак, Кэрол сжалась и опустила лицо, пряча от холодных струй дождя. Раскрыв зонт, Джек притянул ее за руку к себе.

— Не стой под дождем.

— Хороший у тебя зонт, большой. Бр-р, и, правда, мерзкая погодка!

Сев в машину, Кэрол расслабилась. Тело била мелкая дрожь. Нахохлившись, как воробушек, девушка слушала, как бьет по машине дождь, наблюдала за разбивающимися о стекло каплями. Да, похоже, она, правда, заболела. Как не вовремя! Ей захотелось вдруг оказаться в своей квартирке, в постели, под теплым одеялом, с кружкой горячего чая. В такую погоду она любила сидеть дома и не высовываться. Она чувствовала себя очень уютно дома, в тепле, прислушиваясь к ветру и ливню за окном и находясь вне их досягаемости.

В машине тоже было тепло, и ее вдруг снова стало клонить в сон.

— Как ты? — поинтересовался Джек.

— Ты был прав, признаю. Надо было надеть брюки и куртку. Да я бы сейчас и от шубы не отказалась, — Кэрол скрестила руки на груди, пряча кисти в рукава.

— Холодно?

— Есть немного.

— В машине тепло, это тебя знобит, — обняв девушку за плечи, он привлек ее к себе. — Да ты вся дрожишь! Могу поделиться своим теплом, хочешь?

Кэрол промолчала, закрыв глаза. Ей было так плохо, что она с радостью упала ему на плечо, сжавшись в крепких объятиях, которые действительно ее согрели. Пригревшись, она сама не заметила, как уснула.

Когда Джек ее разбудил, она готова была расплакаться при одной мысли о том, что нужно выходить из машины, под дождь и ветер.

— Может, подождешь здесь? Я быстро вернусь.

Покачав головой, Кэрол открыла дверь и выбралась из машины.

— Да подожди ты! — Джек выскочил со своей стороны и, оббежав машину, поднял над головой девушки зонт. — Не могла подождать, пока я выйду? Куда так спешишь? Не сбежит твой ненаглядный!

— Я боялась, что ты оставишь меня в машине.

Наклонившись к водителю, Джек велел ему подождать.

Кэрол тряслась от невыносимого холода рядом, прячась под большим зонтом. Обняв ее за плечи одной рукой, Джек осуждающе покачал головой и торопливо повел девушку к дверям больницы.

— Надо было все-таки оставить тебя в квартире! — проворчал он, когда они оказались внутри здания.

— Я бы умерла там от страха!

— Не умерла бы!

Кэрол нехотя рассталась с пиджаком и надела белый халат.

По дороге в палату они встретили врача, наблюдавшего Мэтта.

— Кэрол, подойди к нему, уточни, когда он собирается выписать Мэтта. Я подожду тебя в палате.

Девушка подчинилась. Она была слишком измучена, чтобы задуматься над тем, почему Джек сам не подошел к доктору, видя, как ей плохо, или почему бы им не подойти вместе.

Войдя в палату, Джек подошел к кровати. Мэтт еще спал.

Джек бесцеремонно растолкал его, заставив проснуться. Открыв глаза, Мэтт ничего не выражающим взглядом уставился на него.

— Опять ты! Когда-нибудь ты оставишь меня в покое?

— Хреново выглядишь, приятель. Сейчас сюда придет Кэрол. Ей очень плохо, она заболела, еле на ногах стоит. Ты должен отправить ее домой. В квартире твоей она оставаться одна боится, да и приглядеть там за ней некому, пока болеет. Да ты и сам, честно говоря, выглядишь так, что лучше бы она вообще тебя сейчас пока не видела.

Мэтт угрюмо промолчал. Не согласиться с Рэндэлом он не мог. Кэрол на самом деле лучше не видеть его в таком состоянии. Не дай Бог, еще чего заподозрит. Повернувшись на бок, Мэтт уставился в пол, безучастный ко всему. Казалось, что его больше ничего не интересует, даже Кэрол.

Когда девушка вошла в палату, он не проявил своего обычного восторга от ее появления. Даже глаз не поднял на нее.

— Мэтт, — нежно позвала Кэрол, подходя ближе и заглядывая ему в лицо. — Как ты?

Присев, она взяла его за руку и улыбнулась.

— Выспался?

Он молчал, но на нее все же посмотрел. Девушка перестала улыбаться, пораженная его взглядом. Взглядом обреченного, в глубине которого скрывалась бесконечная боль. Даже в тюрьме в его глазах не было столько отчаянья.

— Что с тобой? Тебе плохо? Это из-за мамы? — встревожилась Кэрол.

— Кэрол, ты ожидала, что он будет прыгать здесь от радости? Смерть матери — веский аргумент для того, чтобы немного расстроиться, — резковато заметил Джек.

Кэрол коснулась губами крепкой кисти Мэтта, смотря на него увлажнившимися глазами.

— Я побуду с тобой, — тихо проговорила она.

Отняв у нее свою руку, он приподнялся и прислонился спиной к спинке кровати.

— Нет. Я хочу побыть один, — наконец-то, заговорил он чужим голосом, сиплым и хриплым, как будто надорванным.

— А что у тебя с голосом? Ты не заболел?

— С моим голосом и со мной все в порядке, — с раздражением ответил он.

Кэрол поднялась, растерянная и озадаченная. Никогда он так с ней не разговаривал. Создавалось впечатление, что ее присутствие его раздражает и злит, и он хочет поскорее от нее избавиться. Сам на себя не похож.

— Маму похоронили.

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы, не задумываясь, что выбрал не совсем подходящее слово.

Девушка растерянно замолчала, пытаясь не показать то, как расстроило ее его поведение.

— Ладно, мы пойдем, раз ты не в духе, — вмешался Джек. — Отдыхай, набирайся сил.

— Я завтра приду, — робко сказала Кэрол.

— Я же сказал — я хочу побыть один! — вдруг сорвался Мэтт, пытаясь повысить надорванный голос, но лишь захрипел, и это разозлило его еще больше. — Убирайтесь!

Кэрол приоткрыла рот, застыв, как громом пораженная.

— Да что с тобой? — пролепетала она чуть слышно.

— Ничего! Ничего! Со мной все в порядке! Почему ты все время меня об этом

спрашиваешь? Почему все думают, что со мной что-то не так?

— Мэтт! — оборвал его Джек сурово. — Никто ничего не думает, Кэрол просто беспокоится. И не надо вымещать на ней свое недовольство!

Глаза Мэтта подозрительно сузились.

— Это ты ей уже что-то наплел обо мне, да? Наверное, говоришь про меня всякие гадости и радуешься, что я этого не слышу?

Джек обескуражено покачал головой и наградил его таким взглядом, что Мэтт едва не вскочил с кровати и не вцепился ему в горло. «Совсем спятил!» — говорили серые глаза.

— Мэтт, зачем ты так говоришь? — удивилась Кэрол. — Зачем Джеку говорить о тебе гадости?

— Это ты у него спроси! Кстати, забыл поинтересоваться, как прошла ночка вдвоем в моей квартире? Удалось этому плейбою залезть тебе под юбку?

В груди у Кэрол закипело, щеки загорелись. Джек за ее спиной усмехнулся и постучал пальцем по лбу, показывая Мэтту, какой он идиот.

— Кэрол, пошли его к чертовой матери, и поехали по домам, — посоветовал он девушке. — Не знаю, как ты, а я от него уже жутко устал.

Увидев, как она развернулась и направилась к двери, Мэтт подскочил, став босыми ногами на пол. Всю его агрессивность, как рукой сняло, а в глазах отразился ужас.

— Котеночек, подожди! Я не хотел! Прости меня, я несую всякую чушь!

Кэрол остановилась, но не обернулась, тяжело дыша от возмущения и обиды. Мэтта словно подменили, она его не узнавала. Где тот мягкий нежный мужчина с ласковым добрым взглядом, смотревший на нее с таким обожанием? Неужели эта злоба из-за присутствия Джека? Теперь понятно, почему Мэтт смотрел на него с такой ненавистью — он ревнует, и, судя по всему, ревнует страшно. Но почему?

— Кэрол, не уходи, — умоляюще прохрипел Мэтт.

Услышав дрожь в его голосе, девушка смягчилась и посмотрела на него. Он выглядел таким напуганным, что она даже пожалела о том, что вспыхнула.

— Мэтт, ложись, пол холодный.

— А ты не уйдешь?

— Ложись.

Он нырнул под одеяло, не отрывая от нее больших грустных глаз.

— Пожалуйста, подойди. Почему ты так далеко от меня стоишь?

Кэрол подошла к нему. Он приподнялся и, обняв ее бедра, прижался к ней, как провинившийся маленький ребенок, который хотел, чтобы его не только простили, но и утешили.

— Прости меня, если обидел. Сам не пойму, что со мной происходит. Нервы ни к черту.

— Ничего. Мы тебя понимаем, — Кэрол бросила взгляд на Джека, взяв на себя смелость ответить за обоих.

Он промолчал, в немом ожидании сложив руки на груди. Ему не терпелось уйти отсюда. Этот парень с больной головой держал его в напряжении, и это Джеку не нравилось. Сумасшедших невозможно предугадать. То он, вроде бы, вполне нормальный, через секунду ни с того ни с сего впадает в ярость, то бьется в истерику, то плачет, как ребенок. Джек не успевал перестраиваться. А еще он боялся, что как бы это неуравновешенное состояние не окончилось тем, что Мэтт превратится в того страшного монстра, которого ему уже довелось повидать, при чем это может произойти совершенно неожиданно. И это действительно было

страшно.

После того, как Джек увидел Мэтта *таким*, он стал его бояться. В таком состоянии Мэтт был неуправляем, он ничего не видел и не слышал, он даже не реагировал на боль, как будто весь его мозг, вдруг, отключался, оставив только одну функцию, направленную на то, чтобы убивать. Мэтт сам по себе был мужчиной не маленьким и довольно крепким, а когда впадал в одержимость, создавалось впечатление, что силе его нет предела — справиться с ним было практически невозможно. Это как свирепый дикий зверь, которого невозможно удержать голыми руками, и единственная возможность его одолеть — это убить или вырубить, что еще надо умудриться сделать.

Поэтому Джек носил в кармане наполненный шприц и коробочку с несколькими ампулами. После того, как ему пришлось сделать Мэтту укол, он наполнил шприц заново. Но даже это не заставляло его чувствовать себя спокойно в присутствии этого психа. Тем более, теперь Мэтт знал, чего ожидать, и мог попросту не допустить, чтобы игла его достала. Эффект неожиданности исчерпан.

Джек боялся, но он не был трусом. И никогда не отступал и не позволял страху руководить собой. И в душе гордился этим. Страх — инстинкт самосохранения, и храбрыми зовутся не те, кто утверждает, что ничего не боится, а те, кто способен преодолевать страх, кто властвует над ним. Так считал Джек. А еще он любил «ходить по головам и всем плевать в лицо», а тем, кто заставлял его чувствовать страх — особенно.

То обстоятельство, что его не сломало пять покушений на его жизнь, присвоило ему репутацию отчаянно смелого и дерзкого человека, некоторые считали его безрассудным и беспредельно наглым. Наглости в нем, конечно, хватало, но Джек не считал ее своим недостатком, скорее наоборот.

И именно эта «беспредельная» наглость позволяла ему с равнодушным видом находиться рядом с убийцей — психопатом, крепко взять его за горло и заставить подчиняться. Даже не моргнув, он взял на себя право распорядиться его жизнью, жестоко распорядиться. Но жестокость Джека тоже не смущала. Его совсем не трогали слезы Мэтта и его обезумевший от боли взгляд. И ему было все равно, если своими действиями он уничтожит этого человека. Если Мэтт сломается, если уже не сломался, то он, Джек, в этом не виноват. Всех пытаются сломать, его, Джека — тоже. Хочешь жить — держись. А если нет сил, в этом только твоя вина. Рассуждая так, Джек избавил себя от беспощадных клыков совести, которая, по его мнению, существовала только для того, чтобы глотать человеческое сердце и мучить его понапрасну.

Более того, Джек был уверен в том, что, отправляя Мэтта подальше отсюда и разбивая его отношения с Кэрол, он поступает правильно, и на этот раз даже по совести. Этим он спасает девушку. Он даже готов помочь Мэтту — он дал ему свободу, и не кривил душой, когда обещал устроить его в хорошую клинику и оплатить лечение, даже если это окажется пустой тратой денег. А если Мэтт пойдет на поправку — что ж, прекрасно. Джек не сочтет за труд пристроить его куда-нибудь на работу. Он не испытывал к Мэтту ненависти. Нельзя ненавидеть невиновных, а этот человек не виноват в том, что он болен. По крайней мере, это была его личная точка зрения. Только с ним вряд ли бы согласились родители трех не в чем неповинных девочек. Не смотря на то, что даже сам Мэтт утверждал, что не имеет право на жизнь, Джек считал иначе.

И вопрос был только в том, захочет ли Мэтт принять его помощь и жить дальше.

Джек наблюдал за тем, как Кэрол гладит взлохмаченные волосы своего жениха, даже не

догадываясь, что ее судьба уже решена, что в ее будущем Мэтта не будет. И судьбу ее вершил не Всевышний, а человек.

Человек, который стоял у нее за спиной.

Она удивлялась, почему Джек не выйдет и не оставит их наедине хотя бы на минутку. Хам. Стоит и пялится, как будто так и надо! И, судя по всему, никогда не слышал выражение «третий — лишний». Лишним он себя совсем не чувствует.

Мэтт взял ее за руки и улыбнулся. Кэрол улыбнулась в ответ.

Ну, вот, перед ней снова тот ласковый мужчина, которого она полюбила. И ему она готова была простить все.

— Ой, котенок, какая ты горячая! — встревожился он. — Ты заболела?

Фыркнув, Джек отвернулся. Наконец-то, вспомнил! Куда уж до других, когда себя пожалеть надо!

— Езжай домой, лечись. Я завтра позвоню, узнаю, как ты. Когда меня выпишут?

— Врач сказал, дня через два-три.

— Тогда приезжать ко мне не надо. Поправляйся. Я сам приеду. Договорились?

— Хорошо.

— Ну, иди, моя хорошая, — притянув к себе, он поцеловал ее в губы. — За меня не переживай. И спасибо тебе.

— За что?

— За то, что ты у меня есть.

Джек подкатил глаза, с шумом втянув в себя воздух.

— Боже, сейчас расплачусь!

— Плачь, Рэндэл. Я бы тоже плакал, если бы наблюдал за чужой любовью, не имея своей.

Джек едва не сказал, что ему это и предстоит, но вовремя сдержался.

Но Мэтт понял, что он хотел сказать. Увидев, как мгновенно скисла его физиономия, Джек решил воздержаться от ответных реплик, а то чего доброго, этот впечатлительный малый опять забьется в истерике.

К великому облегчению Джека, Кэрол распрощалась с Мэттом и вышла из палаты.

— Джек, задержись на минутку, пожалуйста, — тихо попросил Мэтт. — И закрой дверь.

— Кэрол, подожди меня, пожалуйста, в такси. Я буду через пару минут, — проигнорировав удивленный взгляд девушки, Джек плотно прикрыл дверь, оставшись в палате.

— Зачем ты пообещал ей приехать после выписки? — обратился он к Мэтту. — Разве ты не помнишь, что тебе предстоит путь совсем в другую сторону?

— А что я должен был сказать? Прощай, мы больше не увидимся?

— Да, это бы подошло.

— Я еще не готов.

— Что ж, у тебя есть время на подготовку до выписки. А потом ты ей позвонишь и разобьешь сердце, — Джек засмеялся.

— Ты находишь это смешным? Какой ты жестокий!

— До тебя мне далеко, никогда не дотянусь. Я смеюсь, потому что пошутил, если ты не понял. Ты не разобьешь ей сердце, не переживай, с ним все будет в порядке, потому что она не любит тебя.

Мэтт побагровел.

— Если я в чем-то еще и уверен, так это в том, что она меня любит!

— Это не любовь. Это жалость.

— Нет!

— Да. Послушай, какая тебе разница, любит она тебя или нет? Сегодня ты видел ее в последний раз. Сам видишь, что с тобой происходит. Или хочешь, чтобы она видела, как ты размазываешь по лицу сопли и вопишь, будто тебе яйца придавили? Даже голос надорвал! Твои истерики производят впечатление. Медсестра до смерти перепугалась, представляешь, что будет с Кэрол?

— Это ты довел меня до такого состояния, — Мэтт сжался на постели, сев, и, подтянув ноги, уткнулся подбородком в колени. — Со мной все было в порядке, пока ты не приперся и не разрушил мою жизнь. Послушай, Джек, — он поднял на него умоляющий взгляд. — Я сделаю все, что ты скажешь, только скажи мне, что ты наврал, что я не убивал тех девочек!

— Мэтт, ты сам вынудил меня сказать тебе это. Если бы ты не упрявился и согласился на мое предложение сразу, я бы ничего тебе не рассказал. Ты бы спокойно жил дальше, лечился и думал, что лечишь только свою воображаемую мигрень. Никто бы не открыл тебе эту страшную тайну, даже врачи, я бы об этом позаботился. Ты мог и дальше находиться в счастливом неведении, но ведь ты сам захотел докопаться до правды. Вот и докопался.

Мэтт спрятал лицо в ладонях.

— Джек, мне очень тяжело. Единственное, что держит меня в этой жизни — это моя любовь. Это мой шанс выжить, понимаешь? Без Кэрол я жить не буду, потому что в моей жизни тогда не останется ничего хорошего, только боль и пустота. Я очень тебя прошу, Джек, не отбирай у меня ее.

— Ты готов рискнуть ею ради себя? А если ты ее убьешь — ты об этом задумывался? Ты думаешь только о себе. Разве это любовь?

— Нет-нет, я не буду ею рисковать! Я уеду, как ты сказал, лягу в лечебницу и пробуду там столько, сколько нужно, пока не перестану быть опасным. Единственное, о чем я прошу — не вынуждай меня рвать отношения с Кэрол. Я объясню ей, что должен уехать в клинику, чтобы вылечить свою мнимую мигрень. Она поверит и ничего не заподозрит. И у меня будет шанс, что она дождетя меня, и когда я выйду оттуда, мы сможем быть вместе.

— А если на лечение потребуются годы? Если исправить твою психику невозможно?

Лицо Мэтта исказила нечеловеческая мука.

— Чтобы понять, безнадежен я или нет, врачам потребуются годы?

— Я не знаю, я не врач! Ты можешь сломать ей жизнь, ты это понимаешь? Она будет тебя ждать, а в результате так и не дождетя. И все это только ради одного крохотного шанса для тебя? Не велики ли ставки? Ты-то ничего не теряешь в худшем случае...

— Почему ничего? Я теряю все — жизнь, любовь, даже самого себя. Джек, умоляю тебя! Если ты собираешься настоять на своем и отнять у меня Кэрол, лучше убей меня. Это будет для меня избавлением от мук.

— Нашел дурака! От своих мук избавляйся сам.

— Пожалуйста! — по лицу Мэтта побежали слезы, он медленно сполз на пол и стал на колени.

Джек сердито поджал губы.

— Нет!

Сев прямо на пол, Мэтт откинулся на кровать, став вдруг неожиданно спокойным и равнодушным. Глаза высохли.

— Тогда у меня к тебе другая просьба.

— Хватит с меня просьб, я не Санта-Клаус, чтобы твои желания исполнять!

— Достань мне пистолет. Я знаю, тебе это не составит труда.

— На жалость давишь? Думаешь, подействует?

— Не думаю. Я думаю, что это надежный способ. И быстрый. И синяками я уже не отделаюсь, — Мэтт улыбнулся.

Джек пристально смотрел на него, и понял, что он не блефует, не пытается разжалобить. Мэтт принял решение, и ему сразу стало легко, он успокоился, смирившись с неизбежным.

— Неужели ты так ее любишь? — не мог поверить Джек.

— Я же говорил. Эта любовь — все, что у меня осталось. Ладно, Джек, хорош меня мучить. Достань мне оружие, желательно ко дню моей выписки, и ты меня больше не увидишь. Живым. И никаких проблем, тебе не нужно будет возиться со мной, тратить деньги. И мне будет хорошо. Кэрол переживет. Скажу ей, что она мне не нужна, что я уезжаю. Пусть злится, это лучше, чем оплакивать мой труп. А ты можешь убедиться, что я тебя не обманул. Я буду ждать тебя в своей квартире, и с удовольствием посмотрю, как тебя вывернет наизнанку от вида моих мозгов, разлетевшихся по комнате.

Мэтт засмеялся.

— Шуточки у тебя такие же ненормальные, как ты сам!

— О, да, я всегда славился остроумием, особенно мне близок черный юмор. Мама всегда ругала меня за такие шутки. Только я же, в основном, совсем не шутил, а говорил истинную правду. Как сейчас.

— Ладно. Можешь пока сказать Кэрол, что отправляешься лечить свою мигрень. А там посмотрим, — сухо сказал Джек.

— Тоже шутишь «по-черному»?

— Нет.

Спокойствие Мэтта, как рукой сняло. Потухший взгляд его вспыхнул, лицо оживилось. Подскочив, он едва не запрыгал на месте от счастья.

— Ой, Джек, можно я тебя поцелую? — Мэтт бросился к нему с распростертыми объятиями.

Тот испугано вскочил и встал позади стула, используя его как преграду.

— Только попробуй! Совсем, что ли, спятил?

— Да! От радости! И я... я тебе не верю! — Мэтт засмеялся. — Ты меня обманываешь!

— Иди к черту!

— А можно еще вопрос?

— Только если он будет последним. Ты у меня уже поперек горла! И мне не терпится домой.

Мэтт посерьезнел и вернулся на кровать.

— Пока я буду лежать в клинике, ты не уведешь Кэрол?

— Куда я ее уведу?

— Ты понял, о чем я, не притворяйся.

— Послушай меня, Мэтт, только не обижайся, — пытаюсь сохранять спокойствие и не показать своего раздражения, проговорил Джек. — Тебе кажется, что у тебя хотят отобрать твою девушку, в ней ты сомневаешься — все это, твой страх и неуверенность, из-за жены. Это паранойя.

— Нет, Джек, это не паранойя. И я не путаю Кэрол и Кэт. В данный момент я говорю не о них, а о тебе. Одного я не могу понять. Зачем ты вытащил меня из-за решетки, если эта девушка тебе самому нужна?

— Мэтт, не зли меня. Мне не нужна ни «эта девушка», ни какая-либо другая, ясно тебе? Я ценю свою свободу, я не встречаюсь с женщинами, я с ними сплю. И все! Это для тебя на Кэрол свет клином сошелся, а я никогда не заикливался на одной женщине и не собираюсь. Женись на своей Кэрол, только от меня отстань со своей ревностью. Или ты думаешь, я не могу найти себе женщину, поэтому собираюсь отбирать твою? Нет уж, спасибо.

— Блефуешь, Джек. Неужели ты всерьез полагаешь, что я не вижу, что ты хочешь ее? Скажи правду, не отпирайся. Что тебе от нее нужно? Хочешь просто затащить в постель, или за сердце зацепила, а?

Джек поджал губы, разозлившись.

— Если бы это было так, сидел бы ты и дальше в тюрьме, тупой идиот! Хрен бы ты был с ней! Что же это получается, сам подумай — выходит, я преподнес ее тебе на блюдечке, а сам страдаю и думаю, как теперь отобрать! Пораскинь мозгами, если еще в состоянии, и не доставай меня! Я больше не хочу об этом говорить. У меня нет ни терпения, ни желания тебе что-то доказывать.

— Дай мне слово. Пообещай, что не заберешь ее, пока я буду в больнице! — в голосе Мэтта снова появилось отчаянье. — Поклянись, что она тебе не нужна!

— Мэтт, мы не в детском саду, — холодно отрезал Джек. — Но, если тебе станет легче, я даю слово. Отправляйся в больницу и спи спокойно.

— Неужели, у меня действительно паранойя? — Мэтт вдруг снова изменился, став потерянным и напуганным. — Ты считаешь, что это из-за Кэт?

— Ты болен. Твое состояние ухудшается с каждым часом, наверное, это из-за сильных стрессов, которые ты пережил сразу за один день. Узнал, что ты болен, что ты убийца, потом мать умерла. Тут у здорового крыша может поехать! А у твоей болезни спустили тормоза, и пока не поздно, тебе нужно лечь в клинику.

— Да, хорошо. Спасибо тебе, Джек. И извини меня, за все. Будь спокоен, как только меня выпишут, я уеду, в тот же день. Как ты думаешь, она будет меня ждать? — Мэтт жалобно посмотрел на него страдальческим взглядом.

— Будет, даже не сомневайся, — заверил Джек. — Она тебе предана больше, чем собака своему любимому хозяину. Ты только постарайся побыстрее наладить свое здоровье, не заставляй ее долго ждать.

— Я постараюсь! — пылко воскликнул Мэтт. — Я очень буду стараться! Я вернусь, и лично приглашу тебя на нашу свадьбу!

— Вот и хорошо, — улыбнулся Джек и, подойдя к нему, уложил на подушку и накрыл одеялом, как больного ребенка. — А теперь отдыхай и не думай о плохом. Это провоцирует болезнь. У тебя все будет хорошо, только надо еще немного подождать.

— Немного? Совсем немного, да, Джек?

— Совсем немного.

Перед тем, как закрыть дверь, Джек задержался, расслышав невнятное бормотание, и, обернувшись, посмотрел на Мэтта. Он лежал на боку, положив руку под голову, и, уставившись пустым взглядом куда-то перед собой, тихо повторял:

— Совсем немного. Совсем немного. Совсем немного...

Глаза Джека расширились, он стоял и смотрел, чувствуя, как холодеет в жилах кровь. Но

Мэтт его больше не замечал. На губах его застыла жалкая больная улыбка, которая заставила Джека содрогнуться.

Бесшумно он прикрыл дверь, пытаясь подавить неприятное ощущение тревоги. А сейчас, когда смотрел на Мэтта, он испытал отвратительное чувство, которое ненавидел и презирал — страх.

Только бы этому психу не стало хуже! Его место в сумасшедшем доме. Только, когда это чудовище будет заперто там, можно будет вздохнуть свободно. И никто никогда об этом не узнает. Все будут думать, что Мэттью Ландж уехал, чтобы начать новую жизнь, что он счастлив. Джек позаботится о том, чтобы все думали именно так. От этого зависела его карьера.

А ничего важнее карьеры в его жизни не было.

Кэрол с трудом разлепила тяжелые веки и сонно обвела взглядом свою спальню. Часы показывали десять утра. За окном было серо и мрачно, по-прежнему шел дождь. Откинувшись снова на подушки, Кэрол зевнула и с удовольствием потянулась. Как там, на улице, холодно и мерзко, ветер швырял струи дождя в стекло, словно стараясь добраться до нее. Не доберется.

Сегодня она на улицу носа не высунет. Весь день будет валяться в теплой мягкой постельке, наслаждаясь уютом и комфортом. Может ли быть что-либо приятнее, чем слушать, как бушует непогода, находясь дома и зная, что никуда не нужно идти?

Повернувшись на бок, она закрыла глаза, слушая шум дождя. Жара она больше не чувствовала, зато тело сковала страшная слабость. Кэрол сомневалась, что сможет встать и приготовить себе завтрак. Впрочем, есть совсем не хотелось, и она решила не утруждаться пока. Лучше подремать.

Странно, она совсем не помнила, как стелила постель и переодевалась, как легла спать. Вчера она была в ужасном состоянии. Ей хотелось плакать, казалось, она умрет до того, как доберется домой. Тело ломало и трусило в ознобе, хотелось упасть и больше никогда не подниматься. Впервые за все то время, как она жила одна, ей захотелось в свою квартирку, и не просто захотелось, она мечтала о ней, о своей постели и теплом одеяле. А еще о кружке горячего чая.

Она смутно помнила, как Джек дотащил ее до дверей. На этом воспоминания ее заканчивались. Она была настолько измучена, что не удивительно, что память отшибло. Наверное, все остальное она делала уже на «автопилоте». Неожиданно Кэрол вспомнила свой сон и открыла глаза. Сердце застучало быстрее.

Ей снился Джек. Тусклый свет за его спиной, как от торшера, белая рубашка расстегнута на груди, рукава закатаны. Он кладет ей на лоб что-то холодное и мягкое. Она чувствует какой-то резкий запах, уксусный, что ли.

О том, что ей приснилось потом, вспоминать было стыдно. Он целовал ее в губы, и она чувствовала его руки, ласкающие ее обнаженное тело. И ощущения ее были такими настоящими, как будто это был не сон, а реальность.

Его теплые ладони гладили ее голую грудь, талию, живот, бедра. Она не видит его, но чувствует. И ей это нравится, ей приятно, но она не может даже пошевелиться, как будто ее сковали. Все тело такое тяжелое, что даже открыть глаза ей не под силу.

Расплывчатый сон, туманный, мутный. Ничего не видно, ничего не слышно. Сон то обрывается, то снова продолжается. Последний обрывок из этого сна — это нежные губы, целующие ее грудь.

Кэрол накрыла голову подушкой. Боже, какой кошмар! Почему ей снится такое? Почему ей снится он, а не Мэтт? И почему этот сон вызывает нежный трепет внутри и такое непонятное волнение?

Кэрол расстроилась, но постаралась себя убедить, что это просто сон, и то, что ей это снится, вовсе не означает, что она на самом деле этого хочет.

Мало ли что может присниться, да еще в таком состоянии!

Откинув одеяло, Кэрол села и спустила ноги на пол. Пошарив ногами по полу в поисках любимых мягких тапочек и так и не найдя, она наклонилась. И правда, тапочек нет. Видимо, вчера ей было не до тапочек.

Она с удивлением заметила на себе совсем не ту ночную рубашку, в которой всегда спала. Она любила тонкую шелковую рубашечку на узких бретельках, такую короткую, что она едва прикрывала ягодицы. В ней было легко и удобно. А ту, что была сейчас на ней, подарил Рэй. Кэрол никогда не надевала ее. Эта вещица была слишком дорогой и красивой, чтобы спать в ней одной. И вообще, как считала Кэрол, предназначена для того, чтобы соблазнять мужчину, а не для того, чтобы в ней спать. А, так как мужчины у нее до недавнего времени не было, это чудо дожидалось своего часа на полочке в гардеробе.

Наверное, она вчера схватила первое, что под руку попало. И к тому же, вспомнила Кэрол, ее ночная рубашка сохнет на веревочке в ванной после стирки. Вернее, уже давно высохла. Вчера она об этом не вспомнила.

Опустив ноги на прохладный пол, она поморщилась. Ходить босиком она не любила, особенно по холодному полу. Но делать нечего.

Встав, Кэрол, покачиваясь от слабости, поплелась в прихожую. Тапочки стояли на полочке, где она их и оставила перед уходом. Обувшись, Кэрол сразу почувствовала себя лучше. Наверное, она вчера и не умывалась перед тем, как лечь, и косметика размазалась по лицу.

Дойдя до ванной, Кэрол открыла дверь. Увидев перед собой Джека, она вздрогнула от неожиданности.

Он поспешно прикрылся полотенцем, которым вытирался, и растерянно посмотрел на девушку.

Кэрол отшатнулась назад и захлопнула дверь. Придя в себя от удивления, она почувствовала, как загорелись лицо и шея.

— Доброе утро! — раздался за дверью веселый голос Джека.

— Доброе, — выдавила Кэрол в ответ. Ему весело? Над ней, наверное, смеется. Хорошо, что еще не видел, как она покраснела, вовремя она спохватилась и спряталась за дверь. Похоже, его совсем не смутило, что она застала его в чем мать родила!

— Я сейчас выйду!

Сообразив, что стоит в одной рубашке, Кэрол метнулась в спальню.

Накинув халат, она растерянно присела в кресло. В этот момент раздался стук в дверь.

— Эй, можно?

— Можно.

Джек вошел в комнату и, остановившись, посмотрел на нее. Кэрол отвернулась, чувствуя, что опять краснеет.

— Извини, Джек... Почему ты не запер дверь?

Услышав в ее голосе возмущение, он улыбнулся.

— Забыл. Привычка. Я же один живу, мне дверь запирать ни к чему.

— А разве ты здесь ночевал? — осторожно спросила Кэрол, стараясь не выдать своего волнения.

— Ты совсем ничего не помнишь?

— Помню. Как ты меня проводил до двери.

— Угу. А ты зашла в прихожую, уселась на пол и заснула.

Кэрол изумленно заморгала, подняв на него взгляд.

— Я тебя подобрал и отнес в спальню. А потом сбегал в аптеку, накупил лекарств, градусник. Хочешь знать, какая у тебя была температура?

— Какая?

— Сорок и два!

— Ого!

— Ого. Естественно, я не мог бросить тебя в таком состоянии. И позвать-то не кого, чтобы за тобой присмотрели. Куртни в командировке. А о Рэе я даже мысли не допустил, в его руки я бы тебя ни за что не отдал! Как ты себя чувствуешь?

— Лучше.

Он положил ладонь ей на лоб.

— Жара нет, слава Богу! Вот, на столике, лекарства, пей, чтобы мои усилия не пропали даром. Всю ночь над тобой сидел. Есть хочешь?

— Нет.

— Может, горячего чаю?

— Да, чаю можно, — улыбнувшись, Кэрол поднялась, но он усадил ее на место.

— Я сам принесу. А ты, давай, ложись. Тебе лежать надо.

Он вышел, а девушка забралась под одеяло. Ну, и дела!

Вспомнив, что собиралась в ванную, она снова встала и отправилась приводить себя в порядок. Ополоснувшись под душем, она почистила зубы и причесалась. Стянув с веревочки ночную рубашку, она надела ее, а чудо, подаренное Рэем, сполоснула под краном и повесила сушиться. Накинув шелковый халат, она вернулась в спальню. Силы ее на этом иссякли.

Джек уже ждал ее. На столике у кровати дымился в кружке горячий чай на маленьком подносе. В тарелочке лежали два бутерброда.

Когда Кэрол устроилась в постели, Джек поставил поднос ей на колени. Поблагодарив его, девушка с удовольствием сделала маленький осторожный глоток.

— А где ты взял колбасу? У меня ее не было, я точно помню, — спросила она, взяв в руки бутерброд, и надкусила. — М-м-м, какая вкусная!

— У тебя пустой холодильник. Я заказал еду в ресторане, — почему-то он смутился. — Готовить тебе сейчас тяжело, в магазин выходить тем более нельзя, а есть тебе надо, сил набираться. Если бы я умел, я бы приготовил...

— Спасибо, Джек, — Кэрол улыбнулась, тронутая его заботой.

— За что? Забыла, как ты мне помогала, когда я в этом нуждался?

Они помолчали. Кэрол пила чай, не поднимая на него глаз.

— Кстати, приезжал Рэй. Хотел отвезти тебя в институт. Я сказал ему, что ты приболела.

Кэрол бросило в жар. Заметив, как она изменилась в лице, Джек тоже помрачнел.

— Расстроилась из-за того, что он понял, что я ночевал у тебя? Ты уже рассказала ему о Мэтте?

— Нет. Пока.

— Я так и понял, потому что он, вроде бы, не очень удивился, только спросил, в гостях я или уже живу здесь? — он засмеялся, только как-то напряженно, и пристально взглянул на девушку. — Тебе не понравилось то, что я остался вчера, да? Но я не мог уйти! Ты бы сгорела за ночь, я с таким трудом сбил тебе жар. Так волновался, даже хотел в больницу тебя везти.

— Нет, Джек, что ты, как я могу расстроиться? Наоборот, я очень тебе благодарна, —

Кэрол улыбнулась. — На то, что думает Рэй, мне наплевать. Только вот Мэтт может не понять.

— Не понять — это ты мягко выразилась. Он у тебя дико ревнивый.

— Да, я заметила, — подавлено согласилась Кэрол.

— Он ко мне тебя ревнует. Ты ему что-то рассказывала?

— Нет, не рассказывала, — она спрятала глаза, смутившись.

— Правильно, и не надо. И о том, что я у тебя всю ночь просидел — тоже. Начнет забивать себе голову всякой чушью.

— Джек, а что, мне совсем плохо было? Я как заснула в прихожей, так и не приходила в себя больше?

— Да я не знаю. Иногда ты открывала глаза и смотрела на меня, когда я тебе компресс на лоб клал. Он холодный был, ты вздрагивала и просыпалась.

— Я помню. Значит, я не сама разделась?

— Нет, — тихо ответил он.

Кэрол снова почувствовала, как обдало жаром лицо. Мучительный стыд в ней смешался с возмущением.

Руки задрожали. Она уже собиралась спросить, как он посмел, зачем раздел ее догола, копался в ее вещах и напялил на нее такую откровенную ночную рубашку, но он ее опередил, заговорив сам:

— Когда я сбил жар, на тебе нитки сухой не осталось. Ты так пропотела, что все насквозь промокло. Мне пришлось все снять. Если бы я этого не сделал, ты могла бы подхватить пневмонию. Я нашел какую-то ночную рубашку и одел тебя.

Кэрол молчала, низко опустив голову. Она не знала, что говорить, как реагировать. Поблагодарить или отругать. Стоило только представить, что он видел ее обнаженной, как снимал с нее одежду, и ей хотелось провалиться от стыда, а в груди закипала ярость. Но если бы она оставалась в мокрой одежде, это могло для нее плохо кончиться. Выходит, он помог. Но Кэрол трудно было побороть стеснительность.

— Да не смотрел я на тебя, — улыбнулся Джек, наблюдая за ней. — Темно было, один ночник горел.

Кэрол откусила бутерброд и запила чаем, пытаясь показать, что она абсолютно спокойна. Ей стало трудно дышать, когда она подумала о том, что сны ее были вовсе не снами. Неужели, он на самом деле прикасался к ней, трогал ее тело, целовал? Или ей это приснилось? Кэрол очень хотелось знать, сон это или не сон, и она даже набралась храбрости спросить его об этом, но в последний момент струсила и промолчала. Она сгорит от стыда, если ей это все приснилось. Он может подумать, что она хочет его, раз ей такое снится.

А еще он мог рассердиться. Он от всей души старался ей помочь, всю ночь о ней заботился, забыв о собственной усталости, а она начнет обвинять его в непристойных поступках. Если он ничего такого не делал, он может очень даже обидеться.

Кэрол украдкой взглянула на него. Нет, он не походил на мужчину, который стал бы тайком делать такое с бесчувственной женщиной. Он слишком гордый. И не такая уж она красавица, чтобы он потерял голову, увидев ее без одежды. И наверняка вид женского тела не был для него шокирующим, он за свою жизнь, наверное, на это насмотрелся достаточно.

Кэрол абсолютно не разбиралась в мужчинах, и сама это понимала.

Она не знала, мог ли мужчина остаться равнодушным, раздевая женщину, видя ее

обнаженное тело. Она не хотела об этом больше думать. Нужно просто выкинуть все из головы, забыть. Так получилось. Он видел ее, она видела его. Они квиты.

Снова взглянув на него, она заметила на его лице грустное выражение. Расстроился? Почему?

Почувствовав ее взгляд, он поднял голову. В глазах его появился холод.

— Извини. Я хотел, как лучше. Не знаю, что ты там думаешь...

— Я ничего не думаю, — перебила его Кэрол невозмутимо. — Вернее, я думаю только о том, что без тебя мне бы туго пришлось. Спасибо, Джек. Не обижайся, просто я немножко... застенялась.

Он улыбнулся.

— Разве можно стесняться такого красивого тела, ты должна гордиться.

Девушка вспыхнула, щеки залил румянец.

— А говоришь, не смотрел.

— Я догадался.

— Ну, да, конечно! — пробормотала она. — Еще скажи, что глаза завязал.

— Точно! Так и было, а говоришь, ничего не помнишь!

Он засмеялся и забрал у нее поднос с опустевшей чашкой и тарелкой. Присев на край постели, он как-то грустно посмотрел на нее.

— Знаешь, мне вчера так жалко тебя стало. Некому о тебе позаботиться. Совсем одна.

— Ну, почему же не кому? У меня есть Куртни и Мэтт. И Рэй тоже все бы для меня сделал. Если бы ты ему вчера позвонил, он бы сразу приехал.

— Не сомневаюсь. И трахнул бы тебя, пока ты без чувств лежишь!

— Джек!!!

— Куртни и Мэтт — где они, когда так были тебе нужны? Что бы с тобой было, не окажись я рядом? Кто поможет тебе сейчас, когда ты еле на ногах стоишь?

— Куртни ничего не знает, а Мэтт в больнице. Зачем ты так говоришь, Джек? Они любят меня, просто так обстоятельства сложились.

— Знакомая ситуация. У меня тоже всегда такие «обстоятельства», когда я оказываюсь в беде. После всех покушений меня выхаживала домработница. Впрочем, кроме отца, у меня и нет никого. А он сидеть у моей постели не может. Только в таких ситуациях понимаешь, как ты одинок.

— Но это же можно исправить, — осторожно заметила Кэрол. — Мне трудно поверить, чтобы не нашлось женщины, которая захотела бы о тебе позаботиться. Наверное, ты сам этого не хотел.

— Они все лицемерки, только одно на уме — как меня на себе женить! Позволь им позаботиться,пусти в дом, дай похозяйничать — потом не избавишься!

— Но меня же ты впустил, — улыбнулась Кэрол.

— Ты — другое дело.

— Потому что не хочу тебя на себе женить? — она засмеялась.

— Хотя бы поэтому, — он тоже рассмеялся.

— Джек, а можно задать тебе личный вопрос?

— Ну, валяй.

— Почему ты так не любишь женщин? Это из-за мамы?

Он пожал плечами.

— А за что их любить? Женщины глупые и лживые.

Кэрол обижено надула губки.

— Неправда! — пылко возразила она.

— Ну, есть, конечно, исключения.

— И на том спасибо. Уже легче.

— Ты ведь тоже не любишь мужчин. Почему?

— С чего ты взял? — удивилась Кэрол.

— Заметил. Не любишь и боишься. Обидел кто-то очень?

— Нет. Я нормально отношусь к мужчинам.

Джек не стал настаивать, промолчал. У Кэрол неприятно засаднило в груди от его вопросов, и она решила сменить тему. Устроившись поудобнее на мягких подушках, она повыше натянула одеяло и улыбнулась.

— Джек, а ты когда-нибудь влюблялся?

Он вздрогнул и повернулся к ней.

— А что?

— Просто ты всегда смеешься над нашей с Мэттом любовью, как будто не веришь, что между людьми могут быть такие чувства. Как будто мы спектакль перед тобой разыгрываем. Вот я и подумала, что, наверное, ты просто сам никогда не любил.

— Правильно подумала.

— Что, правда, никогда не влюблялся? — не могла поверить Кэрол. — Не может такого быть!

— Ну, почему же, влюблялся. Один раз, когда в школе учился. Но мне не ответили взаимностью. Она смеялась надо мной, называла зубрилой, ботаником и ничтожеством, от которого даже мать сбежала. Моя любовь закончилась тем, что я дал ей по морде. За это меня избили ее дружки из футбольной команды. А год назад я решил съездить на встречу выпускников. Я никогда не ездил, а тут вдруг она мне звонит и уговаривает. Ну, я и поехал.

— И что? — не выдержала Кэрол, когда он вдруг замолчал.

— Встретились. Она замужем... была, — он поколебался, словно сомневался в том, рассказывать дальше или нет. — Как была душой, такой и осталась. Кокетничать начала, как будто до сих пор была уверена в том, что я по ней сохну и только и мечтаю, как о ее расположении. А когда узнала, что я не женат, наверняка приняла это на свой счет. Чушь всякую несла о том, как я изменился, что никто даже подумать не мог, что я стану таким сильным и преуспевающим человеком. Смешно было слушать.

— И чем все закончилось?

— Ничем. Я поимел ее в тот же вечер, и отправился восвояси. Помог ей с разводом, а потом бросил. Она приперлась ко мне с чемоданами, я ее обсмеял и велел охране выкинуть ее на улицу. Вот такая любовь!

Он засмеялся.

— Отомстил, значит, — тихо сказала Кэрол, смотря на него широко раскрытыми глазами. — Не слишком жестоко? Все-таки, тогда вы были детьми.

— Разве детям не так больно, как взрослым?

Кэрол промолчала.

— В школе мне тоже нравился один мальчик, — призналась она. — Но ему понравилась моя подруга. А когда с ней произошло несчастье, он сразу ее забыл. Из-за этого я стала его презирать, — она задумалась, и вдруг спросила. — А мне ты тоже отомстишь?

Он изумленно посмотрел на нее.

— Тебе? За что?

— Ну... я, как бы, тоже тебя обидела... — застенчиво напомнила девушка, потупив взгляд.

— А, ты об этом! Ты меня не обидела. Ты хранишь верность тому, кого выбрала, что достойно уважения. Это я повел себя неправильно. Давай забудем об этом.

— Давай! — Кэрол так обрадовалась, что эта неприятная ситуация между ними, наконец-то, разрешилась, что даже не стала этого скрывать.

— Ты поспи, — он мягко улыбнулся и поправил одеяло. — А я побуду здесь. Если ты, конечно, не собираешься меня выгонять.

— А как же работа?

— Черт с ней. Никуда она не денется, эта работа. Сейчас я принесу тебе воды, выпьешь лекарства. И померь температуру. А потом постарайся уснуть. Я буду в другой комнате, чтобы не мешать, и прибегу на первый твой зов.

Наглотавшись лекарств, Кэрол свернулась калачиком под одеялом и уснула. Устроившись на диване в соседней комнате, Джек смотрел телевизор. Время от времени он заглядывал в спальню и аккуратно, боясь разбудить, касался руки девушки, проверяя, не повысилась ли температура.

Поговорил по телефону с Рэем, который беспокоился о самочувствии Кэрол. Рэй хотел приехать, но Джек категорично пресек его намерение, сказав, что девушка спит и ей сейчас не до гостей. Судя по голосу, Рэй очень разозлился, обидевшись на «гостя», но Джека не волновала его реакция. Сказав, что сам позаботится о Кэрол, он положил трубку и отключил телефон.

Когда девушка проснулась, он сунул ей под мышку градусник, и отправился разогревать обед, который потом подал ей прямо в постель. Температура у Кэрол снова подскочила, и поэтому ей совсем не хотелось есть. Вяло поковырявшись в тарелке, она вручила поднос Джеку и устало упала на подушки.

— Ты же совсем ничего не съела! Не вкусно?

— Джек, не хочу. Сил нет.

— Откуда ж они возьмутся, если ты есть не хочешь? Давай, чуть приподнимись, я положу под спину еще одну подушку.

Кэрол подчинилась.

— Ну, вот, а теперь открывай рот. Надеюсь, хоть на это силы найдутся? — он поднес полную ложку к ее лицу.

— Ой, Джек, перестань! — засмеялась Кэрол. — Кормить меня, как младенца, собрался?

— Да, как младенца. И если будешь сопротивляться, отшлепаю. Ты теперь полностью в моей власти, и лучше тебе покориться.

И Кэрол «покорилась», удивляясь тому, с каким удовольствием он с ней возится. Похоже, ему это нравится! Он заставил ее съесть все, что было в тарелке, потом принес горячего молока с медом. Кэрол не любила молоко, но под его строгим наблюдением выпила все до капли.

— Я тебя так не мучила, — упрекнула она, возвращая ему кружку.

— Кто ж тебе не давал? Свой шанс ты упустила, — он улыбнулся и протянул ей салфетку. — Вытри свои молочные усы!

— Сам-то поел?

— Не волнуйся, я о себе никогда не забываю.

Кэрол не заметила, как опять уснула. Джек продолжал сидеть рядом, в кресле, изучая внимательным взглядом комнату. Заметив на полочке статуэтку, поразительно похожую на Кэрол, он встал и взял ее в руки. С удивлением он разглядывал вещицу, потом погладил маленькое личико и поставил статуэтку на место. Внимание его привлекла фотография, которую он уже видел в доме Берджесов, на которой маленькая Кэрол была со своими друзьями. С интересом он снова посмотрел на снимок, задержав взгляд на маленькой худенькой девочке с большими грустными глазами. Эта девочка так была не похожа на ту девушку, что он знал. Только глаза были те же. Взрослый взгляд, скрывающий горькие тайны и не менее горькие мысли, которые она ни с кем не хотела делить. Рядом была фотография чернокожей девочки с озорными глазами и широкой веселой улыбкой. Эмми.

Тут же стояла в красивой рамке фотография Мэтта. Злобно изогнув губы, Джек опрокинул ее, заставив изображенное на снимке красивое лицо уткнуться в деревянную полку.

Захватив фотоальбом, он вернулся в кресло.

Странно, у Кэрол почти не было детских фотографий. Слово жизнь ее началась с того момента, как она приехала в дом Куртни. Помимо фотографии с друзьями, стоявшей на полочке, была еще всего лишь одна из того времени. Рождественская. В куче детишек Джек отыскал Кэрол, ее чернокожую подружку, красивую белокурую девочку, которая тоже была на той, другой фотографии. Красивого мальчика, похожего на ангелочка, на этом снимке уже не было. Все веселые, смеются, и только Кэрол опять смотрит печальными глазами.

Много фотографий чернокожей подружки, Рэя, Куртни, семьи Берджесов. Профессиональные снимки красивой девушки, судя по всему, той самой белокурой девочки. Ее лицо показалось Джеку знакомым.

Выйдя в другую комнату, он взял журналы Кэрол, которые недавно разглядывал, и снова пролистал. С изумлением он обнаружил подружку Кэрол в каждом журнале. Фотомодель, значит. Та самая, которая еще недавно была прикована к инвалидной коляске. А Кэрол собирает журналы с ее фотографиями.

Усевшись на диван, Джек продолжил просмотр альбома. Фотографий самой хозяйки альбома было мало. Без всякого смущения Джек стащил одну и положил в свой кейс. На последней странице сиротливо, отдельно от остальных, он нашел снимок красивой голубоглазой блондинки. В первый момент он подумал, что это Кэрол, но, присмотревшись, понял, что ошибся. На обороте было написано одно короткое слово — «Мама». И только Джек мог понять, сколько боли скрыто в этом простом слове. И для Кэрол, и для него.

Только фотографии своей матери он не хранил. Он уничтожил все, что могло о ней напоминать, сразу после того, как она ушла.

Вернув альбом на место, он присел в кресло рядом с девушкой.

За окном бушевали дождь и ветер. Убаюканная шумом непогоды, Кэрол умиротворенно спала. Не смотря на то, что за ночь так и не уснул, Джек не собирался делать этого и теперь. У него было занятие поважнее, чем он и занялся. Он просто сидел и смотрел на девушку, пользуясь тем, что она этого не видит.

Когда Кэрол проснулась, она чувствовала себя намного лучше. У нее даже появился аппетит. Не обращая внимания на протесты Джека, она вылезла из постели и направилась в кухню, собираясь ужинать за столом, а не лежа на подушках.

С улыбкой наблюдала она за тем, как Джек разогревает еду. Его белая рубашка по-прежнему оставалась безупречно белой, лишь слегка помялась.

Черные брюки тоже почти не потеряли свой безупречный вид. Вот что значит — качественная и хорошая одежда, дорогая ткань! Не смотря на то, что уже два дня не ночевал дома, Джек умудрялся выглядеть все также эффектно и аккуратно, словно только что вышел из своей квартиры. Единственное изменение, которое претерпел его облик — это начинающая пробиваться щетина на лице, которое Кэрол видела всегда только чисто выбритым. Но легкая небритость, по ее мнению, ничуть не испортила его внешний вид. Наоборот, ей даже понравилось.

Засучив рукава, он сосредоточено всматривался в содержимое сковороды, аккуратно помешивая лопаткой их будущий ужин. Было заметно, что за этим занятием он чувствовал себя очень неуверенно, и Кэрол решила его поддержать.

— Джек, ты прекрасно смотришься у плиты!

Он бросил на нее косой взгляд.

— Прекрасно я смотрюсь за своим рабочим столом в офисе, а еще прекраснее — в зале суда! Там я просто великолепен! А на кухне я выгляжу нелепо, и так же себя ощущаю, так что не пытайся меня убедить в обратном.

— Но почему же? У тебя прекрасно получается разогревать еду. Ты просто еще не открыл в себе кулинарный талант, — Кэрол захихикала.

— Все свои таланты я уже пооткрывал, и готов признать, что в некоторых вещах я абсолютно бездарен, — он покрутил в руке лопатку, уныло разглядывая. — Только я совсем не расстраиваюсь по этому поводу.

— А какие еще у тебя таланты, помимо тех, о которых мне уже известно?

Глаза его весело заискрились и, выключив плиту, он начал накрывать на стол.

— Мой самый большой талант — это умение убеждать всех в том, что у меня куча талантов, когда на самом деле нет ни одного! — он засмеялся.

— Но ты же очень талантливый юрист, все так считают. И это на самом деле так.

— Это не талант.

— А что же тогда?

— Ум, знания и хитрость. И все. И никакие таланты тут ни при чем.

— Но, Джек, в этом и заключается твой талант. Ты — лучший, а лучшими становятся только те, кто наделен определенным талантом. Сильным талантом.

Он поморщился.

— Вот видишь? Я настолько умею убеждать в том, что я лучший и самый талантливый, что даже не могу потом в этом разубедить.

— Никогда меня ты не разубедишь! Ты — лучший! Во всем, а не только как адвокат.

— Ты правда так считаешь? — он состроил кислую гримасу.

— Да, я так считаю.

— Если я лучший, тогда почему же я никому не нужен? — грустно поинтересовался он.

— Это тебе никто не нужен, Джек. И ты можешь это исправить. Без труда.

Вздыхнув, он промолчал. Кэрол украдкой поглядывала на него, задаваясь вопросом, собирается ли он уходить или задумал остаться на ночь. Как бы поделикатнее намекнуть, что он может ехать домой, что в том, чтобы ночевать у нее, нет больше необходимости. Он должен уйти. Она, конечно, была очень благодарна ему за внимание и заботу, но он не может здесь больше оставаться. Не смотря на то, что ей очень нравилось его общество, и при

мысли о том, что он уйдет, становилось почему-то грустно, она категорично была против того, чтобы он остался.

Она понятия не имела, что делать, если он не собирается уходить.

Она страшно боялась его обидеть. Он так искренне беспокоился о ней, так старался помочь, такой непохожий на себя, забыв о своей резкости и грубости, что она не могла вот так взять и попросить его отсюда!

Спасибо, Джек, ты очень помог, а теперь мне полегчало, и ты больше не нужен, так что проваливай.

Почему-то на душе скреблись кошки, там стало очень плохо. Кэрол сама не могла понять, что ее так расстроило, почему так паршиво на сердце?

— Что-то Мэтт не звонит, — тихо проговорила она и посмотрела на телефон.

— Ой, я же отключил телефон! Совсем из головы вылетело! — спохватился Джек и поспешил исправить свою оплошность.

— Отключил? Зачем?

— Чтобы звонки тебя не разбудили. Рэй все названивал, а мне не очень хотелось с ним общаться, — подключив телефон, Джек вернулся за стол. — Ничего, Мэтт перезвонит... если очень нужно.

Не успел он договорить, как телефон резко затрезвонил. Джек потянулся к телефону, и у Кэрол перехватило дыхание от ужаса. Но он не собирался снимать трубку, а просто передал ей аппарат. Подавив вздох облегчения, девушка ответила на звонок.

— Алло!

— Привет, котенок! Почему трубку не берешь, я чуть с ума не сошел от волнения!

— Привет. Я весь день спала, не слышала. Извини.

— Ничего. Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше. А ты?

— Вообще, ничего. Только сердце болит.

— Сердце? — встревожилась Кэрол. — Врачам говорил?

— Они сказали, что бессильны.

— Как бессильны? Почему? Отчего оно болит, сказали?

— От любви, — в трубке раздался мучительный вздох.

— От любви? Мэтт!!! Разве можно так шутить? Напугал до смерти! — рассердилась Кэрол и тут же рассмеялась.

— Куртни с тобой? — беспокоился Мэтт.

— Нет, она в командировке.

— Так ты что, одна?

Кэрол бросило в жар, сердце с силой забило в груди, руки задрожали.

— Одна, — выдавила она, и, встретившись с глазами Джека, мучительно покраснела и виновато опустила взгляд.

— Бедняжка, как же ты там справляешься?

— Мэтт, мне не так плохо, как ты думаешь. Просто вчера немного повысилась температура, а сегодня я отдохнула и чувствую себя почти здоровой.

— Я должен был быть с тобой, позаботиться о тебе, — расстроился Мэтт. — А вместо этого торчу в этой проклятой больнице! Хочешь, я сбегу и приеду к тебе?

— Нет, даже не вздумай! Я нормально себя чувствую, честное слово, небольшая слабость — и все. Успеешь еще обо мне позаботиться, вся жизнь впереди!

Джек поднялся и, вскользя улыбнувшись ей, словно говоря «Не буду мешать», вышел. Покуриив на балконе, он вернулся.

Кэрол уже закончила разговор и сидела за столом, понуро опустив голову. Джек наклонился к ней.

— Эй, что с тобой?

Она не ответила, еще больше уткнувшись в грудь.

— Ты что, так расстроилась из-за того, что солгала Мэтту? — изумился он и, взяв ее за подбородок, поднял к себе опечаленное личико. — Ты правильно сделала! Сказать ему, что я здесь, да еще и ночевал, было бы верхом глупости! Он бы умер от ревности, не понял бы и не поверил, что я всего лишь хотел помочь. Стал бы забивать себе голову всякими глупостями. На его месте я повел бы себя так же. Главное, что ты сама знаешь, что мы с тобой здесь делали, и что ты ни в чем перед ним не провинилась. А вот ему попробуй, докажи! Не докажешь, поверь мне. Даже слушать не захочет. Так что выкинь все из головы. Бывают ситуации, когда правда не нужна, и лучше соврать. А ну, улыбнись! И хватит страдать из-за такой ерунды.

Кэрол выдавила из себя улыбку. Джек вдруг насупился и сердито скрестил руки на груди.

— Я сожалею, что поставил тебя в неловкую ситуацию и вынудил обмануть Мэтта. Я просто хотел помочь. Извини. Мне пора.

Резко развернувшись, он вышел из комнаты. Кэрол пошла за ним.

Остановившись в дверях, она смотрела, как он надевает пиджак и завязывает галстук. Потом подошла и взяла его за руку.

— Не обижайся, — прошептала она подавлено.

— Я не обижаюсь, — смягчился он. — Но мне действительно пора. Только пообещай мне, что если тебе станет хуже, ты мне сразу же позвонишь.

— Хорошо, — поколебавшись, девушка приподнялась на цыпочки и застенчиво поцеловала его в колючую щеку. — Спасибо, Джек. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал.

— Если забудешь, я напомню, — улыбнулся он. — Ладно, я пошел. А ты поправляйся. И не забывай глотать таблетки!

— Слушаюсь.

Проводив его, Кэрол закрыла дверь на замок. И неприятная пустота сразу заполнила собой все вокруг.

Прижавшись спиной к двери, Кэрол почувствовала, как глаза наполнились слезами. Сразу стало тоскливо и одиноко. Только сейчас она ощутила, как не хотела, чтобы Джек уходил. И ей показалось, что он тоже этого не хотел.

Она вернулась в постель и включила телевизор. Ей хотелось плакать, а почему, она сама не могла понять. Из-за того, что солгала Мэтту? Да, из-за этого. Но было что-то еще. Что-то связанное с Джеком.

Мысли о нем все больше угнетали ее. Но почему?! Отношения между ними наладились, они стали друзьями, заботятся друг о друге, помогают. Она все-таки смогла заполучить его в друзья, что когда-то казалось ей таким невозможным. Тогда что же не так? Все хорошо, но что-то не так. Она чувствует это, но не может понять, и это ее беспокоит.

Как и обещала, она усердно глотала таблетки, стремясь поскорее выздороветь. На улицу

не выходила.

На следующий день чувствовала себя почти здоровой.

Приезжал Рэй, приволок большие пакеты со всякими вкусностями. Завалил девушку фруктами и сладким. Валяясь в постели перед телевизором, Кэрол с удовольствием всем этим объедалась, оставшись очень довольна Рэем. Он всегда знал, как угодить и ей, и Куртни. Он просидел у нее весь день, скрашивая ее одиночество и развлекая. Но вечером Кэрол решительно отправила его домой.

Не успела она снова устроиться на кровати, как в дверь снова позвонили. Увидев на пороге Джека, Кэрол замерла, почувствовав, как перехватило дух от радости. Не сдержав радостной улыбки, она пригласила его войти, а он в ответ протянул ей красивую благоухающую розу.

Кэрол напоила его чаем и накормила вкусными пирожными, которые привез Рэй. Они сидели на кухне, болтали ни о чем, смеялись. И на душе у Кэрол было так светло, так тепло, что она забыла обо всем на свете, жадно смотря в молодое привлекательное лицо, в серые веселые глаза, любуясь обаятельной белозубой улыбкой, слушая уверенный мягкий голос.

Она опомнилась только тогда, когда он ушел.

Радость ее исчезла так же внезапно, как и появилась. Озадаченная и растерянная, она уткнулась в телевизор, стараясь не замечать, как что-то неприятно ноет в груди.

Так и заснула перед экраном, обняв пушистого Аккурсио, который умиротворенно мурлыкал в ее объятиях. Ее разбудил тихий стук в дверь.

Сонно взглянув на часы, Кэрол встала с постели, недоумевая, кто может к ней прийти в час ночи. Сердце ее учащенно забилося. Неужели Джек?

Она не могла забыть странный томный взгляд, которым он на нее сегодня смотрел. А перед тем, как уйти, он в последний момент обернулся, и она замерла, как парализованная, перед ним, почти уверенная в том, что он схватит ее и прижмет к себе. Но он лишь улыбнулся на прощанье. Но ей не могло все это показаться, и обернулся он вовсе не для того, чтобы улыбнуться. Нет, он хотел сделать что-то другое, но так и не сделал.

Подойдя к двери, Кэрол заглянула в глазок и ахнула. Поспешно открыв дверь, она взглянула на своего гостя.

— Мэтт! Ты как здесь очутился?

Он улыбнулся.

— Впустишь?

— Конечно, проходи, — Кэрол отступила, пропуская его в квартиру. — Вот так сюрприз! Уже выписали?

— Нет. Сам ушел. Надоело. И по тебе соскучился так, что не выдержал больше, — притянув девушку к себе, он прижался к ее губам в страстном поцелуе. Подхватив ее на руки, он пошел в спальню.

— Тебе лучше? — участливо спросила Кэрол.

— Теперь — да. Ты со мной, и это для меня самое главное, — присев на постель, он опустил ее себе на колени и нежно погладил гладкую кожу на ее щеке. — Ты скучала по мне?

— Конечно, скучала, — улыбнулась она, прижавшись лбом к его лбу, и тоже погладила его по лицу.

— Докажи, — шепнул он внезапно охрипшим голосом.

Кэрол нежно поцеловала его в губы.

— Как хорошо, что ты пришел. Мне было как-то не по себе. Сама не знаю, что со мной. Как-то нехорошо на душе. Я не хочу больше расставаться с тобой, ни на минуту.

— А мы и не расстанемся больше. Ни на одну минуту, — отозвался он, развязывая пояс на ее халатике.

Скинув его с ее плеч, он зацепил тонкие бретельки ночной рубашки и неторопливо стащил вниз. Дыхание его стало тяжелым. Наклонившись, он с тихим стоном прижался губами к нежной коже на тонкой шее.

Погрузив пальцы в его густые волосы, Кэрол откинула голову назад и прикрыла от удовольствия глаза.

— Котеночек мой... Любимая, — шептал он страстно, целуя ее шею и грудь. — Жить без тебя не могу! Никому тебе не отдам, никому, слышишь?

Почувствовав, как ее ловкие пальцы расстегивают брюки, он задохнулся от нахлынувших чувств и замолчал, отвечая на поцелуи девушки.

Кэрол изогнулась и застонала, плавно двигаясь на нем. Его сильные руки придерживали ее, а потом он не выдержал и со стоном сжал ее в объятьях, впившись в ее губы в неистовых поцелуях. Кэрол прижалась к нему всем телом, положив руки на широкие плечи и извиваясь в крепких объятьях.

Сначала тихие, но с каждым движением все нарастающие стоны наполнили комнату. Им было хорошо вместе, и они не пытались это скрыть, отдавшись полностью, без остатка, своим чувствам.

Лежа в его нежных объятьях, Кэрол долго разглядывала его лицо, тускло освещенное светом торшера.

Он крепко спал, и даже не чувствовал, как она гладит ладонью его грудь. Всего несколько минут назад он счастливо смеялся и прижимал ее к себе, опять спрашивая о том, любит ли она его.

Почему он все время об этом спрашивает? Неужели сомневается?

Или ему просто нравится, когда она говорит ему о любви? Это делает его счастливым, это было так заметно. Глаза его начинали искриться, лицо озарялось светлой улыбкой, он как будто успокаивался, услышав, что она любит его.

Сегодня он выглядел намного лучше, чем в больнице. Вроде бы отошел от потрясения. Даже веселый, смеется. Слава Богу, значит, все теперь будет хорошо, все наладится.

Смотря на него, Кэрол думала о том, что он самый красивый мужчина из всех, кого она видела в своей жизни. Разве могла она предположить, что такой мужчина будет ее любить? Он всегда, со дня их знакомства, казался ей таким далеким, таким недостижимым, самым прекрасным, самым лучшим.

Он был ее мечтой, яркой звездой где-то высоко-высоко, до которой она даже не надеялась дотянуться.

Иногда ей даже казалось, что она его выдумала, что на самом деле его не существует, потому что со временем он превратился для нее чуть ли не в божество.

И вот теперь ее божество принадлежит ей, она смогла не только дотянуться до своей «звездочки», но и стащить ее с небес. А может быть, это она поднялась с земли на небеса, к нему. Он — ее мужчина, он всегда был ее. Теперь она это поняла. Он потому и был так несчастен с другой женщиной. Потому что это была не его женщина. И она, Кэрол, не испытывала интереса к другим мужчинам, потому что чувствовала, что предназначена кому-

то другому. Они нашли друг друга, и будут счастливы. В жизни должно быть какое-то равновесие. Плохое должно сменяться хорошим. Горькое прошлое должно смениться счастливым будущим.

А сердце опять ныло в груди. Почему? Все же хорошо. Но что-то не так. Почему Мэтт вдруг так резко возненавидел Джека, когда, только выйдя из тюрьмы, он его почти боготворил? Откуда взялась эта неожиданная ревность? Джек сделал для него невозможное, он подарил ему жизнь, дав свободу и очистив от крови и грязи его имя. Он продолжает помогать ему, снова оказался рядом, когда пришла беда, похоронил Монику. А Мэтт смотрит на него, как на злейшего врага. Джек, конечно, не сдержан и зол на язык, но такой уж он есть. Грубит, обижает, а сам все равно помогает. Его поступки перекрывают его поведение. Поначалу его необузданный нрав может шокировать, но к нему просто надо привыкнуть и понять, что за мерзким характером скрывается совсем не плохой человек.

О чем они секретничали, пока она ждала в такси? Почему об этом нельзя было поговорить при ней? Почему Мэтт обвинил Джека в смерти Моники? При чем здесь Джек если он вообще никогда не встречался с его матерью? И с Мэттом происходит что-то странное.

Кэрол крепче его обняла и прижалась к его груди. Чтобы не происходило, она никогда не отпустит его.

Она готова была бороться за него и за его любовь с кем и с чем угодно, даже с самой жизнью, если та вдруг вздумает разлучить их. Никто и ничто не сможет его у нее отобрать. Она слишком долго его ждала, слишком тяжело за него боролась, и совсем не для того, чтобы, добившись, потерять. Дотянувшись до своей «звездочки», она будет цепляться за нее изо всех сил. Она слишком высоко забралась, и падать вниз было слишком страшно. Выпустив из рук свою «звездочку», она рухнет с небес на землю и разобьется.

Кэрол обвила Мэтта и руками и ногами, прижавшись к нему со всех сил, как будто отпустить его значило на самом деле упасть в пропасть. Он пошевелился и тоже обнял ее, крепко, нежно. Кэрол улыбнулась, успокоившись. Пока они оба будут вот так крепко держаться друг за друга, они не упадут. А если и упадут, то вместе. Это было уже совсем не страшно.

Мэтт еще спал, а Кэрол уже порхала на кухне, готовя ему завтрак.

Причесанная, подкрашенная, благоухающая любимыми духами, она выглядела абсолютно здоровой. И безумно счастливой. Одета в короткие джинсовые шортики, плотно облегающие ее бедра и ягодицы, и трикотажную майку на бретельках, она ощущала себя намного удобнее и комфортнее, чем в халате. Она вообще редко его надевала.

Услышав за спиной шаги, она обернулась и расплылась в улыбке.

Сонный, с взъерошенными волосами, Мэтт остановился в дверях и принюхался.

— М-м-м, кофе, — промычал он блаженно и улыбнулся. — Доброе утро, котенок. Давно встала?

— Давно. Не спится. Разве можно спать, когда распирает от счастья и радости?

— Хочешь сказать, что меня не распирает, раз я сплю? Еще как распирает, и не только от счастья, — притянув ее к себе, он сладко поцеловал ее в губы. — Ты прекрасно смотришься в шортах. Мне нравится.

Он погладил ее ягодицы и плотнее прижал к себе. Кэрол отстранилась.

— Иди, умывайся. Завтрак остынет.

— Разогреем.

— Мэтт! Я так старалась!

Вздыхнув, он отвернулся и лениво направился в ванную. Кэрол ласкала взглядом его высокую стройную фигуру, любясь широкой спиной и крепкими плечами, гибкой талией, узкими бедрами, длинными сильными ногами. Как будто почувствовав, что она его разглядывает, он поднял руки и, слегка выгнув спину, потянулся, разминая великолепное тело. У Кэрол защемило сердце от восторга, когда она увидела, как красиво заиграли крепкие мускулы под гладкой кожей. Боже, какой мужчина — дух захватывает! Трудно было поверить, что она, обыкновенная, не отличающаяся особой красотой, девушка смогла завоевать сердце такого мужчины. В нее никто никогда не влюблялся, а единственный мальчик, который ей понравился, Том Фокстер, ее даже не замечал. И вдруг такой красавец, добрый, ласковый, предел мечтаний каждой девушки — и с ней! Она сама себе завидовала. Ей даже стало страшно. А вдруг у нее появятся соперницы? Вдруг какая-нибудь роскошная красотка захочет его увести?

Но она выкинула эти мысли из головы. Как говорится, горя бояться — счастья не видать! Нечего выдумывать проблемы, которых нет и, может, и не будет.

— Мэтт, в шкафчике, слева от раковины, лежит новая зубная щетка!

— Ага, спасибо!

Он вышел через минуту и прямо в трусах уселся за стол. Со зверским аппетитом он проглотил свой завтрак и запил горячим кофе.

— Не наелся? — спросила Кэрол. — Может, сделать бутербродов?

— Сделай. Хочу тебя предупредить, моя будущая женушка, я люблю много и вкусно поесть!

— Покажи мне мужчину, который не любит.

Жуя бутерброд, он поднял ее со стула и усадил к себе на колени.

— Ну, и когда мы поженимся?

Кэрол поперхнулась и закашлялась от неожиданности.

— Я не знаю... Мама же только умерла, какая может быть свадьба?

— Мама больше всего на свете хотела, чтобы мы поженились. Уверен, она не обидится, если мы не будем с этим затягивать, — он помолчал и неуверенно продолжил. — Я хочу лечь в больницу, чтобы избавиться от проклятой мигрени и этих приступов. Я больше не могу терпеть эту боль.

— Правильно, это обязательно нужно сделать! — обрадовалась Кэрол.

— Я не знаю, сколько это займет времени. Ты будешь меня ждать?

— Мэтт, я ждала тебя с шести лет, итого — 14 лет. Подожду еще, ничего страшного. Главное, чтобы с тобой все было в порядке.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой до того, как я отправлюсь в больницу.

— Ты что, не веришь в то, что я тебя дождусь?

— Нет, в тебе я уверен. Просто хочу, чтобы ты была моей женой, очень хочу. Жизнь всегда ставит мне подножки, я всего боюсь! Не хочу ничего откладывать на потом. Пожалуйста, постарайся меня понять.

— Хорошо, Мэтт, я вовсе не против. Давай поженимся. Я сама об этом мечтаю.

Он радостно заулыбался.

— Тогда сейчас доедим, и пойдем выбирать кольца!

— Прямо сейчас?

— Да! А чего тянуть? И не забудь паспорт.

— Паспорт? Зачем? Кольца можно купить и без паспорта.

— Да, но вот расписаться без него у нас не получится.

Кэрол потеряла дар речи, изумленно смотря на него.

— Ты хочешь расписаться сегодня?

— Да.

— Но, Мэтт... Нет, ты не подумай, что я не хочу. Но как же Куртни, Рэй? Они мне никогда не простят, если я тайком выйду замуж и лишу их участия в самом важном моменте в моей жизни.

— Ну, так позвони, пускай подтягиваются.

— Как подтягиваются? Куртни сейчас во Франции.

Мэтт нежно взял ее за подбородок и посмотрел в голубые глаза.

— Кэрол, — голос его дрожал от волнения. — Я понимаю, что ты не этого хотела. Я тоже хотел бы настоящую свадьбу, праздник, кучу гостей, но на это у нас просто нет времени. Мне становится хуже, меня мучает боль. Я страдаю от этой боли уже столько лет, она просто сводит меня с ума! Я не уеду, пока ты не станешь моей женой. Пожалуйста, не заставляй меня страдать. Чем быстрее я лягу в клинику, тем быстрее избавлюсь от мук. И мы сможем быть с тобой вместе. Заведем детей, и будем самыми счастливыми на свете! Знаешь, я придумал, как мы поступим. Сегодня мы распишемся, но ты пока никому об этом не говори, а когда я вернусь, мы такую свадьбу устроим, что весь мир обзавидуется!

Он встревожено смотрел на нее, ожидая ответа, и в глазах его отразилась такая душевная мука, что Кэрол испугалась.

— Мэтт, что-нибудь случилось?

— Случилось, но не сейчас, а еще когда я был в тюрьме.

— Что там случилось?

— Я без памяти в тебя влюбился.

— Мэтт, опять ты шутишь!

— Шучу? Нет, я совсем не шучу, — склонив голову, он грустно прижался к ее груди. — Выходи за меня, котенок, прямо сегодня... если ты меня любишь. Для меня это очень важно.

— Хорошо, Мэтт, сегодня, так сегодня, — Кэрол улыбнулась и погладила его мягкие темные волосы. Он облегченно вздохнул и еще крепче прижался к ней. Кэрол обняла его и поцеловала в макушку.

— У нас все будет хорошо, — прошептала она. — Подлечишься, и мы будем жить вместе. А пока я буду тебя навещать столько раз, сколько позволят врачи. Куртни собиралась подарить мне на свадьбу дом. Мы будем жить с тобой, как в сказке. У нас будет настоящая семья.

— И ты родишь мне ребенка? — он поднял голову и заглянул ей в глаза, которые вдруг возбужденно засверкали.

— Да. И, если ты захочешь, даже не одного.

— Здорово! Да, я хочу, очень хочу! Целую кучу маленьких сорванцов!

Они рассмеялись и весело чмокнулись в губы.

— А вдруг ты уже забеременела? Мы же не предохранялись, — с восторгом предположил Мэтт. — Представляешь, наш малыш уже существует, а мы еще об этом не знаем! Как ты себя чувствуешь? Не тошнит?

— Ой, Мэтт, не смейся, всего-то пару дней прошло, как мы вместе — какая тошнота?

Мэтт вздохнул и мечтательно повторил:

— Было бы здорово.

И вдруг изменился в лице, как будто увидел что-то страшное.

— Что это?

Проследив за его взглядом, Кэрол поняла, что он смотрит на вазу с розой на окне.

— Красивая, правда? — улыбнулась девушка.

— Откуда? — резко спросил Мэтт.

— Джек вчера заходил справиться о моем здоровье...

Сдвинув ее со своих колен, Мэтт встал и подошел к окну. Выдернув розу из вазы, он сломал ее и засунул в мусорное ведро.

— Мэтт, ты что? Ты не понял. Джек подарил мне ее просто так, чтобы настроение поднять, — пробормотала Кэрол обижено.

— И как, поднялось твое настроение?

Девушка растерянно смотрела на него, широко распахнув глаза.

— Ты опять? — чуть слышно шепнула она, потому что голос вдруг куда-то пропал. Он подошел к ней и пронзил злым взглядом.

— Я не хочу, чтобы ты принимала подарки от других мужчин, ни цветы, ни что-либо другое. Тебе ясно? И, тем более, я против того, чтобы к тебе кто-нибудь приходил в мое отсутствие, ни Джек, ни кто-либо другой!

Обойдя ее, он сердито вышел из кухни.

Кэрол ошеломленно прижала кончики пальцев к губам. Похоже, у нее будет очень ревнивый муж. Но он был прав.

Собрав посуду со стола, она поставила ее в раковину и включила кран. Но в этот момент ее обвили сильные руки, заставив вздрогнуть от неожиданности. Странно, она совсем не слышала, как он подошел!

Она хотела обернуться, но он не позволил, прижав ее к раковине, и нежно сжал ладонью ее грудь, целуя в шею. Руки его скользнули ниже и, расстегнув шорты, неторопливо стащили их вниз вместе с трусиками...

Это был самый счастливый день в ее жизни.

В этот день, солнечный и теплый, а именно, 15 мая, она вышла замуж.

Не было прекрасного белого платья и фаты, не было гостей, не было банкета, не было Куртни и Рэя, которые никогда ей этого не простят.

Были только она, Мэтт, и их любовь.

Кэрол была одета в красивое вечернее платье, в котором была изумительно хороша, и знала об этом, потому и выбрала именно его для этого важного момента. Волосы ее свободно струились по плечам и спине, в ушах поблескивали брильянтовые серьги, на шее — колье, на запястье — тонкий браслет. Этот набор украшений ей подарил Рэй в день ее двадцатилетия. Кэрол дышать боялась на эти драгоценности, не то, что бы надеть. Да и случая для этого пока не было. До этого момента.

Мэтт был в роскошном костюме, который ему подарил Жорж, красивый и невообразимо счастливый и довольный.

Они стояли рядом. Тоненькая стройная девушка и высокий, хорошо сложенный мужчина. Несмотря на высокие каблуки, она казалась маленькой и хрупкой рядом с ним, крепким и широкоплечим. Она — голубоглазая и светловолосая, он, наоборот, кареглазый, с черной, как смоль, шевелюрой.

Они взволновано вслушивались в заветные слова, которые негромко и торжественно произносил приятный пожилой мужчина, стоя перед ними.

Они даже не догадывались о том, какую красивую пару собой составляют, как хорошо смотрятся вместе.

Совсем не это имело для них значение.

Голос девушки дрожал, когда она произносила всего одно слово, которое меняло всю ее жизнь — согласна. Мэтт сказал это твердо и уверенно.

Не менее решительно он надел кольцо на тонкий красивый пальчик своей невесты. Но ее пальцы взволновано дрожали, когда она надевала ему кольцо. Сердечко трепетало в груди, и неожиданно екнуло, когда прозвучали слова:

— Объявляю вас мужем и женой!

С улыбкой на лице Мэтт наклонился и поцеловал ее в губы. Кэрол улыбнулась в ответ и вдруг почувствовала острое желание завизжать, что есть сил, от дикого восторга, нахлынувшего на нее.

Они устроили свой маленький праздник, отправившись в хороший ресторан. Обьедались вкусными блюдами, поднимали бокалы и произносили тосты в свою честь, поздравляли друг друга, смеялись и шутили.

Медленно танцевали под красивую музыку, и только тогда обратили внимания на то, что на них смотрят с восхищением и даже некоторой завистью. Это их позабавило. Их любовь и счастье так бросались в глаза, что для окружающих было очевидно, что они только что поженились. А золотые новенькие кольца, поблескивающие на руках, развеивали все сомнения.

Кэрол не могла не заметить, как смотрят на Мэтта женщины. Слишком часто, слишком

пристально, слишком заинтересовано. Но сейчас это ее только порадовало и наполнило гордостью. Да, он выделялся, привлекал внимание и нравился женщинам. Пусть они смотрят и завидуют, потому что он принадлежит ей, он ее муж. Она не боялась, потому что поняла, насколько сильно он ее любит по тому, сколько счастья было сейчас в его глазах. Он не замечал не только взглядов женщин, но и их самих. Он не видел перед собой никого, кроме нее. И никто больше ему не был нужен, только она одна.

Они вернулись в квартиру Кэрол поздно, пьяные и веселые. Включили музыку, наплевав на соседей, открыли шампанское, разбив нечаянно пробкой люстру и придя от этого в неопикуемый восторг. Не разуваясь, они танцевали прямо на осколках под быструю ритмичную музыку, грохочущую на весь дом, обливались шампанским, громко хохоча и крича от восторга.

Их неистовство было жестоко прервано появлением полицейского.

Соседи не выдержали, наябедничали! Неужели они не понимают, что они счастливы, просто хотят немного повеселиться? Разве они этого не заслужили? Заслужили, еще как заслужили!

— У нас свадьба! Мы сегодня поженились! — улыбаясь во весь рот, объясняла Кэрол сердитому стражу порядка — молодому мужчине с лукавыми игривыми глазами. Он пытался сохранить строгий вид, но его глаза улыбались, смотря на красивую, опьяненную счастьем и шампанским девушку в роскошном мокром платье, на не менее мокрого, пьяного и счастливо мужчину рядом с ней.

— Заходите! Выпейте за нас! За нас еще никто не пил, никто не поздравлял, мы сами себе желаем счастья, потому что только вдвоем в этот самый прекрасный день в нашей жизни! Так уж получилось! — говорила Кэрол заплетающимся языком. — Проходите, ну же!

— Я бы с удовольствием выпил за вас, но я на работе — нельзя.

— У-у-у! — расстроилась девушка. — Какая жалость!

— Я понимаю, что у вас важное событие, но музыку придется все-таки сделать потише. Уже глубокая ночь, а вы так шумите. Думаю, вы сможете найти для себя занятие поинтереснее и не такое шумное, — полицейский лукаво улыбнулся.

Молодожены одновременно озадачились красивыми задорными улыбками, поняв намек.

— Время веселья вышло, используйте свою брачную ночь прямо по назначению, и не мешайте соседям спать!

Искренне пожелав им счастья, добрый и понимающий полицейский удалился. Мэтт прикрутил музыку и поменял репертуар на более спокойный и мелодичный.

Разбросав одежду по всей квартире, они побежали в душ смыть сладкое и липкое шампанское. Намыливая друг друга, они немного успокоились. Неумное веселье сменилось нежной страстью, счастливый смех — горячими поцелуями, восторженные вопли — томными вздохами и стонами удовольствия.

Мэтт отнес выкупанную обнаженную жену, дрожащую от желания в его объятиях, в спальню и заботливо посадил на постель. Она схватила его за шею и с силой притянула к себе, заставив упасть на нее. Почувствовав прижатое к ней горячее обнаженное тело, она застонала под ним и ответила на его страстные ласки и жаркие поцелуи.

Вряд ли соседям удастся сегодня поспать.

Утром их разбудил звонок в дверь. Набросив на голое тело красивый пеньюар, Кэрол сонно поплелась к двери, гадая, кого это принесло в такую рань. Мельком взглянув на

настенные часы, она равнодушно отметила про себя, что уже полдень. Если еще хочется спать — значит рань! После брачной ночи и она, и Мэтт, а так же и соседи, имеют полное право отоспаться!

Не взглянув в глазок, она медленно открыла дверь, потирая слипающиеся глаза. Перед ней стоял Рэй.

— Ты что, до сих пор дрыхнешь? Опять заболела, что ли?

— Нет, — буркнула Кэрол недовольно. — Со мной все в порядке. Спасибо за беспокойство. Пока, Рэй!

Она собралась закрыть дверь, но он придержал ее, состроив возмущенную гримасу.

— Как это — пока? Я приехал к тебе в гости и, вообще-то, хотел бы войти.

— Ты слишком балуешь меня своим вниманием. Ты пробыл у меня позавчера весь день. Может, совсем уже переберешься, что бегать туда-сюда?

— Да хоть сейчас. И на развод сразу же подам — ты только скажи!

— Рэй, не паясничай. Не обижайся, но я правда хочу спать.

— Ночи не хватило, что ли? Ты на часы смотрела?

— Сколько хочу, столько и сплю! Спросить забыла!

— Ты мне не темни! Давай, выкладывай, чем это ты ночью занималась, что весь день спать собралась? Ипусти меня, в конце концов! — он оттолкнул ее и вошел в прихожую.

— Рэй, не хами, я рассержусь! Выйди, ты не имеешь никакого права сюда врываться!

— А почему ты говоришь шепотом? — Рэй подозрительно прищурил глаза и тут же изумленно их распахнул, увидев валявшийся неподалеку на полу бюстгальтер, одну туфлю на высокой тонкой шпильке и пустую бутылку из-под шампанского.

— Ни хрена себе, картинка! Что-то у тебя здесь немного не прибрано, деточка! С каких это пор ты разбрасываешь нижнее белье по квартире, а? Ты что, бурную вечеринку с сексуальными оргиями устраивала? Почему меня не позвала? Я всегда тебя приглашал!

Схватив его за плечи, Кэрол пыталась выпроводить его за дверь.

— Рэй, пожалуйста, уходи!

— А-а, все ясно! Здесь твой ненаглядный Джек, потому ты меня и выгоняешь. Обижаешь меня из-за этого дрянного адвокатишки? Хорошо, я уйду, но знай, ты ранила меня прямо в сердце, и я никогда тебе этого не прощу!

Рэй замолчал, забыв закрыть рот, сраженный тем, что увидел за ее спиной. Кэрол обернулась. Ленивой походкой к ним подошел Мэтт, босиком и в одних брюках.

— Что происходит, котенок? — поинтересовался он у девушки, испепеляя Рэя пронзительным взглядом. — Кто это?

Рэй потерял дар речи, смотря на него. Мгновенье они разглядывали друг друга одинаковыми возмущенно-удивленными взглядами.

— Кэрол, кто это? — ошеломленно спросил Рэй.

Тяжело вздохнув, Кэрол перевела дыхание и постаралась улыбнуться.

— Это Мэтт.

— Мэтт?!

Проигнорировав нелепый возглас Рэя, она продолжила, взглянув на Мэтта:

— Мэтт, это Рэй. Познакомьтесь.

— Ах, Рэй! — Мэтт немного расслабился. — Привет, Рэй. Я о тебе много наслышан.

Рэй растерянно пожал протянутую ему руку и снова посмотрел на Кэрол.

— Объясни мне, пожалуйста, что здесь происходит? — голос его задрожал от ярости. —

Что здесь делает этот... мужчина? — он еле сдержался, чтобы не выругаться. — Ты что, спятила?

— Рэй, успокойся. Я взрослая девушка и...

— Взрослая? Ты взрослая дура — вот ты кто!

— Эй, ты, подбирай выражения! — Мэтт негодуяще выпрямился.

Рэй яростно раздул ноздри.

— Что?! А ты не вмешивайся, я не с тобой разговариваю! Собирай свои шмотки и проваливай, пока я сам тебя отсюда не вышвырнул!

— Рэй, как ты смеешь? — Кэрол задохнулась от негодования.

— Смею! С каких это пор ты стала трахаться с первыми встречными? То на пушечный выстрел к себе никого не подпускала, а тут вдруг такое! — он махнул рукой в сторону разбросанных по полу вещей. — Крышу, что ли, сорвало? Так я быстро ее на место поставлю!

Он повернулся к Мэтту.

— Что ты стоишь? Я что-то не ясно сказал?

— Ясно. Иди к себе домой и там распорядись. Я не к тебе пришел, и не тебе меня выгонять, — спокойно ответил Мэтт.

Рэй окинул взглядом его фигуру, прикидывая, сможет ли он выставить за дверь этого наглеца. Усомнившись в этом, он переключил свое внимание на девушку.

Кэрол подошла к Мэтту, став перед ним, чтобы предотвратить возможную стычку с неуправляемым Рэем, в которого словно опять бес вселился. Мэтт положил ладони ей на плечи и слегка сжал, успокаивая дрожащую от возмущения девушку.

— Рэй, я все тебе объясню, только, пожалуйста, успокойся.

— А что ты мне собралась объяснять? Думаешь, мне что-то не ясно? Подцепила этого выродка где-то, притащила домой. Что непонятного?

— Я люблю этого мужчину, Рэй. И знакома я с ним давно.

— Да? Тогда ты, наверное, знаешь, что он женат? Посмотри, какое милое колечко у него на пальчике. Тебя это совсем не смущает?

— Представь себе, не смущает. Да, он женат. На мне.

— Ха-ха-ха, очень смешно! Перестань, Кэрол, я серьезно с тобой разговариваю. Объясни мне, зачем ты его сюда притащила? Ты что, с Джеком поссорилась и решила таким образом отомстить ему?

Руки у Кэрол задрожали.

— Рэй, я повторяю, я люблю этого мужчину. Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? — сказала она, не став заострять внимание на вопросе о Джеке.

— А как же Джек? Разве вы больше не встречаетесь? Неужели ваша великая любовь наконец-то, закончилась?

Кэрол вздрогнула, почувствовав, как пальцы Мэтта сжались, больно впившись в ее плечи.

— Рэй, я знаю, что ты очень обидишься, но мы тебя обманывали. Мы с Джеком никогда не встречались. Джек работал на меня, понимаешь? Я наняла его, как адвоката. Я не готова была еще рассказать тебе о своих проблемах, а ты все время пытал меня вопросами, вот мы и сочинили, что у нас роман, чтобы прикрыть под ним правду. Так что, между нами ничего никогда не было. Можешь у Джека спросить, он подтвердит.

— А что мне спрашивать? Дурака-то из меня не делай, ладно? Не встречались они!

Просто трахались, что ли? То ты у него ночуешь, то он у тебя! Это ты перед этим чучелом выгораживаешься, что ли? Извини, конечно, что я тебе вот так все испортил, но я не раскаиваюсь. Лишь бы избавить тебя от этого женатого лицемера, пока он тебе окончательно мозги не запудрил. Уж лучше встречайся со своим Джеком, я к нему уже как-то привык.

Рэй насмешливо посмотрел в глаза Мэтта.

— Вот так-то, плейбой, надула она тебя. Парень у нее есть, и такой парень, который сотрет тебя в порошок, если узнает, что ты был здесь. Так что уноси отсюда ноги, пока он тебя здесь не застал.

Кэрол с трудом держалась, чтобы не расплакаться. Подойдя к Рэю, она сунула ему под самый нос руку, демонстрируя обручальное кольцо.

— Ты знаешь, что это, Рэй?

— Ну, кольцо.

— Да, Рэй, кольцо! Обручальное! Такое же, как у него, — она указала на Мэтта. — А это — мой муж. Познакомься!

Подхватив с полочки маленькую сумочку, она трясущимися руками достала свидетельство о браке и вручила Рэю.

— Вот, взгляни, если до сих пор не поверил.

Рэй опустил глаза на документ и побледнел.

— Так это что, правда? — растерянно он посмотрел на Мэтта.

Тот мрачно кивнул.

— Вчера расписались, — сам себе сказал Рэй, не в силах в это поверить и откинулся на стену, задрвав вверх лицо. — Вот теперь я точно ничего не понимаю! Откуда он взялся, этот Мэтт? С неба свалился, что ли, и прямо к тебе в мужья?

— Не с неба, не угадал. Я был в немного другом месте, в тюрьме, — холодно объяснил Мэтт. — А Джек и Кэрол меня оттуда вызволили.

Свидетельство вдруг выскользнула из рук Рэя, а бледное лицо посерело.

— Я узнал тебя! Вот почему мне показалось знакомым твое лицо! Ты тот самый маньяк — педофил, которого Джек так старался вытащить на свободу! Я видел в «новостях»!

— Рэй, Мэтт был осужден по ошибке. Джек нашел настоящего убийцу, поэтому Мэтт сейчас на свободе.

Рэй устремил на нее обезумевшие глаза.

— Девочка, неужели ты поверила этому адвокату? Да он же тем и занимается, как убийц на волю выпускает!

— Только не на этот раз. Это я его наняла для того, чтобы он освободил Мэтта. Джек провел расследование, отыскал настоящего убийцу.

— Кэрол, нельзя верить этому человеку, Джек подлый и бессовестный. Сколько раз я тебе об этом говорил? — Рэй указал пальцем на Мэтта. — И ему тоже не верь! Они лгут тебе. Сговорились, и лгут!

— Зачем им мне лгать? Нет, Рэй, ты просто очень многого не знаешь. Я все тебе расскажу, только не сейчас. Потом мы сядем вдвоем и спокойно обо всем поговорим.

— Ты сошла с ума! Ты вышла замуж за маньяка, убийцу, извращенца!

— Рэй, замолчи сейчас же! Не смей так говорить, никогда, слышишь меня? Вот поэтому я и скрывала все от тебя, потому что ты не способен поверить и понять! Я знала, что ты такотреагируешь! А вот Куртни меня поддерживала!

— Поддерживала? Тогда вы обе сошли с ума! Кэрол, умоляю тебя, оставь немедленно этого человека, и поехали со мной домой. Ничего страшного, все ошибаются, для этого и придумали разводы. Тебе не нужно больше никогда встречаться ни с этим Мэттом, ни с Джеком.

— Рэй, это не я, а ты сошел с ума! Джек предупреждал меня, что ты будешь вмешиваться в мою личную жизнь и сживать со света всех, с кем я захочу быть. И он прав! Ты хочешь разрушить мою личную жизнь, не желаешь подпускать ко мне мужчин! Почему, Рэй?

— Потому что ты выбираешь плохих мужчин. И не просто плохих — страшных! Ты просто притягиваешь к себе самых последних подонков! Сначала Джек, теперь этот...

— Джек всегда делал для меня только хорошее и во всем помогал. А Мэтт лучший из мужчин, которых я встречала в своей жизни. Поэтому он теперь мой муж, а Джек — наш друг, и я ему доверяю! А вот кто ты? Забыл, что ты хотел со мной сделать? Если я и притянула к себе подонка, так это тебя!

Рэй покраснел от обиды, но решил проглотить, слишком обеспокоенный происходящим и тем, что натворила эта девчонка.

— Ну, хорошо, Кэрол, малышка, — примирительно сказал он. — Пусть твой Джек решил изменить своим правилам и помочь невиновному. Пусть он, — Рэй кивнул в сторону Мэтта, — и правда не совершал всех этих страшных преступлений. Но, девочка, если он не убийца детей, это еще не повод выходить за него замуж! Ты посмотри на него! Он же в отцы тебе годится! Тебе что, мало молодых парней? Зачем он тебе нужен?

— Рэй, заткнись!

— Он столько лет провел за решеткой, даже если он невиновен, он пропитался тюрьмой и ее законами до мозга костей! Со своей репутацией он никогда не найдет хорошую работу, ты будешь жить в нищете и со всех сторон слышать о том, что твой муж — маньяк. Это пятно, которое не сотрется даже временем, ты это понимаешь? Он потащит тебя за собой в пропасть и грязь!

— Замолчи! Убирайся отсюда!

— Он хоть в постели еще что-то может? Я очень удивлюсь, если да! Разве его не кастрировали в тюрьме за то, что он сделал с маленькими девочками? Сколько он сидел? Восемь лет, больше? Ты хоть понимаешь, что его там все восемь лет трахали всей зоной во все дырки, а? Тебе не противно? Я бы к нему даже не прикоснулся!

Рэй с омерзением вытер руку, которую подавал Мэтту, о штаны, всем своим видом показывая, что если бы знал раньше, что собой представляет этот человек, ни за что бы не позволил ему к себе прикоснуться.

В глазах у Кэрол потемнело, и ей показалось, что она лишается сознания. Поэтому она не сразу поняла, что произошло дальше.

Мэтт одним широким шагом приблизился к Рэю и, стиснув одной рукой его горло, приподнял над полом и вжал в стену, словно это был не высокий крепкий мужчина, а легкая тряпичная кукла. Рэй на мгновение опешил, поразившись такой силе, но этого мгновения было достаточно для того, чтобы упустить шанс дать отпор, потому что стальные пальцы почти лишили его сознания, с беспощадной силой сдавив горло. Рэй посинел и обмяк, вися над полом, пригвожденный к стене.

— Мэтт, отпусти его! — пришла в себя Кэрол и, подскочив к ним, вцепилась в руку Мэтта, пытаясь оторвать от горла Рэя. — Мэтт!!!

Она истошно закричала, безумно испугавшись того выражения, которое увидела на лице своего мужа.

Ничего более страшного она никогда не видела в жизни!

Ее вопль отвлек Мэтта и, бросив на девушку косой взгляд, он разжал пальцы. Рэй рухнул на пол, задыхаясь и судорожно лоя ртом воздух. Улыбнувшись, Мэтт наклонился и поднял его, схватив за грудки.

— И откуда ж ты набрался таких познаний о тюремной жизни — из дешевых фильмов? Хочешь, я тебя просвещу, как закоренелый зэк, пропитавшийся тюрьмой и ее законами «до мозга костей»?

Он резко развернул Рэя лицом к стене и, схватив за шиворот, заставил наклониться вперед. Другой рукой схватил его за пояс и грубым сильным движением рванул на нем джинсы. Рэй вскрикнул и забился в его руках, пытаясь вырваться. Спустив ему штаны вместе с трусами, Мэтт заломил его руки за спину и, без особых усилий удерживая сопротивляющегося Рэя одной рукой, другой расстегнул себе штаны. Рэй вдруг позеленел от ужаса и, осознав, что не может вырваться, закричал.

— Кэрол, что ты стоишь! Убери от меня своего чокнутого муженька!

Но девушка не могла пошевелиться, смотря на Мэтта широко раскрытыми глазами.

— Мэтт, что ты делаешь? — прохрипела она сдавленным голосом.

— Твой муж хочет тебе изменить, со мной, разве не видишь? — завопил Рэй в отчаянии. — Не стой, ради Бога! Убери его от меня!!!

Он вдруг застонал, осознав, как нелепо звучат его слова «убери его от меня», обращенные к хрупкой девушке. Если он, сильный спортивный мужчина, не может справиться с этим выродком, то что может сделать она? Рэй зажмурился, стиснув зубы, дрожа от отвращения и ужаса, в ожидании страшного момента.

Мэтт громко рассмеялся и неожиданно отпустил его. Рэй отскочил от него, как ошпаренный и, подхватив штаны, поспешно натянул на крепкие стройные бедра. Увидев бледную дрожащую девушку с ужасом в красивых больших глазах, Мэтт хмыкнул и застегнул штаны.

— Не падай в обморок, котеночек, я просто хотел его проучить и немного попугал!

Кэрол сжалась, все еще не в силах прийти в себя. Ничего себе — попугал! И это — мягкий, безобидный и безответный Мэтт?

— Я не буду спрашивать, что ты там хотел сделать с Кэрол, потому что, боюсь, если я это узнаю, ты не выйдешь отсюда живым, — обратился он к Рэю. — Насколько я знаю, ты ей не отец, так что нечего ошиваться возле моей жены, тебе ясно? И здесь чтобы я тебя больше не видел!

— Да кто ты такой... — задыхаясь от ярости, прошипел Рэй.

— Я — ее муж. А вот ты ей никто. Так что подбирай свои штаны и проваливай!

Рэй повернулся к Кэрол, но она угрюмо молчала, сердито поджав губы.

— Мне жаль тебя, девочка, — тихо сказал он. — Поступай, как знаешь. В чьи руки ты себя отдала — сама не понимаешь.

Покосившись на Мэтта, он вышел и зло хлопнул дверью.

Мэтт устремил на девушку тяжелый взгляд, медленно подошел и вдруг вlepил звонкую пощечину.

Вскрикнув, Кэрол ошеломленно уставилась на него широко раскрытыми глазами.

Он прошел мимо и скрылся в спальне.

Из горла Кэрол вырвались рыдания и, чтобы сдержать их, она зажала рот ладонью. Опустившись на пол, она сжалась в комочек и, закрыв лицо руками, горько расплакалась.

Немного успокоившись и взяв себя в руки, она поднялась и на трясущихся ногах зашла в спальню.

Мэтт сидел на полу, подперев спиной шкаф и уныло обхватив голову руками.

— Мэтт, не верь ему, — дрожащим голосом взмолилась Кэрол, не решаясь подойти. — Я клянусь тебе, между мной и Джеком никогда ничего не было! Единственная наша вина в том, что мы позволили Рэю так думать. Но он бы со свету меня сжил, если бы узнал, что нас связывало на самом деле. Ты же видишь, как он реагирует на тебя и на то, что мы освободили тебя из тюрьмы. Он нам не верит, не верит в твою невинность! Но это он сгоряча. Со временем он поймет, что был не прав. Он неплохой человек, Мэтт.

Мэтт молчал, не двигаясь. Кэрол подошла к нему и, присев, нерешительно положила ладони на его руки.

— Мэтт, — простонала она и убрала его руки, заглядывая ему в лицо.

Он отвернулся. Девушка ахнула, увидев слезы на его щеках.

— Мэтт, ты что, плачешь? Умоляю тебя, не молчи, скажи хоть что-нибудь! Ты мне не веришь, да?

Уронив голову ему на колени, Кэрол расплакалась.

— Я люблю тебя! Я так давно люблю тебя, целую жизнь, целую вечность! Мне никто и никогда не был нужен, кроме тебя!

— Правда? Но ведь у тебя же кто-то был до меня, — чуть слышно проговорил Мэтт. — Это Джек?

— Нет, Мэтт, у меня никогда никого не было, я даже ни с кем не встречалась!

— Надо же, как нагло ты умеешь врать! — горько усмехнулся он. — А невинности ты сама себя лишила?

Плечи девушки сжались, и мгновение она молчала, продолжая прижиматься к его коленям.

— Мне было почти четырнадцать, когда мама продала меня одному из посетителей. Я вскрыла себе вены, и она побоялась делать это опять. У нас жила сестра Рэя, Пэгги, она ему позвонила, он приехал и забрал меня. Я не могла тебе об этом рассказать. Но вот теперь ты знаешь, что женат на дешевой шлюхе, которую купили за сто баксов.

Его ладонь легла ей на затылок и нежно погладила по кудрявым волосам. Наклонившись, он прижался губами к ее голове.

— Давай уедем, котенок, далеко-далеко, уедем прямо сейчас.

— Как уедем?

— Очень просто. Я не могу здесь оставаться. Сама видишь, меня все ненавидят, меня здесь со света сживут. Я не хочу постоянно слышать о том, что я маньяк и убийца. Я не выдержу. Ты даже представить не можешь, каково это. Твоя семья меня не примет. Если я тебе нужен, если ты любишь меня так, как говоришь, поехали со мной. Поверь мне, это наш единственный шанс быть вместе.

— Но почему, Мэтт? Что нам может помешать? Что способно нас разлучить, если мы сами этого не хотим?

— Джек, например.

— Джек?

— Ты веришь ему, котенок, и даже не знаешь, что он заставляет меня от тебя

отказаться, хочет нас разлучить. После выписки из больницы я должен немедленно улететь туда, куда он скажет, и никогда не возвращаться. А если я этого не сделаю, он грозился навсегда запереть меня в сумасшедший дом, а тебе сказать, что я на самом деле больной психопат и убил этих маленьких девочек. Он даже доказательства уже подготовил — первоклассные подделки диктофонных и видеозаписей, где я якобы признаюсь в убийствах. Когда ты уехала к нему на встречу, он примчался к нам и начал угрожать мне этими кассетами. Мама поэтому и умерла, посмотрела кассету, и сердце не выдержало. И я, и ты, мы оба знаем, что Джек сильнее нас, и он вполне способен меня уничтожить, отправить в психушку или натравить на меня своих дружков — бандитов, чтобы они меня прикончили. Он серьезно настроен, Кэрол. И я его боюсь. Ты знаешь, что он со мной сделает, когда узнает, что я на тебе женился? Ты доверяешь ему. А мне ты веришь? Кому ты поверишь сейчас — мне или ему, когда он начнет тебе доказывать, что я убийца?

— Мы с ним спорили по поводу твоей невиновности с самого начала, но он не смог меня переубедить. Как я могу поверить в то, что ты — больной психопат, когда вижу перед собой вполне нормального и адекватного человека? Я верю тебе, Мэтт. Но я не понимаю, зачем ему это нужно? Он же столько усилий приложил, чтобы вызволить тебя из тюрьмы — не для того же чтобы запереть в дурдом или убить! В этом нет никакого смысла.

— Смысл есть, котенок, еще какой! Он все продумал, решил за нас наши судьбы. Он освободил меня, но он не собирался позволить нам быть вместе.

— Почему?

— Потому что он влюблен в тебя. Что ты на меня так смотришь? Не делай вид, что ты этого не знала, я ни за что не поверю.

— Мэтт, этого не может быть, — неуверенно возразила Кэрол.

— Но это же так очевидно! У него же все на лице написано, разве ты не заметила? Он спит и видит, как затащить тебя в постель... или тебя туда вернуть.

— Мэтт, я никогда не была с ним в постели! Ну, поверь же ты мне!

— Это же надо быть таким хитрым и коварным мерзавцем! Спрашиваешь, какой смысл? Я объясню. Освободив меня, прежде всего он помог тебе, сделал великое одолжение, и ты благодарна ему теперь по гроб жизни. Он заставил тебя им восхищаться, доверять, поверить в то, какой он умный, сильный и всемогущий. Ты же преклоняешься перед ним, разве нет? Этого он и добивался! На втором месте — карьера. Ты заметила, какой поразительный успех ему принесло мое дело? Он стал героем не только в твоих глазах, но и в глазах народа, прессы! Улавливаешь теперь смысл? А, выпустив меня на свободу, он планировал по-тихому от меня избавиться. Взять за горло и зашвырнуть на другой край земли. Он знал, что мне некуда деться, что я у него на крючке. Уничтожить меня ему ничего не стоит, если у него хватило сил достать меня со дна, то тем более у него их хватит на то, чтобы столкнуть меня обратно, да еще и закопать поглубже, чтобы уже не вылез. Это он доказал мою невиновность, одно его слово, и весь мир опять будет считать меня маньяком. И я больше, чем уверен, что и из этой ситуации он вывернется, да так, что его карьера не пострадает. Придумает что-нибудь, чтобы не потерять свою славу героя. Но это в крайнем случае он будет губить меня принародно. Он избавится от меня так, чтобы об этом никто не узнал, и не важно, где он меня погребет — в психушке, или в земле, он сделает все, чтобы это осталось его маленькой тайной. Страшно подумать, сколько у него может быть таких вот «маленьких тайн». В тюрьме он приставил ко мне в охрану мафию. Ты представляешь, что это за человек? Когда он узнает, что я сбежал из больницы и нахожусь у тебя — мне конец,

девочка моя.

Взяв ее личико в свои ладони, он пристально посмотрел ей в глаза отчаянным страдальческим взглядом.

— Я не отдам ему тебя, ни за что. Этот засранец просчитался, и знаешь, в чем он допустил ошибку, на чем споткнулся? На нашей любви! Он не ожидал, что у нас с тобой все так быстро получится, что мы будем двигаться с такой скоростью. Мы за пару дней сделали то, на что иным людям требуются месяцы, если не годы — мы стали любовниками, потом женихом и невестой, а теперь мужем и женой. А он был уверен в том, что избавится от меня прежде, чем ты ляжешь со мной в постель, не говоря уже обо всем остальном! Выходит, и в тебе он ошибся. Не ожидал, что ты сразу же прыгнешь со мной в постель. Вот, наверное, теперь бесится! — Мэтт улыбнулся, не пытаясь скрыть своего удовольствия.

— Бесится? — в полном замешательстве переспросила Кэрол. — Я ничего такого не заметила.

— Да ты вообще ничего не замечаешь, или просто делаешь вид! Что ты сидишь такая вся шокированная, а? Ты не веришь в то, что я тебе говорю?

— Мэтт, как я должна себя вести? Все перевернулось с ног на голову! — она прижала ладони к вискам, словно ее мучила головная боль. — Что же получается? Я считала Джека нашим другом, а он оказался врагом? Я думала, что он подарил нам возможность быть вместе, а ты говоришь, что он нас разлучает!

— Да, ты все правильно поняла, я рад.

— Мэтт, может, ты все же ошибаешься? Может, ты что-то не правильно понял?

— Ошибаюсь? Что ж, можешь проверить. Позвони ему и скажи, что я здесь. И ты меня больше не увидишь. Зато убедишься в том, что я сказал правду. А еще мы можем поступить по-другому — просто подождать, когда он сам узнает, что я воспротивился ему и нахожусь рядом с тобой. Думаю, нам недолго придется ждать. Удивительно, что он до сих пор не знает, что я сбежал из больницы, а то он бы в первую очередь сюда примчался.

Он не отрывал взгляд от девушки, словно старался прочесть ее мысли.

— Решай, слово за тобой. Я отдаю полностью в твои руки наше будущее, мою судьбу, мою жизнь. Без тебя я не уеду. Или мы уезжаем вместе, или остаемся здесь и ждем, когда придет Джек и уничтожит нашу любовь и меня. Времени мало, котенок, если мы хотим спасти нашу любовь, действовать нужно немедленно, иначе может быть поздно.

В этот момент резко зазвонил телефон.

— О! — почти весело воскликнул Мэтт. — Спорим на мою жизнь, что это Джек! Сейчас он спросит, с тобой ли я. Если ты скажешь «да», он примчится сюда через минуту, а если «нет», велит запереться дома и ни в коем случае не открывать мне двери, и сразу же сообщить ему, что я здесь!

Кэрол сняла трубку и взволновано прижала к уху.

— Алло!

— Кэрол, Мэтт у тебя?

Трубка дернулась в ее руке и едва не упала на пол. Мэтт беззвучно рассмеялся, улегся на пол, сложил руки на груди и закрыл глаза, изображая покойника.

— Нет. А что, его уже выписали? — удивилась Кэрол.

— Послушай меня, Кэрол. Ты ни в коем случае не должна впускать его в квартиру. На улицу не выходи.

— Не поняла?

— Я что, так не понятно выражаюсь? — голос Джека был резким и раздраженным. — Сиди дома и не высывайся! Если твой ненаглядный к тебе заявится, дверь ему не открывай, и сразу позвони мне. Теперь поняла?

— Но почему? Джек, что случилось?

— Пока ничего не случилось, и не случится, если ты будешь делать то, что я тебе сказал.

— Но почему я не должна открывать дверь Мэтту? Какая муха тебя укусила? Джек, ты что, с ума сошел?

— Нет, не я, а твой любимый!

— Джек, не надо так о нем говорить...

— Кэрол, прошу тебя, закрой свой хорошенький ротик и хоть раз в жизни сделай то, что тебе велят! Ты выбрала себе не того мужчину, а я теперь должен решать твои проблемы и спасать тебя от этого ненормального! Вы мне оба уже поперек горла, вы и ваша придурковатая любовь! Какого хрена ты в него так вцепилась — не оторвешь! Впустишь его — жизнью заплатишься, слышишь меня? Я не шучу, Кэрол!

— Ты мне угрожаешь? — поразились Кэрол.

— Я не угрожаю, я тебя предупреждаю! Мэтт больной, он очень опасен! Он убьет тебя! Верь мне, Кэрол! А ему не верь, чтобы он тебе не говорил! Я докажу тебе, только не сейчас, сначала мне нужно его найти, пока он до тебя не добрался!

— Джек, я ничего не понимаю, но я сделаю так, как ты говоришь. И я надеюсь, что ты мне все объяснишь!

— Молодец, умница ты моя!

— А что ты собираешься делать, когда найдешь Мэтта?

— И ты еще спрашиваешь? Отправлю туда, где ему самое место — в дурдом! А теперь извини, солнышко, мне некогда. Мне нужно найти этого придурка. Я пришлю к твоему дому охрану. Они будут через час, не бойся. Пока! — в трубке раздался звонкий поцелуй.

— Пока, — Кэрол в смятении посмотрела на трубку и положила на рычаги.

Мэтт встал на колени и, подняв руки вверх и растопырив пальцы, двинулся на нее.

— У-у-у, берегись, я страшный маньяк, я пришел сюда, чтобы тебя убить! А перед тем, как убивать, я женюсь на своих жертвах! Ну как, страшно? — опустив руки, он замер в ожидании оценки своего актерского мастерства.

Кэрол молчала и только ошеломленно хлопала длинными ресницами.

— Где же Джек? О боже, где же он?! Тебя нужно немедленно спасать! Зачем же ты ему солгала? Теперь ты умрешь! Как мне тебя убить? Задушить, зарезать? О, я придумал! Я буду любить тебя до смерти! Я замучаю тебя оргазмами! Вот такой я страшный маньяк!

Схватив девушку, он со смехом повалил ее на пол и стал осыпать нежными поцелуями.

— Он хочет отправить тебя в дурдом, — прошептала Кэрол, отворачиваясь от поцелуев и пытаясь подняться — ей сейчас было не до шуток.

— Ну, а я тебе что говорил?

— Он назвал нашу любовь придурковатой! — возмутилась она.

— У него все придурковатые, один он такой умный!

— И что мы у него поперек горла! И что я так в тебя вцепилась, что не оторвешь! Выходит, он хочет оторвать, а я ему не даю это сделать?

— Мы оба не даем ему это сделать, потому мы и застряли у него поперек горла! — подтвердил Мэтт весело. — И его это невероятно бесит! Он злится на нас обоих! Ты заметила, как упрямо он не хотел оставлять нас наедине? Никогда не выйдет, как в

больнице, например, стоит и пялится.

— Да, это я заметила. Я очень злилась на него за это.

— Видела бы ты, как его коробило, когда я тебя целовал! Так кипятился, что я ждал, что вот-вот из него дым повалит! — хохотал Мэтт. — А когда наткнулся на запертую дверь палаты, наверное, вообще чуть не умер, бедняжка! Такими злющими глазами на меня смотрел — мне даже жалко его стало.

— Мэтт, хватит! Чего ты веселишься, я не понимаю! По-моему, совсем не смешно! Что делать-то?

— Выбирать. Я или он.

— А кто мой муж — ты или он? — негодуяще воскликнула Кэрол.

— Думаю, что совсем скоро мужа у тебя не будет.

— Не говори так, меня очень пугают эти слова.

— О-о-о, меня они пугают еще больше. Муж-то я. Ну, что ты решила, моя королева? Казнить или миловать будешь своего муженька?

— Мэтт, прошу тебя, хватит! Мне плакать хочется, а ты издеваешься!

Он перестал улыбаться и посмотрел на нее серьезными грустными глазами.

— А как мне плакать хочется — ты себе даже не представляешь. Кэрол, поехали, время не ждет. Решайся, я все равно увезу тебя, согласишься ты или нет. Ты моя жена, и ты должна быть со мной! В горе и радости, помнишь? — он погладил ее по щеке, и глаза его наполнились слезами. — Пока смерть не разлучит нас.

Кэрол вздохнула и прижалась к его груди.

Через полчаса они остановили попутную машину в двух кварталах от дома, в котором располагалась квартира Кэрол. Загрузив в багажник большой чемодан, Мэтт сел на заднее сиденье рядом с девушкой и обнял ее за плечи.

— Отвезите нас, пожалуйста, туда, где мы могли бы взять напрокат машину, — с улыбкой попросил он водителя.

— Без проблем! — отозвался тот, улыбнувшись в ответ.

Наклонившись, Мэтт погладил ушко Кэрол губами.

— Он допустил еще одну ошибку. Хочешь знать, какую? — шепнул он.

— Какую?

— Он недооценил меня. И я его перехитрил.

Они ехали уже трое суток, останавливаясь только затем, чтобы заправить бак, купить еду и сходить в туалет. Поочередно вели машину, и пока один сидел за рулем, другой отсыпался на заднем сидении. Мэтт держался довольно бодро, стремясь как можно скорее и дальше уехать от ненавистных ему мест, Кэрол была обессилена.

Она спала на заднем сидении, и уже не в состоянии была вести машину. Видя, как она измучена, Мэтт не заставлял ее больше садиться за руль.

Он гнал машину вперед, не обращая внимания на тупую боль в онемевшей спине, на уставшие руки, держащие руль уже восемнадцать часов подряд, на слезившиеся от напряжения глаза и пронзающую его мозг нестерпимую боль.

Понимая, что нужно отдохнуть, что, управляя машиной в таком состоянии, он рискует их жизнями, Мэтт, в конце концов, сдался и, свернув с основного шоссе, поехал дальше по дорожному указателю, который обещал довести до мотеля. Вскоре он разглядел в темноте огоньки и с облегчением вздохнул. Боже, как же хотелось ополоснуться под душем, нормально поесть и растянуться во весь рост на мягкой постели.

Остановившись перед небольшим двухэтажным домом, на котором неоновым светом горела вывеска «Мотель», Мэтт заглушил мотор и обернулся назад. Протянув руку, он слегка встряхнул Кэрол за плечо.

— Котеночек, просыпайся! Приехали.

— Приехали? Куда? — девушка привстала, с трудом подняв отяжелевшие веки, и сонно посмотрела в окно.

Разглядев вывеску, она улыбнулась.

— Слава Богу! Я думала, я так и умру здесь, на заднем сидении. Спасибо, что, наконец-то, сжалился надо мной.

— Не обижайся, котеночек. Ты же понимаешь, что чем дальше и быстрее мы уедем, тем тяжелее ему будет нас отыскать и догнать.

— Думаешь, он будет за нами гоняться? — усомнилась Кэрол, вылезая из машины.

— Я не думаю, я уверен. Не тот человек, этот Джек Рэндэл, чтобы вот так запросто позволил утереть себе нос!

С этим Кэрол не могла не согласиться.

Достав из багажника чемодан, Мэтт свободной рукой сжал кисть девушки и повел за собой к дверям мотеля.

Документов у них никто не спрашивал, поэтому Мэтт смело написал в графе регистрационного журнала вымышленные имена. Дежурный выдал им ключ и вежливо поинтересовался, не желают ли они заказать ужин, который, при желании, может быть подан прямо в номер. Мэтт согласно кивнул и, подхватив чемодан, поднялся вверх по лестнице на второй этаж, где располагались их апартаменты. Кэрол устало поплелась за ним.

Приняв душ, она немного взбодрилась, почувствовав себя значительно лучше. Пока Мэтт купался, она присела возле телефона и набрала домашний номер Куртни. Трубку снял Рэй.

— Привет, это я.

— Кэрол! — закричал он в трубку. — Ты где?

— Я далеко, Рэй. Куртни вернулась?

— Нет еще. Кэрол, немедленно возвращайся домой, ты меня слышишь?

— Нет, Рэй.

— Если вы уехали из-за меня, я готов извиниться перед ним! Черт с ним, буду любить его, как родного, только, умоляю, возвращайтесь!

— Пожалуйста, простите меня, если сможете. Я очень люблю и тебя, и Куртни. У меня все хорошо, не волнуйтесь. Я еще позвоню. Пока.

Она слышала, как он что-то кричит в трубку, но решительно нажала на рычаг. На глаза навернулись слезы. Глубоко вздохнув, Кэрол прилегла на кровать. Разлука с Куртни и Рэем, а также то, как нехорошо она с ними поступила, заставляло ее сердце обливаться кровью. Но если бы она потеряла Мэтта, ее сердце бы разорвалось на кусочки и от него вообще бы ничего не осталось. Она сделала свой выбор, и ни на секунду в нем не усомнилась.

Она вздрогнула, услышав в ванной какой-то странный звук, как будто упало что-то большое и тяжелое.

Вскочив, Кэрол бросилась к двери.

— Мэтт, с тобой все в порядке?

Он не ответил, и тогда она, не колеблясь, открыла дверь.

Он лежал на полу, не подавая никаких признаков жизни. На краю ванны было смазанное пятно крови, а из раны на разбитом лбе Мэтта струйкой сбегала на пол кровь.

— Мэтт! Мэтт, ты жив? — Кэрол прижалась ухом к его груди и, расслышав равномерные удары, облегченно вздохнула. Поднявшись, она открыла кран и, набрав в ладонь воды, плеснула ее в лицо Мэтта. После третьей попытки привести его в чувства, он, наконец-то, приоткрыл глаза. Непонимающим взглядом он посмотрел на склонившуюся над ним девушку.

— Мэтт, что с тобой? Тебе плохо?

— В глазах потемнело, — рассеянно отозвался он.

— Ты ударился головой о край ванны, когда падал. Сильно болит?

— Не знаю...

— Попробуй встать.

Он послушно поднялся на ноги, поддерживаемый девушкой и вышел из ванной. Подведя его в кровати, Кэрол осторожно уложила его на белые простыни.

— Сейчас, подожди минутку, — она бросилась к чемодану и торопливо его раскрыла. Выхватив оттуда маленькую аптечку, она вернулась к Мэтту и присела рядом. Он молчал, смотря куда-то перед собой усталыми покрасневшими глазами, пока Кэрол обрабатывала его рану.

— Ты просто переутомился. Видано ли, почти четверо суток за рулем! Все, я больше не допущу такого, ты слышишь меня? Мы будем на ночь останавливаться в мотелях и отдыхать столько, сколько потребуется.

Он молчал. Отвернувшись на бок, он закрыл глаза.

— Мэтт, тебе плохо? — взволновано спросила Кэрол.

— Голова болит, — прошептал он так тихо, что она с трудом разобрала его слова.

— Выпьешь обезболивающее?

Так и не дождавшись ответа, она наклонилась и посмотрела ему в лицо. Он спал.

Вздохнув, Кэрол поцеловала его жесткие черные волосы, мокрые после душа. Осторожно, боясь его потревожить, она прилегла рядом и, разглядывая красивое измученное лицо, легонько гладила его по голове.

С тех пор, как они уехали, он был сам не свой. Мрачный, молчаливый, задумчивый. И очень грустный.

Он становился все более раздражительным и несдержанным, злился на все и на всех, по поводу и без.

Кэрол объясняла это усталостью и эмоциональным напряжением, не желая признавать настоящую причину его дурного настроения. Она чувствовала, что он так и не поверил в то, что между ней и Джеком ничего не было. Он не поверил ей.

Это приводило ее в отчаяние. Он не задавал больше вопросов, не пытался что-то узнать, даже не спросил о том, правда ли то, что она ночевала у Джека, а он — у нее. Кэрол готова была все объяснить, но сама не решалась вернуться к этой теме. Почему он не спрашивает? Значит ли это, что он уже все для себя решил, и, чтобы она не говорила, он все равно не поверит?

Кэрол хотелось выть от досады. Как, как ему доказать, что она не обманывает его? Будь проклят тот день, когда она пригласила Джека зайти, и он встретился с Рэем, когда она позволила ему подумать, что у нее с Джеком роман! Будь проклята та ночь, когда она согласилась поехать к Джеку и провела ее в его квартире! Будь проклята та ночь, когда Джек остался у нее! Она сама загнала себя в эту ловушку. Будь неладен этот Рэй и его длинный язык!

Ну почему он лезет в ее жизнь? Они с Мэттом были так счастливы, а он пришел и все разрушил! Теперь между ней и Мэттом холодная стена, которой он отгородился от нее, и она не знала, как через нее пробиться. Ведь она ни в чем не виновата, она не сделала ничего плохого. Она не заслужила пощечины, не заслужила недоверия! Она отдала всю душу, так ждала, так боролась, и в результате оказалась предательницей, лицемеркой, обманщицей. Он ударил ее. Она никогда бы не подумала, что он может ее ударить. Он не извинился, значит, все еще считал, что она это заслужила, что поступил правильно. Горькая обида затаилась у нее в душе, хотя она этого и не показывала. Она старалась его понять, оправдать в своих глазах. Было очень больно, что он поверил словам человека, которого видел впервые в жизни, а ей даже не позволил объясниться и сразу поднял на нее руку. Но сейчас она думала только о том, как его убедить, что с Джеком у нее ничего не было. В данный момент это было для нее самым важным.

Ей не нравилось, как он выглядел, но она списывала это на счет усталости. Когда он пришел к ней из больницы, он не походил на того изможденного и нервного человека, которого она оставила в палате, а в день их свадьбы он был таким красивым, и даже, казалось, помолодевшим, что она решила, что все его печали остались позади, он успокоился и пришел в себя от потрясшего его горя. Но теперь он выглядел еще хуже, чем в больнице. Из-за глубоких теней вокруг, глаза казались немного запавшими, а белки с покрасневшими сосудами придавали ему больной вид. Лицо снова как будто осунулось, черты обострились. Усталый больной взгляд, изможденное лицо, и странно смотревшийся на фоне всего этого возбужденный блеск в черных зрачках, как будто внутри он был чем-то очень взбудоражен, а снаружи казался обессиленным и унылым. А еще эти головные боли. Наверное, это из-за них он так измучен и раздражителен. Опять упал в обморок. Так и убится можно. Шутка ли — головой о ванну! Как бы после этого удара его боли не усилились еще больше. Хотя, в

принципе, они же не настоящие, а вымышленные. Это сбивало Кэрол с толку. Как такая боль может быть вымышленной? Как могут быть вымышленными обмороки? Может, врачи чего напутали или не доглядели? Человек так мучается, а они говорят, что с ним все в порядке! Разве такое возможно? Нет, как только они обоснуются где-нибудь — где, они пока еще не решили — она настоит на том, чтобы он прошел повторное обследование.

Принесли ужин. Кэрол не стала будить Мэтта. Он крепко спал, и даже во сне выглядел несчастным и грустным. Поев, она выключила свет и устроилась рядышком на постели. Взяв его крепкую тяжелую руку, она поднесла ее к губам и горячо поцеловала. Потом прижала к сердцу и, удовлетворенно вздохнув, закрыла глаза. Ей ни о чем не хотелось думать. Ни о том, что ждет ее впереди, ни о том, что осталось позади. Ей было хорошо сейчас, рядом с ним, мужчиной ее мечты, а все остальное не имело значения.

Ей снова приснился кошмар. И никогда ей еще не было так страшно во сне, как на этот раз. Случилось что-то ужасное. С ней. На этот раз именно с ней. Настал ее черед. Она это поняла.

Она стояла и не могла пошевелиться, а со всех сторон на нее наступал ненавистный черный туман. Он медленно окутывает ее, с ног до головы, она кожей его ощущает. Впервые она почувствовала его, до этого она его только видела. Холод и озноб. Темно. Трудно дышать. Черная пелена забирается в глаза, ослепляя ее, в нос и рот, и душит. Ее охватывает паника. Она пытается закричать, и не может. Пытается вырваться, но он держит крепко. Словно она попала в большой кокон, как муха, и он держит ее, чтобы отдать на растерзание приближающемуся кровожадному пауку.

Она чувствовала, что к ней приближается что-то ужасное. Она знала, что это. Она уже видела это много раз, только никогда оно ее не трогало. Оно забирало других. А теперь оно приближается к ней. Две светящиеся точки.

Чьи-то страшные глаза. Как она ненавидела и боялась этих глаз, которые мучили и пугали ее всю жизнь.

Она не сразу поняла, что это. Теперь она знала.

Это смерть. Это боль. Страх. Отчаянье. Тьма. То, что она называет черным туманом. А кокон, в который она попала — это могила.

Глаза приблизились и налились кровью. Пусть они ее убьют, но только не забирают с собой туда, откуда пришли. Пусть исчезнет этот удушливый холодный туман, она не хотела в нем оставаться. Она хотела к Эмми. Она мертва, но она в другом месте. Светлом и чистом.

И вдруг она почувствовала, что свободна. Кокон исчез.

А напротив, прямо перед ней застыли кровавые глаза. Они смотрели на нее, не отрываясь, не мигая.

— Беги!

Она вздрогнула, узнав голос Эмми. Ей было очень страшно, хотелось повернуться и бежать. Бежать, что есть сил, чтобы спастись. Но почему-то она стояла на месте и продолжала смотреть в глаза своей смерти.

И, вместо того, чтобы бежать, заплакала. Горько, отчаянно, истерично. Завыла, как воеет собака, почувствовав свою смерть.

Она проснулась в слезах. Вскочив, бросилась в ванную и там, опустившись на холодный пол, разрыдалась. Тело била мелкая дрожь. В груди пульсировала страшная боль, словно ее душу пытались вывернуть наизнанку.

Хотелось корчиться и громко кричать. Это не сон. Это беда.

На пороге появился взъерошенный и перепуганный Мэтт.

— Котеночек! Что случилось?

Подскочив к ней, он упал на колени и схватил ее за плечи.

— Что с тобой? Что-то болит? Кто-то обидел?

Она бросилась ему на шею и обняла со всех сил.

— Мне плохо! Мне никогда не было так плохо! Беда, Мэтт, беда! Я чувствую!

— Какая беда? О чем ты? Домой звонила? Там что-то случилось?

— Нет, не там! Здесь! Она здесь!

Мэтт прижал ее голову к груди и ласково погладил светлые мягкие волосы.

— Все будет хорошо, мой котеночек. Я с тобой. Я никому тебя не дам в обиду. Я убью любого, кто захочет причинить тебе боль. Тебе, наверное, что-то приснилось? Что-то очень страшное, что так тебя напугало?

— Да, — простонала Кэрол жалобно.

— Ну-у, моя маленькая, разве можно так реагировать на сны? Успокойся, это же просто сон. Твое воображение. Все хорошо. Пока я с тобой, тебе нечего и некого бояться, а я с тобой буду всегда. Я смогу тебя защитить.

— Да, ты очень сильный, — протянула девушка с восхищением в голосе.

— Да, — улыбнулся он, — когда я злюсь, я очень сильный. И мой маленький нежный котеночек не должен ничего бояться.

Взяв ее на руки, он с легкостью поднялся и вышел из ванной.

— Ты очень сильный. И очень красивый, — серьезно сказала девушка.

Он засмеялся, ужасно довольный ее восхищением.

— Меня никто никогда не носил на руках, — заметила она. — Я даже не думала, что это так приятно. Ты держишь меня с такой легкостью, что я на самом деле ощущаю себя маленьким котенком.

Опустив ее на постель, он лег рядом и, обняв за талию, притянул к себе. Его теплые губы прижались к ее губам.

— Тебе уже лучше? — лукаво спросила Кэрол.

— Нет. Моя голова раскалывается пополам. Но в твоих силах отвлечь меня от боли. Заодно, и сама успокоишься и выкинешь из головы всякие глупости.

— Не понимаю, о чем ты? — игриво удивилась она.

— Все ты понимаешь, маленькая хитрая негодница! Меня не проведешь!

Он защекотал ее бока, и Кэрол засмеялась, забыв о страшном сне и обо всех своих страхах.

Мэтт прав. Пока он рядом, ей нечего бояться. Он оказался таким сильным и отважным мужчиной, что бояться рядом с ним было бы просто глупо. Если за ней придет смерть, он поставит ее «раком» и спустит штаны...

Утром они заправили машину, и отправились дальше.

Ни отдых, ни «сексотерапия», как он выразился ночью, не заставили его выглядеть хотя бы немного лучше. Он был очень бледен, кожа вокруг глаз, казалось, потемнела еще больше. На лбу красовался пластырь, любовно наложенный на рану заботливыми руками Кэрол. На ее вопросы он отвечал однозначно — все нормально. И опять был не в духе.

Кэрол не трогала его, равнодушно разглядывая однообразный пейзаж за окном. Шел дождь. В груди застряла тупая боль. Между ними снова холодная стена, которая ночью,

вроде бы, исчезла. Так она подумала. Это стало невыносимым.

— Мэтт, что с тобой?

— Я же уже сказал — все нормально.

— Нет, не нормально. Давай поговорим, прошу тебя. Я не могу так больше.

— Давай поговорим. О чем?

— О том, за что, по твоему мнению, ты меня ударил.

— О Джеке, значит. Нет, о нем я не хочу разговаривать, — он помолчал. — У меня только один вопрос.

— Какой?

— Когда он заходил справиться о твоём здоровье, ну, когда ещё розочку подарил, он заходил в спальню?

— Нет. Зачем ему заходить туда? Мы выпили чай на кухне, и он ушел.

— Тогда ещё один вопрос. Зачем ты уткнула меня мордой в полку, точнее, мою фотографию, которая стояла в рамочке в твоей спальне? Надоело любоваться на мою физиономию?

— Как это — мордой в полку? — ничего не поняла Кэрол. — Твоя фотография стоит на месте.

— Нет, она не стоит, она лежит. Что ж, если это сделала не ты, то значит Джек. Только его может до такой степени раздражать мое лицо. Как же он мог опрокинуть мою фотографию, если не был в твоей спальне?

— Мэтт, ну зачем Джеку твоя фотография? Не был он там, не был! — чуть не плача воскликнула Кэрол.

— Но не могла же она сама упасть. Ее кто-то перевернул. Если не ты, то кто?

— Может, это я задела ее, когда пыль протирала, и не заметила.

— Хорошо, понятно.

— Что тебе понятно? — в отчаянии вскричала Кэрол. — Не было у меня с ним ничего, не было! Останови машину, я выйду!

— Что?

— Домой я поеду, вот что! Не веришь — не надо! Тогда нам нет никакого смысла ехать дальше.

— Ты не поедешь домой, — спокойно и твердо сказал он. — Ты поедешь туда, куда я тебя повезу.

— Мэтт, я так тебя ждала, так мечтала о том, как мы будем вместе, я сделала все, чтобы этого добиться! Для чего, ты думаешь, я все это делала? Для того, чтобы спать с Джеком?

— А почему бы нет? Я в тюрьме, и не известно было, выйду ли я оттуда вообще, а он вот, рядом, молодой, симпатичный.

— Как ты можешь? — проскулила Кэрол, и глаза ее заблестели от слез.

Она не могла найти слов, слишком сильно раненная тем, что происходит. Раненная им. Разве не доказала она свою любовь? Что еще нужно, чтобы доказать? Она нашла его, она освободила его, вышла за него замуж — почему он не подумает об этом? Почему слова Рэя разом перечеркнули все, что она сделала ради любви, ради него?

— Я верила в тебя, — тихо сказала она, отвернувшись. — Верила, когда никто тебе не верил. Я пришла к тебе и отдала свое сердце, когда все от тебя отвернулось. Ты сказал — я не виноват, и я поверила, не смотря ни на что! Я думала, что ты ответишь мне тем же доверием. Только теперь я поняла, что если бы со мной случилось что-то подобное, как с

тобой, ты ни за что бы мне не поверил, как я поверила тебе. Сказал бы кто-то — она виновата, и ты даже не стал бы меня спрашивать, так ли это. Ты ударил меня — а за что? За что?! Ни за что. Спасибо, Мэтт. Больше мне нечего тебе сказать.

Она смотрела в окно, и слезы бежали по ее лицу.

— Ты обманываешь меня. Зачем? — грустно спросил он. — Зачем ты так стараешься выглядеть невинным ангелочком в моих глазах? Это так нелепо. Ты хочешь, чтобы я поверил, что ты любишь меня всю жизнь. С шести лет. Что тебя никогда не интересовали другие мужчины, что ты никогда ни с кем не встречалась. Это же полный бред. Да, я готов поверить, что ты запомнила меня тогда, а потом решила отыскать, может из любопытства, может просто так, от нечего делать, может действительно затем, чтобы поблагодарить — но за что? Я же ничего такого особенного не сделал. Ничего, что можно запомнить на всю жизнь и привязаться ко мне до смерти! Это все похоже на плохо выдуманную сказку для детей. Я готов поверить в то, что сейчас что-то действительно для тебя значу, потому что ты меня спасла в полном смысле этого слова, я вижу, что ты меня любишь, что ты готова ради меня на все. Но будь со мной настоящей. Расскажи о том, что было раньше на самом деле, как рассказала о том, что с тобой произошло в четырнадцать лет. Я не верю, что ты не встречалась с мужчинами. Это невозможно. Ты красивая, ты бросаешься в глаза, выделяешься среди остальных. Я влюбился в тебя, как пацан. Даже этот бессердечный надменный Джек, который считает себя выше всех, удостоил тебя великой чести стать его возлюбленной. Из-за тебя он губит меня. А ты ничего не видишь, ничего не слышишь, ничего не замечаешь! Может, ты просто не заметила, как он затащил тебя в постель? И других мужчин тоже просто не замечала, а?

В Кэрол начал просыпаться гнев.

— Я с детства ненавидела мужчин, потому что моя мать им продавалась, потому что они сновали повсюду как тараканы в доме, где я жила, они смеялись надо мной, обижали! А после того, как меня изнасиловал один из них, я испытывала перед мужчинами только страх и отвращение. А ты мне показался тогда таким добрым, таким хорошим. Я знала одно — ты бы никогда меня не обидел! Я так думала. Да, я полюбила тебя сразу, потому что была ребенком, который очень хотел кого-нибудь любить, да некого было! Появился хороший дядя, который очень мне понравился. Я так ждала, когда ты снова приедешь. Сначала я мечтала о том, чтобы ты был моим папой. Потом стала думать о тебе, как о мужчине. Да, если бы у меня были другие мужчины, если бы я могла с ними встречаться, я бы не стала искать тебя. Зачем? Я не притворяюсь недалекой дурочкой, наверное, я такая на самом деле, раз моя жизнь и мои чувства похожи на нелепую, плохо выдуманную сказку для детей! Только почему ты говоришь мне об этом только сейчас? Зачем делал вид, что веришь и понимаешь? Ты, наверное, не мог понять, кто я — лицемерка или глупая дурочка? Смеялся надо мной про себя?

Кэрол хотелось убежать, исчезнуть, провалиться сквозь землю. Он втоптал ее в грязь. И она вдруг действительно почувствовала себя полной дурой, больной на голову девчонкой. Она могла вынести, когда над ней подсмеивался Джек, она бы вынесла, если бы ее не понимал и смеялся над ней весь мир. Но только не *он*. Ее могли понять только Эмми и Куртни. Они не считали ее дурочкой. Слова Мэтта — это плевок в самую душу, которую она ему открыла, плевок в самое чистое и светлое, что было в ее жизни, в ее сердце. И то, что столько лет согревало ее, вдруг потухло. Ее мечты, ее память о нем, стремление к нему — это всего лишь нелепость. Ха-ха-ха, как смешно! Может, если она сама над собой посмеется,

станет легче?

Уткнувшись в окно, она за весь день больше не произнесла ни слова.

Мэтт тоже не стремился завязать разговор.

Куда они едут, зачем? Когда она уезжала, она знала. А теперь — нет.

И только вечером, когда они устроились в очередном мотеле, перед тем, как заснуть, Мэтт прервал затянувшееся молчание.

— Все это не имеет значения. Думала ли ты обо мне все эти годы, как жила, с кем встречалась, зачем решила меня найти — все это теперь не важно. Мы любим друг друга сейчас, мы муж и жена, мы вместе — вот это главное. Я не хотел тебя обидеть. Прости за то, что ударил. Этого никогда больше не повторится. Обещаю. Только не обманывай меня, никогда. Этого я натерпелся от бывшей жены.

Он обнял ее и поцеловал в висок.

— Ну, что — мир?

— Мир, — тихо откликнулась Кэрол пустым безжизненным голосом.

Он прижался к ней сзади и погладил стройное бедро. С тихим прерывистым вздохом потерялся об упругие нежные ягодички, но девушка вдруг отодвинулась.

— Я устала.

Она чувствовала, как он прожигает ее взглядом, не двигаясь, но все равно не повернулась. Закрыв глаза, она почувствовала, как проваливается в черный пустой сон. Последнее, что она слышала — это как он с силой откинулся на спину, а потом сердито отвернулся.

Утром ее разбудил сильный толчок сзади. Вздогнув от неожиданности, она распахнула глаза. Бедро стиснули сильные пальцы, предупреждая попытку отстраниться.

— Мэтт!

Он сжал ее в крепких объятиях и еще сильнее прижал к себе, задыхаясь от страсти, с силой и с какой-то яростью вонзаясь в ее тело. Зажатая в его руках, девушка не могла пошевелиться. Но она не стала сопротивляться, лишь, когда он отпустил ее, изумленно посмотрела на него.

— Что ты на меня так смотришь?

— Ничего. Зачем ты так?

— А ты зачем?

— Но я, правда, вчера очень устала.

— А я вчера тебя и не тронул.

Соскочив с постели, он ленивой походкой отправился в душ.

Проводив его взглядом, Кэрол села, озадаченная и шокированная. Ей начинало казаться, что она совершенно не знала Мэтта, ей казалось, что знала. Он становится другим. Или он просто становится самим собой, открывая перед ней себя настоящего? Образ, который стоял у нее перед глазами столько лет, рушился с пугающей скоростью.

Ей стало не по себе. Очень не по себе.

Может, он просто злится на нее, потому так себя и ведет? Его же как подменили с той самой минуты, когда Рэй сказал, что она встречалась с Джеком! Да, наверное, в этом все дело. Бесится, ревнует. А еще она ему вчера отказала. Обиделся. Не надо его провоцировать, накалять обстановку, вот и все.

И он успокоится. Должен успокоиться... когда-нибудь. И снова станет прежним.

Мягким, ласковым, нежным Мэттом с добрыми грустными глазами. Нет, с добрыми, но теперь не грустными, а счастливыми.

Когда он вышел из душа, Кэрол подошла к нему, нежно обняла и поцеловала.

— У нас все будет хорошо, правда... любимый?

Он расцвел и улыбнулся.

— Мне нравится, когда ты так меня называешь. Да, у нас все будет хорошо. Ты не обращай на меня внимания. Это все из-за того, что у меня болит голова. Ничего страшного, я подлечусь, и все будет хорошо. Пожалуйста, достань мне чистую одежду. Ты пока одевайся, я пойду, взгляну на машину. Что-то мне не нравится звук двигателя.

Кэрол открыла его сумку и достала голубые джинсы. Мэтт нетерпеливо выхватил их у нее из рук и поспешно надел. Девушка отыскала рубашку и вынула из сумки. Застегивая «молнию» на сумке, она заметила, как внутри что-то блеснуло. Заглянула и обомлела. Это был пистолет. Протянув руку, она осторожно достала его и повернулась к Мэтту.

— Осторожнее, котенок, он заряжен, — невозмутимо предупредил он, увидев в ее руках оружие.

— Мэтт, где ты его взял? Зачем он тебе?

— Как это зачем? Во-первых, мы в дороге, а в дороге может случиться все, что угодно. На собственном опыте знаю.

— А во-вторых?

— А во-вторых, за мной гоняется твой яростный поклонник с мафией в придачу. Этот пистолет мне пригодится, если они меня догонят — для того, чтобы я мог застрелиться.

— Опять твои дурацкие шуточки!

— Котенок, я никогда не шучу, это только так кажется. Положи оружие на место, пожалуйста. Я потом научу тебя, как с ним обращаться, а пока лучше не трогай.

Заправив рубашку в джинсы, он обулся и, накинув легкую ветровку, направился к двери.

— Все, Кэт, я жду тебя на улице.

Только когда он ушел, до Кэрол вдруг дошло, как он ее назвал. Почувствовав себя крайне неприятно, она все же решила не заострять на этом внимания. Ну, вырвалось по привычке, сам, наверное, не заметил.

Только раньше он не путался в именах. За исключением одного раза, во время приступа, когда не узнал ее и принял за свою бывшую жену. Кэрол старалась не вспоминать и не думать об этом.

Когда она вышла на улицу, он стоял у раскрытого капота и вытирал руки тряпкой.

— Ну что, у нас проблемы с машиной? — поинтересовалась Кэрол.

— Небольшие, но продолжить наше путешествие мы сможем... пока. Двигатель ни к черту! И как я не заметил, когда мы брали эту колымагу?

— Нас заверили, что машина в полном порядке, — напредила девушка.

— Надо было заглянуть под капот, не смотря на их заверения!

— Мэтт, а что ты хотел, беря машину на прокат? — Кэрол ласково улыбнулась ему, успокаивая.

— Я хотел доехать на ней куда надо без проблем!

— А починить ты не можешь?

— Знаешь, сколько времени мы потеряем? Нужно будет перебрать весь двигатель, заменить изношенные детали, а может, вообще выкинуть его на помойку и поставить новый!

— Давай поставим.

— Нет, мы поедем дальше. Пока мы будем возиться с этой чертовой развалюхой, твой воздыхатель меня прикончит.

— А если станем где-нибудь в степи?

— Маловероятно. В крайнем случае, бросим машину, и продолжим путь автостопом.

— Как бросим? Мы не можем этого сделать! Мы должны ее вернуть! Разве ты забыл, мы поручились вернуть ее компании в филиале в...

— А мы в «в» не поедем. Мы поедем совсем в другой город, очень далеко, чтобы Джек не смог нас вычислить, и сомневаюсь, чтобы там оказались филиалы этой компании. Не переживай, мы позвоним и сообщим, где сдохла их развалюха, пусть забирают, если им так надо. Они обязались, что до их филиала мы доедем, так вот мы не доехали, и только по их вине. Что прикажете — взвалить их машину на плечи и тащить дальше на себе? Они не выполнили свои обязательства, мы тоже. Я еще в суд на них подать могу!

— Ух, ты какой! Не думала, что ты так хорошо просвещен о правах потребителя! — Кэрол засмеялась и с любовью поцеловала его в щеку.

— А что ты думала — что один твой Джек такой умный? Он не единственный, кто знает закон.

Кэрол промолчала. Похоже, Джек у него просто из головы не выходит!

— Ладно, тебе лучше знать. Ты всю жизнь за рулем, а я в машинах не разбираюсь. Так что вверяю себя в твои руки! Поехали, значит, поехали!

— Тогда садись, Кэт, а то дождь начинается. Будь он не ладен! Надоел уже.

Изменившись в лице, Кэрол села в машину. Когда он устроился в кресле рядом, она тихо заметила:

— Ты назвал меня Кэт.

Он бросил на нее удивленный взгляд.

— Я тебя так не называл.

— Назвал.

— Не мог я тебя так назвать! Тебе послышалось. И, пожалуйста, не упоминай при мне имя этой потаскухи.

Кэрол не стала спорить.

Было уже далеко за полдень, когда они остановились у придорожного кафе, решив пообедать. Кэрол уже умирала от голода и чуть не завопила от радости, когда Мэтт, наконец, сжалился и, недовольно стискивая челюсти, согласился прервать путь на полчаса.

Еда была ужасной, но они съели все, что заказали. Голод не тетка, и не известно, когда удастся поесть в следующий раз. Скорее всего, поздно ночью, в каком-нибудь очередном грязном мотеле. Кофе Кэрол пить не смогла, потому что по вкусу оно напоминало блевотину. Гадая, из чего можно было сделать такой кофе, она купила бутылку кока-колы. Мэтт проглотил кофе, не заметив странного вкуса. И вообще, пообедал он с аппетитом и удовольствием, в отличие от Кэрол. Наверное, тюрьма делает людей неприхотливыми, с грустью подумала она.

— Купи что-нибудь в дорогу, пирожков или там сэндвичей каких-нибудь... не знаю, смотри сама. И еще воды возьми, — распорядился он.

Дождь не прекращался. Все лил и лил. Трасса была скользкой, «дворники» не успевали смахивать со стекла потоки льющейся воды, видимость была ужасной. Но Мэтт даже не сбросил скорость, не обращая внимания на советы Кэрол. Он гнал и гнал вперед, как одержимый. И нельзя было не признать, что, не смотря на плохую погоду, он вел машину

уверенно и ловко. Может, кому-то такой дождь и был помехой, но только не ему. Он в дождь и гололед справлялся с загруженными фурами в несколько тонн, а легковой «форд» был в его руках просто игрушкой, даже в такую погоду.

По крайней мере, Кэрол совсем не волновалась за их безопасность и спокойно дремала рядышком, убаюканная шумом дождя. И они действительно без приключений и неприятностей поздним вечером добрались до какого-то придорожного мотеля и, сняв номер, благополучно в нем расположились.

Искупавшись и поужинав, они в прекрасном настроении расслабились в мягкой уютной постели. Мэтт выглядел бледным и уставшим.

— Мэтт, так куда мы едем?

— Пусть это будет для тебя сюрпризом.

— Но я не хочу сюрпризов. Я хочу знать, долго ли ты еще собираешься ехать?

— Я остановлюсь только тогда, когда почувствую себя в безопасности.

— И где это будет?

— Где-нибудь на краю земли.

— Может, тогда лучше сменить машину на самолет?

— Нет. Так нас будет слишком легко вычислить. Ведь в аэропорту мы не сможем воспользоваться фальшивыми именами. Вот если бы у нас были документы на другие имена... Но их нет.

Кэрол не разделяла его уверенности в том, что Джек будет их преследовать. И она не понимала, почему Мэтт так в этом уверен. Если, конечно, призадуматься, вспомнить некоторые детали и сопоставить их, вполне возможно признать, что Джек действительно немного к ней равнодушен, хоть Кэрол и верилось в это с трудом. Но даже если это так, Джек не из тех мужчин, которые гонятся за женщинами, а тем более, за женщиной, выбравшей другого мужчину. Он гордый и надменный.

Чем больше Кэрол об этом думала, тем больше в ней появлялось сомнений, что Джек из-за нее хочет уничтожить Мэтта. Ну не могла она поверить в то, что все, что сделал для нее Джек, было направлено на то, чтобы добиться ее расположения, или чего там еще, в общем, ее, одним словом. Для нее это было невероятным. Зачем Джеку прилагать столько усилий ради какой-то девчонки, самой обыкновенной, когда он запросто и без труда может найти себе намного более красивую, умную и интересную женщину, достойную его внимания? Кэрол еще могла бы допустить, что Джек в нее влюблен, если бы считала себя неотразимой красавицей, такой, как Даяна, например, рядом с которой любой мужчина может просто потерять голову. Но она таковой не была. А потому все, что сейчас происходило, приводило ее в полное недоумение и смятение.

— Мэтт, как ты себя чувствуешь? — неожиданно для себя самой спросила она, вглядываясь в его странно нездоровое лицо.

— Нормально, Кэт. И перестань меня об этом постоянно спрашивать, меня это раздражает. Спокойной ночи, — неприветливо и резко отозвался он, отворачиваясь от нее.

Кэрол помолчала, чувствуя, как тревожно сжалось сердце.

— Мэтт, я не Кэт.

— Что?

— Я — не Кэт!

Он повернулся, удивленно приподняв бровь, и раздраженно хмыкнул.

— А кто же ты?

Челюсти у Кэрол отвисли от изумления.

— Мэтт, если это опять твои нелепые шутки, то скажу тебе — они мне не нравятся все больше! — разозлилась она, сердито отодвигаясь от него на край кровати.

Он продолжал недоуменно смотреть на нее, и Кэрол с ужасом поняла, что он не шутит.

— Я Кэрол, — растерянно прошептала она. — Ты что, опять меня не узнаешь?

Подняв руки, он потер виски, болезненно сморщившись.

— Мэтт, — позвала девушка дрожащим голосом.

— Что, котенок? — он бросил на нее нежный взгляд, мгновенно преобразившись в ласкового и мягкого, и Кэрол поняла, что на этот раз он ее узнал.

— Что с тобой? — стараясь не показать своего страха, спросила она.

— Я очень устал. Пожалуйста, давай поговорим завтра.

— Голова болит?

— Да, немного.

Повернувшись на бок к ней лицом, он закрыл глаза и мгновенно уснул. Кэрол долго не двигалась, не отрывая от него широко раскрытых глаз.

Потом вдруг резко вскочила и поспешно оделась.

Бросив взгляд на Мэтта и убедившись, что он спит, она бесшумно покинула номер. Как только за ней закрылась дверь, Мэтт открыл глаза и тоже встал. Неторопливо натянув джинсы и накинув рубашку, он вышел следом.

Кэрол подбежала к стойке портье и нетерпеливо огляделась.

— Эй, можно воспользоваться телефоном? — тихо окликнула она для очистки совести и, не дожидаясь ответа от хозяина, который, судя по всему, уже спал где-нибудь в комнате, схватила телефон и торопливо набрала номер. Руки дрожали и не слушались.

Ей ответил автоответчик, и на мгновение Кэрол растерялась. Когда это Джек успел поставить себе автоответчик? Ей не нужен был автоответчик, ей нужно было поговорить с ним!

— Джек, пожалуйста, если ты дома, возьми трубку! — взмолилась она дрожащим голосом. — Это я, Кэрол. Мне очень нужно...

Она вскрикнула от неожиданности, когда трубку грубо вырвали у нее из рук. Обернувшись, она встретилась со злыми глазами Мэтта, побагровевшего от ярости. Она сжалась, испугавшись, потому что ей показалось, что он сейчас ее ударит прямо зажатой в сильных пальцах трубкой. Но он сгреб со стойки телефон и в бешенстве швырнул его о стену. Аппарат с грохотом разлетелся на кусочки.

— Ну? — Мэтт угрожающе наклонился к перепуганной девушке. — И что же тебе нужно?

— Я просто... — Кэрол не успела ничего сказать, потому что на шум прибежал хозяин мотеля и, увидев разбитый телефон, закричал от негодования и возмущения, набросившись на Мэтта с ругательствами. Тот медленно повернулся к нему и, схватив за голову, резко, с силой повернул в сторону.

Раздался страшный хруст, и гневные ругательства оборвались.

— Помолчи, пожалуйста, — невозмутимо сказал ему Мэтт, все еще держа за голову. — Не видишь, я с женой разговариваю?

Он разжал руки, и безжизненное тело тяжело рухнуло на пол.

Кэрол в шоке уставилась на мертвого мужчину, парализованная ужасом, не в силах поверить в происходящее. Это просто сон, очередной кошмар, потому что этого не может

быть на самом деле. Нужно просто проснуться.

Мэтт схватил ее за руку и грубо поволок к выходу.

— Что ты делаешь? Отпусти меня! Мэтт! — пришла в себя Кэрол и попыталась вырваться.

Открыв дверь, он подтащил ее к машине и грубо затолкал внутрь.

Пока он обходил машину, чтобы сесть с другой стороны, Кэрол выскочила и отбежала на несколько шагов. Обернувшись, она посмотрела на Мэтта и в истерике закричала:

— Ты убил его! Ты его убил! Убил!!! Ты спятил!

Он направился к ней, скривив губы в такой ненависти, что Кэрол, недолго думая, развернулась и со всех ног бросилась прочь. Но сильные руки впились в ее тело в следующее же мгновение, и она закричала от страха, подумав, что он сейчас свернет ей шею, как хозяину мотеля.

Мэтт зажал ей рот и понес к машине. Кэрол забилась в сильных руках, задыхаясь от ужаса. Впихнув ее в машину, он приподнял рубашку и вытащил из-за пояса пистолет.

Кэрол замерла, когда черное дуло заглянуло ей в глаза. Дыхание ее остановилось, она не могла оторвать взгляд от маленькой дырочки, из которой в любую секунду могла вылететь пуля и оборвать ее жизнь.

— Двинешься — убью!

До ее сознания с трудом дошел смысл его слов. Он обошел машину, продолжая целиться в девушку, сел рядом и заблокировал замки на дверях.

Сунув пистолет обратно за пояс, он включил зажигание. Взвизгнув колесами, машина резко рванулась с места.

— Куда?! — в отчаяния закричала Кэрол. — Мэтт, остановись, умоляю тебя! Да что с тобой?!

Не слыша ее криков, он надавил на газ еще сильнее и вылетел на трассу, не заметив проезжающую мимо машину. Его реакция была молниеносной, и только это спасло их жизни и жизни тех, кто сидел в той, другой машине. Ударив по тормозам, он резко вывернул руль. «Форд» занесло на скользком асфальте, но Мэтт справился с управлением и твердой рукой выровнял машину. Спокойно развернувшись, он направился по трассе вслед за удаляющимся автомобилем, быстро набирая скорость. Обогнав его, он проигнорировал яростные гудки, посланные вслед возмущенным водителем, а тем более не заметил, как тот выразительно крутил пальцем у виска, высказывая о нем свое мнение. Пустым взглядом Мэтт смотрел перед собой на дорогу, и если бы Кэрол сейчас заглянула ему в глаза, она бы подумала, что он отключился от мира сего, а машину ведет автоматически.

Но она не могла посмотреть на него, потому что без чувств обмякла на сидении, ударившись головой о приборную доску, когда Мэтт неожиданно и резко затормозил, пытаясь избежать столкновения.

Мэтт этого даже не заметил, как будто вообще о ней забыл.

Он просто ехал вперед, смотря на черный мокрый асфальт, освещенный светом фар, ни о чем не думая.

Он не понимал, куда он едет и зачем, и не хотел понять — его это несколько не интересовало. Перед ним была дорога, и больше ничего. Всю свою жизнь он видел перед собой дорогу, этот асфальт.

Дорога — это его жизнь. И раз он видит перед собой дорогу, значит, все в порядке, так, как и должно быть. Значит, он все еще жив, и куда-то опять едет. Куда — не важно. Главное

— едет.

Он молод, дорога — это его работа. И он любит свою работу.

Он, машина и серый асфальт. Как только доставит груз, он займется поисками подарка для своей возлюбленной. Он любил дарить ей подарки.

Она всегда так радовалась, и ее радость согревала ему сердце, заставляя его плавиться от любви. Он обязательно на ней женится, только заработает денег на свадьбу. Эта будет роскошная свадьба, предел мечтаний каждой девушки. Его Кэт тоже об этом мечтала, он знал об этом, хоть она никогда ему и не говорила.

Она была лучшая из женщин, самая красивая, самая милая и нежная. Она достойна только самой лучшей свадьбы. Он сделает все для этого, будет работать на износ, чтобы потом, когда они поженятся, она ни в чем не нуждалась. И они будут счастливы.

Они встречаются уже два года, ему уже двадцать два, ей двадцать три, и время пришло завести семью. У них будет куча ребятишек. Единственное, что его огорчало — это то, что маме не нравилась его избранница.

Он не мог понять, почему. Просто мама не понимала, что эта женщина сделает его счастливым, что другой ему не надо, что Кэт — чиста и невинна, как ребенок. И их любовь такая же. Ничего, со временем мама поймет, что ошибалась в ней, что была неправа, согласится с тем, что его решение связать свою судьбу с этой девушкой — самым верное решение в его жизни.

А теперь надо подумать, что ей подарить. Через неделю у нее День рождения, ей исполняется двадцать три года.

Мэтт улыбнулся, смотря на дорогу.

Надо поспешить. Кэт ждет его. Чем быстрее он вернется, тем быстрее сможет ее обнять.

И он прибавил скорость.

Кэрол открыла глаза и поморщилась, почувствовав тупую боль в голове. Приподняв руку, она осторожно потрогала лоб и скривилась еще больше, потому что от прикосновения боль усилилась.

— А, проснулась? Ну, наконец-то, а то мне уже скучно стало, — услышала она мягкий голос Мэтта.

Устремив взгляд в его сторону, Кэрол некоторое время не двигалась, с опаской разглядывая его лицо.

— Что с тобой, котенок, не проснулась еще, что ли? — он взглянул на нее и улыбнулся.

Кэрол выпрямилась в кресле и посмотрела за окно.

— Где мы? — спросила она хрипло.

— На трассе, — легко ответил он.

— И долго я... спала?

— Не знаю. Мне показалось, что вечность, потому что я успел жутко соскучиться, — немного сбросив скорость, он потянулся к ней, желая поцеловать, но девушка отпрянула от него, вжавшись в дверь. Он недоуменно посмотрел в ее расширенные от страха глаза.

— Что с тобой? — повторил он. — Опять плохой сон приснился? Просыпайся, котенок, это же я, твой муж... любимый!

— А я кто?

— Эй, не надо меня пугать.

— Скажи, как меня зовут! — вскричала Кэрол на грани истерики.

— Кэрол. Ты что, забыла?

— Я-то не забыла! — огрызнулась она, но продолжать не стала.

Мэтт изумленно похлопал длинными черными ресницами и повернулся к дороге.

— С тобой все в порядке? — осторожно, словно боясь обидеть, спросил он.

Кэрол промолчала, чувствуя, как тело начинает бить мелкая дрожь.

Что происходит? Господи, что происходит? Ей что, все приснилось?

Она сходит с ума?

Украдкой она посмотрела на Мэтта. Заметив ее взгляд, он тепло улыбнулся. Она выдавила в ответ улыбку, стараясь не показать своего страха перед ним. Он ведет себя, как ни в чем не бывало. Но ведь совсем недавно он хладнокровно убил человека, угрожал ей. Он был похож на безумного.

Руки Кэрол затряслись. Джек сказал правду. Мэтт больной. Он опасен. Почему она не поверила Джеку, почему не послушала его? Ведь она всегда ему доверяла, почему на этот раз усомнилась? Наверное, Мэтт сам не понимает, что с ним происходит, что он болен. Или он не болен, а просто хладнокровный убийца?

Впал в ярость и запросто убил того, кто попался под горячую руку, а потом успокоился и совсем не переживает по этому поводу?

Может быть так? Что он просто притворялся все это время, мастерски скрывая от всех

свою сущность, а Джек его раскусил? Нет, не может, сама себе ответила Кэрол. Это невозможно.

— Зачем ты звонила Джеку?

Кэрол вздрогнула и испуганно посмотрела на него.

— Я хотела попросить его, чтобы он нас не преследовал. Хотела сказать, что люблю тебя, что мы очень счастливы, и что даже если он нас сможет разлучить, я все равно никогда не буду с ним. Я надеялась, что если так скажу, он поймет, что ему нет смысла нас преследовать и разлучать.

— Это правда? То, что ты именно это собиралась ему сказать?

— А что еще мне ему говорить? Что ты себе там возомнил, а? Что я буду сообщать ему наши координаты? Зачем? Ведь я уехала с тобой по своей воле, и не жалею об этом.

— Я верю тебе, котенок, ты, наверное, хотела как лучше. Извини меня, я просто сорвался. Увидел, что ты ему звонишь, и голову потерял от ревности. Ты не сердишься? Ведь нет?

— Нет, — Кэрол нервно облизнула пересохшие губы. — Мэтт, давай вернемся, там остались все наши вещи! Как же мы без них?

— Ничего, купим новые. Хозяин мотеля, наверное, уже в себя пришел и наябедничал на меня в полицию, что я разбил его телефон и его слегка вырубил. Ты же не думаешь, что я сделал это специально, что я такой вот плохой и злой? Просто я был на взводе, а тут еще он начал на меня орать... ты же понимаешь меня, да, котенок?

— Думаешь, с ним ничего серьезного? — ошеломленно прошептала Кэрол.

— Да что с ним станется? — Мэтт засмеялся. — Я же совсем легонько, только чтобы заткнулся. Не переживай, он уже давно очухался!

Кэрол рассеянно кивнула и посмотрела на дорогу, чтобы он не заметил ужас, душивший ее. Он, правда, не понимает, что убил этого человека, или притворяется?

— Странная ты какая-то, — заметил он настороженно. — О чем ты думаешь? Сердишься, что ли?

— Я просто не понимаю, зачем мы нагубили хозяину мотеля, зачем сбежали, бросив вещи...

— Послушай, мы же не доставали чемоданы из багажника, ты что, забыла? И меня с толку сбиваешь!

— Ой, и правда! — Кэрол постаралась рассмеяться, делая вид, что действительно забыла, что ничего, кроме курток, они в мотеле не забыли. Только она надеялась, что, учитывая его состояние, он может не помнить, что вещи их лежат в багажнике, и она сможет убедить его вернуться. Она ошиблась.

Может, у него и есть проблемы с головой, но с памятью, видимо, все в порядке. Ей было очень страшно.

Что, если его опять «накроет»?

Они одни, ночью, на трассе. Даже машины не проезжали мимо. И вообще, где они находятся? Одним словом, спасти ее некому. Как себя вести с сумасшедшими, что говорить, как не спровоцировать на агрессию?

Сейчас он выглядел еще более странным. Вроде бы спокойный, тот самый добрый хороший Мэтт. Но взгляд странный, настолько странный, что от него у Кэрол по коже бегали мурашки. Она не смогла бы описать этот взгляд. Она бы определила его одним словом — ненормальный.

— Мэтт, я очень устала. Давай поищем какой-нибудь мотель и отдохнем, а? — она умоляюще посмотрела на него.

— А если нас догонит полиция?

— Мэтт, неужели ты думаешь, что полиция будет гоняться за нами по трассам, искать, только из-за того, что ты разбил телефон и немножко невежливо обошелся с его владельцем?

Он улыбнулся.

— Наверное, нет. Хорошо, котенок, мы остановимся в первом же мотеле, какой попадется по дороге.

Кэрол с трудом подавила вздох облегчения. Вжавшись в спинку кресла, она скрестила руки на груди, пытаясь унять дрожь.

— Ты дрожишь, — заметил он. — Плохо себя чувствуешь? Опять заболела?

— Я замерзла.

Мэтт сбавил скорость и, съехав на обочину, остановился. Не глуша мотор, он вышел из машины и, сжавшись под холодным дождем и пронизывающим ветром, подскочил к багажнику.

Проводив его глазами, Кэрол отвернулась и посмотрела на ключи в замке зажигания. Мозг пронзила безумная и отчаянная мысль прыгнуть за руль и умчаться прочь. Сбежать, куда глаза глядят, лишь бы подальше отсюда, от него.

Но она осталась сидеть на месте.

Она не могла бросить его здесь, в этой глуши, не известно на каком расстоянии от ближайшего населенного пункта, под дождем, в одной рубашке, и в таком состоянии.

Он болен, его нельзя бросать, ему нужно помочь. А кроме нее этого никто не сделает. Потому что он один в этом мире, он никому не нужен. Без нее он погибнет. Какое-то мгновение в ней боролись два самых сильных чувства — страх и любовь. Кэрол всегда считала, что обделена храбростью и склонностью к риску, но почему-то сейчас страх не заставил ее удариться в бегство. Она даже нашла в себе силы улыбнуться тому, кто в данный момент вселял в нее такой ужас, когда он вернулся в машину и положил ей на колени куртку.

— Оденься, — заботливо сказал он. — Сейчас включу отопление, согреешься. Можешь пока подремать.

— Нет... не хочу, — отозвалась Кэрол, дрожащими руками натягивая куртку.

В салоне стало тепло, она согрелась, ей даже стало жарко, но тело продолжала бить дрожь. Она продолжала сидеть в куртке, чтобы Мэтт не заметил, что она все еще дрожит и не догадался, что это совсем не от холода.

Замечая, как Мэтт настороженно поглядывает на нее, она постаралась взять себя в руки, чтобы не выдать своего страха. Но ее глаза сами собой вновь и вновь косились на него, чтобы убедиться, что он не собирается на нее наброситься, а сердце продолжало тревожно колотиться.

Бросив на него очередной взгляд украдкой, она вдруг увидела, что глаза его закрыты, а голова медленно склоняется на руль.

— Мэтт! — вскричала она, толкая его в плечо.

Он поднял голову и непонимающе посмотрел на нее.

— Что?

— Не спи, ты же за рулем! Тормози!

Он послушно остановил машину и, положив руки на руль, устало опустил голову.

— Тебе плохо? — осторожно спросила Кэрол.

— Голова болит. Пожалуйста, котеночек, давай немного передохнем. Я очень устал, — глухо отозвался он.

— Хорошо, Мэтт, отдохни. Ложись на заднее сиденье, там тебе будет удобнее, — поспешно согласилась Кэрол.

Он без возражений перелез назад и, сжавшись в комочек, закрыл глаза. Кэрол заняла его место, сев за руль, и продолжила путь. Видимость была ужасная, проливной дождь заливал стекло, дорога, которую девушка едва различала под светом фар, была скользкая, и Кэрол сосредоточено смотрела вперед, снизив скорость и не решаясь ехать быстрее, хотя ничего ей так не хотелось в данный момент, как вдавить педаль и помчаться что есть мочи по этой бесконечной, пустынной темной трассе, чтобы оставить ее позади, добравшись до какого-нибудь спасительного мотеля. Не важно, какого, лишь бы там был телефон. Осторожно ведя машину, Кэрол то и дело отрывала взгляд от дороги и смотрела в зеркало, на Мэтта.

Безумный страх, что его снова охватит приступ, и он набросится на нее сзади, заставлял ее глаза снова и снова, непрерывно, устремляться в зеркало, и она ничего не могла с собой поделаться, чтобы сосредоточиться на дороге. Сердце ее тревожно колотилось в груди, пальцы все еще дрожали, и она изо всех сил пыталась успокоиться и взять себя в руки.

Даже не догадываясь о ее страхе, Мэтт неподвижно лежал на заднем сиденье. Когда девушка смотрела на него, ее охватывал еще больший страх. Дыхания его не было слышно, он был так бледен, и на фоне этой смертельной бледности как-то зловеще и трагично вырисовывались темные круги, в которых потонули его веки, был так неподвижен, что походил на мертвого. Кэрол несколько раз притормаживала в порыве убедиться в том, что он жив, но так и не остановилась. Конечно, он жив. Просто он болен, он устал... и в темноте выглядит совсем не так, как должен и как есть на самом деле. И Кэрол боялась его разбудить. Ведь неизвестно, каким он проснется... кем проснется, ласковым добрым Мэттом, или жестоким психопатом.

Девушка предпочитала его не трогать, надеясь, что он проспит как можно дольше. Она молилась, чтобы он не проснулся, хотя бы до тех пор, пока она не доберется до мотеля и не позвонит Куртни. Было бы лучше, если бы он спал до утра.

Сердце ее застучало быстрее от тихой радости, когда она проехала мимо указателя, который сообщал, что поблизости находится мотель с автозаправочной станцией. Подстегиваемая страхом, она бросила очередной взгляд на Мэтта, и прибавила скорость. Осталось совсем немного. Только бы он не проснулся. Переведя взгляд на дорогу, она внимательно всмотрелась в расплывающееся от ливня лобовое стекло. Все обойдется. Сейчас она доедет до мотеля, где должен быть телефон, позвонит Куртни, и они вместе решат, что делать. Куртни умная, она что-нибудь придумает. Мысли о полиции Кэрол неуверенно, но с отчаянием гнала прочь. Она должна думать не только о себе и своей безопасности. Отдать Мэтта полиции казалось ей крайней мерой. Самой крайней. Или вообще недопустимой. Что-то в ней противилось этому, что-то очень горькое и болезненное, теснившее грудь. С таким трудом вырвать его из тюрьмы, и своими же руками отдать полиции, которая обвинит его в очередном убийстве. После этого она уже ничем и никогда не сможет ему помочь.

Слезы бежали по ее лицу, сдерживаемые рыдания душили горло. Хотелось закричать, со всех сил ударить по стеклу, разбить вдребезги, и бить, бить, неважно что. Ее боль, досада и

разочарование были настолько сильны, что она не могла держать их в себе. Она так боролась, и выходит, все ее усилия были напрасны. Все, чего она добилась — это всего лишь несколько мгновений счастья, любви и надежды. Всего лишь несколько мгновений. А теперь она снова оказалась в кошмаре. Странно, но почему-то ее больше пугало не то, что Мэтт опасен и может ее убить, а что она снова его теряет, скорее всего, навсегда, безвозвратно. То, что на руках его опять сомкнуться наручники, и она увидит его угасший безнадежный взгляд, который так больно резал ее по сердцу. Это конец. Если она отдаст его полиции, это конец. Это означает, что она сама его и уничтожит. Уничтожит после стольких затраченных усилий спасти.

Нет, полиция — это не выход. Нельзя отдавать его в их руки, ни в коем случае. Должен быть другой выход. И он есть. Нужно самим поместить его в клинику, потихоньку и аккуратно, чтобы никто об этом не узнал. В частную клинику. За границей, где никто бы не знал о его прошлом. Его вылечат, обязательно. А если нет...

Кэрол не хотела думать об этом, гоня прочь от себя страшное болезненное отчаяние, наполнявшее ее сердце, душу, ее жизнь и весь окружающий мир...

Куртни поможет. Она найдет лучших врачей.

Главное сейчас, это не паниковать, не бояться, держать себя в руках. И добраться до телефона.

Не успела она об этом подумать, как услышала какой-то стук, машина дернулась. До боли прикусив губу, девушка едва не застонала от отчаяния, сбавив скорость, но не останавливаясь. Под капотом что-то методично стучало.

— Пожалуйста, миленькая, только не сейчас! Поехали, еще чуть-чуть... — шептала она, продолжая кусать от волнения губы. Фыркнув, словно усмехаясь над ней, машина заглохла. Салон погрузился во тьму. Некоторое время Кэрол неподвижно сидела в кресле, размышляя над создавшейся ситуацией. Она могла оставить Мэтта в машине и попробовать добраться до мотеля. Но до мотеля все еще было слишком далеко. Она потеряет драгоценное время, пешком, в такой ливень и по темноте пустившись на поиски мотеля. Не известно, что может за это время произойти с Мэттом, что он сделает, если очнется и не обнаружит ее рядом.

Он не понимает, где он и что с ним происходит. Он может уйти, и тогда его найдет только полиция, возможно, после того, как он успеет еще на кого-нибудь напасть. И тогда она уже ничем не сможет ему помочь. Нет, бросать его нельзя. Нужно завести машину и доехать до мотеля. Она добилась для него свободы, и она в ответе за убитого мужчину в мотеле. Нельзя допустить, чтобы пострадал кто-нибудь еще. Она должна попытаться... даже если эта попытка будет стоить ей жизни. Даже если у нее ничего не получится.

Придя к выводу, что ничего другого не остается, Кэрол развернулась и осторожно потрепала Мэтта за плечо.

— Мэтт!

Он не реагировал. Ужас, еще более отчаянный, чем страх перед жившим в нем психопатом и убийцей, ледяной рукой сжал ее сердце при мысли о том, что он на самом деле мертв, и ей это не показалось. Став коленями на сиденье, Кэрол потянулась к нему и погладила по бледному лицу.

— Мэтт!

Из черных глазниц на белом лице на нее блеснули сверкнувшие нездоровым огнем зрачки.

Кэрол невольно отодвинулась назад, за спинку сиденья.

— Что случилось, котеночек? — прохрипел он и, приподнявшись на локте, с болезненной гримасой потер ладонью голову. Губы девушки нервно дрогнули в попытке улыбнуться от смутной радости, промелькнувшей в ней, от облегчения на судорожно сжавшемся от ужаса сердце. Он жив, и он ее узнал. Его осмысленный взгляд — это все, что ей сейчас нужно, это самое главное.

«Пожалуйста, Мэтт, борись, сопротивляйся своей болезни, не теряй рассудок, и я спасу тебя, только позволь мне», — молила она про себя, не решаясь сказать это вслух. Как можно сказать сумасшедшему, что он сумасшедший, и попросить его не терять голову?

— Машина заглохла. Что-то застучало под капотом, а потом стала, — проговорила она дрожащим голосом.

— Чертов движок! — Мэтт выругался, приподнимаясь на сиденье. — Говорил, не дотянем! Черт, и льет, как из ведра!

Накинув куртку, он с тяжелым вздохом вылез из машины, захватив фонарь. Открыв крышку капота, он наклонился, исчезнув из поля зрения Кэрол. Но через мгновение он с силой захлопнул капот и вернулся в салон.

— Все, приехали.

— Неужели ничего нельзя сделать? — голос у девушки осип от волнения и страха, который она всеми силами пыталась не показать. — Ты не можешь починить?

— Могу, если у меня будут необходимые детали и инструменты. Или еще лучше, новый двигатель. Но ничего этого у меня нет, извини. Нужно съехать на обочину, чтобы в этом ливне на нас не налетела какая-нибудь машина. Нас могут не заметить вовремя. Давай, я толкну, а ты рули.

Он вышел. Наблюдая за ним в зеркало заднего вида, Кэрол увидела, как он наклонился и уперся руками в машину. Толчок, еще один, сильный, мощный, и машина плавно и легко покатила вперед. Кэрол повернула руль, и через пару секунд машина была уже вне трассы. Сквозь шум дождя она расслышала, как ругается Мэтт, пытаясь стряхнуть с кроссовок комья прилипшей грязи.

Вернувшись в машину, он снял промокшую насквозь куртку, потом избавился от влажной рубашки.

Кэрол широко раскрытыми глазами наблюдала за ним.

— Но что же нам теперь делать?

— Для начала достань мне сухую одежду и чистые кроссовки. Я вымок до нитки и по колено в грязи.

Девушка подтянула к себе сумку и торопливо ее перерыв, отыскала ему рубашку и джинсы.

— Я видела указатель на дороге. Здесь недалеко есть мотель, — говорила она, изо всех сил стараясь казаться спокойной.

— Прекрасно. Утром, если не попадет попутная машина, нам придется немного пройти до этого мотеля. Надеюсь, там есть телефон, и мы сможем вызвать техпомощь. Если нет, то дальше поедem на попутках. Это еще лучше. Рэндэлу тяжелее будет нас вычислить, — мысль о Джеке отразилась на его лице злобной гримасой, напугавшей Кэрол.

— Зачем ждать утра? — осторожно проговорила она. — Мотель рядом. Нам придется немного намочить под дождем, зато потом мы сможем принять горячий душ и с комфортом отдохнуть.

— Я не хочу мокнуть под дождем. Нет необходимости идти сейчас, под таким ливнем и

в темноте, среди ночи и неизвестно куда. Мы с не меньшим комфортом можем разместиться здесь и спокойно дожидаться утра.

— Если мы пойдем сейчас и вызовем техпомощь, то уже утром они будут здесь и займутся машиной. И мы продолжим путь раньше, — Кэрол решила сыграть на его стремлении как можно быстрее уехать подальше, на страхе быть настигнутым Джеком.

Мэтт недовольно скривился, натягивая джинсы.

— Мы не будем ждать, пока починят машину, мы поедем дальше на попутках.

— Хорошо, на попутках, так на попутках. Только сейчас пойдем в мотель, пожалуйста,

Мэтт!

Он бросил на нее сердитый взгляд.

— Зачем?

— Я устала, замерзла и хочу есть! Хочу принять душ и лечь спать!

— Ложись здесь, кто тебе не дает? Сейчас раскинем сиденья и...

— Я не хочу спать на сиденье, когда можно лечь на кровати! Мэтт... еще я боюсь оставаться здесь, на трассе. Лучше пойдем в мотель, пожалуйста!

— А идти ночью неизвестно куда ты не боишься? — раздраженно отозвался он, застегивая штаны.

Кэрол протянула руку и прикоснулась к его плечу.

— Пойдем, Мэтт. Пожалуйста.

Он не ответил. Взяв в руки пистолет, который положил рядом на сиденье, когда переодевался, он проверил наличие патронов. Кэрол невольно спряталась за спинку кресла, с замершим сердцем смотря на оружие в его руках, которым он уже целился в нее раньше, угрожая убить.

Продолжая держать пистолет в руке, Мэтт перелез на переднее сиденье и с улыбкой положил оружие на приборную доску.

— С тем, что дороги небезопасны, я с тобой согласен, поэтому я и беру с собой оружие, всегда. Не бойся, любимая. Все будет хорошо. Спать в машине не так уж неудобно, — он откинул кресла. — Мы с тобой устроимся получше, чем в номере люкс. Не обижайся, но я очень устал и плохо себя чувствую. Я не могу сейчас никуда идти. Не могу и не хочу.

Кэрол с тревогой разглядывала в темноте его лицо.

— У тебя болит голова?

Он устало кивнул и прилег на сиденье, обняв ее и увлекая за собой.

— Ничего, любимая. Со мной все в порядке, не переживай, — он прижал ее к себе и вздохнул. — Ну и дождь! Как бьет по крыше... Ветер воет... слышишь?

— Слышу, — чуть слышно отозвалась Кэрол, покорно лежа в его крепких объятиях.

— Не бойся. Никогда ничего не бойся, когда я с тобой. За тебя я готов растерзать весь мир, если он попытается тебя обидеть. Убью любого, кто тебя обидит, мой котенок. Любого, кто бы он ни был. Почему ты дрожишь? Замерзла?

— Да, — солгала она. Хотя ее на самом деле знобило, но не от холода, а от страха, с которым она отчаянно пыталась бороться, убеждая себя в том, что Мэтт не сделает ей ничего плохого, даже если безумие снова его одолеет. Он любит ее, он не сможет причинить ей вред, в каком бы состоянии он не был. Это не помогало. По телу продолжала гулять нервная дрожь, и девушка не могла ее подавить. Ей оставалось только молиться про себя, чтобы он оставался таким, как сейчас, любящим и безобидным Мэттом, который готов ее защищать и который никогда не сделает ей ничего плохого.

Она вдруг поймала себя на том, что не отрывает взгляда от лежащего на приборной доске пистолета. Если он потеряет над собой контроль, сможет ли она, угрожая оружием, заставить его подчиниться ей? Она могла бы, например, запереть его в машине, и подождать рядом, когда приступ безумия отступит. Или под прицелом довести его до мотеля и там запереть в какой-нибудь комнате, а потом позвонить Куртни. А может, взять его на мушку сейчас, пока в нем не проснулся зверь, заставить пойти к мотелю и запереть его даже в таком, нормальном состоянии? Но как она объяснит свое поведение в мотеле, угрожая вполне адекватному мужу пистолетом, сажая его под замок, и не вызывая при этом полицию? Скорее, в мотеле в таком случае сами позвонят в полицию, и их с Мэттом заберут обоих. Ее, конечно, отпустят, разобравшись, что к чему, а ему свободы уже не видать.

Может, все обойдется. Он сейчас уснет, а сон у него был глубокий. Вряд ли он проснется до утра, если его не разбудить. А будить его она не собиралась. Она не знала пока, как поступить — дожидаться утра в надежде, что он проснется в нормальном состоянии, или, когда он заснет, закрыть его в машине и отправиться в мотель.

Она прислушивалась к его дыханию, обнимая его и поглаживая по густым волосам, чтобы он быстрее заснул. Она была уже уверена, что он спит, когда он вдруг тихо спросил, заставив ее вздрогнуть от неожиданности:

— Тебе понравился мой подарок?

Мгновение Кэрол молчала, лихорадочно пытаюсь сообразить, о чем он говорит.

— Какой подарок? — осторожно спросила она.

Он поднял голову и устремил на нее удивленно-обиженный взгляд.

— Который я подарил тебе на День рождения.

— А-а, — Кэрол улыбнулась. — Конечно, понравился. Это лучшее, что мне когда-либо дарили. Ты такой молодец. На свой следующий День рождения я жду от тебя что-то в том же роде, — Кэрол не без удовольствия вспомнила об удивительной статуэтке, которую он сделал для нее. Мог ли быть для нее подарок дороже чем, этот? Нет.

— Нет, мой следующий подарок будет намного значительнее. И мы не будем ждать твоего следующего Дня рождения. Я подарю тебе что-нибудь потрясающее на помолвку.

— Чью помолвку?

Приподнявшись на локте, он склонился над ней и с непередаваемой нежностью погладил по щеке.

— Ты любишь меня?

— Конечно, Мэтт. Ты все еще сомневаешься?

Он улыбнулся.

— Нет, я знаю, что ты любишь меня. И я тебя люблю. Люблю, как безумный. И я хочу, чтобы ты была моей женой.

— Я уже твоя жена. И я буду ею всегда, — Кэрол тоже ему улыбнулась и также погладила по щеке.

— Да, конечно, я давно уже считаю тебя твоей женой, и рад, что ты думаешь также, но я хочу, чтобы наши отношения стали официальными. Хочу, чтобы ты была моей женой по закону. Выходи за меня. Я куплю тебе сказочное платье, мы отметим красивую свадьбу, как ты и хотела... — он прервался, увидев странное выражение на лице девушки. — Что с тобой? Я что-то не так сказал? Разве ты не хочешь, чтобы мы поженились?

— Мэтт, — с трудом выдавила из себя охрипшим голосом Кэрол, — мы уже женаты. Ты что, забыл?

— Это не то. Ведь ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Мы встречаемся уже почти три года, и я медлил с предложением только потому, что собирал деньги на свадьбу... на такую свадьбу, о которой ты мечтала. Я заберу тебя к себе, и мы будем жить вместе. За маму не думай, она примет тебя и полюбит. Просто она еще плохо тебя знает, потому и относится настороженно. Она полюбит тебя, вот увидишь. Но если не хочешь, чтобы мы жили с ней, давай снимем квартиру...

— Мэтт! — истерически вскрикнула Кэрол, нервы которой не выдержали.

— Что? — изменившимся голосом прохрипел он, взгляд его потяжелел.

— Прекрати, пожалуйста... — простонала девушка. — Умоляю тебя, прекрати!

— Ты не хочешь? Не хочешь выходить за меня замуж? Почему?

— Потому что я уже это сделала! А мама... мама... разве ты не помнишь?

— Так это из-за мамы? Ты не хочешь выходить за меня из-за мамы? Кэт, я же сказал, что думает мама, не имеет значения! Мы будем жить с тобой отдельно, и если ты не захочешь, она никогда не переступит порог нашего дома. Если она будет против нашей свадьбы, я сам к ней больше не пойду. Ты для меня дороже. Ты — это все. Она должна понять, что я тебя люблю, она не может противиться тому, чтобы я был счастливым...

— Мэтт, посмотри на меня... пожалуйста. Внимательно посмотри, — срывающимся голосом поговорила Кэрол. — Это же я... Мэтт, пожалуйста. Я не Кэт. Я Кэрол. Помнишь? Кэрол.

Он нахмурился, лицо его вдруг ожесточилось.

— Ты смеешься надо мной? Издеваешься? Не надо, Кэт.

В голосе его прозвучали ярость и угроза. Кэрол сжалась от страха, почувствовав, как мелко задрожали челюсти.

— Ты сама только что сказала, что любишь меня. Никто тебя за язык не тянул. Ты меня обманула?

Кэрол лишь слабо качнула головой, не в силах ответить, вглядываясь в его глаза и пытаясь разглядеть в темноте их выражение. Но она ничего не видела, кроме сверкающих в них ярких огоньков. Эти огоньки почему-то заставляли ее цепенеть от ужаса. Она никогда не видела, чтобы у человека так горели глаза, как у него сейчас и тогда, в квартире Моники, когда он принял ее за Кэт в первый раз. У нее отпало всякое желание с ним спорить и что-то доказывать. Он видит в ней молодую Кэт, которую любит и которая еще не сделала ему ничего плохого. Пока он так думает, он не сделает ничего плохого и ей. А ее попытки его разубедить могут закончиться неизвестно чем. Главное не злить его, не будить в нем зверя.

— Тогда, если ты меня любишь, почему не хочешь стать моей женой? — наседал он, заставляя вжаться ее в кресло.

— С чего ты решил, что я не хочу? — она выдавила из себя улыбку, пытаясь взять себя в руки. — Очень даже хочу. Я только об этом и мечтаю.

Злость мгновенно сошла с его лица, которое озарилось счастливой улыбкой.

— Значит, ты согласна?

— Да.

Он вдруг стиснул ее в таких крепких объятиях, что у девушки перехватило дыхание, но воспротивиться она не посмела. Нежно, с любовью он поцеловал ее в губы. Кэрол ответила на поцелуй, дрожащими пальцами поглаживая его волосы, этим жестом подсознательно пытаясь заставить его оставаться спокойным.

Она надеялась, что он не будет больше мучить ее беседами с Кэт и уляжется спать, но

внезапная страсть, с которой он вдруг набросился на ее губы, которые мгновенье назад ласкал спокойными легкими поцелуями, отмела напрочь все ее надежды. Он не собирался спать. И разговаривать он тоже не хотел, если не брать во внимание его пылкие нашептывания о любви.

Кэрол позволила ему себя раздеть, принимая его ласки, отвечая на его страсть. Она целовала его, ласкала его тело, но впервые не получала от этого никакого удовольствия. Более того, она страдала, испытывая ни с чем не сравнимую муку, подавляя в себе порыв оттолкнуть его, вырваться и убежать, потому что сейчас он был не с ней.

— Любимая... моя любимая Кэт... если бы ты только знала, как я тебя люблю! Я буду любить тебя всегда... ты единственная женщина в моей жизни... никогда не будет другой... только ты... только ты... Моя Кэт...

Он резко овладел ею, и из горла Кэрол вырвался стон, который только невероятным усилием воли не вылился в рыдание. Стиснув зубы, она зажмурилась, но слезы все равно полились сквозь плотно сжатые веки, и она уже не могла их остановить. Но в своей страсти он ничего не замечал, безумствуя над ней с какой-то дикой неистовостью, продолжая что-то отрывисто шептать. Кэрол хотелось зажать уши, чтобы не слышать его. Это было невыносимо.

С ней происходило то, через что, наверное, не довелось пройти ни одной женщине. Она видела, как любимый мужчина занимается любовью с другой женщиной, с какой страстью, с какой любовью, не только видела, но и чувствовала, ощущала на себе его любовь к ней, его желание, слышала, что он ей шептал...

Она чувствовала себя так, будто он ей изменял, несмотря на то, что он занимался сексом с ней. Ведь он видит перед собой другую, ее он целует, ее любит с такой страстью...

В эти мгновения она ненавидела его так, что готова была убить, и только страх удерживал ее и заставлял позволять ему делать с ней все, что он хотел... позволять ему думать, что это он делает с той, другой...

Она молилась лишь о том, чтобы это поскорее закончилось.

«Он не любит ее... Ему кажется, что любит, потому что болезнь унесла его в то время, когда он ее любил. Я не должна его винить. Это болезнь. Всего лишь болезнь», — думала она, пытаясь облегчить свою нестерпимую душевную боль. Да, болезнь. Она, Кэт, его болезнь. Это его любовь к ней, которая переросла в эту страшную болезнь. А на самом деле он любит ее, Кэрол, и Кэт ему больше не нужна.

Она пыталась себя в этом убедить, а он в это время стонал от удовольствия с выражением упоительного счастья, думая, что он с Кэт. С Кэт, а не с ней, Кэрол.

Когда он отстранился и с блаженным вздохом откинулся на кресло, девушка даже не пошевелилась, смотря в окно. На какое-то мгновение даже страх оставил ее. Ей вдруг стало все равно, если он ее убьет.

Худшее, что он мог с ней сделать, он уже сделал. Она также не ощущала больше в себе желания помочь ему, спасти. Пусть катится на все четыре стороны. Пусть катится к своей обожаемой Кэт, если он так безумно ее любит.

Она продолжала неподвижно лежать, разглядывая сбегаящие по стеклу струйки воды. Мэтт притих, дыхание его стало тише и ровнее. Подождав немного, она повернулась и долго смотрела на него, пытаясь понять, уснул он уже или нет. Потом медленно и осторожно отстранилась, выползая из его объятий.

Наощупь отыскав в темноте одежду, она оделась. Долго не могла найти свои кроссовки

и носки, которые закинул куда-то в страстном неистовстве Мэтт. Обувшись на голую ногу и так и не найдя носки, она достала из бардачка фонарик, взяла с приборной доски пистолет и, бросив опасливый взгляд на спящего мужчину, осторожно открыла дверь. Не отрывая от него глаз и с замиранием сердца ожидая, что он откроет глаза, она выбралась из машины, выдернув ключи из замка зажигания. Мэтт не шевелился, продолжая безмятежно спать. Кэрол поколебалась, запирает ли двери. Если она хлопнет дверью, он проснется. Бесшумно прикрыв дверь, она отвернулась и решительно бросилась вперед по дороге.

Когда машина скрылась из вида, она, экономя силы, рысцой побежала дальше, освещая дорогу фонариком. Бежала и рыдала навзрыд, не пытаясь больше сдержаться, выла, как раненная собака, захлебываясь в слезах и бьющим в лицо ливне, вытирая мокрое лицо рукавом. Холодный ветер трепал на ней вымокшую насквозь одежду, и вскоре она уже тряслась от холода. Ей приходилось переходить на шаг, чтобы не потерять силы, и тогда она начинала чувствовать, как коченеет от холода тело. И опять переходила на легкий бег, заставляя кровь быстрее бежать по жилам и согревать ее. Часто страх вынуждал ее оборачиваться назад и направлять луч фонаря в обратную сторону, чтобы убедиться, что Мэтт не преследует ее. Но каждый раз свет ее фонарика натыкался на пустоту и, вздохнув с облегчением, Кэрол двигалась дальше по мокрой пустынной дороге.

Она больше не плакала, и здесь, в темноте, в одиночестве, страх снова взял над ней верх. Сжавшись под пронзительным ветром, трясясь всем телом от холода, ужаса и нервного напряжения, она торопливо шла вперед, судорожно впившись пальцами в фонарь. За поясом она чувствовала тяжесть и металлический холод пистолета, машинально придерживая его рукой, боясь потерять.

Впереди, справа от обочины, начиналась роща. Дорога уходила вниз по холму. До того, как начала спускаться, Кэрол разглядела за деревьями огоньки. Глубоко вздохнув, она собралась с силами и неторопливо побежала дальше, стараясь не замечать боль в растертых в мокрых кроссовках ногах. Осталось совсем немного. Она уже почти дошла. Еще чуть-чуть.

Приостановившись, она перевела дух, чувствуя, что не может больше бежать. Отдохнув несколько секунд, она пошла дальше, сильно хромя и кривясь от боли в растертых ступнях. В боку настойчиво кололо, она задыхалась от усталости и напряжения. Выпрямившись, она пыталась выровнять дыхание, чтобы облегчить свой путь. Спустившись к роще, она увидела, что трасса огибает ее, делая небольшой крюк. С холма она видела, что ближе было бы пройти через рощу, но двинулась дальше по дороге, не решившись зайти в черные заросли, хоть и знала, в каком направлении идти, чтобы не сбиться с пути. Лучше уж по дороге, хоть не так страшно, и то уже легче. Она и так натерпелась сегодня всяких страхов, чтобы испытывать свои нервы очередным испытанием.

— Кэт!

Услышав позади сильный, охрипший от ярости голос, Кэрол дернулась от неожиданности и резко обрушившегося на нее ужаса. Обернувшись, она на мгновение замерла, разглядев высокую темную фигуру, остановившуюся на вершине холма. Прятаться не было смысла, он видел ее. Если не ее, то свет фонаря.

— Стой, шлюха!

Выключив фонарь, Кэрол сжала рукоятку пистолета, придерживая его за поясом, и, не раздумывая, бросилась в рощу по направлению к мотелю. Убежать от него по дороге у нее не было никаких шансов, а в роще, по крайней мере, она могла спрятаться и затаиться, если он нагонит ее. Включать фонарь она больше не решалась, и несколько раз упала, споткнувшись.

Выронив фонарь, она не стала искать его в темноте и рванулась дальше, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы не потерять направление и не выронить пистолет. Собственное тяжелое дыхание заглушало все остальные звуки, и она отчаянно прислушивалась, чтобы не пропустить его приближение и успеть вовремя спрятаться, если он окажется слишком близко и не будет возможности от него убежать. Она не чувствовала больше ни усталости, ни боли в ногах. Страх оглушил ее, притупив все остальные чувства, он гнал ее вперед, заставив забыть обо всем, вытеснив из головы все мысли, кроме одной — бежать.

Он в бешенстве. И его отношение к Кэт изменилось. Теперь она не была его любимой, она была «шлюхой», которую он ненавидел. И доказывать ему, что она не Кэт, не имеет смысла, бесполезно, потому что он в своем безумии все равно не услышит ее. А Кэрол вовсе не хотелось расплачиваться за грехи Кэт, она не думала больше о Мэтте, о том, чтобы ему помочь. В этот момент ее заботила только своя жизнь и то, как ее сохранить, как не попасться в руки гонящегося за ней психа. Где-то в уголке ее оступевшего от страха сознания мелькнуло сожаление о том, что она не воспользовалась возможностью уехать, когда он выходил из машины. Дура, какая дура! Ну почему она всегда думает о ком-то, а потом уже о себе? Пожалела его, а теперь бежит, пытаясь спасти свою жизнь, зная, что он не пожалеет ее.

Она не услышала его приближения, потому ли, что он двигался бесшумно, или оглушенная шумевшей в ушах кровью и сумасшедшим стуком выпрыгивающего сердца, а когда до нее все-таки донесся звук его шагов и шум листвы, было уже поздно для того, чтобы попытаться спрятаться. Он видел ее. Бросив взгляд через плечо и разглядев между деревьями его мощную фигуру, Кэрол вскрикнула от ужаса и в отчаянной попытке убежать со всех ног рванулась вперед. Но уже через мгновение ее схватили сильные руки, и, не успевшая она даже вскрикнуть, как страшный удар швырнул ее на землю, почти оглушив. Новые удары обрушились на нее, заставив закричать.

— Мэтт! Хватит!

Ее истерический вопль заставил его остановиться, и Кэрол, распластавшись по земле, увидела над собой его искаженное страшной гримасой лицо. Схватив ее за волосы, он оторвал ее голову от земли.

— Куда это ты собралась, дрянь?

— Мэтт...

— Куда ты бежишь, я спрашиваю! — зарычал он и, сжав кулак, ударил по уже разбитому лицу, выпустив длинные волосы из пальцев. Задохнувшись от боли, Кэрол прижала ладони к лицу и застонала. Из приоткрытого рта вдруг хлынула кровь, попала в горло, и, едва не захлебнувшись, девушка стала надрывно кашлять, выплевывая кровь, беспрестанно наполняющую рот. Она не могла поверить в то, что происходит, в то, что Мэтт мог с ней такое делать. Но чувство реальности вмиг вернулось к ней, когда сильные пальцы внезапно нащупали ее горло. Стиснув в больших ладонях ее тонкую шею, Мэтт стал трясти девушку и в слепой ярости бить головой о землю, что-то невразумительно рыча низким, хриплым, не похожим на человеческий голосом. Кэрол с трудом различила несколько грязных оскорбительных ругательств, которыми он ее обозвал. Она пыталась его оттолкнуть, и не могла.

Он сильнее сжал ее горло, передавив дыхание.

Кэрол судорожно нащупала за поясом пистолет и, выдернув его, уткнула дулом в тело Мэтта и без колебаний надавила на курок. Выстрел оглушил ее, Мэтт дернулся и,

отшатнувшись назад, упал на землю.

Сжавшись в комок, он зарычал от боли, а Кэрл, продолжая машинально сжимать в руке пистолет, поднялась на трясущиеся, не подчиняющиеся ноги и, шатаясь, бросилась прочь.

Она вглядывалась в темноту, натываясь на деревья, которые плыли у нее перед глазами, уже не задумываясь над тем, в каком направлении бежать. Главное бежать. Куда — не важно. Подальше от него. Рот продолжал наполняться кровью, которая бежала по подбородку, капала на грудь. Девушка сплевывала, но непроизвольно, даже не замечая теплой, неприятной на вкус жидкости во рту, полуоглушенная после сильных ударов, двигаясь скорее инстинктивно, чем осознанно. Постепенно в голове у нее прояснилось, и она вдруг обнаружила, что стоит перед одноэтажным домиком, из окон которого лился мягкий приветливый свет. Почувствовав, что у нее не осталось никаких сил, что ноги ее подкашиваются, отказываясь ее держать, она громко застонала, падая в грязь.

И вдруг почувствовала какой-то странный дискомфорт во рту. Что-то было не так. Она не нащупала языком передних зубов.

— Кэт! — раздался в роще страшный хриплый вой.

Кэрл подскочила, словно получила удар плетью, и рванулась в дом, забыв о том, что только что не находила в себе сил ни на один шаг. Толкнув руками дверь, она с силой распахнула ее, заставив удариться о стену. За стойкой подскочил от неожиданности молодой мужчина и, онемев от изумления, широко раскрытыми глазами уставился на девушку.

— Помогите! — с трудом пошевелив разбитыми губами простонала Кэрл и упала на колени, утратив прилив сил, которые придал ей страх.

Опешивший мужчина подбежал к ней и, присев, попытался поднять с пола.

— Боже, что с вами? Что случилось? Авария?

Девушка обмякла в его руках, на мгновение лишившись сознания. Но толчок, когда мужчина подхватил рывком ее на руки, вернул ей ускользнувшее сознание, она распахнула глаза, обезумевшие от ужаса. Резко повернув голову, она посмотрела через плечо незнакомца.

— Дверь! Заприте дверь!

— Что?

— Дверь! — взвизгнула она, поддавшись панике, и дернулась в сжимающих ее руках, пытаясь соскочить на пол. Вырвавшись, она подскочила к двери и захлопнула. Подперев ее спиной, она повернулась к мужчине.

— Ключи! Замок! Что-нибудь! — закричала она. — Быстрее! Не стойте же!

— Да что происходит? Объясните, в конце концов!

Она не успела ответить, отброшенная в сторону распахнувшейся дверью. Растянувшись на полу, под ногами незнакомца, Кэрл обернулась.

Неузнаваемый, весь в крови и грязи, Мэтт тяжело переступил через порог и остановился, окинув взглядом мужчину и лежащую у его ног девушку.

— Что произошло? Вы ранены? — взволновано спросил у него мужчина.

Мэтт словно не услышал его, не отрывая взгляда от девушки. Та медленно поднялась, цепляясь за незнакомца, и попятилась назад, спрятавшись за его спиной. Тогда Мэтт переключил свое внимание на него.

— Защищаешь ее, да?

Тот с приветливой улыбкой поднял руку, встревожено разглядывая явно пребывавшего не в себе мужчину.

— Вы ранены. Это шок... ничего страшного. Сейчас мы вызовем помощь и...

— Кто это, Кэт? К нему ты так спешила, да? И давно ты ее трахаешь, ублюдок?

Лицо мужчины вытянулось от изумления, он открыл рот, но не успел ничего сказать, отброшенный назад ударом такой силы, что пролетел через все комнату и, перевалившись через стойку, рухнул на пол, ломая под собой стул.

Кэрол замерла в надежде, что мужчина поднимется, но он больше не пошевелился. Прежде, чем она смогла сделать какое-либо движение, Мэтт молниеносно впился железными руками в ее тело и, приподняв над полом, вынес на улицу. Кэрол закричала, отчаянно вырываясь, но он зажал ей рот ладонью и, брыкаящуюся, умирающую от страха, потащил за дом. Даже не замечая ее сопротивлений, он занес ее в какое-то помещение. Это был пустой гараж, который, судя по всему, превратили в мастерскую. Бросив девушку на пол, Мэтт прикрыл за собой двери. А Кэрол, ударившись о деревянный пол, услышала стук выскользнувшего из-за пояса пистолета, о котором забыла. Схватив его, она подскочила и отбежала от повернувшегося к ней Мэтта как можно дальше, вглубь гаража, чтобы он не смог схватить ее своим молниеносным движением, от которого невозможно было увернуться. Тяжело дыша, она вскинула пистолет, направив ему в грудь, отстраненно подумав о том, почему он не отобрал у нее оружие. Неужели тоже о нем забыл?

— Не подходи! — закричала она не своим голосом, с отчаянием сжимая пляшущий в руках пистолет, который как будто пытался вырваться из ее неуверенных пальцев, отказываясь целиться в того, кому принадлежал.

Он сипло рассмеялся. Никогда в жизни она еще не слышала такого страшного, отвратительного смеха.

Она смотрела на него и не узнавала. Это был не Мэтт. Это кто-то другой, мерзкий, ужасный, который одним своим взглядом заставлял ее ноги подгибаться от ужаса. Какой взгляд... Господи, какой взгляд! Разве у человека может быть такой взгляд? Разве у *Мэтта* может быть такой взгляд?! Ощущение реальности вновь стало ускользать от нее. Она вполне готова была поверить в то, что просто спит.

Он двинулся к ней.

— Стой! Я выстрелю! — взвизгнула она.

— Стреляй, — отозвался он с пугающим спокойствием и равнодушием. — Стреляй, Кэт. Только на этот раз прицелься получше, если хочешь уйти отсюда живой. Тебе придется убить меня, чтобы я не убил тебя. Готова? Давай, тебе не составит труда. Так ведь? Ты же мечтаешь от меня избавиться. Я мешаю тебе. Мешаю тебе и твоим любовникам.

— Мэтт, да очнись же ты! Я не Кэт! Я Кэрол! Кэрол!!! И я не хочу убивать тебя, я люблю тебя!

— Любишь? И у тебя еще язык поворачивается говорить мне эти слова? Шлюха. Потаскуха. Всю душу мне истерзала, дрянь. За что? Ведь я так тебя любил... Я не могу больше. Не могу это выносить. И я не позволю тебе... Ты мне ответишь! Ты сдохнешь, сука! Сдохни, и перестань меня мучить! Я просто избавлюсь от тебя, давно надо было, и мои страдания закончатся.

— Нет, не подходи! Я стреляю!

— Думала, что можно безнаказанно издеваться надо мной? Если я тебя любил и все терпел, это значит, что можно меня растоптать, ни во что меня не ставить, да? Ошибаешься, любовь моя, — он покачал головой, медленно приближаясь и не отрывая от нее безумного взгляда, горящего беспощадной ненавистью.

Смотря в его глаза, она поняла, что он не остановится. И поняла, что не может нажать на курок. Она не остановит его, если ранит. Он даже не замечал, что у него прострелен бок, что истекает кровью. И он был прав, когда говорил, что чтобы выжить, ей нужно убить его. Сейчас, пока есть возможность. Или он убьет ее.

Из глаз ее брызнули слезы, грудь сотрясли отчаянные рыдания.

— Мэтт, пожалуйста, не подходи! — простонала она. — Умоляю тебя! Не подходи!

— Что во мне было не так? Что? Почему ты сбегала от меня к другим? Что было в них такого, чего ты не находила во мне? Нужно было только сказать, просто сказать, что тебе не нравится, чего не хватает, я бы все исправил, дал бы тебе все, чего ты искала. Просто сказать... Зачем же ты со мной так? Ты же знала, какую боль мне причиняешь, знала и видела, как я страдал... Стреляй, не бойся. Тебе ничего за это не будет, тот мужик, твой любовник, подтвердит, что ты всего лишь защищалась...

Кэрол отчаянно мотала головой, тихо воя от нечеловеческой муки, разрывающей сердце. В безумных глазах, устремленных на нее, она увидела такую бесконечную боль, что в ней не осталось больше ни капли того отвращения и неприязни, которые она испытывала к нему минуту назад. Даже страх ее отступил перед нестерпимой болезненной жалостью, когда она разглядела, как несчастен Мэтт даже в своем безумии, что вся его нездоровая злоба и жестокость порождены страданием, что его желание отомстить, наказать — всего лишь ответная реакция на боль, которую он не смог вынести, которая сломала его.

Кэрол захотелось бросить пистолет, обнять его, прижать к груди, в которой с небывалой ранее силой вдруг почувствовала нежную, горячую любовь. Только в это мгновение она осознала, прочувствовала всю глубину и силу своего чувства. Чувства, которое не позволит ей убить его. Убить его. Это же нелепость, кошмар. Убить его. Убить, когда сердце ее разрывалось от любви.

Он остановился от нее в двух шагах, не отрывая взгляда от ее глаз, словно недоумевал, почему она не стреляет. И вдруг лицо его перекопилось от ярости.

— Ты думаешь, я шучу, Кэт? Ты не боишься меня, не воспринимаешь всерьез, потому что уверена в том, что я размазня, что не способен ответить на обиду? Ты всегда так считала, верно? Думаешь, если я люблю тебя, то не смогу наказать? Я больше не люблю тебя, потаскуха, ты всего лишь подстилка, грязная, протертая до дыр, изгаженная многочисленными тварями, которые на тебе валялись... Мне противно на тебя смотреть. И я ненавижу тебя! Ненавижу еще больше, чем любил!

Он шагнул к ней, и Кэрол отскочила назад, не отводя от него пистолета, но наткнулась на стену. Отступать было не куда.

— Нет... пожалуйста... Мэтт... стой, не подходи... не надо...

Она вдруг вспомнила свой сон, в котором стояла и смотрела в глаза своей смерти. Смотрела и плакала, как сейчас. А в следующее мгновение Мэтт сильным резким движением вырвал пистолет из ее рук и отшвырнул в сторону. Его крепкий кулак, с беспощадной жестокостью обрушившийся ей на скулу, заставил ее сильно удариться затылком о стену. Девушка захрипела и даже не попыталась на этот раз прикрыть лицо, чтобы защититься от ударов. Сильные пальцы вцепились ей в волосы, не позволяя упасть, он схватил ее за подбородок и заглянул в залитое кровью лицо.

— Ну, что, сука, нравится? Приятно? Тебе хочется удовольствий, ищешь приключений, да? Получай, гадина... я покажу тебе удовольствия...

Продолжая держать ее за волосы, он заставил ее упасть на пол и начал рвать на ней

одежду, терзая нежное тело. Кэрол, обезумев от ужаса, отчаянно сопротивлялась, но его он лишь усмехался, демонстрируя свою поразительную силу, которой она всегда так восхищалась и которая теперь обернулась против нее.

Сорвав с нее остатки одежды, он грубо перевернул ее на живот и, больно стиснув пальцами ее бедра, оторвал их от пола, рванув вверх, подтянув к себе. Расстегнув джинсы, он с хриплым рычанием вонзился между нежных ягодиц девушки, из горла которой вырвался крик боли. Она забилась в его тисках, пытаясь вырваться.

— Мэтт! Мне больно! Мэтт!!!

Ее жалобный умоляющий вой лишь подстегнул его, он издевательски засмеялся ей на ухо, с еще большей грубостью и силой истязая ее, упиваясь ее болью, ее криками, содрогаясь от острого пронзительного удовольствия, которое доставляло ему ее сопротивляющееся, судорожно сжимающееся, горячее тело.

Зажмурившись и стиснув зубы, Кэрол стонала от боли, обессилив от бесполезной борьбы с могучими мускулами, которые подавили ее, сломали, лишив жалких остатков сил и надежды на освобождение. Ее жалобные стоны смешались с его сладострастным хрипом, срывающимся то в стон, то в рычание. Девушка больше не просила о пощаде, смутно удивляясь какой-то животной дикой страсти, с которой он терзал ее бедное тело.

Когда он застонал и задергался, придавив ее с такой силой, что едва не вышиб из нее дух, она вздохнула с облегчением, поняв, что пытка ее закончилась. Он вдруг выпустил ее из своих рук и упал рядом, наполовину придавив своим тяжелым телом. Кэрол, вонзаясь ногтями в доски пола, медленно выползла из-под него. Он не помешал ей, уткнувшись лицом в пол и громко, тяжело дыша. Кэрол поползла дальше, потом поднялась на четвереньки, не отрывая обезумевшего взгляда от спасительного выхода. Ей казалось, что стоит ей доползти до двери, выбраться отсюда, и она будет спасена.

Она закричала от внезапной ярости, когда его пальцы снова вцепились ей в волосы и рванули вверх, отрывая от пола и заставляя подняться.

— Куда это ты, любовь моя? Я еще не закончил. Впереди самый главный момент, — он с улыбкой схватил ее за горло, но Кэрол, зарывав от злости, вонзила в его лицо свои изуродованные ногти, поломанные о пол.

Выпустив ее горло, он ударил ее раскрытой ладонью в лицо, с силой отшвырнув от себя.

Упав на пол, девушка почувствовала оглушительную боль, пронзившую затылок. В глазах потемнело, Кэрол не двигалась, с ужасом чувствуя, как меркнет и угасает ее сознание, медленно, тяжело, позволяя ей это понять. Боль в затылке была такой страшной, что Кэрол подумала, что в голову что-то вонзилось...

Мысль о том, что она умирает, успела промелькнуть в ее сознании, успела отозваться в ее сердце смертельной ноющей тоской и вспышкой горького отчаяния...

Мэтт остановился над девушкой, смотря на распростертую обнаженную фигурку, на тиски, о которые та ударилась головой, и на расплывающееся под грязными спутанными волосами пятно алой крови.

— Вставай, гадина! Хватит притворяться!

Он толкнул ее ногой. Потом ударил. Еще раз, и еще, пытаясь привести ее в чувства.

— Понимайся, дрянь! Ты не лишишь меня удовольствия придушить тебя собственными руками! Вставай, сука!

Охваченный припадком бешенства, он с неудовлетворенной злобой пинал по полу безжизненное тело, задыхаясь от досады. Но девушка не реагировала больше на удары, не

чувствовала боли, и это приводило его в неопишемую ярость. Все еще не веря в то, что она может быть мертва, он опустился на колени и, грубо приподняв ее за плечи, заглянул в окровавленное лицо.

— Сдохла, сука? Ну и черт с тобой! — скривившись от ненависти, он плюнул в закрытые глаза и бросил ее на пол.

Встав, Мэтт направился к выходу. Резко остановился и зашатался, подняв руки к глазам, перед которыми внезапно все поплыло. Почувствовал вдруг неожиданную слабость и пульсирующую боль в простреленном боку. Ужасную боль. С удивлением он опустил взгляд на залитую кровью рубашку, словно только теперь заметил, что ранен. Голова его закружилась, непреодолимая усталость и слабость потянули его вниз, на пол. Ноги его подломились, и он тяжело упал. Веки его задрожали и медленно сомкнулись. Он не понимал, что с ним происходит, но не мог с этим справиться, чувствуя, как немеет тело, наливаясь свинцовой тяжестью, отказываясь ему подчиниться. Он до последнего отчаянно пытался отогнать подступающую к нему тьму, но она все-таки одолела его, затянув в свое черное лоно, откуда ему, возможно, уже не было возврата.

Открыв дверь своей квартиры, Джек вошел внутрь и, не включая свет и не разуваясь, прошел в гостиную. Швырнув кейс в кресло, он снял пиджак и отправил его туда же. Оттянув вниз узел галстука, он расстегнул верхние пуговицы рубашки и вдохнул полной грудью, словно одежда и галстук душили его. Подойдя к бару, он достал бутылку виски и стакан и устроился в кресле.

Он не мог потом вспомнить, как долго он так сидел, в темноте, и сколько раз наполнял свой стакан.

Наверное, не один раз, потому что когда он решил, наконец-то, подняться, голова у него закружилась и, чувствуя, как его повело в сторону, Джек ухватился за кресло, чтобы не упасть. Выровняв равновесие, он тихо засмеялся сам над собой.

Впервые в жизни он почувствовал, что это такое — быть пьяным.

Наверное, скажи он кому, что за свои неполные двадцать семь лет он никогда раньше не напивался — или не поверят, или засмеют! Но, однако, это было так. На то, чтобы пить, у него не было ни времени, ни желания.

Сначала университет. Гарвард. Он отдавал учебе все свое время, с успехом и поразительным упорством грызя гранит науки. Он мечтал о карьере, и неуклонно шел к поставленной цели быть лучшим в выбранной профессии.

Больше для него ничего не существовало и не имело значения. Ни девушки, ни любовь, ни развлечения и отдых. И пока его сверстники отрывались в ночных клубах и барах, собирались компаниями на пикниках, устраивали шумные вечеринки, он сидел над книгами, писал доклады или просиживал штаны на лекциях.

У него было мало друзей, а те, что имелись, были такие же помешанные на учебе «зубрилы», как и он сам. Почти все преподаватели его обожали за усидчивость и ум. Сверстники не любили его, не понимая и не одобряя страсти к учебе, за глаза называя «ботаником» и занудой. Не любили за чрезмерный ум и способность к знаниям, за отвратительный бешеный нрав и острый ядовитый язык. Редко кто осмеливался открыто выказывать ему неприязнь или неуважение, не говоря уже о том, чтобы перейти ему в чем-то дорогу. Его боялись. Он был довольно известной личностью во всем университете, и не только благодаря уму, характеру и языку. Все знали о его жестокости и неумении прощать,

даже мелкие и, казалось бы, незначительные обиды. Сам Джек никогда не утруждал себя тем, чтобы кому-то нравиться. А после первой неудачной любви, он подавил в себе естественные порывы привлекать девушек и нравиться им. Но с годами он приобретал привлекательность, и женская половина смотрела на него все с большим интересом. Его сильная незаурядная личность, надменность и высокомерие, а также отсутствие заискивания перед девушками, почему-то стали интриговать и притягивать слабый пол.

Зануда и зубрила преобразился в девичьих глазах в загадочного и умного молодого человека, к тому же чертовски привлекательного. Даже самые дерзкие и отчаянные девицы смущенно краснели под пронзительным хитрым взглядом его стальных глаз, робко лепеча что-то заплетающимся языком.

Так и пришло время, когда женщины стали преклоняться перед ним, когда на него смотрели восхищенными глазами, в которых уважение смешивалось со страхом. Но его ничуть не смущало то, что его побаиваются женщины, ему это даже нравилось.

Еще до того, как он окончил Гарвард, на него уже посыпалась такая куча предложений из юридических фирм, выражающих желание заполучить лучшего из воспитанников авторитетного учреждения, что даже его преподаватели были изумлены. Но многие считали, что своим успехом и таким спросом будущий адвокат обязан исключительно своему отцу — влиятельному знаменитому судье, который, несомненно, позаботится о карьере своего единственного сына. И ничего и никогда в этом мире не бесило Джека так, как уверенность окружающих в том, что его «продвигает» отец. Никто не хотел признавать его ум и талант и способность самому чего-то добиться в жизни. И даже когда он окончил Гарвард с золотой медалью, кто-то сказал ему в спину, что о медали позаботился его папочка. Никогда еще Джек не чувствовал себя таким оскорбленным, как в тот знаменательный день, к которому он так стремился не один год и который был его первой большой победой, как и полученная медаль. Медаль и звание лучшего выпускника.

Только он один и еще, может быть, Господь Бог, знал, сколько усилий было приложено им для того, чтобы стать первым, лучшим. Это была его давняя и единственная мечта — быть лучшим. Но его праздник был омрачен, если не сказать больше — испорчен. Никто не верил в то, что он сам этого добился, за исключением, может быть, его преподавателей. Его победу отобрали у него и вручили его отцу, который не имел к ней никакого отношения. Это привело Джека в неопишемую ярость, переполнило чашу его озлобленности, зародившуюся в его сердце в день, когда от него отказалась мать.

Он жаждал доказать всем, всему миру, что он не тень своего отца, что он сам по себе и не менее сильная личность, чем он, а, может, и более. Отец не вмешивался в его жизнь, понимая и одобряя желание сына самому проложить себе дорогу в мир сильных.

Меньше, чем за год практики, Джек добился поразительного успеха и признания в выбранной профессии. Его ловкость, хитрость и шокирующая дерзость, не лишенная некоторого очарования, и то, с какой легкостью и непринужденностью он выигрывал свои первые дела, красиво и эффектно сметая в зале суда все со своего пути к победе, а также молодость и обаяние, прославили его, превратив в зарождающую звезду.

Став востребованным, он уволился из юридической фирмы, в которой практиковал еще студентом и на заработанные деньги снял небольшое скромное помещение, но в самом лучшем районе, и открыл свой первый офис. Наняв секретаршу и уборщицу, он занялся частной практикой.

И здесь ему сопутствовал успех.

Вскоре он мог позволить себе перебраться в офис, соответствующий его положению. В офисе, где он с достоинством принимал своих клиентов, которые становились все более непростыми людьми. А он стал не простым адвокатом. Его коллегам оставалось только зеленеть от зависти и кусать локти, наблюдая за тем, как вырос контингент его клиентов. К Джеку Рэндэлу прочно прилепилась репутация человека, для которого не существует ничего невозможного. К нему обращались люди с самыми деликатными и сложными делами, и за какое бы дело не брался адвокат, оно было обречено на успех.

Вскоре все воспринимали это уже как должное. И когда за дело брался Джек Рэндэл, противоположная сторона, выступающая против него, заранее складывала ручки, смиряясь с неизбежным поражением.

Произнося его имя, о его отце уже не вспоминали. Джек стал более знаменит, он был солнцем, а его отец — звездой, теряющейся под его лучами.

Но когда они объединялись, их силы и умы сливались в одно целое, образуя смертоносную молнию, способную достать и поразить кого угодно и остановить ее удар было невозможно. Его отец не искал славы, а Джек к ней стремился. Он хотел, чтобы о нем услышала мать, узнала, каким он стал, чего добился.

Сам. Без нее. В глубине его сердца жила мечта посмотреть когда-нибудь ей в глаза так, как боги смотрят на мерзкое гадкое пресмыкающееся, ползающее под ними, пресмыкающееся, на которое было смотреть не только противно, но и унижительно. Да, он хотел, чтобы она почувствовала и поняла, что по сравнению с ним она — ничто.

Когда-нибудь придет его час отомстить за свою самую глубокую рану, за участь брошенного, отвергнутого, ненужного. Несчастная, она не знала, насколько опасен ее собственный сын и сколько в нем живет ненависти.

Если она до сих пор не пожалела о том, что отреклась от него, то еще пожалеет, непременно. Он заставит ее. Как заставит понять, что, бросив свою семью, она совершила самую большую ошибку в своей жизни. Роковую ошибку. Тот, ради которого она это сделала, к которому ушла, давно это уже понял... перед тем, как Джек его наказал. Беспечная мамочка наверняка ничего об этом не знает. Впрочем, отец тоже об этом не знал. Как не знал о том, что Джек жаждет отмщения собственной матери. Только для него она не была матерью. Это была просто женщина, которую он ненавидел и презирал всем сердцем и всей душой.

Когда клиентов стало слишком много, когда его стали рвать на части, Джек открыл свою собственную юридическую фирму.

Работа отнимала все его время... или почти все. Некоторую его часть он все-таки вынужден был отдавать женщинам. Потому что для нормального мужчины женщины жизненно необходимы, как еда, вода, сон... Недостатка в них он не испытывал, но всегда держал на уровне постели, да и вообще, постоянство не входило в его добродетели. Может быть, потому что он не любил, а может, сам по себе таким был. Он никогда над этим не задумывался.

А сегодня он пьян. Почему? Потому, что впервые в жизни потерпел поражение? Потому, что в первый раз усомнился в себе и своих поступках? Первый раз пожалел о том, что сделал? Никогда раньше он не признавал за собой ошибок. Он никогда не считался с совестью и таким понятием, как нравственность. Он помогал преступникам. Давал свободу убийцам и маньякам, не заботясь о последствиях, потому что ему было все равно. Нет, он, конечно помогал не только плохим людям, и на его счету было гораздо больше хороших дел,

когда он спасал чьи-то жизни, вытаскивал из самых глубоких пропастей, уберегал от краха и разорений, защищал невиновных даже в самых отчаянных и безнадежных ситуациях... Только безнравственные и плохие поступки почему-то имели большую, к тому же вечную, славу. О хорошем быстро забывают, а плохое не прощают никогда. Таковы люди.

Но вот настал момент, когда Господь наказал его. А может, он сам себя наказал. И на этот раз совесть взяла над ним верх, и рвала его своими острыми зубами, как изголодавшийся и наконец-то дорвавшийся до добычи зверь. Чувство вины травило его кровь, давило на плечи и грудь. Джек не мог этого переносить. Он ненавидел и презирал это чувство. Но сейчас преодолеть его он не мог.

Он выпустил чудовище из клетки, отдав ему на растерзание невинную девочку. Он не смог ее уберечь. И если она погибнет, это будет его вина.

Это он обрек ее на страшную смерть.

И никогда в жизни ему еще не было так плохо. Даже, когда его бросила мать. Хотелось напиться и забыться. Он не умел прощать других, но он не умел прощать и себя, если признавал за собой ошибку.

И он понял, что, выпустив Мэтта на свободу, он совершил самую большую ошибку в своей жизни. И эта ошибка будет стоить ему жизни той, что каким-то образом проникла за броню его ожесточенного сердца.

Его душили ярость и досада. Он был в бешенстве.

Какой-то больной придурок обвел его вокруг пальца, утер нос, как сопливному глупому мальчишке.

Недооценил он своего противника. Не думал, что этот жалкое раздавленное ничтожество осмелится сопротивляться. Мэтт оказался хитрым и упрямым, притворился, что покоряется, чтобы усыпить его бдительность. Как он смог убедить Кэрол не поверить ему, Джеку, когда она так слепо ему доверяла? Как убедил бросить все и уехать с ним? Если, конечно, он не увез ее силой.

Джек рвал и метал. Ему казалось, что он взорвется от злости. Он ругал последними словами Мэтта, Кэрол и себя. И не знал, на кого он злится больше. Он делал все, чтобы найти их, поставил на уши всех, кто мог ему в этом помочь, пользуясь своими многочисленными связями.

Они шли по следу Мэтта, но нагнать никак не могли. Этот хитрый засранец делал все, чтобы усложнить преследование, он не направлялся куда-то в одну сторону, он петлял, ехал то в одну сторону, то в другую, вел себя совершенно непредсказуемо и спонтанно, и невозможно было вычислить, куда он направляется, потому что, скорее всего, он и сам пока этого не знал. Дороги были стихией Мэтта, он чувствовал себя на них как рыба в воде, и ему было легко путать следы и водить своих преследователей за нос.

В мотелях останавливался под вымышленными именами, что, впрочем, не вводило в заблуждение опытных ищеек, идущих по его следу. Они нагонят его, вот-вот, он опережал их всего на один шаг. Только бы до того, как это произойдет, не случилось непоправимое, и Кэрол все еще была бы жива. Мэтт не уйдет от него. Ох, что он сделает с этим отморожком, когда тот попадет в его руки! Джек готов был растерзать его на кусочки. И именно так он и собирался сделать. Он выместит на этом ублюдке всю свою ярость.

Чтобы как-то отвлечься от мучительных мыслей, Джек включил автоответчик. Присев на край стола, он отстраненно слушал бесконечные сообщения, даже не стараясь вдуматься в смысл произносимых слов, которые пролетали мимо его сознания. Осушив стакан, он

прикурил сигарету.

Пытаясь разыскать беглецов, Джек забросил все остальные дела, забыв о работе. Впервые он бросил работу, наплевав на все. Его адвокаты изо всех сил пытались справиться с этой неожиданной ситуацией, улаживая возникшие проблемы с клиентами начальника, чьи дела он забросил, и также с заседаниями и судами, на которых он должен был присутствовать, представляя чьи-то интересы. Некоторые его дела, если соглашались клиенты, адвокаты брали на себя. В общем, в его офисе все из кожи вон лезли, чтобы уладить все его дела, они обрывали его телефон, но Джек не мог и не хотел сейчас думать о работе и о чьих-то проблемах, которые он должен решать. Да, это его работа — решать чьи-то проблемы, и за это ему платят баснословные деньги, но сейчас для него имела значение только своя собственная проблема. И он готов был послать всех к черту, и клиентов, и своих адвокатов, и даже бесконечно уважаемую им секретаршу.

Голоса, раздающиеся из аппарата, вдруг стали резать ему уши, и, ощутив прилив раздражения, он потянулся к кнопке, чтобы выключить его.

Но его рука резко замерла над кнопкой, когда после очередного гудка он услышал дрожащий испуганный голос.

— Джек, пожалуйста, если ты дома, возьми трубку! Мне очень нужно...

Испуганный крик и звук удара. И все. Щелчок, и он услышал голос секретарши, умоляющей его позвонить в офис.

— Кэрол! Кэрол!!! — в отчаянии и ужасе закричал он в автоответчик так, словно она могла его услышать.

Стиснув зубами сигарету, Джек склонился над автоответчиком и поспешно прослушал дальнейшие сообщения, надеясь снова услышать голос Кэрол. Его надежды не оправдались.

Тогда он перемотал пленку назад и прослушал еще раз.

— Джек, пожалуйста...

Еще раз.

— Джек, пожалуйста...

Застыв, как безжизненная статуя, Джек смотрел в окно. Сигарета между его пальцами истлела, роняя пепел на пол, но он совершенно о ней забыл. Этот звонок говорил об одном. Кэрол поняла, что Мэтт болен и опасен. Она была напугана, и наверняка собиралась попросить о помощи, и не успела. Не трудно было догадаться, кто ей помешал. Она больше не перезвонила. Это могло означать только одно. Если бы она была жива, она бы позвонила, чтобы попросить о помощи.

Ноги его вдруг подломились и, выронив дымящийся окурок из пальцев, Джек медленно сполз на пол вдоль стены. Застонав, он в отчаянии обхватил голову руками. Он никогда не пытался себя обманывать, и сейчас он знал, что случилось то, чего он боялся больше всего на свете. В Мэтте проснулся монстр, а это значит, что Кэрол больше нет. И она больше не позвонит. Никогда.

Лежа на полу в гараже, в луже собственной крови, сочащейся из простреленного бока, Мэтт постепенно приходил в сознание. Веки его дрожали и приоткрывались, но потом вновь смыкались, и сознание ускользало от него. Никто бы не мог сказать, сколько он так лежал, а тем более он сам. Не было никого, кто бы его видел и мог бы помочь прийти в чувства.

Никто не знал, что он здесь истекает кровью. Никто не знал, что рядом с ним лежит неподвижная девушка. И любой бы ужаснулся, узнай, что он сделал с ней, своей женой.

Открыв глаза, Мэтт смотрел в пустоту ничего не видящим, неподвижным и ничего не выражающим взглядом. Постепенно взгляд его сфокусировался на одной точке, и он увидел над собой потолок, как будто только сейчас открыл глаза. Разглядывая потолок, он пытался сосредоточиться и понять, где находится. В мозгу начинала медленно, но неизбежно нарастать давящая ноющая боль, словно ее вызывали именно его умственные усилия.

Скривившись, Мэтт закрыл глаза и расслабился. Боль отступила.

Он готов был лежать вот так вечно, лишь бы эта проклятая боль не возвращалась. Он так от нее устал.

Терпеть уже не было сил. Но он почувствовал холод и почти онемевшее тело, и волей-неволей пошевелился и приподнялся. Поглаживая затылок ладонью, словно пытался таким образом не подпустить боль, он медленно заскользил взглядом вокруг и замер, наткнувшись на распростертую в двух шагах от него обнаженную хрупкую фигурку.

И боль, которую он гнал от своей головы, вонзилась в сердце, да с такой силой, что он застонал. Девушка лежала в неестественной позе, уткнувшись лицом, прикрытым грязными волосами, в пол. На затылке ее запеклась кровь. На ягодицах и длинных ногах тоже были следы крови.

— Котеночек! — жалобно позвал Мэтт, с трудом шевеля похолодевшими онемевшими губами.

Став на четвереньки, он подполз к девушке, шатаясь от внезапной слабости, охватившей все его тело.

Трясущимися руками он оторвал Кэрол от пола и перевернул на спину. Белокурая голова безжизненно откинулась назад и, убрав волосы, он увидел ее избитое лицо и застонал.

— Котеночек! Котеночек, очнись! — молил он, глядя ее по грязной, опухшей щеке, почти ничего не видя перед собой из-за пелены слез, застилавшей его глаза. Девушка не реагировала, и, потеряв над собой контроль, Мэтт с силой стал ее трясти, захлебываясь в рыданиях.

— Пожалуйста! Господи, пожалуйста! Кэрол, пожалуйста, котеночек мой, посмотри на меня! Посмотри!

Но она не слышала его. И Господь тоже его не слышал.

Осознав вдруг, что девушка болтается в его руках, как безжизненная тряпичная кукла, Мэтт резко замер, испугавшись того, что увидел. Мгновение он смотрел в красивое грязное личико широко раскрытыми глазами, не замечая слез, заливающих его щеки и падающих на девушку. Смотрел на неподвижное разбитое лицо и окровавленные губы, на закрытые веки и длинные темные ресницы... Смотрел и не мог поверить, что это грязное избитое существо, безжизненно лежащее в его объятиях — Кэрол, его любимая, его котеночек, его красавица — жена.

Прижав девушку к груди, он закричал. Закричал так, словно ему живьем вспороли грудь и вырвали сердце. Закричал от невыносимой смертельной боли, от мучительной агонии, отнимающей у него жизнь.

Но никакие вопли не могли облегчить его страданий и, уронив голову на обнаженную девичью грудь, он стиснул пальцами нежную плоть, содрогаясь в безудержных рыданиях, сквозь которые прорывались мучительные стоны отчаяния и горя...

Обезумев, он целовал прекрасное тело, размазывая по ее коже свои слезы, прижимал к губам холодные руки, осторожно касался израненного личика, словно боялся причинить ей

боль.

— Прости меня! Прости, я не хотел... Я не хотел!!! Котеночек, мой маленький нежный котеночек...

Он помнил, что он сделал. Да, он вспомнил за миг до того, как закричал. Он знал, что это он ее убил.

Поглощенный своим горем, он не задумывался над тем, что впервые память вернулась к нему после приступа безумия, что в его мозгу не заблокировалось, как обычно, то, что он делал, теряя рассудок. Он не помнил всего, но того, что открылось ему его памятью, было более чем достаточно, чтобы понять, что произошло. Он помнил, как бил ее, и с удивлением смотрел на свои слегка припухшие костяшки пальцев, не веря в это. Помнил и другое... Но гнал эти воспоминания, более похожие на ночной кошмар, прочь от себя, потому что они были непереносимы для него.

Он обнимал хрупкую фигурку девушки, любясь ее лицом и не замечая более ссадин и кровоподтеков, нежно целуя его, вдыхая ее запах с больной блаженной улыбкой на губах. И лишь глаза его продолжали вопить о нечеловеческой муке, безумные от боли и отчаяния, блестя от слез, которые словно сами по себе продолжали бежать по посеревшему лицу.

Жадно, с бесконечным отчаянием, он прижался к ее губам, как прижимается обреченный умереть от жажды к фляге с последними каплями воды. Почувствовав, что у девушки нет зубов, он резко отшатнулся, вернувшись к действительности. Лицо его перекосило судорогой и, захрипев, он упал на пол и забился в истерике.

И только когда силы оставили его, он, изможденный и полностью опустошенный, замер, растянувшись на полу и уставившись плачущими глазами на девушку. Постепенно глаза его высохли, слезы иссушило пламя слепой ярости, разгоравшееся все сильнее, пока не превратилось в бушующую стихию, пожирающую все на своем пути.

Мэтт медленно поднялся, почувствовав, что силы вернулись к нему каким-то чудесным образом. Даже онемевшее от раны в боку тело наполнилось прежней силой, став таким же подвижным и гибким, как прежде.

Подойдя к задней стене гаража, Мэтт подобрал с пола пистолет и почти хладнокровно проверил наличие патронов. Поставив на предохранитель, он сунул оружие за пояс, и, опустившись на колени рядом с девушкой, прижался к ее губам в горьком прощальном поцелуе. На глаза его снова навернулись слезы.

— Я отомщу за тебя, котеночек. Отомщу за нас. Тому, кто нас погубил.

Накрыв девушку своей окровавленной рубашкой, он порывисто поднялся и вышел из гаража.

Остановившись, он поднял лицо и посмотрел на черное небо.

Ни одной звездочки. Черные тучи заволокли все светила, погрузив мир во мрак.

Ветер стих, и дождь почти прекратился. Ни один звук не нарушал тишину. Было так тихо, что Мэтту вдруг показалось, что он один во всем мире, единственное живое существо на всей опустевшей внезапно планете. И вокруг него были только мрак, пустота и бесконечная тоска. Но то, что было вокруг, этот мрак, пустота и тоска — все это было ничем по сравнению с той беспросветной тьмой, той черной безграничной пустотой и разрывающей сердце безысходной тоской, которые царили у него внутри, в его душе, сердце, мыслях.

— Будь проклят этот мир, — шепнул он небу. — Будь ты проклято. И будь проклят я сам... Будь я проклят!!!

Мелкий дождик накапывал ему на лицо, словно пытаясь утешить и успокоить, и Мэтт закрыл глаза, принимая его ненавязчивую прохладную ласку и невольно наслаждаясь этим мгновением. Мгновением жизни. Даже если это мгновение принадлежит ему, проклятому Богом и людьми, а теперь и самим собой...

Очень медленно и мучительно Кэрол приходила в сознание.

Она чувствовала холод и страх, смутно помня об угрожающей ей страшной опасности, поэтому прилагала невероятные усилия, чтобы удержать ускользающее сознание. Открывая глаза, она видела перед собой только странную красную пелену, будто глаза ей залили кровью, ощущала невыносимую боль в затылке... и снова проваливалась в бездну. Это происходило то очень быстро и стремительно, то медленно, когда в глазах у нее темнело, и она чувствовала и осознавала, что погружается во тьму. Сердце ее замирало от ужаса при мысли о том, что она уже может никогда не вернуться в этот мир, и Кэрол отчаянно пыталась воспротивиться забвению, цепляясь за жизнь.

Когда сознание вернулось к ней в очередной раз, она заставила себя приподняться. Красная пелена постепенно развеялась, и девушка смогла разглядеть освещенный тусклым светом гараж, в котором находилась. Но сразу же у нее закружилась голова, а к горлу подкатила тошнота. Девушка не сумела ее подавить, и ее вырвало прямо на пол. Из глаз побежали слезы, и Кэрол невольно застонала от боли, которая была в каждой клеточке ее тела. Почему-то ужасно болели бока, так, что дышать было больно и тяжело. Странно, вроде бы он не бил ее по бокам. А может, он бил ее, когда она уже была без сознания?

Кэрол окинула быстрым взглядом все вокруг, и облегченно вздохнула, обнаружив, что его нет. С удивлением она приподняла его рубашку, прикрывающую ее тело, но не стала задумываться над тем, каким образом она на ней очутилась. Поспешно натянув ее на себя, девушка с трудом поднялась на ноги, кривясь от боли. Поискав глазами пистолет, она побледнела. Оружия не было! Значит, оно было у Мэтта.

Задышавшись от страха, сдавившего ей горло и грудь, Кэрол на трясущихся ногах бросилась к выходу, пошатываясь, но изо всех сил стараясь не потерять равновесия из-за продолжающегося головокружения. Она не думала о том, куда мог уйти Мэтт, она знала лишь то, что он мог вернуться, в любой момент. Поэтому нужно бежать, спастись.

Трясаясь от страха и потрясения, Кэрол выскочила на улицу и босиком побежала по скользкой мокрой земле, забыв о боли и головокружении. Упав несколько раз в грязь, она все же сумела добраться до маленького домика, в котором находилась контора управляющего мотелем. Дверь была закрыта, в окне горел свет.

Девушка резко остановилась, снова едва не свалившись в грязь, и нерешительно посмотрела на дверь.

Она помнила, что когда в этот домик ворвался Мэтт и зашвырнул хозяина за стойку, откуда тот так и не поднялся, дверь после этого никто не закрывал. Разве что хозяин все-таки не свернул себе шею и пришел в себя, и теперь заперся внутри. Или там сейчас находился Мэтт.

Подкравшись к окну, Кэрол присела и осторожно заглянула в дом.

В углу в кресле с ружьем на коленях сидел тот самый молодой мужчина, который уже открывал ей эти двери некоторое время назад... Слава Богу, он жив!

Вздохнув с облегчением, Кэрол поскреблась в окошко.

Мужчина вскочил и вскинул ружье, направив его в окно. Видимо, Мэтт изрядно его

напугал — человек заметно нервничал. Кэрол прильнула к стеклу, смотря на мужчину умоляющими глазами.

— Пожалуйста... впустите меня!

Разглядев ее, мужчина мгновение колебался. Он явно опасался, что если он опять впустит эту девушку, появится и ее ненормальный спутник, который одним ударом заставил его пролететь через всю комнату и потерять сознание на добрых два часа! Но он колебался лишь секунду. Увидев заплаканные глаза девушки и ее избитое лицо, он бросился к двери и поспешно распахнул ее. Повесив ружье на плечо, он подбежал к девушке и, подняв ее на ноги, чуть ли не втащил в дом, тут же заперев двери.

Кэрол вдруг обмякла в его руках, почувствовав, как вся боль вернулась, а силы, наоборот, покинули ее.

Мужчина усадил ее в кресло и встревожено заглянул в избитое лицо, которое, впрочем, невозможно было разглядеть под слоем грязи и под спутанными волосами. Взгляд его скользнул по мокрой мужской рубашке, облепившей соблазнительное тело, которое было видно под неравномерно и через одну застегнутыми пуговицами, которые, судя по всему, девушка застегивала наспех. Мокрая ткань прилипла к ее груди, притягивая взгляд мужчины к четко вырисовывающимся полным упругим округлостям, от которых он смущенно отводил взгляд, чтобы в следующее мгновение снова поймать себя на том, что смотрит на них. Короткая рубашка едва прикрывала длинные стройные ноги, и даже ссадины и грязь не могли скрыть их красоту. Пытаясь разглядеть девушку, он проникся уверенностью, что до того, как ее избили и вывалили в грязи, она была красавицей. В глазах мужчины появилось сочувствие и симпатия.

— Как вы? — растерянно спросил он.

Кэрол не смогла ответить, трясась всем телом от пережитого ужаса.

По лицу ее беспрестанно бежали слезы, а расширенные глаза выражали боль и панический страх.

— Не бойтесь, — попытался успокоить ее мужчина. — Где он, не знаете?

Кэрол отрицательно качнула головой, подняв на него перепуганные глаза. Он ободряюще улыбнулся, и только сейчас она заметила, что у него разбито лицо.

— Простите... — выдавила она виновато. — Это из-за меня...

— Меня зовут Чак. А вас? — мягко перебил он, продолжая улыбаться и стараясь удержать свой взгляд на ее лице, не позволяя ему снова скользнуть ниже.

— Кэрол.

— А что это за сумасшедший парень, который за вами гоняется? Вы его знаете?

Подбородок девушки задрожал, глаза налились слезами, и мужчина успокаивающе погладил ее по руке, испугавшись, что она сейчас разрыдается.

— Ничего... ничего, теперь вы в безопасности. У меня ружье, и я неплохо стреляю. Если он опять сюда заявится, я больше не дам вас в обиду.

— У него пистолет, — выдавила Кэрол, не пытаясь скрыть своего страха.

Лицо мужчины напряглось, и он беспокойно посмотрел в окно.

— Тогда, думаю, будет лучше, если вы спрячетесь за стойку, — взяв девушку за плечи, он поднял ее и, заведя за стойку, усадил прямо на пол. — Так безопаснее. Если он вздумает стрелять в окно, здесь он нас не достанет.

Девушка послушно осталась сидеть на полу, прислонившись к стене.

— У вас работает телефон? — с трудом проговорила она, чувствуя боль в скулах,

которые не хотели ей подчиняться, наливаясь странной тяжестью.

— Не беспокойтесь, я уже вызвал полицию, — отозвался мужчина, не отрывая взгляда от окна. — Они должны подъехать с минуты на минуту.

Кэрол вздрогнула, устремив на него встревоженные глаза.

— Полицию?

— Ну да. Думаю, мы продержимся до их появления... если он попытается на нас напасть. А если он сбежал, они его поймают. Он не мог далеко уйти.

— Поймают? — снова переспросила девушка, еще сильнее разволновавшись. — А если он не дастся?

— Хм, ему же хуже! — ухмыльнулся мужчина, в душе надеясь, что так и будет. — Если он сам не сдастся и попытается воспользоваться своим пистолетом, его просто пристрелят, как бешеного пса. И правильно сделают.

— Пристрелят? — Кэрол резко выпрямилась, оторвавшись от стены. — Нет, нельзя! Нельзя!

— Нельзя? — мужчина удивленно повернулся к ней. — Почему это? А если он кого-нибудь убьет?

— Пусть они его поймают, но не убивают!

— Послушайте, вы не должны его жалеть. Посмотрите, что с вами сделал этот психопат!

— Но он на самом деле... болен. Он просто не в себе, понимаете? На самом деле он совсем не такой! Они не должны его убивать, не должны отправлять в тюрьму! Ему нужно в клинику!

— Если он и в самом деле псих, да еще вооруженный псих, ему точно конец. И это хорошо! Таких опасных психов сразу надо прибивать, а не лечить — все равно без толку!

Девушка вдруг вцепилась в его руку, смотря обезумевшими от отчаяния глазами.

— Пожалуйста... умоляю вас, скажите им, чтобы они не убивали его! Убедите их! Пожалуйста, пожалуйста!

— Я вас не понимаю! — рассердился Чак. — Этот человек вас едва не убил, а вы его защищаете! На вашем месте, я бы радовался, если бы его пристрелили! Я сам так и сделаю, если он сунется сюда до приезда полиции. Или вы даже тогда будете требовать, чтобы я его не трогал?

Из глаз девушки хлынули слезы.

— Я вам не позволю, — жалобно проскулила она, в ужасе смотря на ружье.

— Да ты сама ненормальная! — взорвался мужчина. — Я выставлю тебя сейчас за дверь, если не перестанешь нести всякую чушь!

— Пожалуйста... ну можно же как-то защититься или схватить его, не убивая! Ранить в ногу, в крайнем случае!

— Ага, мы ему в ногу, а он нам в голову! Если бы у него не было пистолета, то можно было сделать так, как вы говорите. Но, ради Бога, объясните, почему вы его жалеете? Неужели вам не хочется, чтобы он расплатился за то, что с вами сделал? Вы знакомы с этим психом?

— Он мой муж, — простонала Кэрол и, закрыв лицо, уткнулась в пол и горько расплакалась. — Я его люблю! Он хороший человек, и он любит меня... просто он болен, понимаете? Он не понимает, что делает!

Смотря, как она плачет, мужчина печально покачал головой, но смягчился. Оторвав

девушку от пола, он снова прислонил ее к стене, заставив сесть. Заглянув ей в глаза, он выдавил из себя улыбку.

— Ну, не плачьте, не надо. Все обойдется. Я объясню все полиции, и они попытаются задержать вашего мужа невредимым... или, по крайней мере, живым.

— Вы обещаете?

— Ну, я же сказал...

— Спасибо.

Немного успокоившись, Кэрол вспомнила про телефон, о котором забыла, когда поняла, какая опасность угрожает Мэтту. Она не чувствовала сейчас ни любви, ни даже симпатии к нему, наоборот, ее переполняло что-то, похожее на неприязнь, смешанную с паническим страхом и горькой обидой за то, что он с ней сделал, несмотря на то, что понимала, что он не в себе. Но мысль о его смерти была для нее невыносима и причиняла жуткую боль. Она ненавидела того, кто хотел ее убить, кто причинил столько боли и так жестоко надругался, кто был так безжалостен с ней, но она помнила и того, кто ее любил, нежного и доброго, ласкового Мэтта. Ее чувства к нему раздвоились, как раздвоилась его личность. В нем жило два человека, одного она продолжала любить, другого боялась и ненавидела.

Но сейчас ей было не того, чтобы разбираться в своих чувствах. Ей было плохо и очень страшно. Она мечтала об одном — оказаться дома, в безопасности. Поэтому она снова попросила телефон.

— Кому вы хотите позвонить? — насторожился Чак.

— Маме.

Удовлетворившись ответом, он поставил перед ней телефон.

— Я сделаю вам горячего кофе, — сказал он, поднимаясь, заметив, как дрожат руки девушки. — И принесу плед. Не вставайте и не высовывайтесь.

Захватив ружье, он проскользнул в другую комнату.

Кэрол прижала трубку к уху и трясущимися, не подчиняющимися пальцами набрала номер. В трубке потянулись бесконечные гудки, заставляя ее сердце наполняться отчаянием. И, когда она уже готова была расплакаться и положить трубку, она услышала сонный голос Куртни.

— Алло!

Дыхание у Кэрол вдруг перехватило, а горло сдавил спазм, не позволяя вымолвить ни слова. Она задрожала еще сильнее, а по лицу побежали слезы.

— Куртни...

— Кэрол? Слушаю тебя, — голос Куртни стал холодным и сердитым.

Она сердится. Конечно, она сердится.

Не выдержав, Кэрол расплакалась.

— Куртни... — снова выдавила она сквозь слезы, и замолчала, не в силах продолжить, пытаясь подавить рвущиеся из горла рыдания.

— Кэрол, что случилось? — испугалась женщина, мгновенно позабыв о своей обиде. — Почему ты плачешь? Не молчи, ради Бога, отвечай мне!

— Мамочка, забери меня отсюда... пожалуйста... я хочу домой!

— Где ты? Что у тебя с голосом? Почему ты так невнятно говоришь?

— У меня нет зубов. Мне больно...

— Боже мой! Девочка моя, что с тобой? Где ты?

— Я не знаю, — растерялась Кэрол. — Мотель какой-то...

Она подняла глаза на вернувшегося мужчину и протянула ему трубку.

— Пожалуйста, объясните моей маме, где мы находимся.

Кивнув, он взял трубку и спокойно рассказал Куртни, как найти его мотель. Кэрол сидела на полу, откинувшись на стену и закрыв глаза. Она больше не плакала, но на лице ее застыла такая печаль, что плачь она в три ручья, и то на это было бы легче смотреть. Разговаривая с Куртни, Чак грустно поглядывал на девушку и вздыхал.

— Объясните мне, что произошло, — говорила Куртни. — Я совершенно не могу понять, что она бормочет!

— Я почти ничего не знаю. Она прибежала сюда уже избитая и с головы до ног перемазанная грязью, а следом ворвался мужчина. Он меня ударил, и я потерял сознание, а когда очнулся, их уже не было.

— Мужчина? Как он выглядел?

— Высокий, крепкий, очень сильный, — Чак поморщился, поглаживая разбитую скулу.

— Темноволосый и кареглазый?

— Да, темноволосый, а цвет глаз не помню. Помню только, что взгляд безумный и жуткий такой, что мороз по коже...

— И довольно привлекательный?

— Ну, как вроде... был бы привлекательным, если бы не строил такие страшные гримасы... А еще он был ранен.

Куртни тяжело вздохнула в трубку.

— Я был без сознания два часа, а ваша девочка снова прибежала сюда минут десять назад.

— Что с ней?

— Сильно побита, на ногах не держится. Голова разбита, на затылке. А так, в общем, вроде ничего.

— Послушайте, мистер...

— Чак.

— Чак, я скоро буду у вас. А пока я вас очень прошу, позаботьтесь о моей девочке. Отвезите ее в больницу. Я отблагодарю вас. Щедро отблагодарю.

— Мне ничего не нужно. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы ей помочь. Сейчас сюда приедет полиция. Я сообщил им о произошедшем, они должны вызвать «скорую». А пока она здесь, я о ней позабочусь. Не волнуйтесь, у меня ружье, и если этот псих сюда сунется, я его пристрелю.

— Хорошо, тогда я подъеду прямо в больницу. Где находится ближайшая от вас больница?

Внимательно выслушав объяснения Чака, Куртни попросила его передать трубку Кэрол. Мужчина заглянул девушки в лицо и легонько тронул за плечо. Открыв глаза, Кэрол устремила на него неясный мученический взгляд.

— Ваша мама хочет вам еще что-то сказать, — Чак протянул ей трубку. — Вы сможете говорить?

Не ответив, Кэрол взяла трубку и поднесла к уху.

— Кэрол, ты меня слышишь, девочка?

Девушка промычала в ответ что-то невразумительное.

— Послушай меня внимательно, — продолжила Куртни торопливо, пытаясь оттолкнуть прилипшего к ее трубке перепуганного Рэя, который старался расслышать голос Кэрол. —

Сейчас приедет «скорая», езжай в больницу. Я подъеду туда через час... может, чуть позже. Но я приеду, слышишь меня? Держись, моя хорошая. Теперь все будет хорошо.

Кэрол кивнула, будто Куртни могла ее видеть и, услышав требовательный стук в дверь, вздрогнула, выронив трубку. Чак посмотрел на дверь, сжав в руках ружье.

— Откройте, полиция!

Облегченно вздохнув, он вскочил и торопливо открыл дверь, впуская в комнату двух офицеров — полную женщину и седого мужчину. Представившись, они молча выслушали краткое объяснения взволнованного Чака и переключили свое внимание на девушку, которая продолжала сидеть на полу за стойкой.

— Вы в состоянии ответить на наши вопросы? — спросила женщина-офицер, изучая девушку пристальным сочувствующим взглядом.

Кэрол подняла на нее переполненный страданием взгляд и неопределенно пожала плечом. Вспомнив про плед, который принес для нее, Чак заботливо завернул в него промокшую девушку, не побоявшись испачкать плотную ткань. Девушка поблагодарила его слабой улыбкой, более похожей на тень улыбки, а не на саму улыбку.

— А врачи? — обратился он к полицейским.

— Они здесь. Только для начала мы должны расспросить девушку, — холодно отозвалась женщина, не отрывая от Кэрол внимательных глаз. — Ваше имя?

— Кэролайн Мэтчисон, — не без труда ответила Кэрол.

— Опишите, пожалуйста, человека, который на вас напал.

Девушка вдруг задрожала и сжалась, пряча глаза.

— На меня никто не нападал. Я... я просто упала. Пожалуйста, найдите моего мужа, он ранен, ему нужна помощь!

Глаза женщины-офицера злобно сузились.

— Упали?

— Да.

— Так, понятно, — резко бросила она, и сочувствие исчезло из ее голоса. — Где ваш муж?

— Я не знаю.

— Где вы видели его в последний раз?

— Возле гаража.

— Этот мужчина, — офицер кивнула в сторону Чака, — утверждает, что он вооружен. Это так?

— Да, я думаю у него пистолет, но я могу ошибаться, потому что я не видела... — девушка умоляюще посмотрела на полицейских. — Пожалуйста, не стреляйте в него...

— Вы останавливались в мотеле на 105 шоссе? — вступил в разговор другой офицер, грубо ее перебив.

Кэрол вздрогнула и почувствовала, как похолодели губы.

— Нет.

— Нет? Вы уверены?

— Нет, я же сказала!

— Описание вашего мужа, которое нам дал этот человек, — снова кивок на Чака, — совпадает с описанием, которое дали свидетели из мотеля на 105 шоссе, где произошло убийство. Это ваш муж убил хозяина мотеля?

— Нет. Я же говорю, мы там не были.

— Но вы тоже подходите под описание девушки, которая была с убийцей. А свидетели дали нам очень подробное описание.

— Свидетели? Какие еще свидетели? — Кэрол вдруг разозлилась, возмущившись до глубины души. Где были эти «свидетели», когда Мэтт тащил ее к машине? Никто не вмешался, не попытался помочь, зато теперь лезут со своими дурацкими описаниями!

— Вы напрасно лжете, милая леди, — мужчина неприятно скривил рот. — Вы знаете, что можете отправиться за решетку за попытки помешать следствию? Ваша ложь не поможет вашему мужу. У нас есть отпечатки пальцев убийцы, его опознают свидетели. Поэтому, даже если вы откажетесь заявить на него за то, что он с вами сделал, он все равно сядет. Лучше признайтесь и расскажите нам, как все было.

— Мы не заезжали в этот мотель, и мой муж никого не убивал! — Кэрол упрямо поджала губы.

— Не понимаю, зачем вы его защищаете после того, что он с вами сделал? — бросила резко женщина-офицер. — Это же глупо!

— Он не виноват! Он болен, понимаете? Он не осознает реальность, не понимает, что делает! Он на самом деле очень добрый и хороший, вы его просто не знаете! — Кэрол подскочила, забыв о своем избитом теле. — Это все Кэт! Она во всем виновата! Но его можно вылечить. Только не убивайте его, умоляю, не убивайте!

— Если он поднимет против нас свой пистолет, мы вынуждены будем стрелять на поражение. Он убийца, он опасен, и мы не собираемся рисковать ради него жизнью, — жестко отрезал офицер.

Из глаз девушки побежали слезы, она в отчаянии ломала руки. Если Мэтт все еще не пришел в себя, он им не дастся, и тогда вопрос заключался в том, кто кого первым убьет — полицейские его или он их. Понимая, что ничего не может сделать для него, Кэрол снова опустилась на пол и устало положила голову на руки. Может, они не найдут его. А если рассудок все-таки вернулся к нему, тогда он не станет нападать на полицейских, и они его просто арестуют. В сложившейся ситуации, для него это был бы лучший выход.

— Ну, так что? — раздраженно поинтересовался офицер. — Вы будете давать показания?

— Нет.

— Вы поступаете глупо и безрассудно! Ваш муж все равно обречен.

— Я дам против него показания, — подал голос Чак. — Он меня едва не убил! И если эта дура отказывается предъявить обвинение, это сделаю я! Этот урод должен отправиться за решетку.

Офицеры одобряюще кивнули.

— Он там и будет, могу вас заверить, — пообещал седой. — Если, конечно, мы его не пристрелим. А вы, барышня, пойдете по делу об убийстве, как соучастница, и если ваш муж будет убит при аресте, отправитесь за решетку вместо него.

— Идите к черту! — рявкнула Кэрол запальчиво.

— Я могу вас арестовать за оскорбление полицейских!

— Ну, так арестовывай!

— За что ваш муж убил этого человека? — настойчиво спросила офицер, напирая на девушку с угрожающим видом. — Как вы можете его прикрывать? Он лишил жизни абсолютно невинного человека! Вам не стыдно так лгать?

— Послушайте, чего вы ко мне привязались? Я же все уже вам сказала! Мэтт никого не

убивал! Мы даже не были в этом чертовом мотеле! Оставьте меня в покое!

— Спокойнее, девушка, не надо повышать на нас голос. Вы забываетесь. Мы приехали, чтобы вам помочь, а вы так себя ведете...

— Я вас сюда не звала! Это он вас вызвал! — Кэрол указала на Чака. — Убирайтесь! Вы не помочь приехали, вы приехали погубить моего мужа! А он ни в чем не виноват, не виноват! А вы хотите его убить! Это вы убийцы, а не он!

Чак придержал девушку, опасаясь, что она в истерике набросится на полицейских.

— Мне кажется, она тоже немного ненормальная, — поделился он с полицейскими своим предположением.

Те в ответ пожали плечами и отошли, пропуская врача.

Положив трубку, Куртни на секунду задумалась, потом снова схватила телефон и торопливо набрала домашний номер Джека Рэндэла.

— Что случилось? — допытывался Рэй, встревожено крутясь вокруг нее. — Что с Кэрол? Что с ней? Да объясни ты, в конце концов!

— Не мешай! — гаркнула на него Куртни и сказала уже в трубку, стараясь выровнять дрожащий голос. — Джек, это я. Извини, что беспокою тебя в такое время...

— Кэрол? — перебил он охрипшим голосом.

От удивления Куртни на мгновение замолчала. Он что, ясновидящий? Откуда он может знать, что она звонит ему потому, что что-то случилось с Кэрол?

— Да, Джек, мне нужна твоя помощь. Ты можешь найти какой-нибудь частный самолет...

— Самолет? Зачем?

— Я хочу забрать Кэрол... — начала объяснять Куртни, но он ее резко перебил.

— Она жива?

— Жива, но... не совсем в порядке.

Она расслышала в трубке вздох облегчения.

— Джек, ты же настоящий волшебник, выручай. Мне нужен самолет, немедленно. Ты сможешь его достать?

— Дай мне минуту. Я тебе перезвоню, а пока собирайся. И я полечу с тобой.

— Спасибо, Джек!

Куртни положила трубку и бросилась к гардеробу. Рэй метнулся следом, не отставая ни на шаг.

— Я тоже поеду! — он выхватил из шкафа джинсы, но Куртни его резко оборвала.

— Нет! Со мной полетит Джек! От тебя все равно никакого толку, только под ногами путаться будешь, да доставать своими тупыми идиотскими вопросами!

Рэй замер со штанами в руках, побледнев от обиды.

— Я имею такое же право быть с ней, как и ты! — раздув от негодования ноздри, проговорил он.

Куртни обернулась с таким видом, что походила на змею, готовую ужалить. Лицо ее искажилось от ярости. Впервые «железная леди» потеряла над собой контроль.

— Все свои права ты потерял, когда залез к ней под юбку!

Рэй скривился.

— Что ты несешь?

— Это ты виноват в том, что с ней случилось! — закричала Куртни. — Если бы не твоя

неудержимая похоть, она бы не ушла от нас! Если бы она была здесь, с нами, с ней ничего бы не случилось! Мы бы не позволили ей сбежать с этим мерзавцем! И я сделала ошибку, позволив ей уйти! Но теперь все будет иначе. Она будет жить здесь, со мной, а ты убирайся на все четыре стороны!

Рэй обмер, смотря на нее широко раскрытыми глазами. Зазвонил телефон, и Куртни поспешно сорвала трубку.

— Да, Джек, я уже готова. Куда? Да, хорошо. Я буду там через десять минут. Спасибо, Джек, большое тебе спасибо! Ты просто чудотворец какой-то!

Швырнув трубку, она вскочила в туфли и, схватив сумочку и проверив ключи от машины, выскочила из спальни. Оправившись от изумления, Рэй бросился следом. Выскочив на лестницу, он увидел, что Куртни уже у входной двери и крикнул ей вслед:

— Позвони мне, скажи как она!

Куртни не обернулась и не ответила, хлопнув дверью.

Опустившись на ступеньки, Рэй расстроено обхватил голову руками.

— Опять я во всем виноват! — обиженно пробормотал он.

Куртни и Джек стремительно вошли в маленькое неказистое здание, в котором располагалась больница, и подошли к дежурной, молодой девице с усталым сонным лицом, которая одарила их неприязненным взглядом.

«Что вам-то тут нужно в пять часов утра? — говорил ее взгляд. — Никакого покоя!».

— К вам должна была поступить девушка, — проговорила Куртни напористо. — Кэрлайн Мэтчисон.

— И что? — протянула дежурная недовольно. — Часы приема днем. Вот тогда и приходите.

— Я не спрашиваю у вас, когда нам сюда приходите, я спросила, здесь она или нет! — рявкнула Куртни, повышая свой и без того громовой голос, от звуков которого дрожали стены.

Девица лениво открыла журнал и просмотрела записи. Куртни пронзала ее яростным взглядом, готовая разорвать на куски за медлительность.

Джек спокойно стоял рядом, мрачный, как грозовая туча. После звонка Куртни, он ругал себя на чем свет стоит за то, что так накачался виски в такой неподходящий момент, и пытался привести себя в норму, топя голову в ледяной воде. Это действительно помогло, приведя его в чувства. Он проигнорировал ошеломленный взгляд, брошенный на него Куртни при встрече, которая, несомненно, сразу заметила, что он не совсем трезв. Но женщина все-таки сделала вид, что ничего не замечает.

Сейчас Джек был уже почти трезв, лишь глаза его блестели ярче, чем обычно, да чувствовался запах виски, не смотря на то, что он положил в рот уже не одну антиникотиновую жвачку, которыми иногда пользовался, чтобы не шокировать не переносящих запах табака клиентов. А так как он был заядлый курильщик, то этот запах его преследовал всегда, смешиваясь с резким ароматом дорогих одеколонов.

Он испепелял дежурную тяжелым взглядом, заметив который та немного испугалась, и он подействовал на нее лучше криков нетерпеливой вспыльчивой женщины. Быстро отыскав нужную фамилию, девушка кивнула.

— Да, ее привезли к нам полчаса назад.

— И как она? — глухо спросил Джек.

— Не знаю. Доктор ее еще не осматривал.

Лицо Джека потемнело, а глаза загорелись злым огнем.

— Как это не осматривал, если она здесь уже полчаса?

— Доктор занят. Как только он освободится, он осмотрит вашу девочку, — примирительно улыбнулась девушка, с тревогой смотря на странного молодого человека с таким страшным зверским взглядом.

— Вы что, издеваетесь? — взорвалась Куртни, оглушив Джека своим громким низким голосом. — Моя девочка здесь уже полчаса, и никто не может уделить ей время?

— У нас только один дежурный врач...

— А мы и не требуем больше! Как вы смеете игнорировать поступившего к вам пострадавшего? Ее должны были осмотреть немедленно и оказать нужную помощь! А если ваша безалаберность может стать роковой для Кэрол — вы хоть думаете своими тупыми головами, а? Тоже мне, медики называются!

Девушка оскорблено поджала губы и ответила металлическим голосом:

— Доктор не может разорваться. Сядьте и подождите. Как только он освободится...

— Если он немедленно, сейчас же, сию минуту не появится перед моими глазами, я разнесу вашу грязную больницу! На трассе у здания стоит самолет, на котором мы прилетели, и клянусь, через минуту он будет внутри, разнеся все в щепки!

Девушка изумленно приподняла брови, но все же бросила взгляд в окно. Увидев самолет, она открыла рот.

— И правда — самолет! — шокировано пробормотала она себе под нос.

Сняв трубку, она нажала на кнопку.

— Доктор Харольд, здесь спрашивают о девочке, которая только что поступила... Да, я объяснила, но они настаивают. Хорошо, доктор.

Положив трубку, она устремила на Куртни вызывающий взгляд, боясь посмотреть в глаза ее спутника, от взгляда которого по ее телу бегали мурашки.

— Доктор просил вас немного подождать. Как только...

— Послушайте меня! — оборвал ее Джек и, схватив трубку, протянул ей. — Скажите вашему пресловутому доктору, что если он сейчас же не подойдет, он не только лишится работы, но и никогда больше не сможет ее найти. Кроме того, я засужу и его, и эту больницу за халатное отношение к пациентам и нарушение прав человека, а так же за угрозу жизни и здоровью из-за не оказанной вовремя медицинской помощи, если не за отказ ее оказывать, на что ваш доктор просто не имеет права! Я завалю больницу исками и штрафами, добьюсь, чтобы ее закрыли, и вы все останетесь без работы! А если ваше пренебрежение отразится на здоровье Кэрол, я отправлю доктора за решетку. Я ясно объяснил? А теперь бери трубку и передай все ему!

Поблуднев, девушка спрятала глаза, и взяла трубку.

— Доктор, думаю, будет лучше, если вы все-таки спуститесь. Здесь Джек Рэндэл, я не сразу его узнала. Слышали о таком? Он вам угрожает.

Девушка с усердием слово в слово перечислила все угрозы знаменитого адвоката, и, выслушав ответ, положила трубку.

— Доктор сейчас подойдет. А вы можете пока пройти в палату к вашей девочке. За углом, номер десять.

Не удостоив дежурную благодарственным словом, Куртни и Джек немедленно отправились по указанному направлению.

Войдя в палату, они оба застыли, как громом пораженные, увидев Кэрол. Девушка лежала на боку на белоснежной кушетке, черная от засохшей грязи, облепившей ее всю. Куртни пошатнулась и смертельно побледнела, увидев залитую кровью рубашку, подумав, что Кэрол ранена и это ее кровь.

Лишь Джек сразу разобрался, что к чему, и успокаивающе поддержал женщину за локоть.

— Это не ее кровь, — шепнул он.

Услышав его голос, Кэрол подняла голову и посмотрела на них, приподнявшись на руках. Улыбка тронула ее окровавленные, плотно сжатые губы. Куртни бросилась к ней, пряча налившиеся слезами глаза, и, обняв девушку, прижала ее к груди. Положив голову ей на плечо, Кэрол облегченно вздохнула.

Джек продолжал неподвижно стоять у двери, не отрывая широко раскрытых глаз от девушки. Он пытался узнать в этом невероятно грязном окровавленном существе красивую опрятную девушку, роскошную девушку... и не мог. Слипшиеся от грязи и крови волосы были неопишимо цвета, падали на не менее перепачканное, обезображенное побоями лицо. На затылке запеклась кровь, а густые волосы скрывали рану, которая там, несомненно, была. Стройные босые ноги, почти голые, привлекли его взгляд, но под слоем засохшей грязи кожа была почти не видна.

Словно только заметив его, Кэрол подняла на него покрасневшие от слез глаза. Джек внезапно покачнулся и, резко развернувшись, вылетел из палаты. Куртни обернулась и с изумлением посмотрела на захлопнувшуюся дверь.

— Что с ним?

Девушка равнодушно пожала плечами. Куртни торопливо сняла жакет.

— Давай, пока никого нет, снимай эту рубашку, она же мокрая, ты заболеешь!

Кэрол послушно разделась и закуталась в пиджак, стыдливо натянув его как можно пониже, чтобы скрыть наготу. Потом снова вернулась в объятия Куртни и, уткнувшись ей в грудь, тихо заплакала. Женщина ласково гладила ее по спине, сцепив челюсти, чтобы тоже не расплакаться.

— Поплачь, моя хорошая, поплачь. Тебе станет легче. Теперь ты в безопасности, ничего не бойся. Все позади. Ничего уже не поделаешь, это просто надо пережить. Подобное случается со многими женщинами. Ничего, моя девочка, ничего. Теперь все будет хорошо.

Открылась дверь, впуская в палату Джека и неприятного на вид, раздражающе медлительного доктора.

Отстранившись от Куртни, Кэрол опустила голову и украдкой вытерла слезы.

Остановившись, доктор в изумлении окинул взглядом свою пациентку.

— Так! — возмущенно протянул он. — Это еще что за комок грязи? Кто разрешил вам садиться на кушетку в таком виде, вы же ее испачкали! Прежде чем меня беспокоить, сперва бы отмyli свою девочку! Как, по-вашему, я должен ее осматривать — я же ничего не увижу под этой грязью!

Доктор брезгливо поморщился и возмущенно вскрикнул, когда Джек, побагровев от ярости, схватил его за халат и потащил к двери.

— Уберите руки! Что вы себе позволяете! Я... я позову охрану! — захрипел доктор, пытаясь сопротивляться.

— Мы перекинемся с доктором парой слов, извините, — бросил Джек женщинам и, открыв дверь, сильным толчком выставил врача из палаты, вышел следом, плотно прикрыв

дверь.

Кэрол и Куртни только изумленно переглянулись. Не прошло и минуты, как Джек и доктор вернулись.

Последний одарил женщин приветливой улыбкой и, как ни в чем не бывало, если не считать его резко изменившееся к лучшему отношение, вежливо представился:

— Я доктор Харольд, — и, не тратясь больше на ненужные слова, подошел к девушке и, осторожно коснувшись пальцами ее лица, осмотрел повреждения. — Так, посмотрим на вас, юная леди. Эка ж вас угораздило...

Наклонив голову девушки, он взглянул на рану.

— Чем вас ударили?

— Я упала, — ответила Кэрол.

— Тогда обо что вы ударились?

— Я не видела. Что-то твердое.

— Ну, и так ясно, что если бы вы упали на подушку, то не разбили бы себе голову, — неприятно ухмыльнулся доктор. — А посмотреть вы не догадались?

— Я потеряла сознание.

— Какая разница, обо что она ударилась? — не выдержал Джек. — Насколько серьезна рана?

— Если бы она была серьезной, ваша девушка не сидела бы сейчас и не разговаривала с нами, — резонно заметил доктор и, оставив затылок Кэрол, внимательно осмотрел ее нос. — Переносица сломана, но не переживайте, смещения нет, так что ваш носик останется таким же красивым, — он приподнял ее верхнюю губу. — А где же вы потеряли ваши зубки? Тоже упали и не заметили, где их оставили?

Джек яростно кашлянул, пронзив доктора свирепым взглядом, с трудом сдерживаясь, чтобы снова не схватить этого неприятного субъекта за грудки. Заметив его взгляд, Харольд спрятал глаза и принялся старательно обрабатывать ссадины девушки, предварительно очистив ее лицо от грязи и крови. Промокнув ее десна ватным тампоном, пропитанным йодом, он приступил к ране на затылке. Потом осмотрел ноги и руки, стараясь разглядеть под слоем грязи ссадины.

— Что еще беспокоит? — вежливо, почти ласково спросил он.

Кэрол прикоснулась к бокам.

— Ложитесь на спину, только снимите одежду.

Не дожидаясь, когда его попросят выйти, Джек отвернулся к стене и сложил руки на груди. Но Кэрол словно не замечала его присутствия, скинула пиджак Куртни и, кривясь от боли, опустилась на спину. Доктор внимательно ощупал ее, комментируя:

— Ребра целы. Сильные ушибы, поболит некоторое время. Внутренних повреждений и кровоизлияний, как вроде, нет. Но для уверенности нужно сделать УЗИ. Так, перевернитесь на живот, — его взгляд задержался на ягодицах со следами крови. — А вот здесь разрывы. Нужно посмотреть. Но это уже в другом кабинете, — проявил неожиданную деликатность доктор, чтобы молодой человек не понял, о чем речь. — Поднимайтесь.

Пока девушка поднималась с помощью Куртни, стараясь не садиться, Харольд вымыл руки под раковиной, сообщая свое заключение:

— Серьезных повреждений я не обнаружил. Считайте, что вы отделались легко, я видывал и похуже. Сейчас идите в душ, а вы, — он посмотрел на Куртни, — помогите ей там. Ссадины и рану на голове не мочите. Как отмоетесь, приходите в шестнадцатый

кабинет, я буду вас там ждать. Потом УЗИ и рентген.

— А как же голова? — подала, наконец, голос Куртни.

— С головой, думаю, тоже обошлось.

— Думаете?

Услышав в голосе женщины сомнение, доктор пожал плечами.

— Если сомневаетесь, можете сделать томографию, но это уже не у нас — здесь нет оборудования. Но я уверен, что максимум, что может быть, так это легкое сотрясение. Кость цела, повреждены только поверхностные ткани, взгляд ясный, она не теряет сознание, ее не тошнит, голова не кружится. Так что, я бы не стал беспокоиться.

— А ее можно перевозить на самолете?

— Ну, я же вам только что сказал — все в порядке, — начал раздражаться Харольд. — Пойдемте, медсестра проводит вас в душевую.

Поддерживая девушку, Куртни вывела ее из палаты, и они не спеша пошли по коридору в указанном доктором направлении. Их догнала медсестра, и дальше они последовали за ней.

Доктор, учтиво кивнув молодому адвокату, тоже хотел удалиться, но тот задержал его, к великому неудовольствию уставшего Харольда.

— Еще минуту, пожалуйста, — попросил Джек. — Объясните мне, что это еще за разрывы? Где?

Харольд смерил его ледяным взглядом.

— Мне кажется, что это вас уже не касается, молодой человек.

— Меня касается все, что имеет отношение к этой девушке! Отвечайте! — Джек снова начал злиться — препирательства с этим доктором ему крайне надоели. Тот равнодушно пожал плечами.

— Как адвокат, вы должны знать, что бывает после изнасилования анальным способом. Так что, думаю, дальнейшие объяснения излишни. С вашего позволения, — и доктор поспешил скрыться от вспыльчивого нетерпеливого адвоката, не заметив, как тот застыл на месте с перекошенным лицом. Опершись плечом о стену, Джек опустил голову и спрятал лицо в ладони, поддавшись на мгновение переполнившим его горьким чувствам.

Немного позже, заметив рядом с дежурной медсестрой полицейского, он оторвался от стены и усталым тяжелым шагом направился к нему. Он долго с ним разговаривал и только когда увидел, как в палату вернулись Куртни и Кэрол, оставил офицера и поспешил к ним.

Девушка полулежала на кушетке, приподнявшись на локте и подобрав длинные голые ноги, на которые старательно натянула белоснежный медицинский халатик при появлении Джека. Чистые и высушенные феном волосы золотистыми волнами выбивались из-под повязки на голове, и теперь, не прикрытые грязью и кровью, синяки и ссадины ясно выделялись на чистой коже. Кэрол опустилась на кушетку и стыдливо спрятала лицо от пристального взгляда молодого человека. Куртни взглянула на него и успела заметить в его глазах страдание прежде, чем он отвел их от девушки.

Нервно прочистив горло, словно у него там застрял комок, Джек растерянно посмотрел на Куртни.

— Мы можем забирать ее отсюда, — ответила на его немой вопрос она. — УЗИ и рентген не показали никаких повреждений. Только у нас маленькая проблема.

— Какая?

— Я пыталась выкупить этот халат, — Куртни кивнула на то, что было надето на

девушку, — но они уперлись и не уступают его ни за какие деньги. Говорят, они у них здесь на вес золота.

Джек молча снял свой длинный плащ и отдал Куртни.

— Все равно в одном этом халате ее на улицу не выведешь. Там ветер до костей пробирает.

— Спасибо, Джек, — улыбнулась Куртни и наклонилась к Кэрол. — Как ты, моя хорошая? Сможешь дойти до самолета? Мы возвращаемся домой, как ты хотела.

— Нет, — девушка решительно приподнялась и посмотрела на нее. — Я никуда не полечу, пока не узнаю, что с Мэттом.

— Но, Кэрол... — попыталась возразить Куртни, но ее вдруг перебил Джек, впервые, как вошел в эту больницу и увидел Кэрол, приблизившись к девушке.

— Кэрол, — мягко начал он, присев перед ней и заглянув в глаза. — Там ждет полицейский. Он хочет поговорить с тобой.

— Что ему от меня нужно? Опять собирается угрожать и заставлять давать показания против Мэтта?

— Никто не будет заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. Я представился твоим адвокатом, если ты не против. Если не хочешь с ним встречаться, я не позволю ему приблизиться к тебе на расстояние пушечного выстрела.

— Если он собирается доставать меня вопросами, то нет, не хочу. Ты говорил с ним, я видела. Они нашли Мэтта?

— Нашли.

Кэрол подскочила, сев и забыв о боли, которая сразу дала о себе знать, заставив поморщиться и перенести вес тела с ягодиц на бедро.

— И где он? Его арестовали? Куда увезли? Он ранен, они должны были отвезти его в больницу...

— Кэрол, — мягко перебил Джек. — Мэтта больше нет.

— Как нет? — обмерла Кэрол.

— Он умер.

— Умер? Но этого не может быть... Он не мог умереть... — она широко раскрытыми глазами смотрела в серые глаза Джека. Его глаза не лгали.

Сердце заныло в ее груди, по лицу разлилась смертельная бледность, а в глазах промелькнуло безумное отчаяние.

— Это полицейские... Они его убили!

— Нет, Кэрол.

— Да! Да! Они!

— Его никто не убивал. Он сам застрелился.

— Сам? Нет! Этого не может быть!

— Его нашли возле гаража. Он выстрелил себе в висок.

— Но... почему? — простонала девушка охрипшим от невыносимой душевной боли голосом. Не интересуясь, что ответит ей Джек, она закрыла лицо ладонями и упала на подушку. Она знала, почему, лучше, чем кто-либо.

Мэтт просто пришел в себя и увидел, что сделал. Возможно, он подумал, что она мертва.

Ласковые руки Куртни осторожно коснулись ее плеч. Девушка приподнялась и посмотрела на нее сухими глазами.

— Куртни, мы должны забрать его с собой. Я не оставлю его здесь.

Куртни изумленно и немного испуганно вскинула брови.

— Как это — с собой?

— Мы заберем его оттуда, где он сейчас находится, и вернемся домой. Без него я никуда не полечу. Пожалуйста, Куртни, помоги мне.

— Но это невозможно! — возразил Джек. — Во-первых, никто нам не отдаст тело, пока не закончится расследование. Даже если потом попытаться это сделать, нам пойдут, может быть, навстречу, и отдадут его для похорон, но...

— Нет, не «потом», а сейчас! — Кэрол упрямо поджала разбитые губы. — Я заберу его прямо сейчас, и ни днем позже!

Она встала и, схватив плащ Джека, накинула его на плечи.

— Поехали! Где он? В морге?

— Кэрол, успокойся, это бесполезно!

— Пожалуйста, послушай Джека, он знает, что говорит, — взмолилась Куртни.

— Они не имеют права помешать мне забрать его тело!

— Но у тебя даже нет никаких прав, ты не родственница, ты никто, тебя даже слушать не станут!

— Как это никто? Я его жена! И я хочу забрать своего мужа, они не могут мне его не отдать!

Джек удивленно приподнял брови. Мягко улыбнувшись, он взял девушку за плечи и осторожно усадил на кушетку.

— Хорошо, Кэрол, предоставь это мне. Я сделаю все возможное, чтобы забрать тело. А ты пока отдыхай и ни о чем не волнуйся.

— На трассе стоит наша машина. Она сломалась. Там наши вещи и документы. Нужно съездить за ними. Там свидетельство о браке, оно может тебе пригодиться, — спокойно, немного отстранено проговорила Кэрол, подчиняясь и снова опускаясь на подушку.

— Я заберу вещи, только объясни подробно, где вы оставили машину, — тепло улыбнулся Джек и, выслушав объяснения девушки, покинул палату, сделав знак Куртни выйти за ним.

— Ты действительно хочешь попробовать забрать тело? — переспросила Куртни с сомнением в голосе.

— Нам не остается ничего другого. Кэрол сейчас в таком состоянии, что ей бесполезно возражать и пытаться что-то объяснить. Сначала найду машину и заберу вещи и документы, а потом наведаюсь в морг, посмотрю, в каком состоянии тело. Может, его будет невозможно взять с собой на борт.

— Ну, ладно, попробуй. Похоже, для Кэрол это очень важно... как ни странно... после того, что он с ней сделал.

— Мне кажется, она чуть-чуть не в себе. Не совсем понимает, что происходит.

— Почему ты так говоришь? У нее просто шок. Но с головой у нее все в порядке! — возмутилась Куртни.

— Но она уверена в том, что он ее муж!

— Но это так и есть! Они на самом деле женаты.

Джек застыл с таким видом, будто его сзади неожиданно огрели по голове, а он не может в это поверить.

— Бред! — он напряженно засмеялся. — Когда они успели?

— Успели, — угрюмо бросила Куртни со скрытой обидой. — Так что поищи свидетельство о браке, оно тебе действительно может пригодиться, когда будешь требовать тело.

Она вернулась в палату, а ошеломленный Джек поплелся по коридору к выходу, с бешенством ударив по пути кулаком о стену.

Когда он вернулся, было уже за полдень.

Держа в руках одежду и обувь для Кэрол, которые выбрал из ее вещей, найденных в «форде» на трассе, он тихо постучался в дверь палаты, которую тут же открыла ему Куртни.

— Ей вкололи успокоительное, она спит, — прошептала женщина. — А как твои дела?

— Нормально, — отозвался шепотом Джек и протянул ей одежду. — Вот, возьми, это для Кэрол.

— А... тело?

— Я забрал его. Так что мы можем лететь.

Куртни в крайнем удивлении уставилась на него.

— Как тебе удалось?

— Ну, я же волшебник, — улыбнулся он.

— А все-таки? Неужели вот так запросто отдали? А как же расследование? Ведь ты сам говорил...

— Пришлось побеспокоить местные «верхушки», потому что «запросто» никто меня даже к телу не подпустил. А когда поступил приказ от начальства, отдали тело, как миленькие. С начальством не спорят, — Джек усмехнулся.

— И ты звонил «верхушкам» в такое время? И тебя не только выслушали, но и удовлетворили твою просьбу, а не послали куда подальше за такую наглость? Как у тебя это получается, Джек?

— Просто я умею разговаривать с людьми. И убеждать. И меня никто никогда никуда не посылает. Правда, было одно исключение, — он бросил взгляд на мирно спящую девушку. Куртни изумленно моргнула, не поверив собственным ушам. Ее безропотная робкая девочка осмелилась нагрубить Джеку Рэндэлу? И он так спокойно, даже с улыбкой в глазах, об этом говорит?

— А где тело? — спохватилась она.

— В самолете, где еще ему быть? Не мог же я его за хвост прицепить и отдать свободному полету! Но не волнуйся, я его подальше положил, спрятал, так что его не видно.

— Кэрол не нужно его сейчас видеть. Он, наверное, ужасно выглядит.

— Отнюдь. Я видел и похуже. А этот умудрился прострелить себе башку аккуратненько, почти, как живой, и мозги на месте.

— Ой, Джек, избавь меня от этих подробностей, и без того тяжко. Как бы хорошо он не выглядел, Кэрол нельзя его сейчас видеть. Хватит с нее на сегодня стрессов.

— Согласен, — Джек снова посмотрел на девушку. — Куртни, я понимаю, что ее лучше было бы сейчас не беспокоить, но мы не можем ждать, пока она выспится и отдохнет. В салоне не совсем подходящая температура для нашего пассажира, и через пару часов туда не возможно будет зайти. Да и летчик нервничает. Мол, не занимается он перевозкой покойников, да и не договаривались так. Я усмирил пока его недовольство дополнительной платой, но если мы немедленно не поднимемся в воздух, он оставит нас здесь вместе с нашим драгоценным трупом. И так уже ходит, принюхивается, хоть я и сказал, что труп

свеженький и еще тепленький, и ничего его самолету не угрожает.

— Может, попробуем донести ее до самолета, не разбудив? Если бы она не просыпалась до того, как мы прилетим, вообще было бы прекрасно.

— А как же одежда?

— Ничего, пока сойдет и так. Начнем переодевать — проснется. Пожалуйста, Джек, тебя не затруднит...

— С удовольствием, — лицо его озарила счастливая белозубая улыбка и, наклонившись над девушкой, он осторожно, боясь разбудить, просунул руки под ее спину и колени. Без усилия оторвав Кэрол от кушетки, он выпрямился и повернулся к Куртни.

Полы плаща разошлись и соскользнули вниз, обнажив длинные стройные ноги девушки. Поддавшись искушению, Джек опустил взгляд.

Заметив это, Куртни поправила плащ, прикрыв девушку, и смерила Джека возмущенным взглядом. Он дерзко, с вызовом перехватил его, ничуть не смутившись. Они без слов поняли друг друга.

— Да, хочу. И что? — бросил он с издевкой.

— Только посмей! Найди кого-нибудь другого для удовлетворения своих сексуальных потребностей, а на мою девочку даже не пялься!

— Тебя спросить забыл!

— Я не шучу, Джек!

— Хм, я тоже! — он крепче прижал к себе девушку и вышел из палаты.

Подхватив одежду, которую он принес для Кэрол, Куртни бросилась следом.

— Послушай, Джек, я тебя предупреждаю...

— Ты чего так завелась? Имеешь что-то против меня?

— Имею, если речь идет о Кэрол! Я тебе не позволю...

— Неужели? Милая Куртни, я не нуждаюсь в твоём разрешении. Я никогда ни у кого не спрашиваю, с кем мне спать, а с кем нет. Я привык решать такие вопросы сам. Не переживай ты так, я же не съем твою ненаглядную девочку, наоборот, утешу, помогу пережить трагедию.

— Как-нибудь без твоих утешений обойдется. Мне прекрасно известно, что для тебя значат женщины. Кэрол не подходит на роль твоей очередной игрушки.

— Ну, почему сразу — игрушка? Может, у меня любовь!

— Ну, да, конечно, любовь! На пять минут?

— Пять минут? Ты меня недооцениваешь! — ухмыльнулся Джек. — Расслабься, я не собираюсь обижать Кэрол. Это уже и без меня сделали. Что же ты не защищала ее так от Мэтта, как от меня, а? Или я в твоих глазах выгляжу гораздо страшнее?

— Я просто не позволю тебе использовать Кэрол ради твоего удовольствия! Кстати, о Мэтте. Не зазорно быть вторым, а, Джек? — Куртни насмешливо улыбнулась, пытаясь сыграть на его гордости, но он улыбнулся в ответ.

— Я сплю не только с девственницами. И я бывал не только вторым. Мне все равно, сколько было до меня и какой я по счету. А что до Кэрол — это даже хорошо, опыта немного набралась. К тому же, у меня еще никогда не было вдовы!

— Джек, ну не будь ты таким гадким! — примирительно фыркнула Куртни, понимая, что агрессией от него ничего не добьешься. — Тебе что, женщин мало?

— Не мало. Но и твоя Кэрол не помешает. Она довольно миленькая. И очень даже аппетитная.

Куртни покраснела, изменяя своей легендарной невозмутимости.

— Попридержи свой аппетит! Если ты хоть пальцем к ней прикоснешься, я тебя убью!

— Ой, напугала!

— Джек!

— Да, ладно тебе, чего ты так взбесилась? Пошутил я, успокойся. Просто хотел немного отвлечь тебя от всего этого кошмара. Подумаешь, посмотрел на ее неприкосновенную Кэрол! Как не посмотреть, когда прямо под носом голые ноги, да еще такие, что грех не полюбоваться. Я, знаешь ли, не евнух, любой бы нормальный мужик не удержался.

— Но ты посмел в глаза мне заявить...

— Куртни, ты умная женщина, и я уверен, что ты давно поняла, как я отношусь к Кэрол. Он ускорил шаг и вышел на улицу, оставив Куртни позади.

Задумчиво она смотрела, как бережно он несет девушку к самолету, как нежно прижимает к себе, и невольно улыбнулась, тронутая этой небывалой заботой холодного к женщинам, безразличного Джека Рэндэла, по отношению к ее девочке. Да, она давно поняла, какие чувства питает он к Кэрол, и это категорично ей не нравилось. Джек нравился ей, она даже по-своему к нему привязалась, восхищаясь его умом и силой. Но она считала, что для любви он абсолютно непригоден.

После того, что произошло, лучшим лекарством для Кэрол была бы любовь. Нужен мужчина, который способен был бы заставить ее забыть о Мэтте, о своем горе, не позволил бы ей на этом заикнуться, мужчина, который бы смог не только залечить ее сердце, но и снова зажечь. Джек Рэндэл был именно таким мужчиной. Но Куртни даже мысли о нем не допускала.

Да, он мог бы заставить Кэрол забыть Мэтта, но кто потом сможет помочь ей забыть его? Джек мог вытащить ее из этой ямы горечи и отчаяния, в которую угодила Кэрол, Куртни не сомневалась в этом, как и в том, что потом он столкнет ее в пропасть. Джек Рэндэл был спасением для тех, у кого были проблемы с законом, но для женщин, имевших неосторожность увлечься ним, он был катастрофой. Этот мужчина может легко увлечь, но сделать женщину счастливой он не способен. Так считала Куртни. Даже если он влюблен, это не может продлиться долго и ни к чему хорошему, для Кэрол, по крайней мере, не приведет. Он слишком ценил свою свободу и независимость, а любовь — это уже зависимость. Он очень скоро избавится от этой любви, как от обузы. Ведь он всегда сторонился и избегал прочных связей с женщинами, никого не желая впускать в свою жизнь. А Кэрол его мимолетная влюбленность может дорого стоить. Поэтому, несмотря на то, что чувства, так не свойственные Джеку, зацепили ее за сердце, Куртни была решительно настроена на то, чтобы не подпустить его к Кэрол. Девочке и без него страданий досталось больше, чем можно вынести в ее юные годы. Она встретит еще своего мужчину. Им не был Мэтт. И это не Джек. Это не может быть Джек.

Они разместили Кэрол на раскинутых креслах. Благодаря стараниям Джека, девушка так и не проснулась, даже когда он положил ее на импровизированную постель. Он и Куртни устроились рядом, на соседних креслах.

— Поспи, — шепнул Джек ей. — Я присмотрю за ней.

Куртни благодарно ему улыбнулась и прикрыла глаза. Она не ожидала, что уснет, слишком взволнованная и взбудораженная, но усталость взяла свое. Кэрол благополучно проспала большую часть полета, но потом, вопреки надеждам Куртни, неожиданно проснулась.

— Мэтт! Где Мэтт? — едва разлепив веки, воскликнула она, встревожено приподнявшись.

— Не волнуйся, Кэрол, — отозвался Джек. — Я сделал все, как ты просила.

— Ты забрал его? — девушка вскочила на ноги, озираясь по сторонам. — Где он? Здесь?

— Кэрол, приляг, — Куртни мягко взяла ее за плечи, но девушка вдруг оттолкнула ее руки, ища обезумевшими глазами того, кого так неожиданно потеряла.

— Я хочу его видеть! Где он?

Джек поднялся и подошел к ней.

— Кэрол, это сейчас ни к чему. Ты и так пережила столько волнений...

Но девушка не слушала его. Бросившись назад по салону, словно почувствовала каким-то шестым чувством, что Мэтт именно там, она резко остановилась, заметив край черного полиэтиленового мешка. Глаза ее расширились от ужаса, она так побледнела, что подбежавший к ней Джек схватил ее за плечи, подумав, что она сейчас упадет в обморок. Но Кэрол вдруг рванулась дальше, к так напугавшему ее краю зловещего мешка.

Джек сжал пальцы, не пуская ее. Девушка обернулась к нему и попыталась оттолкнуть.

— Отпусти меня!

— Кэрол, успокойся, прошу тебя! Пожалуйста, вернись на место...

Она с внезапной яростью забилась в его руках, опалив полным неприязнью взглядом.

— Уйди от меня! Убери свои руки!

— Джек, отпусти! — поспешила вмешаться Куртни. — Пусть идет.

Он разжал пальцы, и Кэрол с силой оттолкнула его от себя. Оставшись стоять на месте, он наблюдал, как она подбежала к черному мешку и упала перед ним на колени. Уголки губ его горько опустились, но он сам этого не заметил.

Кэрол застыла над ужасным черным мешком, смотря на него широко раскрытыми глазами. Она все еще не могла поверить в то, что Мэтта больше нет. Она отказывалась в это верить. Это просто какая-то ошибка.

Наверное, его с кем-то спутали, и здесь лежит кто-то другой.

Ее Мэтт, такой красивый, такой сильный, полный жизни и здоровья, не может находиться в этом ужасном мешке для трупов. Это было бы слишком несправедливо. Господь не мог так с ним поступить. С нею. С ними. Он столько страдал, он заслужил счастья, а не смерти. И она его заслужила. Они только поженились. Они должны были быть счастливы, ведь они так об этом мечтали, так любили друг друга, так боролись за то, чтобы быть вместе.

Господь не мог с ними так поступить. Это было бы слишком жестоко.

Медленно протянув руки, Кэрол потянула «молнию» вниз. Пальцы ее дрожали, а глаза наполнились слезами, впервые с того мгновения, когда ей сказали, что он умер.

— Пожалуйста! Господи, пожалуйста! Сжался, Господи! — тихо стонала она, нерешительно расстегивая «молнию» и трясясь от страха. — Только не он, умоляю, только не он!

Края мешка медленно разошлись, и Кэрол окаменела, уставившись в бледное неподвижное лицо.

Казалось, он просто спал. Усталость и печаль навеки запечатлелись в правильных чистых чертах, словно он даже теперь не избавился от них, и сердце в его груди все еще продолжало страдать. Еще вчера Кэрол слышала у себя под ухом его биение, лежа в его

нежных объятиях. Поддавшись безотчетному порыву, девушка наклонилась и прижалась ухом к его груди, надеясь вновь услышать тихий ритмичный стук.

— Что она делает? — прохрипел Джек, не отрывая глаз от девушки.

— Не трогай ее, Джек, — отозвалась Куртни где-то за его спиной. — Ей нужно побыть одной. Вернее, с ним. Сейчас мы ничем не сможем ей помочь, только помешаем. Это ее горе, и не в наших силах его с ней разделить.

Кэрол слушала, долго слушала, но так ничего и не услышала.

Тогда она снова посмотрела на дорогое, любимое лицо. Он был таким красивым, помолодевшим. Морщинки разгладились, и она вдруг увидела перед собой того молодого парня, который когда-то, целую жизнь, целую вечность назад, приехал в мотель, и покорила ее детское сердечко.

Выдав из себя жалкую горькую улыбку, больше похожую на гримасу боли, Кэрол сняла застрявший в густых спутанных волосах обрывок сухого листочка и пригладила растрепавшуюся шевелюру. Потом коснулась щеки и потерла кожу, оттирая грязь.

— Куртни, дай мне платок. Только намочи его! — спокойно попросила она, не отрывая глаз от Мэтта.

Женщина торопливо зашарила по карманам в поисках носового платка, но ее поиски были прерваны, когда Джек протянул ей свой. Схватив его дрожащей рукой, Куртни быстро смочила его минеральной водой из пластиковой бутылки и поспешила к Кэрол.

Присев рядом с ней, она протянула ей платок. Даже не взглянув на нее, Кэрол взяла платок и стала заботливо, с бесконечной нежностью протирать лицо Мэтта, его шею, грудь, руки.

— Ну вот, мой любимый, так гораздо лучше, — шепнула она, закончив и любуясь его очищенным от грязи и крови лицом. — Куртни, посмотри, вот и мой Мэтт. Я так хотела, чтобы ты с ним познакомилась, увидела, какой он. Красивый, правда?

Женщина растерянно кивнула, с беспокойством наблюдая за ней.

— Да, очень красивый.

— Ты еще не видела, какая у него улыбка, какой ласковый нежный взгляд, не слышала его голос. Он такой высокий, такой сильный. А видела бы ты, какая у него фигура, какое тело... с ума сойти можно. Я так хотела вас познакомить, — голос ее задрожал и сорвался, но она сделала над собой усилие и продолжила. — Знаешь, почему он убил себя? Потому что он меня любил. Он не смог себя простить, не захотел... но я... я бы простила его... простила...

Пальцы ее судорожно сжались, впившись ногтями в ладони, а из груди вырвался толи вздох, толи стон, толи слабый крик, переполненный отчаянием, безысходностью и нечеловеческим страданием.

— Зачем, Мэтт?! Зачем?! — застонала она, и голос ее потонул в безудержных рыданиях. Упав на холодную крепкую грудь, она прижалась к ней щекой, омывая горькими слезами.

Ладонь Куртни осторожно легла ей на затылок. Пальцы женщины дрожали. Ей очень хотелось обнять Кэрол и расплакаться вместе с ней, но Куртни никогда не позволяла себе слабости. И сейчас она должна оставаться сильной, чтобы поддержать свою девочку, поделиться с ней этими силами.

Но Кэрол забыла обо всем на свете, охваченная безумным горем. Она гладила и целовала грудь Мэтта, лицо, руки. С отчаянием прижималась к холодным губам, которые больше не отвечали на ее поцелуи, отказываясь его отпускать. Нет, ей казалось, она никогда

не выпустит его из своих объятий, не позволит, чтобы его у нее отняли, чтобы их разлучили.

Как же так? Как же так?! Как Господь допустил? Как он мог отнять жизнь у Мэтта? Как мог отнять у нее Мэтта? Как могло такое случиться?

Обняв Кэрол за плечи, Куртни аккуратно и не слишком настойчиво оторвала ее от бездыханного тела.

Обессиленная от горя девушка не сопротивлялась и позволила поставить себя на ноги, но вдруг обмякла в ее руках, потеряв сознание. Сильная Куртни удержала ее, не позволив упасть, а подоспевший Джек ловко подхватил девушку на руки и понес в другой конец самолета. А Куртни, наклонившись, торопливо застегнула ужасный мешок, невольно скользнув взглядом по молодому красивому мужчине с запекшейся кровью на виске и на волосах с другой стороны. После того, что он сделал с Кэрол, причинил ей столько боли, она не почувствовала к нему жалости, без сожаления сомкнув над красивым лицом черный мешок, снова заперев в нем это привлекательное на вид чудовище.

— Я так и знал, что этим кончится! — ворчал Джек взволнованно. — Нужно было оставить этого уroda в морге! Даже после смерти продолжает всем нервы трепать! Не стоит он этого, не стоит!

Опустив Кэрол в кресло, он вынул из кармана еще один носовой платок и, плеснув на него воды из той же бутылки, промокнул бледное избитое лицо. Куртни заметила, что руки у него тоже дрожат.

Веки девушки дрогнули и приоткрылись. Увидев перед собой Джека, она сердито сдвинула брови и отвернулась, оттолкнув от лица его руку.

— Я же сказала, уйди от меня! Не прикасайся ко мне!

Он побледнел и как-то жалобно, заискивающе протянул:

— Кэрол...

Девушка смерила его ненавистным взглядом и оттолкнула.

— Отойди! И не подходи ко мне больше!

Куртни с нежностью пожала его плечо, и он, низко опустив голову, чтобы скрыть покрасневшее лицо, отвернулся и вышел из салона, на ходу вынимая сигарету. Присев рядом с Кэрол, Куртни обняла ее и успокаивающе погладила по плечу. Кэрол закрыла глаза, оглушенная болью и страданием.

Ей хотелось только одного — умереть. Жизнь больше не имела для нее смысла. Она ненавидела эту жизнь, этот мир, судьбу или того, кто ей повелевает. Она проклятая. Проклятая матерью и людьми. И даже Бог отвернулся от нее. Он никогда не слышал ее мольбы.

Джек больше не возвращался в салон, отправившись к пилоту, и лишь когда самолет приземлился, заглянул к женщинам, чтобы узнать, не требуется ли его помощь. Кэрол была уже в своей одежде, обутая, и Куртни со словами благодарности вернула ему плащ.

Девушка решительно поднялась с кресла, отвергнув помощь Джека, и, опершись о руку Куртни, вышла из самолета.

Дерзко припарковавшись чуть ли не у самой посадочной площадки, их уже ждал Рэй, которому Куртни позвонила еще из больницы. Он бросился к ним, сломя голову, а, разглядев Кэрол, засопел, видимо, едва не расплакавшись. С бесконечной осторожностью и нежностью он обнял ее за талию, поддерживая, и повел к машине. Заметив, что девушке тяжело идти, он без колебаний поднял ее на руки. Кэрол обняла его за шею, подавлено склонив перевязанную голову на родное крепкое плечо. Куртни шла следом, стараясь не

отстать.

— Ты был прав, — прошептала ему Кэрол. — Какая я дура, почему я тебя не послушала?

Он шмыгнув носом и горячо поцеловал ее в висок.

— Не говори так, не надо, мое солнышко. Это я виноват, вел себя, как придурок. Прости меня, пожалуйста. Не всегда можно предугадать беду и избежать ее. Теперь все будет хорошо, моя любимая. Я никому не дам тебя в обиду. А того, кто снова попытается причинить тебе боль, я разорву на части, кто бы он ни был.

Куртни поспешила вперед и открыла дверь машины. Рэй бережно посадил девушку в кресло, а Куртни, заметив приближающегося к ним Джека, отошла на пару шагов от машины и остановилась, ожидая его.

Ветер растрепал его темные густые волосы, а полы длинного плаща развевались позади него, время от времени хлестая по ногам. На хмуром лице застыла усталость и затаенная грусть. Подойдя к Куртни, он остановился и взглянул на нее своими умными серыми глазами.

— Я позабочусь о теле, а вы езжайте домой, — сказал он и провел рукой по волосам, пытаясь привести их в порядок.

Куртни признательно ему улыбнулась.

— Спасибо, Джек. Не знаю, чтобы я без тебя делала.

Он равнодушно пожал плечами и снова опустил голову, пряча расстроенное лицо. Куртни незаметно вздохнула, подумав о том, что никогда раньше не замечала, чтобы он потуплял перед кем-то голову и прятал взгляд.

— Я сообщу, откуда вы сможете забрать тело для похорон. До встречи, — украдкой взглянув на машину, в которой сидела Кэрол, он отвернулся, чтобы уйти, но вдруг произошло неожиданное.

Рэй, который, присев у открытой двери, нежно и утешающе целовал руки девушки, резко поднялся, услышав его голос.

— Рэндэл!

Джек обернулся и поприветствовал его кивком головы. Лицо Рэя перекосила гримаса неудержимой ярости и, ловко перепрыгнув через капот, он подскочил к Джеку. Размахнувшись, он с силой ударил адвоката в челюсть. Тот пошатнулся, но устоял на ногах. Не дожидаясь, пока Джек обретет равновесие, Рэй сгреб его в охапку и ударил о машину, затем прижал к капоту и стал с остервенением бить по лицу крепким кулаком.

Куртни тщетно пыталась ему помешать и оттащить от Джека, который, почему-то, не предпринимал никаких попыток защититься.

— Рэй, что ты делаешь! Прекрати, немедленно! — кричала она, но он ее не слышал, ослепленный гневом и неприязнью.

— Гнида! Мразь! — рычал он. — Это ты выпустил этого урода на свободу! Из-за тебя, сволочь, Кэрол чуть не погибла!

Но Джек словно пришел в себя и, заблокировав очередной удар, с силой оттолкнул Рэя от себя. Воспользовавшись этим, Куртни с быстротой молнии вскочила между ними, предотвращая стычку.

Рэй подпрыгивал на месте, не в силах сдержать бурлившие в нем эмоции, и все еще пытаясь дотянуться до Джека, который, как будто даже не замечая его, с изумлением разглядывал кровь на пальцах, проведя ими по лицу. Губы его превратились в узкую свирепую полосу. Подняв почерневшие глаза, он посмотрел на Рэя, которого Куртни,

вцепившись в него мертвой хваткой, пыталась запихнуть в машину. Поймав взгляд Джека, Рэй с легкостью стряхнул с себя ее руки и вызывающе распрямил широкие плечи.

— Я предупреждаю тебя, Рэндэл! Если ты еще хоть раз приблизишься к Кэрол, я снесу тебе башку! Ты слышишь меня, мразь? Не смей к ней приближаться! И мне плевать, что ты у нас такой «крутой», я не боюсь тебя, гаденыш! Можешь натравить на меня своих дружков-бандитов, можешь упечь за решетку, мне все равно! Единственное, о чем я пожалею, так это о том, что как следует не отделал тебя! Считай, что легко отделался и скажи спасибо женщине, которая заступилась за тебя, ничтожество! Я бы на тебе живого места не оставил!

— Да угомонись же ты! — взорвалась Куртни и, от души треснув его по затылку, затолкала в машину. — Заводи, Кэрол нужно отдохнуть, а ты, вместо того, чтобы везти ее домой, драки устраиваешь!

Ее слова подействовали на Рэя мгновенно, охладив его воинственный пыл. Бросив на девушку виноватый взгляд, он завел машину.

— Сейчас, моя любимая, я домчу тебя домой так быстро, что ты даже моргнуть не успеешь.

Куртин тем временем подошла к Джеку, который продолжал неподвижно стоять на месте, как ледяная безжизненная статуя, обдавая своим холодом. Глаза его посветлели, а взгляд был ледяным.

— Ты в порядке? — поинтересовалась встревожено Куртни, всматриваясь в его разбитое лицо.

Он чуть кивнул и, отвернувшись, твердым шагом направился обратно к самолету. Мгновение Куртни смотрела на его высокомерную стройную фигуру, гадая, что он намерен делать дальше в отношении Рэя, и как она сможет помочь своему непутевому мужу, если Джек все-таки решит с ним расправиться. На этот счет Куртни не заблуждалась. Рэндэл сотрет Рэя в порошок, даже не вспомнив о своих деловых и дружеских отношениях с нею, Куртни.

Вопрос в том, сможет ли она ему помешать это сделать. Несдержанность Рэя могла привести к смертельной схватке между ней и Джеком Рэндэлом, но Куртни была полна решимости не дать Рэя в обиду. И впервые в жизни она гордилась своим мужем, увидев в нем, наконец-то, настоящего мужчину.

Рэй вызывающе насупился, готовый дать ей отпор, если она начнет его упрекать, но Куртни ничего ему не сказала. Может, его поступок погубит их всех, но она все равно считала, что он правильно сделал. Наконец-то, нашелся кто-то, осмелившийся начистить морду Джеку Рэндэлу в отместку на причиненное им зло.

Адвокат это заслужил. Только вряд ли это его изменит и помешает дать свободу очередному маньяку.

Не смотря на угрозы Рэя, Джек в тот же день, уже вечером, подъехал на своем черном «Феррари» к дому Куртни, легко взбежал по ступенькам и решительно позвонил в дверь. Ему открыла Дороти, изумленно выгаращившая и без того круглые глаза при виде его избитого лица. Не дожидаясь приглашения, Джек прошел мимо нее, войдя в дом.

— Здравствуйте, мистер Рэндэл, — прикрыв двери, Дороти обошла его, снова ненавязчиво преградив дорогу. — Куртни отдыхает, я бы очень просила вас не беспокоить ее пока.

— И не собираюсь. Кэрол у себя?

— Кэрол? Зачем вам Кэрол? — растерялась женщина.

— Нужно, — несколько резковато ответил Джек, снимая плащ и вручая его домработнице.

— Ее тем более лучше не беспокоить! Она не хочет никого видеть.

— Зато я хочу ее видеть! — огрызнулся он и, обойдя ее, взлетел по лестнице наверх. Дороти не пыталась ему помешать — это все равно, что пытаться остановить дьявола.

Джек благополучно дошел до комнаты Кэрол, не столкнувшись с ее рьяным защитником, и тихонько постучал в дверь. Не дождавшись ответа, он заглянул в комнату.

Девушка спала, свернувшись на неразобранной постели в трогательный жалобный комочек.

Джек зашел в комнату и бесшумно прикрыл дверь.

Некоторое время он стоял у порога и просто смотрел на нее, не решаясь потревожить ее сон. Губы его тронула улыбка, он подошел к кровати, и присев, заглянул в нежное лицо. Улыбка растаяла на его лице, когда он увидел, какими кровоподтеками налилось ее лицо.

Наклонившись, он коснулся носом ее волос и прикрыл от удовольствия глаза, вдыхая их запах. Потом потянулся к ее лицу и осторожно прикоснулся губами к ее израненным, припухшим губам. Девушка вздрогнула и, испуганно вскрикнув, подскочила на месте.

Джек отшатнулся и растерянно посмотрел на нее.

— Ой... извини, я не хотел тебя напугать, — пролепетал он виновато.

Кэрол отвернулась и усталым движением убрала упавшие на лицо волосы, пытаясь понять, показалось ли ей, что он ее поцеловал или это было на самом деле. Что-то слишком часто ей стало это казаться, когда он находился рядом! Один раз можно было еще подумать, что ей приснилось, но теперь в это верилось с трудом.

— Как ты? — участливо поинтересовался он, присев на краешек постели и заглядывая в лицо девушки. Но Кэрол повернулась к нему спиной, пряча лицо, и спустила ноги на пол по другую сторону кровати.

Она знала, что выглядит безобразно, и даже теперь, когда для нее рухнул весь мир, в ней продолжала жить женщина, воспитанная Куртни, и эта женщина всегда будет придавать значение внешнему виду, даже если внутри ничего не останется, ни души, ни сердца. Это была привычка, инстинкт, который не покидал ее в любой ситуации. И сейчас, ко всему прочему, прибавилось страдание из-за собственного непривычного уродства. Ей самой не хотелось смотреть на себя, что уж говорить о том, чтобы это делал кто-то другой, а тем

более, Джек Рэндэл.

Догадавшись о ее чувствах, он нежно погладил ее по плечу и с улыбкой сказал:

— Посмотри на меня — так мое лицо портили только один раз, еще в школе, когда меня побили парни из футбольной команды. Помнишь, я тебе рассказывал?

Кэрол кивнула, но не повернулась.

— Думаю, сейчас мы прекрасно будем смотреться вместе, не находишь? — пошутил он.

— Может быть, если выбить тебе зубы и сломать нос.

Улыбка растаяла на его губах, а в глазах заискрилась боль. Поднявшись, он обошел кровать и присел напротив девушки. Не поднимая глаз, чтобы ее не смущать, он взял ее кисти в свои ладони. Кэрол хотела отнять руки, но он не сильно, но настойчиво сжал их, не выпуская. Наклонив голову, он поднес к губам тонкие пальцы и поцеловал.

— Что ты делаешь? — напряглась Кэрол, и голос ее дрогнул.

— Я хочу, чтобы ты знала, что я очень сожалею, — тихо ответил он, и нежно потерся губами о тонкую кожу на ее пальцах, крепче сжимая их, предотвращая попытку вырваться.

— Сожалеешь? Правда? И о чем же ты сожалеешь?

— Обо всем, вплоть до того, что добился свободы для этого урода. Ты даже представить себе не можешь, что я пережил... я пытался вас найти, я так испугался... за тебя. Я думал, что смогу тебя защитить... и не смог. А после того, как прослушал твое сообщение... я... был уверен, что тебя уже нет в живых, — он присел рядом с ней на кровать и вдруг порывисто обнял, прижав к груди. — Но ты жива! Сам Господь тебя защитил, ты это понимаешь? И я буду благодарить его до последнего своего вдоха. Я бы никогда не простил себе твоей смерти. Прости меня, пожалуйста, прости!

— Джек, ты знал. Ты все знал. Почему ты мне не сказал, что Мэтт болен, почему? — без злобы, с бесконечной горечью и обидой прошептала Кэрол, не пытаясь отстраниться от него.

— Я сказал, разве ты не помнишь? Только ты мне не поверила.

— Сказал! — горько воскликнула Кэрол, отталкиваясь от него. — Сказал, когда я уже вышла за него замуж, когда он сделал все для того, чтобы я тебе не поверила! Но ведь ты знал все с самого начала, разве нет? Не лги мне больше, расскажи все. Ты знал?

Джек тяжело вздохнул и подавлено кивнул.

— Да, я знал.

— Скажи... и давно он был болен? Это он убил тех девочек? — бледнея, спросила она, смотря на него широко распахнутыми глазами и не пытаясь больше отвернуться.

— Да.

— Но ты же сам мне говорил, что все факты притянуты за уши, что Мэтта посадили потому, что нужно было кого-то посадить, а настоящего убийцу не нашли! Ты же сам сказал, что не веришь в его виновность.

— Я допускал возможность, что он невиновен, но когда психиатр, которого я нанял для изучения Ланджа, поставил диагноз, после того, как я увидел Ланджа под гипнозом и во время его приступов, я понял, что интуиция меня не подвела и на этот раз.

— И... и ты мне не сказал, — только и смогла снова повторить Кэрол.

— Разве я тебе не говорил? В самом начале, вспомни — о чем мы спорили? Я говорил тебе, что он виновен, но ты не хотела меня слушать!

— Но ведь ты приводил мне в доводы только свою интуицию! Не надо говорить, что я все равно бы тебе не поверила — поверила бы, если бы предоставил доказательства. Тебе бы не составило труда меня переубедить, ведь это твоя работа, не так ли? Ты просто не захотел!

И я не пойму, почему! Ты должен был мне сказать! Ты знал, что он опасен, что он виновен, и все равно выпустил его на свободу!

— Я сделал только то, о чем ты меня попросила, — в голосе Джека появились металлические нотки. — Ты хотела, чтобы он вышел на свободу — он вышел. Вспомни, как я тебя спрашивал, а ты мне ответила — освободить его, любой ценой. Или ты думала, я просто так спросил, от нечего делать? Тогда я скажу тебе сейчас — я говорил вполне серьезно, и если ты не придавала значения моим словам, то я в этом не виноват.

— Но ведь я была уверена в том, что Мэтт невиновен, я не знала, что он болен! Я даже подумать не могла, что ты задумал такое, ведь ты ничего мне не говорил о своих планах! О настоящих планах, я имею в виду. Мне даже в голову не пришло, что ты способен посадить на его место ни в чем не повинного человека! Я бы никогда на это не согласилась. А ты, как ты мог пойти на такое? Это же... это же... бесчеловечно!

Черты на лице Джека вдруг обострились, глаза злобно сузились.

— А я никогда и не говорил, что я добрый и хороший, что поступаю всегда честно и благородно! Ты потребовала от меня невозможного, думаешь делать невозможное так легко и просто? Не всегда можно добиваться цели чистыми и ровными путями, действуя только по совести. Может, кто-то так и делает, и только так, но не я. Изначально было ясно, что освободить Мэтта можно было только одним путем — посадить на его место кого-то другого, а так как Мэтт был виновен, следовательно, мне пришлось заменить его невиновным. Все очень просто.

— Просто? Но как ты заставил этого несчастного подписать признание?

— Я никого не заставлял, он сам согласился.

— И я должна в это поверить, по-твоему?

— Я объясню. Я просто нашел человека, который согласился взять на себя вину. Этот человек смертельно болен, у него саркома. У него слепая дочь. Ей можно вернуть зрение, но для этого нужна дорогая операция. Мы просто заключили с ним договор. Он сел в тюрьму, а я оплатил операцию его дочери. Она теперь видит. Ты можешь мне не верить, но этот человек готов был мне руки целовать за то, что я предоставил ему возможность перед тем, как оставить дочь одну в этом мире слепой, подарить ей нормальную полноценную жизнь. Он говорил, что теперь может умереть спокойно. Кстати, он умер... сегодня.

— Но получается, ты воспользовался горем этого человека, тем, что он готов был на все ради своего ребенка! Ведь он не просто подписал признание, он покрыл свое имя позором, для всех он теперь — маньяк, убийца детей. Как будет жить его дочь после этого, как сможет она вынести то, что ее отца, честного и ни в чем не повинного человека, будут считать чудовищем, извращенцем, насильником детей? Она сама согласилась заплатить такую цену за свое зрение?

— Что за глупый вопрос? Естественно, ее об этом никто не спрашивал. Только на этом настоял ее отец сам, а я не возражал. Думаю, она потом поняла, что к чему, когда все уже было сделано. Могла бы и сама догадаться, что в этом мире не бывает таких чудес, когда приходит абсолютно чужой добренький дядя и просто так отваливает кучу денег для тебя, именно для тебя, а не кого-то другого. Людская наивность меня всегда раздражала. Все ждут дармовой манны небесной, и возмущаются, когда приходится отдавать что-то взамен. За все и всегда нужно платить, и это не я придумал, таковы люди и признанный ими мир!

— А какой платы ты ждал от меня за свою неоценимую услугу?

— Никакой. Ты же знаешь, мне даже деньги не нужны были от тебя, а взял я их, чтобы

тебя не уязвлять.

— Ты сам себе противоречишь, Джек. Сначала говоришь, что за все нужно платить, а теперь пытаешься убедить меня, что ты тот самый «чужой добренький дядя», который пришел и просто так мне помог.

— Послушай, Кэрол, — Джек взял ее за руку для большей убедительности. — Все, что я сделал, я делал только ради тебя. Я просто понял, что для тебя очень важно было помочь тому, кто когда-то, как ты считаешь, сделал для тебя что-то очень хорошее, отплатить добром за добро. Понял, что ты не успокоишься и так и будешь биться в бесполезных попытках спасти его, а никто, кроме меня, не поможет тебе в этом. Ты не поймешь, почему я не сказал тебе правду? Я просто не смог. Я понял, что в твоём детстве было мало хорошего, а этот человек — самое лучшее, как ты считала, что когда-либо появлялось в твоей жизни. Разве я не прав? Ты думала о нём годами, хранила его в своём сердце, для тебя он был чем-то прекрасным, светлым, добрым. Ты не любишь людей, ты не веришь им. А он был для тебя символом того, что не все плохие, что есть бескорыстные и добродушные, с добрым сердцем, чистыми мыслями, такие, как он, способные просто так проявить тепло и нежность к абсолютно чужому и постороннему человеку... к девочке, которую все отвергали, презирали, — он заметил, как вздрогнула Кэрол от его слов, но продолжил. — А он повел себя не так, как все. Правильно повел, как умный человек, понимающий, что ты всего лишь невинный ребенок, которого нельзя отвергать, не за что презирать. И этим он доказал тебе, что есть на свете люди, для которых не будет иметь значения, кто твоя мать и чем занималась, где ты росла и в какой обстановке.

Девушка рванулась, собираясь вскочить, но Джек схватил ее за плечи, не позволяя этого сделать, и впился пристальными взглядом в ее глаза.

— Я не закончил. Дослушай, пожалуйста. Так вот, я хотел сказать, что не хотел отбирать у тебя своей правдой все то, что ты так бережно хранила в душе, что имело для тебя такое большое значение. Какое бы разочарование тебя постигло, узнай ты, что твой человеческий идеал на самом деле один из страшных и худших людей. Ты бы окончательно перестала верить в людей, но, что еще хуже — самой себе. Эта правда разбила бы тебе сердце. Потому я ничего не сказал. Я решил освободить его, для тебя, чтобы ты не мучилась от мысли, что самый лучший из людей томится за решеткой, и я надеялся, что ты на этом успокоишься, я не думал, что все так далеко пойдет, что ты решишь связать с ним свою жизнь, выйти замуж...

— Ты копался в моем прошлом? — осипшим, словно простуженным голосом перебила его Кэрол, не слушая больше, о чем он говорит, после того, как поняла, что он все о ней знает.

— Я не копался. Просто кое-что узнал о твоей жизни. И я хочу сказать, что тебе нечего стыдиться и...

— Да какое ты имел право... — задохнулась от негодования Кэрол и резко вскочила, вырвавшись из его рук. — Это моя личная жизнь, какое тебе до нее дело? Что ты всегда лезешь туда, куда тебя не просят, а?

— Кэрол, успокойся. Не сердись, я не хотел ничего плохого... всего лишь побольше о тебе узнать.

— Узнал? Очень интересно? И давно ты все знаешь?

— Какое это имеет значение?

— И что же ты обо мне накопал, расскажи! Что же ты знаешь?

— Все.

— Все? Как ты можешь знать все? — Кэрол сглотнула застрявший в горле комок, понимая, что такой, как он, при желании, может раскопать самые сокровенные тайны, а тем более, ее тайны! Он читал в ее душе, как в раскрытой книге, и Кэрол бы уже не удивилась, если бы он знал и ее мысли, и мечты. — Даже то, из-за чего я порезала себе вены?

— Да. Но то, что тогда произошло...

Размахнувшись, Кэрол со всех сил влепила ему звонкую пощечину.

Джек ошеломленно уставился на нее, замолчав и вообще забыв, о чем хотел сказать. По лицу его медленно разлилась краска, ноздри затрепетали от ярости, но он взял себя в руки.

— Никогда так больше не делай... не надо, — прохрипел он.

Кэрол отвернулась, подавленно согнувшись и обхватив плечи руками, как будто замерзла. Глаза ее наполнились слезами. Сейчас она хотела только одного — чтобы ее все оставили в покое. Ее прошлое было таким же ужасным, как настоящее, а о будущем вообще не хотелось думать — страшно.

Она вздрогнула от неожиданности, когда ее обвили его руки, прижимая к его телу.

— Ну, прости, я понимаю, что не должен был... но я не смог преодолеть искушение...

— Хватит! Я не желаю об этом больше говорить, — резко отозвалась Кэрол, отстраняясь от него. — Мы отвлеклись от темы. На чем мы остановились? А, на том, что ты мне все время лгал, водил за нос, как дурочку... Почему — как? Дура и есть, раз так безоглядно тебе верила.

— Кэрол, ну я же объяснил... Все, даже ложь — все ради тебя, для тебя! Стал бы я тратить столько усилий, выгаскивая этого урода из-за решетки...

— Нет, Джек, ты все делаешь только для себя. Разве не принесло тебе дело Мэтта такой поразительный успех, так благотворно не повлияло на твои связи с общественностью, прессой, не возвысило еще больше твою карьеру? Не для меня, не для Мэтта, а для себя! Ты просто использовал Мэтта для своей карьеры. Да, ты и нам помог, конечно, я не отрицаю, только не надо мне говорить, что ты руководствовался только благородными помыслами, озабоченный моими чувствами. Хоть сейчас перестань морочить мне голову!

— Я тебе ее не морочу! — начал закипать Джек, теряя терпение. — Сейчас я говорю тебе только правду, как ты просила!

— Но какое тебе дело до моих чувств, до меня, в конце концов? Я же абсолютно чужой для тебя человек, никто, одним словом. Зачем тебе прилагать столько усилий ради меня, да еще за «просто так», как ты пытаешься меня уверить?

— Да потому что я люблю тебя! — запальчиво выкрикнул Джек. — Неужели ты до сих пор так и не поняла?

Девушка изумленно вскинула брови, а затем вдруг расхохоталась, прикрывая ладонью обезображенный рот.

Джек покраснел до корней волос, свирепо поджав губы.

— Ты находишь это смешным?

— Ну, это же шутка. А когда человек шутит, нужно посмеяться, хотя бы из вежливости.

— Это не шутка! И на этот раз твой вежливый смех неуместен! Я действительно тебя люблю, и ты даже представить себе не можешь, насколько сильно.

— Тогда я вообще перестала что-либо понимать! — почти весело воскликнула Кэрол, всплеснув руками.

— Что непонятного? — устало проговорил Джек и так тяжело вздохнул, как будто его

грудь придавили тяжелым камнем.

— Все непонятно. Если ты меня любишь, как ты говоришь, то выходит, что ты из кожи вон лез, чтобы освободить соперника — нелепо как-то получается!

— Какой он мне соперник? Он же псих, больной, его место в дурдоме. К тому же я знал, что ты его не любишь, что это всего лишь детские фантазии. Я все ждал, когда же ты, наконец, это поймешь, когда снимешь свои розовые очки и разглядишь настоящую любовь... мою любовь. Я не думал, что ты сразу прыгнешь к нему в постель, что помчишься в эту семейку, выскочишь за него замуж! Я знал, что ты безрассудная, но не думал, что настолько! Я не собирался позволять вам быть вместе. Я хотел положить его в клинику, оплатить лечение. Я не собирался бросать его на произвол судьбы. И он мне пообещал, мы с ним договорились.

— Подожди, — перебила Кэрол, бледнея. — Ты хочешь сказать, что он знал? Что болен, что опасен, что убил тех девочек?

— Когда вышел из тюрьмы, не знал. Но на следующий день я ему рассказал, предоставил доказательства. Я купил ему и его матери билеты, снял для них квартиру. А он обвел меня вокруг пальца, перехитрил. Он знал, что опасен, что может убить тебя, но все равно находился рядом с тобой. Он не любил тебя, нет, он любил только себя. Ему было наплевать на тебя, на то, что ты можешь пострадать. Если бы он тебя любил, он бы уехал и лег в клинику. Он женился на тебе, скрыв правду, зная, что он больной психопат-убийца, да еще и увез. Не пойму только, на что он рассчитывал. У него было только два выхода. Он отрывает тебя от семьи, дома, и, привезя к черту на кулички, бросает в одиночестве и отправляется в клинику, чтобы не подвергать тебя опасности, и обрекая тем самым на вечное ожидание. Какой тогда был толк жениться? Ради чувства собственности, чтобы привязать к себе и лишит тебя возможности создать нормальную семью с другим мужчиной и быть счастливой? Второй вариант — он не ложится в больницу, а спокойно дожидается, когда убьет тебя в очередном приступе безумия. Это ты называешь любовью? Мы оба в нем ошиблись, Кэрол, и ты, и я! Он оказался хитрым, коварным и невероятно упрямым. Он не только не сказал тебе правду, но и сделал так, чтобы ты не поверила мне! И ведь у него получилось! Он обвел нас обоих!

Джек подошел к ней ближе, настолько, что почти касался грудью ее груди, но Кэрол вдруг в бессилии опустилась на кровать, подавлено согнувшись и низко склонив голову. Он присел рядом.

— Кэрол, я говорю тебе это не потому, что хочу очернить его в твоих глазах, а для того, чтобы ты поняла, какой он был на самом деле, чтобы не убивалась по нему так и постаралась поскорее забыть. Он не виноват в том, что был болен, не виноват в совершенных преступлениях, потому что не осознавал, что делал. Нельзя обвинять человека в том, что его одолела болезнь, в этом нет его вины. Таково мое мнение. Поэтому я хотел ему помочь, дать шанс излечиться, который он отверг. Но оправдать то, что он намеренно, осознанно пренебрег тобой, твоей жизнью уже нельзя. Когда он лгал тебе, когда женился, когда убеждал не верить мне и настраивал против меня, когда уговаривал уехать и когда увозил тебя неизвестно куда — в этом он отдавал себе отчет, он делал это осознанно и хладнокровно, все прекрасно понимая. Он сам виноват в том, что случилось. Ни ты, ни я — он!

Кэрол закрыла лицо руками, беззвучно расплакавшись. Мэтт знал, все знал! Это стало для нее еще одним ударом, разрушившим то небольшое, что у нее оставалось — уверенность в

том, что осознанно он никогда бы не сделал ей ничего плохого, что был тем, кому она могла безоглядно доверять, что она и делала, за что едва не поплатилась жизнью. Даже он ее обманул. Как верить мужчинам?

— Кэрол, не надо плакать, — стал утешать ее Джек. — Скорее всего, для него так лучше, как бы дико и жестоко не звучали мои слова. Подумай сама, что его ожидало — тюремная психушка до конца дней, а это похуже, чем тюрьма. Для него это стало бы адом на земле. Вас бы все равно разлучили, и он был бы похоронен заживо в стенах дурдома, обреченный на медленную мучительную смерть взаперти, среди жестоких врачей и сумасшедших пациентов. А теперь он свободен от всяких клеток и стен, от своей болезни, от страданий. Ему не было жизни на земле, а там, — Джек кивнул вверх и посмотрел в окно, на небо, — ему будет хорошо. Господь позаботится о нем. Потому что душа его чиста и невинна перед Господом, его грехи вместе с его болезнью остались здесь, на земле, в его теле. И там, на небе, ему воздастся за его муки на земле.

Осторожно, боясь причинить боль, коснувшись ее лица, он повернул его к себе и осыпал страстными поцелуями.

— Забудь его, забудь. Все забудь. Его больше нет. А я готов на все ради тебя, только позволь мне тебя любить. Если хочешь, я выпущу на свободу всех маньяков, только при условии, что ты не будешь с ними спать и выходить за них замуж, потому что мое бедное сердце этого больше не выдержит, — он грустно улыбнулся и прижался было к ее губам в горячем поцелуе, но девушка отшатнулась от него и отвернулась, прикрыв ладонью обезображенный рот, удивляясь про себя, как ему не противно прикасаться к ней, если ей самой было противно даже смотреть на себя в зеркало.

— Я не верю больше тебе, Джек, ни одному твоему слову. О какой любви ты говоришь, если ты даже не предупредил меня о том, как опасен Мэтт. А ведь я так тебе верила, так восхищалась тобой, а оказалось, что ты всего лишь хитрый авантюрист, который обманул всех — народ, прессу, правосудие... я уже не говорю о себе. Ты заставил всех поверить в то, что спасаешь невинного, борешься за справедливость, что ты сделал невозможное, раскопав дело восьмилетней давности и поймав настоящего маньяка, избавив общество от опасности — такой вот герой, сыскавший себе всеобщее уважение и благосклонность. А на самом деле, ты не вел никаких расследований, не совершал невозможного, ты всего лишь на всего отыскал несчастного, который согласился взять на себя вину.

— Не важно, как, главное — я дал ему свободу! — начал злиться Джек, теряя терпение. — Я помог тебе и ему — в этом ты меня теперь обвиняешь? Нужно было послать вас обоих к черту — или и в этом случае я был бы плохим, так? Как ни крути, я плохой, и все сделал не так и не правильно!

— Помог? Ты помог?! — взвилась Кэрол, тоже выходя из себя. — Да ты его погубил! Он был болен, ему не нужна была свобода, ему нужно было лечение! Ты это понимал! Ты должен был мне все рассказать, тогда все было бы иначе, он был бы жив! Я бы добилась, чтобы его из тюрьмы перевели в хорошую больницу, где ему оказали бы помощь, именно ту помощь, которая была ему нужна, а не которую оказал ты! Возможно, его бы даже вылечили. Или, по крайней мере, он был бы жив. А теперь... теперь его нет, — голос ее задрожал от слез. — Выпустив его на свободу, ты обрек его на погибель, ты знал, что он не сможет выжить на воле, что его ожидает либо смерть, либо новые аресты за новые убийства. Может, на это ты и рассчитывал, этого добивался, освобождая его — уничтожить его окончательно? Вернее, чтобы он сам себя уничтожил, как и произошло? Или тебе было просто наплевать на

то, что будет с ним и с теми, кого он может убить?

— Я же говорил тебе, что не собирался бросать его на произвол судьбы, я предложил ему...

— А почему бы сразу не поместить его в клинику?

— Послушай, Кэрол! — прорычал Джек, бледнея от ярости. — Я уже все тебе объяснил и не собираюсь повторять по десять раз! Я сделал только то, что ты от меня хотела! И не надо делать из меня козла отпущения! Не надо обвинять меня в его смерти! Он дурак и слабак, он сам прострелил себе башку! Я-то тут при чем?

— Ты его загнал, отравил, от тебя он бежал! Кто дал тебе право заставляя его делать то, что хочешь ты, распоряжаться его жизнью, решать за меня и за него! Ты просто довел его до отчаяния! Если бы он не пустился в бега, ничего бы не произошло. И если бы я знала, что он болен...

— А разве ты не знала? Я тебе сказал, а ты все равно уехала с ним, предпочтя поверить ему, а не мне! Нужно было не пороть горячку, а хоть немного задуматься своей хорошенькой головкой, она предназначена еще и для этого, а не только для причесок! Если ты дура, при чем здесь я?

— Да уж, куда мне до вас с Мэттом и до ваших соревнований в хитростях и подлостях! Куда мне до тебя, Джек Рэндэл, и до твоих изощренных тонких интриг! Может, я и дура, наивная, глупая, доверчивая, зато я человек, с совестью и честью, а ты — зверь, пожирающий других, чтобы выжить! Холодный, расчетливый, лицемерный, лживый, не останавливающийся ни перед чем, лишенный элементарных человеческих понятий и ценностей...

— Хватит! — закричал Джек, сжав кулаки, и Кэрол замолчала, испугавшись, что он сейчас ее ударит. Отступив на всякий случай от него на пару шагов, она продолжила нападение, не в силах уже остановиться.

— Ты виноват в смерти Мэтта, ты! Это ты его погубил! И ты еще посмел заявиться сюда и говорить мне о какой-то там любви? Какой любви, Джек? Ты хоть имеешь понятие, что это такое? Ты хладнокровно подверг меня смертельной опасности, и то, что со мной случилось — тоже твоя вина! Твоя любовь меня чуть на тот свет не отправила! Вы оба мне лгали, и ваша любовь мне дорого обошлась! Чуть до смерти меня не залюбили! Да, я дура, но если вы с Мэттом такие умные, почему все так случилось? Как я могла понять, кому из вас верить, если вы оба лгали и пользовались тем, что я вам безоглядно верила? Да, я дура, и без тебя знаю! Знаю, что сама во всем виновата! И Мэтта я погубила! И Монику! Сидел бы дальше себе спокойно в тюрьме, в безопасности, если бы я не влезла в его жизнь! Да, дура, чего уж спорить?

— Да ладно тебе, чего зацепилась? Не дура, вспылел я, — примирительно сказал Джек, обеспокоенный ее близким к истерике состоянием.

В глазах ее появилось безумие, порожденное отчаянием и болью, которые оказались ей не под силу.

— Я тебе так верила, Джек! И ему верила! Как, как я смогу теперь кому-нибудь верить? Как мне жить с этим невыносимым чувством вины, с мыслью, что я обрекла их на смерть своим вмешательством! Я хотела помочь, а получилось, что я их погубила, Мэтта и его мать! И все потому, что ты скрыл от меня правду! Мэтта больше нет, тебе на все наплевать, потому что совести у тебя нет, а на меня взвалилась вся тяжесть того, что вы с ним натворили! Ты понимаешь, что своей ложью ты обрек меня на вечные муки вины и сожалений?

— Кэрол, это глупо, винить себя...

— Может и глупо, но я иначе не могу! Я жива, ты жив, а его нет! И Моники нет! Помогли, называется! И зачем я с тобой только связалась? Прав был Рэй, когда говорил, что настанет день, когда я об этом пожалею!

Джек свирепо играл желваками, проявляя невероятные для него подвиги самообладания и терпения. И лишь метавшие молнии глаза говорили о том, что он не пропустил мимо ушей ни одного оскорбления, ни одного обидного слова.

— Как быстро ты забыла все, что я для тебя сделал! Это твоя благодарность?

— Я еще должна тебя благодарить? За то, что ты сломал мою жизнь, мою любовь, лишил меня самого дорогого — Мэтта, разбил мое сердце? За то, что загубил его и Монику? — в истерике закричала Кэрол. — Да я ненавижу тебя! Ненавижу!!! Убирайся отсюда! Я не хочу тебя видеть, никогда!

Кожа на лице Джека приобрела серый оттенок, губы побледнели, но он не сдвинулся с места, продолжая смотреть на нее.

— Что ты стоишь? Убирайся! Вон!!! — завопила она иступленно и бросилась в ванную. Заскочив внутрь, она захлопнула дверь и, упав на пол, разрыдалась.

Мгновение Джек не двигался, не отрывая почерневших глаз от закрывшейся двери, за которой спряталась от него девушка. Затем резко развернулся и вылетел из комнаты, в бешенстве хлопнув дверью. От удара содрогнулись стены, и с полки упала ваза, со звоном разлетевшись на осколки.

Кэрол долго сидела в ванной на полу, уставившись пустым взглядом в стену. Она выплакалась так, что не осталось больше сил ни на одну слезу.

В груди все онемело от боли. Она ничего больше не чувствовала. Только образовавшуюся внутри пустоту. Ей казалось, что она умерла, только почему-то никак не может покинуть свое изуродованное тело. Она видела перед собой пропасть. Так представлялась теперь ей ее жизнь, ее будущее. Она стоит на краю и смотрит в черную бездну. Вся ее жизнь — это боль, смерть, страх. Зачем такая жизнь? Не жизнь, а пытка.

Даже то небольшое, что она считала светлым и хорошим в своей жизни, оборачивалось кошмаром. У нее был Мэтт, которого она боготворила, но даже это оказалось просто наваждением, иллюзией, под которой была скрыто самое плохое и страшное. Он был лучшим, а оказался худшим из людей, убийцей, загубившим детей. На каждом шагу жизнь расставляет ей жестокие ловушки, прикрывая их обманчивыми приманками.

И стоит ей понадеяться на хорошее, как судьба дает ей сильную затрещину, возвращая на место, в мрак и безнадежность, напоминая о том, что все хорошее в ее жизни — это всего лишь замаскированное плохое, и на иное рассчитывать ей нельзя. Ей нельзя никого любить. Все, кто ей дорог, умирают. Она обречена на одиночество. Никогда не быть ей счастливой.

Она должна покинуть Куртни и Рэя, пока не навлекла на них смерть, как на остальных. Мадлен, Роза, Тимми, Мэг, Эмми, Моника, Мэтт. Тот неизвестный мужчина, хозяин мотеля. Старуха была права — вокруг нее тьма и зло. Она проклятая.

Страшно жить дальше. Мать маньячка. Замуж вышла, и муж таким оказался. Она что, обречена на жизнь с сумасшедшими убийцами? Почему она везде на них натывается? Может, она сама такая же ненормальная? Может, болезнь матери передалась ей по наследству, и ее ждет то же самое — дурдом? Хотя ей и без наследственности до помешательства не далеко с такой веселенькой жизнью, где кругом одни сумасшедшие!

Только Кэрол об этом подумала, как увидела, что стены начали темнеть, медленно

заволакиваясь странной дымкой. Сначала Кэрол подумала, что это дым и испугалась, решив, что горит дом. Но, присмотревшись, отбросила эту мысль. Нет, это был не дым. Это было что-то черное, оно медленно двигалось, шевелилось, заполняя все небольшое пространство ванной комнаты. Это походило на... черный туман.

Кэрол оцепенела от ужаса, не понимая, кажется ей это, или это происходит на самом деле, и она видит проклятый туман из своих снов наяву, как однажды на трассе?

Вскоре стены исчезли. Создавалось ощущение, что исчезли не только стены, но и дом, и весь мир, и ее окружали теперь только мрак и бесконечная пустота, словно она попала в иной мир. Страшный мир. Мир, который она могла видеть во снах.

Черный туман густой непроницаемой, почти осязаемой пеленой подбирался к ней. Сейчас он охватит ее всю, как во сне, проникнет в рот, нос, глаза, уши, и она будет задыхаться.

Что происходит? Она, правда, сошла с ума? А может, она умерла, или только умирает, а этот туман — это смерть, тьма, пустота? Но она не хотела умирать, если это так страшно, если это — смерть. Не хотела потонуть в этом ужасном мраке, потому что ничего страшнее она не видела.

И вдруг она расслышала какие-то звуки. Кровь похолодела у нее в жилах, когда она поняла, что это чьи-то далекие голоса, которые доносились к ней словно из самой Преисподней. Слабые, едва различимые, они становились все громче и яснее, и Кэрол смогла различить слова. Эти голоса звали ее по имени.

— Кэрол... Кэрол... Кэрол...

Девушка зажала уши, но все равно слышала их. И она узнала один из голосов. Это был голос Элен. И он звучал совсем рядом. Прямо перед ней мрак начал сгущаться, приобретая очертания человеческой фигуры.

Парализованная ужасом, Кэрол продолжала сидеть на полу, не отрывая глаз от того, что появлялось перед ней из этой тьмы. Это была Элен, она узнала ее. И она выглядела ужасно. Перекошенное страшной гримасой лицо, безумные ненавистные глаза. Она вытянула перед собой худые руки со скрюченными пальцами, пытаясь дотянуться до Кэрол, и стала медленно приближаться.

А позади Элен появлялась еще одна фигура, гораздо больше. Высокий, крепкий, широкоплечий силуэт мужчины.

— Мэтт! — простонала Кэрол, с отчаянием вжимаясь в стену.

Она отчетливо видела его белое лицо. Оно было неподвижным и ничего не выражало, но его глаза напугали ее больше, чем жуткие гримасы Элен. Она увидела в них холодную жестокость и беспощадность, это были кровожадные глаза монстра, чудовища, дьявола, в них отражалось само зло, сама Преисподняя. Это был не Мэтт. Это было что-то ужасное.

Не отрывая от нее своих немигающих невыносимо страшных глаз, он тоже стал приближаться. Они наступали на нее, как что-то неотвратимое, неизбежное. Они пришли за ней. Сейчас они утащат ее за собой в ад.

Бежать! Спасаться! Но куда? Вокруг нет ничего, кроме зловещей темноты, и найдет ли она в ней спасение? Кэрол рванулась назад, прочь от них, но наткнулась на стену. Внутри словно что-то оборвалось, и она истошно завопила, охваченная паникой.

— Не подходите! Убирайтесь! Оставьте меня в покое!

Но они были все ближе. Вжавшись в стену, Кэрол смотрела на них расширившимися от ужаса глазами и продолжала кричать, не в силах совладать со страхом. И вдруг она увидела

перед собой Куртни, и заморгала в недоумении, не понимая, настоящая она или нет.

— Кэрол, что с тобой?

— Куртни, спаси меня! Не отдавай меня им! Я не хочу! — взвизгнула Кэрол, вцепившись в нее с такой силой, что лицо Куртни скривилось от боли.

— Кэрол, объясни, что происходит! Я не пойму, о чем ты говоришь!

Кэрол посмотрела на фигуры за ее спиной, совсем рядом, и протянула руку, указывая на них. Куртни, побледнев, обернулась и посмотрела назад.

— Они! Они рядом с тобой! Бежим! Бежим!

— Кэрол, очнись! Здесь никого нет!

— Посмотри, вот же они! Разве ты их не видишь? Они пришли за мной!

— Девочка, не пугай меня так, не надо. Пожалуйста, послушай меня — тебе кажется, здесь никого нет.

— Они! Они! — вопила девушка, боясь отвести взгляд от фигур.

— Кто они, кто?

— Сумасшедшие! Убийцы! Маньяки! Они хотят меня убить! Мама и Мэтт! Они злые на меня, очень злые! Защити меня, Куртни!

Куртни схватила ее за плечи и с силой встряхнула, пытаясь привести в чувства, потом ударила ладонью по лицу, но девушка даже не почувствовала этого, продолжая смотреть на что-то перед собой вытаращенными от ужаса безумными глазами.

— Рэй! — закричала Куртни в отчаянии.

Тем временем Мэтт и Элен оказались возле Кэрол и наклонились, чтобы схватить ее, не обращая никакого внимания на Куртни. Оглушительно закричав, Кэрол вскочила и бросилась мимо них, вперед. Не важно, куда — в пустоту, мрак, сам ад — куда угодно, только подальше от этих чудовищ!

Но ее остановили чьи-то сильные руки, больно впившиеся в ее тело. Мужские руки. Мэтт. Он поймал ее.

Кэрол забилась, пытаясь вырваться, визжа от ужаса, но он не отпускал ее, сжимая еще сильнее.

Все. Не вырваться. Он пришел за ней, и он ее забирает с собой.

Черный туман окутал их, проник в ее разум, заполнив его мраком и погасив последние проблески сознания. Проклятый туман, наконец-то, одолел ее. И теперь она сгинет в нем на веки. Это был конец. Или начало кошмара, в котором она отныне будет пребывать всегда, а не только во сне.

Куртни сидела в коридоре нейрохирургического отделения, спрятавшись в объятиях Рэя, словно прося защитить ее от горя, которое, как ей казалось, она не переживет. Она не была больше сильной, исчезла куда-то «железная леди», осталась только женщина, мать, сердце которой разрывалось от боли и страха потерять своего ребенка.

Куртни вдруг поняла, что без Кэрол ее жизнь потеряет всякий смысл.

Казалось, целую вечность назад, и вместе с тем, совсем недавно, вроде бы только вчера, в ее дом, в ее жизнь вошла эта кроткая тихая девочка с невыносимо грустными глазами взрослого человека, которыми навсегда покорила сердце одинокой женщины. Она подарила этому ребенку всю свою материнскую любовь, накопившуюся в ее сердце и искавшую выход, но не находящую за неимением собственных детей. И теперь Куртни не представляла себе жизни без Кэрол.

Когда девушка переехала в квартиру, дом опустел и наполнился тяжелой тоской. То же самое было и в их с Рэем сердцах. Они настолько сильно привыкли к Кэрол, к тому, что она была рядом, что не могли без нее жить. словно от них, от их дома, от их жизни оторвали самую важную, ничем не заменимую часть. И отношения между ней и Рэем окончательно испортились. Каждый из них винил другого в том, что Кэрол ушла. Между ними возникла холодная стена молчаливой ненависти и обиды. Они не могли и не хотели простить друг другу краха их семьи и прежней счастливой, безмятежной, дружной жизни, которой они жили втроем в этом доме. Оба страдали и тосковали. А Рэй еще больше обозлился на жену, считая, что из-за нее Кэрол вычеркнула его из своей жизни. Куртни не могла подавить в себе чувство ревности, понимая, что он относится к Кэрол не совсем так, как того хотелось бы им обоим. Она не винила в этом девочку, зная, что у той вряд ли даже мысль возникала завести роман с Рэем. И вряд ли тому удастся соблазнить ее, не смотря на все свое обаяние и привлекательность. Не потому, что Кэрол была какой-то там каменной и равнодушной к его чарам, а потому, что была честной и преданной девочкой. Преданной ей, Куртни. И ничто не могло поколебать эту преданность. Даже Рэй, которому, наверное, впервые дала отпор женщина. И Куртни гордилась своей девочкой, на собственном опыте зная, как тяжело устоять перед ним. Она считала себя сильной женщиной, но лично ей это никогда не удавалось. А Рэя она возненавидела. Она прощала ему всех женщин, все его любовные увлечения, но то, что он посмел положить глаз на ту, которую они вместе растили и воспитывали, на ту, что стала членом их семьи, позволив своему развратному нраву вторгнуться в священные пределы семьи и разрушить ее — нет, этого она уже не могла вынести, простить. Это был уже беспредел, безграничная наглость с его стороны, переполнившие чашу ее терпения. Она любила его до безумия, но без колебаний приняла решение дать ему, наконец-то, давно и многократно заслуженный пинок под зад. Ее не страшили боль и одиночество, она была мужественной женщиной, уверенной в своих силах, она знала, что сможет спокойно жить дальше, без него. А вот как будет трепыхаться он, оказавшись на улице, совершенно не приспособленный к самостоятельной жизни — за этим она бы с удовольствием понаблюдала. Это все равно, что выкинуть на улицу ребенка, привыкшего к тому, что его кормят и поят. Как он будет жить, столкни она его со своей шеи?

Как будет зарабатывать на жизнь, если ничего не умеет, кроме того, что мастерски крутить баранку, летая на своих роскошных машинах (которых у него не останется), прыгать с ракеткой на корте, очаровывать женщин, да сорить ее деньгами? Что ж, он мог устроиться шофером или стать альфонсом. Или давать уроки игры в теннис или стать тренером по серфингу. Куртни сама посоветовала это ему, когда они вместе с Кэрол вернулись домой. Куртни напомнила ему о том, что он свободен. Она разрешила ему взять только одежду и личные вещи. В общем, она хладнокровно выкидывала его на улицу, как говорится, с голым задом, и лишь потом снизошла до того, чтобы дать немного денег на то, чтобы он на месяц мог снять какую-нибудь комнатуху или убогую квартирку, пока не устроится на работу. Но в Рэе вдруг проснулась гордость, которая до сего момента в нем напрочь отсутствовала, и он отказался от подачи. Он как раз копался в своем обширном гардеробе, выбирая то, что заберет с собой, с некоторой долей удивления обнаружив, что количество вещей не соответствует количеству имевшихся у него чемоданов и дорожных сумок, и даже, если бы их хватило, он бы все равно не смог все это унести на себе, когда услышал вопли Кэрол. Решив под влиянием горькой обиды на Куртни взять только самое необходимое и выбрав для этого одну большую спортивную сумку, он просматривал вещи, прикидывая, что брать. Он не без сожаления откладывал в сторону целые горы дорогой одежды, большая часть которой имела вид только что снятых с витрин обновок, и думал о том, что, если бы продал все это, то мог бы ни в чем не нуждаться, по меньшей мере, год. Он любил хорошие качественные тряпки, но больше всего он страдал по своим машинам, по тем, которые были, и по тем, которые он уже не сможет купить. Он любил хорошие машины еще больше, чем красивых женщин и не знал, что бы предпочел в последние мгновения своей жизни, если бы ему предоставили такой выбор — прокатиться за рулем великолепного железного зверя или заняться сексом с роскошной женщиной. Он знал непреклонный, твердый, как гранит характер жены, но так же знал, как сильно она его любит, и был почти уверен, что она сама приползет к нему и будет умолять вернуться. Только он сам не понимал, хотел бы он вернуться. К прежней шикарной беспечной жизни — да, к ней — нет. Он никогда не любил Куртни. За всю жизнь он любил только одну женщину, но это было очень давно. И на эту женщину, как две капли воды, была похожа Кэрол. Словно судьба вернула его в прошлое, предоставив второй шанс на любовь, от которой сам отказался. И он даже был рад, что Куртни теперь не будет ему мешать.

Но сейчас все было забыто. Все разногласия и обиды. Они снова были семьей, и в эти мгновения, перед настоящей угрозой, они ощутили это по-настоящему, как никогда. Все, что было раньше — ерунда. Даже живя порознь, они продолжали оставаться семьей, и так было бы всегда. Даже живя отдельно, их девочка была с ними, и они никогда ее не теряли, как они думали, бродя по опустевшему без нее дому. Они поняли это только сейчас, когда могли потерять ее по-настоящему, навсегда. Никогда ее больше не видеть, не слышать ее голоса. Не разное жилье могло их разлучить, что казалось теперь до смешного глупым и бессмысленным, а кое-то похуже и посерьезнее — смерть. Она навсегда могла отнять у них их девочку.

И Куртни дрожала от страха, впервые в жизни ища поддержки у мужа, как слабая женщина, нуждающаяся в защите сильного мужчины. Своего мужчины. И, как ни странно, в этой ситуации, Рэй действительно оказался сильнее, не похожий сам на себя. Хладнокровный и спокойный, он обнимал Куртни сильными руками, словно был наполнен решимостью не подпустить к ней беды, и только бледное, изможденное и осунувшееся лицо

выдавало то, как ему на самом деле тяжело. В глубине красивых синих глаз затаился страх, который он не желал показывать Куртни, и без того крайне напуганной. Он казался спокойным, но никогда еще он не боялся так, как сейчас.

Куртни не могла обмануть его невозмутимость, она знала, что он чувствует то же, что и она, лишь как-то отстраненно удивилась тому, что Рэй оказался сильным человеком с таким самообладанием, о котором она даже не подозревала. Она привыкла считать его слабым и взбалмошным. Он мог лить слезы по пустякам или если ему это было нужно, как превосходный актер, но стойко выдерживал настоящие удары судьбы, как сейчас. Только раньше судьба миловала его, и это был первый удар, первое настоящее испытание.

Как странно, Куртни всегда считала, что хорошо разбирается в людях, а оказывается, она не до конца узнала собственного мужа, с которым жила уже столько лет! Когда он набил морду Джеку Рэндэлу, не побоявшись, что тот посадит его за решетку, или того хуже, отдаст на растерзание бандитам, Куртни почувствовала к нему уважение. И сейчас, когда он оказался сильнее нее в общей беде, это уважение лишь увеличилось.

Никто из них не мог потом вспомнить, сколько они вот так сидели и ждали. Время остановилось для них, они словно повисли между жизнью и смертью, как и их девочка. Куртни молилась про себя. Впервые в жизни. Они ждали, и это было невыносимым. Ждали, какой приговор вынесет судьба девушке... и им.

Доктор Харольд ошибся, и его ошибка была роковой для Кэрол. У девушки была закрытая внутричерепная травма, при которой той нельзя было не то, чтобы подниматься с постели, но и по возможности ограничить любые движения головой. Только в этом случае могло все обойтись без последствий. А давление во время перелета привело к внутреннему кровоизлиянию.

Доктора, которые сейчас прилагали все усилия для того, чтобы сохранить девушке жизнь, лишь поджимали губы и пожимали плечами, потому что не находили слов. А один из них даже накричал на Куртни, когда она рассказала о том, что девушку поднимали в воздух уже травмированной.

Вызывая неотложку, Куртни и Рэй думали, что у Кэрол помутился рассудок. Но, как объяснили врачи, истерика и галлюцинации были всего лишь следствием физиологических нарушений мозга. Впрочем, одно другого не исключало. Если Бог сохранит ей жизнь, это не значило, что он так же вернет ей рассудок. И Куртни не знала, что страшнее — умереть, или навеки кануть в том черном мире, в который заглянула Кэрол перед тем как потерять сознание, находиться в плену у собственного подсознания, в аду, оставаясь живой.

Когда они увидели направляющегося к ним доктора, одновременно поднялись ему навстречу. Куртни выпрямилась и оттолкнула от себя руку Рэя. Спокойно она заглянула в глаза врачу, пытаясь угадать то, что он собирался сообщить. Страх вдруг отступил, она как будто окаменела, инстинктивно приготовившись к сокрушительному удару.

Кэрол не чувствовала больше печали, ей было так легко, так свободно. И с ней была Эмми. Маленькими девочками они жили в их хижинке. Бегали купаться на озеро, катались на огромном велосипеде Эмми, а повсюду за ними следовал Спайк. Они подружились с Мэг Блейз, и одна из сестер теперь частенько проводила время вместе с ними. Она изменилась, превратившись в обычную девочку, добрую и веселую, и совсем не походила на ту злобную заносчивую фурию, какой была раньше.

Эмми по-прежнему везде носила с собой любимую книгу о магии, а Кэрол помогала ей

искать всякие нелепые и порой страшные ингредиенты для ее заклинаний и снадобий.

Старушка Мадлен приносила им еду, стирала одежду и прибиралась в их маленьком домике. Она все время ворчала на непослушных девчонок, ругала за проказы и всевозможные проделки, на которые Эмми подбивала свою преданную подружку.

Они ходили в гости к Розе, которая жила в большом красивом доме и всегда принимала их с радостью.

А время от времени к ним заезжал Мэтт.

Кэрол всегда с нетерпением ждала его и безумно радовалась, когда он приезжал. Она прыгала ему на шею и верещала от восторга. Он был такой высокий, такой красивый. Улыбчивый, веселый. Каждый раз он привозил ей в подарок статуэтки, которые делал сам, и у Кэрол их собралась уже целая коллекция. Она мечтала поскорее вырасти, потому что он обещал, что женится на ней, когда она станет девушкой. Кэрол знала, что лучшего парня ей не найти, и она очень боялась, что он влюбится в какую-нибудь девушку до того, как она успеет вырасти и стать его невестой. Ведь он был такой молодой, такой красивый... и такой добрый.

Иногда ей снился страшный сон. Очень страшный. Вроде бы она уже взрослая девушка, и Эмми с ней больше нет и никогда не будет. И Мадлен нет. И Розы, и даже Мэг Блейз. В этом сне они все умерли. Она видела в этом сне могилу Эмми. И это было ужасно. Но самое невыносимое было то, что не было Мэтта. И она чувствовала себя такой одинокой, такой несчастной. Она горько плакала, чувствуя в сердце нестерпимую мучительную боль, мечтала поскорее проснуться и снова увидеть любимую неугомонную Эмми, нежную Розу, суетливую Мадлен... и прекрасного Мэтта. Проснуться и понять, что это всего лишь сон, кошмар. А на самом деле все живы, здоровы... что она счастлива, а ее слезы и боль — всего лишь сон.

Она часто навещала маму, которая по-прежнему жила в мотеле. Элен была красавицей, с золотистыми вьющимися волосами, большими голубыми глазами, и Кэрол ею восхищалась. Она была здоровой женщиной, не увлекалась спиртным и завязала с интимными услугами для постояльцев. Она была приветлива и ласкова с Кэрол, и даже целовала ее, радуясь визитам дочери.

Элен не возражала тому, что Кэрол живет с Эмми. И Кэрол не боялась ее. Мама исправилась, вылечилась. И между ними все наладилось.

А однажды к ним с Эмми в хижинку пришел Тимми. Не смотря на то, что он был совсем другой, девочки сразу его узнали. Они были шокированы и не могли поверить собственным глазам. Их маленький Тимми превратился в высокого рослого юношу, почти мужчину, одетого в военную форму. Девчонки глазели на него и не могли понять, как могло такое произойти, и когда он успел вырасти, если сами они еще девочки. А он только смеялся над ними и ничего не объяснял.

— Ведь ты же младше нас на два года! Как ты мог нас так перегнать? — не отставали Кэрол и Эмми. — И где ты пропадал все это время? Почему нарядился в военную форму?

— Потому что я теперь солдат, — с гордостью отвечал он. — Я — настоящий мужчина. И ты никогда больше не назовешь меня трусишкой, Эмми.

А Кэрол наклонялась к подружке и украдкой шептала на ухо:

— Помнишь, как он мечтал поскорее вырасти, стать высоким и сильным? Похоже, его мечта сбылась.

Эми оставалось только пожимать плечами и без конца повторять:

— Чудеса, да и только!

А Кэрол смотрела на Тимми и думала о том, что именно таким она его себе представляла в будущем. Он по-прежнему был похож на ангела, даже в форме. Как странно, но их маленький ангелочек теперь был взрослым ангелом. В его глазах было чистое бескрайнее небо, в волосах блестели, переплетаясь, лунные и солнечные лучики, серебро и золото. Почему-то Кэрол стало очень грустно, пока она им любовалась. Он собрался уходить, как они его не умоляли остаться.

— Я не могу. Я должен вернуться, мое место не здесь, — сказал он, и вдруг протянул руку Кэрол. — Пойдем со мной.

— А Эмми? — растерялась она.

— Я не могу взять Эмми.

Кэрол держала его за руку, чувствуя, как бегут по лицу слезы. Ей так хотелось пойти с ним, потому что она знала теперь, что их Тимми на самом деле ангел, настоящий. И он никогда больше не вернется.

— А как же Эмми? Мама, Мадлен и все остальные? Как же я их оставлю? Я не могу. Кроме них у меня никого больше нет.

А он смотрел на нее своими небесными глазами и грустно улыбался.

— Я буду с тобой.

— Нет, лучше оставайся с нами, и тогда мне не придется никого терять.

Он качал головой, но руку ее не выпускал.

— А Мэтт? Я не хочу расставаться с ним.

— Помнишь, ты обещала мне, что когда я стану высоким и красивым, ты будешь со мной? Вот, посмотри, я такой. Пошли со мной. Ты обещала.

— Ты не настоящий... ты не можешь быть таким взрослым... И я боюсь идти с тобой. Ведь ты... ты умер!

Словно озарение нашло на нее, и она вспомнила, что Тимми погиб.

Испугавшись, она вырвала у него свою руку и отскочила назад.

— Как хочешь, — с сожалением проговорил он. — Только ты ошибаешься. Это вы умерли, а не я.

— Ты стал ангелом? — догадалась Кэрол. — Господь призвал тебя к себе? Поэтому ты можешь приходить к нам? И ты... ты хочешь забрать меня с собой... туда? Неужели я тоже могу стать ангелом, как ты?

Он вдруг рассмеялся и... исчез. А Кэрол так ничего и не поняла.

Страшные сны все чаще посещали ее. Ей снился мужчина, очень похожий на Мэтта. Это был он и не он.

Нет, конечно, это был не Мэтт. Этот мужчина был намного старше, и он был очень злым. Он гонялся за ней и хотел убить. Он делал ей очень больно. А вокруг был черный туман. Куда бы она ни побежала, всюду был черный туман.

Как она устала от этих кошмаров. Как ей надоела эта темная зловещая дымка. И когда эти ведения оставят ее в покое? Только они одни омрачали теперь ее жизнь. И как хорошо, что от любого сна, даже самого страшного, всегда можно очнуться и понять, что это всего лишь сон.

Ей стало сниться что-то странное.

Она вроде бы лежала с открытыми глазами и не могла пошевелиться. Вокруг было очень темно, хоть глаз выколи, но она слышала чьи-то голоса. Бывало, они звучали совсем рядом,

но она не могла разобрать, что они произносят. Потом темнота стала отступать. Она видела перед собой что-то белое, всматривалась, и думала, что это небо, только почему-то совсем белое и неподвижное, без облаков. Оно было совсем близко, прямо над головой, и она все время пыталась протянуть руку, чтобы до него достать и потрогать... и не могла. Ее тело ее не слушалось, не подчинялось. Это был очень страшный сон. Кэрол с нетерпением ждала, когда она проснется и снова сможет двигаться. Она рассказывала Эмми об этом ужасном сне, но та лишь отмахивалась и смеялась.

— Да ну тебя! Вечно тебе всякая ерунда снится!

Но сны повторялись все чаще. Вместе со странным белым небом перед ней стали появляться чьи-то чужие лица. Поначалу она их пугалась, но лица не делали ей ничего плохого, улыбались и что-то говорили, но она по-прежнему не понимала слов.

В голове ее все перемешалось. Она не могла теперь понять, что сон, а что — нет. Однажды она поняла, что белое низкое небо — это потолок, а лица преобразились в людей. Она могла уже поворачивать голову и наблюдать за ними. Но она не знала этих людей, она боялась их, не понимая, что они от нее хотят.

А потом настал страшный момент, когда она вдруг поняла, что белый потолок и эти люди — не сон. Это происходит с ней на самом деле. Вспомнила, что Эмми больше нет. И Мадлен, и Розы, и Мэг Блейз. И Мэтта. Поняла, что находится в больничной палате, а люди, окружающие ее — врачи и медсестра. Поняла, что почти не может шевелиться.

И она лежала, смотрела в белый потолок и чувствовала, как по щекам на подушку сбегает горячие слезы. Ее сны оказались реальностью, а жизнь с Эмми в хижинке и все те, кого она любила — сном. Или забвением. Только она не хотела оставаться здесь, в этой реальности, в своих самых страшных кошмарах, она хотела назад, в забвение... туда, где она была так счастлива. К тем, кто был ей так нужен.

А за ней наблюдала какая-то женщина, гладила по руке, что-то говорила, спрашивала. Кэрол смотрела на нее, не понимая, о чем она говорит. На какое-то мгновение Кэрол узнала ее. Она хотела улыбнуться и назвать ее по имени, но вдруг с ужасом осознала, что не может этого сделать. Она не могла не только двигаться, но и разговаривать. И не понимала, что говорит ей Куртни.

Куртни гладила ее по лицу и что-то говорила, видимо пытаясь успокоить и что-то объяснить перепуганной девушке. Но та закатила глаза и потеряла сознание, снова погрузившись в свой мир грез. Но Куртни была рада, потому что поняла, что девушка, наконец-то, полностью осознала реальность, которая так ее напугала... и так опечалила.

Кэрол не всегда узнавала Куртни и Рэя, которые по очереди находились рядом с ней, а когда узнавала, то не сразу. Она ничего не могла запомнить, ее память ничего не могла зацепить, а то, что в ней хранилось, выдавала с неохотой и трудом. Почти каждый раз она открывала глаза так, будто делала это впервые, и смотрела на окружающие ее предметы и людей глазами только что появившегося в этом мире младенца.

Бывали моменты, когда память возвращалась к ней полностью, и она смотрела на Куртни или Рэя умоляющими плачущими глазами, ища ответы на свои вопросы. Что с ней? Почему она здесь? Почему не может двигаться, разговаривать и понимать слова? Так будет теперь всегда или это пройдет, и она снова станет нормальным человеком?

Они отвечали на ее невысказанные вопросы, но она не могла их понять. Тогда она закрывала глаза и пыталась снова забыться. Это было избавлением от ужаса и отчаяния.

Однажды открыв глаза, она увидела над собой мрачное мужское лицо. Оно смотрело на

нее серыми неподвижными глазами и молчало. Кэрол перевела взгляд на потолок и тут же забыла о странном видении.

Она часто не понимала, что реальность, а что наваждение, и в основном, ее это не очень интересовало.

Куртни и Рэй не поддавались отчаянию. Они привозили к Кэрол лучших докторов, и каждый дарил им надежду на то, что девушка поправится и сможет вернуться к нормальной жизни. Но на это нужно время. В результате кровоизлияния были нарушены некоторые функции мозга, а именно, зрение, память, речь, координация, а также отвечающие за опорно-двигательную систему и способность воспринимать человеческую речь и происходящее, но роковых и непоправимых изменений не наблюдалось. Врачи были уверены... или почти уверены, что все это восстановится. Зрение вернулось, память тоже работала, хоть и со сбоями. Девушка уже могла двигать головой и улыбаться, узнавала все чаще своих близких и лечащего врача. Это был прогресс, и лишь подтверждало слова оптимистично настроенных медиков.

Единственное, о чем помалкивали врачи, так это о том, как повлияет все это на ее рассудок и останется ли он здоровым. Этого они не могли сказать. Никто не мог этого знать. Время само даст ответ на этот вопрос. А пока никто не мог знать, что происходит в этой травмированной белокурой головке.

Иногда ее взгляд был пугающе пустым, словно в ее голове не было ни одной мысли, ни одного воспоминания — ничего. Видеть это было невыносимо и страшно.

Не смотря на то, что за Кэрол ухаживали медсестры, которые превосходно выполняли свою работу не только ради поддержания высокой репутации клиники, но и благодаря тайным вознаграждениям от миссис Мэтчисон, Куртни и Рэй решили, что рядом с девушкой всегда должен находиться кто-то из них, чтобы, когда она приходила в себя, не оказывалась одна и не пугалась, что часто с ней случалось. Чтобы видела, что она не одна, что ее любят, заботятся о ней.

Рэй самозабвенно отдавался этому непривычному для него занятию, отрекшись от всего, что составляло для него смысл жизни — тенниса, футбола и даже женщин. Впрочем, что до женщин, то им была очарована вся прекрасная половина больницы — врачи, медсестры, пациентки и даже уборщицы, включая старую ворчливую старуху, которая страдала патологической ненавистью ко всем окружающим... кроме Рэя.

Куртни не вспоминала о том, что они почти расстались, и он по-прежнему жил дома. Казалось, он и сам об этом забыл. Теперь было не до того. Они нужны были друг другу, а особенно — Кэрол. Они были семьей, и это вдруг стало самым важным, даже для Рэя.

Он был тихим и покорным, во всем слушался Куртни, когда она отдавала ему какие-либо распоряжения дома или в больнице, не возражал и не перечил, изо всех сил пытаясь быть полезным и помочь, готовый на все для Кэрол. Он подкатывал на своей роскошной машине к больнице, парковался тут же на стоянке и, элегантный и красивый, спешил в палату к Кэрол, приветствуя всех попадающихся на пути обаятельной теплой улыбкой. Женщины провожали его восхищенными взглядами, мужчины — слегка завистливыми.

Поначалу Куртни не очень на него надеялась, почти уверенная в том, что роль сиделки ему быстро надоест, и на долго его не хватит, он начнет ныть и отлынивать, а во время дежурств, вместо того, чтобы находиться в палате с Кэрол, которая в основном спала, будет шататься по больнице в поисках приключений и общения. Она даже несколько раз

специально наведывалась в больницу, проверяя его. Вопреки ее ожиданиям, ей не за что было зацепиться. Рэй всегда находился в палате, либо торчал под дверью, выпровоженный медсестрой, которая занималась Кэрол. И Куртни вынуждена была в него все-таки поверить. Ни разу Рэй не пытался отнекиваться от поездок в больницу, и даже создавалось впечатление, что ему там нравится.

В палате стояла дополнительная кровать, был душ и туалет. Рэй валялся на постели, читая журналы, заткнув уши наушниками с грохочущей в них музыкой, или смотрел телевизор, с теми же наушниками, боясь потревожить его звуками Кэрол. Медсестры, питающие к нему особую симпатию, приносили ему еду. Он даже мог попросить их сделать кофе или чай — все для него делалось ими с радостью, и он без зазрения совести этим пользовался.

Но когда Кэрол открывала глаза, он садился рядом и не отходил, пока она снова не уснет. Он ужасно огорчался, если она его не узнавала, и радовался, как ребенок, когда в ее глазах вспыхивало озарение, и она ему улыбалась, не размыкая губ.

Он знал, что она не понимает его, но все равно болтал без умолку, смеялся над собственными шутками, а она отвечала ему улыбкой. Ей нравилось, когда он смеялся, он это понял. Он целовал ей руки, гладил мягкие волосы, пытаясь показать, как он ее любит, поддержать, утешить.

Поначалу Кэрол очень много спала, но сознание уже не теряла. Потом время бодрствования стало увеличиваться. Она сосредоточенно вслушивалась в слова, и вскоре стало заметно, что она начинает постепенно кое-что понимать и улавливать смысл. Память по-прежнему ей изменяла, но Куртни и Рэя, а также ухаживающих за ней медсестер и лечащего доктора, она уже не забывала.

Постепенно она начинала двигаться. Да, она могла двигаться, но заставить делать свое тело то, что она хочет, было мучительно тяжело и почти не получалось. Словно вместо ее мозга была вата, сквозь которую медленно и с таким трудом до нее все доходит. Или не доходит. Приходилось напрягаться, чтобы уловить и переварить смысл услышанных слов. Поэтому с ней разговаривали медленно и внятно, давая время на то, чтобы понять услышанное. Но постепенно слой ваты уменьшался, а скорость восприятия увеличивалась.

Кэрол училась заново говорить. Училась брать предметы, держать карандаш, вставать, ходить. Иногда в глазах ее появлялось отчаяние, и она отворачивалась к стене, отказываясь от упражнений. Единственное, что она не разучилась — это плакать. Первые слова, которые она с огромными усилиями произнесла, услышала Куртни, и от них сердце «железной леди» сжалось, хоть она и не совсем поняла их смысл.

— Я была в раю. Вы вернули меня в ад. Зачем?

Куртни была строга с ней, сердилась на слезы и капризы, когда девушка не хотела заниматься, чтобы быстрее восстановить утраченные способности. Если Кэрол отказывалась, она ее заставляла.

— Не будь размазней! — сурово говорила она. — Ты должна быть сильной. Вот бы твоя Эмми дала тебе нагоняй, увидев твои нюни! Все будет хорошо, все восстановится, только ты должна постараться. Если не для себя, то хотя бы для нас с Рэем. Мы тебя любим, хотим видеть здоровой. Не разбивай наши сердца... не делай нас несчастными.

И Кэрол со слезами брала ее за руку и целовала тонкую изящную кисть, смотря на свою обожаемую Куртни грустными преданными глазами.

И подчинялась. Вытирала слезы, улыбалась и старательно упражнялась, не смотря на то,

что это причиняло ей настоящие муки, особенно, когда что-то не получалось. Она чувствовала себя поломанной куклой, в которой сели батарейки, а от нее все равно требовали работать.

Рэй был более мягок, не принуждал ее что-либо делать, если она не хотела. Он из кожи вон лез, веселя и забавляя ее, развлекал, как только мог, пытаясь скрасить ее ставшую такой невыносимой и тяжелой жизнь, заключенной в этой палате, на больничной койке. Он научил девушку смеяться, как никто, мог поднять настроение. Когда он был рядом, в душе у нее светлело, тоска и отчаяние отступали. Она даже занималась с удовольствием с ним, потому что он умудрялся превратить тяжелые неприятные упражнения в забавную игру. И с ним Кэрол не только не плакала от своих неудач, наоборот, они вместе хохотали над ними, и ей совсем не было обидно смеяться над собой, ей было весело и действительно все казалось смешным.

Как только позволили врачи, он стал сажать ее в кресло-каталку и выкатывать во двор. С каждым днем они все больше времени проводили на свежем воздухе. Лето было в самом разгаре. Яркое солнце, чистое голубое небо, зеленая листва деревьев, трава — все это возрождало в девушке желание жить, заставляло почувствовать ни с чем несравнимый вкус жизни. Ей не хотелось больше покидать этот мир, потому что здесь были Куртни и Рэй.

Ее навещали Берджесы, приезжала Даяна, правда, всего на один день, чтобы поддержать подружку. Девушка уже второй раз навещала Кэрол, только в первый раз Кэрол ее не узнала. Но теперь Кэрол была очень рада снова ее увидеть.

Казалось, Даяна стала еще прекрасней. И рядом с ней Кэрол почувствовала себя уродиной. Синяки и ссадины давно прошли, от них и следа не осталось, но у нее не было передних зубов, и девушка ужасно комплексовала из-за этого.

— Было бы из-за чего расстраиваться! — беспечно махнула рукой Даяна. — Вставишь себе новые зубы, будет еще лучше, чем было! Главное, давай, выздоравливай. Не ленись, работай, не жди, когда тебе Господь сам на блюдечке все предоставит. За себя нужно бороться. Вот как я. Только у нас-то разные ситуации были, меня-то врачи приговорили, а я все равно на ногах, как видишь, а тебе, наоборот, дают все шансы. Ты только не опускай руки, поняла? Мы с тобой сильные девчонки, нас просто так не сломаешь, так ведь?

Куртни сообщила Даяне о том, что с Кэрол произошло несчастье, так же как и Берджесам, но всю правду не сказала. Она объяснила все тем, что Кэрол с мужем попали в аварию. Мэтт погиб. И Даяна, и Берджесы были шокированы не только этим несчастьем, но и тем, что Кэрол вышла замуж, ничего никому не сказав.

— Так им захотелось. Никому не сказали, даже мне, — сказала им Куртни. Она больше не сердилась за это на Кэрол. И ее друзья, которые, несомненно, не заслужили такого пренебрежения — тоже. Не та была ситуация, чтобы обижаться. Но Даяна все равно не удержалась от упрека.

— Могла бы позвонить, я бы сразу же примчалась! Видано ли, единственная подруга замуж выходит! Вот я тоже не позову тебя на свою свадьбу! Ну, ладно, не смотри так, я шучу. Я понимаю, значит, так надо было. Потом мне все расскажешь, хорошо? Я умираю от любопытства, так что, давай, побыстрее учись говорить.

Даяна обнимала ее и горестно вздыхала.

— Держись, подружка. Держись. Эмми учила нас быть сильными, бороться. Она видит нас. Я знаю, что тебе тяжело. Знаю, как ты его любила, как боролась за него. И вдруг, не успели пожениться... — она всхлипывала, утирая красивый носик. — Ужас-то какой. Я уж

думала, все у нас с тобой наладилось, не будут больше несчастья преследовать. И вдруг такое! Вдова в двадцать лет! Даже произносить такие слова страшно. Жалко парня. Такой красавец был. И тебя любил. Ну, до чего жизнь штука несправедливая! Зла не хватает! Но ты не отчаивайся, подружка. Значит, не судьба, не твой это был мужик, не твоя половинка, вот вас Бог и развел. Жестоко, правда, развел, мог бы и помягче как-то... Но все к лучшему, даже если нам самим в это не верится. Вот увидишь, ты еще встретишь *Его*. Полюбишь и будешь счастлива. И я все-таки погуляю на твоей свадьбе. Кстати, о свадьбе... моей, будущей. Как поживает мой избранник? Не прибрали еще к рукам?

Кэрол отрицательно качнула головой. Даяна с облегчением вздохнула.

— Надо срочно с ним познакомиться. Нельзя больше тянуть, а то, чувствует мое сердце, уведут из-под носа. Он тебя навещает? Сегодня придет, как думаешь?

Кэрол снова покачала головой, на этот раз с затаенной грустью, которая, впрочем, не осталась незамеченной для Даяны.

— Не придет? Сегодня... или вообще?

— Вообще. Никогда, — с усилием выговорила Кэрол.

Даяна разочарованно ахнула.

— Вы что, разругались? Почему? Ладно, не отвечай, все равно сейчас толком ничего объяснить не сможешь, я и так с трудом различаю, что ты там мычишь. Жаль! Ну как ты могла со мной так поступить! Ты же обещала меня с ним познакомиться! Что теперь прикажешь мне делать?

Кэрол виновато пожала плечами. Даяна сердито поджала пухлые, ярко накрашенные губки, но ее недовольство было вызвано не Кэрол.

— Неужели ни разу не пришел в больницу? — вознегодовала она. — Что бы там между вами не произошло, все равно мог бы и навестить, хотя бы из вежливости, по-приятельски. Ты же чуть на тот свет не отправилась, в калеку превратилась... временно. Нельзя же быть таким бесчеловечным, и продолжать дуться из-за всяких пустяков на человека после того, как с ним приключилось такое несчастье! Даже я тебя простила за то, что на свадьбу не позвала, а что может быть обиднее этого?

Даяна продолжала грустно вздыхать, задумавшись.

— Постой, а он хоть знает, что ты в больнице? Может, он просто не в курсе?

Кэрол постаралась как можно безразличнее пожать плечами. Даяна оживилась.

— Так надо ему сообщить! Это будет прекрасным поводом ненавязчиво познакомиться с ним!

Кэрол вдруг изменилась в лице и замотала головой.

— Нет! Не хочу!

— Не хочешь, чтобы я с ним знакомилась?

— Нет... чтобы просила навестить меня. Он не может не знать.

— В таком случае, я дам ему нагоняй! Ты же говорила, что вы почти друзья, и то, как он поступает, просто... некрасиво с его стороны, мягко выражаясь. Пора забыть про обиды и...

— Он не придет, — категорично отрезала Кэрол. — Хватит об этом. Пожалуйста.

Даяна решила было обидеться на ее резкость, но потом передумала и достала из сумочки блокнот и ручку.

— Ладно, ваше дело. Сами разбирайтесь. Говори мне адреса его офиса и дома, и телефоны.

— Зачем? — голос Кэрол вдруг осип, а горло сдавило странной судорогой.

— Как зачем? Должна же я с ним познакомиться, в конце-то концов! На тебя больше никакой надежды, придется действовать самой.

— Даяна... не надо. Он... сложный человек. Жестокий. Холодный. У него нет сердца. Он... может обидеть тебя. Не связывайся.

— Ничего он мне не сделает! — рассмеялась Даяна. — У каждого человека есть сердце, просто нужно уметь до него достучаться. И он не может быть холодным, у него в глазах такой огонь, такая энергия! Я уверена, он многого стоит в постели. Просто ты не задумывалась об этом, для тебя он просто хороший адвокат, а я вижу в нем мужчину. Я записываю на видеомэгнитофон каждое его появление на экране, вырезаю фотографии из газет и журналов. Не смотри на меня таким глазами и не вздумай засмеяться! Да, я его страстная поклонница! Я следила за прессой, наблюдая за тем, как он добивался освобождения для Мэтта! Боже, вся страна кипела, а ему все нипочем! Это настоящий дьявол, а не мужчина! Давай, говори адреса и телефоны!

— Я... не помню. Извини, — соврала Кэрол, сама не понимая зачем.

Даяна огорченно всплеснула руками.

— Ну, Кэрол! Что же мне, к Куртни твоей идти? Что я ей скажу? Дайте мне телефон вашего адвоката, я хочу выйти за него замуж — это что ли? Ну, пожалуйста, подружка, напрягись, вспомни. Ну, хоть что-нибудь!

В палату вошел Рэй, держа в руках огромный торт. Улыбнувшись девушкам, он поставил торт на стол.

— Ну, что, красавицы, наболтались? Смотрите, что я вам принес. Давайте пить чай?

Даяна насупилась и затолкала блокнотик в сумочку, на этот раз все-таки обидевшись на подругу. Рэй с любопытством посмотрел на нее.

— А что ты хотела, чтобы Кэрол вспомнила? Может, я могу чем-то помочь? С памятью у нее еще есть небольшие проблемы.

— Правда? — Даяна посмотрела на подругу, забыв про обиду. — Извини, Кэрол. Тебе и так не сладко, а еще я тебя напрягаю...

— Так что ты хотела? — все-таки настоял Рэй.

Даяна повернулась к нему и, встретившись с его красивыми плутовскими глазами, покраснела. Она все еще таяла в его присутствии, и, наверное, так будет всегда. Этот шикарный мужчина бросал ее в дрожь, и только угроза разрушить долгую дружбу с Кэрол удерживала Даяну от искушения познать его любовь. Если бы он не был женат на Куртни, которую так обожала Кэрол, Даяна непременно выбрала бы своей целью его и перевернула бы весь мир вверх ногами, если бы потребовалось, чтобы женить на себе этого красавца.

Но между ними стояли непреодолимой преградой Куртни и Кэрол.

— Мне нужно найти Джека Рэндэла, — ответила она застенчиво. Разговаривая с Рэем она из самоуверенной и самовлюбленной красавицы превращалась в робкую стеснительную девочку, краснеющую от его взгляда.

— Рэндэла? — Рэй напрягся, и тон его изменился, выдавая неприязнь к Джеку. — Зачем он тебе понадобился? Проблемы с законом?

— Мне нужна консультация, — нашлась Даяна.

— Насколько мне известно, он не дает консультаций. К нему идут уже с конкретным делом, выкладывая огромные деньги, чтобы он за него взялся. Простым смертным он уже не доступен. Так что вряд ли ты к нему попадешь.

— Но он же помог Кэрол, почему не может встретиться со мной?

— Помог! — губы Рэя скривились, но он удержался от дальнейших реплик. — Обратись к другому адвокату. Проконсультировать тебя может любой из них.

— К другому, так к другому! Насколько мне известно, помимо Джека Рэндэла, в его офисе работает еще целая куча хороших адвокатов. К ним и обращаюсь, — не сдавалась Даяна. — И времени на поиски адвоката терять не надо, поеду сразу туда.

— Как хочешь, — фыркнул Рэй и объяснил, как найти офис знаменитого адвоката. Даяна записала все в блокнотик, подстраховавшись на случай, если память подведет и, поцеловав Кэрол, радостно убежала, пообещав скоро вернуться.

Рэй сделал чай для них двоих, разрезал торт. Сев на постель рядом с Кэрол, он придерживал чашку, помогая девушке пить горячий чай, чтобы она не перевернула его на себя своими еще ненадежными руками.

Он заметил, что она расстроена, но подумал, что это из-за того, что Даяна ушла.

Допив чай и съев кусочек торта, Кэрол поблагодарила Рэя поцелуем в гладко выбритую благоухающую щеку, и прилегла, выразив желание поспать. Отвернувшись к стене, она закрыла глаза, но уснуть ей так и не удалось. Почему-то ей ужасно не хотелось, чтобы Даяна познакомилась с Джеком. А увлечение им подруги повергло ее на этот раз в уныние.

Даяна вернулась разочарованная. Джека не было в городе, и ей так и не удалось с ним встретиться.

— Прямо неуловимый какой-то, этот Джек Рэндэл! Как специально от меня бежит, словно чувствует, что ловушку ему расставляю! — вздыхала Даяна. — Но ничего, я все равно не сдамся.

Кэрол улыбалась ей, наблюдая, как изящная стройная модель, в чьи прямые и самые главные обязанности входит блюсти фигуру, лопает за обе щеки торт, запивая уже третьей кружкой чая. Настроение у Кэрол значительно улучшилось, и способствовало этому, не что иное, как неудача лучшей подруги. Сама Кэрол не удивлялась этому и не испытывала угрызений совести. Джек вряд ли воспылет желанием жениться, даже на Даяне, поэтому знакомство с ним не принесет ей ничего хорошего, а только ненужную боль и разочарование, которых можно избежать. Кэрол пыталась убедить себя в том, что только забота и любовь к подруге заставляет ее противиться намерению Даяны завязать отношения с Рэндэлом. И ничто другое.

А еще она в глубине души надеялась на то, что однажды откроется дверь и войдет он. Что, не смотря на их ссору, он все-таки придет ее поддержать, как когда-то приходила в больницу к нему она. Успокоившись и все обдумав, Кэрол раскаялась в том, как повела себя с ним. Она готова была извиниться. Ей очень хотелось, чтобы он пришел. И она ждала его, хоть и понимала, что это глупо и бесполезно. Сердцем надеялась, а умом понимала, что он не придет. Не придет, потому что был Джеком Рэндэлом, а не кем-то другим.

Упрямым, непреклонным и не умеющим прощать.

Рэй приносил Кэрол цветы, баловал всякими вкусностями, радовал подарками. Он принес в палату фотографию с ее друзьями, потом другую, на которой Кэрол была с ним и Куртни. Он даже притащил старого потрепанного Лимки, чем до слез рассмешил девушку.

А потом Рэй стал похищать ее из больницы и катать по городу на машине. Врачи и медсестры закатывали скандалы, но он не обращал на это никакого внимания и продолжал забирать ее из больницы. Куртни уладила проблему с медперсоналом, добившись официального разрешения забирать девушку на пару часов из больницы. Она считала, что

поездки по городу только пойдут на пользу.

Потом Куртни начала уезжать в командировки, пропадать в офисе, вернувшись к работе, и теперь почти каждый день Кэрол проводила с Рэем.

Нельзя было сказать, что Куртни это было по душе, но иного выхода просто не было. Ей нужно было работать.

Каждое утро он входил в палату, освещая ее радостной энергичной улыбкой, и уходил вечером. Помимо прогулок, они продолжали усердно заниматься. Он учил Кэрол ходить, крепко придерживая за талию. Девушка уже довольно сносно разговаривала, сама вставала с постели, но пока часто теряла равновесие. Память больше не подводила ее. Она читала, смотрела телевизор, и даже пыталась разгадывать кроссворды, хоть пока у нее плохо получалось писать.

Когда она стала сама передвигаться по палате и довольно сносно разговаривать, врачи отпустили ее домой. Но она должна была еженедельно являться на осмотр к доктору.

Кэрол вышла из больницы, как из тюрьмы. Она попала туда весной, а выйти смогла только осенью. В день выписки Рэй ворвался в палату с охапкой великолепных белых роз и бутылкой шампанского. Но вошедшая следом Куртни, от которой он, судя по всему, бутылку спрятал, тут же отобрала ее у него со словами, что праздновать будут дома, а не здесь.

Рэй насупился и, подхватив сумку с вещами Кэрол, вышел, буркнув напоследок:

— Фу! Какие вы скучные!

Куртни давно уже перевезла все вещи Кэрол из квартиры в свой дом.

Девушка не возражала, с радостью возвращаясь *домой*. Отношения с Рэем у нее наладились, они снова были друзьями, даже больше — родными, семьей. Куртни больше не вспоминала о том, что хотела его выгнать. За последнее время Рэй проявил себя с лучшей стороны, как никогда. И Куртни решила дать ему шанс. А выгнать она его может в любой момент, как только его поведение снова начнет портиться. Пока, за последние несколько месяцев, придраться было не к чему. Даже Кэрол уже не вспоминала о том, что когда-то он склонял ее к интимным отношениям, она снова прониклась к нему доверием, не опасаясь приставаний и домогательств.

Дома их ждал праздничный ужин, над которым постаралась Дороти, радуясь возвращению Кэрол, тому, что их семья снова воссоединилась. Женщина с чувством обняла девушку, роняя слезы на ее одежду.

— С возвращением, наша девочка. Теперь, когда ты дома, все наладиться, все будет хорошо. Ни одна беда не подберется к тебе в этих стенах.

Расположившись за столом, они усадили рядом покрасневшую от удовольствия домработницу, которая давно стала неформальным членом их семьи. Куртни позволила Рэю открыть шампанское, и тот немедленно запустил пробку от бутылки в потолок. Остальные подставили свои бокалы под пенящееся шампанское.

Куртни сказала тост.

— Наш дом — наша крепость, наша семья — это главное и святое. Ничто... и никто не должен разбивать более нашу семью. У нас у всех была возможность убедиться в том, как мы необходимы друг другу. Но теперь мы снова вместе, мы снова счастливы. Мы должны беречь наш дом и друг друга. Выпьем за нас. За нашу семью!

После ужина они расположились в уютной гостиной, разглядывая фотоальбомы и предаваясь воспоминаниям. Дороти подала им чай со сдобными сладкими булочками, пирожками и тортом собственного приготовления, прямо туда.

Куртни, Кэрол и Рэй сидели на полу, на мягком пушистом ковре, ели вкуснятину, приготовленную Дороти, показывали друг другу фотографии, шутили, смеялись, позабыв обо всех переживаниях и невзгодах.

Дороти задержалась в дверях, смотря на них и улыбаясь. Глаза ее увлажнились. Украдкой осенив всех троих крестным знаменем, она вышла и тихонько прикрыла двери.
— Храни вас Господь, — шепнула она и снова перекрестилась.

Оказавшись в своей комнате, Кэрол долго стояла перед большим зеркалом, изучая свое осунувшееся невеселое лицо. Она сильно похудела, и одежда на ней болталась. Дороти заахала и заохала, увидев ее такой изможденной и замученной, и закатала рукава, собираясь заняться усиленным откармливанием. В больших глазах затаилось страдание. Волосы потускнели, кожа приобрела нездоровый оттенок. Одно радовало — у нее теперь были все зубы, и она больше не стеснялась улыбаться. Еще когда она лежала в больнице, как только она смогла стоять и передвигать ноги, Куртни отвезла ее в стоматологическую клинику.

Кэрол осталась довольна работой доктора. Благодаря ему, на месте выбитых зубов появились другие, естественные и красивые зубки. Теперь, по крайней мере, она не чувствовала себя уродиной. А по дороге обратно в больницу, она впервые попросила Куртни отвезти ее на могилу Мэтта, но получила категорический отказ, сославшись на то, что врачи настоятельно рекомендовали оградить ее от всяких стрессов.

Куртни и Рэй похоронили Мэттью Ланджа достойно, так, как того хотела бы Кэрол. Как ее мужа, как члена их семьи... кем он и являлся. Как зятя.

Даже Рэй, стиснув зубы, согласился помочь Куртни в организации похорон и присутствовал на погребении этого человека, ненависть к которому могла сравниться разве что с ненавистью к Джеку Рэндэлу. Он сделал это только ради Кэрол, которая, не смотря ни на что, продолжала любить этого психопата, чего Рэй уж никак не мог понять.

Вопреки всем ожиданиям, Джек Рэндэл так и не предпринял попытку наказать Рэя за то, что тот разукрасил его физиономию синяками и ссадинами. Лично Куртни это очень удивило. На Рэндэла это было совсем не похоже. Они по-прежнему работали вместе, но он вел себя так, будто ничего не произошло. Будто ему память отшибло. И в отношении Кэрол — тоже. Ни разу он не упомянул о ней, не поинтересовался, как она, а когда Куртни сама заговаривала о ней, например, торопясь закончить их встречу, объясняя это тем, что нужно ехать в больницу, он никак не реагировал, безразлично пропуская все мимо ушей. Куртни недоумевала, но нельзя было сказать, что она не была рада этому безразличию. Это лучше, чем его любовь. Дороти рассказала ей о визите Джека, когда тот приходил к Кэрол, и Куртни догадывалась, что между ними произошло. И она искренне надеялась, что судьба больше не столкнет Джека и Кэрол, как однажды свела их сама Куртни, о чем потом не раз пожалела. Может быть, Джек просто пожалел ее, Куртни, не желая добавлять ей бед и страданий своей мстостью, которых и так на нее свалилось предостаточно. Может, признавал за собой вину, и потому проглотил обиду, не поквитавшись с Рэем. Что до Кэрол, то, как бы он на нее не злился, она не оставила ему возможности для мести, превратившись в беспомощное покалеченное существо, с трудом возвращавшееся к жизни. Что он мог с ней сделать, разве что убить и избавить от мук. Но даже Джек Рэндэл вряд ли был на такое способен, как бы сильно она его не обидела. Хотя, все это были только домыслы Куртни. Даже она со своей проницательностью не могла угадать, что за мысли таятся в его умной бесценной голове, благодаря которой она забыла о проблемах в бизнесе. С тех пор, как он

согласился стать ее адвокатом, никто больше не осмеливался перебегать ей дорожку и пакостить. Куртни платила ему огромные деньги, но он того стоил. Он стоил много больше. Нет, он был бесценен, как специалист. Об этом знали все, но не каждому крупному бизнесмену повезло его заполучить, как Куртни. Его увлечение Кэрол могло испортить их отношения, поэтому Куртни вздохнула с облегчением. Но как бы Куртни не хотелось верить в его безразличие по отношению к Кэрол, ей не очень-то верилось. Когда она решила призвать к ответу некомпетентного доктора Харольда, благодаря которому Кэрол едва не умерла, она с удивлением узнала, что больницы больше не существует, как и самого доктора. Больница сгорела. Эвакуировать успели всех, и никто не пострадал. Кроме доктора Харольда. Он был единственным, кто не смог спастись, хотя все остальные покинули больницу целыми и невредимыми, до того, как пламя охватило все здание.

Эта странная смерть объяснялась предположением, что доктор был в нетрезвом состоянии, что часто с ним случалось на рабочем месте. Только Куртни не поверила в несчастный случай. Она рассказала о случившемся Джеку, но он лишь равнодушно пожал плечами. Больше они об этом не вспоминали. А Куртни подумала о том, что видимо Джек очень уж разозлился, раз расправился с Харольдом таким жестоким и бандитским способом, пойдя на преступление. Джек знал, что она все поняла, но не придавал этому значения. Он успел хорошо изучить Куртни. О том, что он сделал, мстя за ее любимую Кэрол, никто никогда не узнает, по крайней мере, от нее, Куртни.

А Кэрол так и не дождалась его. Как-то она спросила о нем у Куртни, и та рассказала, что у Джека все хорошо, дела его процветают, и выглядит он вполне довольным жизнью. Кэрол пересилила себя и, смущенно спрятав глаза, поинтересовалась, спрашивал ли он о ней. Куртни, не задумываясь, ответила, что нет, ни разу, и отвернулась, чтобы не видеть, как огорчили девушку ее правдивые слова. Ничего. Лишь бы Кэрол выкинула его из головы и больше не думала о нем.

И Кэрол очень старалась не думать.

Сейчас, в своей комнате, она поискала глазами фотографию Мэтта в красивой рамочке, которая всегда стояла у нее на виду, но ее не было. Куртни, готовя комнату, не доставала фотографию из коробок и чемоданов, в которых перевозила из квартиры вещи Кэрол. Отказала, когда девушка попросила принести фотографию в больницу. И даже Рэя Кэрол не смогла уговорить это сделать. Не было и статуэток.

Заглянув в гардероб, Кэрол нашла дорогие сердцу предметы в коробке, на самой верхней полке, и вздохнула с облегчением, потому что опасалась, что Куртни могла выбросить их, чтобы она не предавалась страданиям, созерцая их. Сев на пол прямо там, она долго разглядывала свадебные фотографии, которые они забрали, перед тем, как покинуть город, у фотографа, снимавшего их бракосочетание. С улыбкой она заметила, смотря на себя и Мэтта со стороны, какой маленькой и хрупкой казалась рядом с ним... почти девочкой. С удивлением обнаружила, как бросалась в глаза разница в возрасте. На видеокассете, которую она тоже просмотрела, впервые со дня их свадьбы, это было еще более заметно. Она не замечала этого в жизни. Взрослый мужчина с утомленным жизнью взглядом и тонкими преждевременными морщинками, из-за чего выглядел старше своего возраста. Как же она не замечала этого раньше? Он был старше Рэя всего на несколько лет, но казалось, что на самом деле намного больше. Ладно, сравнивать с Рэем нельзя. Он вообще застрял в двадцатипятилетнем возрасте, а если брать во внимание поведение — то вообще в подростковом, если не меньше. И с чего бы у Рэя появляться морщинам — от беспечной

легкой жизни без волнений и тревог и существования в свое удовольствие? Нет, выглядит настолько моложе своего возраста Кэрол казалось ненормальным и неправильным, тем более для мужчины. И взгляд Мэтта, за которым угадывались все прожитые нелегкие долгие годы, его зрелость и «взрослость», морщинки, как отпечаток всех пережитых печалей, тревог и трудностей, в ее глазах выглядели намного естественнее и привлекательнее, чем странная молодость Рэя. Лучше выглядеть умудренным и опытным мужчиной, прошедшим через многое, чем беспечным легкомысленным мальчишкой, как Рэй, а именно таким он казался рядом с Мэттом, и каким его всегда воспринимала Кэрол. В Мэтте она видела мужчину. Настоящего. И внешне, и внутренне. Он оставался ее богом, ее идеалом, не смотря ни на что. Он был испорчен болезнью. Она жалела его и не винила в том, что он с ней сделал.

Она сидела в кресле, не отрывая взгляда от экрана телевизора, смотря видеозапись свадьбы, от Мэтта, такого живого, такого счастливого. Господи, неужели его больше нет? Она до сих пор не могла заставить себя в это поверить. Она видела его мертвым, но он выглядел так, словно крепко спал... он не был похож на мертвого. Она знала, что Куртни и Рэй похоронили его. Рядом с матерью. Это должна была сделать она, его жена, а не чужие ему люди, какими являлись для него Куртни и Рэй, но Кэрол не могла себе представить, как бы она это делала. Хоронить его, видеть его в гробу, наблюдать за тем, как его навсегда погребают в землю — нет, это было выше ее сил. Ей казалось, что она бы умерла от горя прямо у гроба. Она бы этого не вынесла.

Она вдруг вспомнила слова Джека, когда он желал Мэтту в день похорон Моники, чтобы его хоронили чужие люди. Или что-то в этом роде, точно она не помнила. Только его пожелание сбылось. Очень быстро.

Мэтта действительно похоронили через несколько дней, те, кого он не знал, те, которым было на него абсолютно наплевать, которые не только не сожалели о нем, но проводили в последний путь с ненавистью в сердцах и облегчением, потому что хоронить его было некому. Это ужасно. Бедный Мэтт. Никому он не был нужен на этом свете, кроме нее, Кэрол, да и та оставила его, не позаботившись о нем в последний раз.

Досмотрев запись, Кэрол поставила ее на начало. Потом опять. Ей хотелось смотреть на него бесконечно, на живого, красивого. Он словно вернулся к ней, был рядом. Она слышала его голос, видела улыбку, горящие радостью глаза. Она неподвижно сидела, заморожено уставившись на него, не замечая, как прижимает к сердцу его фотографию, что по лицу бегут и бегут беспрестанно слезы. А потом словно что-то оборвалась в груди, и она сжалась в кресле, тихо завыв. Тело ее вдруг скорчилось, пальцы судорожно впились в рамку.

— Мэ-э-эт...

Открылась дверь и в комнату вошла Куртни. Увидев корчившуюся в нервном припадке девушку, она бросила взгляд на экран. Метнувшись к телевизору, Куртни выключила его и схватила за плечи Кэрол.

— Успокойся! Слышишь меня, успокойся! Тебе нельзя! — женщина вырвала у нее из ее рук фотографию и вlepила девушке пару сильных пощечин. Кэрол затряслась в рыданиях.

— Как больно... Господи, как больно... — закричала она, прижимая крепко сжатые кулаки к груди и пытаясь согнуться пополам. Куртни испугалась, что у нее схватило сердце, но потом поняла, что она имела в виду другую боль. Душевную.

Подняв Кэрол, она потащила ее в ванную и сунула ее голову под струю воды. Девушка испуганно вскрикнула и отшатнулась назад, перестав рыдать. Куртни прижала ее к груди и погладила по затылку.

— Тс-с-с, моя хорошая, успокойся, я с тобой. Больно, я знаю. Это пройдет, обязательно пройдет. Быстрее, чем ты думаешь. Успокойся.

— Куртни... можно я поплачу? Пожалуйста, я хочу поплакать, позволь мне. Иначе я умру, — простонала Кэрол.

— Хорошо, девочка, поплачь. Поплачь, моя милая. Не держи в себе, это намного хуже. Выплесни все, выпусти свою боль, тебе станет легче.

Выйдя из ванной, они сели на кровать и крепко обнялись. Прижавшись к груди Куртни, Кэрол долго и безутешно плакала. На пороге появился взволнованный Рэй, но Куртни качнула головой, приказывая ему уйти. Поколебавшись, он оторвал от Кэрол вдруг налившиеся слезами глаза и, отступив назад, бесшумно прикрыл дверь.

Постепенно Кэрол успокоилась. Куртни помогла ей раздеться и уложила в постель. На всякий случай, она дала девушке выпить успокоительное.

Та не возражала, полностью обессилив от слез. Она не чувствовала больше боли. Вообще ничего не чувствовала, кроме опустошенного онемевшего сердца. Ничего ее больше не интересовало. Было все равно.

Что происходит сейчас, что будет потом — все равно. Она почувствовала себя мертвой. Что-то умерло у нее внутри, что-то очень важное.

Увидев, как Куртни сложила в коробку статуэтки, кассету и фотографии, Кэрол встрепенулась и подскочила.

— Нет, не забирай!

— Тебе эти вещи ни к чему, Кэрол, — строго сказала Куртни, взяв коробку на руки. — Я не хочу, чтобы смотрела на них и убивалась. Так нельзя. Не усугубляй свои страдания, не рискуй здоровьем, за которое ты так тяжело боролась. Тебе нельзя нервничать. Пожалей себя.

— Отдай, Куртни! Пожалуйста! Для меня нет ничего дороже!

— Нет, Кэрол. Не проси. Я не позволю тебе вредить себе.

— Не выбрасывай, я буду больше страдать, если потеряю все это. Это все, что осталось у меня от Мэтта.

— Я не выброшу. Я верну тебе их, когда посчитаю, что это уже можно сделать. Когда ты перестанешь страдать, когда все притупится и забудется.

— Не забудется, — с отчаянием отозвалась Кэрол.

— Хорошо, когда ты перестанешь биться в истериках при виде всего этого, — Куртни кивнула на коробку. — А пока я буду бережно хранить это у себя. Не волнуйся, я обещаю тебе, что верну все в целостности и сохранности. А теперь постарайся уснуть.

— Я хочу съездить к нему... на могилу, — с трудом заставила себя выговорить это страшное слово Кэрол.

— Этого еще не хватало! Добить себя хочешь? Съездишь, но позже. Не сейчас, — отрезала Куртни. — Спи и ни о чем не думай. Вернее, подумай о себе. Забудь обо всем, кроме того, что тебе нужно восстанавливать свое здоровье, набираться сил и жить дальше.

«Жить дальше? — думала Кэрол, когда Куртни ушла. — Как? И зачем? Для чего? Ради чего? Ради новых несчастий, смертей и страданий? Ждать, когда они закончатся? Ждать, когда плохое сменится хорошим, ждать покоя и счастья, которые просто обязаны когда-нибудь прийти на смену поражениям и боли, ждать, когда судьба сменит гнев на милость, сжалится и станет более ласковой? Мэтт тоже ждал и тоже надеялся...».

Страшно. Как страшно жить дальше. Как она боялась и ненавидела свою жизнь. Всегда,

с самого раннего детства. Глупо надеяться, что что-то изменится. Ничего не изменится. Никогда.

Поднявшись с постели, Кэрол открыла ящик письменного стола и достала оттуда маленькую, обтянутую бархатом коробочку. Вернувшись в кровать, она приподняла крышечку коробочки и посмотрела на лежащий на мягкой подушечке медальончик на серебряной, потемневшей от времени цепочке, которую подарила на Рождество Эмми. Вынув медальон из коробочки, Кэрол с улыбкой положила его на ладонь. Под потускневшей пластмассовой крышечкой, покрытой царапинами, лежал высушенный много лет назад цветок сирени. Кэрол не помнила, как выглядела старушка Мадлен, забыла ее лицо и голос, но в ее памяти навсегда остались слова, сказанные однажды няней, смастерившей для нее этот талисман.

«Никогда не снимай его. Цветок твоей Спасительницы уберезет тебя от смерти».

И Кэрол действительно много лет его носила. И только переехав в дом Куртни и Рэя и почувствовав себя в безопасности, она положила медальон в эту коробочку и никогда больше не надевала.

Кэрол прижалась на мгновение губами к теплой пластмассе и повесила талисман на шею. Завтра она попросит Рэя отнести талисман к мастеру, чтобы тот вынул цветочек из циферблата от детских часиков и залил прозрачным каучуком, как-нибудь красиво оформил, почистил цепочку. А циферблат она будет хранить в коробочке, как память о Мадлен.

Она снова будет носить свой талисман, превратив его в оригинальное красивое украшение. Пусть, это обыкновенный цветок сирени, который никак не может влиять на ее судьбу, ни защищать, ни уберечь от беды, пусть. Может быть, он просто согреет ее сердце. В этом цветочке была заключена любовь и тепло Мадлен, которой давно уже нет на этом свете. Она умерла, а ее любовь осталась, в этом цветочке. И, кто знает, может ее любовь действительно защитит, отведет беду. Кэрол верила в это. Хотела верить. Потому что страх и отчаяние сжимали ее сердце... или, по крайней мере, то, что от него осталось.

Рэй сопротивлялся целых две недели, не уступая мольбам Кэрол отвезти ее на могилу Мэтта. Но, в конце концов, сломался и, очень сомневаясь в правильности своего поступка, украдкой от Куртни повез девушку на кладбище. Просить Куртни было бесполезно, Кэрол об этом знала, а вот Рэя — нет. Этот человек почти не умел отказывать, когда его о чем-либо просили. И если бы он не боялся, что визит на кладбище может навредить здоровью Кэрол и ее психическому состоянию, он давно бы уже уступил ее просьбам. Но выражение муки и смертельной тоски, с которыми она не него смотрела, стали для него невыносимыми, и он сдался.

С тревогой он наблюдал за девушкой, стоя в сторонке и оставив ее наедине со своими мыслями. Кэрол попросила его об этом, пожелав побыть одна. Вернее, с Мэттом.

Ветерок шевелил ее длинные светлые волосы, ласкал своими прикосновениями лицо, словно пытался осушить слезы, намочившие щеки. Тело Кэрол била дрожь, хотя погода была солнечная и теплая. Пели птицы, над головой проносились пушистые облака. Только теплое солнце не могло согреть ее заледеневшую душу, не могло достать своими лучами до непроницаемого мрака внутри нее, чтобы хоть чуть-чуть его развеять.

Рэй разглядывал ее невысокую хрупкую фигурку, застывшую над могилой, и пытался угадать, о чем она думает. Она всегда была скрытной и не любила посвящать кого бы то ни было в то, что у нее было на душе.

Как раковина, закрывшаяся от всего мира, спрятавшая от всех свою жемчужину — сердце. Она выглядела такой одинокой, такой потерянной и печальной, что Рэй почувствовал непреодолимое желание утешить ее, поддержать, защитить от всего и от всех. Медленно и бесшумно он подошел к ней и остановился сзади. Девушка его не заметила, погрузившись в свои тяжелые мысли.

Нет больше ее звездочки. Упала, погасла. И без ее света, всегда ненавязчиво и почти незаметно освещавшего ее внутренний мир, стало вдруг темно. Других звездочек там не было.

Она была уверена в том, что ничто не сможет их разлучить. Потому что они слишком сильно были нужны друг другу. Она — ему, он — ей. И это держало бы их вместе, заставляя цепляться друг за друга до последнего. Она бы ни за что его не отпустила. Она готова была и хотела посвятить ему всю свою жизнь, жить для него. И в один миг все разрушилось из-за нелепого недоразумения, когда он подумал, что потерял ее, что своими руками разрушил их счастье и будущее. Ее жизнь и свою. Может быть, он не простил бы себя даже, если бы знал, что она жива. Не простил бы того, что сделал, и все равно бы покончил с собой.

Как бы она хотела знать, о чем он думал в последние мгновения своей жизни, когда взводил курок, поднимал пистолет, прижимал дуло к виску. Но ей никогда не суждено это узнать, никогда он ей об этом не расскажет.

Не узнает, как он себя ненавидел, как презирал. Что не хотел жить тем чудовищем, в которого превратился. Что, если бы понял, что Кэрол все-таки жива, ничего бы не изменилось, только ненадолго оттянуло бы его смерть, ровно настолько, насколько потребовалось бы времени оказать ей помощь, вызвать медиков, отвезти в больницу. Убедиться, что ее жизни ничего не угрожает, услышать, какие травмы ей нанес. Он был уверен в том, что никогда не сможет причинить ей зла, даже в безумии, что его любовь сильнее этого.

Он ошибся. Он опасен, даже для нее. Поэтому ее с ним не будет. Он обречен быть запертым в психушку.

А она никогда больше не сможет ему доверять. Даже если бы ему удалось вылечиться, даже если бы она захотела снова быть с ним, она бы всегда его боялась. И он бы всегда боялся самого себя, того, что болезнь вернется. И никто из них никогда не сможет забыть того, что он сделал с ней, с женщиной, которого он даже не знал, с тремя невинными девочками. Ему было противно. Так противно, что хотелось блевать. И это отвращение он испытывал к самому себе. Жизнь загнала его в угол, не оставив ни малейшего шанса на спасение.

Но перед тем как нажать на курок, он думал только об одном. Он убил Кэрол. Он один в этом мире, потому что она была единственным человеком, которому он был нужен. Без нее дальнейшая жизнь теряла всякий смысл. Он просто не хотел больше жить. И не стал. Он отомстил сам себе за все зло, которое причинил, за Кэрол, за девочек, за ни в чем не повинного мужчину. За мать. Он просто не имел права жить, отняв жизни у них.

Только Кэрол не могла понять, какая безнадежность его окружала, она была уверена, что, если бы он остался жив, все было бы хорошо. Верила в то, что он бы вылез, что они смогли бы быть вместе, стать счастливыми. Не понимала, что никогда он уже не станет для нее прежним Мэттом, тем, который покориł ее сердце, что страх и страшные убийства, совершенные им, отравят ее любовь, может, даже уничтожат.

Зато это понимал Мэтт, когда стал бояться больше всего на свете того, что она обо всем

узнает.

Возможно, был один выход. Для него. Сделать так, как от него требовал Джек Рэндэл. Только Мэтт был уверен в том, что даже если он выйдет когда-нибудь из психбольницы, Кэрол будет для него потеряна.

Джек бы позаботился об этом, а, может, и о том, чтобы Мэтт никогда не покинул стен клиники. А может, и нет. Но в одном Мэтт не сомневался — как только он исчезнет, Джек уложит Кэрол в постель, хочет она того или нет. Если не хочет, он заставит ее захотеть. Как никто другой Рэндэл умел ломать людей. Но Мэтт готов был рискнуть и все равно отправиться на лечение, зная, что у него нет выбора. Только он передумал, когда Рэй сказал, что у Кэрол и Джека был роман. Мэтт поверил. И это его окончательно добило, заставив совсем отчаяться.

А Кэрол, стоя над его могилой, вдруг поняла, что может простить ему все, кроме того, что он себя убил.

Никогда она ему этого не простит, чтобы там не побудило его это сделать.

— Я буду любить тебя. Я буду любить тебя всегда, — прошептала она. — Знай об этом.

Она прижала дрожащие пальцы к губам, которые кривились в нервных судорогах от сдерживаемых рыданий, и прерывисто всхлипнула.

— Ах, Мэтт, что же ты наделал! — простонала она и, чувствуя, что силы оставили ее, хотела опуститься на колени прямо на землю, но ее схватили сильные руки, не позволяя этого сделать и заставив вздрогнуть от неожиданности.

Развернув девушку, Рэй порывисто прижал ее к груди, сжав в крепких объятиях. Кэрол с каким-то отчаянием обняла его изо всех сил, спрятав лицо на широком плече, и расплакалась.

И так они и стояли над могилой, не подвижно, не произнося ни слова, обнявшись, родные и между тем абсолютно чужие друг для друга. По странному капризу судьбы Кэрол всю жизнь носила фамилию этого человека, который не имел к ней никакого отношения, жила с ним под одной крышей и по-своему любила.

Какая странная штука, эта жизнь. Как ее понять? Как понять ее мотивы, если они есть?

Кто есть Рэй в ее жизни? Что-то случайное или закономерное? Кто он? Не отец, не брат, не родственник.

Друг? Кэрол не могла ответить на этот вопрос. Она не знала. Он был роднее и ближе всех, и уступал в этом разве что одной Куртни. Наверное, это единственный подарок судьбы — Куртни и Рэй. И Кэрол впервые почувствовала, как сильно боится их потерять.

Со дня смерти Мэтта прошел год с небольшим.

Чем больше времени уходило с тех пор, тем сильнее в Кэрол укреплялось ощущение, что все это было всего лишь сном, очень длинным и ясным, очнувшись от которого, чувствуешь боль пережитого. Она просто уснула, и ей все приснилось, начиная с того момента, когда она впервые вошла в офис Джека Рэндэла.

На самом деле ничего не было, она не отыскивала Мэтта, он не сидел в тюрьме и никогда на самом деле не совершал страшных преступлений. Это всего лишь сон. Мэттью Ландж по-прежнему где-то живет, он не умер.

Иногда она придавалась подобным мечтам, пытаясь найти забвение и утешение. Ей часто снился сон, как будто она просыпается после пережитого кошмара и вздыхает с облегчением, понимая, что смерть Мэтта ей просто приснилась, она его находит, здорового и свободного, рассказывает свой невероятный сон, и они вместе над ним смеются.

Ее Мэтт по-прежнему остается мечтой, далекой и недостижимой, он не был с ней и никогда не будет, но он жив и счастлив где-то на этой земле. Она думала об этом до того момента, когда узнала о том, что он находится в тюрьме, и хотела так думать теперь, потому что реальность была для нее невыносима. Она пыталась спрятаться за своими фантазиями. Это привело к тому, что порой ей начинало казаться, что она сходит с ума. Она с таким старанием пыталась отказаться от страшной реальности, заменяя ее другой, вымышленной, что в голове ее образовалась мешанина, и нить, связывающая реальность и вымысел, стала ускользать от нее.

Заметив это, Куртни очень встревожилась и заставила ее обратиться к психоаналитику. На этот раз девушка не стала возражать. Она чувствовала, что ей нужна помощь. Она очень хотела, чтобы кто-нибудь помог ей вырваться из замкнутого круга боли и пустоты, в который она попала, чтобы облегчили ее душевную муку, помогли смириться и научиться жить с непосильным ей тяжким грузом вины.

И доктор, женщина — специалист, помощь которой она когда-то отвергла, вот уже полгода была неотъемлемой и необходимой частью ее жизни.

Кэрол нуждалась в ней, она регулярно посещала сеансы, не пропуская ни одного, потому что эта женщина действительно помогала. За шесть месяцев доктор смогла подавить в ней отчаяние и страх, и даже притупила чувство вины. Кэрол медленно возвращалась к жизни, из которой была словно выбита жестокими ударами судьбы, постепенно вылезала из той раковины, пустой и черной, в которую себя загнала, как в могилу, снова обратила внимание на окружающий ее мир и людей. Она согласилась жить дальше, спрятав свою боль глубоко в сердце. Она не ушла, нет, она засела вечной занозой, и со временем Кэрол просто к ней привыкнет и почти перестанет замечать. Но достаточно будет лишь воспоминания, даже мимолетного и короткого, чтобы эта боль пронзила ее, как лезвие, коснувшееся глубокой раны, затянувшейся лишь внешне и под хрупкой коркой которой все еще находится кровоточащая израненная плоть. Мэтт был ее мечтой, теперь он стал ее болью. Она никогда не сможет забыть его, и значит, эта боль будет с ней всегда.

Мэтт. Это слово было наполнено для нее теперь только страданием и горьким

сожалением. Он остался в ее сердце этой незаживающей раной, сейчас все еще слишком свежей и болезненной. Вместе с ним погибла ее мечта о любви. В ее сердце была пустота, пустым был мир вокруг нее.

Она жила, но мужчины словно перестали существовать для нее, как мужчины. Были просто люди, которые не вызывали в ней никакого интереса.

Она не видела своего будущего. Не могла представить рядом с собой мужчину. Не Мэтта, а кого-то другого. Она молода, ей всего двадцать один год, а у нее даже мыслей не возникает о том, что когда-нибудь она сможет заинтересоваться мужчиной. Ей казалось, что Мэтт вечно будет стоять у нее перед глазами, что ее боль никогда не пройдет, и это не позволит ей быть с кем-то другим, не оставит ни одного шанса на новую любовь, не даст возможности наладить свою жизнь.

Ее психолог боролась и с этим, но пока безрезультатно. Кэрол смотрела сквозь мужчин. Вот уже больше года. Но как доктор, и как женщина, Лора Картер знала, что когда-нибудь появится в жизни девушки тот, кто пробудет в ней потребность в любви и надежду на счастье, это лишь вопрос времени. А ее задача, как психолога, состояла в том, чтобы подготовить к этому девушку, чтобы в будущем она смогла принять новую любовь как должное и неизбежное, а также без чувства вины и предательства по отношению к погибшему мужу.

Был только один мужчина, занимавший ее мысли. Джек Рэндэл.

Ей так и не удалось перед ним извиниться, и это угнетало ее. Она так ни разу его и не увидела с того самого дня, когда прогнала его. Кэрол не очень этому удивлялась. Она знала, что Джек не станет искать с ней встреч, скорее наоборот. Наверное, он ее возненавидел за то, как она с ним обошлась. Он не из тех, кто прощает такие вещи.

Кэрол предпринимала попытки с ним связаться, но у нее так ничего и не получилось. Она допускала мысль, что он сам этому препятствует, не желая с ней видеться. А потом он уехал. Кэрол это очень обескуражило.

Время шло, и она уже думала о том, что для извинений время упущено. Было бы глупо извиняться перед человеком спустя год, когда он, возможно, давно уже забыл о ее существовании, и ее извинения ему нужны, как собаке пятая нога...

Куртни настояла на том, чтобы Кэрол начала в свободное от учебы время помогать ей в офисе. Девушка не возражала, потому что новая обстановка и новые занятия отвлекали ее от мыслей о Мэтте.

Куртни учила ее разбираться в документах, давала поручения, постепенно затаскивая в свой бурный деловой мир. А Кэрол нравилось быть полезной для нее.

Почти сразу после того, как она стала появляться в офисе, у нее в новом коллективе появился поклонник. Это был молодой и очень энергичный менеджер, подающий, по мнению Куртни, большие надежды на успешную карьеру. Но Кэрол он казался слишком уж энергичным. Ей не нравились его напор, постоянная суетливость и чрезмерная словоохотливость. От него невозможно было отвязаться, когда он выявлял желание пообщаться, и он мог загрузить так, что Кэрол отупевала и начинала плохо соображать.

Он напрягал ее и раздражал своим вниманием. Девушка старалась его всячески избегать, но он словно не замечал ее нежелания с ним общаться.

Стоило попасться ему на глаза, как он вцеплялся в нее своей бульдожьей хваткой, и без посторонней помощи вырваться уже не было шансов.

Кэрол просила Куртни его как-нибудь приструнить, но та лишь улыбалась и ничего не

делала! Возможно, она надеялась, что этот напористый и довольно приятный на вид молодой человек все-таки добьется расположения холодной девушки, так категорично не желающей замечать мужчин.

Кевин Дорован, как звали этого яростного и упрямого поклонника, предпринимал попытки ухаживать за Кэрол, но пока безуспешно. Она категорично отказывалась от его многочисленных приглашений в рестораны, в театры, на концерты... Господи, куда он только ее не приглашал, ни на миг не поддаваясь отчаянию! И терпение Кэрол, в конце концов, лопнуло.

— Кевин, ну неужели ты до сих пор не понял, что бесполезно меня приглашать на свидания? — спросила она возмущенно, когда он в очередной раз напирал на нее в офисе с такой настойчивостью, что чуть ли не хватал за руки и не тащил силком на ужин в ресторан, куда звал на этот раз, наверное, уже сотый.

— Почему? Я тебе не нравлюсь? — он устремил на нее голубые глаза, трагично приподняв кончики бровей над переносицей.

— Я только что похоронила мужа! И я не хочу встречаться с другими мужчинами!

— Год уже прошел, — заметил он. — Пора уже снять траур. Что плохого в том, если ты сходишь со мной в ресторан? Мы просто поужинаем, поговорим... и все!

— Я не хочу идти в ресторан!

— Хорошо, мы не пойдем в ресторан. Пойдем туда, куда ты скажешь.

— Кевин, ну не притворяйся, что ты не понял. Пожалуйста, оставь меня, я все равно не приму твоих приглашений.

— Значит, я тебе не нравлюсь, — заключил он. — Я понравлюсь тебе, только дай мне шанс...

— Кевин, дело не в тебе, а во мне. И я не хочу это обсуждать.

— Ты поступаешь глупо и неправильно! Нельзя заикливаться на своем горе, нужно жить дальше. Его больше нет и никогда не будет! Он не может узнать, как долго ты о нем убивалась, как ты живешь без него, что делаешь, с кем встречаешься. Ему уже все равно, потому что его нет, понимаешь? И он не смотрит на тебя из могилы, не наблюдает за тем, как ты живешь, хранишь ли ему верность или забыла! Он уже сгнил в земле, кому ты хранишь верность — одним костям, гниющим в гробу?

Кэрол отшатнулась от него, побледнев. Молодой человек испугался, что она упадет в обморок, мгновенно раскаявшись в своих словах. Но прежде чем он успел исправить свою оплошность, девушка убежала от него, как от чумы. Кевин в досаде закусил губу, ругая себя за непростительную глупость, которая еще больше уменьшила его и без того ничтожный шанс добиться приглянувшейся девушки, которая, была не только хороша собой, но и являлась протеже его непосредственной начальницы. Кевин был уверен, что если женится на Кэрол, карьера и беспечное будущее ему обеспечены. И со временем он станет во главе компании, заняв место Куртни Мэтчисон, потому что девчонка вряд ли сможет это сделать. Руководить и управлять было не ее призванием. Но залезть ей под трусики он хотел не меньше, чем стать во главе компании, в которой работал уже не один год. Он находил девчонку соблазнительной, и кровь в нем закипала каждый раз, когда он ее видел.

Пока его страсть оставалась не разделенной, но отступить от намеченных целей он не собирался. Поломается, да все равно когда-нибудь даст слабину, а он уж не зазевадается...

Дрожащими руками Кэрол сделала себе кофе и поспешила укрыться в каком-нибудь неприметном уголке, чтобы прийти в себя после жестоких слов Кевина, которые

заставили ее против воли представить то, во что превратился Мэтт, такой красивый, такой сильный... До этого мгновения она не задумывалась об этом, и сейчас это ее просто шокировало, оглушив невыносимой болью. Что стало с красивым лицом, таким дорогим, таким любимым, во что превратились руки, которые ее обнимали, великолепное стройное тело? Как теперь выглядит ее Мэтт, что осталось от человека, от мужчины, которого она боготворила? Зачем Кевин заставил ее это представить?

Ей стало дурно, плохо, и снова захотелось умереть, только бы не думать о том, что ее Мэтт — всего лишь гниющая плоть, изъеденная червями...

Держа чашку перед собой, Кэрол на негнущихся ногах шла по коридорам в поисках места, где она могла бы позволить себе потерять сознание и забыться. Даже не заметила, как задела и смахнула со стола бумаги, проходя мимо.

На острый каблук насадился кусочек бумаги, и некоторое время Кэрол не замечала шелеста под ногами, а когда все-таки обнаружила его, попыталась избавиться не останавливаясь. Слегка наклонившись, она смотрела под ноги, стараясь сбросить бумажку, когда сильный толчок едва не опрокинул ее на спину. Кофе оказался на блузке и обжег кожу, а чашка, выскользнув из дрожащих пальцев, упала на пол и раскололась надвое.

С трудом сохранив равновесие, Кэрол подняла возмущенный взгляд на того, кто так грубо ее толкнул... и обмерла, встретившись с холодными серыми глазами. Перед ней стоял Джек Рэндэл собственной персоной!

Загорелый, аккуратно подстриженный, в дорогом итальянском костюме и начищенных до зеркального блеска туфлях, словом, красивый, элегантный и безупречный, как всегда! Почти такой же, каким она видела его в последний раз, словно это было вчера, только с ровным бронзовым загаром, необычным для глаз Кэрол. Она не видела его таким загорелым, но ему очень шло. А в его глазах, впившихся в нее, словно две шпаги, вспыхнула ярость.

— Джек! — ошеломленно выдавила она. — Здравствуй...

— Здравствуй! — ответил он, словно ужалил, грубо и неприветливо, презрительно изогнув губы и, отгеснив ее с дороги плечом, продолжил прерванный путь в кабинет Куртни.

Кэрол растерянно проводила его глазами, которые медленно наполнились слезами. «Он меня ненавидит! — мелькнуло у нее. — И презирает!».

Заметив, что за ней наблюдают, девушка присела, чтобы подобрать осколки, спрятав чрезмерно расстроенное лицо от любопытных взглядов.

Рядом остановились изящные черные туфли и, подняв голову, Кэрол слабо улыбнулась одному из заместителей Куртни — высокой красивой женщине, холодной деловой леди, незамужней и ненавидящей мужчин. Причина этой неприязни, о которой знали все, оставалась загадкой.

Кэрол поднялась, растерянно держа осколки чашки в ладонях.

— Жива? — бросила Дебора Свон небрежно и слегка насмешливо, остановив свой взгляд на большом мокром пятне на блузке девушки, которое только что плескалось горячим ароматным кофе в чашке.

— Ничего... Глупо получилось, — смущенно проговорила Кэрол, опустив глаза на разбитую чашку. — Под ноги смотрела, не заметила... сама виновата.

— Сама? — все так же насмешливо хмыкнула Свон. — Ты-то, может, и не заметила, но не он. Чем это ты не угодила Рэндэлу, крошка?

— Я не понимаю, о чем вы.

— О том, что он чуть не отправил тебя в нокаут!

— Но он же нечаянно.

— Нечаянно? — Свон насмешливо приподняла высокомерно изогнутую бровь. — Господи, да ты просто не видела... Он мчался на тебя как танк, с такой кровожадной гримасой, что я испугалась за тебя, девочка, вполне поверив в то, что он вознамерился тебя затоптать. Тебя спасло только то, что ты умудрилась каким-то чудом устоять на ногах!

Женщина улыбнулась, явно забавляясь этой ситуацией.

— Ну, чем ты ему досадила? Колись! И мы тогда объединимся всем коллективом, чтобы тебя защитить! Потому что, если Джек на кого-то заточил свои акульки зубки...

Она не закончила, оставив зловещую многозначительную паузу и прожигая девушку горящим любопытством взглядом. Кэрол устало вздохнула и махнула рукой, выказывая свое безразличие.

— Не с той ноги, наверное, встал, — отшутилась она и, не желая продолжать, изобразила извиняющую улыбку и уединилась в туалете.

Оттереть пятно с блузки было невозможным, и девушка уныло смотрела в зеркало, пытаясь придумать, что делать. Не ходить же с таким пятном на груди всем на потеху! А переодеться было не во что.

Она прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Почему-то ей сейчас было абсолютно наплевать на то, как она выглядит. Поведение Джека, его грубость, холодность и пренебрежение не просто расстроили ее, а ранили в самое сердце. Она, конечно, не заблуждалась на тот счет, как он себя поведет, если они случайно встретятся, и не ждала, что он бросится к ней с расprostертыми объятиями, но и такой физической грубости не ожидала. Если он все еще злится на нее, ну прошел бы мимо, сделал бы вид, что не заметил ее, зачем же набрасываться и пытаться сбить ее с ног на виду у всех? Уже б ударил тогда, что ли, если так жаждет физической расправы.

Но Кэрол больше всего расстроило не то, что он ее толкнул. Гораздо большее в ней отозвалось его взгляд и тон, с каким он бросил одно короткое слово, соизволив ответить на ее приветствие. Неужели они стали врагами? А ведь когда-то он сидел у ее постели, заботясь с чуткостью и нежностью матери. Кэрол ясно помнила его силуэт, освещенный сзади тусклым светом торшера, белую расстегнутую рубашку, виднеющееся под ней тело, грудь, покрытую темными волосками, красивые руки, обнаженные до локтей, заботливо укладывающие ей на лоб холодный компресс. Она была тогда в полусознательном состоянии, но, не смотря на это, этот момент врезался в ее память и часто возникал перед ее мысленным взором. Вспоминала она и сон, приснившийся ей в ту ночь, в котором он ее ласкал и целовал. Она гнала прочь от себя эти воспоминания, стыдясь их, а еще больше того, что они посещали ее. Она так и не узнала, сон это был или не сон, а ей очень хотелось это знать, но наверняка это навсегда останется для нее загадкой.

Джек спас ее от Рэя. Он спас их с Рэем отношения. Ведь если бы Рэй по пьяни совершил непоправимое, никогда бы они больше не смогли наладить отношения. Джек помогал ей, он много для нее сделал, может, и не бескорыстно, но все же он помогал. Да, он виноват в том, что скрыл от нее правду, но он был прав, когда говорил, что делал только то, что она от него хотела. Она тысячи раз уже пожалела о том, что не сдержалась и выплеснула на него всю свою обиду на жизнь и негодование, взвалила всю вину на него одного. И ей хотелось выть, когда она думала о его признании в любви, о том, если он не обманывал и это на самом деле было так. Он, такой гордый и надменный, не подпустивший к своему сердцу ни одну женщину, вдруг говорит о любви, изменив всем своим правилам и принципам, а она его так

грубо выгоняет! Только потом она сообразила, каким унижением это было для него, пощечиной, плевком в самую душу, которую он никогда ни перед кем не открывал. Его самолюбие, должно быть, жестоко пострадало. Конечно, если бы возможно было повернуть время вспять и вернуться в тот злосчастный день, она бы не бросилась в его объятия, но, по крайней мере, отнеслась бы к его признанию с большим уважением и постаралась бы выйти из этой ситуации, не задев его самолюбия.

Если судить по сегодняшней неожиданной встрече, он так и не простил ей этого, и не собирался прощать. Кэрол не была этим удивлена. Она успела достаточно узнать Джека, чтобы знать, что он из тех мужчин, которые никогда не простят обиду от женщины. Это подтверждала рассказанная им же история о его первой любви. Он не забыл нанесенную обиду и спустя годы все равно жестоко отомстил.

Кэрол не знала, что он вернулся. Куртни почему-то не сказала ей об этом, хотя знала, как она хочет перед ним извиниться. Почему она это скрыла? Кэрол этого не понимала.

И что будет теперь? Не захочет ли Джек ее наказать за нанесенную обиду, отомстить за свое попранное самолюбие? Кэрол больно было думать об этом. Неужели тот, кто столько помогал ей и так заботился, теперь хочет причинить ей какое-нибудь зло? Неужели Джек может ей навредить? Неужели он станет это делать? Трудно было в это поверить. Но, тем не менее, она понимала, что такое вполне возможно. Таков Джек.

Их первая встреча, спустя столько времени, не была обнадеживающей, и для нее закончилась весьма плачевно. Что же будет дальше? Что, если его попытка сбить ее с ног, тем самым прилюдно унизив и причинив боль, была только началом и сущим пустяком по сравнению с тем, что она может ожидать от него в дальнейшем?

Нет, так дело не пойдет. Кэрол было противно даже думать о том, чтобы между ними может такое начаться, и не собиралась этого допустить.

Не потому, что боялась его, а потому что не хотела быть в списке тех, кого он ненавидел. Теперь, когда ее обида на него поутихла, и она раскаялась в своей горячности, она чувствовала, что ее теплое отношение к нему вернулось. Она не могла на него больше злиться. И не хотела, чтобы он злился на нее. Да, она все еще считала, что в смерти Мэтта есть его доля вины, но она была не больше, чем ее вина и вина самого Мэтта. Если судить по справедливости, они все виноваты. И есть множество «если бы... то этого бы не случилось» в поступках и поведении каждого. Чувство вины перед Мэттом и его мамой высасывало из нее жизненные соки, и она не могла от него избавиться.

А к нему еще прибавлялась вина перед Джеком за нанесенную ему обиду и оскорбление. Но от этого груза вины она могла, по крайней мере, попытаться избавиться. Примет он ее извинения или нет — это уже его дело.

Для нее будет достаточно просто сказать, что она сожалеет, чтобы перестать себя чувствовать перед ним виноватой. И может, это предотвратит его намерения жестокой расправы над ней, если это, конечно, входит все же в его планы.

Она понимала, что ее извинения он может встретить в штыки, что может ее обсмеять, обругать и унизить, но она готова была рискнуть ради очистки совести. Если он начнет хамить, она просто уйдет, и все.

Позвонив Рэю, она попросила ее забрать из офиса, потому что ей не очень хотелось разгуливать в залитой кофе блузке перед сотрудниками, а тем более, по городу.

Дома, приведя себя в порядок, Кэрол позвонила Куртни.

— Почему ты мне не сказала, что Джек вернулся? — сразу и прямо спросила она.

— Ты не спрашивала, я не говорила, — невозмутимо ответила Куртни, шелестя на том конце провода бумагами.

— А ты не знаешь, он не собирается в ближайшее время опять куда-нибудь уезжать?

— Собирается. Завтра. В Нью-Йорк. У него какое-то там сложное дело и судебный процесс, скорее всего, затянется...

— Понятно! — перебила ее Кэрол нетерпеливо. — Тогда пока!

— Подожди! Тебе какое дело до планов Рэндэла? Что ты задумала? Уж не собралась ли ты выяснять с ним отношения спустя столько времени? Не глупи, Кэрол! Тебе не за что перед ним извиняться, сто раз тебе уже говорила!

— Не волнуйся, я и не собираюсь. Просто так, из любопытства спросила, — слукавила Кэрол. Куртни не все знала. Кэрол не рассказывала ей о том, что Джек говорил ей о любви.

— Кому ты лапшу на уши повесить хочешь? — разгневалась Куртни. — Не смей с ним встречаться, слышишь меня?

— Хорошо, — улыбнулась в трубку Кэрол и тут же набрала номер офиса Джека Рэндэла. Приветливо поздоровавшись с секретаршей, она спросила на месте ли мистер Рэндэл. Ей ответили, что его нет и маловероятно, что он сегодня там появится. Уточнив у вежливой Сары, что он завтра действительно улетает, Кэрол поблагодарила ее и отсоединилась.

Некоторое время она колебалась, с потерянными видом бродя по дому.

А потом решила. Она сделает это немедленно, сегодня же, и забудет об этом. То, что между ними произошло и так уже целый год сидит в ней неприятной занозой. Раз представилась возможность от этой занозы избавиться, нужно это сделать. Она сможет вздохнуть спокойно и больше не думать о Джеке. Она наивно полагала, что он все еще занимает ее мысли только потому, что она чувствует себя перед ним виноватой.

Поправив макияж и прическу, переодевшись, она отправилась напрямик к нему домой с колотящимся от волнения сердцем. Она вдруг поняла, что все-таки побаивается его и его реакции на ее визит. Руки ее взволновано дрожали, но она все равно подошла к двери его квартиры и нажала звонок.

Но ей никто не открыл.

Помявшись перед дверью, Кэрол отошла и спустилась на один лестничный пролет, собираясь там дождаться Джека. Отступать она уже не собиралась. Извинится и уйдет. Все легко и просто. Только почему-то сердце ее выпрыгивало из груди, и она не раз подавляла в себе порыв сбежать отсюда и забыть навсегда о своем благом намерении загладить нанесенную обиду, оставить все, как есть.

На улице постепенно стемнело.

Кэрол, утомленная долгим стоянием на высоких каблуках, сидела прямо на ступеньках, уныло подперев ладонью подбородок. А потом, опустив голову на руки и прислонившись плечом к сплошной стойке лестничных перил, задремала, ужасно устав от долгого ожидания.

Она не заметила, как из лифта вышел тот, кого она ждала и, уже открыв двери своей квартиры и бросив случайный взгляд на лестницу, в последний момент заметил ее.

Спустившись по ступенькам, он остановился возле сжавшейся девушки и уставился на нее изумленным взглядом. Потом наклонился и тронул за плечо. Вздрогнув, она подняла голову и посмотрела на него сонными глазами.

— Кэрол, — тихо сказал он, — что ты здесь делаешь?

Она поспешно поднялась и покачнулась на высоких тонких каблуках, пытаясь устоять на онемевших от долгой неподвижности ногах. Непроизвольным движением он схватил ее за локоть, чтобы не дать упасть с лестницы, но почти сразу же убрал руку, спохватившись. В глазах его снова появился лед.

— Джек, я пришла извиниться, — выпалила Кэрол так, будто они поссорились только вчера, не слишком задумываясь над тем, как это звучит и выглядит спустя столько времени. Она напряглась в мучительном ожидании его реакции, надеясь, что он, по крайней мере, не спустит ее с лестницы.

Но неожиданно губы его тронула едва заметная улыбка, настолько самодовольная, что Кэрол внезапно почувствовала себя уязвленной. Но она даже не успела ни о чем подумать, потому что он мягко взял ее под руку и повел за собой наверх.

— Пойдем, не разговаривать же здесь, — проговорил он спокойно и вполне приветливо.

Кэрол как можно незаметнее с облегчением выдохнула и без возражений вошла в его квартиру. Закрыв двери, он бросил на девушку пристальный взгляд. Взгляд его задержался на ее губах, словно он хотел разглядеть под ними ее зубы, которых не было во время их последней встречи. Он уже заметил под губами ровные белые зубы, словно с ними и не случилось ничего.

— Превосходно выглядишь, — заметил он серьезно, без тени улыбки. — Я же говорил, что все заживет. Как ничего и не было.

— Да... зажило, — смущенно и растерянно ответила девушка, пряча взгляд, не выдержав его пристального разглядывания.

— Есть хочешь? — неожиданно спросил он.

— Э-э-э, вообще-то я не есть к тебе пришла...

— Ничего, позволю себе немного нарушить твои планы, потому что если я сейчас не поем, я упаду в голодный обморок прямо здесь и ты все равно не сможешь тогда ничего мне сказать. Пойдем на кухню, поможешь мне.

Он невозмутимо отправился в кухню, скинув по дороге пиджак и забросив его в комнату на кресло.

Улыбаясь, Кэрол последовала за ним.

Она даже не надеялась, что он примет ее так радушно, как ни в чем не бывало. Ее переполнила такая радость, что появилось ощущение, будто за спиной выросли крылья, и она способна сейчас взлететь.

Не произнеся больше ни слова, они сообща разогрели ужин и накрыли на стол. Так же молча поели.

Кэрол вдруг настолько оробела, что не могла выдавить из себя ни слова.

Вымыв посуду, они прошли в гостиную. Джек устроился на кушетке, лениво закинув ногу за ногу, а Кэрол робко присела в кресло. Джек остановил на ней внимательный взгляд и прервал затянувшееся молчание первым.

— Я знал, что ты придешь. Только не думал, что мне придется так долго ждать.

— Знал? — изумилась девушка.

Он кивнул, не отрывая от нее глаз, и, видимо, не собираясь давать объяснения, почему он был в этом так уверен. Хоть Кэрол и было бы очень интересно послушать, почему это он «знал», но сейчас она не стала заострять на этой детали внимание. Если он знал, то это говорит лишь о том, что он хорошо успел ее изучить, и, как всегда, был прав. Или дело не в ней, а в его чрезмерной самоуверенности?

— Я хотела сделать это намного раньше, только не получилось. Я немного болела, потом уезжала...

— Я знаю, можешь не рассказывать.

— Куртни рассказывала?

— Нет, никто мне ничего не рассказывал.

— Тогда откуда ты...

Он усмехнулся, но как-то печально.

— Просто наблюдал. И в больницу к тебе я приходил, только попросил медперсонал не говорить об этом никому — гордость не позволяла, чтобы ты об этом узнала.

Кэрол ошеломленно смотрела на него, даже не зная верить ему или нет. Приходил к ней в больницу?

Это после того, как она с ним обошлась? Поверить в это было почти невозможно. Словно прочитав ее мысли, он пожал плечами и тихо вздохнул.

— Сам не верю. Но, тем не менее, так и было.

— А почему сейчас об этом сказал?

— Не знаю. Захотелось вдруг, чтобы ты узнала, что я не остался равнодушным к тому, что ты едва не умерла от этого кровоизлияния, к тому, что тебе плохо и что с тобой происходит. К тебе, короче говоря.

Кэрол почувствовала, как заливаешься румянцем и, опустив голову, стала смотреть на свои пальцы, нервно теребящие обручальное кольцо, которое она так до сих пор и не сняла. Взгляд Джека тоже задержался на кольце и резко помрачнел.

— Все еще страдаешь? — немного резковато спросил он.

Девушка вздрогнула и проглотила подступивший к горлу ком.

— Джек, я пыталась с тобой связаться, но не могла тебя поймать, а потом ты уехал, — продолжила она, пропустив его вопрос мимо ушей. — Я хотела тебя сказать, что жалею о своем поведении... тогда, о своих словах и обвинениях. Ты был прав, во всем, что говорил мне... я была не в себе, я не хотела тебя обидеть. Ты делал то, о чем я тебя попросила. Не ты его погубил, а я. Я во всем виновата. Если бы...

— Хватит, Кэрол, — мягко, но твердо проговорил он, прервав ее мучительные излияния. — Виноваты все, и не виноват никто, ясно тебе? Пора уже тебе успокоиться. Или всю жизнь собралась потратить на размышления, кто в чем виноват? Не зацкливайся, нельзя. У каждого в жизни случается что-то такое, что кажется невыносимым, но через это просто нужно перешагнуть и жить дальше. Чтобы не случилось, нельзя воспринимать это как конец света. Конец — это собственная смерть, а все остальное — ерунда. Ты всегда мечтала быть сильной. Так будь ею! Пойми, жизнь никогда не преподносит тех испытаний, которые нам не по силам. Жизнь лучше знает, что ты сможешь вынести, а что нет.

— Значит, она плохо меня знает, — чуть слышно ответила Кэрол. — Она меня уже затрепала, у меня не осталось сил.

— Тебе только так кажется. Посмотри на себя в зеркало. Прекрасная молодая женщина, цветущая и ухоженная, а не спившееся нечто с пустыми глазами, давно махнувшее рукой на то, как выглядит. По тебе не скажешь, что жизнь тебя затрепала, а если этого не видно, значит в тебе еще достаточно сил, чтобы жить дальше. Посмотри на меня. Сколько меня не ломай — бесполезно. Только смерть может меня сломать, больше ничего.

— Да, ты сильный, — с уважением и затаенным восхищением согласилась Кэрол.

— Да, я сильный! И если хочешь, я поделюсь с тобой своей силой, ее хватит на двоих, а

может быть, и больше. Я помогу тебе, если ты считаешь, что не можешь справиться сама с этим испытанием.

— Спасибо, но думаю, вряд ли ты можешь мне помочь. Я сама должна выкарабкаться.

— Напрасно ты так думаешь. Когда тяжело, поддержка другого человека играет важную и порой даже решающую роль.

Кэрол помолчала, разглядывая свои ногти.

— Значит, ты не сердишься? — уточнила она, не совсем понимая, что он имеет в виду, предлагая свою поддержку, и инстинктивно не желая продолжать эту тему.

— Для тебя так важно, чтобы я не сердился? — улыбнулся он.

— Важно. Иначе я бы не пришла.

— Понимаю. Хорошо, я буду считать, что все твои слова были сказаны под влиянием нервного срыва и истерики. Впрочем, я так и раньше считал.

— Значит, ты и не сердился?

— Не сердился? Да ты что! — он рассмеялся. — Я чуть не лопнул от злости. Ты нанесла мне удар ниже пояса.

Кэрол улыбнулась ему. Повисло напряженное молчание. Девушка поднялась, считая, что говорить больше не о чем.

— Спасибо, Джек. Признаться, я не ожидала, что вот так легко у меня получится исправить свою ошибку... особенно после того, как ты меня сегодня так толкнул. Я была уверена, что ты меня ненавидишь.

— Ну... есть немного, — улыбнулся он, поднимаясь с кушетки.

— Я пойду, уже поздно, — Кэрол подхватила свою сумочку, но он вдруг вырвал ее у нее из рук.

— Уже? Мы так долго не виделись, а ты сразу убегаешь. Неужели даже из вежливости не хочешь поинтересоваться, как я жил этот год, чем занимался, что у меня произошло? Или тебе совсем не интересно?

Голос его был спокойным и мягким, но взгляд вдруг потяжелел.

— Ну почему же? Очень интересно, — улыбнулась она. — Просто я посчитала неудобным спрашивать тебя об этом, чтобы ты не подумал, что я лезу в твою жизнь и сую нос, куда не следует. Но если ты не против, я бы хотела услышать о том, как прошел для тебя этот год.

— Ужасно, — серьезно ответил он, пронзая ее заблестевшими тихим затаенным гневом глазами, а в его голосе Кэрол уловила упрек. — Это был самый тяжелый год в моей жизни.

— Почему? Проблемы на работе? — тихо спросила Кэрол, отводя взгляд.

— Нет, с работой у меня все в порядке. Даже лучше, чем всегда.

— Для меня этот год тоже был самым тяжелым за всю жизнь, — Кэрол мягким осторожным движением забрала у него сумочку.

Она видела, что он злится, не удовлетворенный их разговором и ждет от нее чего-то еще. Похоже, ему нужны не только извинения. Неужели за год, который они ни разу не виделись, он не потерял к ней интерес, если таковой был, как он говорил? Что он от нее хочет, чего ждет? Что она бросится ему на шею с пылкими признаниями в любви?

Кэрол покраснела при мысли, что он мог подумать, что она пришла именно за этим. Подняв на него похолодевший взгляд, она сказала не менее холодно и сдержанно:

— Я принесла свои извинения. А сейчас мне пора. Спокойной ночи, Джек. Может, еще увидимся... как-нибудь, — добавила она, чтобы он не расценил ее слова, как обещание

продолжить отношения.

Она повернулась к двери, гадая, проводит ли он ее к выходу, и чувствуя, что на сердце опять заскреблись кошки. Она поспешила радоваться тому, что все так просто вышло. Перед тем, как отвернуться, она успела заметить, как побледнело его вдруг окаменевшее лицо.

Она шагнула в сторону выхода, но он остановил ее, схватив за руку и заставив резко развернуться. Притянув к себе, он сжал ее в объятиях и прижался к ее губам в долгом жадном поцелуе. Девушка напряглась, но он лишь крепче прижал ее к себе, не позволяя отстраниться. Потом, видимо боясь ее испугать, он ослабил хватку и, оторвавшись от ее губ, заглянул в изумленные глаза. От его взгляда по телу Кэрол словно электрический заряд прошел, заставив задрожать, но не от страха. Он смотрел на нее с нескрываемым более вожделением, и его взгляд обжег ее, а сердце бешено заколотилось в груди.

— Ты опять не понял... — задыхаясь, проговорила она, пытаясь отстраниться. — Я пришла извиниться... и все! А теперь я уйду.

— Ты никуда не уйдешь, — твердо возразил он, обвив рукой ее талию, а другой не спеша расстегивая пуговицы на ее блузке. Опустив взгляд, Кэрол посмотрела на ловкие пальцы, которым, судя по всему, не в первой приходилось это делать, и за свою практику они успели превосходно натренироваться. Поймав его красивую кисть, девушка остановила ее и оторвала от своей блузки. Он нежно сжал ее руку в своей ладони, и плотнее прижал к себе гибкое стройное тело, чтобы почувствовать его формы, его упругость и тепло, которое он смог ощутить даже сквозь одежду. Девушка была напряжена и дрожала, как осиновый лист, смотря на него широко раскрытыми глазами, в которых смешались растерянность и страх. Плотнo прижатая к его бедрам, она медленно залилась краской, чувствуя силу его желания, чем вызвала у него легкую задорную улыбку. В глазах его появились бесы, которые плясали в игривом возбуждении маленькими огоньками в черных зрачках, словно призывая ее поиграть с ними.

— Отпусти, — севшим голосом прошептала Кэрол, не в силах оторвать глаз от этих огоньков, которые ее как будто загнипнотизировали.

Джек покачал головой.

— Нет, Кэрол. Один раз я уже тебя отпустил, и это было моей самой большой ошибкой. Я люблю тебя. И я так долго ждал. Я дал тебе целый год на то, чтобы отойти от всего, что произошло, дабы совесть не заела тебя в моих объятиях. Я пожертвовал собой, ты это понимаешь? Мне было так тяжело без тебя, ты даже представить себе не можешь. А теперь, когда ты, наконец, пришла ко мне, я тебя больше не отпущу. Ни за что.

Наклонившись, он снова коснулся ее губ. Его ладонь скользнула под расстегнутую блузку и погладила упругую грудь, обжигая ее кожу и заставив затрепетать. Почувствовав ее дрожь, он с силой впился в ее рот, не опасаясь более напугать ее своей страстью. Но девушка вдруг отчаянно рванулась, выскользнув из его рук, и отскочила назад. Он не предпринял попытки ее снова схватить, и мгновение она смотрела ему в глаза, не отрывающиеся от нее, потом быстро развернулась и выскочила из комнаты. К ее облегчению, он больше не попытался ее остановить, и она, подбежав к входной двери, схватилась за ручку трясущимися пальцами и рванула ее на себя. К ее удивлению, дверь не поддавалась. Быстро девушка пробежалась ладонями по замкам, пытаясь разобраться, на какой из них заперта дверь. Ни на какой. Дверь была заперта на ключ, которого в замочной скважине не было. Кэрол замерла, положив ладони на дверь и растерянно смотря на нее. Он запер дверь сразу, как они вошли, убрав ключ, а она даже не заметила. Он не собирался ее выпускать изначально. Кэрол

это шокировало. Она ожидала от него чего угодно, ярости, ненависти, грубости, презрения... но не этого! Он никогда себя так с ней не вел. С такой наглостью, с таким напором. Почему же он ведет себя так сейчас? Почему раньше не позволял себе ничего подобного, а теперь вдруг показал, каким на самом деле мог быть с женщиной, и здесь продемонстрировав свою знаменитую наглость и напор?

Она крупно вздрогнула, когда теплые ладони скользнули по ее талии, погладили обнаженную кожу под ее распахнутой блузкой, которую она не успела застегнуть.

— Открой дверь, — сдавленным голосом шепнула она, не поворачиваясь.

Он не ответил, взял за ворот ее блузку и потянул вниз, обнажая ее плечи. Кэрол прижалась к двери, зажав между ней и своей грудью руки, тем самым не позволяя ему снять блузку. Уткнувшись в дверь лбом, она зажмурилась, когда он, откинув ее волосы вперед, стал неторопливо целовать ее плечо и шею.

— Попалась, моя красавица... — с нежностью шепнул он ей на ухо, лаская его легкими прикосновениями своих губ. По телу девушки прошла дрожь. — Я же сказал — не отпущу...

Она сжалась еще больше, когда он ловко расстегнул застежку ее бюстгалтера под блузкой. Прижав руки к груди, она еще сильнее вжалась в дверь, не позволив его рукам добраться до ее груди. Тогда он расстегнул молнию на ее юбке и стащил вниз по бедрам, не спеша, любуясь открывающимся его взгляду телом.

Кэрол порывисто развернулась, чтобы ему помешать, не отрывая стиснутых рук от груди, но он словно того и ждал, сразу схватив ее и прижав спиной к двери. Тщетно девушка пыталась его оттолкнуть, задыхаясь от его жадных поцелуев, дрожа под его ладонями, нагло скользящими и ошупывающими ее тело. Она напрягалась, упиравшись руками в его плечи в безуспешной попытке отстраниться, вжатая его телом в дверь, пока его рот то скользил по ее шее, то страстно впивался в нее, причиняя легкую боль, опускаясь все ниже, к груди. Освободив ее от болтающегося бюстгалтера, он сжал ее ладонями, жадно целуя.

Кэрол невольно содрогнулась под его ласками. Пол зашатался у нее под ногами, комната закружилась, и она закрыла глаза, чтобы не упасть. Ее окатило горячей волной желаний, дыхание перехватило от необъяснимого и непонятного восторга. Она вдруг поняла, что хотела этого, давно хотела, только не позволяла себе в этом признаться, неосознанно, подсознательно мечтая о его поцелуях, ласках, объятиях.

— Я люблю тебя, — дрожащим шепотом простонал он. — Хватит... прошу тебя хватит! Не отталкивай меня! Не мучай...

Схватив ее за затылок, он больно сжал пальцами ее волосы и со стоном впился в ее рот в глубоком страстном поцелуе. И Кэрол вдруг обмякла в его руках, перестав сопротивляться.

Она не пыталась больше ему помешать прикасаться к себе, и вскоре ее блузка была на полу в обнимку с его рубашкой. Она забыла обо всем, даже о Мэтте, чувствуя его горячие губы на своей шее и груди, его руки, нетерпеливо изучающие ее тело и желающие как будто охватить все и сразу.

Он крепко обнял ее, прижимая к своему обнаженному торсу, и задрожал от прикосновения упругой возбужденной груди, упершейся в него твердыми сосками. Девушка, наконец, ответила на его страстный поцелуй, обвив руками его шею, и сама прижалась к нему еще сильнее, подчиняясь безотчетному зову охваченного огнем тела.

Подхватив на руки, он вынес ее из прихожей, вернувшись в гостиную.

Там опустил ее на кушетку, не разжимая объятий и не отрываясь от ее губ. Опустив руки ниже, он скользнул под приспущенную юбку, лаская гладкие бедра, которые слегка

задвигались под ним в мучительной истоме, чем заставили его потерять голову. Не в силах больше сдерживаться, он сорвал с девушки юбку и трусики, ловко и быстро избавился от остатков своей одежды, и вжал ее в кушетку своим телом, дрожа от нетерпения.

Кэрол тихо застонала и выгнулась под ним, наслаждаясь жаром охваченного страстью стройного обнаженного тела мужчины, к которому ее всегда влекло и близость с которым представлялась ей невозможной.

Удивительный мужчина. Мужчина, перед которым вряд ли может устоять женщина.

Перед которым не устояла бы и она, пожелай он настоять, как теперь.

Он овладел ею с хриплым стоном, который подхватила девушка, крепко обвив его тело и руками, и ногами. Она двигалась в такт его плавным движениям, то впиваясь пальцами в спину, то сладострастно глядя твердые мускулы, переливающиеся под влажной гладкой кожей, с упоением ловя одурманивающий резкий запах его одеколona. Его губы казались ей такими сладкими, такими горячими, и он так ее целовал, что одними своими поцелуями мог довести до вершин блаженства.

Она кусала губы, чтобы сдержать рвущиеся из груди крики, обезумев от охвативших ее чувств и ощущений, настолько острых и глубоких, что временами ей казалось, что все происходящее нереально.

Встречаясь с его глазами, она содрогалась от крупной дрожи, пробегающей по ее телу. Томный огонь, страсть и нескрываемое удовольствие, что она видела в них, сводили ее с ума. Этот взгляд отзывался не только в ее теле, он разворошил вдруг всю душу.

Никогда ее еще не охватывала такая страсть, как сейчас, она словно перешла на нее от него, какая-то дикая, неистовая, животная. Именно с такой страстью он ее любил, то рыча, как зверь, то срываясь на громкие стоны. Потеряв голову, обезумев, она со всех сил прижимала его к себе, забыв обо все на свете, пока наслаждение не обрушилось на нее со всей силой, вырвав из ее горла хрипый крик, острое, нестерпимое, заставившее ее забиться под ним в непреодолимых сладостных судорогах, пронзивших все ее тело.

Он вдруг схватил ее за волосы на затылке и рванул, подняв к себе ее лицо и впившись взглядом в искаженные безумным наслаждением черты. Девушка жалобно застонала сквозь приоткрытые губы. Не отрывая глаз от ее лица, он оскалился, обнажив стиснутые зубы, и, сделав несколько резких сильных толчков, зажмурился, низко и хрипло вскрикнув. Стиснув девушку, он уронил голову и захрипел, крупно вздрагивая всем телом. Потом замер и долго не двигался, продолжая сжимать ее в объятиях и тяжело дыша ей на ухо. Кэрол в бессилии лежала под ним, закрыв глаза, не обращая внимания на тяжесть его расслабленного тела, придавившего ее. Ей было тяжело дышать, но она не хотела, чтобы он отстранился, ей нравилось лежать вот так, слившись с ним в одно целое, в его объятиях, ощущать тяжесть его тела, чувствовать, как сильно и быстро бьется в его груди сердце. Поддавшись безотчетному порыву, она подняла руку и с нежностью погрузила пальцы в его волосы. Подняв голову, он посмотрел ей в лицо, в глаза. И вдруг улыбнулся, ласково, нежно. А еще, как показалось Кэрол, радостно и счастливо. Она ответила ему улыбкой, ощущая, что ее саму переполняют эти чувства — радость и счастье. Она больше не сердилась на него за его наглость, с которой он ее поломал, заставив ему отдаться. Ей было слишком хорошо сейчас, и она не хотела ни о чем жалеть, ни о чем задумываться.

Положив ладони ей на скулы, он поцеловал ее долгим нежным поцелуем.

Обняв его, девушка ответила на его поцелуй.

Когда он отстранился, Кэрол почувствовала болезненный укол сожаления и что-то,

похожее на протест.

Но он, наклонившись, подхватил ее на руки и, легко оторвав от кушетки, выпрямился и понес в спальню. Когда он положил ее на свою кровать и, выпрямившись, стал разглядывать ее обнаженное тело, по его взгляду Кэрол поняла, что ничего еще не закончилось, наоборот, все только начинается. Он так пристально ее разглядывал, что она невольно покраснела, смутившись. Потянув на себя покрывало, она хотела прикрыться им, но Джек, наклонившись, вырвал покрывало из ее рук и отбросил в сторону.

— Нет! Хватит от меня прятаться. Я хочу на тебя смотреть. Давно хочу... И буду!

Присев рядом, он стал неторопливо водить ладонью по ее телу, продолжая смотреть вновь загоревшимися глазами. Замерев, девушка неподвижным взглядом наблюдала за ним.

— Ты красивая, — вдруг севшим голосом проговорил он чуть слышно и поднял на нее какой-то странно затуманенный взгляд. — Ты понравилась мне с первого взгляда.

— Не заметила, — так же тихо отозвалась Кэрол.

— Понравилась, — повторил он уверенно.

— Это тогда под дождем, что ли? Верится с трудом.

Он сипло рассмеялся, как-то напряженно.

— Нет, конечно. Когда ты пришла ко мне в офис. Хотя тогда под дождем ты тоже неплохо смотрелась в облепившей твоё тело мокрой одежде. Я вспомнил об этом, когда увидел тебя в офисе. О мокрой прозрачной блузке, о прилипшей юбке...

На лице девушки отразилось удивление и смятение.

— Я думала, что ты... думаешь о деле, с которым я к тебе пришла. А не о мокрой юбке. О, мужчины, что у вас в голове творится?

Он снова засмеялся над ее искренним недоумением.

— Ты себе даже не представляешь. Хорошо, что вам, женщинам, не дано читать наши мысли.

— Да, наверное, — пробормотала Кэрол. Помолчав, наблюдая за ласкающей ее тело ладонью, она подняла на него внимательный взгляд. — Скажи... а когда я болела... ты трогал меня?

Оторвавшись от созерцания ее тела, он взглянул на нее веселыми глазами.

— Я еще тогда видел, как ты хочешь меня спросить об этом, но так и не решилась. Почему?

— Я не была уверена... сначала я вообще подумала, что мне приснилось.

— Тебе часто снилось, как я тебя ласкаю? — насмешливо спросил он.

— Нет! Вообще не снилось!

— Тогда почему ты так подумала?

Кэрол пожала плечами.

— Потому что легче было подумать, что мне приснилось, чем то, что ты мог делать такое на самом деле.

— Почему это? По-твоему, я каменный? Или не мужчина?

— Значит, это был не сон.

— Нет, конечно. Я был уверен, что ты помнишь, но решила сделать вид, что ничего такого не было. Если честно, меня это тогда очень даже раздосадовало. Что ты проигнорировала мою страсть. Меня ужасно бесило, что ты на все закрываешь глаза, делая вид, что не замечаешь, как нравишься мне, как я тебя хочу...

Кэрол промолчала, опустив глаза.

— Но так и было... я не делала вид...

— Да ладно! Все видели, все! Кроме тебя. Почему?

Девушка медленно пожала плечом.

— Я была уверена, что не могу понравиться такому мужчине, как ты...

Он с искренним удивлением уставился на нее.

— Ты шутишь? Почему это ты не могла мне понравиться?

— Ну... кто ты и кто я. Ты такой умный, успешный, знаменитый... сильный. А я... — она не смогла продолжить, опустив глаза. Дочь шлюхи, которую все презирали, слабая, никчемная девчонка, ничего из себя не представляющая. Она не сказала это вслух, но он прочитал это на ее лице.

— Ты женщина. Очень красивая, женственная, нежная, соблазнительная... Чтобы понравиться мужчине, каким бы он ни был, женщина вовсе не должна быть только исключительно умной, успешной и сильной. Зачем? Ты же не мужчина, чтобы иметь такие качества. Это мужик в юбке, и думаешь, такие больше нравятся нам, мужчинам?

— Ну почему сразу мужик в юбке? Вот Куртни, например. Ведь ты же сам говорил, что преклоняешься перед ней...

— Да, преклоняюсь. И уважаю. И восхищаюсь...

— Вот видишь!

— ... Но в постель бы свою ее не положил. И, тем более, не женился бы. Даже если бы она была моложе и свободна.

Кэрол промолчала, и на лице ее вдруг отразилась обида. Обида за ее обожаемую Куртни.

— Тогда вы, мужчины, странные. Куртни лучшая из женщин.

— Лучшая, — согласился он примирительно. — Я ведь не говорю, что она не может нравиться мужчинам. Я говорил конкретно о себе. И имел в виду совсем не Куртни. Это ты ее привела в пример. Между прочим, я знаю мужчину, которому она очень даже нравится, как женщина, который бы не только уложил ее в постель, но и женился бы, будь она свободна.

— Правда? Кто это? — Кэрол округлила глаза, забыв о своей обиде, и, оторвавшись от подушек, села.

— Ты умеешь хранить секреты? — Джек лукаво улыбнулся.

Девушка энергично кивнула. Мгновение он молчал, выдерживая паузу, разглядывая ее помутневшим от желания взглядом. Кэрол с нетерпением смотрела на него.

— Ну?

— Мой отец.

— Не может быть!

— Только смотри, не проговорись, — протянув руку, он взял в ладонь прядь длинных золотистых локонов, рассыпавшихся по ее голым плечам. Поднеся к лицу, он с упоением вдохнул их запах.

— Значит, твой отец знает толк в женщинах, — довольно заявила Кэрол.

— На вкус и цвет, как говорится... А ты ему, между прочим, тоже приглянулась. Он все меня о тебе выспрашивал. Старый проныра сразу смекнул, что ты мне нравишься. Всем это сразу бросалось в глаза, одна ты не видела! Не верится мне в это.

— Я уже объяснила, почему.

— Потому что считала, что не могла мне понравиться? Глупо. Ты себя в зеркало

видела? Нет, ты просто не хотела замечать мое отношение к тебе, вот и не замечала. А я, как идиот, все возился с тобой, деликатничал... пока не получил пинка под зад, — на лице его вдруг появилась злоба и, схватив девушку, он опрокинул ее на спину. — Надо было сразу трахнуть тебя и не мучиться...

Девушка возмущенно вскрикнула, но ее возглас был подавлен властным требовательным поцелуем. Да, деликатничать с ней он больше не собирался, судя по всему. Но и Кэрол больше не находила в себе ни сил, ни желания ему противиться, мгновенно разомлев от его поцелуя. Тело ее помимо ее воли выгнулось навстречу его ласкам, охваченное желанием. С трепетом она отдалась во власть его рук, его губ... И жалобно беспомощно стонала, удивленная, пораженная тем, каким невероятным удовольствием, какой страшной страстью отзывалось ее тело на его ласки.словно из нее вдруг извергся огненный вулкан, который долго скрывался где-то внутри... Но даже теперь она не хотела признать, что сила ее страсти заключалась в том, что она желала его, давно и долго. А это желание, столько времени подавляемое, наконец-то вырвалось и теперь подавило в отместку ее так же, как она подавляла его все это время. Она понимала, что он это знал, понимал, такая страсть не могла возникнуть сразу и из ниоткуда, только сейчас, что она выдавала ее, выдавало то, что она хотела его тоже, давно и сильно... Но она ничего не могла поделать с этим, чтобы скрыть это. Хоть ей и не хотелось, чтобы он думал, что она хотела его тогда, еще год назад, когда у нее был Мэтт. Но вскоре и это перестало иметь для нее значение, когда она вскрикивала от страсти, как безумная, в его объятиях, не владея собой. Когда извивалась и дрожала всем телом. Когда с такой легкостью и быстротой ее тело отзывалось на его страсть неудержимыми оргазмами. Она была охвачена ужасом и восторгом одновременно, ощущая себя развратной шлюхой, отдаваясь ему вновь и вновь, позволяя делать с собой все, что он хотел. «О, Боже, я все-таки такая же, как мать! — мелькало у нее в иступленном мозгу. — Развратная и похотливая! Я так и знала!». Она была ошеломлена и шокирована, но ей это нравилось. Нравилось это безумие, в которое она попала. И она мечтала о том, чтобы это никогда не кончалось. Джек, видимо, тоже не хотел, чтобы это кончалось, потому что не оставлял ее в покое до самого утра, охваченный ненасытной страстью, которая возрождала силы в его молодом горячем теле вновь и вновь. Ей казалось, что он никогда не выпустит ее из своих объятий.

Он не отличался сдержанностью, с головой окунаясь в свои ощущения, и наблюдая за ним, Кэрол получала удовольствие от осознания того, что ему так с ней хорошо. Тяжелое дыхание, дрожащие руки, хриплые стоны, переполненные глубоким наслаждением и несдержанной страстью — кто бы мог подумать, что Джек Рэндэл, такой вроде бы холодный к женщинам, на самом деле такой чувственный и открытый в постели!

«А может, он только со мной такой? — мелькнула у Кэрол наивная робкая мысль. — Потому что он меня любит?».

Она больше не сомневалась в его словах, наоборот, именно в постели она ему и поверила. Он так ее любил, именно любил, а не просто занимался сексом, это чувствовалось и виделось. И ее сердце сладостно сжималось, а грудь переполнялась бурной радостью и восторгом, и она поймала себя на том, что обожает его, как безумная, как ненормальная. Она даже не сразу заметила, как шепчет ему на ухо о любви дрожащим задыхающимся голосом, а он улыбается и с еще большим жаром уносит ее все дальше, на небеса, в рай.

Когда он, наконец, насытился и позволил ей забыться умиротворенным сном, небо за окном уже светлело. Обессиленная, Кэрол крепко спала, в беспорядке разметав по подушке

взлохмаченные после их неистовых любовных безумств длинные волосы. Разомлевшее тело белело в предрассветных сумерках на фоне голубых простыней, которые Джек снова с нее стащил после того, как она уснула, укутавшись в них. Долго он разглядывал неподвижную девушку ясными глазами, в которых не было и тени сна. Потом поднялся и, как был, обнаженный отправился на кухню, зажав между ровных зубов сигарету.

Кэрол разбудил не очень деликатный толчок в плечо. С трудом разлепив тяжелые веки, она сонно посмотрела на Джека, сидящего рядом, и невольно улыбнулась, любуясь его обнаженным загорелым телом. Наверняка, он загорал на пляже где-нибудь под тропическим солнцем. Она уже собралась было поинтересоваться, где он отдыхал и как это решился променять работу на отпуск, но остановилась, заметив хмурое мрачное лицо.

Он небрежно курил, не смотря на нее. Кэрол приподнялась, встревоженная. Зачем он ее разбудил? Что-нибудь случилось?

— Вставай, — грубо бросил он, и даже его рот скривился от неприязни и раздражения, прозвучавших в голосе. — Ты, кажется, собиралась домой. Дверь открыта. Не смею более задерживать.

Девушка застыла с таким видом, будто ее с головы до ног окатили ледяной водой. По лицу ее разлилась смертельная бледность, которая была заметна даже в предрассветных сумерках.

Джек повернулся к ней и просверлил злыми, режущими как бритва, глазами. Невозмутимо затянувшись, он выпустил дым ей в лицо.

— Что ты на меня так уставилась? Я не ясно выразился? Проваливай.

Глаза Кэрол заслезились от дыма, но не только дым был тому причиной. Отвернувшись, она сползла с кровати и окинула растерянным взглядом комнату, ища свою одежду. Все тело забилося в мелкой нервной дрожи, но она призвала на помощь всю силу воли, чтобы оставаться спокойной... или, по крайней мере, таковой выглядеть.

Ошеломленная и как будто оглушенная неожиданной развязкой безумной ночи любви, которая внезапно обернулась кошмаром, она не без усилий вспомнила, что ее одежда осталась в гостиной и прихожей.

Не глядя больше на Джека, она вышла из спальни, хладнокровная и безразличная. В ее груди на самом деле словно все замерзло, заледенело, а сердце превратилось в мертвую глыбу льда. Только руки по-прежнему дрожали, и с этим она ничего уже не могла поделать.

Как во сне, она спокойно оделась, обулась, пригладила, как могла, растрепавшиеся волосы, подобрала с кресла сумочку и, подняв глаза, увидела Джека. Он стоял в дверях в одних штанах и, прислонившись плечом к косяку, наблюдал за ней. Всего лишь миг они смотрели друг другу в глаза, но этого было достаточно, чтобы Кэрол вдруг пришла в себя и ощутила, как в груди разливается боль, смешанная с гневом и стыдом.

Краска залила ее лицо, вызвав на лице Джека злорадную издевательскую ухмылку. Отвратительную, мерзкую ухмылку. Совсем недавно ей показалось, что она его любит до безумия, теперь же внутри вспыхнула жгучая ненависть. Боже мой, как она могла ему поверить? Как могла забыть о том, какой он есть на самом деле, мстительный, безжалостный! Почему не почувствовала подвоха в его любезности, когда он с ней разговаривал, в его нежности и мягкости, зная, что он не может просто так простить обиду, что не успокаивается, пока не расквитается, почему?

— Внизу тебя ждет такси, — сказал он, подавив ухмылку.

— Как всегда ты очень любезен, — с отвращением изогнув губы, ответила Кэрол.

— Конечно, — улыбнулся он. — А теперь убирайся из моего дома!

Резко изменившись в лице, он покраснел, а глаза его вспыхнули бешенством.

— Вон!!! Пошла вон!!! — зарычал он с таким видом, что еще минута — и он ее убьет.

Кэрол прошла мимо, чувствуя, как сжалось от страха сердце, но все же заставила себя бросить через плечо насмешливую фразу:

— Не надо так нервничать, Джек. Меня уже нет, и считай, что и не было.

Прежде чем он успел бы сказать ей в ответ что-нибудь сокрушающее, она вышла и закрыла за собой дверь. Не так, как он когда-то, что чуть стены не рухнули, а тихо и аккуратно. Но как только она оказалась за дверью, из горла ее вырвались рыдания, и она бросилась к лифту, спеша поскорее убраться отсюда и забыть обо всем, как страшный сон. Очередной страшный сон. Вся ее жизнь заключалась в том, чтобы стараться о чем-то забыть. Вся ее жизнь — это страшный сон.

Как одержимая она выскочила на улицу и прыгнула в такси. Назвав адрес, она откинулась на спинку кресла и стала наблюдать за светлеющим спящим городом, за безлюдными улицами и угасающими ночными фонарями. Стиснув зубы, она боролась с подкатывающими к горлу рыданиями, зарекаясь не проронить ни единой слезинки. Пробудившаяся гордость, как защитная реакция на невыносимо болезненное унижение, придала ей сил, не позволяя сломаться. Нет, эта не та ситуация, где она может плакать. Плакать из-за того, что об тебя вытерли ноги — еще больше себя унижить.

Джек сволочь. Хитрая, коварная, лживая сволочь. Отомстил. Отомстил, когда она пришла извиниться и покаяться, не раньше, не позже, а именно в этот момент, который он терпеливо выжидал, как хищник, притаившийся в кустах, ждет, когда жертва сама к нему приблизится, чтобы в самый неожиданный для нее момент исподтишка наброситься и растерзать.

Соблазнил, задурил голову, как наивной глупой девчонке, выслушал ее слова о любви, и вышвырнул, как обертку от съеденной конфеты. Наверное, ужасно доволен собой и потешается над ней, вспоминая с каким самозабвением и удовольствием она ему отдавалась. Боже, а ведь ему даже не пришлось прилагать никаких особых усилий, чтобы уложить ее в постель, он только прикоснулся к ней, и она сразу забыла обо всем на свете, даже о Мэтте.

Слезы подкатили к ее глазам, и Кэрол зажмурилась, чтобы их сдержать. Так ей и надо. Это ей наказание за то, что предала память о Мэтте и их любви. За то, что отдалась человеку, от которого так хотел увезти ее Мэтт.

Как бы больно ему сейчас было, узнай он о том, что она переспала с Джеком Рэндэлом. «Я не отдам тебя ему!» — вспомнила она горячие слова Мэтта. Он так ревновал, с таким отчаянием бежал от него только ради того, чтобы она ему не досталась, словно чувствовал, что так и случится. Если бы Мэтт не боялся, что Джек ее соблазнит, он бы лег в клинику, не пустился бы в бега, увозя ее за собой. Он погиб из-за этого. А она все равно легла в постель с тем, кого он так ненавидел. Это была не просто измена с ее стороны — это было предательство. Она бежала от Джека вместе с Мэттом, а теперь, когда мужа не стало, она прыгнула в постель адвоката, как последняя шлюха, как похотливая кошка. Джек, наверное, станет презирать ее еще больше, и убедится в том, что был прав, не веря в ее любовь к Мэтту. Когда-то Джек относился к ней с уважением, а теперь будет думать, как о лживой лицемерке, которая твердит о большой верной любви, а сама при первой же возможности бросается в объятия другого и шепчет о любви теперь уже ему.

Кэрол самой было противно. Ее тошнило от себя, от Джека и от того, что между ними

произошло. Она горько раскаялась в том, что пошла к нему. Презирала себя за слабость и глупость. Как могла она потерять голову? Почему это произошло? Что говорить Куртни, когда та спросит, где она провела ночь и почему даже не позвонила и не предупредила, заставив волноваться и переживать?

Куртни догадается. Если уже не догадалась. Боже, какой стыд, какой позор! Как смотреть ей в глаза после всего? Как мучительно будет понимать, что Куртни знает, что Джек ее трахнул и вышвырнул, как дешевую шлюху, вытер об нее ноги, как о грязную половую тряпку! Сознать это самой было уже невыносимо, не говоря уже о том, чтобы об этом знал кто-то еще.

Она лихорадочно придумывала какую-нибудь правдоподобную ложь, чтобы скрыть от Куртни то, что с ней произошло на самом деле.

Войдя в дом, она набралась мужества и хладнокровия, чтобы не выдать своего истинного безутешного состояния. Как она и думала, Куртни не спала, ожидая ее возвращения. Кэрол никогда не пропадала по ночам, поэтому это заставило женщину серьезно поволноваться. Но внешне Куртни выглядела, как всегда, спокойной и невозмутимой. Устремив на появившуюся перед ней девушку пристальный взгляд, она словно заглянула ей в душу.

Она не задавала вопросов, и Кэрол поняла, что она догадалась о том, где и с кем она провела ночь. Силы и самообладание вдруг покинули ее, и Кэрол со стоном раненой птицы бросилась ей на колени и горько разрыдалась. Куртни обняла ее и поцеловала в лоб. Она не напомнила о том, что говорила не встречаться с Джеком, а она ее не послушала, и Кэрол была бесконечно благодарна за это понимающее молчание, которое утешало лучше всяких слов. Она нашла утешение в объятиях своей любимой удивительной Куртни, которая всегда умела поддержать ее, как друг и как женщина, и которой не нужно было ничего объяснять, потому что она всегда все знала сама.

Подняв девушку с пола, Куртни обняла ее за плечи и проводила в ее комнату. Там она помогла Кэрол раздеться и, пока она принимала душ, задумчиво ждала, устроившись в кресле. Лицо ее было мрачным, а во взгляде затаилась злоба и ярость. Оскорбление и обиду Кэрол она восприняла, как свои собственные. Унизив Кэрол, Джек Рэндэл плюнул в лицо ей, Куртни. Против Куртни лично он ничего не имел, однако его не остановили от подлости их дружеские и деловые отношения. Он знал, что Куртни это воспримет, как личное оскорбление и не проглотит это молча. Знал, что значит для нее Кэрол, что за свою девочку она растерзает весь мир, если понадобится.

Это вызов. Это война. И война эта будет жесткой. Джек Рэндэл опасный и сильный противник, но и Куртни была не из слабых мира сего. Куртни понимала, что, столкнувшись с Рэндэлом, она может потерять все, даже жизнь, но это не могло ее остановить. Она была женщиной отважной и не боялась краха. Она вела не первую войну в своей жизни. Она воевала с влиятельными бизнесменами уже много лет, и не одного ей удалось столкнуть с олимпа. Джек Рэндэл был намного опаснее, она знала это. Но он посмел затронуть ее семью, а это было посерьезней деловых прений. За свою семью Куртни готова была драться насмерть.

Не в состоянии справиться с душившим ее гневом, Куртни покинула комнату Кэрол и, спустившись в кабинет, схватила телефонную трубку и твердой рукой набрала номер. После продолжительных гудков, которые распалили ее еще сильнее, она, наконец, услышала голос Джека.

— Да? — рывкнул он в трубку раздраженно.

— Ты... гаденыш... — прохрипела Куртни, задыхаясь от ярости. — Как ты посмел?

— А, Куртни! Привет! — весело отозвался он. — Рад, что Кэрол уже дома. Постой, я не расслышал... как ты меня назвала?

Куртни изумленно молчала, сбита с толку его странным невнятным голосом. Впервые в жизни она слышала, чтобы он так разговаривал.

— Ты что, пьян?

— Ну, да! — невозмутимо подтвердил он, словно речь шла о чем-то обыденном и постоянном. — Есть немного...

Куртни растерянно стояла на месте, шокированная. Джек Рэндэл пьян?! Поистине, это может шокировать того, кто знает его уже достаточно, чтобы быть уверенным в том, что никому и никогда еще не доводилось видеть или говорить с пьяным Рэндэлом! Лишь однажды Куртни уловила запах алкоголя от него, в ту ночь, когда он летал вместе с ней за Кэрол.

— Ну, говори, что ты хотела! Мне некогда, я уже опаздываю на самолет!

— Не ври, вылет у тебя через пять часов!

— Хм... все-то ты знаешь! — он пьяно рассмеялся. — Но я же должен еще собраться... из рук все валится... не могу найти белую рубашку и галстук к костюму... Ты не знаешь, куда я их мог засунуть?

— Загляни в место пониже спины, может туда ты их «засунул»! — гаркнула Куртни, изменяя своему хладнокровию и культурности.

— Как остроумно! — снова засмеялся адвокат, ничуть не обидевшись.

— Что это ты такой веселый? Радуешься, что обидел мою девочку?

— Обидел? Ну, что ты, совсем наоборот — я очень старался доставить ей удовольствие... разве что потом я попросил ее удалиться... Что, не успела приехать, как сразу наябедничала?

— Джек, зачем? — в голосе женщины отразилась боль и сдерживаемые слезы. — Ну, как ты мог? Ты же знаешь, сколько ей пришлось пережить, как ей тяжело... Ты что, решил ее добить?

— Ей, видите ли, тяжело! А кому легко? Ничего, небольшая встряска ей не помешает, а то на сомнамбулу стала похожа!

— Ты, пьяная свинья, да я...

— Пьяная свинья? Нет, со свиньей я категорично не согласен, а что до того, что пьяный... Разве всезнающая Куртни еще не в курсе того, что ее адвокат частенько стал прикладываться к бутылке, благодаря нашей ненаглядной Кэрол?

— Что ты несешь?

— Твоя девочка разбила мне сердце! — насмешливым и наиграно плаксивым голосом проскулил он. — И теперь я безнадежно спиваюсь! Меня надо пожалеть, а не ее! Никто еще так со мной не поступал, как она... так не унижал.

— Никто тебя не унижал, что ты себе навывдумывал?

— Как же не унижал? Я так ее любил... как пес перед ней на задних лапках ходил, мечтая, чтобы меня погладили... Да ни с одной женщиной я себя так не вел! А что она?... Чем это псих был лучше меня, что она сразу прыгнула к нему в постель, стоило ему переступить порог тюрьмы? А меня оттолкнула... Мне пришлось запереть дверь, а ключ выкинуть на дно океана, как в сказке... — он опять хрипло рассмеялся, но уже с горечью и

откровенной обидой, — чтобы она от меня опять не убежала. И убежала бы, если бы я этого не сделал! Почему? Я что, такой отвратительный? Что ты молчишь? Ответь мне!

— Джек, не неси чушь. Ты ведешь себя сейчас, как обиженный мальчишка, а ты взрослый мужчина...

— Я столько для нее сделал... из кожи лез, чтобы понравиться, а она предпочла этого психопата. Что же она его так не отталкивала, как меня? Даже теперь, спустя столько времени... только силой и смог уломать... По-твоему, это не унижительно, не обидно?

— Ты, скотина, ты что, ее изнасиловал?

— Почти... Нет, не в том смысле, как ты подумала... Мне просто пришлось немного применить силу, пока она не перестала противиться. Я не насиловал... я же не этот больной придурок Ландж... я просто настоял. Это разные вещи, поняла? — его язык заплетался все больше, а в голосе появилась агрессия. — Ты злишься на меня, а за что? Со мной, значит, можно так поступать, меня оттолкнуть, а другому отдаться, убиваться за убийцей и психопатом, даже после того, что он с ней сделал, а над моей любовью посмеяться... и я еще, по-твоему, после всего этого обязан опять сюсюкаться с твоей ненаглядной Кэрол? Она сама ко мне пришла... Она сама этого хотела... и не верь, если она пытается показать, что это не так.

— Не хотела. Это ты заставил ее захотеть... Чем гордишься, Джек? Чему радуешься? Что силой совратил неопытную молоденькую девочку, у которой и интимной жизни-то, можно сказать, не было, так, несколько мгновений...

— Да я бы убил ее и за эти мгновения... — прорычал он.

— Ты же говорил, что тебе все равно, — не удержалась от усмешки Куртни.

— Да, мне все равно! Но все равно бы убил!

— Мы поговорим позже, когда ты будешь трезвым, — скривившись от отвращения, отрезала Куртни.

— Нет, этот разговор мы закончим сейчас. И закончу его я, — неожиданно твердым голосом сказал он. — Кэрол не хорошо со мной поступила. Скажу откровенно, она причинила мне боль. А я не люблю оставаться в долгу, ты сама это прекрасно знаешь. Это все, что я могу тебе сказать по этому поводу. Выслушивать твое мнение я не намерен. Не лезь в то, что тебя не касается!

В трубке раздались короткие гудки. Куртни раздосадовано швырнула трубку, злясь еще больше, чем до разговора с ним.

— Ты мне еще ответишь, мерзавец, за все ответишь! — прошипела она и, глубоко вздохнув, приняла свой обычный невозмутимый вид и вернулась в комнату Кэрол, предварительно завернув на кухню и прихватив на подносе приготовленный заботливой Дороти завтрак.

Девушка уже вышла из душа и сидела в кресле, поджав ноги.

Когда Куртни вошла, она подняла на нее покрасневшие от слез глаза, покраснела и снова спрятала виноватый взгляд. Куртни поставила перед ней на журнальный столик поднос и присела напротив. Кэрол взяла с подноса стакан холодного молока и залпом выпила все до капли, но к еде не притронулась.

— Куртни, пожалуйста, не рассказывай Рэю, — тихо попросила она. — Если он опять кинется на Рэндэла с кулаками, на этот раз ему это с рук не сойдет.

— Я и не собиралась ничего рассказывать Рэю. Во-первых, это не его дело, а во-вторых, когда дело касается тебя, он действительно чрезвычайно вспыльчив.

Кэрол бросила на нее быстрый вкрадчивый взгляд, пытаясь понять, есть ли за этими словами скрытый намек на большие, чем следует, чувства Рэя по отношению к ней. Но невозможно было угадать мысли этой непроницаемой женщины, и Кэрол снова поспешно отвела глаза, опасаясь, что Куртни поймает ее взгляд.

— Как ты думаешь, Джек обнаружит то, что между нами произошло? Я имею в виду, в твоей компании, среди сотрудников, чтобы еще больше меня унижить и окончательно растоптать, — задала Кэрол мучавший ее вопрос.

При одной только мысли о том, что это может произойти, что Джек опозорит перед всеми не только ее, но и Куртни, ей становилось дурно и хотелось умереть. Вот все позабавятся, узнав, что названная дочь «железной леди», недотрога, якобы оплакивающая своего мужа, превратилась в игрушку Джека Рэндэла.

— Нет, об этом даже не думай, — уверено заверила Куртни. — Джек, конечно, настоящее чудовище, созданное из сплошных недостатков, и в нем много говна, но к категории мужчин, которые любят трепаться о своих любовных победах, он не относится. Наоборот, его личная жизнь и женщины в ней — это тайна для окружающих. Не думаю, что он будет изменять самому себе и своим привычкам на этот раз.

— Ты, правда, так думаешь? — с надеждой переспросила Кэрол. — Но ведь он может сделать исключение, чтобы отомстить мне.

— Если он намерен мстить тебе дальше, он сделает это по-другому. Мстить, распуская сплетни — нет, это не для Джека Рэндэла. Так мстят женщине только жалкие, ни на что не способные мужичонки.

— А Джек способен на многое, — продолжила за нее Кэрол, чувствуя, что в ней зарождается страх перед этим человеком. А если он посчитает, что сегодняшней «расправы» не достаточно, чтобы отомстить за свое уязвленное самолюбие?

— За что он тебе мстит таким образом? Не за то же, что ты обвинила его в смерти Мэтта. Так может мстить только отвергнутый мужчина.

Кэрол сжалась под ее пристальным взглядом.

— Прости меня, пожалуйста... Я не все тебе рассказала, — всхлипнула она.

— Я знаю. Тебе не кажется, что пришло время рассказать?

— Кажется. Видишь ли... тогда, в тот день, Джек говорил, что любит меня. Что все, что он делал, он делал только для меня. А я... я рассмеялась. Я не поверила. Сказала, что ненавижу его, что не хочу видеть. Я выгнала его.

Куртни понимающе помолчала.

— Я догадывалась, — сказала она через несколько минут молчания.

— Догадывалась? Но как ты могла знать, что он мне говорил тогда, тебя же не было с нами?

— Я знала о том, что он к тебе не равнодушен. Только такая неопытная в любви и не знающая мужчин девочка, как ты, могла этого не понять, — Куртни с нежностью матери посмотрела на девушку, которая смущенно пожала плечами.

— Он никак не давал мне этого понять, — попыталась оправдаться она, не желая выглядеть такой глупой. Она чуть было не сказала об одном исключении, когда он поцеловал ее в тот вечер, когда она осталась у него ночевать, но вовремя спохватилась и промолчала, потому что пришлось бы объяснять, как это она оказалась у Джека дома и почему осталась на ночь.

— Не думаешь же ты, что он столько усилий потратил, чтобы тебе помочь, потому что

его волновала судьба Мэтта или твои личные проблемы? — мягко улыбнулась Куртни. — Нет, девочка моя, Джек Рэндэл не мать Тереза.

— Я знаю. Он взялся за дело Мэтта, чтобы улучшить свою репутацию и увеличить славу. Сама знаешь, какого успеха он сумел добиться, провернув эту аферу, — не без злобы и неприязни проговорила Кэрол.

— Да, не отрицаю, но не думаю, что это было основной причиной. Он просто хотел произвести на тебя впечатление, стать для тебя необходимым... и ведь и это у него получилось. Я не устаю ему поражаться. У него всегда и все получается. Ведь ты же действительно смотрела на него, как на бога. И если бы я не видела, как ты привязана к Мэтту, я бы позволила себе подумать, что ты влюблена в него по уши. Он покорила тебя, покорила настолько, что ты не можешь выкинуть его из головы, ты тянешься к нему, он тебе необходим, — не обращая внимания на возмущенно вспыхнувшие глаза девушки, которая что-то попыталась возразить, Куртни продолжила, не позволяя ей это сделать. — Если бы ты была к нему равнодушна, разве пошла бы ты к нему выяснять отношения спустя столько времени? Почему для тебя такое значение имеет то, что ты его отвергла? Почему так хотела помириться с ним? Миллионы женщин отказывают мужчинам, это естественно, и если мужчина действительно безразличен, о нем не вспоминают.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — Кэрол почему-то покраснела. — Хочешь сказать, что я его... люблю?

— А разве нет?

— Нет!!! — девушка подскочила, не в силах сдержать эмоции. — Нет! Он действительно много для меня сделал, поэтому, только поэтому, я хотела извиниться за то, что обидела его!

— Ну, извинилась?

— Извинилась!

— Тогда как же ты оказалась с ним в постели, если он тебя нисколько не волнует? — лукаво поинтересовалась женщина.

Кэрол покраснела еще сильнее, яростно тряхнула волосами и нахохлилась, как петушок, готовый броситься в атаку, но вдруг глаза ее наполнились слезами и, сжав на груди дрожащие руки, она отвернулась, поникнув, как увядший цветок.

— Не знаю... — ответила она дрогнувшим голосом. — Я хотела уйти, а он не отпустил.

— Но он же тебя не насиловал? — так же мягко сказала Куртни.

— Нет, — Кэрол помолчала, а потом смущенно призналась. — Он прикоснулся ко мне, и я потеряла голову...

Куртни молчала, и Кэрол обернулась, чтобы посмотреть на нее.

— Почему это произошло со мной, Куртни? — растерянно спросила она, похожая на маленького напуганного потерянного ребенка. — Я же не хотела. Я люблю Мэтта. Я даже не представляла себя с другим мужчиной. И вдруг такое... как помутнение какое-то, безумие.

В глазах ее промелькнул страх.

— А может, это гены? Может, я такая же шлюха, как и моя мать?

— Не говори глупости, Кэрол! При чем здесь твоя мать? Если женщину влечет к определенному мужчине, это еще не значит, что она шлюха! Тебе же не хочется всех мужчин без разбору, а только его одного.

Кэрол опустилась на край постели, растерянная и напуганная.

— Ты считаешь, что это любовь? А как же Мэтт? Я же не могу любить обоих!

— Я не говорю, что ты любишь Джека. Это может быть просто влечение, страсть. Он интересный, сильный, властный, а эти черты притягивают женщин. Почему ты должна быть исключением? Ты нормальная женщина, из плоти и крови, а каждая женщина хочет любви сильного мужчины. Но, боюсь, дело здесь не только в одном влечении. А если хочешь знать, что я думаю о твоей любви к Мэтту... — Куртни на мгновение остановилась и посмотрела на нее, желая убедиться, что она действительно интересуется ее мнением. — Мэтт — это мечта твоего детства, которой ты оставалась преданной до конца, и ты была привязана к своей мечте и не хотела от нее отказываться. Ты слишком ею увлеклась, девочка моя. Из своей мечты ты сотворила любовь.

— Хочешь сказать, что я его не любила? — голос Кэрол задрожал от слез и возмущения.

— Нет, ты его любила, но не так. Ну, как бы тебе объяснить? Ты создала себе кумира, идола, образ того, кого бы ты хотела любить, но любовь к кумирам, такая любовь не имеет ничего общего с любовью земной.

Кэрол снова поднялась, упрямо поджав губы.

— Ты говоришь, как Джек! Он никогда не верил в мою любовь к Мэтту, считал это детским капризом, только вы оба не правы! Я любила его, слышите, любила! Откуда вам знать о том, что я чувствовала и что чувствую сейчас? Как вы можете судить, не зная, что у меня на сердце? Я не знаю, что толкнуло меня в объятия Джека, может, мне просто захотелось любви и тепла, но это было моей ошибкой, и я жалею об этом!

— А если бы он не выгнал тебя — тоже бы жалела?

— Да, жалела бы. Потому что я предала Мэтта.

— Ты не предавала его, Мэтта больше нет. А ты продолжаешь жить. И нельзя себя заживо хоронить вместе с ним. Не надо плакать, девочка моя. Ну, прости меня. Я знаю, ты его любила. Я согласна с тем, что ты сделала ошибку, переспав с Джеком, но Мэтт к этому не имеет никакого отношения. Просто Джек из тех мужчин, от которых нужно держаться подальше.

— Я это уже поняла, — горько заметила Кэрол.

Приблизившись к ней, Куртни взяла ее за лицо и заглянула в глаза.

— Ты должна его забыть. Забыть о том, что между вами произошло.

— Именно это я и собираюсь сделать. Забыть, как страшный сон.

— Боюсь, тебе придется очень постараться. И ты не должна больше поддаваться ему, слышишь меня? Ты должна быть сильнее его, иначе он тебя погубит!

— О чем ты говоришь, Куртни? Он отомстил и уже думать обо мне забыл! А если захочет мстить еще... что ж, пусть мстит. Я выдержу. Я все выдержала, неужели не выдержу и это?

— Я говорю не о мести, а о любви, — угрюмо возразила Куртни. — Я только что ему звонила. Он пьян в стельку. На него это не похоже. А что, если он все еще не равнодушен к тебе?

— Не равнодушен. Он меня ненавидит. Я его тоже. Так что не о чем тебе переживать. Если между нами и было когда-то что-то хорошее, то после этой ночи ничего не осталось. А о любви не может быть и речи. Это даже смешно звучит после того, что произошло сегодня.

— Не переживай, девочка, он поплатится за то, как с тобой поступил. Ему это с рук не сойдет, — заверила Куртни.

Кэрол побледнела, устремив на нее расширившиеся в тревоге глаза.

— Нет, Куртни, умоляю тебя, не вмешивайся, не надо!

— Как это не надо? Думаешь, я позволю какому-то самонадеянному прохвосту унижать тебя? Да я его в порошок сотру!

Кэрол бросилась к ней и, упав на колени, схватила за руки.

— Пожалуйста! Я не хочу, чтобы из-за моей глупости ты потеряла такого ценного адвоката, ведь он самый лучший, он нужен тебе! Не хочу, чтобы вы стали врагами, чтобы ты пострадала только потому, что я не смогла его оттолкнуть! Сжался надо мной! Я и так приношу одни несчастья и горе, я больше этого не перенесу... Пожалуйста, давай просто об этом забудем. Бог с ним, с этим Джеком, отомстил за свое уязвленное самолюбие — и пусть! Давай не будем все усугублять. Я и без того чувствую себя ничтожеством, а если ты еще начнешь наказывать мужчин в моей жизни, как будто я никчемный ребенок под твоей юбкой... это так унижительно. Я сама должна справляться с проблемами в своей личной жизни. Я взрослая женщина, ты же сама так говорила.

Куртни улыбнулась и подняла к себе ее лицо.

— Да, ты взрослая женщина. И нет таких женщин, которые никогда не совершали то, о чем потом сожалели. Хорошо, я не буду вмешиваться, ты права. Это действительно унижит тебя, я не подумала об этом. Ты сама должна решать, что делать в этой ситуации — забыть или отомстить.

— Мстить? Он мне, а я ему — и так до бесконечности? Нет, не хочу. К тому же, силы не равны. Я не собираюсь с ним воевать. Я просто забуду.

Легко было сказать — забуду.

Оставшись наедине, Кэрол долго обливала слезами фотографию Мэтта, вымаливая прощения. Никто не верит в то, что она его любила. Почему?

Хотя теперь, после своего постыдного поступка, она вряд ли имеет право говорить о своей любви и преданности мужу. В эту ночь они были уничтожены в объятиях другого мужчины.

И она плакала от боли, разрывающей ей сердце. И эта боль не имела отношения к Мэтту, перед которым она чувствовала только раскаяние и чувство вины. Эта боль преобладала над всем остальным, даже над чувством унижения. Грудь нестерпимо жгло. И слезы были такими горячими, что обжигали щеки. Даже злоба и ярость отступили, а под ненавистью, обращенной на Джека, она вдруг разглядела другое чувство, и именно оно так ее жгло и вызывало такую боль... а еще тоску. Она вдруг поняла, как нужен ей этот человек, как ее к нему тянет. Он заполнил собой все ее сердце. Она слышала его голос, видела перед собой его лицо, чувствовала его прикосновения.

Джек. Это имя отзывалось в ней ноющей болью и сладким трепетом.

Это было похоже на лихорадку. На болезнь. Болезнь, давно уже появившуюся у нее, и только сейчас давшую о себе знать в полную силу.

Она должна заставить себя не вспоминать ни о нем, ни о том, что между ними произошло. И постараться с ним не встречаться. Да, всячески избегать. Но как можно забыть о том, как счастлива она была этой ночью, с ним? Как забыть, какими горячими были его поцелуи, его любовь? Как забыть мужчину, который сам заставил ее забыть обо всем на свете, даже о прежней любви, который способен был унести ее в рай... а потом столкнуть безжалостно в ад, сделать ее счастливой, а потом — самой несчастной и разбитой.

Как забыть о том, что на свете все-таки есть мужчина, который может зажечь ее израненное сердце, наполнить его счастьем и любовью? Не говоря уже о том, что он мог делать с ее телом, которое начинала бить сладострастная дрожь при одной мысли о нем.

Кэрол не чувствовала себя влюбленной. Скорее, у нее было ощущение, что она угодила в клетку, из которой ей тяжело будет выбраться снова на свободу. Гипнотизирующий взгляд стальных глаз словно околдовал ее и не собирался отпускать. Но она должна вырваться, должна развеять эти чары, окутавшие ее разум. Должна заставить забыть свое тело о поработивших его удовольствиях.

Это не любовь. Это не может быть любовью. Потому что ее сердце уже занято — в нем Мэтт. Это просто странное наваждение. Оно сильно сейчас, когда ее переполняют чувства и эмоции, но со временем оно развеется.

— Эй, опять ты опаздываешь? Ну, сколько раз говорить — в девять ты уже должна быть на корте! Почему я все время должен тебя ждать?

Застыв на пороге комнаты, Рэй уставился на Кэрол, которая в одном нижнем белье, на котором еще болтались этикетки, красовалась перед зеркалом, разглядывая обновку. Вспыхнув, девушка отвернулась, пытаясь спрятаться от его взгляда.

— Рэй! — возмущенно вскрикнула она. — Что за дурацкая привычка врывать без стука?

— Пардон, — он отступил назад, бросив быстрый взгляд на подтянутую нежную попку в прозрачных кружевных трусиках, которую невольно продемонстрировала ему девушка, пытаясь спрятать то, что впереди.

Заметив его взгляд, Кэрол мучительно покраснела.

— Закрой дверь! — в голосе ее послышался гнев.

Рэй спрятался за дверью и шепнул в щелочку:

— Я жду тебя.

Кэрол, негодуя поджав губы, сорвала этикетки с белья, и натянула белые майку и юбочку для игры теннис. Рэй никогда не стучался перед тем, как войти в ее комнату, и Кэрол сильно сомневалась в том, что причиной тому была забывчивость или рассеянность. Она была уверена в том, что он делает это намеренно, чтобы застать ее врасплох, как сейчас, заставляя пожалеть, что дверь не запирается.

Слава Богу, что хоть на двери в ванную комнату была щеколда, а то он уже побывал бы и там, и непременно в тот момент, когда она бы купалась.

Нахал! И ведь ничего не скажешь, состроит невинные глазки, как всегда, хитрый лис! В глазах Кэрол, это когда-то придуманное ею сравнение с этим зверьком настолько прочно прилепилось к нему, что она стала не только думать о нем так, но и называть. Даже Куртни, услышав случайно это прозвище, задумалась и с некоторым удивлением заметила:

— И, правда, чем-то похож.

Но, скорее всего, она имела в виду только внешнее сравнение.

— Но почему я — лис? — недоумевал Рэй. — Разве я рыжий?

— Не рыжий, но все равно лис. Самый настоящий.

А он не знал, обижаться ему на это сравнение или нет. В общем-то, лис — это не так уж страшно, можно и стерпеть. Могло быть и хуже. А это животное вызывало у Рэя симпатию, так что ему даже стало нравиться, когда она его так называла.

Захватив ракетку, Кэрол отправилась во двор, на корт. Рэй был уже там, нетерпеливо размахивая своей ракеткой. Все еще сердясь на него, Кэрол заняла свое место, собираясь задать ему жару и разбить в пух и прах, чтобы наказать за наглость.

— Если ты еще раз зайдешь ко мне без стука, я запущу тебе в голову что-нибудь тяжелое, потом не обижайся!

Он посмотрел на нее своими лукавыми глазами и только улыбнулся.

Схватка была яростной. Кэрол играла с каким-то ожесточением, но Рэй, видимо, тоже собирался сегодня выиграть. Доведя друг друга до изнеможения, они прервались, чтобы

перевести дух.

— Ты что, взбесилась сегодня? — тяжело дыша и упершись ладонями в колени, он взглянул на девушку сквозь сетку.

— Что, уже сдох? Теряешь форму, «папочка»! — насмешливо откликнулась Кэрол.

Рэй мгновенно выпрямился и поднял ракетку.

— Да моей форме позавидует двадцатилетний спортсмен! — оскорбился он и, взмахнув ракеткой, с силой ударил по мячу, который тут же вернулся к нему обратно с такой скоростью, что он едва успел его отбить.

— На тебе! Забыла, как ложкой в рот попасть не могла, шустрая опять стала, да? И радуешься? Натаскал на свою голову!

Кэрол засмеялась, вспомнив, как после ее болезни они впервые вышли на корт. Она была такой неловкой, будто взяла ракетку в руки первый раз в жизни. Но утраченные навыки быстро к ней вернулись. Координация полностью восстановилась, ослабленные мышцы окрепли. Рэй брал ее с собой в тренажерный зал, который посещал каждый день, кроме выходных. Кэрол и Куртни ездили в другое место, в женский клуб, но делали это всего два раза в неделю. Теперь Рэй замучил ее ежедневными тренировками, стремясь к тому, чтобы к ней поскорее вернулись силы. Кэрол это утомляло, но она не отказывалась, желая отвлечься от неприятных мыслей, которые ее изводили.

Она также находила забвение в зубрежке и бесконечной писанине, пытаясь наверстать целый год пропущенных занятий. Если удастся сдать экзамены, ее переведут на следующий курс, не смотря на пропущенный учебный год. Она никогда не была отличницей, но училась прилежно, не желая, чтобы зря пропадали деньги Куртни, оплачивающей ее учебу.

Оставался последний экзамен, а потом отдых на целое лето!

Кэрол устала, Рэй тоже, покраснев и обливаясь потом от усилий, но никто не хотел уступать. Счет был равный. Это их не устраивало. Договорившись, что играют до следующего пропущенного мяча, оба напряглись, выкладывая последние силы.

Кэрол потерпела поражение, более того, упала, пытаясь дотянуться до мяча и не удержав равновесия.

Подвернув ногу, она неловко приподнялась и села, морщась от боли. Подтянув ногу, она пощупала щиколотку.

Нагнувшись, Рэй проскользнул под сеткой и присел рядом.

— А, ну-ка, дай посмотрю.

Положив ракетку, он вытянул стройную ножку и осторожно подвигал ступню. Ойкнув, Кэрол вырвалась.

— Больно? — спросил он.

— А ты как думаешь? — огрызнулась она, злясь на свое поражение, да еще такое позорное.

— К врачу? — Рэй грустно вздохнул.

— Нет, не хочу. Смотреть на них уже тошно. Все пройдет через пару дней. Помоги, — она протянула ему руку, собираясь подняться.

Встав, Рэй вытер влажный лоб о рукав, и, взяв девушку за руку, поднял на ноги.

— Вечно с тобой что-то случается! — проворчал он.

— Да не говори! — Кэрол печально вздохнула.

— Ну, и кто из нас не в форме?

— Теперь я!

Кэрол улыбнулась, даже не подозревая, как он обиделся на ее слова, что он «сдох» и теряет форму. Но знала, как он бесится, когда она, желая поддразнить и задеть, называет его папочкой. Почему-то, ничто, как это, не выводило его так из себя! Кэрол думала, что он поймет, что она всего лишь шутит, потому что на самом деле признавала, что Рэй способен еще дать фору на корте таким молодым и полным сил, как она. А его выносливости и ловкости мог позавидовать любой «двадцатилетний спортсмен», как он выразился.

— Ты что, в старики меня уже приписала? — не успокаивался он. — Я старею?

— Ты — стареешь? — Кэрол рассмеялась. — Ну, вообще-то, уже можно потихоньку начинать, а то что-то застрял на одном месте, не меняешься.

— Разве это плохо? Я не собираюсь стариться раньше времени, я еще совсем молодой. Разве я плохо выгляжу?

— Ты никогда не выглядишь плохо, и сам об этом знаешь. Успокойся, я же пошутила. Ты молодой и красивый мужчина, и пока женщины пускают при виде тебя слюни, можешь не терять самоуверенности.

— А я ее и не теряю. Просто мне не нравится, когда ты подчеркиваешь между нами разницу в возрасте.

— Почему? Что в этом обидного?

— Ничего. Просто не нравится, и все.

Кэрол пожала плечами и, хромая, потопала к дому. Рэй догнал ее и подхватил на руки, заставив возмущенно вскрикнуть.

— Не надо, опусти! Я сама дойду!

— Не брыкайся, а то уроню. Больно будет.

И, не обращая внимания на протесты, понес в дом.

Они не заметили стоявший неподалеку черный «Феррари», припаркованный на другой стороне улицы.

Корт превосходно было видно с улицы, и прохожие часто останавливались понаблюдать за ними сквозь ограду. Лично Рэю это нравилось, особенно, когда на него любовались девушки, своим присутствием и вниманием прибавляя в нем азарта и пылкости. Кэрол привыкла и не обращала внимания на то, что происходит за пределами ограды.

Когда они скрылись в доме, «Феррари» двинулся с места и медленно покатился по дороге, а потом, внезапно взвизгнув колесами, рванулся вперед и умчался прочь. А на том месте, где он стоял, осталось лишь множество окурков...

Занеся Кэрол в гостиную, Рэй усадил ее на диван. Притащив какую-то мазь, он уложил ногу девушки себе на колени и, снова игнорируя протесты, разул и снял беленький носочек.

— Сейчас разотру, быстрее заживет.

— Давай я сама. Рэй, ты слышишь меня? Я сама могу это сделать!

— Угомонись и не дергайся.

Выдавлив мазь на ладонь, он стал медленно втирать ее в гладкую кожу на слегка припухшей щиколотке.

Наблюдая за ним, Кэрол напряглась, почувствовав, как в ней появилось давно забытое неприятное ощущение от его чрезмерного и подозрительного внимания, которое начинало больше смахивать на приставания. Впервые с тех пор, как ушла из этого дома, Кэрол заметила в его действиях вождение. Ей совсем не понравилось, как он растирал ей ногу, это больше походило на ласку, и она поспешила это прервать.

— Все, хватит. Спасибо.

Ужасно расстроенная, она отправилась к себе, вынужденная позволить ему себя проводить и придержать.

Господи, неужели опять началось?

Кэрол готова была расплакаться. Ей не хотелось больше уходить отсюда, не хотелось томиться в одиночестве в своей квартире. Ну, о чем он только думает, а? Зачем это делает, когда об этом уже почти позабыли и она, и Куртни, решив, что все наладилось, и он образумился. Глупо. Горбатого могила исправит.

Неужели его спровоцировало то, что он увидел ее в нижнем белье?

Но какого черта он врывается к ней без стука? Что же, ей теперь и раздеться нельзя, может, и спать в одежде, и ванну принимать? Или поставить на дверь замок? Куртни сразу смекнет, что к чему.

Все так было хорошо. Ну, зачем он опять все портит? Что ей сделать, чтобы раз и навсегда выбить у него из головы шаловливые мыслишки?

Кэрол ломала голову, но ума не могла приложить, как это сделать, досадуя на то, что так и не научилась разбираться в мужчинах.

Со страхом она ожидала продолжения, всей душой надеясь на то, что его не последует. Она украдкой наблюдала за Рэем, насторожившись, как зверек, почувствовавший, что за ним охотятся. И все с большим отчаянием замечала, что в нем снова разгулялся порочный игривый бесенок. Рэй старался это скрыть, видимо, все-таки предпринимая попытки обуздать свой через чур горячий и пылкий нрав. Но это было бесполезно. Если его уже понесло, то сам он не сможет остановиться. Нужно было хорошенько его треснуть, чтобы выбить из него дурь. Но только не по башке, а по сердцу, как уже однажды сделала Кэрол, переехав в квартиру. Наверное, ей опять придется это сделать. Только больше она сюда не вернется. Не дело это — бегать туда-сюда. Да и какой смысл? Не могут жить вместе, значит, надо принять неизбежное и не трепать нервы друг другу и Куртни.

Кэрол даже в бассейне перестала плавать, когда он был дома, опасаясь опять спровоцировать его на глупости. Снова стала избегать.

Все возвращается на круги своя. Все начинается сначала. И закончится тем же. Только теперь одиночество в пустой квартире было для нее смерти подобно. Она просто сойдет с ума, оставшись один на один сама с собой.

Рэй улетел на матч, Куртни заработалась в офисе, и Кэрол, скучающая дома одна вечером, надела купальник и отправилась поплавать.

Она любила плавать. И было время, когда они с Рэем плавали вместе.

Кэрол тосковала по тем дням. Почему так не может быть теперь?

Неужели она такая красавица, что он не может устоять? Или не нужно быть исключительно привлекательной, а достаточно просто быть молодой женщиной, мозолившей ему каждый день глаза, чтобы он не знал покоя?

Размышляя, Кэрол медленно плавала на спине, расслабившись, чего она вот уже четыре дня не могла делать в присутствии Рэя. Он держал ее в напряжении с той самой минуты, когда она поняла, что он принялся за старое.

— Ну, наконец-то, я застал тебя в бассейне! Сто лет уже не плавали вместе!

Кэрол резко дернулась, пытаясь принять вертикальное положение, и нечаянно хлебнула воды. Закашлявшись, она подняла взгляд на Рэя, который уже успел избавиться от рубашки и торопливо расстегивал брюки.

— Откуда ты взялся, ты же улетел? — выдавила Кэрол удивленно, подплывая к лестнице.

— Матч отменили. Вот я и вернулся. И, сказать по правде, я даже рад.

Увидев, что она поднимается из бассейна, он протестующе поднял руки.

— Подожди, ты куда?

— Я уже наплавалась. Извини, что-то голова разболелась, пойду, прилягу, — она схватила полотенце и завернулась в него.

— Ты врешь! — возмутился он. — Ничего у тебя не болит, ты просто не хочешь составить мне компанию. Ну, давай, хоть пять минут поплаваем. Что, тебе так тяжело это сделать? Я никогда тебе не отказываю, когда ты меня о чем-то просишь.

— Рэй, я не хочу. Я замерзла...

— Так я тебя сейчас согрею! — он сгреб ее в охапку и с веселым воплем, слившимся с яростным криком девушки, прыгнул в воду.

Вынырнув, Кэрол оттолкнула его, а он со смехом сорвал с нее полотенце. Задыхаясь от обиды, она направилась к лестнице и даже успела за нее зацепиться, прежде чем он ее остановил, схватив за талию.

— Рэй, хватит! Отпусти!

Оторвав ее от лестницы, он притянул ее к себе и засмеялся на ухо.

Кэрол задохнулась от гнева, когда он прижался к ней сзади, и, резко развернувшись, толкнула его в плечи.

— Да что с тобой? — удивился он.

— Со мной — ничего. А с тобой?

— А со мной, кажется, «чего», — он вдруг прижал ее спиной к холодной плитке, а Кэрол, растерявшись, замерла на мгновение. Прожигая ее пылающим взглядом, он наклонил голову, потянувшись к ее губам.

— Прошу прощения, — раздался над их головами знакомый голос, заставив обоих вздрогнуть от неожиданности. Подняв глаза, Рэй побагровел.

Отстранив его от себя, Кэрол развернулась и схватилась вдруг задрожавшими руками за лестницу. Выскочив из бассейна, она поискала полотенце, и только потом вспомнила, что оно осталось в воде. Обхватив плечи руками и сжавшись, она прошла мимо неожиданного гостя, так и не взглянув на него.

— Привет, Джек, — чуть слышно бросила она на ходу.

— Привет, — мягко ответил он и обернулся, провожая ее взглядом.

— Чего уставился? — Рэй выпрыгнул из бассейна и, поскользнувшись, чуть не улетел обратно. Восстановив равновесие, он снова переключил внимание на адвоката, который медленно повернулся к нему и окинул взглядом стройную подтянутую фигуру, остановившись на недвусмысленно вздутых трусах. Губы его дрогнули и скривились.

— Ай-ай-ай! — осуждающе покачал головой Джек, прицокивая языком. — Все никак не успокоишься, донжуан? К девчонке-то чего привязался? Баб, что ли мало?

— Какого хрена ты приперся? — прорычал Рэй, сжимая кулаки. — Опять по морде захотел? Или искупать тебя для начала в бассейне?

— Разговор есть, — Джек холодно улыбнулся, продолжая изучать его пристальным взглядом.

— У тебя — ко мне? О чем нам говорить с тобой, Рэндэл?

— Поговорим о твоём плохом поведении.

— Что?

— Скажи мне, чего ты добиваешься? Опять хочешь выжить отсюда Кэрол?

— Я ее не выживаю и никогда не выживал! Что ты понимаешь, Рэндэл! Не лезь, куда не просят. Проваливай, и чтобы я тебе здесь больше не видел. Тоже мне, защитник нашелся!

Рэй толкнул его в плечо, шагнув мимо, но тот вдруг схватил его за руку, заставив резко остановиться.

— Как ты не поймешь, идиот, ей нельзя сейчас оставаться одной, ей нужна ваша поддержка. Ей нужны вы, понимаешь? Она уйдет, если ты не образумишься. Ты этого хочешь? Или ты всерьез полагаешь, что она станет с тобой спать под носом у Куртни? Господи, ну нельзя же быть таким дураком! Уже седина на голове, а мозгов, как у пятнадцатилетнего мальчишки!

Рэй взвился, больше всего уязвленный словом «седина».

— Какая седина? Где ты ее увидел? Да посмотри на меня, ты, жалкий пижонишка, и на себя! Даже в свои двадцать восемь, или сколько там тебе, ты никогда не будешь выглядеть так, как я в свои тридцать шесть!

— Да как-то не больно-то и хочется быть таким смазливый красавчиком, как ты, застрявшим в подростковом возрасте. Кстати, на твоем месте я бы задумался — это же ненормально. Может, у тебя какая-нибудь необычная болезнь, что ты не стареешь? — язвил Джек.

— Я не старею, потому что еще время не пришло, потому что я молод!

— Похоже, у тебя небольшие проблемы с головой, если ты мнишь себя юношей, забываешь о том, что женат, и совращаешь девчонку, которую сам же и вырастил.

— Да пошел ты, Рэндэл! Ты что, учить меня жизни пришел? Проваливай, если не хочешь, чтобы я тебя отсюда вышвырнул.

— Я уйду. Только отдам тебе кое-что, зачем, я, собственно, и пришел, — Джек открыл тонкий небольшой кейс и достал желтый конверт.

— Что это? — удивился Рэй.

— А ты посмотри, — Джек зловеще улыбнулся, отдавая ему конверт.

Рэй вынул из конверта несколько фотографий и вдруг покраснел.

— Ах ты, гаденьш! — прошипел он, быстро перебирая снимки.

— Я гаденьш? Да нет, это ты гаденьш. Похотливый сукин сын!

— За горло меня решил взять? Шантажировать?

— Да, — невозмутимо кивнул Джек и ухмыльнулся. — А как ты догадался? Можешь оставить эти снимки себе, как напоминания о бурных любовных похождениях на стороне, а негативы я пока придержу у себя. Если ты не оставишь в покое Кэрол, фотографии увидит Куртни. Я, конечно, понимаю, что для нее твоя измена не будет шокирующей новостью, но все равно для тебя это кончится плохо. Одно дело знать, а другое — увидеть собственными глазами. Вылетишь со своего теплого насиженного местечка, как миленький. Даже у горячо любящей женщины есть предел терпению.

— Фу, Рэндэл, как банально! Не хватило мозгов придумать что-нибудь пооригинальнее? — скривился Рэй, и сунул ему обратно фотографии. Но Джек не взял их, и они рассыпались по влажному полу.

— Буду я еще напрягаться и оригинальничать! Чтобы приструнить такого, как ты, и этого достаточно. Подчинишься, как миленький, потому что, если Куртни вышвырнет тебя на улицу, сдохнешь на какой-нибудь помойке от голода! Ты ж, кроме того, как трахаться,

ничего и не умеешь!

— Это умение тоже не лишнее. Хочешь, дам пару уроков?

— Да уж как-нибудь обойдусь, спасибо. Все, мне пора. Надеюсь, ты все понял? Узнаю, что лезешь к Кэрол — раздавлю, как червяка. Я и без этих фотографий могу это сделать, а они — так, для устрашения и поддержания нашей милой беседы. Ну, бывай, донжуан! Желаю новых развлечений и побед. Наслаждайся, пока еще может.

Он обернулся и еще раз взглянул на побелевшего от бешенства Рэя.

— Кстати, — улыбнулся Джек. — На твоём месте, я бы все-таки собрал снимки. Не дай Бог, кто увидит. Не пойму, зачем, имея таких роскошных женщин, ты пристаешь к этой девчонке. Ладно, не с кем бы было, а так... странный ты какой-то.

Пожав плечами, Джек отвернулся.

— Еще секунду, Рэндэл! — задержал его Рэй. — Ответь мне всего на один вопрос. Почему ты это делаешь?

— Просто так, добрый я, от природы. Вот и забочусь о вашей семье, решаю ваши проблемы.

— Неужели? А может, ты ревнуешь? Чего ты к нам прицепился? Из-за Кэрол? Тоже мне, ангел-хранитель. Сколько горя она хлебнула по твоей вине — тебе мало, опять лезешь со своей «помощью»?

Джек равнодушно отвернулся и пошел к выходу.

— Держись от нее подальше, Рэндэл! Я тебя предупреждал, помнишь?

— У тебя забыл спросить! — фыркнул Джек, не выдержав.

— Если ты к ней приблизишься, тебе придется сначала перешагнуть через мой труп, потому что живым я тебя к ней не подпущу!

— Так перешагну — легко и с удовольствием! И твой труп организую, какие проблемы? Кстати, тебе никто не говорил, что ты похож на лису? — засмеявшись, Джек ушел, оставив раздосадованного Рэя собирать разлетевшиеся по полу фотографии.

Захватив свою одежду, он пошел в дом, и почти на пороге столкнулся с взволнованной Кэрол. Девушка пылливо впиалась в него широко распахнутыми и какими-то странными, как будто слегка безумными, глазами.

— Что он хотел? Зачем приходил? — выпалила она нетерпеливо.

— По морде опять захотел, видать, понравилось, — резко ответил Рэй и прошел мимо нее, не проявив желаний продолжать разговор.

Кэрол изумленно посмотрела ему в след. На Рэя это было не похоже.

Он вообще сам на себя был не похож, взвинченный и раздражительный. Что такого сказал ему Джек, что так разозлил?

Кэрол оставалось только ломать над этим голову.

После визита Джека, Рэя как подменили. Он стал угрюмым и раздражительным, и создавалось впечатление, что он постоянно злится. Кэрол недоумевала, но вздохнула с облегчением — Рэй оставил попытки ее соблазнить. Она даже предположила, что это было как-то связано с Джеком, но это казалось ей нелепостью и простым совпадением. Не мог же Джек его приструнить, зачем ему это надо? Разве что ради Куртни, к которой Рэндэл относился довольно хорошо и с большим уважением. Наверное, пригрозил рассказать ей о том, что видел их зажимающимися в бассейне. Господи, страшно было даже подумать, что он может рассказать об этом Куртни. Оставалось только надеяться, что он не станет этого делать.

Кэрол не хотела себе в этом признаваться, но, помимо этого, ее еще беспокоило и то, что он подумал о ней. Странно, конечно, что для нее это имеет какое-то значение после того, что между ними произошло, но, тем не менее, Кэрол страдала при мысли, что он решил, что она крутит шашни с Рэем, да еще у Куртни под носом. Наверное, уверен в том, что она такая же шлюха, как и ее мать. Что ж, может, так оно и есть, раз улеглась в постель с Джеком.

Кэрол отчаянно старалась не думать о нем, но пока у нее плохо получалось. И их неожиданная встреча настолько взволновала ее, что она проплакала в подушку весь оставшийся вечер, ощущая себя из-за этого полной дурой, но не в силах с собой справиться. У нее вообще нервы расшатались после всего, и иногда из-за какого-нибудь пустяка она готова была забиться в истерике. Она устала, очень устала. От всего. От жизни. Сколько можно мучиться, сколько? Хотелось забвения и покоя.

Сдав последний экзамен, Кэрол стала каждый день, кроме выходных, проводить в офисе Куртни, которая вдруг загорелась нетерпеливым желанием затащить ее в свой мир бизнеса. Кэрол очень сомневалась в том, что из нее может получиться деловая женщина, но делала так, как хотела Куртни.

В этом году Куртни исполняется пятьдесят лет, и видимо, она начала готовить себе приемника. Только Кэрол страшилась оказанной ей чести, и приходила в ужас при мысли, что Куртни собирается взвалить свою империю на ее плечи. Девушка знала, что не потянет, что не справится. Она слишком неопытна, слишком мало знает, не так умна и сильна, как Куртни. Кэрол уже не раз осторожно пыталась ей намекнуть об этом, но Куртни игнорировала.

Переубедить Куртни было пустой тратой времени. Она меняла решения, только если сама передумает.

И Кэрол оставалось только надеяться, что Куртни скоро поймет, что ошиблась в своем выборе, что Кэрол не подходящая кандидатура для управления компанией.

Почему бы ей не затащить все-таки Рэя в свой бизнес, хотя бы силком? Он бы, наверное, справился. Он образованный, у него ловкий хитрющий ум, талант очаровывать людей и вызывать их доверие. Поднатаскать его — и все, вышел бы неплохой бизнесмен... разве что слишком ленивый и не заинтересованный. Бедная Куртни, и компанию-то передать некому, чтобы, когда придет время, уйти на покой со спокойной душой. Но на покой Куртни собиралась еще не скоро. А может, собиралась руководить компанией до последнего вздоха. Такая женщина, как она, вполне на это способна.

Как бы то ни было, даже если она не собиралась передавать бразды правления в другие руки, Кэрол давно поняла, что Куртни хочет, чтобы она работала в ее компании, и только там. Так было задумано еще перед поступлением в университет. И факультет Куртни выбирала сама. Кэрол только подчинялась, не желая разочаровывать и огорчать ее.

И теперь, когда она уже поднабралась кое-каких знаний в университете, Куртни ясно дала понять, что можно начинать работать, по крайней мере, пока не начнутся занятия. И Кэрол работала. Более того, она очень старалась. Ей так хотелось, чтобы Куртни ею гордилась. Ну, или, по крайней мере, не разочаровалась. И ей даже начинало нравиться по мере того, как она постепенно вникала во все это, погружаясь в деловой мир Куртни, который та так обожала.

Единственное, что ей не нравилось, так это поразительная напористость Кевина

Дорована, который уже не только успел надоесть за то недолгое время, как она стала работать в офисе, но застрял у нее поперек горла так, что она не могла вздохнуть свободно. Девушка бежала и пряталась от него, как от чумы, но это было бесполезно. И вскоре она начала тихо его ненавидеть. Настолько, чтобы мечтать о том, чтобы Куртни его уволила. Но Куртни он нравился, и она не понимала, почему Кэрол так категорично его отвергает.

— Хороший парень, симпатичный, талантливый, умница, — говорила Куртни. — Чем он тебе не нравится?

— Своей наглостью.

— Но, может, он в тебя влюблен, вот и добивается так отчаянно, а ты так с ним жестока. Дай ему шанс, может, он тебе понравится, когда узнаешь его поближе.

— Не понравится.

— Какая ты упрямая! Не пойму, ты что, собралась до конца дней своих избегать мужчин? В твои-то годы! Самая пора для того, чтобы встречаться с мужчинами, заводить романы, влюбляться. Оглянуться не успеешь, как молодость пройдет.

— Она пройдет в любом случае, не зависимо от того, стану я встречаться с Кевином или нет.

— Кэрол, ну, я тебя прошу, сходи ты с ним куда-нибудь, развейся, отвлекись от всего. Не могу я смотреть, как ты томишься и грустишь. Почему ты сама всегда обрекаешь себя на одиночество? Общайся с людьми, заводи друзей. Живи, Кэрол, а не существуй!

Кэрол вздохнула и посмотрела на нее.

— Ты хочешь, чтобы я приняла его приглашение куда-нибудь сходить?

— Да, Кэрол, я этого хочу.

— Ну, ладно. Только... только я его боюсь. Он всегда так смотрит... Вдруг он начнет приставать? Я не хочу.

— Кэрол, на то они и мужчины, чтобы приставать. Не хочешь — не позволяй. Не думаю, чтобы он стал применять силу. Он прекрасно знает, что я его в порошок сотру, если он тебя обидит. Не бойся, девочка. Говорю тебе, он не плохой парень. И ты ему действительно нравишься. Не понравится — не пойдешь с ним больше никуда, никто тебя не будет заставлять.

И Кэрол сдалась, но только потому, что ее попросила Куртни. Кэрол не могла ей отказать в такой мелочи. Она решила согласиться на свидание с Кевином, а потом сказать Куртни, что ей не понравилось, и та от нее отстанет. Не будет же она ее заставлять, в конце-то концов!

И, едва выйдя из кабинета Куртни, она столкнулась с Кевином, который словно поджидал ее. Кэрол покраснела, испугавшись того, что он мог слышать их разговор.

Выдав из себя приветственную улыбку, Кэрол прошла мимо него, молясь, чтобы он не увязался следом. Но, как всегда, молитвы ее Господь пропустил мимо ушей. Кевин пошел за ней, без умолку о чем-то болтая.

Часто Кэрол даже не пыталась вникнуть в смысл его слов, и это уберегало ее мозг от опасности раздуться и лопнуть от попытки вместить в себя все, что он говорил. Ей-богу, он был бы незаменим в Гестапо со своими изощренными пытками невыносимой словоохотливости! Он мог заставить свихнуться любого! И его совсем не смущало, когда он замечал, что его не слушают. Но, насколько Кэрол знала, она была единственным объектом для его пыток во всем офисе. Все остальные находили его довольно милым, веселым и обаятельным. Может, и Кэрол относилась бы к нему также, если бы он не топил ее в своей

«веселости» и «обаятельности», которыми одарял ее слишком щедро.

Войдя в один из кабинетов, она безжалостно захлопнула перед его носом дверь, вежливо извинившись.

Облегченно вздохнув, она упала в кресло. Но дверь вдруг открылась, и она чуть не закричала от злости, увидев перед собой невозмутимо улыбающееся лицо Кевина.

— Чуть не забыл! — воскликнул он, решительно приближаясь к ней.

Кэрол улыбнулась ему сквозь стиснутые зубы.

— У тебя сегодня День ангела, я приготовил тебе подарок, — сказал он, опускаясь перед ней на одно колено и что-то вынимая из кармана пиджака.

— Что? — опешила девушка. — Какой День ангела?

Он открыл небольшую, обтянутую бархатом коробочку, и протянул ей.

— Вот. Тебе нравится?

Кэрол опустила глаза и язык проглотила. «Подарком» оказался красивый кулон, усыпанный бриллиантами, на золотой, хитро переплетенной цепочке. Видя замешательство девушки, Кевин с улыбкой вложил коробочку ей в руки, но Кэрол, придя в себя от удивления, тут же попыталась сунуть ему ее обратно.

— Нет, Кевин, что ты... Зачем?

— Просто так, клянусь, просто так! Это ни к чему тебя не обязывает, если ты об этом подумала. Я всего лишь захотел сделать тебе приятно... Тебе ведь приятно?

— Приятно, большое спасибо, но я не могу принять твой подарок. Извини.

— Но почему? — в голосе его послышалось отчаяние.

— Потому... потому что он слишком дорогой и...

— Потому что дорогой? Но разве я мог подарить такой девушке, как ты, какую-нибудь ерунду? — искренне удивился Кевин.

— Кевин, пожалуйста, заberi...

— Забрать? Ты хочешь, чтобы я его забрал? Но ведь я купил его для тебя...

— Зачем? — в голосе Кэрол появился лед. — Зачем покупать такие вещи для чужой девушки, с которой тебя ничего не связывает? Такие подарки просто так не дарят, Кевин. И я не могу его «просто так» принять.

Он удрученно понурил голову.

— И что же мне теперь с ним делать? — чуть слышно шепнул он. — Выбросить?

— Верни его туда, где купил.

— Вернуть? — он поднял на нее наполнившиеся обидой глаза. — Я два месяца жрал одни макароны, а иной раз вообще ничего не ел, чтобы его купить — и зачем, получается, чтобы вернуть его обратно?

— Кевин, но зачем ты это делал? — смягчилась Кэрол. — О чем ты только думал?

— Ты мне нравишься, очень. И я уже не знаю, как обратить на себя твое внимание...

— И ты решил меня купить?

— Что? — вскинулся он. — Нет, нет, что ты! Не надо так говорить, пожалуйста, ты меня обижаешь, ведь я от всего сердца...

Он не договорил и медленно закрыл коробочку.

— Ладно, я все понял. Хотел, как лучше, а получилось — хуже некуда. Я знаю, что я тебя уже достал. Все об этом уже знают и смеются надо мной. Извини.

Он поднялся и, забросив коробочку в мусорную корзину у стола, вышел. Кэрол долго сидела на месте, переваривая произошедшее. Этот Кевин сам все испортил. Она ведь уже

решила согласиться на свидание, а теперь получается, что она уступила только, когда он сделал ей такой дорогой подарок. Это ей категорично не нравилось. И что ей теперь делать?

Тяжело вздохнув, она встала и достала из корзины коробочку с драгоценностью, которую он выкинул без всяких колебаний. Возможно, он рассчитывал произвести этим на нее впечатление и заставить смягчиться. Как бы там ни было, но она смягчилась. Как не смягчиться, даже если это хитро разыгранная комедия? А если все-таки нет? В любом случае он расстроился.

Кэрол пошла в его кабинет. Он сидел за столом, драматично обхватив голову руками. Девушка положила перед ним коробочку.

— Кевин, — мягко сказала она. — Если твое предложение куда-нибудь сходить вместе остается в силе, то я согласна. Но... от твоего подарка я все же отказываюсь. Через неделю у Куртни День рождения. Думаю, если ты преподнесешь ей такой подарок, ей будет приятно. Ты ей очень нравишься, она считает тебя очень талантливым и перспективным...

— Правда? — оживился молодой человек.

— Да. А еще она говорит, что ты хороший парень, умница, и у тебя большое будущее.

— А она не подумает, что... что я клинья подбиваю? Сама говоришь, подарок не простой. Вдруг она не поймет, рассердится и уволит меня?

Кэрол засмеялась.

— Нет, она так не подумает. Ну, разве что может решить, что ты подлизываешься, но в этом нет ничего плохого. Ну, не возвращать же эту чудесную вещь обратно!

— А, может, мне все-таки придержать ее пока? Ну, на тот случай, если ты когда-нибудь передумаешь и примешь ее от меня?

— Кевин, поступай, как знаешь.

— Так ты, правда, согласна со мной встречаться?

— Я сказала, что согласна куда-нибудь сходить с тобой, — поправила Кэрол, чувствуя, как в ней снова просыпается раздражение. Напор и шустрость этого парня начинали ее просто пугать. Может, он уже подумал, что раз она согласилась сходить с ним в ресторан, или куда там еще, то это означает, что она и замуж готова за него пойти? Кэрол бы не удивилась, если бы оказалось, что он действительно так и подумал. Она вдруг почувствовала себя так, будто сама только что влезла в какую-то западню, из которой теперь будет не так-то просто выбраться. Сходив с ним на свидание, она, наверное, точно после этого от него не отвяжется. Но отступать уже было не куда. Она пообещала Куртни... да и ему уже сказала, что согласна.

Кэрол поспешила удалиться, пока он еще не пришел в себя от неожиданной радости. Она надеялась, что его предложение потерпит хотя бы до завтра, но в конце рабочего дня он ворвался в ее маленький кабинет, застав ее врасплох, чтобы довести до ее сведения, куда они пойдут.

Девушка склонилась под стол, пытаясь дотянуться до упавшего микрочипа, который уронила, и, услышав его веселый громкий голос, от неожиданности ударила головой о столешницу. Скривившись от боли, она потеряла затылок, и выглянула из-под стола.

— Ты не забыла, что у нас сегодня свидание?

— Сегодня? Разве сегодня? — сквозь зубы прошипела она, злясь на него за то, что так больно ударила.

— Ну, да, а когда же — через год, что ли? — засмеялся он.

Кэрол снова заползла под стол и подняла чип.

— А что ты там потеряла?

— Кевин, я сегодня очень устала. Давай завтра, — пропустив вопрос мимо ушей, она выпрямилась в кресле и поправила волосы.

Его веселость как рукой сняло. Застыв посреди комнаты, он посмотрел на нее погрузневшими глазами.

— Ты что, уже передумала?

— Нет. Просто сегодня я устала.

— И завтра ты устанешь. А послезавтра у тебя разболится голова. Все ясно. Думаешь, я не понимаю?

— Не понимаешь, Кевин. Сегодня был рабочий день, и уже поздно, а завтра выходной. Куда ты хотел меня пригласить?

— А куда ты хочешь?

Кэрол тяжело вздохнула. «Никуда я не хочу!» — огрызнулась она про себя, но вслух сказала:

— Ну... я бы сходила в ресторан.

— Прекрасно! Ресторан, так ресторан! Предпочтения есть?

— На твой вкус. Завтра, часов в восемь встретимся...

— Я за тобой заеду.

— Хорошо, заезжай за мной в восемь.

— Значит, договорились?

— Договорились.

— А можно я сегодня отвезу тебя домой?

— Ты же знаешь, я возвращаюсь домой с Куртни.

— Она сегодня задерживается. Я у нее спрашивал. И она не против, чтобы я тебя подвез.

— Вот как? — Кэрол выдавила из себя улыбку, и, так как у нее просто не было слов, бросила скупое. — Хорошо.

Вечером следующего дня Кэрол спустилась по лестнице и направилась на улицу, собираясь подождать Кевина там, чтобы он не заходил за ней в дом. Восьми еще не было, поэтому она с некоторым удивлением заметила, что его машина уже стоит у дома. Заметив девушку, Кевин выскочил из машины и пошел было ей на встречу, но был вынужден резко остановиться, подрезанный великолепным ярко-красным спортивным кабриолетом Рэя, который, въехав на тротуар, остановился напротив ворот гаража.

— Эй, Кэрол, ты куда это собралась на ночь глядя? — крикнул Рэй, приподнимаясь на сидении.

— У меня дела, — сухо отозвалась девушка и, подойдя к Кевину, приветливо улыбнулась ему.

— Дела? — нахмурился Рэй и, выскочив из машины, подошел к ним.

Смерив Кевина таким взглядом, что парень растерялся, не совсем понимая, что происходит, Рэй посмотрел на Кэрол.

— Кто это?

— Это Кевин Дорован, работает с Куртни. Кевин, это Рэй Мэтчисон... муж Куртни.

— А, Рэй Мэтчисон, — расслабился Кевин, улыбнувшись, и протянул ему руку. — Приятно познакомится.

Рэй раздраженно поигрывал ключами от машины, проигнорировав протянутую ему

руку.

— И куда вы собрались?

— Я пригласил Кэрол поужинать, — приветливо объяснил Кевин, старательно делая вид, что не задет.

— Вот как? Что ж, прекрасно, пойдём в дом, поужинаем. Наша домработница прекрасно готовит.

Кевин растерянно моргнул и посмотрел на девушку.

— Он так шутит, Кевин, — улыбнулась та. — Извини, Рэй, но нам пора. Тебе придется ужинать в одиночестве.

Взяв Кевина под руку, Кэрол решительно повела его к машине. Рэй шагнул было следом, но потом остановился, гневно поигрывая желваками.

— Эй, парень! — окликнул он.

Кевин обернулся.

— Обидишь ее — все кости переломаяю. Понял?

У того только челюсть отвисла, а что ответить он не нашелся, как будто проглотил свой хорошо подвешенный язык. Кэрол одернула его, нежно улыбнувшись.

— Не обращай внимания. Он опять шутит.

— Какой он у вас «шутливый», — изумленно заметил Кевин, открывая перед ней дверь машины.

— Не обижайся, пожалуйста. Он просто всегда очень за меня волнуется.

— Понимаю.

Перед тем, как уехать, Кэрол бросила на Рэя свирепый взгляд, обещая расправу по возвращению. А тот смотрел на нее так, будто готов был убить.

Похоже, им предстоит яростная схватка, когда она вернется.

Кевин же забыл о неприветливом странном муже начальницы сразу, как только он скрылся из вида.

Кэрол вслушалась в его болтовню, и вдруг нашла ее забавной и даже интересной. А вскоре она уже хохотала до слез, впервые расслабившись в его присутствии. Теперь, когда ее мысли не были заняты тем, как от него отвязаться, она заметила, что он действительно довольно милый. И не такой уж невыносимый, как ей казалось. Его непринужденность делала общение с ним легким. А Кэрол редко «легко» общалась с людьми, тем более, с мало знакомыми. Она почувствовала, что он даже начинает ей нравиться.

Он привез ее в хороший ресторан, который пришелся ей по душе, что заставило ее еще больше улучшить свое впечатление о нем. Ее сердце окончательно смягчилось, когда он снова протянул ей какую-то коробочку, на это раз побольше.

— Надеюсь, этот подарок ты мне не вернешь, — улыбнулся он без обиды.

Кэрол открыла коробочку и не сдержала улыбки. Внутри был прекрасный цветок белой орхидеи.

— Спасибо, — застенчиво сказала девушка, ставя коробку на стол рядышком.

Она прекрасно провела время. Они пили шампанское, которого вдруг захотелось Кэрол, давно уже закончили ужин, но не уходили. Она задыхалась от смеха, уже прикрывая рот ладонью, чтобы не показаться окружающим пьяной или через чур легкомысленной, но Кевин доводил ее до слез. По этому человеку сцена плакала, и он явно потерял себя, выбрав мир бизнеса. Кэрол не помнила, чтобы она еще когда-нибудь так смеялась. И она подумала о том, что, если Кевин предложит, она согласится встретиться с ним еще.

Вопреки ее опасениям, он вел себя вполне прилично, даже не подавая намека на то, чтобы прикоснуться к ней, не говоря уже о каких-то там приставаниях. Привез ее домой и распрощался у порога, поцеловав на прощание руку, не как джентльмен, а как озорной мальчишка.

Вернувшись домой, Кэрол сильно поругалась с Рэем, как никогда. Он набросился на нее с порога с криками и чуть ли не с кулаками. На их крики прибежала сонная Куртни, и попыталась разобраться, из-за чего скандал.

— Почему ты позволяешь ей шляться Бог знает где и с кем по ночам? Забыли уже, что случилось, да? Мало тебе приключений, еще ищешь на свою голову? — орал он, набрасываясь то на жену, то на девушку.

— Что ты лезешь в мою личную жизнь? Мне не пятнадцать лет, сама как-нибудь разберусь, с кем и куда мне ходить! — кричала в ответ Кэрол.

— Ты уже разобралась — еле с того света вытащили! Разбирается она! Ни хрена ты ни в чем не разбираешься! Доразбиралась, что за психа замуж выскочила! Еще одного маньяка-извращенца ищешь в мужья? Понравилось, что ли?

— Рэй, замолчи! — повысила голос Куртни.

Но Кэрол уже убежала, захлебываясь в рыданиях, и заперлась в своей комнате. Она слышала повышенные голоса Куртни и Рэя, которые разбирались внизу, но прислушиваться к их словам не стала. И так ясно, что Куртни объясняет Рэю, что знает Кевина, что он надежный парень, что она сама, в конце концов, настояла на том, чтобы Кэрол сходила с ним куда-нибудь развеялась. Судя по тому, что Рэй продолжал что-то кричать в ответ охрипшим от злости голосом, доводы Куртни не повлияли на него успокаивающе.

Закончилось все тем, что под окнами взревел мотор его машины, завизжали в ярости колеса, и он умчался прочь.

А Куртни постучалась в комнату Кэрол, которая немедленно ей открыла. Ей вдруг показалось, что лицо Куртни резко осунулось, побледнело, а в глазах застыло выражение такой горечи, что сердце Кэрол болезненно сжалось. Обняв Куртни, она беззвучно расплакалась.

— Я люблю тебя! — горячо шептала Кэрол, прижимаясь к ее груди. — У меня нет никого дороже тебя! Я готова на все для тебя. Я не хочу, чтобы ты грустила. Что мне сделать, чтобы ты была счастлива, что? Только скажи!

Но Куртни молчала, с нежностью и затаенной грустью поглаживая ее мягкие шелковистые волосы. И это молчание отзывалось в сердце Кэрол еще большей болью.

— Куртни, не молчи, ну пожалуйста, скажи хоть что-нибудь! Почему ты так расстроена? Из-за Рэя?

Куртни помолчала, а потом тихо сказала:

— Девочка моя, никогда не выходи замуж за мужчину, который тебя не любит, как бы сильно не любила его ты. Лучше быть одной, чем жить с человеком, который не видит в тебе женщину, наблюдать, как он желает других...

Руки Кэрол задрожали, и она еще крепче прижалась к Куртни.

— Желает других? О ком ты говоришь? Ты... ты думаешь... я...

— Ты? Нет, моя девочка, ты здесь ни при чем, даже не думай об этом. Я говорю о том, что у него всегда были другие женщины, и всегда будут. А со мной он живет только из-за денег. Я всегда об этом знала. Мне казалось, что без него жизнь потеряет для меня всякий смысл, ведь кроме него у меня никого не было. Но теперь у меня есть ты. Придет время, и я

буду нянчиться с твоими малышами. А он... Я просто очень устала. Очень.

— Куртни, он любит тебя, ты ему дорога, ведь кроме тебя у него никого нет, он тоже один в этом мире, — отчаянно возразила Кэрол. — Если бы дело было в деньгах, он бы мог давно уже найти себе кучу других богатых и одиноких женщин, а он живет с тобой, всю жизнь живет, потому что ты ему нужна!

— Ты так думаешь? — улыбнулась Куртни, заглядывая в мокрое от слез личико девушки.

— Конечно! Ведь мы семья, ты, я, он! Ты же сама всегда говорила, что семья — это святое, что нет на свете ничего дороже. Мы — его семья. Ты — его семья! Ему не нужна никакая другая женщина, ни другая семья! Он глупый и капризный, он не понимает, что делает тебе больно, но... но ведь это все равно наш Рэй... твой. И мы никому его не отдадим, ведь правда? Он твой муж, так давно, ведь ты не откажешься от него теперь, когда столько вместе прожито?

— Я буду из последних сил пытаться сохранить нашу семью, — успокоила ее Куртни. — Не обращай внимания на мои слова. Это хандра на меня напала. Так со всеми бывает, когда все вдруг вокруг темнеет... И это проходит.

Куртни посмотрела в окно, на темное небо.

Никогда не скажет она своей девочке, как ей больно. Этот ни в чем не повинный ребенок будет страдать и чувствовать за собой вину, которой не было. Трудно было найти виновного в этой ситуации. Кто виноват? Рэй, который увидел в этой юной женщине свою первую любовь? Кэрол, пришедшая в их дом, и так похожая на мать? Или она, Куртни, вышедшая замуж за того, чье сердце было отдано другой? Как любил выражаться Джек Рэндэл — виноваты все, и не виноват никто.

Рэй заявился утром. Куртни, не смотря на то, что было воскресенье, уехала в офис. Кэрол тоже ушла, отправившись побродить по магазинам, не обмолвившись с ним ни словечком. Насколько Кэрол заметила, Куртни тоже с ним не разговаривала, и уехала работать, чтобы его не видеть. Впрочем, Кэрол ушла по той же причине.

На улице она случайно встретила Кевина Дорована, и впервые была рада этому. Они погуляли по городу, а потом он пригласил ее в театр. Кэрол забежала домой переодеться, Кевин ждал ее в машине.

Рэй был дома, и проводил ее хмурым взглядом, не сказав ни слова.

А в театре Кэрол сгорала от стыда, давясь от смеха, но ничего не могла с собой поделать, наблюдая за тем, как Кевин кривляется, передразнивая актеров на сцене. В конце концов, им пришлось удалиться, дабы их не выпроводили оттуда силой.

Выйдя на улицу, они расхохотались, как ненормальные. Кэрол ощущала себя легкомысленной проказливой девчонкой, делающей всякие нелепые глупости, такие, как недостойное поведение в театре. Но ей было весело с этим необычным забавным парнем, не боящимся показаться в ее глазах смешным и несерьезным.

И они зашагали по улице, взявшись за руки, оставив машину на стоянке. Зашли в попавшийся по дороге ресторанчик, поужинали.

А потом, прощаясь у ее дома, он с улыбкой спросил, будет ли она с ним встречаться. И Кэрол просто кивнула, удивляясь тому, как изменилось ее отношение к нему всего за два дня.

— Тогда увидимся завтра в офисе, — он взял ее за руку. — А после работы куда-нибудь сходим? Или ты опять устанешь?

— Надеюсь, что нет, — девушка тихо засмеялась, вдруг устыдившись того, как вела себя с ним раньше, обижая и даже грубя. — Спасибо, Кевин, я прекрасно провела время. И... мне давно не было так весело.

— Теперь ты не будешь грустить, я об этом позабочусь. Ты обо всем забудешь... обо всем плохом. Считай, что тебе повезло, что ты встретила такого шалопаю, как я, который смог тебя развеселить, — он засмеялся.

— Наверное, повезло, — Кэрол тоже засмеялась, подумав о том, что Куртни знала, что делала, когда уговаривала ее уделить внимание Кевину.

— Ну, тогда до завтра, — он подошел ближе и наклонился к ее лицу, собираясь поцеловать, но девушка опустила голову и, открыв сумочку, стала сосредоточено искать ключи. Кевин отступил назад и, снова взяв ее за руку, нежно пожал тонкие пальчики.

— Пока! — улыбнулся он, выпуская ее пальцы из своей ладони.

— Пока, — Кэрол взглянула на него, поняв, что попытка ее поцеловать осталась позади, а новая, судя по всему, не предвидится, по крайней мере, сегодня. Слава Богу, свои наглость и напор он попридержал, видимо, боясь ее спугнуть. А может теперь, когда она согласилась с ним встречаться, в них просто отпала необходимость.

Кэрол вошла в дом и, заперев за собой двери, отправилась к себе, очень надеясь не столкнуться с Рэем.

И, лежа в кровати без сна, она думала о том, что ей нравилось проводить время с Кевином, с ним было легко и весело, но на этом все заканчивалось. Большого ей не хотелось. Не хотелось, чтобы он к ней прикасался. Не чувствовала никакого желания с ним поцеловаться, не говоря уже о чем-то посерьезней. Как мужчина он был ей абсолютно безразличен, не смотря на то, что был довольно обаятельным. Но она уже не была так уверена в себе и в том, что ей захочется завтра. Ведь еще два дня назад она на дух его не переносила, а сегодня согласилась с ним встречаться. Может, и влечение появится, только чуть позже? Может, понравится, если он ее поцелует, и захочется еще?

А пока, стоило ей закрыть глаза, она видела другого мужчину.

Того, к которому влекло какой-то страшной силой даже на расстоянии, и мысли о котором не давали ей покоя. Ни днем, ни ночью. Ее глаза не хотели видеть других мужчин, губы не хотели не его губ, а тело... Оно впервые так требовало, но не кого-нибудь, а именно его. Рядом с другими оно молчало. И это была пытка, ею ранее не ведомая. И она не знала, что делать и как с этим справиться. Она даже с Куртни не могла посоветоваться, стыдясь признаться в том, что мечтает о том, кто так с ней обошелся...

К ее недоумению, Кевин не вышел на следующий день на работу. Не позвонил, не предупредил Куртни, на телефонные звонки не отвечал. На него это было не похоже. Он был ответственным, и никогда не прогуливал работу.

Куртни не помнила, чтобы он даже на больничный когда-нибудь уходил. Обеспокоенная, Кэрол продолжала ему периодически звонить в течение дня, и незадолго до окончания рабочего времени, наконец-то, дозвонилась.

— Алло! — услышала она в трубке его голос, какой-то не похожий на себя, сдавленный, хриплый, как будто он был болен или очень расстроен.

— Кевин, это Кэрол. Мы все волнуемся... у тебя что-нибудь случилось?

— Да... нет. Все в порядке. Я просто приболел.

— А почему не позвонил? Куртни сердится.

— Я... я не мог. Я все завтра ей объясню.

Странный он какой-то, подумала Кэрол. Что-то с ним не так.

— Кевин, тебе нужна помощь? Если ты так плохо себя чувствуешь, я... я могу приехать к тебе, — предложила она, уверенная, что его голос тут же изменится, и он с радостью скажет, что он, естественно, хочет, чтобы она приехала.

— Нет! — резко ответил он. — Не надо ко мне приезжать. Завтра я приду в офис.

В трубке раздались гудки. Шокированная, Кэрол в изумлении посмотрела на нее, ничего не понимая. Что это с ним? Какая муха укусила? Почему он разговаривал с ней так неприветливо?

Положив трубку, Кэрол отправилась в кабинет Куртни сообщить о том, что Кевин заболел.

На следующий день Кэрол приехала в офис немного позже, чем обычно, потому что ездила по поручению Куртни в одну из конкурирующих с ними фирм. Но не успела она войти, как секретарь сказала, что Куртни срочно хочет ее видеть.

— Что случилось, Куртни?

Куртни, сидя в своем кресле, протянула ей листок бумаги.

— Что это? — Кэрол опустила взгляд.

— Это заявление об увольнении Кевина Дорована. Этот парень, похоже, спятил. Он ничего мне толком не объяснил, просил только отпустить его сегодня же, без отработки. Говорит, нужно срочно куда-то уехать. Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Я? Нет. Знаю только, что он не собирался увольняться, — Кэрол в полном замешательстве положила заявление на стол, машинально пробежав глазами по написанному. — Я еще вчера поняла, что у него что-то случилось.

— Может, поговоришь с ним? Не нравится мне все это. Уговори его забрать заявление, я не хочу его увольнять, он хороший специалист. И еще он выглядит очень расстроенным.

— Хорошо, я попробую. Он еще не ушел?

— Нет, Трейси мне только что сообщила, что он собирает вещи.

Кэрол глубоко вздохнула и пошла в кабинет Кевина.

Он укладывал вещи в небольшую картонную коробку и, увидев девушку, отвернулся, не пожелав даже с ней поздороваться. На мгновение Кэрол изумленно остановилась на пороге, пораженная столь неожиданной переменой, произошедшей в молодом человеке.

— Здравствуй, Кевин.

— Здравствуй, — угрюмо отозвался он, не оборачиваясь.

— Ты увольняешься?

— Да.

— Ты нашел другую работу... получше? — осторожно спрашивала Кэрол, боясь показаться навязчивой.

— Нет, но теперь придется поискать. И я очень сомневаюсь, что смогу найти «лучше», — он повернулся к ней, и в его голосе Кэрол услышала открытый упрек в свой адрес. — Я проработал здесь пять лет, а теперь я вынужден отказаться от всего, чего добился, стать безработным!

— Тогда зачем ты увольняешься? Тебе что-то не нравится?

— Нет, мне очень даже все нравится.

— Тогда я не понимаю... Если ты не хочешь уходить, зачем уходишь? Куртни ты нравишься, она ценит тебя и не хочет отпускать. Она даже попросила меня тебя уговорить

забрать заявление. Забери, Кевин. Не глупи.

— Я не могу! — он упал в кресло и в отчаянии спрятал лицо в ладонях.

— Но почему?

— Потому что есть человек, который не хочет, чтобы я здесь работал.

— Кто этот человек? Кто-то из родственников? Родители?

— Нет.

— Тогда кто?

— Джек Рэндэл.

— Джек Рэндэл? Но чем ты помешал Рэндэлу?

Кевин опустил руки и взглянул на нее загоревшимися гневом и обидой глазами.

— Думаю, ты знаешь это лучше меня.

— Я? Но при чем тут я?

— При том! — поднявшись, он подошел к ней. — Из-за тебя он выживает меня отсюда!

Ведь он меня даже не замечал, пока я с тобой не связался!

— Кевин, этого не может быть. Ты ошибаешься. Что он тебе сказал?

— Сказал, чтобы я убирался из компании по добру, по здорову, или он сам уберет меня отсюда, уже по-плохому. А если я еще раз подойду к тебе, мне придется убраться еще и из города.

Кэрол не знала, что сказать, проглотив от удивления язык.

— Ну, что же ты молчишь? Скажи что-нибудь. Ты разрушила мою жизнь, хотя бы объяснись, — с горечью проговорил Кевин. — Почему ты не сказала мне, что спишь с Рэндэлом? Если бы я знал, что ты его баба, я бы на пушечный выстрел к тебе не подошел.

— Но я не его... баба, — вспыхнула Кэрол. — Я с ним даже не общаюсь!

— Ну, да, конечно! Хватит морочить мне голову, здесь дураку все ясно!

— Кевин, я говорю тебе правду... И я не морочу и не морочила тебе голову! Я не знаю, зачем он это делает. Но, как бы то ни было, почему ты делаешь так, как он хочет? Он здесь никто, всего лишь юрист, который так же, как и ты, работает на Куртни. Ты не обязан ему подчиняться. Я расскажу все Куртни, и она поставит на место этого наглеца.

— Ну, да, и тогда на мне вообще можно крест ставить, — горько ухмыльнулся он.

— Ты боишься его? Но, Кевин, ты не должен позволять ему ломать твою жизнь, лишить тебя перспективной любимой работы...

— Ты сломала мою жизнь, ты! — вскричал он. — Из-за тебя он убирает меня отсюда, чтобы я был подальше от тебя! Ты засунула мою голову в петлю и теперь учишь меня, что делать? Хочешь окончательно меня погубить? Я не собираюсь перебежать дорожку Джеку Рэндэлу, я еще в своем уме! Эта акула сожрет меня и не подавится. Рэндэл очень злопамятен. Я еще жить хочу, и жить хорошо! Хочу сделать карьеру, добиться чего-то в жизни. А если Рэндэл станет перекрывать мне кислород и преграждать все дорожки, я буду копошиться в грязи на дне, как червь, работать грузчиком. Это в лучшем случае. А в худшем, черви будут копошиться во мне! Нет, я умываю руки. И пусть это будет на твоей совести... шлюха!

Подхватив коробку, он вылетел из кабинета, задев девушку плечом и едва не сбив с ног. Кэрол смахнула сбежавшую по щеке слезу, продолжая растерянно стоять посередине комнаты.

Что все это значит? Джек, похоже, так и не успокоился. Неужели, все это он сделал только для того, чтобы ей досадить? Неужели собирается мстить ей и дальше? Но Кевин-то тут при чем? Как жестоко он с ним поступил. А ведь этот парень ни в чем не виноват ни

перед ним, ни перед ней, Кэрол. За что Рэндэл сломал его жизнь, лишил работы?

Что теперь делать? Нельзя допустить, чтобы Кевин ушел, нельзя позволить Джеку так беспредельничать. Рассказать Куртни Кэрол не могла.

Куртни придет в ярость, это столкнет ее и Джека, они рассорятся, и начнут воевать друг против друга. Нельзя этого допустить.

Кэрол долго колебалась, потом набралась храбрости и, сев в кресло Кевина, взяла телефон. Дрожащими пальцами набрала она номер офиса Джека Рэндэла. Сердце ее бешено заколотилось, ладони вспотели, когда секретарша сказала, что ее шеф на месте и ответит на звонок, но в данный момент разговаривает по телефону, и попросил девушку немного подождать, пока он закончит разговор. И Кэрол ждала, борясь с порывами бросить трубку.

Горло ее пересохло, сердце наполнилось страхом, но она продолжала сжимать трубку, решив ни за что не отступать. Она должна помочь Кевину и выяснить отношения с Джеком, узнать, чего он добивается. Она вспомнила слова Кевина. Рэндэл очень злопамятный. Неужели он собирается «перекрывать ей кислород и преграждать все дорожки», топча при этом других, не имеющих никакого отношения к тому, что произошло между ними?

Услышав в трубке его энергичный уверенный голос, Кэрол вздрогнула, но взяла себя в руки, вдохнула полной грудью и холодно поздоровалась.

— Привет, Кэрол. Чем обязан? Если ты нашла себе в мужья очередного извращенца и хочешь вытащить его из-за решетки, то на этот раз тебе придется обойтись без меня.

Кровь у Кэрол вскипела, но она снова сделала над собой усилие и пропустила его слова мимо ушей.

— Джек, зачем ты наседаешь на Кевина?

— На Кевина? Какого Кевина?

— Кевина Дорована, который работает у Куртни начальником отдела менеджмента. Припоминаешь? Ты вынуждаешь его уволиться!

— И что? Ты позвонила, чтобы требовать от меня отчета в моих делах?

— Нет, я... я просто прошу тебя мне объяснить, — голос Кэрол предательски задрожал от слез. — Кевин считает, что это я во всем виновата.

— Что за глупости? Ты здесь ни при чем. Он сам во всем виноват. Этот парень слишком высоко замахнулся, вот я его и поставил на место. Вернее, вообще его с этого места убрал. А ты к этому имеешь только косвенное отношение.

— Значит, все-таки имею. И какое же?

— Этот парень наметился на кресло Куртни. Через твою постель.

— Джек, ты соображаешь, что говоришь?

— Я сначала соображаю, а потом говорю, всегда. Я только одного не могу понять. Ладно, ты ничего дальше своего носа не видишь, и запудрить тебе мозги — не фиг делать! Но Куртни-то умная женщина, неужели она не раскусила этого прохвоста? Он женится на тебе, вклинивается в вашу семью, а потом и на место управляющего. Даже младенец бы понял.

— Даже если так, с чего ты взял, что имеешь право распоряжаться в компании Куртни и решать за нее, кому работать, а кому нет! — взъярилась Кэрол. — Ты забываешься! Ты — всего лишь юрист, вот и занимайся своими обязанностями, а со своими людьми Куртни без тебя разберется. Ты слишком много на себя берешь!

— Я беру на себя столько, сколько мне под силу. И не тебе указывать мне, что делать, моя маленькая, и рассказывать мне о моих правах. Да вы мне спасибо должны сказать, что я

беру на себя труд решать ваши проблемы и заботиться о вашей семье. Хотя ты не из тех, кто умеет говорить спасибо.

— Тебя никто не просит вмешиваться и решать за нас наши проблемы, семейные и деловые, да еще за спиной у Куртни! Не лезь, куда не просят, без тебя как-нибудь обойдемся.

— Я лезу туда, куда мне хочется, и никогда не спрашиваю разрешения. Тем более, я не собираюсь спрашивать разрешения у тебя, — Кэрол расслышала, как на том конце провода щелкает зажигалка. — Я убрал того, кто мечтал посадить Куртни и кому не место в ее компании. Что думаешь по этому поводу ты, меня интересует меньше всего. Если у Куртни есть ко мне претензии, я готов с ней объясниться. У тебя ко мне все? У меня дела и мне некогда с тобой препираться.

— Нет, не все! Оставь в покое Кевина! Он нужен Куртни, он хороший специалист, и она не хочет, чтобы он увольнялся! Он работает у нее уже пять лет, и ей лучше знать, что он из себя представляет, чем тебе!

— Сомневаюсь.

— Кевин хороший парень, и говорю тебе, ты ошибаешься...

— Я никогда не ошибаюсь.

— Все ошибаются! Не строй из себя Бога, и прекрати, наконец, распоряжаться чужими жизнями! Не трогай Кевина. Он нравится Куртни, а она не глупее тебя.

— Тебе он тоже нравится?

— Да, нравится! И я сама буду решать, с кем мне встречаться, а с кем нет!

— Ну-ну, посмотрим, — Джек неприятно и как-то зловеще ухмыльнулся в трубку.

— Что это значит? Чего ты так ухмыляешься, а?

— Это значит, что ты будешь встречаться с мужчинами только тогда, когда я тебе позволю. Если вообще когда-нибудь позволю, — он засмеялся. — И за все твои попытки завязать с кем-нибудь отношения, будут расплачиваться твои кавалеры. Как Кевин.

— Ах, ты... ты... — Кэрол задохнулась от ярости. — Так вот в чем все-таки дело! Понятно. Решил мне мстить. Нашел себе новое развлечение, новый объект для истязаний. Только я не боюсь тебя, Рэндэл, и не собираюсь поджимать перед тобой хвост, как другие! И не таких видала! По сравнению с моей матерью, ты — божий одуванчик, а с ней я прожила четырнадцать лет. И ничего, живая. Так что не пугай, уже пуганная!

— Ах, какие мы стали дерзкие и смелые! — Джек издевательски расхохотался, заставив Кэрол побагроветь.

— Смейся, Рэндэл. Делай, что хочешь, мне плевать. Я просто не буду реагировать на тебя и на твои пакости, и подожду, когда тебе надоест. Последую твоему же совету, и просто перешагну, через все. Через тебя. И буду жить дальше. Желаю успеха в твоих будущих гадостях против меня. Забавляйся, Рэндэл, раз так хочется. И пошел к черту!

Кэрол швырнула трубку и, упав на стол, разрыдалась.

Вечером она пришла домой разбитая и очень усталая. Куртни опять задержалась в офисе, что стала делать постоянно после того скандала с Рэем. Кэрол с ним тоже еще и словом с того вечера не обмолвилась. Впрочем, Рэй и не проявлял желания с ней общаться. Ни с ней, ни с Куртни. И такое было впервые. Он был не из тех, кто долго дуется и выдерживает рекорды молчания. Из них троих, Рэй был самый отходчивый, и обычно всегда первый предпринимал попытки замять ссору. Его угнетало, когда что-то было не так, и он, как мог, скорей старался все исправить. Поэтому его теперешняя непримиримость и

нежелание сгладить конфликт, начинали беспокоить женщин. Но ни одна из них не хотела пока мириться, каждая по-своему им раненная. А он, видимо, считал раненым себя.

И из-за чего скандал? Из-за того, что она, Кэрол, сходила на свидание! Что он от нее хочет? Чтобы она сидела в своей комнате и не встречалась с мужчинами? Может, ей в монастырь уйти?

В Кэрол начало подниматься страшное раздражение и досада. Джек и Рэй сговорились, что ли, не давать ей жизни? Что они к ней лезут, зачем мучают, и без того несладко, еще они со своими причудами. Она так устала, так хотела покоя. Хотела, чтобы все оставили ее в покое.

Она ощущала себя внутренне истощенной. Все время хотелось плакать. Хотелось пожалеть себя, несчастную. Неудачницу. Проклятую. Хотелось, чтобы ее пожалели другие. Только никто ее не жалел, а наоборот, делали ее жизнь еще более горькой и безнадежной. Ей даже нельзя общаться с мужчинами, нельзя куда-нибудь сходить, развеяться, потому что Рэй закатывает грандиозные скандалы, а Рэндэл забавляется, расправляясь с тем, кому она уделила внимание, и с теми, кому еще уделит. А она больше никому не уделит этого внимания, потому что не хотела, чтобы из-за нее пострадал кто-то еще, как Кевин.

Она ненавидела Рэндэла. Ненавидела Рэя. Себя. И весь мир.

Поднявшись с дивана в гостиной, где сидела, придя с работы, не поужинав, не переодевшись, сидела, как безжизненная мумия, которой собственные останки не позволяли покинуть этот мир, в котором она уже и не жила, а просто оставалась, была, Кэрол поплелась в свою комнату.

Из-за угла на нее уже, наверное, в сотый раз выглянула обеспокоенная видом девушки Дороти.

— Ужинать иди! — позвала она.

— Не хочу.

— Ты чего такая, как в воду опущенная? Случилось чего?

Кэрол обернулась и устремила на нее покрасневшие измученные глаза.

— Рэй дома?

— Нет, недавно куда-то укатил.

— А, — девушка снова отвернулась и, опустив голову, словно она была слишком тяжелой, стала медленно подниматься по лестнице.

— Что с тобой, девочка? Болит чего? Смотреть на тебя больно! — не отставала старушка, семеня следом.

— Ничего, Дороти, я просто устала. Очень устала.

— Полежи в ванной, деточка, сразу полегчает. А я пока чаю тебе сделаю и постель приготовлю. Ты бы не ходила завтра в офис, полежала бы лучше, отдохнула, сил набралась. Плохо ты выглядишь, милая, ой, как плохо. Заболела ты, у меня глаз наметанный, сразу вижу.

— Я давно болею, Дороти, только не телом, — равнодушно отозвалась Кэрол и остановилась, услышав звонок в дверь. Дороти поспешила открывать, недовольно ворча.

— И кого это принесла нелегкая, когда ночь на носу? Нет покоя, ни днем, ни ночью!

Кэрол задержалась, чтобы узнать, кто это пожаловал. Свои не звонят, ключи есть. Она услышала незнакомый женский голос, который произнес ее имя, а затем вернулась изумленная Дороти.

— Там какая-то женщина хочет тебя видеть. Говорит, очень важно. Впустить или

сказать, чтобы в другой раз пришла?

— Иди, Дороти, отдыхай. Замаялась за день, еле на ногах стоишь, — поцеловав старушку в щеку, Кэрол направилась к входным дверям. — Наверное, это по работе. Я сама потом запру двери, не волнуйся.

— Как скажешь, моя девочка. Долго не болтай, тебе отдых нужен, — тяжело вздохнув, Дороти с облегчением уставшего за день человека отправилась в свою комнату.

Открыв дверь, Кэрол вопросительно посмотрела на незнакомую женщину. Она была уверена, что никогда раньше не видела эту женщину. На вид ей было около тридцати пяти лет, высокая, стройная, очень привлекательная.

Каштановые волосы переливались медным оттенком в свете лампы, висевшей над входом с улицы, а огромные глаза были такими черными, что казались одним сплошным зрачком, без радужки. На первый взгляд Кэрол она показалась очень милой и нежной женщиной, но, присмотревшись, она почувствовала, как первое приятное впечатление исчезает. Было в этом красивом лице что-то неприятное, что-то отталкивающее. Толи выражение, толи взгляд, а может быть, вызывающе сложенный рот.

Женщина смерила Кэрол заинтересованным, но далеко не приветливым взглядом.

— Вы Кэрол Мэтчисон? — с удивлением спросила она, будто ожидала увидеть совсем другое. Голос у нее был мягким, почти ласковым, сладким. Слишком ласковым и сладким.

— Я, — устало кивнула девушка.

— Господи, сколько же тебе лет? — поразились женщина. — Двадцать-то хоть уже есть? Или только школу закончила?

Кэрол не понравилось то, что женщина перешла на пренебрежительное «ты», и то, что задавала такие вопросы, даже не соизволив представиться.

Она пришла к выводу, что эта странная незнакомка категорично ей не по душе.

— Кто вы? И что вам нужно? — почти безразлично спросила Кэрол.

— Позволь, я сначала войду, а потом представлюсь, — губы женщины дрогнули в неприязненной улыбке, больше похожей на гримасу, и она шагнула к двери, но Кэрол резко преградила ей дорогу.

— Нет, сначала вы представитесь, а потом я уже решу, приглашать вас в дом или нет!

— Я Кэтрин Френсис, в прошлом Кэтрин Ланжд, жена Мэтта Ланджа. Знаете такого? — женщина насмешливо усмехнулась и прошла в дом мимо опешившей девушки. — И я все-таки войду, без приглашения.

Кэрол закрыла дверь и пошла за гостьей, которая уже свободно прохаживалась по холлу, с нескрываемым любопытством разглядывая все вокруг.

— Неплохо, совсем неплохо! — восклицала женщина с завистью и досадой в голосе, не замечая наблюдающую за ней девушку.

А Кэрол ничего не видела вокруг себя, кроме нее. Вот она, женщина, которую она ненавидела с такой же силой, с какой любила Мэтта. Та самая Кэт, которую так любил и ненавидел Мэтт. Кэт, причинившая ему столько боли, сделавшая его несчастным, сломавшая его неустойчивую психику, его натуру, его жизнь, основоположница всех его бед и несчастий. Грязная шлюха, не оценившая такого прекрасного человека, такого мужчину, и его настоящую самоотверженную любовь — все то, о чем только может мечтать женщина. Кэрол не могла этого понять, и никогда не поймет. У нее был один вывод — эта женщина просто полная дура, больная на голову. Мэтт, такой красивый, молодой, трудолюбивый, готовый на все ради своей жены, своей семьи, верный, добрый, сделавший свою

возлюбленную смыслом жизни — что, что еще не хватало этой дряни? За что, зачем она над ним так издевалась? Над его любовью? Почему он ей это позволил? Почему не выкинул эту потаскуху из своей жизни, не забыл, и не стал жить дальше нормальной жизнью? Что было в ней такого особенного, чего он не мог бы найти в других женщинах? Ведь на свете так много хороших женщин, которые приняли бы такого мужчину, как он, как дар Божий, а он заиклился на этой бессердечной самке, которой не нужна была ни любовь, ни муж, ни семья. Почему так бывает? Почему хорошее тянется к плохому? Достойное — к недостойному?

Почему хорошие женщины живут с мерзавцами? Почему хорошие мужчины любят плохих женщин? Почему хорошее не присоединится к хорошему, а плохое — к плохому? И не было бы бессмысленно загубленных жизней и сломанных людей.

Кэрол хотела посмотреть на эту женщину, понять, что в ней такого необычного, увидеть эту Кэт, которая смогла так привязать к себе мужчину, свести его с ума в полном смысле этого слова, заглянуть ей в глаза и задать всего лишь один вопрос — почему?

Кэрол не увидела в ней ничего необычного и сверхъестественного.

Да, красивая, спору нет, но разве мало на свете красивых женщин? Много, и гораздо красивее. И все, больше Кэрол не смогла разглядеть ничего, что могло так поработить мужчину, и почувствовала разочарование и недоумение. Никогда она не узнает, чем покорила эта женщина сердце Мэтта. Только он мог ответить на этот вопрос, но никогда уже не ответит.

Сердце больно заныло в груди, на глаза навернулись слезы, сквозь которые она продолжала смотреть на эту женщину. Хотелось расплакаться, схватить ее за плечи, трясти со всех сил и кричать — зачем, зачем ты его погубила? Хотелось, чтобы она тоже расплакалась, раскаялась и сказала, что сожалеет, что все-таки поняла, как была неправа и какую страшную ошибку совершила. Но осознавала ли Кэт всю степень своей вины, или даже не понимала, что разрушила человеческую жизнь? Может, она просто недалекая женщина, и у нее на самом деле немного не в порядке с головой?

— Значит, ты живешь здесь? — прервала затянувшееся молчание Кэт, оборачиваясь к девушке.

Кэрол не ответила, продолжая испепелять ее пристальным взглядом.

— Не ожидала, признаться, — ухмыльнулась Кэт. — Думала, он женился на какой-нибудь опустившейся старой деве, которая вышла за него ради крыши над головой. Честно говоря, я просто шокирована. Может быть, это какая-то ошибка? Ты действительно была женой Мэттью Ланджа, или мне просто не правильно дали адрес?

— Да, я его жена. А почему вы так удивлены?

— Потому что ты богата, молода и красива.

— И что с того?

— Зачем тебе-то понадобилось выходить замуж за этого неудачника, наполовину сгнившего в тюрьме? — с искренним недоумением воскликнула Кэт. — Ты хоть знаешь, за что он сидел?

— Знаю.

— Ну? И зачем он тебе был нужен такой, а?

— Какой — такой? — голос Кэрол наполнился холодом.

Женщина засмеялась, и ответила уже мягче, заметив, что девушка злится:

— Ну, немолодой, с репутацией маньяка-извращенца, убивающего детей, отсидевший

такой срок, безработный, нищий, в конце концов, и вообще, непригодный для жизни. Зачем такой молодой обеспеченной девушке связываться с безнадежным, опустившимся человеком?

— От которого все отвернулись, даже жена, которая поспешила поскорее порвать все связи с ним, бросить в беде, предать, вместо того, чтобы помочь? — добавила Кэрол, не пытаясь скрыть своей неприязни и презрения.

Женщина удивленно вскинула брови.

— Да что ты понимаешь, девочка? Ты еще слишком молода, чтобы разбираться в таких вещах, и ничего не знаешь о жизни! Он был безнадежен, и я ничем не могла ему помочь. Никто не мог. Его обвинили в убийствах девочек и упекли пожизненно за решетку. А ты в то время еще на горшке сидела. Так что не надо рассуждать о том, чего не знаешь и в чем не разбираешься. На ус себе только намотай, на будущее, что против закона не погрешь.

— Правда? А я вот поперла.

— Ты? Ой, я тебя умоляю, не смей меня так. Куда тебе против закона-то, молоко еще на губах не обсохло. Не строй передо мной из себя умудренную жизнью зубастую львицу, тебя, нежную, разбалованную богатенькими родителями девочку, жизнь одним шлепком прихлопнет. Подобрала зачем-то разбитого истрепанного мужика, от нечего делать, что ли, для разнообразия, или что б родителям насолить. Где ты его нашла-то? Сама хоть поняла, что он женился на тебе, чтобы из дерьма вылезти? Ведь если бы не этот странный адвокат, которому стукнуло в голову заняться поисками настоящего убийцы, он бы до конца своих дней в тюрьме гнил.

Губы Кэрол тронула улыбка. Похоже, эта Кэт мало о чем знала.

Девушка села в кресло и жестом предложила присесть гостье.

— Этот странный адвокат работал на меня, если вам... тебе интересно. И это я вытащила Мэтта из тюрьмы. Вы наивны, если думаете, что самому известному адвокату больше заняться нечем, кроме как по доброте душевной лезть из кожи вон, чтобы помочь какому-то несправедливо обвиненному несчастному, которых в тюрьмах томится не так уж и мало.

— Ты? — глаза Кэт полезли из орбит от удивления. — Но зачем тебе это было нужно? Разве ты знала Мэтта?

— Знала. Знала лучше, чем ты.

— Но... он никогда о тебе не рассказывал. Сколько тебе лет? Вы познакомились до того, как он сел?

— Задолго.

— Но ты не могла быть его любовницей тогда, ты была еще слишком мала. И... он бы никогда не завел любовницу, я его знаю, он был слишком правильным и зацикленным на своей великой преданной любви. Я ничего не понимаю, объясни толком.

— Нет, я ничего не буду тебе объяснять, потому что тебя это не касается. Я помогла Мэтту обрести свободу, потому что он был самым прекрасным человеком в моей жизни.

— В твоей жизни? Он был в твоей жизни, а я об этом не знала? — в голосе Кэт появилась ревность. — И что, за то, что ты ему помогла, он на тебе женился?

— Нет, он женился на мне, потому что любил.

— Он не мог тебя любить, потому что он всегда любил только меня. Он был на мне помешан, ясно? — она самодовольно рассмеялась.

— Был. Но он давно тебя забыл. Он тебя презирал, и все. Говорил, что ты шлюха, и не

хотел даже вспоминать. Ты же предала его, бросила, какая любовь может после этого остаться?

— Ну, конечно, а тут появилась ты, такой вот ангел во плоти, спасла его, вытащила из грязи, молодая, красивая, богатая — какой дурак упустит шанс в новую жизнь?

Горло Кэрол сдавило от ярости, но она старательно напустила на себя беспечный вид.

— Твои слова лишь подтверждают то, как плохо знала ты своего бывшего мужа. В нем не было и капли корысти.

— Согласна, не было. Но он не мог не отблагодарить за добро. Вот и отблагодарил.

— А еще он был просто мужчиной, одиноким и свободным, мужчиной из плоти и крови, вполне способным желать и любить женщину, тем более, если она молодая, красивая, и отвечает взаимностью. Люди меняются, и время уничтожает все — чувства, воспоминания, мечты и желания. Появляются другие. Посмотри сама, и убедись в этом, если не веришь. Подожди одну минутку, — Кэрол быстро пошла в кабинет Куртни, вытащила из шкафа коробку, в которой хранились ее сокровища, и которую она отыскала на следующий же день после того, как ее забрала Куртни, схватила видеозапись свадьбы и побежала обратно. Ей очень хотелось, чтобы эта надменная женщина, уверенная в том, что безраздельно властвовала в разбитом ею сердце Мэтта, наслаждалась этим и гордилась, поняла, что он полюбил другую, был счастлив.

Кэрол вставила кассету в видеомэгафон и включила запись. Кэт не проронила ни слова, и посмотрела на экран. Лицо ее вытянулось от изумления.

— Это — Мэтт?

Кэт была шокирована, и щеки Кэрол порозовели от удовольствия.

Поднявшись, женщина подошла к телевизору и коснулась ладонью экрана, словно хотела прикоснуться к улыбающемуся Мэтту.

— Кто бы мог подумать... — пробормотала она. — Столько лет в тюрьме — и так выглядеть. Я никогда не видела его таким красивым, — она бросила растерянный взгляд на Кэрол. — И таким счастливым. Ладно, твоя взяла. По глазам его вижу, что и правда был в тебя влюблен. Совет вам да любовь, мне без разницы.

Безразлично махнув рукой, она вернулась в кресло.

— Разве ты не знаешь, что он погиб? — дрогнувшим голосом спросила Кэрол, выключая телевизор. Увидев Мэтта, она снова почувствовала острый приступ отчаяния и нестерпимой боли. Челюсти начали дрожать.

— Я узнала об этом позавчера, когда приехала. Я знала, что он освободился, по телевизору передавали.

— А зачем ты приехала?

— Как зачем? Я думала, что он уже освоился, устроился на какую-нибудь работу. А мне нужны деньги.

— Деньги? Ты приехала требовать от него денег?

— Да. А что ты так возмущенно на меня смотришь? Я, как-никак, его жена, хоть и бывшая. Он должен мне помогать, ведь я на него столько лет угробила, между прочим, свои лучшие года! Он же мне всю жизнь испортил, если бы не выскочила по дурости и малолетству за него, могла бы найти себе обеспеченного мужа, и жила бы сейчас, горя не знала.

— Он испортил тебе жизнь? — пораженно прохрипела Кэрол, у которой вдруг пропал голос.

— Конечно. Поэтому он должен был мне помогать. Да он бы и не отказался, он не умел отказывать, тем более мне. Но оказалось, что он женился, и что ни его, ни Моники теперь нет. А квартира осталась. И ты, как его жена, получила ее по наследству. Поэтому я к тебе, собственно, и пришла. Отдай мне эту квартиру, тебе она все равно не нужна. Жить ты там не будешь — из таких-то хором, да в такую халупу! В деньгах ты не нуждаешься. А я нуждаюсь. Я ее продам, и разойдемся по-хорошему.

— Так ты пришла сюда только из-за квартиры?

— Ну, естественно, не на тебя же полюбоваться!

— Я подумала... — начала Кэрол, но продолжать не стала.

— Что я пришла посмотреть, на ком он женился? Нет, милая моя, мне это не интересно.

Мы давно с ним разошлись, и его жизнь меня не волнует, как и он сам.

— Зато волнуют его деньги и имущество, — зло прошипела девушка.

— Это и мое имущество тоже, потому что я прожила с ним не один год, я его жена.

— Была.

— Хм, ты тоже «была»! Обе мы были. И я имею такие же права на эту квартиру, как и ты. Ну не будь ты гадиной, тебе же она все равно без надобности, а мне деньги позарез нужны. Давай не будем ссориться, я не для того к тебе пришла. Ты же неплохая девчонка, добрая, я же вижу, пойми меня, как женщина женщину. Ты молода, еще выйдешь замуж, а я вынуждена сама о себе заботиться, горбатиться официанткой, чтобы с голоду не сдохнуть.

— А ты знаешь, что случилось с Моникой... и с Мэттом?

— Нет, да и какое это имеет значение? Все равно их уже не вернуть.

— Тебя даже не интересуется, как он погиб... и почему?

— Нет, не интересуется. Погиб, и погиб, значит, так Богом было велено.

— Неужели тебе все равно? Ведь сама говоришь, что прожила с ним не один год. Неужели ты его совсем не любила?

— Мы не о том говорим. Какое все это теперь имеет значение? Скажи, лучше, отдаешь мне квартиру, или будем воевать? Я не сдамся, учти, мне терять нечего.

— Ответ сначала на мой вопрос. Ты любила Мэтта?

— Ну, если бы я его не любила, я бы не вышла за него замуж. Только потом любовь прошла, а ни на что негодный муж остался.

— Почему ни на что не годный? Он же работал, старался изо всех сил, для тебя, ради тебя...

— Старался! Толку от его стараний! Даже на машину себе не заработал! Не умел он деньги зарабатывать, не умел! Через чур честный был и правильный, и на своем настоять никогда не мог. Такие, как он, никогда ничего не добиваются в жизни. А какая может быть любовь, если жизнь не мила и хочется другой? Что ты о нем знаешь, девочка? Ты живешь в роскоши, ни в чем не нуждаешься, а чем я хуже тебя? Я тоже хочу так жить! А он не мог мне этого дать. И за это я его презирала, понимаешь? Он ничтожество. Жалкое, наивное, бесхребетное существо, которых жизнь давит, как что-то ненужное и лишнее. И я не хотела быть раздавленной вместе с ним. Но он не хотел меня отпускать, вцепился, как полоумный.

— Почему же ты не ушла от него, ведь он не держал тебя силой? Нашла бы себе такого мужа, который бы тебя устраивал, и не мучила Мэтта.

— Хм, девочка, не так-то просто женить на себе богатого мужчину! Но они меня и как любовники устраивали. Если честно, меня все устраивало. Если так рассудить, то даже если бы я нашла себе богатого мужа, вряд ли он позволил мне встречаться с другими мужчинами.

А всю жизнь спать только с одним мужиком — это так скучно, лучше сразу повеситься. Мне нравится, когда за мной ухаживают мужчины, нравятся любовные интриги и приключения. А Мэтт был такой скучный со своей безупречной любовью. В общем, я не собиралась его бросать. У меня были другие мужчины, обеспеченные, которые давали все, чего мне не хватало, и был молодой красивый муж, который ползал у меня в ногах. Чем не жизнь? Где еще я бы нашла такого лопуха и дурачка, который бы все это терпел?

— Терпел, потому что он тебя очень любил. Или для тебя это тоже не имело значения?

— Имело, потому что его любовь стала мне поперек горла, она душила меня и не давала жить. Как можно его любить, ведь он ничто, пустое место, всегда им был! Какой мужик стерпит то, что терпел он, когда я наставляла ему рога, уезжала на курорты с любовниками, приводила их домой? А он терпел! Противно вспомнить! Застанет дома в нашей постели мужика, отвернется и убежит сопли на кулак наматывать, строить из себя несчастного и обиженного! Да еще меня умолял его не бросать! Разве это мужик? Нет, это ничтожество!

Кэрол резко поднялась, побледнев от бешенства.

— Все, хватит, я все поняла. Ты просто дура, редкая дура. И шлюха. Ты издевалась над мужчиной только за то, что он тебя так любил, над хорошим мужчиной, хорошим человеком. Таким, как ты не дано оценить прекрасное, потому что сами вы — говно! Убирайся отсюда, и никогда больше не показывайся мне на глаза. Я не отдам тебе квартиру. Ни Мэтт, ни Моника этого бы не хотели. И я не хочу.

Кэт покраснела, глаза ее вдруг налились кровью.

— Ах ты дрянь малолетняя! — прошипела она, а потом, заметив в глазах девушки слезы, вдруг расхохоталась. — Да ты просто ревнуешь! Зависть душит, что он передо мной так пресмыкался? Успокойся, не страдай, он пресмыкался перед всеми. Бедная, наивная девочка, мне тебя даже жаль. Что ты нашла в нем прекрасного, а? Да, он, конечно, мужик красивый, спору нет, я на это и купилась, только сам по себе он ведь ничего не представляет, понимаешь? Неужели сама не разглядела? Он всего лишь пресмыкающееся, и вся его жизнь — это бессмысленное ползанье у других под ногами в ожидании, когда его кто-нибудь раздавит! Зачем нужен такой муж? Он жил, как пресмыкающиеся, и, уверена, что и сдох, как пресмыкающееся. Кто его раздавил, интересно? Уж не ты ли задела ненароком своим каблучком?

И она смеялась, издеваясь над дрожащей, готовой разрыдаться девушкой, которую так ранило каждое ее гадкое слово о Мэтте. И вдруг что-то словно оборвалось в груди Кэрол, как однажды, очень давно, когда она запустила полным подносом в Элен. Схватив с журнального столика бронзовую фигурку толстого Будды, которую привез из Китая еще отец Куртни, Кэрол с яростным воплем обрушила ее на голову смеющейся женщины.

Смех оборвался, и на красивом лице Кэт отразилось удивление. По лбу быстро сбежала струйка крови.

Не останавливаясь, Кэрол вскинула руки и снова ее ударила. На этот раз женщина рухнула на пол.

Склонившись над ней, девушка снова замахнулась, но остановилась, увидев, что та лежит неподвижно, не подавая никаких признаков жизни.

Отступив назад, Кэрол бросила фигурку на распростертое на полу тело, и дрожащей рукой вытерла скатившуюся по щеке капельку пота, не заметив на пальцах кровь. Мгновенье она смотрела на неподвижную стройную фигуру, на расплывающееся под копной роскошных волос пятно крови, потом медленно опустила на колени и поднесла ладонь к лицу

женщины.

Слабое дыхание обдало ее кожу, но Кэрол ничего не почувствовала, убедившись в том, что Кэт жива — ни облегчения, ни огорчения.

Поднявшись, она взяла телефонную трубку и спокойно набрала всего три цифры — 911. Сказав, что нужна медицинская помощь и назвав адрес, она отключилась, не став отвечать на вопросы, которые пыталась задать дежурная. Случайно взгляд ее остановился на зеркале, и она вздрогнула, увидев свое отражение. На нее из зеркала смотрела Элен, с перепачканным кровью лицом и маниакальным безумным взглядом.

— Привет, мам, — улыбнулась девушка. — Хреново выглядишь. Опять кого-то замочила?

В холл выскочила перепуганная Дороти, наспех застегивая на груди халат.

— Что случилось, детка? Это ты кричала или мне приснилось? Ой, у тебя кровь! — в ужасе вскрикнула старушка. — Тебя ударила эта женщина, которая приходила?

Кэрол не ответила. Устало она опустилась в кресло и, тяжело вздохнув, закрыла глаза. И не открыла их, услышав, как вскрикнула Дороти, обнаружив на полу бесчувственную, истекающую кровью незнакомку.

— Я вызвала помощь, — только и сказала девушка.

Но когда через несколько минут подоспела помощь, Кэтрин Френсис, в прошлом Ландж, была уже мертва.

— Это вы ее убили? — услышала Кэрол над собой чей-то чужой голос, выводящий ее из забытья.

— Я, — чуть слышно ответила она, поднимая глаза на молодого человека в офицерской форме.

— Вы пьяны?

— Нет, я просто очень устала.

— Поднимайтесь, вам придется поехать со мной.

Девушка встала и, опустив голову, равнодушно наблюдала, как на тонкие запястья надевают наручники.

Рядом в истерике металась обезумевшая Дороти.

— Что вы делаете? — в отчаянии кричала она офицеру. — Не слушайте ее, не верьте! Не могла она убить, эта девочка мухи не обидит, я ее знаю! Эта женщина сама упала и просто ударилась! Я видела, я все видела! Я все расскажу!

— Эта женщина не могла проломить себе голову в таком месте, если бы упала, для этого ей надо было разогнаться и удариться о стену. Или же упасть вниз головой, — вежливо возразил офицер, высвобождаясь от вцепившихся в него старческих рук.

— Не забирайте ее, не забирайте! Это я, я ударила эту женщину! Арестуйте меня! — взмолилась Дороти, роняя крокодильи слезы и семена за выводящим Кэрол из дома полицейским.

Но он больше не обратил внимания на старушку и, подведя покорную арестованную к машине, открыл перед ней дверцу. Обернувшись, Кэрол бросила грустный взгляд на дом, выдавила улыбку для Дороти, рыдающую у порога. Потом посмотрела на носилки с телом, прикрытым простыней, которые поднесли к машине «скорой помощи», погрузили внутрь и захлопнули двери.

Офицер наблюдал за ней, почему-то не торопя сесть в машину.

Поймав его взгляд, Кэрол не увидела в нем враждебности, наоборот, ей показалось, что

в нем промелькнуло сожаление.

— Сколько вам лет? — неожиданно поинтересовался он.

— Двадцать один.

— Зачем вы это сделали? — тихо спросил он, не как представитель закона, а как человек, который почему-то почувствовал к ней жалость. Может, потому что был еще совсем молодой, и не успел очерстветь сердцем, как полицейские более опытные. А может, спросил из любопытства.

Девушка ответила машинально, ни на миг не задумавшись:

— За Мэтта.

И решительно села в машину с таким видом, будто этим объяснила все. А так ничего и не понявший молоденький офицер вздохнул и захлопнул за ней дверь.

Кэрол улыбнулась, смотря в окно.

Ей вдруг стало легко. Так легко, что казалось, будто душа ее вдруг освободилась от тяжелого камня и взмыла в небеса. Ее Мэтт был отмщен. И женщина, причинившая ему столько боли, что своими издевательствами довела до безумия, превратившая его жизнь в ад, породившая в нем чудовище, сломавшая его так, что он не смог оправиться, отвернувшаяся и бросившая его сразу, как только на руках его сомкнулись наручники, хоть и была уверена в его невинности, потому что не подозревала о болезни, эта шлюха, мерзавка, растоптавшая лучшего из людей и чистейшую всепрощающую любовь — она не осталась безнаказанной.

И ничего больше не имело значения.

В отражении на стекле она увидела его лицо. Он улыбнулся ей.

И Кэрол улыбнулась в ответ.

Кэрол была спокойна и даже равнодушна ко всему происходящему, казалось, она вообще погрузилась глубоко в себя и ничего не замечает вокруг. Она беспрекословно подчинялась, делая все, что ей велели, машинально, не задумываясь, отвечала на вопросы. И только когда за ее спиной захлопнулась дверь камеры, и щелкнул замок, она вдруг вздрогнула и обернулась. Увидев, что ее запирают, она словно пришла в себя.

— Пожалуйста, не надо, не закрывайте, — взмолилась она. — Я очень боюсь... Я не выйду отсюда, клянусь, только не запирайте на замок.

— Клаустрофобия? — равнодушно поинтересовался конвоир.

— Да, что-то в этом роде.

— Сожалею.

— Пожалуйста!

— Привыкайте, леди, и к решеткам, и к замкам. Раньше надо было вспомнить о своей болезни. А теперь вам долгое время придется провести взаперти, там, где всем будет до одного места все ваши страхи.

Злорадно ухмыльнувшись, мужчина удалился, оставив замершую у решетки девушку. Подняв руки, Кэрол сжала пальцами холодные прутья и коснулась их лицом. Впервые с того мгновения, когда ее заковали в наручники, она с полной ясностью осознала, что с ней происходит. Словно она спала, а теперь, наконец-то, проснулась, только оказалось, что это все не сон.

Она в камере, под замком. Потом будет суд, приговор и тюрьма.

Лишь на мгновение в ней вспыхнуло горькое отчаяние, и она, поддавшись внезапному порыву, вытянула руку между прутьями, словно пытаясь дотянуться до свободы, оставшейся по ту сторону решетки. Но уже в следующую секунду ей снова стало все равно. Единственное, что ее пугало, так это запертая дверь.

Она боялась темноты, собак и запертых дверей.

В памяти сразу всплыли клубы едкого дыма, огонь, вопли... стены и запертая снаружи дверь. В голову полезли страшные мысли. Вдруг опять пожар, а про нее в суматохе забудут, а она здесь, запертая и беззащитная перед огнем. Некуда бежать. Она сгорит, как Эмми.

— Откройте! Откройте! — в ужасе закричала она, впиваясь пальцами в решетку. — Умоляю, не запирайте меня! Откройте!

На ее вопли пришел охранник и, остановившись напротив, пронзил девушку свирепым взглядом.

— Сейчас же заткнись, или...

— Пожалуйста... выслушайте меня, — в отчаянии взмолилась Кэрол. — Я понимаю, что вы не имеете права отпереть замок, но я не убегу, клянусь! Куда мне бежать? Откройте.

— Ты что, больная или на самом деле держишь здесь всех за идиотов? — вскипел охранник. — Отойди от двери, и быстро на койку! А если еще раз заорешь, умою тебя в параше, ясно?

Он ударил ее дубинкой по пальцам, заставив вскрикнуть от боли и неожиданности и отдернуть руки от решетки.

— На койку, живо, если не хочешь, чтобы я отходил тебя всю этой дубинкой!

Девушка попятилась назад, прижимая ушибленные пальцы к губам.

— Вы не понимаете... пожар, — пролепетала она. — Я же чуть не сгорела... а Эмми погибла! И Мэг! Потому что нас заперли!

Мужчина слегка приподнял брови и присмотрелся к ней повнимательнее. Руки девушки дрожали, глаза лихорадочно блестели таким правдоподобным ужасом, что он пришел к выводу, что она либо прекрасная актриса, либо просто ненормальная. Скорее, она походила на ненормальную.

— Я тебя предупредил! — пригрозил он и пошел прочь, недовольно бурча себе под нос что-то про то, что психов с каждым днем становится все больше, и почему-то их везут сюда, а не напрямик в дурдом.

А Кэрол сжалась на койке, дрожа и задыхаясь от ужаса. По лицу ее бежали слезы. Она прислушивалась и принюхивалась, боясь пропустить запах дыма, готовая вскочить и забиться в истерике, требуя освобождения при малейшем подозрении на опасность.

Как безжалостны люди. Они заперли ее, обрекая на нечеловеческие муки, отдав на растерзание демонам, таившимся в ее душе, которые мучают ее страхами из прошлого. Она не может с ними справиться. И они сведут ее с ума. Запертая дверь — это огонь, это смерть. Это могила Эмми.

Забившись в угол, девушка тихо стонала, кусая ногти и не замечая, что обгрызает их до крови. Зажмурившись, чтобы не видеть запертой двери, она пыталась представить, что находится в своей комнате, в доме Куртни. И только таким образом она удерживала себя от того, чтобы не начать метаться по камере, как когда-то очень давно — по охваченной огнем комнате, которая принесла столько горя и отняла самое дорогое — Эмми.

Она не спала всю ночь.

Пришедший утром охранник обнаружил ее сидящей на койке с таким измученным видом, как будто ее пытали всю ночь. Она безучастно смотрела на стену и не отреагировала, когда он ее окликнул. И только когда щелкнул замок, она вздрогнула и повернулась.

— Вставай! Руки за спину! — рявкнул охранник.

Девушка устало подчинилась. Он вывел ее из камеры и куда-то повел.

Она равнодушно шла вперед, даже не поинтересовавшись, куда ее ведут и зачем. Она гадала, почему у нее болят пальцы под ногтями, и ей не терпелось посмотреть, что с ними.

Ее подвели к двери и уткнули носом в стенку.

— Кэрол Ландж! — объявил охранник кому-то, заглянув в комнату, затем, взяв девушку под руку, завел ее внутрь со словами, которые тихо шепнул на ухо:

— Повезло тебе, детка. Считай, что ты спасена.

Подняв глаза, Кэрол поняла, что он имел в виду. Перед ней стоял Джек Рэндэл. Только прошли те времена, когда он был ей другом. Охранник наивно думает, что знаменитый адвокат пришел ее спасти. Только она-то знала, что все наоборот. Он здесь может быть только по одной причине — поквитаться с ней окончательно, столкнуть в пропасть, когда она вдруг поскользнулась на краю. Ему остается ее только немного подтолкнуть, и он не упустит такой возможности. Или не будь он Джеком Рэндэлом.

Встретившись с холодными серыми глазами, Кэрол повернулась к охраннику.

— Уведите меня. Я не буду разговаривать с этим человеком.

У охранника вытянулось лицо от изумления.

— Так это же Джек...

— Я знаю, кто это.

— Это ваш адвокат, — объяснил охранник. — Он будет вас защищать.

— Я отказываюсь от услуг этого адвоката, — губы ее слегка скривились от презрения. — Пожалуйста, уведите меня отсюда.

— Но... — у охранника просто не было слов, поэтому он растерянно посмотрел на Джека Рэндэла, не зная, как поступить.

— Сними наручники и подожди за дверью, — велел тот тоном начальника. — И не беспокоить нас, пока я сам не позову.

Охранник пожал плечами и беспрекословно исполнил все, что было велено. Когда он скрылся за дверью, Джек выдвинул из-за стола один из двух стульев и жестом пригласил девушку присесть.

Кэрол прошла по комнате и опустилась на стул. Бросив взгляд на руки, она с удивлением увидела, что ее пальцы обезображены до неузнаваемости — обгрызены и искусаны, да еще посинели от удара дубинкой.

Она помнила, как ударил ее охранник, но как сама себя искусала — нет.

Увидев, что Джек уселся напротив, она спрятала руки под стол.

Она молчала и не смотрела на него, чувствуя, что он ее разглядывает.

— Тяжелая ночь? — поинтересовался он.

Кэрол не услышала в его голосе сарказма или злорадства, но все равно была уверена в том, что он наслаждается сложившейся ситуацией. Ну и пусть. Ей все равно.

Она промолчала, безучастно разглядывая царапины и трещины на столе. Бледное, изможденное лицо, темные круги вокруг глаз, и устало опущенные уголки губ — она не догадывалась, что так выглядит, но даже если бы знала, то ей было бы на это наплевать. Впервые в жизни ее не заботила своя внешность.

— Воды хочешь? — Джек налил в стакан из графина воды и протянул ей. Девушка не пошевелилась. Он откинулся на спинку стула, продолжая сверлить ее пристальным взглядом.

— Зачем ты это сделала? — требовательно спросил он, но в голосе его прозвучали теплые нотки, как когда-то, до того, как они стали врагами, как считала Кэрол.

— За Мэтта, — тихо ответила она.

— Я не об этом. Я знаю, за что ты ее грохнула. Правильно сделала. Я бы и сам прибил эту сучку. Я спрашиваю, зачем ты позвонила 911, зачем сама себе накинута петлю на шею? Надо было избавиться от тела — и все! Почему мне не позвонила сразу, а? Я бы все устроил так, что никто бы никогда до тебя не подкопался.

Кэрол вскинула на него расширившиеся от удивления глаза.

— Что ты на меня так смотришь? Вызвать полицию — это самая большая глупость из всех твоих глупостей! Испугалась? Или решила проявить благородство и отправиться добровольно за решетку с гордо поднятой головой, позволив какой-то там шлюхе загубить твою жизнь, как она загубила жизнь твоего ненаглядного Ланджа? Мне было бы проще не позволить тебе угодить за решетку, чем оттуда выгнать.

— Но... я вызвала помощь, потому что она была жива. Я не знала, что она умрет.

— И что? Думаешь, что если бы она осталась жива, тебе бы все сошло с рук? Нужно все доделывать до конца, раз начала, даже убийство. Добила бы ее, вместо того, чтобы помощь вызывать. А звонить нужно было мне, а не в службу спасения.

— Я не хотела ее убивать. Это как-то... неожиданно получилось. Я разозлилась,

потеряла над собой контроль...

— Ты жалеешь?

— Не знаю.

— Я уже сказал, о чем ты должна жалеть — о том, что ты натворила после того, как размозжила ей голову, — открыв лежащую перед ним папку, он потряс перед носом девушки листом бумаги. — А вот это что, скажи на милость, а? Какого хрена ты создалась в убийстве? Кто за язык тебя тянул?

— А какой смысл отрицать? Все равно мне бы никто не поверил.

— Зря, — буркнул он, пряча признание обратно в папку. — Считай, что сама себя за решетку отправила.

— И так бы отправили.

Услышав в ее голосе безразличие, Джек окинул ее внимательным взглядом.

— Ладно, что сделано, того не исправишь, — он постучал ухоженными пальцами по столешнице. — Разберусь, и не такое дерьмо разгребал. С этой минуты ты будешь говорить и делать только то, что я тебе скажу, даже если тебе это не будет нравиться. Будешь послушной умницей, и я вытащу тебя отсюда.

Некоторое время Кэрол недоуменно и настороженно смотрела на него, пытаясь понять, что все это значит, и что он задумал на этот раз. Он может взяться за ее защиту не с целью помочь, а для того, чтобы окончательно погубить. Но, с другой стороны, если он проиграет процесс, и его подзащитную осудят, это пошатнет его репутацию. Нет, насколько Кэрол успела его изучить, честолюбие никогда не позволит ему добровольно проиграть дело. Ведь тогда уже никто не скажет, что у Джека Рэндэла за всю практику нет ни одного поражения, что, как адвокат, он всемогущ и непобедим. Если он официально собирается выступить ее защитником, он сделает все, чтобы ее оправдали.

— Это невозможно, — вырвалось у Кэрол.

Он хитро улыбнулся.

— Обожаю это слово. Без него жизнь была бы такой скучной.

— Я убила эту женщину, я призналась. Все яснее ясного. Меня никогда не оправдают. Ты ничего не сможешь сделать. Или ты собираешься взвалить убийство на кого-то другого? Может, у тебя уже и признание чье-то припасено, а, Джек?

— Я никогда не повторяюсь, к твоему сведению. У меня достаточно ума, чтобы придумывать каждый раз что-то новенькое.

— И что же ты придумал на этот раз?

— Для тебя все это слишком сложно, я не располагаю временем посвящать тебя в тонкости законодательства и права. Тебе просто придется мне довериться. Полностью. Это все, что от тебя требуется за твою свободу.

— Довериться тебе? Хм, думаю, безопаснее будет отправиться в тюрьму! — горько ухмыльнулась девушка, разглядывая свои обезображенные пальцы.

— Что ж, отправляйся, — Джек поднялся, демонстративно собираясь уходить. Кэрол тоже встала, подошла к двери и остановилась в ожидании, когда ее заберут. И даже заложила руки за спину, чтобы охранник лишней раз не орал на нее, или, того хуже, сам не скручивал запястья сзади.

Джек поджал губы, смотря на нее, и, поняв, что она не собирается его останавливать, и на самом деле смирилась со своей участью, в сердцах швырнул папку с ее делом на стол.

— Сядь! — процедил он сквозь зубы.

— Нет, — Кэрол требовательно постучала в дверь, которая тут же открылась.

— Пошел вон, я тебя не звал! — рявкнул Джек на появившегося охранника. Тот покраснел и отступил назад.

— Я подумал...

— Убирайся, болван, ты мешаешь! Не видишь, что я разговариваю со своей подзащитной? Придешь, когда я позову, понял?

Мужчина опустил голову, тяжело задышав от гнева, но подчинился и, выйдя в коридор, снова запер дверь. Подскочив к девушке, Джек схватил ее за руку и вжал в стену.

— Ты дура, разве ты не понимаешь, что только я могу тебя спасти от тюрьмы? Ты знаешь, что такое тюрьма? Знаешь, что с тобой сделают заключенные? Кто такие жеребилы, знаешь? Нет! Так узнаешь, на собственной шкуре! Они сидят и ждут, когда им подкинут очередной лакомый кусочек. Тебя там просто растерзают!

— Ну, и пусть, — чуть слышно отозвалась Кэрол, спокойно смотря в сверкающие глаза, взгляд которых когда-то с трудом выдерживала. Джек ослабил хватку, хмурясь. Безразличие и безучастность девушки были неподдельными, и это ему категорично не нравилось. Она походила на истерзанную куклу, смотрящую на него стеклянными глазами, в которых не было ни страха, ни отчаяния, а только пустота. Опустив взгляд на руку, которую держал, он с удивлением увидел обгрызенные до крови ногти и посиневшие пальцы. Он не узнал ее руки, всегда такие красивые и ухоженные, с длинными накрашенными ногтями. Так искусать себя человек может только, сильно нервничая. Схватив вторую руку, он посмотрел и на нее.

— Откуда синяки?

— Не помню.

— Охранник дубинкой ударил, когда за решетку держалась? Знаю, не отрицай, не впервой вижу такие отметины. Не имел права. Считаю, что он уже об этом горько жалеет.

Девушка продолжала прижиматься к стене, не предпринимая попыток освободиться. Судьба охранника ее не волновала. Впрочем, как и своя собственная.

— Я помогу тебе, — уже мягче сказал Джек.

— Не надо. Оставь меня в покое.

— Кэрол, сейчас не время для бессмысленной гордыни. Я пришел сюда, чтобы помочь, а ты ведешь себя, как капризная глупая девчонка.

— Мне не нужна твоя помощь. Помогай кому-нибудь другому.

— Не испытывай мое терпение, девочка, ты же знаешь, что Бог меня им обделил.

— Почему же? Наоборот, у тебя поразительное терпение. Ты очень долго ждал, когда я оправлюсь от болезни и приду к тебе с извинениями, чтобы отомстить мне.

— Я не мстил. Я сделал только то, чего мне давно хотелось, вот и все. А про месть ты уже сама себе выдумала.

— А то, что ты сделал с Кевином, я тоже выдумала? Что сказал, что будешь губить каждого, с кем я захочу завязать отношения — тоже? И сюда пришел, чтобы позабавиться, так ведь, Джек? Все никак не успокоишься? Всю жизнь меня травить собрался?

— Я уже сказал, я пришел помочь.

— А я сказала, что ты можешь убираться ко всем чертям! — равнодушие в глазах девушки вдруг сменилось злобой, и она попыталась оттолкнуть его от себя.

— Я не уйду. Во-первых, меня попросила Куртни, — в голосе Джека появилась не меньшая злость. — Если тебе наплевать на себя, подумай о ней! Эта женщина слишком много для тебя сделала, вытащила тебя из грязи, ведь если бы не она, ты бы давно уже была

дешевой придорожной шляхой, как твоя мать! Куртни дала тебе другую жизнь, вывела в люди, сделала из тебя человека, дала образование — и для чего? Чтобы ты таскалась по тюрьмам, как твоя мамаша? Я, конечно, понимаю, что яблочко от яблоньки не далеко падает, но раз уж ты влезла в сердце этой одинокой бездетной женщины, имей совесть и не заставляй ее пожалеть о том, что она когда-то приняла тебя в свою семью.

— Моя мать не в тюрьме, — севшим голосом подавленно выдавила Кэрол.

— Ну, в психушке — еще лучше! И тебе туда прямая дорога, если не одумаешься, помяни мое слово!

Девушка вздрогнула, но постаралась не обращать внимания на эти слова. Он просто насмехается, хочет обидеть и напугать. Куртни. Надо же, ведь она даже не подумала о ней. Ни о ней, ни о Рэе. Они будут думать, что она такая же, как мать. Убийца. Они приняли ее в свою семью, полюбили, но она не оправдала их надежд. Она приносит им одни проблемы и страдания. Она не достойна их любви, не достойна жить в их доме. Она такая же, как Элен, и ее место на самом дне, а не в этой семье.

— Думаешь, они хотят, чтобы я вернулась к ним после того, что сделала? — глаза ее медленно наполнились слезами.

Джек удовлетворенно улыбнулся. Лучше слезы, чем это странное пугающее безразличие. Нездоровое безразличие.

— Они любят тебя. Они понимают тебя и не осуждают. Эти люди никогда не отвернутся от тебя, чтобы не случилось. Помни об этом. И цени.

— Хорошо, я согласна, — всхлипнула она. — Что я должна делать, Джек?

— Для начала присядь. Нам предстоит длинный разговор. Я хочу услышать от тебя все, что произошло вчера, начиная с того момента, когда к вам в дверь позвонила Кэтрин Фрэнсис. Все, до мельчайших подробностей. Ты хорошо помнишь, что она тебе говорила?

— Да, я никогда не забуду ни одного сказанного ею слова, — с горечью ответила Кэрол.

Джек молча слушал ее, ни разу не перебив. Когда Кэрол закончила, он спокойно докурил сигарету и потушил ее прямо о стол, а окурок бросил под ноги. Опершись локтями о столешницу, она сфокусировал на девушке свой пронзительный, труднопереносимый взгляд.

— А теперь послушай, что мы делаем с тобой дальше. Я требую психиатрической экспертизы, а ты послушно беседуешь с психиатром и проходишь обследование.

— Психиатр? Зачем? — девушка побледнела.

— На этом я буду строить свою защиту.

— Ты хочешь сделать из меня сумасшедшую? — Кэрол так резко вскочила, что опрокинулся стул. — Хочешь отправить меня в дурдом? Нет, лучше я отправлюсь в тюрьму! И притворяться умалишенной не собираюсь!

— Притворяться нет необходимости.

— Что? Ты... ты хочешь сказать, что я на самом деле ненормальная?

— Об этом я узнаю у психиатра. Но я и сам вижу, что ты немного не в себе. И, думаю, на этот раз мне не придется подтасовывать факты и прибегать ко лжи. Я добьюсь оправдания честным путем. Сбои в твоей психике на лицо, тем более, если учитывать перенесенный тобой недавно инсульт с такими тяжелыми последствиями. Сядь, Кэрол, и успокойся. Все не так страшно, как тебе кажется. Подлечишься немного в клинике, тебе это только на пользу пойдет. Если интересуется мое мнение, то тебе это просто необходимо. Если, конечно, не хочешь, чтобы все дошло до такой степени, как у твоей матери, когда тебе уже не помогут никакие лечения. Кэрол, подобные болезни передаются по наследству, если тебе

еще не известно. В твоих силах не допустить, чтобы заложенная в тебе склонность к психическим расстройствам начала развиваться. Стрессы и травма могли этому поспособствовать. Пока можно подавить болезнь, нужно это сделать.

Кэрол опустила на стул с вмиг посеревшим лицом. В глазах ее отразилось отчаяние и ужас. Она боялась этого всю жизнь. Боялась стать такой, как Элен. Боялась, что ее ждет то же самое — закончить свои дни в психиатрической больнице. И там, в доме Куртни, в зеркале, она видела не Элен. Это была она, Кэрол. С окровавленным лицом и безумным взглядом. Убийца. Сумасшедшая. Ее не посадят в тюрьму. Ее навсегда заперут в психушке, с такими же ненормальными, как и она.

Кто-то больно сжал ее плечи и, подняв голову, она увидела склоненное к ней лицо Джека.

— Кэрол, не надо так пугаться. Это не страшно, поверь мне. Ты пройдешь курс лечения в хорошей клинике, вернешься домой и будешь жить также, как прежде. Просто надо будет время от времени обследоваться, чтобы контролировать бо... чтобы вовремя заметить, если вдруг опять начнутся сбои и предотвратить их. Здоровых людей сейчас практически не бывает, у каждого есть какая-нибудь хроническая болезнь, наследственная или приобретенная. У Куртни, например, гипертония. Ты не знала? Не говори, что я тебе сказал, она меня вздует. А у меня проблемы с кровью. Белые тельца иногда пытаются взять вверх над красными. Хорошо, еще в детстве врачи это обнаружили. Теперь всего лишь время от времени мне приходится сдавать на анализ кровь, и глотать таблетки, если «белые» опять начинают отвоевывать территорию, — он улыбнулся и погладил ее по щеке. — Это не мешает мне жить... как моему деду, например, который умер от лейкемии в тридцать шесть лет. Медицина сейчас многое может. Только нужно следить за своим здоровьем и не позволять болезням развиваться и пускать в тебе корни, которые потом невозможно будет вырвать. Я не хотел сказать, что ты сумасшедшая. Нет, это не так. И так не будет никогда, если ты последуешь моему совету. И жизнь твоей мамы тоже могла бы сложиться иначе, если бы кто-нибудь своевременно дал ей такой же совет, и если бы она ему последовала. Ведь она была нормальной женщиной когда-то, изначально, и это болезнь ее изуродовала и сгубила, превратив в маниакальную шизофреничку.

— Как Мэтта, — с ужасом шепнула Кэрол. — Вокруг меня одни маньяки. И сама я маньячка. Я живу в аду. Или я уже спятила.

— Не говори ерунды! То, что Элен и Мэтт оба убийцы-шизофреники, только случайное совпадение. А у тебя просто стресс, и эта женщина вывела тебя из себя, заставив потерять над собой контроль. С каждым такое может случиться. Сколько раз я тебе говорил — ни на чем не заикливайся, перешагни и забудь. Не нагружай свою психику, тем более, если она врожденно не устойчива. Ты многое пережила, любой бы не выдержал. Тебе нужно восстановить душевные силы, мне кажется, ты просто истощена. И твоя психика тоже. Все это поправимо. Только позволь тем, кто в этом разбирается, все поправить. И все будет хорошо. Вот увидишь. А вот в тюрьму тебе нельзя ни в коем случае, потому что, я уверен, оттуда ты отправишься прямиком в дурдом, и, возможно, уже навсегда. Тем более, с твоей панической боязнью запертых помещений. Твоя психика просто сломается, и тогда ее уже не возможно будет восстановить. Как случилось с Элен, и с Мэттом. Ну, ты сделаешь, как я тебе говорю?

— Да, — отозвалась девушка безжизненным голосом.

— Вот и прекрасно, — Джек поднял ее на ноги. — Тогда пойдем, я отвезу тебя домой.

— Как домой?

Он улыбнулся.

— Я добился разрешения отпустить тебя под залог. Куртни заплатила. И она ждет тебя дома. Поехали. Сюда ты больше не вернешься, это я тебе обещаю.

Джек Рэндэл сдержал обещание.

Суд отправил Кэрол на принудительное лечение вместо мест заключения, более того, она была оправдана и обвинение в убийстве с нее снято.

Психиатр подтвердил своим диагнозом психическое расстройство, крайне нестабильное состояние психики, находящейся к тому же в состоянии сильнейшего стресса, и нуждающейся в лечении. Проще говоря, девушка уже делала стремительные шаги к полному помешательству. Ко всему, обнаружилась угроза еще одного кровоизлияния в мозг.

Джек смог с легкостью убедить суд в том, что пострадавшая жестоким образом спровоцировала обвиняемую на агрессию, играя на трагедии, которая повлекла за собой такие страшные последствия в физическом и психическом здоровье девушки, на глубоком личном горе, смерти мужа, которая так подкосила подсудимую; в том, что Кэрол не отдавала себе отчет в своих действиях, нанося удары Кэт. Убедил, что Кэрол — с детства глубоко травмированный психически человек. Предоставил справку, подтверждающую то, что ее мать уже длительное время находится в психиатрической лечебнице с сильнейшим и непоправимым психическим расстройством. Доктор, обследовавший Кэрол, подтвердил, что ее ждет то же самое, если позволить болезни прогрессировать.

Но самое интересное было то, что судьей на закрытом заседании был не кто иной, как Джордж Рэндэл. Присяжные единогласно признали подсудимую невиновной, а судья постановил находиться Кэрол в больнице столько времени, сколько нужно, то есть, на усмотрение врачей. Заседание было коротким и, не успела Кэрол осознать, что произошло, как ее уже вывели из зала суда и отправили в больницу.

Она не знала, что впервые Джек перехлестнулся в суде со своим отцом, впервые им выпало одно дело, и это не было совпадением. Впервые он обратился за поддержкой к отцу, и Джорджу Рэндэлу не составило труда заполучить дело подзащитной сына в свои руки. Они провели закрытое заседание, защита и обвинение выступили только для вида, присяжные заранее получили указание, какое вынести решение. Никогда ранее Джек к этому не прибегал, и все его выигранные дела были его личной заслугой. Он и теперь был уверен на девяносто девять процентов, что не проиграет, но на этот раз он не хотел рисковать и оставлять даже этот один процент, который мог перечеркнуть всю дальнейшую жизнь его подзащитной.

Джордж Рэндэл не задавал вопросов, лишь сказал, что помнит эту девочку, которая однажды приходила в больницу к нему, Джеку. И посмотрел на сына долгим пристальным взглядом. Отвернулся, чтобы тот не заметил, как его губы расплываются в счастливой улыбке.

«Наконец-то, свершилось! — подумал он. — Естественно, нельзя позволить этой юной девушке отправиться за решетку, а то без внуков так и останусь! Как не помочь будущей невестке?».

Только Джордж Рэндэл не знал, что диагноз психиатра настоящий, и справка о болезни Элен Гран, матери «его будущей невестки» — тоже. Он был уверен, что все это — лишь маленькие хитрости Джека, дабы процесс приличия ради выглядел более-менее

правдоподобно. А если бы знал, то наверняка отверг бы Кэрол Ландж, как кандидатуру в невестки, потому что не хотел, чтобы его долгожданные внуки унаследовали от бабушки и мамы страшную болезнь. Конечно, это не наверняка, что болезнь обязательно перейдет на детей, но риск все же был, и Рэндэл-старший ни за что бы ни стал так рисковать. Он мечтал о здоровых и таких же умных и талантливых внуках, как он сам и его обожаемый Джек. Рэндэлы должны быть только, и только такими! Он знал, что его сын такого же мнения, и никогда не возьмет в жены женщину с дурной наследственностью, которая может испортить его будущее потомство.

С Джеком он об этом не разговаривал, хотя его мучило страшное любопытство. Уж если его сыночек поступился всеми своими принципами, гордыней и честолюбием ради этой женщины, выходит, это что-то, да значит. И Джордж Рэндэл снова запасся терпением, почти уверенный в том, что Джек, наконец-то, выбрал себе женщину, и скоро она его на себе женит. Только бы не сильно сопротивлялся, этот упрямый болван. Должна же когда-нибудь появиться женщина, способная затащить его под венец! Джордж очень надеялся, потому что, зная своего отпрыска, уже почти отчаялся в ближайшем будущем получить от него внуков. Его сын был настоящим чертенком, которого невозможно было ни приручить, ни поймать, который никогда никому не покорится.

«Пусть не покоряется, чертяка, но плодиться-то можно! Большого я от него и не требую!» — с досадой думал судья, злясь на сына, которому было наплевать на муки мечтающего стать дедушкой отца.

Прошел месяц с того дня, когда Кэрол впервые вступила на территорию роскошного госпиталя. Она была послушной пациенткой, только слишком уж удрученной, и врачи ничего не могли с этим поделать. Казалось, она тает на глазах. Почти перестала есть, отказываясь от еды, из-за чего сильно похудела, кожа приобрела нездоровый бледный оттенок, в глазах застыли беспокойство и тревога. Джек, Куртни и Рэй, обеспокоенные ее состоянием, призвали врачей к ответу и потребовали провести комплексное обследование, чтобы выяснить, что происходит с девушкой.

А через пару дней после этого Кэрол позвонила Джеку домой, чем немного его удивила, потому что она никогда сама не звонила ему. Они не общались по телефону, он часто навещал ее в больнице. Девушка была молчаливой и замкнутой, перестала улыбаться, но Джек был склонен считать, что ее угнетает пребывание в этой больнице. Естественно, не очень приятно, когда тебя запирают в психбольницу, даже если доктора обходительны и внимательны, и тебя окружают красота и комфорт. Время шло, а врачи молчали о выписке, отказываясь даже приблизительно назвать какие-либо сроки.

Лечение продвигалось успешно, но врачей беспокоило подавленное настроение девушки и ее встревоженный, временами даже напуганный взгляд. И никто не мог докопаться до причины.

— Джек! Мне нужно выйти отсюда... завтра же! Всего на пару часов. Пожалуйста, поговори с главврачом, убеди их меня отпустить. У тебя получится, я знаю.

Джек нахмурился, услышав, как дрожит ее голос, в котором проскальзывали нотки какого-то отчаяния.

— А что случилось? Чем ты так взволнованна, Кэрол?

— Ничего не случилось. Просто... завтра я хочу, чтобы Куртни меня свозила к врачу...

— Зачем тебе врач? В госпитале полно врачей!

— Нет, того, который нужен мне, здесь нет.

— А какие у тебя проблемы? К какому врачу тебе надо?

— Джек, ты можешь не задавать вопросов, а просто...

— Нет, не могу. Отвечай, если хочешь, чтобы я поговорил с главврачом. Или решай свои проблемы сама.

— Ну, ладно... У меня «по-женски» проблемы, понимаешь? А здесь такое не лечат.

— Что-то серьезное?

— Куртни говорит, что ничего страшного. Нужно просто показаться врачу, чтобы он выписал нужные лекарства. Всего пару часов, Джек, пожалуйста! Позвони ему прямо сейчас, он еще не ушел, и договорись, чтобы меня отпустили прямо с утра. Хорошо?

— К чему такая спешка? — буркнул Джек, открывая записную книжку в поисках нужного номера.

— Так болит же, Джек... и так уже долго терпела.

— Ладно, сейчас позвоню. А чего терпела-то, раньше нельзя было сказать?

— Так думала, обойдется...

— Хорошо, я обо всем договорюсь.

— Спасибо, Джек. Ты настоящий друг! — она как-то напряженно засмеялась и бросила трубку.

Смех какой-то странный, истерический, думал отстраненно Джек, набирая номер кабинета главврача госпиталя.

— Алло! Добрый вечер. Джек Рэндэл беспокоит.

— Вы по поводу обследования? Еще не все анализы готовы...

— Об этом мы поговорим с вами, когда у вас уже будут все результаты обследования, — вежливым, но твердым тоном перебил Джек. — Я по другому вопросу. Я хотел бы вас попросить отпустить утром Кэрол на пару часов. Под мою ответственность, естественно.

— Могу я поинтересоваться, зачем?

— Конечно. Она хочет съездить к врачу. У нее какие-то женские проблемы. Обещает обойтись в пару часов.

На мгновение в трубке воцарилась тишина, потом доктор сухо сказал:

— Вы что, с ума сошли?

Джек опешил.

— О чем вы?

— Все сроки уже вышли. Никакой врач на это не пойдет. Это подсудное дело. И не морочьте мне голову тем, что она уедет на пару часов. Если вы нашли того, кто сделает операцию, а так и есть, как я понял, то хоть из меня дурака не делайте! Пусть отлежится там, сколько надо, я не возражаю, здесь ее после операции отхаживать никто не будет.

— Постойте, доктор, о чем вы говорите? Какая операция?

— Самая обыкновенная, молодой человек. Разве она вам не объяснила, что на таком сроке аборт не делают?

Пальцы Джека с силой сжали трубку, так, что побелели костяшки.

— А какой срок, доктор?

— Почти четыре месяца.

— А точнее сказать нельзя?

— Можно, только вы не у того доктора спрашиваете. Я, напомню, практикую в несколько иной области. Одно скажу — зря вы это затеяли. Это уже не просто уничтожение

едва зародившегося эмбриона, это — убийство почти сформировавшегося ребенка! Ну, да, Бог вам судья, меня это не касается.

Доктор замолчал, прислушиваясь к напряженной тишине на том конце провода.

— Ну, так что, мне ее отпускать? — решил еще раз уточнить он, почувствовав неладное.

— Да, — хрипло прозвучало в трубке. — Отпускайте.

Следующим утром, выходя за ворота госпиталя, Куртни и Кэрол неожиданно натолкнулись на Джека, который поджидал их у выхода, присев на крыло черного «Феррари». Кэрол, встретившись с его глазами, побледнела, а потом покраснела и отвела взгляд.

— Привет, Джек! — невозмутимо поприветствовала его Куртни. — А что ты здесь делаешь?

— Кэрол отпустили под мою ответственность, поэтому, если вы задумали побег, мне крупно достанется, — шутливо откликнулся он. — Если вы не против, я буду вас сопровождать.

Куртни непринужденно засмеялась.

— Джек, отправляйся по своим делам. Даю слово, что мы не сбежим. Наши личные дела тебя не касаются. Будь ты женщиной, мы бы взяли тебя с собой за компанию, а так — извини.

— Ничего, я подожду вас снаружи, на улице, — он улыбнулся. — Садитесь.

— Я на машине, — Куртни прошла мимо него к белому «Форду», отключая сигнализацию. — Джек, тебе что, заняться больше нечем? С чего это ты решил за нами таскаться по нашим женским делам, а?

— Я же сказал, чтобы вы не сбежали.

— Ладно, Джек, не дури. В чем дело?

— В том, что я буду вас сопровождать. И это не обсуждается. Или так, или Кэрол возвращается в свою палату.

Лицо у Куртни стало каменным, взгляд, устремленный на Джека, потяжелел.

— Кэрол, садись в машину, иначе мы опоздаем на прием, — бросила она девушке, угрожающе сузив глаза и не отрывая их от Джека.

— Постой, Кэрол, — окликнул он.

Девушка обернулась. Челюсти ее невольно задрожали, когда она увидела его почерневшие от злости глаза и свирепо затрепетавшие ноздри.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, девочка? — приторно-сладким голосом спросил он. Сердце ее забило сильнее, и она медленно перевела взгляд на Куртни.

— Смотри на меня, я с тобой разговариваю! — сквозь зубы прорычал Джек.

— Кэрол, в машину, — повторила Куртни.

Девушка отступила назад, но Джек вдруг схватил ее за руку и так стиснул пальцами, что она скривилась от боли.

— Вы кое-что забыли, милые голубки — вы не спросили разрешения у меня на то, чтобы убить этого ребенка! Я больше всего не люблю, когда действуют у меня за спиной, а тем более, водят за нос!

— Ты не имеешь к этому никакого отношения, Джек. Равно, как и к ребенку, — твердо проговорила Куртни. — Отпусти Кэрол, разве не видишь, ты делаешь ей больно!

— Больно? Тебе больно? — он наклонился к девушке, скривившись от ярости, и еще

сильнее сжал пальцы. — А так? Ну-ка, дорогая, попробуй сказать, что это не мой ребенок.

— Не твой.

— Ах ты, сучка! — он резко завернул ей руку за спину, заставив Кэрол вскрикнуть от боли. — А чей же он? Уж не Мэтт ли навещал тебя с того света? Зачем ты мне врешь? Разве мало я для тебя сделал? Чем я заслужил такое пренебрежение, а? Ты обязана была мне сказать! Как ты посмела решать судьбу этого ребенка сама, без меня? Я должен принять решение, жить ему или нет, а не ты, и не твоя драгоценная Куртни! Убийца! Сейчас я с тобой разберусь, гадина. Хочешь убить моего ребенка? Отлично! Почему бы тебе не умереть вместе с ним? Раз ты отнимаешь у него право на жизнь, то с чего ты взяла, что сама имеешь право жить после этого? Моя мать тоже хотела избавиться от меня, когда носила в утробе, и если бы отец не помешал, меня бы не было! Таким матерям не место на этом свете. Зря ты так со мной поступила, зря все это затеяла. Сдохни вместе со своим ублюдком, чтобы он не родился таким же несчастным отверженным ребенком, как я!

Он потащил опешившую Кэрол к машине. Куртни вцепилась в девушку, пытаясь ему помешать.

— Джек, ты спятил! Оставь ее, немедленно!

Резко развернувшись, он толкнул женщину в плечо так, что она едва не упала, и впихнул Кэрол в «Феррари». Потом повернулся к Куртни.

— Это ты ее заставила, я знаю. Сама бы она ни за что на это не пошла.

— Джек, успокойся. Что тебя так взбесило? Что мы тебе не сказали? А зачем? Ведь тебе не нужен этот ребенок. И Кэрол он ни к чему. Мы просто хотели устранить последствия вашей ошибки. Так будет лучше для всех.

— Это ты так решила? Тебя это вообще не касается, мы бы сами, как-нибудь без тебя, разобрались.

— Вы уже доразбирались... — фыркнула Куртни. — Что бы изменилось, если бы мы тебе сказали, Джек? Ты получил бы удовольствие лишний раз унижить Кэрол, сказав, что тебе не нужны ни она, ни ее ребенок... или что там обычно говорят мужчины в таких ситуациях? Ты злишься, что у тебя отняли возможность посмеяться и сказать «Твои проблемы, Кэрол, и меня они не волнуют»?

— Откуда ты знаешь, что бы я сказал?

— Оставь, Джек, я знаю тебя не первый день. Я не хочу, чтобы Кэрол была матерью-одиночкой и растила безотцовщину. Не хочу, чтобы было что-то, что связывало бы ее с тобой. Не потому, что ты мне не нравишься, Джек, нет, ты знаешь, как я к тебе отношусь, но эта связь не нужна ни тебе, ни Кэрол. У тебя своя жизнь, у нее — своя. Она должна доучиться, сделать карьеру, выйти замуж за хорошего мужчину...

— А я, значит, не подхожу? После всего, что я для нее сделал? Джек плохой, такой-сякой, а чуть что — сразу Джек помоги! — в его голосе негодование смешалось с обидой. — И разве я когда-нибудь отказывался?

Куртни открыла рот от изумления.

— Джек, мы очень тебе благодарны и помним все, что ты для нас сделал... поэтому и хотели решить создавшуюся проблему сами, чтобы тебя не раздражать. К тому же, Джек, Кэрол проходит интенсивное лечение, и это может отразиться на ребенке. Сильно отразится, ты понимаешь? Он может родиться уродом или дебилом!

— Я сам поговорю с врачами, и узнаю, как может отразиться лечение на ребенке. Это не отговорка и не причина сделать то, что вы задумали.

— Не причина? Зачем рожать больного или неполноценного ребенка? Ты сразу от него отвернешься, я знаю, а Кэрол должна будет всю жизнь с ним мучиться!

— Ладно, хватит из меня дурака делать. Ты запугала этим Кэрол, но я не из пугливых. С ребенком будет все в порядке. Ты убедила Кэрол ничего мне не говорить и избавиться от ребенка, потому что боялась, что я на ней захочу жениться. Это глупо, Куртни. Если я захочу, ты не сможешь мне помешать, и ты это прекрасно знаешь.

— Ты этого не хочешь, — возразила Куртни. — И Кэрол не хочет. Никто не хочет. Поэтому, этого не будет. Не мешай нам, Джек. Избавимся от ребенка, и забудем об этом. И останемся по-прежнему хорошими друзьями.

— А если я скажу, что женюсь на ней? — губы Джека тронула издевка, словно он забавлялся над этой женщиной, которая так решительно была настроена не подпустить его к своей воспитаннице.

Лицо Куртни перекосилось.

— Этого не будет, Джек. Не потому, что ты плохой или какой-то там не такой, просто ты ей не подходишь. Ты не сможешь сделать ее счастливой. А я хочу, чтобы она была счастлива. Ты воспринимаешь брак и семью, как помеху и обузу, и тебе это не нужно. Твое увлечение пройдет, и то, что ты сейчас принимаешь за любовь — тоже.

— Послушай, Куртни, может тебе бросить бизнес и податься в ясновидящие? Будешь предсказывать будущее, раз считаешь, что все знаешь, — он недобро засмеялся, сверкая на нее почерневшими злыми глазами.

— Я не позволю тебе сломать ей жизнь, — тихо прошипела она.

— Стало быть, ты против того, чтобы мы были вместе! — он вздохнул с наигранной горечью. — И не хочешь, чтобы я стал твоим зятем. Ах, как же мне обидно. Мне отведена роль спасителя, а как претендент в мужья я недостоин. Что ж, вы разбили мое сердце. Сейчас поеду на набережную и утоплюсь в океане. А, знаешь... — он на секунду задумался, и вдруг расплылся в улыбке. — Это не в моих правилах. Лучше я утоплю Кэрол. Если не мне, значит никому.

Он вскочил в машину и рванул с места, оглушительно завизжав колесами и выбросив из-под резины мгновенно угасшие искры. Куртни села за руль и поспешила следом, но он с легкостью оторвался от преследования и скрылся с ее поля зрения. Женщина растерянно остановилась и задумалась, кусая губы. Джек умел напугать. И она очень испугалась, потому что знала, что он способен на все. Его эгоизм и беспощадность вряд ли имели границы, когда он считал себя уязвленным...

Кэрол неподвижно сидела на заднем сидении великолепного «Феррари» и с затаенным страхом смотрела на Джека. Он молчал, бесстрастно управляя машиной, ни разу не взглянув на девушку.

— Куда ты меня везешь? — охрипшим от волнения голосом спросила она, не выдержав напряжения.

Он не ответил.

— Джек, останови машину. Выпусти меня.

С ужасом она поняла, что он направляется на набережную. А когда увидела перед собой пустынный берег, задрожала и в отчаянии вжалась в сиденье. Остановив машину, он вышел и, открыв дверь, протянул руку Кэрол.

— Выходи.

Его властный тон заставил ее подчиниться. Вложив дрожащие пальцы в его ладонь, она вылезла из машины и стала на золотистый песок. Ее высокие каблуки мгновенно провалились в зыбкую почву, заставив девушку пошатнуться.

— Сними туфли, — велел Джек.

Кэрол скинула обувь, смотря на него перепуганными глазами.

— Пойдем, — крепко сжав пальцами ее руку, он повел ее к океану. Девушка, едва не плача от страха, оглядывалась по сторонам, но вокруг не было ни души.

Остановившись у самой кромки воды, Джек посмотрел на горизонт, продолжая крепко держать Кэрол за руку.

— Красиво, правда? — тихо спросил он, не поворачиваясь к ней. — Тебе нравится океан?

— Да.

— И мне нравится. Не хочешь окунуться?

— Нет... — не успела она ответить, как он схватил ее и повалил в набежавшую волну. Кэрол вскрикнула и попыталась его оттолкнуть, но он вжал ее в песок и стал страстно целовать. Девушка замерла от неожиданности. Но вместо того, чтобы ее топить, он начал лихорадочно стаскивать с нее одежду.

Очнувшись от удивления, Кэрол попыталась ему помешать, но уже через пару минут отчаянно сжимала его в крепких объятиях, задыхаясь от удушающей страсти и ощущая себя самой счастливой женщиной на свете.

Как не билась Куртни, пытаясь помешать вспыхнувшему бурному роману между Кэрол и Джеком, у нее ничего не получалось, и вскоре ей пришлось смириться, принять неизбежное. Кэрол отказалась от таблеток, которые она ей привезла, чтобы спровоцировать выкидыш, и со счастливой улыбкой заявила, что выходит замуж...

Когда об этом узнал Рэй, с ним чуть припадок не случился.

— Она что, совсем спятила? Замуж за Рэндэла? Да ни за что! Я уже говорил, только через мой труп!

— Рэй, мне тоже это не нравится, но она меня не слушает. Я чувствовала, что этим кончится. И мы ничего с тобой не сможем поделать.

— Как это — ничего? Мы не допустим! Запретим! Или наше мнение ее не волнует? Поставим условие — или мы, или он. Пусть выбирает!

— Нет, Рэй, так нельзя.

— Можно, все можно, только бы не подпустить к ней это чудовище!

— Джек не чудовище. Он просто сложный человек... но, похоже, он действительно ее любит.

— Мне плевать, любит он или нет! Она не выйдет за него, я не допущу! Кто угодно, пусть сам дьявол, только не Рэндэл! Он же ее погубит! Это страшный человек. Неужели она так этого и не поняла? Мы должны ей объяснить, переубедить. Выйти замуж за этого человека — это значит совершить ужасающую ошибку...

— Ох, не знаю... может, мы неправы. Джек сильный мужчина, с ним она будет, как за каменной стеной...

— Да, и в этих каменных стенах он ее и похоронит!

— Рэй, ты перегибаешь палку.

— Ничего я не перегибаю! — Рэй нервно мерил комнату шагами, ломая руки. — Ты

уверена, что он действительно намерен на ней жениться?

— Он бы не стал делать предложение, если бы не собирался жениться.

— Значит, у них роман?

— Не то слово, — мрачно отозвалась Куртни. — Такие бешеные страсти, аж искры летят.

— И давно? Почему я опять ничего не знаю?

— Да нет, всего несколько дней.

— Несколько дней? Так о какой свадьбе может идти речь? Перебесятся и разбегутся. А про женитьбу он наплел, чтобы в постель ее уложить, — Рэй махнул рукой, расслабившись.

— В постель он ее и без этого уложил. Еще четыре месяца назад. Только у них после этого не заладилось, — Куртни не стала вдаваться в подробности. — А теперь наверстывают упущенное. Как с ума оба сошли. Мне уже намекнули в госпитале, что это приличное заведение, а не бордель... Не узнаю Кэрол. На нее это не похоже. Она всегда была такой застенчивой девочкой.

— Хочешь сказать, что они трахаются прямо под носом у врачей, да так, что уже все заметили? — Рэй посерел, сжав кулаки. — Вся в мамашу, такая же шлюха!

— Не смей! — Куртни подскочила. — Дело молодое, горячее, нетерпеливое... К тому же, судя по всему, долго нагревалось в обоих... Кэрол счастлива. Сразу изменилась, вся светится. Главное, чтобы ей было хорошо. А ей с ним хорошо, я вижу. Он тоже сам на себя не похож. Может, мы слишком все драматизируем, и у них все сложится хорошо...

— Не сложится! Помянете мое слово — не сложится! Пожалеет она, и горько пожалеет! Надо ее остановить, пока не поздно.

— Поздно, Рэй, поздно. У них скоро родится ребенок. А этот малыш имеет право на полноценную семью, и мы не в праве его этого лишать.

— Ребенок? О, Господи! — Рэй упал в кресло и сжал голову руками. — Пусть сделает аборт!

— Я же говорю, поздно. Прозевали.

— Как это прозевали? Как можно такое прозевать?

— Менструация во время беременности. Такое бывает. После близости с Джеком была небольшая задержка, а потом вроде бы началось, мы и успокоились. На следующий месяц опять задержка, но я не спрашивала, а Кэрол мне не говорила, потому что, как она сказала потом, не придавала этому особого значения, да и не до этого было... Арест, суд, больница. Ее стало тошнить, появилась слабость, а длительная задержка стала ее пугать. Когда я узнала, что с ней происходит, я настояла на обследовании, в результате которого и выяснилось, что она беременна. Бедная девочка была шокирована. Я убедила ее все-таки прервать беременность, но Джек вмешался.

— Боже, дурдом какой-то! Все так глупо и нелепо вышло, как ты допустила? Прозевать беременность! Вот дуры, что одна, что вторая! О чем эта девчонка думала, когда ложилась с ним в постель? Она что, не знает, как надо предохраняться? Вот идиотка!

— Помолчи, Рэй. Так получилось, ничего не поделаешь. Слово само провидение вмешалось, чтобы их соединить. Может, это просто судьба, от которой, как не бегай, не убежишь?

— Судьба? Нет, это не судьба, это — обыкновенная человеческая дурость!

— Я тоже так думала. Но, похоже, это просто любовь. Или умопомрачительная страсть. Кто сказал, что это не одно и то же? И нам придется с этим смириться и пожелать им

счастья.

С Кэрол произошло настоящее чудо. Она преобразилась, из замученной безжизненной мумии превратившись в жизнерадостную, вернувшуюся к жизни девушку. Уже через месяц ее выписали из госпиталя с неожиданным диагнозом «здорова» и рекомендацией пройти обследование через полгода.

Приготовления к свадьбе начались еще до выписки, которые, смирившись с неизбежным, взяла на себя Куртни. Обсуждая с Кэрол детали и видя, как светятся ее всегда грустные глазки, так, как никогда не светились, женщина заставила себя унять тревогу в сердце, и радость девушки передалась и ей. Ее девочка счастлива, что может быть важнее? И Куртни не могла себя заставить мешать этому счастью из-за своей неуверенности в том, что Джек способен стать хорошим мужем.

Прямо из госпиталя Джек сразу забрал Кэрол к себе. Куртни и этому не стала противиться, не желая настраивать его против себя. К тому же до свадьбы оставалось всего каких-то там несколько дней. Становиться на пути их страсти, подобно которой Куртни еще не встречала в своей жизни, было бессмысленно. К тому же Рэй был взвинчен до крайности и после скандала, который он устроил Кэрол в госпитале, и драки с Джеком, который на этот раз дал ему яростный отпор, было бы лучше, чтобы влюбленные пока не попадались ему на глаза, чтобы не накалять обстановку. Со временем Рэй остынет, он был горячим, но отходчивым, вспыхивал и тут же потухал. Обычно. Ревность, неприязнь к Джеку и искреннее беспокойство за Кэрол оказались взрывной смесью, и даже Куртни не могла его успокоить, стараясь не спускать с него глаз, чтобы не позволить ему совершить какую-нибудь глупость, дабы помешать свадьбе. Куртни сама перевезла вещи Кэрол в квартиру Джека. Пусть поживут вместе, глядишь, передумают. Но они не передумали. Джек даже работу забросил, не расставаясь со своей невестой ни на минуту. Куртни это пришлось по душе. Ну, раз он поставил женщину превыше своей работы, значит, есть все шансы на то, что они будут счастливы вместе, если, конечно, Кэрол будет оставаться для него на первом месте и впредь. Только Куртни все же сильно в этом сомневалась, но свои сомнения теперь уже держала при себе. Радость за счастье своей девочки смешалась в ее сердце с тихой грустью, когда она поняла, что Джек забрал у нее Кэрол. Теперь она будет жить с ним, он станет ее семьей, а они с Рэем отойдут на второй план. Куртни утешалась мыслью, что скоро появится малыш, которому она сможет подарить свою любовь, как когда-то она подарила ее Кэрол.

Теперь она просила Бога не только за Кэрол, но и за ее еще не рожденного ребенка, молясь, чтобы стрессы и лечение в психиатрической больнице не повлияли на его здоровье. Пока никаких отклонений в развитии замечено не было, и мать, и ребенок казались вполне здоровыми, не вызывая у докторов никаких опасений. А на бесконечные вопросы встревоженной Куртни врачи в ответ хмурились и качали головой, говоря, что на все воля Божья...

Находясь в госпитале, Кэрол часто думала об Элен. Только теперь, едва не очутившись в том же положении, что и мать, когда судьба Элен так близко соприкоснулась с ее судьбой, и они стали походить между собой, она поняла мать и простила. Простила ей все. Потому что теперь и ее, Кэрол, руки в человеческой крови. И ее коснулся страшный недуг, недуг, превращающий человека в чудовище. Обе они убийцы. Обе узнали на себе, что такое психиатрическая клиника. Ведь и с Кэрол могло случиться тоже, что с Элен, если бы вовремя не вмешался Джек, разглядев ее слабеющий рассудок, ее зарождающуюся болезнь, и

не спас ее. А Элен была одна в этом мире, и некому было спасти ее. Кэрол ощущала невыносимое чувство вины за то, что столько лет не могла понять и простить, что оставила ее одну, наедине со страшной болезнью.

Вспоминает ли ее мама? Скучает ли? Хочет ли увидеть, узнать, какой она стала, как живет? Раскаялась ли в том, что была так жестока и холодна с дочерью, что отвергала ее и ненавидела? Или же Элен возненавидела ее еще больше? Эти вопросы уже давно мучили Кэрол и не давали ей покоя. Был только один способ, очень простой, узнать ответы. Но девушка боялась. Боялась слов, которые могла сказать ей мама, боялась увидеть горящий прежней ненавистью взгляд. Боялась снова быть отвергнутой.

Долго она не могла решиться, но теперь, когда мир вокруг нее вдруг так изменился, посветлел, потеплел, ей захотелось поделиться этим светом и теплом с той, роднее которой быть не может никогда — с мамой. Появилось непреодолимое желание обнять ее, сказать, как сильно ее любит, что всегда о ней думала и никогда не забывала, попросить прощение за то, что отреклась от нее. И быть может, услышать слова раскаяния и любви от нее. Перевести Элен в госпиталь, в котором лечилась сама. Тогда они будут рядом, смогут постоянно видаться и общаться. Загвоздка состояла только в том, что этот госпиталь был элитным, а потому и очень дорогим. На содержание его постоянных пациентов уходили целые состояния. Но в сердце Кэрол зародилась болезненная и мучительная мечта поместить маму именно туда, отдать ее в руки лучших специалистов, которые могли бы, возможно, облегчить ее болезнь, если ее невозможно было вылечить. Хотела, чтобы маму окружали роскошь и комфорт, которых никогда не было в ее жизни, вежливые и обходительные врачи, чтобы о ней заботились, помогали. Хотела внести хоть немного света в ее мрачную безрадостную жизнь, облегчить ее, насколько только это было возможно. Пусть ее мама никогда уже не будет счастливой, но, по крайней мере, не будет ощущать себя всеми отвергнутой и никому не нужной. Будет знать, что ее дочь рядом, заботится о ней, любит и никогда больше не оставит.

И Кэрол начала осторожно расспрашивать Джека, что нужно делать для того, чтобы перевести больного из одной больницы в другую. Позвонила в госпиталь, чтобы узнать, какая требуется сумма на содержание и лечение их пациентов. Она сделала это украдкой от Джека, но ее старания оказались бесполезными. Он понял, что она хочет еще до того, как она закончила свой вопрос относительно того, как осуществляется перевод больных. Он ответил, но не поинтересовался, почему ее это интересует. И Кэрол наивно подумала, что он не придавал ее вопросу никакого значения, и вообще о нем забыл. Но это не он забыл, а она не подумала, что рядом с ней человек, который настолько хорошо ее изучил, что со своей удивительной проницательностью без труда угадывал ее мысли, мог запросто предугадать ее действия. Хорошо это или плохо, Кэрол еще не знала. То, что от Джека ничего невозможно было утаить, пока только восхищало ее, и она не видела в этом ничего плохого, потому что ничего не собиралась от него скрывать.

Когда она сказала ему, что хотела бы навестить мать перед свадьбой, он отреагировал с таким видом, будто ждал этого.

— Я могу тебя сопровождать, если хочешь, — предложил он.

Кэрол благодарно улыбнулась. Он знает, что она боится. И не только разочарования. Он или догадался или смог разглядеть ее смертельный страх перед собственной матерью, страх, который жил в ней всегда. Если он будет рядом, Кэрол не будет бояться, что Элен причинит ей зло или вред. Ведь может оказаться так, что безумица все еще жаждет расквитаться с ней,

и Кэрол не могла об этом не думать, отчего ее начинали одолевать детские страхи, порожденные жестокостью и ненавистью этой женщины.

— Я думаю, что будет лучше немного отложить визит, — продолжил Джек. — Съездим к ней после свадьбы.

— Нет, до, — решительно возразила Кэрол. — До свадьбы, Джек. Мне приснился плохой сон. Очень плохой. После таких снов обязательно случается беда.

— Кэрол, сны — это всего лишь наше воображение.

— Может быть... Но все равно я хочу ее увидеть.

— Зачем? А если этот визит тебя расстроит? Я не хочу, чтобы эта женщина омрачила твоё настроение перед свадьбой.

— Не омрачит. Даже если она осталась прежней, я... я все равно не пожалею, что поехала туда. Я давно должна была сделать это, и это меня тяготит. Если она прогонит меня, то я, по крайней мере, избавлюсь от чувства вины перед ней за то, что столько лет не предпринимала попыток встретиться, — Кэрол улыбнулась, чтобы Джек не догадался, как засадило ее сердце при мысли, что Элен может ее прогнать, как гнала от себя всегда.

Джек посмотрел на нее своими внимательными, всезнающими глазами, но не стал спорить, поняв, что она не изменит своего решения. Он знал, что она чувствует, о чем думает и чего боится, потому что в этой ситуации мог поставить себя на ее место. Может, они совершенно разные, как личности, но, не смотря на это, у них много общего. Горькое детство отвергнутых матерями детей, мечты о любви и полноценной семье. Они оба не имели этого, а потому умели ценить, нуждались и стремились к тому, чего были лишены. Поэтому Джек был уверен, что именно с ней они смогут создать такую семью, о которой так мечтали, что никогда не допустят они, чтобы их дети ощутили хотя бы толику той боли, что пережили их родители. Своим детям они дадут все, чего недодали им самим. Любовь, нежность и заботу. И у ребенка, который скоро появится на этот свет, всегда будут рядом и отец, и мать, и никогда он не увидит, как рушится его семья, как когда-то разрушилась семья его, Джека. Джек был счастлив, что создает семью, не смотря на то, что еще недавно откладывал это на неблизкое будущее. Но жизнь распорядилась иначе, привязав его к женщине, которую он не смог выкинуть из своего сердца, как ни старался. Он хотел ей отомстить и наказать, а его месть обернулась созданием нового человечка, который заставил его сделать последний шаг к той, которую давно избрал и умом, и сердцем, но не торопился к брачным узам.

Кэрол была очень удивлена, когда он сказал, что он для себя решил, что именно она станет его женой и именно с ней он построит семью, еще до того, как Мэтт вышел на свободу. Решил скорее умом, чем сердцем. Но сердце пошло на уступки и не стало идти вопреки уму.

— Но почему я? — Кэрол была шокирована.

— Ты мне подходишь и... устраиваешь, — он расхохотался, заметив ее возмущенный взгляд.

— Значит, это брак по расчету? Потому что я показалась тебе удобной в качестве жены?

— Ага. Сплошной холодный расчет.

— Холодный? — Кэрол хмыкнула. — Что-то мне так не показалось.

— Ну... поначалу был холодный. А потом разогрелся, — обняв, он томно поцеловал ее в шею. — Ладно, вру... Сначала разогрелся. И планы затащить тебя в постель у меня появились намного раньше, чем мысли о том, что из тебя бы вышла неплохая супруга. А

знаешь, когда именно у меня появились эти мысли? Догадайся!

— Уж не тогда ли, когда я изводила тебя своей стряпней и хозяйничала в твоей квартире после того, как ты сбежал из больницы беспомощным калекой? — засмеялась Кэрол.

Джек тоже рассмеялся.

— Именно тогда! Уж очень мне понравилось, как ты обо мне заботилась. И как хозяйничала. Мне понравилось. И с тех пор ты была обречена. Единственное, что пошло не по плану... это любовь. Я не собирался, я не хотел влюбляться, — он досадливо поморщился. — Я сам себе не хотел признаваться в том, что втрескался... И не признавался, пока Ландж не вышел. Ох, и сорвало мне крышу, когда ты осталась у них ночевать, — он болезненно скривился. — Даже вспоминать не хочу. Тогда я понял, как люблю тебя... Как больно ты мне сделала. Мне никогда не было так больно.

В его голосе отразился горький упрек и давняя обида.

— Я не хотела делать тебе больно. Мне даже в голову не пришло, что тебе может быть не все равно. Я никогда не встречалась с мужчинами... наоборот, избегала. Я ничего не знала ни о мужчинах, ни об их отношении.

— А если бы знала, это что-то бы изменило?

Кэрол отвела взгляд, но он вдруг обнял ее и нежно прижал к себе.

— Ладно, не будем копать в этом... Я не хочу. Ты не знала. Но теперь ты знаешь, — он поднял к себе ее лицо и заглянул в глаза. — Ты ведь никогда больше не сделаешь мне больно? Я тебя люблю. И ты моя. Всегда была только моей. Изначально.

— Ну, прости, ты не довел это до моего сведения, — пошутила Кэрол и улыбнулась. — Надо было сразу сказать, как я к тебе в первый раз в офис пришла.

— Надо было, — он засмеялся и поцеловал ее в губы. — Только я сам как-то не сообразил сразу, что ко мне пришла будущая жена... Потом только дошло.

— Ну, если ты не сообразил, то куда уж мне, извините... Я тоже не догадалась, что передо мной мой будущий муж.

— Конечно, это был я. И только я. Ты просто ошиблась при выборе мужа, да и я сам, конечно, немножко тебя прохлопал...

— Немножко? Ты имеешь в виду мое замужество?

— Давай договоримся, что больше об этом мы упоминать не будем в наших разговорах, это бьет меня по больному. Даже если бы твой муж остался жив, я бы все равно тебя отобрал, потому что я никогда и никому не отдаю то, что выбрал для себя, то, что станет моим. И заруби это себе на носу, любовь моя. **Моя.**

Кэрол лишь улыбнулась и пожала плечами. Джек улыбнулся и, взяв ее за руку, нежно сжал.

— Я займусь переводом Элен в госпиталь, только чуть позже, после нашего с тобой свадебного путешествия, хорошо?

У девушки перехватило дыхание.

— Так скоро? Но... я... я не собиралась. Может быть, когда-нибудь...

«Когда я смогу ее там содержать», — закончила про себя Кэрол.

Просить денег на это у Куртни она не могла и не хотела. Это уже слишком, обязывать, чтобы Куртни заботилась о женщине, которую в глубине души ненавидела, бывшей сопернице, которой Рэй отдал свое сердце, к которой его ревновала всю жизнь.

— Зачем откладывать на «когда-нибудь», если ты хочешь этого уже сейчас? Я человек не бедный и никогда таковым не буду, и могу позволить себе позаботиться о своей теще...

ради тебя.

Он обнял девушку и прижал к груди.

— Разве ты забыла, кто будет твоим мужем? Сам Джек Рэндэл! — сказал он с наигранным пафосом, и серьезно добавил. — Я разделю с тобой все, что имею и еще буду иметь. То, что было моим, теперь будет нашим.

Он не хотел ее расстраивать и говорить о том, что перевод Элен в эту больницу невозможен. Элен содержалась в тюремной психбольнице, в отделении для особо опасных преступников. Госпиталь, в котором лечилась Кэрол, для таких пациентов не предназначен. Элен была не просто больной женщиной, она была осужденной заключенной. И при всем желании даже он не сможет сделать так, чтобы ее перевели в этот госпиталь. Это было невозможно. В данном случае, даже для него. Но говорить Кэрол об этом сейчас он не хотел. Он надеялся, что она поймет это сама, когда увидит ее. Ему очень не хотелось, чтобы она встречалась с матерью, он знал, что это причинит ей боль, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но он также знал, что если Кэрол что-то для себя решила, то она все равно это сделает. Уж в ее упрямстве и своенравии он успел достаточно убедиться. Ему оставалось только поражаться, как такая тихая и покорная вроде бы девушка одновременно с этим была такой упертой и непослушной. Кто бы что ни говорил, все равно поступает по-своему. Расшибает лоб, и все равно лезет напролом, даже если знает, что опять наткнется на стену и обольется кровью... как сейчас, в случае с матерью. Отчаянная, безрассудная. Считает себя трусихой и слабачкой, не отдавая себе отчета в том, какой в ней стержень, сколько на самом деле в ней мужества. Зато Джек это видел. Когда он стал копаться в ее прошлом, он был поражен всем, что узнал. Ему трудно было поверить, что все, что он узнал — это о ней, роскошной, великолепной девушке, при взгляде на которую даже в голову бы не пришло, что она не родилась в роскоши и благополучии. Что величайшая трагедия, которая могла быть в ее жизни — это сломанный ноготь на безупречном пальчике. Как можно было поверить в то, что такую милую и беззащитную на вид девушку исключили из школы за драки, за то, что она со своей подружкой регулярно избивали кого-то в школе? Да он даже представить себе не мог ее дерущейся, как ни смотрел на нее и как ни старался. Он спросил ее об этом, когда они стали вместе жить. Он о многом хотел спросить, но пока не решался, собираясь это делать постепенно и осторожно. На его вопрос она лишь дернула плечом и усмехнулась.

— Ну да, выгнали. И что?

— Ты, правда, кого-то била?

На лице ее тогда появилось такое ожесточенное выражение, которое он никогда до этого не видел.

— Да. А ты что, в школе никогда не дрался?

— По правде говоря... нет. Я не могу представить, что ты могла кого-то побить. Ты такая...

— Какая?

— Ну... не похожа на того, кто кого-то может побить.

— Я похожа на того, *кого* бьют, это ты хочешь сказать? Так и было, пока я не встретила Эмми. Она научила меня драться. И больше меня никто не бил. Били мы. Кстати, это было единственное, за что мать меня хвалила. Но бить кое-кого было мало. Эту тварь нужно было убить. Если бы я знала... если бы я могла вернуться назад... я бы убила ее, и тогда бы Тимми и Эмми были живы. И бабушка Тимми. И Мег. И Спайк. А Даяна бы не была столько лет калекой.

Она заметила ошеломленный взгляд Джека, а потом он расхохотался.

— Ничего себе! А ты оказывается самая настоящая злючка!

— Кто бы говорил! — фыркнула Кэрол.

— Разве я сказал, что это плохо? Просто теперь, если надумаешь кого-нибудь замочить, сначала расскажи мне, чтобы мне потом не пришлось вытаскивать тебя из-за решетки, договорились?

Кэрол подавлено промолчала, не разделив его веселья. По ней, так ничего смешного в этом не было.

А Джек, вспомнив о том, как она размозжила голову Кэт, уже не так удивлялся тому, что она кого-то могла бить в школе. И лишь подумал о том, как обманчива, все-таки, может быть внешность некоторых людей. Как у нее, например. Этакая невинная беззащитная овечка, горя не знавшая за всю свою жизнь.

Но было одно, что выдавало ее, и на что он сразу обратил внимание — ее взгляд, который резко не соответствовал ее внешнему облику баловня судьбы, ее внешнему лоску и обманчивому благополучию. Он сразу уловил, что внутри она совсем не такая, как кажется. Человек может изменить в себе все, поведение, внешность, облик, даже мышление и взгляд на мир... но человек никогда не сможет изменить то, что отражают его глаза. А еще никогда в жизни он не видел таких прекрасных глаз. Он всегда ими любовался, они безумно ему нравились, он буквально ощущал, как их взгляд пробирает его насквозь, проникает внутрь, в самую душу, касается его сердца. Иногда ему даже казалось, что именно ее глаза его так зацепили сначала. Стоило ему сомкнуть веки, и они появлялись перед ним, преследовали его, лишив его покоя, как какое-то навязчивое ведение, от которого он не мог избавиться. Никогда еще женщина не казалась ему настолько нежной и женственной, какой была она. И именно это заставило его желать ее до скрежета в зубах, пробудив в нем какую-то животную страсть. Она была и красивой, и соблазнительной, но все это он видел и раньше, и этим его нельзя было удивить. А при одном взгляде на нее ему приходилось каждый раз подавлять в себе порыв раздавить ее в своих объятиях. И теперь, когда он, наконец-то, себя больше не сдерживал, он не мог этим насладиться.

Его выстрадавшая любовь, наконец-то, перестала причинять ему боль, которая сменилась радостью и удовольствием. И никогда он себя не чувствовал таким счастливым, как теперь. И сейчас, за это счастье, эту радость, которую он испытывал рядом с ней, он готов был простить ей все то, за что так ненавидел совсем еще недавно. Простить и забыть обо всем, что отравляло его кровь до этого.

А Кэрол не переставала удивляться, потому что так и не поняла, чем так привлекла этого жесткого, высокомерного и донельзя эгоистичного мужчину. Но теперь, с ней, он был совсем другим. И только она знает, каким. Ей вдруг перестало нравиться то, что его называют акулой. Он носил ее на руках, был ласковым и нежным. А еще таким страстным, что заставил ее окончательно потерять голову. Кэрол не знала, что это было — любовь или страсть, помутившая ее рассудок и полностью подчинившая ее волю. Она была уверена только в одном — Джек нужен ей, и без него она больше не представляла своей жизни. Мэтт как был, так и остался ее мечтой. А Джек был реальностью. Но каждый раз, когда она видела над собой звезды, она искала среди них свою звездочку, которая была теперь так высоко на небесах, так далеко, уже не в этом мире и не с ней... И Кэрол по-прежнему будет хранить в своем сердце дорогой образ. Ласковые и печальные карие глаза, красивое доброе лицо, теплую нежную улыбку. Она не забудет его, никогда. Будет вспоминать и встречаться с ним

в своих снах, беззвучно шептать по ночам в темноте его имя дрожащими губами, которые помнили его поцелуи. Она не могла понять, как такое может быть, но в ее сердце словно жили две любви, два чувства, абсолютно разные и так не похожие между собой. И одно из них было вечным, то, что было с ней всю жизнь. Место, которое занимал Мэтт в ее сердце, никогда и никто не займет. Джек отыскал там свое, и он не сможет вытеснить того, кто пребывал там так много лет. Никто не сможет.

Только Джек об этом никогда не узнает. Он не сможет этого понять. Это будет ее маленькой тайной, единственной. Но ее чувства к Мэтту — это святое, и никому она не позволит их попираť и ставить ей в упрек. Даже Джеку. Кэрол не видела ничего плохого в том, что отказывалась выкинуть Мэтта из своего сердца и мыслей, ведь его нет и никогда не будет в этом мире. Но Джек бы все равно ревновал, она чувствовала это, хоть и глупо ревновать к мертвым. Она не догадывалась, что ее тайна для Джека не является тайной. Он понимал, что даже после того, как Мэтта не стало, она продолжает отчаянно и фанатично за него цепляться, не желая отпускать и отдать его прошлому. Джеку это очень не нравилось, его уязвляло и злило то, что в ее сердце и мыслях есть другой мужчина, пусть даже мертвый. Мертв он только в этом мире, но продолжает жить во внутреннем мире Кэрол. И пусть Мэтт больше не соперник ему в жизни, но он остался соперником там, где его устранить было тяжелее — в сердце девушки. Но Джек был намерен уничтожить его и там, предав его полному забвению. Он не желал ни с кем делить женщину, которую уже давно считал своей, даже с мертвыми.

На третий день ее пребывания в квартире Джека и их совместной жизни, похожей на сладкое забвение, поздно вечером раздался телефонный звонок, которого Кэрол с затаенной тревогой и волнением ждала с тех пор, как узнала, что Куртни разослала приглашения на свадьбу. Джек был в душе, поэтому Кэрол сама сняла трубку.

— Скажи, что вы меня не разыгрываете! — услышала она восторженные крики Даяны, забывшей поздороваться от волнения. — Мне пришло приглашения на свадьбу, и в нем указывается твое имя! Позвонила тебе домой, а Куртни сказала, что ты там больше не живешь, и дала номер твоего жениха. Ну, и дела! Ты что, на самом деле выходишь замуж?

— Да, выхожу, — тихо проговорила Кэрол, пытаясь проглотить застрявший в горле комок.

— Вот это новость! Ну, ты, подружка, даешь! Неужто уже забыла своего возлюбленного кареглазого красавца?

— Нет, не забыла, — в голосе Кэрол появился холодок.

— Ой, извини, пожалуйста, я совсем не то говорю, — спохватилась Даяна. — Я очень рада за тебя. Очень. Ты все правильно делаешь, нужно жить дальше... — она засопела в трубку, соображая, как замять так неосторожно и не вовремя затронутую болезную тему и проклиная себя за длинный язык, и, так ничего и не придумав, сделала вид, что ничего такого и не говорила, снова весело затараторив, — Слава Богу, что хоть на этот раз не забыла меня пригласить! И кто же этот счастливчик?

— Даяна, это...

— А, ладно, наверняка, я все равно его не знаю, погляжу на свадьбе. Платье уже заказала? Какое? Страсть, как посмотреть хочется! Уверена, ты будешь прелестной невестой. Ах! — Даяна мечтательно вздохнула. — Что-то тоже замуж захотелось. Ты вон уже второй раз выходишь, а я еще ни разу. Может, и я скоро надену белую фату, платье с длиннющим шлейфом...

— Есть кто-то уже на примете? — с надеждой спросила Кэрол.

— Конечно, а то ты не знаешь! — Даяна нежно засмеялась.

В горле у Кэрол неожиданно пересохло, а в груди что-то мучительно заняло.

— Ты что, по-прежнему одержима идеей выйти замуж за Джека Рэндэла? — чуть слышно спросила она, чтобы Джек не мог случайно услышать.

— Еще бы, даже больше, чем раньше!

— Даяна, я знаю, ты будешь на меня сердиться, но я... ты должна меня понять! — в отчаянии вскричала Кэрол. — У тебя бы с ним все равно ничего не получилось, потому что он давно уже влюблен в меня. Я этого не знала, но теперь...

— Постой! — изменившимся голосом перебила ее Даяна. — Как это — влюблен в тебя?

— А вот так. Как обычно.

— Ты шутишь надо мной, подружка? — Даяна нервно засмеялась.

— Даяна, я не шучу, я замуж за него выхожу.

— Замуж? За Джека? — Даяна, казалось, опешила. — Но ты не можешь этого сделать. Ты же моя подруга. Ты не могла. Ты же знала, что я его люблю... ты не могла так со мной поступить! Я не верю!

— Даяна, я не хотела делать тебе больно или...

— Ты же меня предала, ты отобрала его у меня! — вдруг в исступлении завопила Даяна, заставив Кэрол вздрогнуть. — Скажи, что это не правда, что ты пошутила!

Кэрол подавленно молчала, чувствуя, как глаза наливаются слезами.

— Что ты молчишь? Ладно, Кэрол, давай успокоимся, — голос Даяны срывался и дрожал. — Ты должна отказаться. Ведь ты его не любишь. Ты любишь и всегда будешь любить только одного Мэтта. А Джек — мой мужчина. Ты понимаешь, что ты отбираешь у меня мужчину?

— Даяна, я не хотела, пожалуйста, прости, — всхлипнула Кэрол.

— Я прощу, я все забуду, если ты мне сейчас скажешь, что не будет никакой свадьбы.

— Я не могу, — простонала Кэрол умоляюще. — Я жду от него ребенка.

— Что? — взвизгнула Даяна. — Ах ты, шлюха! Так вот в чем дело! Залезла к нему в постель, и теперь вынуждаешь жениться! Я ненавижу тебя, гадина! Никогда я не ожидала от тебя такого! Вот ты, оказывается, какая — сука, подлая сука!

— Даяна, не надо...

— Он был моим, моим! Это был мой мужчина! — истерические вопли вдруг оборвались, и в трубке раздались короткие гудки.

Спрятав лицо в ладони, Кэрол беззвучно заплакала.

— Кто звонил?

Она вздрогнула от неожиданности и, украдкой вытерев слезы, бросила быстрый взгляд на Джека, стоявшего в дверном проеме в одном полотенце, обернутом вокруг узких бедер. Прислонившись плечом к стене, он держал на руках Аккурсио и с нежностью поглаживал его белоснежную пушистую спину. Мокрые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб, на черных ресницах застыли маленькие капельки, а гладкая кожа была еще влажной, отчего немного лоснилась, вызвав в девушке страстное желание погладить ее. Мгновенье Кэрол молча смотрела на него. На мужчину, из-за которого рухнуло то, что всегда казалось нерушимым — ее дружба с Даяной. Если бы раньше кто-нибудь сказал, что она потеряет подругу из-за мужчины, Кэрол бы только посмеялась. Кто из них двоих виноват? Почему так все глупо и нелепо вышло, так банально? Две лучшие подруги

разошлись, не поделив мужчину. Стоил ли он такой жертвы?

Почти обнаженный, он смотрел на нее настороженным взглядом, немного сбитый с толку тем, что она так оценивающе его разглядывает, как будто видела впервые, да еще с такой тоской в глазах.

Он покорило сердце Даяны, даже не будучи с ней знаком. Поразил ее своим умом, силой, властностью и дерзостью. Импозантной внешностью, своей ненавязчивой привлекательностью, что в сочетании с восхищавшими женщин чертами характера делали его в их глазах неотразимым. Необузданный зверь, жестокий, опасный — так воспринимала его прекрасная половина человечества, зверь, к которому хотелось протянуть руку и погладить, замирая от страха, но не в силах преодолеть искушение. Таким видела его Кэрол, и другие женщины. Бояться, восхищаться и вожделеть — это была опьяняющая смесь чувств, которые Кэрол познала на себе, испытывая к нему.

А ведь Даяна и другие женщины, поклоняющиеся ему, не знали, что он, ко всему прочему, еще и потрясающий любовник, бурлящий вулкан под толстым слоем льда, чей жар был сокрыт под внешним холодом... Не видели, как хорошо собой его стройное тело, не ощущали, как нежны его руки, как они умеют ласкать женское тело, как горячи и алчны его губы, способные заставить потерять голову...

Надо же, а когда-то она даже подумала, что он голубой. Где были ее глаза? А Даяна сразу разглядела, какой он, поняла, что он горячий и искушенный в любви мужчина, не смотря на демонстративно негативное отношение к женщинам. Даяна о нем мечтала, она его желала, а он в это время желал ее, Кэрол, которая долгое время об этом даже не догадывалась. Был бы он сейчас с нею, если бы Даяне все же удалось с ним познакомиться, когда она этого хотела? А что будет, если они все же встретятся когда-нибудь?

Кэрол почувствовала укол ревности. Нет, может, оно и к лучшему, что они с Даяной поссорились. Кэрол совсем не хотелось испытывать любовь Джека своей через чур красивой подружкой, по уши в него влюбленной и мечтающей запрыгнуть в его постель. В ней вдруг проснулось чувство собственности, и она поняла, что никогда не сможет разделить этого мужчину с другой женщиной. Появившаяся в ней так неожиданно ревность к Даяне, и ко всем остальным женщинам, была такой болезненной и острой, что Кэрол подумала о том, что если он когда-нибудь прикоснется к другой, она его убьет...

— Так с кем ты разговаривала? И почему ты плачешь? — нахмурился он.

— Я не плачу... вернее, да, я немного расстроилась из-за того, что Даяна не сможет приехать к нам на свадьбу. Помнишь, Даяна моя подруга.

— А, это та белокурая девочка... которая калека? — без особого интереса уточнил Джек, забавляясь с Аккурсио.

— Она больше не калека, — возразила Кэрол, немного обиженная тем, что он говорит о ее друзьях с таким пренебрежением, словно они совсем его не интересовали. Мог бы хотя бы из вежливости сделать вид, что его волнует, почему это лучшая подруга не приедет на свадьбу. Но, казалось, мысли его были заняты сейчас совсем другим, и, похоже, это был нежно кусающий его за руки кот.

— А почему она не приедет? — все же спросил он, спохватившись, словно вспомнил, что надо обязательно спросить, дабы Кэрол не обвинила его в безразличии.

Играя с котом, он не заметил, как девушка покраснела.

— Потому что мы поссорились, — Кэрол всхлипнула, слезы вновь навернулись ей на глаза.

— Вот как? — он вскинул на нее глаза, похоже, на этот раз все же заинтересовавшись тем, что происходит. — Из-за чего?

— Ты не поверишь... Из-за тебя, — неожиданно для себя призналась Кэрол, чувствуя, что не может и не хочет его обманывать. А еще ей хотелось поделиться с ним своим горем — а потеря Даяны для нее было настоящим горем — и чтобы он ее утешил.

Оставив Аккурсио, Джек выпрямился и в упор посмотрел ей в глаза, нахмурившись. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Кэрол этого не заметила, заговорив первой.

— Видишь ли, ты ей нравился, она мечтала с тобой познакомиться. И она... она считает, что я ее предала, — Кэрол закрыла лицо руками, снова расплакавшись. — Она сказала, что ненавидит меня. И... наверное, она меня никогда не простит. А ведь мы так давно дружим, только с ней я могу поговорить об Эмми, о Тимми. Она очень дорога мне, понимаешь, потому что мы были тогда все вместе — с Эмми и Тимми. Мне казалось, что именно они и объединяли нас так прочно столько лет. Они и наше прошлое. Наше. Общее. И неужели все закончилось... так нелепо...

Джек подошел к ней и, присев рядом, обнял одной рукой за плечи.

— Не плачь. Все наладится, вот увидишь. Она поостынет, и вы помиритесь, — он поднял к себе ее лицо и нежно улыбнулся. — А хочешь, я позвоню ей и объясню, что у нее все равно не было никаких шансов, потому что я уже целую вечность люблю тебя, что ты не виновата, и что это я тащу тебя под венец, а не ты меня. Я скажу ей, что сопротивляться мне бесполезно, что ты пыталась, и, надо отдать должное, сопротивлялась долго, только я всегда добиваюсь своего. Объясню, что ты всего лишь моя жертва, за которой я давно гонялся и, поймав, никогда не выпущу, и намерен пить твою кровь всю жизнь, — он погладил большим пальцем ее губы, продолжая улыбаться. — Скажу, что я самый невыносимый человек на свете, чудовище, как любя называет меня отец. Она испугается и еще спасибо тебе скажет, что ты, как настоящая подруга, взяла на себя эту тяжкую долю быть моей женой.

— Я сама уже испугалась, — Кэрол улыбнулась, ласково смотря на него покрасневшими влажными глазами. — Может, пока не поздно, передумать?

— Поздно. Ты влипла, по уши, — присев у ее ног, он начал томно целовать обнаженные колени. — Не расстраивайся. Ты ни в чем не виновата перед своей подругой. В конце концов, ведь когда-то она увела у тебя мальчика, и ты уступила, а не стала ссориться с ней из-за этого, как она сейчас.

— Она не уводила у меня мальчика, он никогда не был моим...

— А я никогда не принадлежал ей.

— Она даже не знала, что он мне нравится.

— Но ведь ты ей и не сказала, чтобы не мешать ее дружбе с этим мальчиком. В том-то все и дело — ты готова пожертвовать чем-то ради нее, страдать сама, чтобы ей было хорошо, а она — нет. Ее волнует только собственные желания и благополучие. Не хочет понимать других, а требует, чтобы все понимали ее. Вот в чем причина вашей ссоры. Ваши интересы пересеклись во второй раз, и она хочет, чтобы опять уступала ты.

— Джек, история с Томом и все, что тогда было — это же не серьезно, мы были детьми...

— Разве тебе было не больно тогда? Разве приятно тебе было видеть того, кто тебе нравился, с нею?

— Нет... мне было больно.

— Я уже говорил тебе, не имеет значения, дети мы или взрослые. В любом возрасте мы

можем страдать. Не всегда нужно уступать, надо и побороться за себя. Я, например, никогда и никому не уступал. Забудь ты о своей Даяне. Не стоит она твоих слез, твоей дружбы. И не мирись с ней. Она тебе не нужна, потому что у тебя теперь есть я.

Губы его поползли вверх по ее бедру, а ладонь сдвигала край пеньюара все дальше, обнажая стройные ноги. Кэрол погладила его по мокрым волосам, не став продолжать разговор, который его уже не интересовал. А свою печаль загнала глубоко в сердце, не желая, чтобы он думал, что она грустит перед свадьбой, грустит, когда «теперь у нее есть он». Ему не понять, как ранило ее то, что произошло между ней и Даяной. Что и Даяна, и их дружба стоят того, чтобы ее оплакивать. Так думала Кэрол. И она надеялась, что Даяна считает также.

Встреча с Элен шокировала Кэрол. Она даже не сразу узнала в сидевшей в глубоком кресле растрепанной, абсолютно седой женщине свою мать. Девушке показалось, что перед ней какая-то незнакомая старуха, к которой их привели по ошибке. Но женщина подняла голову и взглянула на нее прозрачными и голубыми, как тонкий лед в чистом озере, глазами.

Кэрол застыла на месте, прирастая к полу, как в детстве замирала под этим ледяным взглядом, словно кролик перед змеей, а также опешив от увиденного. Когда-то такие красивые глаза запали в темные глазницы, бледная кожа, как мокрая бумага, прилипла к костям на лице, невероятно худом, изможденном и изборожденном глубокими морщинами. Роскошные золотистые локоны превратились в мертвые белые беспорядочные пряди, среди которых не осталось ни одного живого волоса. Не смотря на свой жалкий и непривлекательный вид, Элен восседала в кресле, как на пьедестале, гордо держа голову.

Кэрол невольно вздрогнула. Взгляд матери был ясным и осмысленным, и, как в прошлом, снова резанул по нервам девушки, заставив затрепетать от страха. Она совсем не походила на сумасшедшую. А Кэрол в одно мгновение превратилась в жалкую напуганную девочку, словно исчезли все прожитые врозь годы, и она снова очутилась в мотеле, во власти этой жестокой женщины.

Она стояла и не могла пошевелиться, а Элен молча изучала ее своим колючим взглядом. Джек стоял за спиной Кэрол и, не вмешиваясь, с интересом наблюдал за происходящим, разглядывая, в свою очередь, Элен. Та перевела взгляд на него.

— Ну? — низким хриплым голосом произнесла она. — Долго вы на меня пялиться будете? Кто вы и что вам от меня надо?

Джек изумленно вскинул брови, а губы его тронула ядовитая усмешка, которая не ускользнула от Элен, и очень ей не понравилась.

— Я сказала что-то смешное, молодой человек?

Он не ответил и, слегка сузив глаза, продолжал наблюдать за ней. На губах его застыло презрение.

Кэрол сделала робкий шаг вперед.

— Мама... это же я. Ты меня не узнаешь?

Элен взглянула на нее, вмиг преобразившись, став потерянной и какой-то жалкой. Глаза ее расширились и заблестели.

— Ты... — прохрипела она, и это короткое слово было похоже на стон. — Это ты?

— Я, мама, я.

Элен подняла руку и протянула вперед, как будто хотела дотянуться до девушки. Кэрол подскочила к ней и, присев, уронила голову ей на колени. Юбка Элен сразу намочила от ее

слез.

— Мамочка, прости меня, прости, что оставила тебя, что так долго не приходила. Я просто боялась... боялась, что я тебе не нужна, что ты меня не любишь.

Схватив худую костлявую руку Элен, девушка горячо поцеловала ее и прижалась к ней щекой. Но женщина взяла ее за лицо и подняла к себе, жадно, с удивлением разглядывая.

— Ты... — пораженно повторяла она. — Это ты? Как изменилась. Встань, я хочу на тебя посмотреть. Встань, чего прилипла!

Она слегка оттолкнула девушку от себя. В голосе ее не было любви или тепла, только недоумение, с которым она широко раскрытыми глазами стала разглядывать вытянувшуюся перед ней дочь. Бледное лицо ее потемнело, а в глазах вспыхнуло негодование.

— Надо же... прямо не узнать! Холеная какая стала, вся из себя! Хорошо живет, да, моя родная?купаешься в деньгах этой бездетной гадины, в роскоши, на всем готовом? Купилась она на твои несчастные невинные глазки, да? Очистила перышки, распушилась, Кэролайн, дерьмо с себя смыла. Только его как не смывай, все равно вонять будет, — она подалась вперед, вцепившись судорожно сжавшимися пальцами в подлокотники кресла. — Давненько, вижу, никто в унитазе-то тебя не умывал, забыла свое место, девочка? Окунуть бы опять пару раз, и весь твой блеск вмиг сойдет, станешь опять такой же гадкой замухрышкой, какой была...

Кэрол скорее почувствовала, чем услышала, как Джек шагнул вперед, тяжело задышав от ярости, и остановила его, не оборачиваясь. Тот послушно застыл на месте.

— Ты сердисься... за то, что я уехала, что бросила тебя, — голос Кэрол дрожал.

— Красивая стала, — с досадой продолжала Элен, не слыша ее. — Мою красоту забрала. Высосала из меня и молодость, и красоту, и здоровье, как вампирша. Катаешься, как сыр в масле, в то время, когда я здесь заживо гнию! Зачем пришла? Поиздеваться, посмеяться?

— Нет. Я пришла, потому что... потому что ты моя мама. И я тебя люблю. И хочу помочь.

— Помочь? Чем ты можешь мне помочь? Вернешь мне мою молодость и красоту? Вытащишь из этой клетки? — Элен вдруг вскочила, и из глаз ее хлынули слезы, а лицо перекосило страдание. — Нет, ты пришла, чтобы показать мне, как роскошна ты и твоя жизнь, и как ничтожна и грязна я и моя жизнь, что имеешь все то, о чем я мечтала и чего уже никогда у меня не будет! Чтобы я почувствовала разницу, увидела, как молода и прекрасна ты, и поняла, как безобразна и стара я... Это не справедливо, не справедливо!

Она опустила на пол и, сжавшись в комочек, разрыдалась.

Кэрол растерянно смотрела на нее, потом подошла, присела и обняла.

Элен не сопротивлялась, покорно сжавшись в ее объятиях и продолжая горько плакать.

— Ну, почему так, почему? Почему Бог дал тебе все, а мне — ничего? Чем я была хуже? Он не дал мне ничего, ни родителей, ни семьи, ни дома... Даже Рэй бросил меня, променяв на эту богатую сучку... А я так его любила! Он был единственный человек в этом мире, которого я любила. Кстати, а как он? — она перестала рыдать и пытливо взглянула на Кэрол.

— Ничего, — сдержанно ответила та и, поддавшись внезапному порыву болезненной жалости, погладила мать по спутанным волосам. — Он тоже любил тебя, всегда любил. И Куртни об этом знает. Знает, что живет с человеком, который хранит в сердце любовь к тебе...

— Правда? Она знает? — глаза Элен загорелись злорадной надеждой.

— Знает. И я знаю. Он мне сам говорил, что любил только один раз в жизни — тебя. Он жалеет о том, что оставил тебя. Он страдал.

— Какой он сейчас? — голос Элен переполнился нежностью, подобно которой Кэрол никогда прежде в ней не видела. — Все такой же красивый?

— Да. Красивый.

Брови Элен сдвинулись, образовав страдальческие морщинки, она подавленно опустила голову и всхлипнула.

— Если бы он не бросил меня... все было бы иначе. Он сломал мою жизнь. И я его за это ненавижу. А ты... ты уехала с ним. Все эти годы ты была с ним, жила с ним под одной крышей. Ты, а не я! А должна была быть я! Я хотела быть с ним, я! Ты не должна была жить лучше меня, становиться красивой, когда я потеряла свою красоту. Твое место на дне, ты рождена для того, чтобы быть шлюхой... должна была ублажать всяких ублюдков, чтобы не сдохнуть с голоду, как это делала я... Ты выкарабкалась из этой ямы, а я так и не смогла. Лучше бы ты умерла.

Кэрол вздрогнула. Элен, отстраненно склонив голову ей на плечо, продолжала сидеть на полу в ее объятиях. Девушка тоже не шевелилась. Лишь на мгновение сомкнула веки, из-под которых побежали горячие слезы.

— Все будет хорошо, мама. Я позабочусь о тебе. Переведу в другую больницу, и мы будем жить рядом. Там очень красиво. Ты будешь жить в роскоши, как и мечтала. А мы будем тебя навещать.

— Кто это мы? — равнодушно отозвалась Элен.

— Я и мой сын. Твой внук, мама.

Элен выпрямилась, оторвавшись от ее плеча, и, словно очнувшись от забытья, посмотрела на нее.

— У тебя уже есть сын?

— Скоро будет.

Опустив взгляд, Элен внимательно посмотрела на ее живот.

— Ты должна назвать его Рэем. Обязательно, слышишь? Только Рэем!

Кэрол слабо улыбнулась и кивнула.

«Да, сейчас! — подумал Джек и фыркнул. — Только и мечтаю назвать сына в честь этого пустоголового придурка!».

— Мама, я выхожу замуж, — девушка встала и помогла подняться с пола Элен. Потом посмотрела на Джека. — Это Джек.

Элен снова переключила на него свое внимание, без смущения разглядывая. Глаза ее сузились, а губы превратились в тонкую злобную полоску.

Джек демонстративно вежливо кивнул, приветствуя ее, но в этом движении сквозила насмешка и пренебрежение. Если Элен и заметила это, то не обратила внимания.

— Не простой мужик, сразу видно, — прохрипела женщина бесцеремонно. — Холеный. Богатенького отхватила?

На лице девушки промелькнула мука.

— Джек адвокат, — сдержанно ответила она.

— Адвокат, — эхом повторила Элен. — Что, любишь ее, адвокат?

— Да, люблю, — невозмутимо ответил Джек.

— Прямо-таки любишь?

— Прямо-таки.

— Ну и дурак! — женщина вдруг расхохоталась. — А ты в курсе, что твоя невеста была шлюхой? Сто баксов за всю ночь! Тебе бесплатно давала?

Девушка вспыхнула и бросилась между ними, заметив, как Джек сжал кулак, собираясь ударить женщину.

— Джек знает, мама, все знает.

— И все равно хочет на тебе жениться? — искренне удивилась Элен.

— Мама, ну не надо... зачем ты так? — Кэрол дрожала, пытаясь сдержать себя, чтобы не закричать и не убежать отсюда. «Она больна, она не понимает, что говорит», — убеждала себя Кэрол, жалея, что Джек не остался за дверью. Взглянув на него, она испугалась. Глаза его горели, почернев, черты лица заострились. Он с трудом держал себя в руках.

— Мама! Мама, посмотри на меня! — Кэрол одернула ее, отвлекая от Джека. — Я выхожу замуж, и я хочу, чтобы ты меня благословила. Пожалуйста, мамочка. Ты меня прокляла, а теперь благослови. Я не могу больше нести на себе твое проклятие...

Она медленно опустилась на колени и склонила голову.

— Благослови. Мама, благослови. Прошу тебя.

— Благословить? Хочешь быть счастливой, упиваться любовью шикарного мужчины и его богатством, а я должна сгинуть в этом аду? Не получится. Мое благословение тебя не спасет. И его тоже, — Элен кивнула на Джека. — Я видела вас в тумане. А те, кто в него попадает, уже никогда не вернутся.

— Туман? — Кэрол почувствовала, как немеет ее тело. — Какой туман?

— Дым из пекла Преисподней.

— Ты... ты его видишь?

— Сколько себя помню. Сначала он мне только снился, а теперь он повсюду... Он меня душит. А я не могу это больше выносить, не могу! — глаза ее вдруг расширились от ужаса, словно она вспомнила что-то страшное, и женщина пораженно и как-то странно посмотрела на Кэрол. — Боже, как же я сразу не вспомнила... Ты пришла убить меня. Вы пришли меня убить! Убирайтесь, убирайтесь! Я знаю, я видела... и я вам не позволю! Вон!

— Я позову медсестру, — тихо сказал Кэрол Джек, поднимая девушку с колен, и видя, что Элен впадает в невменяемое состояние. — Кэрол, пойдем со мной.

Элен внезапно вцепилась в девушку, приблизив к ней искаженное страшное лицо и сверкающие лихорадочным огнем глаза.

— Беги, беги, только все равно не убежишь!

— Мама, объясни мне, что это значит... эти ведения — что это? Я тоже вижу...

— Это то, что сожрет все вокруг тебя. Что найдет продолжение в твоём ублюдке, а потом сожрет и тебя. Ты должна убить этого ребенка! Убей его и никогда больше не рожай!

— Кэрол, я сказал, пойдем, — прорычал Джек, теряя самообладание и, схватив девушку за руку, силой потащил к двери.

— Нет, Джек, подожди! Я должна узнать! Пожалуйста, выйди, я хочу поговорить с ней наедине, — она вырвалась. — Расскажи мне, мама!

— Я уже все рассказала! Ты сгинешь, тварь, недолго тебе радоваться. Скажи спасибо Рэю, только его присутствие разгоняет вокруг тебя тьму... но это не долго будет, не надейся! О, если бы он не оставил меня, я бы спаслась! Он мог меня спасти! В нем столько света... без его света эта тьма сразу поглотила меня... Почему он забрал тебя, а меня бросил на погибель?

— Мама, кто мой отец? Скажи, кто еще был у тебя, помимо Рэя?

— Он твой отец!

— Нет, мы проверили, не он.

Недоумение Элен было неподдельным, потом она вдруг расхохоталась.

— Да кто угодно! Я, видишь ли, пользовалась спросом у парней! Рэй сам не больно-то хранил мне верность, никогда не упускал случая затащить кого-нибудь в постель, почему я должна была это прощать? Я отплатила ему тем же! Сам клялся мне в любви, и при этом трахал всех, кто под руку попадет. И думал, что я не знаю! Он и сейчас такой же?

— Еще хуже, — буркнул Джек, не удержавшись. Элен снова сосредоточила на нем свое внимание, уловив в его голосе ревность.

— Так если ты не его дочь... — лицо Элен вдруг перекопилось. — Почему они тебя не выгнали? Он не дал? Почему? О, похотливый ублюдок, он тебя трахает?

— Нет! — Кэрол в ужасе отшатнулась от нее.

— Врешь! Рэй был бы не Рэй, если бы не сделал этого! Уж я-то его знаю, всю жизнь знаю, с детства! Когда мальчишки его возраста еще погремушками играли, он уже под юбки заглядывал! О, как я его ненавижу! И тебя ненавижу! Что, раздвинула под ним свои ножки, плюшка? Не ври мне, что нет! Все всегда раздвигали...

— Нет, мама, нет! Клянусь тебе! Мы только узнали, — сама не зная зачем, соврала Кэрол, не видя иного способа ее убедить.

— Тогда забирай свою невесту поскорее, адвокат, — она издевательски засмеялась, радуясь возможности задеть Джека, который вызвал в ней такую жгучую неприязнь. — Только это все равно не поможет! Таскать тебе рога, дурачок, потому что он все равно ее трахнет... — голос ее сорвался, а из глаз брызнули слезы отчаяния, выдавая ее безумную боль от одной мысли, что так может быть, она схватила Кэрол за руки, трясясь от неуправляемой ярости. — И ты еще хочешь, чтобы я благословила тебя? Нет, уж лучше я тебя опять прокляну, чтобы не знала просвета в этом мире, как я никогда не знала! Задыхайся, как я задыхаюсь! Будь ты проклята, сотни, тысячи раз, будь проклят твой ребенок!

Вскрикнув, Кэрол вырвалась и отскочила от нее. Ничего не видя перед собой, она выскочила из комнаты и куда-то побежала. Шагнув к Элен, Джек резко ударил ее кулаком по лицу. Ахнув от изумления и негодования, она рухнула на пол, перевернув кресло. Лицо ее вдруг перекопилось страшная гримаса и, дико завопив, она вскочила и бросилась на мужчину, но ударилась о закрытую дверь. Крики Элен привлекли внимание, и к комнате свиданий уже спешили санитары и медсестра. Оттеснив придерживающего дверь молодого человека в сторону, они решительно вошли в комнату. Джек раздраженно поправил галстук, процедив сквозь зубы, что ненавидит психов, и поспешил вслед за Кэрол, слыша разносящиеся по всему зданию яростные вопли сумасшедшей. Догнав девушку, он остановил ее и стиснул в объятиях.

— Успокойся, милая, успокойся. Говорил я, не надо сюда приезжать. Она ненормальная. Психопатка чертова. Поехали домой.

— Она меня ненавидит, — стонала Кэрол. — За что? Почему?

— Потому что она ненормальная, — повторил Джек. — У нее патологическая ненависть ко всем. Ты здесь ни при чем. Забудь обо всем. О ней.

— Я так надеялась, что она изменилась... это не болезнь... ее ненависть ко мне — это не болезнь. И Мадлен она убивала в здравом рассудке, так хладнокровно, так безжалостно...

— Мадлен? Какую Мадлен? — Джек заглянул ей в лицо.

— Мою Мадлен. Я видела, Джек, но никому не рассказывала, потому что она меня

запугала. И Розу она убила, чтобы она не выдала ее. И она... она называла Эмми черножопой...

Джек схватил ее за подбородок и наклонился к заплаканному лицу, впившись взглядом в голубые глаза.

— Хватит, Кэрол! Успокойся, я тебе сказал! Возьми себя в руки, ты становишься невменяемой... Чтобы не было, это все в прошлом, и ты должна об этом забыть, поняла? Или чокнешься, как твоя мамаша, — увидев, как расширились глаза девушки с таким знакомым ему выражением ужаса, которым всегда сопровождалось любое напоминание о наследственной болезни, он мгновенно раскаялся в своих словах и попытался исправить допущенную оплошность. — Ладно, извини, я не хотел. Подумай о нашем ребенке, тебе ведь нельзя нервничать... Ты должна забыть обо всем, ради него, понимаешь?

— Ребенок, — вспомнила Кэрол, и голос ее сел от страха, сжавшего ее горло. — Она прокляла моего ребенка.

— Это все чушь, пустые слова. Просто слова. Я запрещаю тебе об этом думать. Думай только о здоровье ребенка. На, возьми и приведи себя в порядок, люди смотрят, — он вынул платок и сунул ей в руку.

Кэрол стала послушно вытирать лицо и, сделав над собой усилие, перестала плакать. Джек вывел ее на улицу и посадил в машину. Похлопав по карманам, он досадливо сморщился.

— Вот, дьявол... кажется, где-то обронил ключи. Сиди здесь, солнышко, я быстро, — наклонившись, он поцеловал ее в губы и поспешил обратно.

Элен лежала уже в палате, прикованная к кровати, и медленно отключалась под воздействием сильных успокоительных препаратов, которые ей уже успели вколоть. Медсестра ставила ей капельницу и, когда Джек вошел в палату, смерила его возмущенным взглядом.

— Кто вас сюда пропустил? Немедленно выйдите, вам сюда нельзя!

— Минуточку, пожалуйста. Всего лишь одну минуту. Главврач мне разрешил.

— Сейчас узнаю. Если вы меня обманули, молодой человек, у вас будут неприятности, — сняв трубку с висевшего на стене телефона, женщина набрала номер кабинета главврача, не отводя от мужчины строгого сурового взгляда. Получив ответ на свой вопрос, она немного смягчилась. Повесив трубку, она вернулась к капельнице.

— Обычно, у нас запрещается впускать посторонних в этот блок, а тем более, в палаты пациентов, — сказала она, то ли оправдываясь, то ли желая поддержать репутацию больницы и строгость здешних правил.

— Я знаю, — почтительно ответил Джек, подходя ближе к кровати и наблюдая за действиями медсестры, регулирующей скорость поступления раствора в вену. — А что это за препарат? Для чего?

— У нее слабое сердце, и во время обострения психической болезни, приходится заботиться и о физическом здоровье, истощенном сильнейшими стрессами и психическими нагрузками, которые переживает больная в своем больном воображении. Да и все психотропные препараты не прибавляют здоровья... Она уже пережила один сердечный приступ. Нам остается только постараться не допустить, чтобы это повторилось. Тогда она и поседела, сразу, во сне, представляете? Сердечный приступ случился из-за сильнейшего нервного потрясения, как предполагают врачи, который она пережила во сне и из-за этого и поседела. Вот вам и больное воображение...

Джек с некоторым изумлением изучал взглядом сумасшедшую, которая так неприятно для него была похожа на Кэрол. У него создавалось ощущение, что он смотрит на Кэрол через пару десятков лет. Или больше. Трудно было по внешнему виду определить, сколько лет этой женщине. Изможденное лицо и седые волосы делали ее намного старше своего возраста, между тем, если взглядеться повнимательнее, заглянуть в еще молодые и ясные глаза, становилось очевидным, что ей еще нет и сорока лет.

— Что же может такое присниться, чтобы так поседеть и схлопотать сердечный приступ? — вырвалось у него.

— Собственная смерть, — отозвалась медсестра.

— Что?

— Черт их разберет, этих ненормальных и то, что у них там в больной голове происходит! Говорила, что видела собственную смерть. Вернее, пережила ее во сне. Умерла, одним словом. Сказала, что придет проклятая и приведет за собой ее смерть.

— Понятно, — Джек кивнул, потеряв интерес к бреду сумасшедшей, и перевел взгляд на больную, которая следила за ним слегка затуманенным взором. — Она поймет меня, если я с ней заговорю?

— Думаю, вряд ли. Она не в себе, и препараты уже начинают действовать. Из-за больного сердца мы вынуждены использовать лекарства послабее, поэтому она не сразу засыпает.

Не интересуясь больше объяснениями словоохотливой медсестры, Джек склонился над больной и поймал ее взгляд. Глаза ее полыхнули ненавистью и затаенным страхом, и он улыбнулся.

— Она узнала меня, а вы говорите, что она не в себе, — сказал он медсестре.

— Вам показалось. Хотя... может быть, — та пожала плечами и, подойдя к столику, стала собирать пустые ампулы и использованные шприцы в маленькую металлическую чашечку.

Джек наклонился еще ниже, так, что губы его коснулись волос Элен, и что-то тихо зашептал ей на ухо.

Лицо женщины вдруг перекошилось, из груди вырвалось нечеловеческое рычание. Она в истерике забилась, пытаясь вырваться из стягивающих ее тело ремней, которыми надежно была прикована к кровати. На губах появилась пена, тело забилось в судорогах.

Бросив чашку, медсестра подскочила к ней.

— Боже, что вы сделали?

— Ничего. Я просто смотрел, — Джек отступил в сторону, не отрывая взгляда от корчащегося на кровати тела. Широко раскрытый рот, вытаращенные глаза и сокращающиеся в тике мышцы лица, стиснутые кулаки, боль и ужас в глазах — наблюдая за этим, Джек невольно скривился от отвращения. И даже теперь ее глаза продолжали гореть бесконечной злостью...

Он не видел, как медсестра схватила трубку, но услышал, как она кому-то кричит, что «у Гран снова сердечный приступ».

Перекошенные губы Элен посинели.

— Выйдите, немедленно! — прикрикнула медсестра на Джека, быстро набирая в шприц что-то из ампулы. — Уходите!

Он попятился к двери, не отрывая глаз от Элен, и остановился, когда она вдруг замерла. Взгляд ее так и застыл на нем, и ему казалось, что она все еще видит его, хотя он и понял,

что она умерла.

Пощупав ее пульс, медсестра отступила и потрясенно перекрестилась.

— Отмучилась, — чуть слышно шепнула она. — Как жаль, ведь молодая еще совсем.

Она устремила на молодого человека подозрительный взгляд.

— Зачем вы приходили?

— Хотел сказать ей, что она плохая мать, но, к сожалению, не успел, — бесстрастно ответил Джек. — Теперь ей об этом скажут в аду.

Медсестра прижала руку к груди, с упреком смотря на него.

— Позаботьтесь о теле. Я пришлю человека, который займется похоронами, — Джек попрощался и вышел.

Мимо него к палате пробежали врачи, но Джек не обратил на них внимания, улыбаясь одним уголком рта. Только эта полуулыбка больше напоминала ухмылку, жестокую и самодовольную.

Вокруг снова опустело, и стук каблуков его черных начищенных до блеска туфель эхом отзывался в лабиринте мрачных коридоров. Это была поступь человека, который никогда не останавливался, идя вперед, не обходил, а без колебаний давил все, что попадалось на его пути.

Идущий навстречу санитар уступил дорогу, сдвинувшись в сторону, с некоторым изумлением проводив взглядом молодого мужчину в деловом черном костюме, который, не смотря на средний рост и стройное телосложение, двигался походкой титана, в которой чувствовались такие твердость и сила, что хотелось невольно отступить перед ним. Не обратив никакого внимания на него, Джек невозмутимо прошел мимо высокого мускулистого мужчины, который мог бы с легкостью сбить его с ног одним ударом, если бы захотел. Он привык к тому, что ему уступают дорогу. Так было всегда. Потому что он был сильнее и беспощаднее, и люди это чувствовали.

Вернувшись в машину, он улыбнулся Кэрол и помахал ключами.

— Нашел! Теперь можем ехать, моя сладкая, — с чувством поцеловав девушку, он улыбнулся. — И подумать о нашей свадьбе. И я требую, чтобы обо всем остальном ты забыла на время... а лучше — навсегда.

Этой ночью, перед свадьбой, Кэрол ночевала у Куртни.

Прощаясь с Джеком, который ее туда привез, она думала о том, что встретиться с ним уже у церкви.

Завтра.

Наплакавшись в объятиях Куртни и пожаловавшись на свою жестокую непримиримую мать, Кэрол успокоилась, выпив добрую порцию коньяка, который ей предложил угрюмый и молчаливый Рэй. Он протянул девушке еще, но Куртнихватила стакан из его руки и отставила в сторону.

— Хватит! Завтра нашей невесте совсем ни к чему головная боль!

Промолчав, Рэй снова взял стакан и сам выпил коньяк. Потом, захватив бутылку, тихо вышел. Женщины, увлеченные свадебным платьем, разложенным на диване, даже не заметили, что он ушел.

Ночью Джека разбудил настойчивый телефонный звонок.

Бросив взгляд на часы и увидев, что они показывают без четверти два, он выругался и снял трубку.

— Какого черта? — рывкнул он потревожившему его наглецу.

— Джек, извини, что разбудила...

— Кэрол, что-то случилось? — мгновенно смягчился он, встревожено приподнимаясь в постели.

— Я не знаю...

— Ты плачешь? В чем дело?

— Джек... что-то случилось с мамой.

— С чего ты взяла? — Джек резко сел.

— Она умерла, Джек.

— Из больницы звонили?

— Нет. Я просто знаю. Я чувствую.

Джек облегченно вздохнул и расслабился.

— Милая, успокойся, ничего не случилось, с ней все в порядке. Если бы что-то было не так, тебе бы позвонили.

— Да, наверное. Я понимаю это. Но все равно... Джек, пожалуйста, позвони, узнай, все ли с ней в порядке.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? Со мной никто не станет говорить. Я позвоню утром, если ты хочешь... А теперь ложись спать и не забивай себе голову всякой ерундой. Я не хочу, чтобы ты спала завтра на свадьбе или выглядела усталой. Ты что, еще не ложились?

— Нет, я спала, но мне приснился сон... плохой сон, и я проснулась.

— Какой еще сон? — ласково поинтересовался он, устало вздыхая.

— Это... его трудно описать, и вряд ли он покажется тебе убедительным. Джек, просто позвони, сейчас.

— Но, Кэрол...

— Я не усну, Джек. Позвони, пожалуйста.

Джек раздраженно скривился, но девушка не могла этого видеть и лишь услышала наполненный пониманием и нежностью голос, которым он пообещал сделать то, что она хочет.

Положив трубку на колени, Джек взял лежащую рядом с телефоном пачку сигарет, сунул одну в рот и прикурил. Выпустив из легких густую струйку дыма, он несколько минут озадачено сидел в постели, выпрямив спину и распрямив плечи, и пытался найти разумное объяснение тому, как Кэрол могла догадаться, что ее мать преставилась. Не во снах же каких-то там все дело, в конце-то концов! Джек не верил в ясновидение и подобный бред. Верил только в интуицию. Наверное, то, что происходит с Кэрол, и есть интуиция. Однажды она уже шокировала его, рассказав свой сон о Мэтте, когда видела, как он превращается в монстра и набрасывается на нее. А ведь так все и произошло на самом деле. Она была сама не своя перед тем, как его, Джека, сбила машина. А теперь каким-то образом узнала, что ее мать умерла, хотя никто ей ничего не говорил. Он сказал только Куртни, на тот случай, если ей позвонят из больницы, потому что знал, что она следит за болезнью Элен и общается с главврачом и лечащим доктором. Но Куртни согласилась с ним в том, что накануне свадьбы Кэрол ни к чему сообщать о смерти матери. Джек знал, что Куртни не могла сказать. Она бы ни за что не испортила Кэрол такой день, не омрачила бы ее счастья и радости. Они вместе решили, что сообщат ей только после возвращения из свадебного путешествия. Тогда как она догадалась?

Бред какой-то. Как это понимать?

Ему это не нравилось. Было не по себе. Настолько не по себе, что аж мороз по коже прошелся. Передернув плечами, словно стряхивая с себя жутковатое наваждение, он снова взял трубку и набрал номер. Первый же гудок был прерван взволнованным голосом Кэрол.

— Ну, что?

— Все в порядке... если не считать то, что ты выставила меня полным идиотом.

— Извини, Джек, я не хотела. Значит, с ней все нормально? Точно?

Джек начал раздражаться.

— Может, мне перезвонить и еще раз спросить?

— Нет, не надо, — извиняющимся тоном пролепетала девушка. — Не сердись.

— Я не сержусь, — смягчился он. — Мне тебя не хватает. Еле заснул без тебя...

Аккурсио тоже скучает.

— Мне тоже тебя не хватает.

— Завтра будем засыпать снова вместе. Уже как муж и жена. Мне не верится. Я женюсь! Я сошел с ума.

Кэрол нежно засмеялась в трубку.

— А что на тебе надето? — он улыбнулся, опуская руку под одеяло.

— А что?

— Уж не та ли кружевная ночная рубашка из одних дырочек, которую я когда-то сам на тебя надевал, когда ты валялась в беспамятстве?

— Ну, допустим...

— М-м-м... теперь я точно больше не усну. Сними ее немедленно, чтобы я не представлял тебя в ней. Нет, не снимай! Если я представлю тебя без нее, я сейчас приеду к тебе.

Кэрол снова рассмеялась.

— Ой, Джек, не надо.

— А может, я все-таки приеду? Всего на пол часика?

— Пол часика? — усомнилась девушка лукаво. — Думаю, этот часик с половинкой затянется до утра. И завтра мы с тобой будем спать во время венчания.

— Ну, ладно. Потерплю до завтра. Но учти, завтра ночью я тебя порву на части...

— Господи, ужас какой! Я за зверя замуж выхожу?

— Нет, за акулу. И я тебя завтра сожру.

— Что ж, буду ждать с нетерпением. Спокойной ночи, Джек.

— Джек? А немного поласковее нельзя?

— Милый...

— Нет.

Кэрол понимала, что он хочет от нее услышать. Почему-то у нее язык не поворачивался назвать его любимым, и не потому, что она его не любила. Просто так она называла Мэтта. Совсем недавно.

— Спокойной ночи, любимый, — с улыбкой промурлыкала она, боясь, что он опять прочитает ее мысли. А этого ей совсем не хотелось.

Джек не пожелал скромничать и скрытничать, и позволил прессе вмешаться в столь важное событие в его жизни. Свадьба знаменитого Джека Рэндэла была сенсацией. Егс избранница оказалась в центре внимания всей страны, которая жаждала увидеть эту женщину — «героиню», набросившую сеть на неуловимую зубастую акулу — Джека

Рэндэла. Поймать поймала, но сможет ли приручить и удержать?

«Еще никогда и никому не удалось приручить морского монстра, — пошутил один репортер. — А душа у Джека Рэндэла воистину акулья...».

Шутки шутками, но жених и невеста выглядели искренне счастливыми и по уши влюбленными друг в друга. И им было присвоено звание самой красивой пары года, а свадьба была признана самой громкой и эпатажной.

Джордж Рэндэл, поздравляя молодоженов, горячо расцеловал невестку и стиснул в медвежьих объятиях сына, демонстрируя свою неподдельную радость. Пожелали им счастья и Куртни, и Берджесы, и Пегги, которую Кэрол пригласила на свадьбу, и даже старая Дороти.

Не хватало только четырех человек. Матери Джека. Элен. Рэя. И Даяны. С матерями все было ясно. Но то, что Рэй отказался присутствовать на свадьбе, и ссора с Даяной, не позволили Кэрол чувствовать себя абсолютно довольной и счастливой. Но она не хотела об этом думать. Рэй таким образом выразил свой категоричный протест и отказ смириться с ее выбором. А Даяна... Кэрол была уверена, что потеряла подругу, и не могла не чувствовать в этом свою вину. И это добавляло долю горечи в ее переполненное радостью сердце.

И она никак не могла поверить, что то, что с ней происходит — эта свадьба, Джек, объявленный ее мужем, ребенок под сердцем — все это не сон. Даже если это сон, то тогда она не хотела просыпаться. Никогда.

Пышное празднество завершилось безумной брачной ночью на яхте, уходящей в открытый океан. Так началось их свадебное путешествие... и новая жизнь. Так в сердце Кэрол возродилась угасшая надежда на счастье, на любовь. Ей снова захотелось жить. И она больше не боялась, потому что теперь с ней был Джек.

Он ее спасение. Он вывел ее из мрака, вырвал у подавившего ее отчаяния, заставил позабыть о страхе, о боли.

Теперь все должно быть хорошо.

В мире должна быть справедливость и какое-то равновесие.

Все плохое должно сменится хорошим. Настоящим «хорошим», а не искусно замаскированным «плохим». А все проклятия пусть возвратятся к тем, кто их посылал...

Кэрол не знала, что в тот момент, когда она с трепещущим от радости сердцем стояла рядом с Джеком на коленях перед священником и получала его благословение, Элен опускали в могилу в простом деревянном гробу на далеком пустынном кладбище.

Джек с позволения священника заключил свою новоиспеченную жену в объятия и горячо поцеловал...

А рабочие бросили последние комья сырой земли на свежую могилу, и поспешили удалиться, косясь на сгущающиеся тучи.

Кэрол выходила из церкви, держа под руку молодого мужа, под дождем из живых цветов, которые бросали стоящие по бокам люди. Цветы падали им под ноги, и девушка шла по ним и улыбалась, впервые в жизни почувствовав себя королевой...

А на могилке Элен не было ни одного цветочка.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте — Knigoed.net